

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

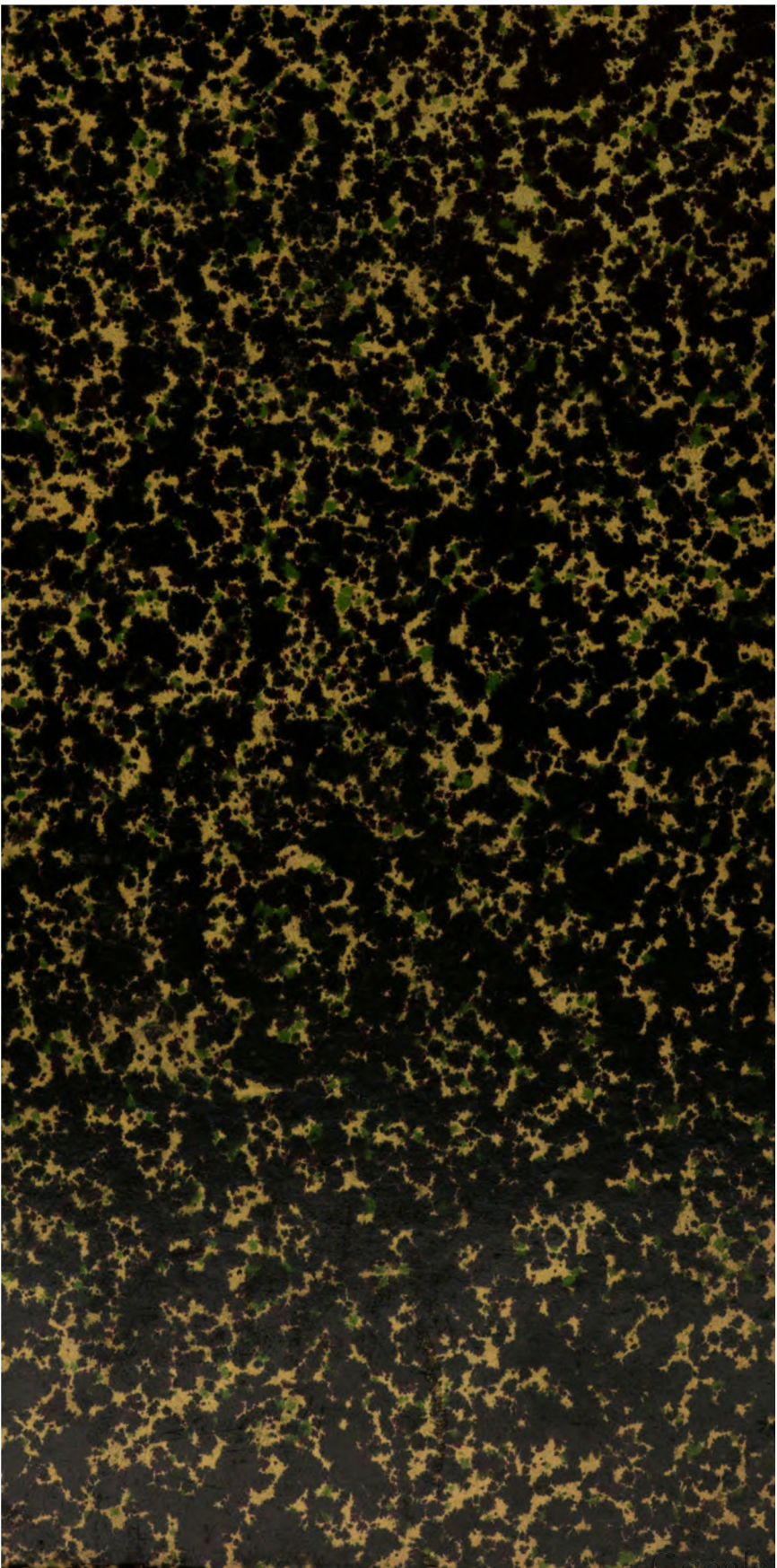
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1871

Р. 236.4 ($\frac{1871}{7}$)

ПРОС... 0

ИЮН 1947

ПРЕПЕНО
1955 г.

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ІЮЛЬ

ДѢЛО

5
1871
7

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ДВИЖЕНІЕ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА. (Ст.
третья) С. С. ШАШКОВА.
- II. * * * Стихотвореніе Н. ИВАНИЦНАГО.
- III. ЛЬСЪ РУВЯТЬ — ЩЕПКИ ЛЕТЯТЬ. Ром.
Часть третья. (Гл. III — V) А. МИХАЙЛОВА.
- IV. ПЕРЕДРЯГА ВЪ ПЕРЕТЫКИНОЙ УЛИЦѢ.
Очеркъ М. А. ВОРОНОВА.
- V. ЖИВАЯ СИЛА. Романъ въ трехъ кни-
гахъ. (Гл. VI — X) ФР. ГЕРШТЕНКЕРА.
- VI. ПЕРВАЯ МОЛОДОСТЬ ЧЕВАТОВА. По-
вѣсть. А. АНДРЕЕВА.
- VII. * * * Стихотвореніе СУШКОВА.
- VIII. ВЛІЯНІЕ ОБЩЕСТВЕННАГО МІРОСОЗЕР-
ЦАНІЯ НА СОЦІАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ
ЖЕНЩИНЫ ВЪ РОССИИ АФ. ЩИПЦОВА.

1871

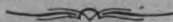
См. на оборотѣ.

- IX. * * * Стихотвореніе. (Подражаніе Гейне) . СУШКОВА.
- X. УСЛОВІЯ ПРОГРЕССА ВЪ СФЕРЪ НАКА-
ЗАНІЙ Н. М. ЯДРИЦЕВА.
- XI. ВПЕРЕДЪ. Романъ въ 2-хъ частяхъ.
(Конецъ первой части) Ф. ШПИЛЬГАГЕНА.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- XII. ОСНОВЫ РАЦИОНАЛЬНАГО ВОСПИТАНІЯ. Н. В. ШЕЛГУНОВА.
(Эмиль девятнадцатаго вѣка, Альфонса Эскироса. Перев. съ французск.
подъ редакцію М. Цебриковой. Спб. 1871).
- XIII. СТАТИСТИЧЕСКІЯ ПРОГРАММЫ Н. Ш.
(Нижегородскій сборникъ, издаваемый нижегородскимъ губерн. статист.
комит. подъ редакц. А. С. Гацисскаго. Т. IV. Нижній-Новгородъ. 1871).
- XIV. НОВЫЯ КНИГИ.
- За и противъ женщинъ, четырнадцать писемъ Фанни Левальдъ. Пе-
рев. съ нѣмецкаго М. П — усъ. Спб. 1871. — Историческіе очерки и
разказы С. Н. Шубинскаго. 2-е изд. Н. Н. Плотникова. Спб. 1871. —
Разказы о русской старинѣ, съ примѣчаніями С. Н. Шубинскаго.
1871. — Путешествіе по Америкѣ въ 1869 и 1870 гг. Эдуарда Цим-
мермана. Изданіе «Русской Лѣтописи». Москва. 1871.
- XV. О ПОЛОЖЕНІИ СМОЛОКУРЕННАГО И ДЕГТЯР-
НАГО ПРОИЗВОДСТВА ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ И
ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІЯХЪ С. ШАПИРО.
- XVI. ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ОЧЕРЕКЪ ОПОЧЕЦКАГО УѢЗДА. КУДРЯВЦЕВА.
- XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ Н. НАВАЛИХИНА.

Податная реформа и общественные инстинкты справедливости. — Ин-
стинкты общества и ученія теоретиковъ. — Почему инстинкты общества
оказались несравненно болѣе глубокими? — Какъ вліяли на нихъ теоре-
тики земскихъ собраній, какъ они сдѣлали ихъ болѣе поверхностными и
почему рѣшенія земскихъ собраній не выразили собою общественного
чувства?

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„Д Ъ Л О“

въ 1871 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ выходить въ 1871 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ, съ участіемъ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . . 14 р.
съ пересылкой 15 р. 50 к.
съ доставкой въ Петербургъ . . 15 р.

На полгода:

безъ пересылки и доставки . . . 7 р.
съ пересылкой иногородн. . . . 8 р. 50 к.
съ доставкой въ Петербургъ . . . 8 р. 25 к.

Подписка адресуется въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „ДЪЛО“—(адресъ ея извѣстенъ почтамту). Въ книжный магазинъ ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ (на Невскомъ просп. противъ Думы, д. № 36). Въ Москвѣ: въ книжные магазины И. Г. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ въ д. Алексѣева) и М. М. Черенина (на Рождественкѣ въ д. Торлецкаго).

Подписавшіеся на первое полугодіе журнала „Дѣло“ и желающіе возобновить подписку на второе полугодіе благоволятъ воспѣшить заявленіемъ, чтобы своевременно получить слѣдующія книжки „Дѣла“. Гг. же подписавшихся съ разсрочной по полугодіямъ, просимъ выслать деньги за второе полугодіе.

СОДЕРЖАНИЕ СЕДЬМОЙ КНИГИ:

- Движеніе русской общественной мысли въ началѣ XIX вѣка. (Ст. третья) . . . *С. С. Шаикова.*
- * * * Стихотвореніе *Н. Иванецкаго.*
- Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ. Романъ. Часть третья. (Гл. III—V) *А. Михайлова.*
- Передрыга въ Перетыкиной улицѣ. Очеркъ . *М. А. Воронова.*
- Живая сила. Романъ въ трехъ книгахъ. (Гл. VI—X) *Фр. Гермитскера.*
- Первая молодость Чебатова. Повѣсть . . . *А. Андреева.*
- * * * Стихотвореніе. *Сушкова.*
- Вліяніе общественнаго міросозерцанія на социальное положеніе женщины въ Россіи. *Аф. Шапова.*
- * * * Стихотвореніе. (Подражаніе Гейне). . *Сушкова.*
- Условія прогресса въ сферѣ навазаній. . . *Н. М. Ядринцева.*
- Впередъ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. (Конецъ первой части) *Ф. Шпилмагена.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Основы рациональнаго воспитанія *Н. В. Петунова.*
- Статистическія программы *Н. Ш.*
- Новыя книги.
- О положеніи смолочуреннаго и дегтарнаго производства въ архангельской и вологодской губерніяхъ *С. Шатира.*
- Экономическій очеркъ опочецваго уѣзда . . *Кудрявцева.*
- Внутреннее обозрѣніе. *Н. Навалигина.*

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

№ 7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1871.

ТИПОГРАФІЯ А. МОРГЕРОВСКАГО, ВЪ ТРОИЦКОМЪ ПЕРУЛКѢ, ДОМЪ ГАССЕ.

ИВ. № 24453

△
P. 236. 4 ($\frac{1871}{27}$)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 іюля 1871 года.

1342

ДВИЖЕНИЕ РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ВЪ НАЧАЛѢ XIX ВѢКА.

IV.

Еще до паденія Сперанскаго и до псевдопатріотическихъ агитаций, слѣдовавшихъ за отечественною войною, дѣло общественнаго просвѣщенія и развитія встрѣтило сильнаго врага въ томъ мистицизмѣ, который, какъ мы уже говорили, царилъ тогда надъ умами. Со вступленіемъ въ 1817 г. въ министерство народнаго просвѣщенія извѣстнаго мистика Голицына, началась увертюра реакціи. „Сочувствіе къ университетамъ протестантской Германіи колебалось, стали являться защитники католической системы воспитанія, возвѣщавшіе приближеніе временъ Рунича и Магницкаго. Іезуиты завладѣли общественнымъ воспитаніемъ, вербуя питомцевъ преимущественно въ богатыхъ и знатныхъ семействахъ. Доказывали, что любовь къ наукамъ и забота о нихъ есть опасная ошибка; въ учебныхъ заведеніяхъ, которыя съ такими свѣтлыми надеждами учреждаемы были во всѣхъ краяхъ Россіи, видѣли скопище полужнаекъ самоувѣренныхъ и заносчивыхъ, легкомысленныхъ поклонниковъ моды, готовыхъ разрушать то, чего они не жалуютъ, т. е. все“ (Сухомлиновъ). Въ университетахъ учреждены кафедры теологіи. Всѣ науки начали преподавать въ самомъ крайнемъ мистическомъ направленіи. Профессора, отличившіеся хотя какимъ-нибудь свободомысліемъ, терпѣли гоненія и высылались за-границу. Цензура подчинена министерству полиціи и строгости ея значительно усилились. Говорить объ освобожденіи крестьянъ, о вредѣ откуповъ и о другихъ сколько-нибудь важ-

ныхъ внутреннихъ отношеніяхъ сдѣлалось почти невозможнымъ. Промыселъ литературныхъ доносовъ пріобрѣталъ все болѣе и болѣе значенія. Шишковъ, напр., ратовавшій за славянскій языкъ, инсинуировалъ на своихъ противниковъ, что они средо не бывали ни у заутрени, ни у обѣдни, и въ ихъ защитѣ новѣйшаго литературнаго языка указывалъ злостный умыселъ „отвлечь умъ и сердце каждаго отъ правоучительныхъ духовныхъ книгъ и привязать къ однимъ свѣтскимъ писаніямъ, гдѣ столько разставлено сѣтей къ помраченію ума и уловленію невинности“ (М. Дмитріевъ, 73, 74). Въ 1809 г. на петрозаводскомъ театрѣ поставлена была одна опера, передѣланная изъ извѣстной Энеиды Котляревскаго. Директоръ училищъ, въ припадкѣ благонамѣренности, не замедлилъ донести высшему петербургскому начальству о злобредности и „подозрительности“ этого новаго сочиненія, заключавшихся, по его собственнымъ словамъ, въ томъ только, что всѣмъ дѣйствующимъ въ піесѣ лицамъ „сообщено постыдное пристрастіе къ пьянству, праздности и безпечности“; что влюбленная царица Дидона, унижая свой санъ, „чувствуетъ, какъ обыкновенная женщина, говорить какъ женщина низкою страстью упоенная, на тронѣ позволяетъ обувать себя и слушаетъ русскія сказки“, а въ заключеніе пляшетъ на сценѣ, и т. д. Все это директоръ считаетъ вреднымъ „чистой нравственности, духу правленія и просвѣщенія“ (Р. Арх. 1870, 954—959). Всякое проявленіе прогрессивной мысли возбуждало самыя нелѣпыя инсинуаціи. Ланкастерскія школы, при самомъ учрежденіи которыхъ Стурдза писалъ уже, что ихъ „можно назвать мечомъ обоюдо-острымъ, спасительнымъ въ рукахъ благочестія, но опаснымъ и пагубнымъ, когда владѣеть ими духъ киченія и безвѣрія, столь непреодолимо распространяющійся въ смутныя времена наши“,—ланкастерскія школы были заподозрѣны, какъ средство для распространенія вольнодумства и мятежа и постепенно пали (Р. Арх., 1869, 601; Пыпинъ). Въ литературѣ, въ учебныхъ заведеніяхъ, въ мистическихъ сектахъ,—всюду указывали вліяніе пагубнаго духа времени, который „ездѣ, въ сенатѣ, въ совѣтѣ, въ комитетѣ гг. министровъ, въ публикѣ и при самомъ дворѣ находитъ защиту и покровительство“ (Зап. Шишкова, 108, 109). Главнымъ сѣдалищемъ этого духа считались германскіе университеты, а за ними и русскіе. „Доколѣ по окровавленной Европѣ, писалъ

Магницкій, — какъ орды дикихъ устремлялись народы просвѣщенные одинъ на другого; доколѣ лилась кровь рѣками и адская политика прикрывала именемъ мира только отдыхъ свой для новыхъ жесточайшихъ разрушеній, — духъ злобы оставался со всѣхъ другихъ сторонъ покойнымъ. Но когда водворился общій миръ, когда миръ сей запечатлѣнъ именемъ Іисуса, когда государи европейскіе сами поставили себя въ невозможность его нарушить, взволновались университеты, являются изступленные безумцы, требующіе смерти, труповъ, ада! Самъ князь тьмы видимо подступилъ къ намъ. Рѣдѣетъ завѣса, его окружающая... Слово чловѣческое есть проводникъ адской силы, книгопечатаніе — орудіе его; профессоры безбожныхъ университетовъ передаютъ юношеству тонкій ядъ невѣрія и ненависти къ законнымъ властямъ, а тишеніе разливаетъ его по всей Европѣ“. По этимъ инсинуаціямъ, въ которыхъ участвовали и оракуръ петербургскихъ салоновъ, гр. де-Местръ, и бывший поклонникъ революціи, двоедушный и невѣжественный Магницкій, и старовѣръ Шишковъ и всѣ другіе члены реакціонной лиги, — по этимъ инсинуаціямъ естественныя науки, физика и математика оказались орудіями дьявола, порожденіями ада, распространяющими духъ невѣрія и безбожія, а науки политическія, даже статистика — пропагандою революціи. Съ особенною яростью нападали реакціонеры на естественное право. „Наука естественнаго права, — писалъ Магницкій, — безъ которой обходился древній Римъ, будучи королевствомъ, республикой и имперіею, и не менѣе того, оставившій намъ образцы совершеннѣйшаго гражданскаго законоположенія, безъ которой обходилась Франція въ теченіи 800 лѣтъ, безъ которой обходятся и нынѣ всѣ университеты Англіи и Италіи, — наука естественнаго права, сія метафизика правъ, не сопредѣльная къ народному, публичному и положительному праву, есть изобрѣтеніе невѣрія новѣйшихъ временъ сѣверной Германіи. Она всегда была опасна, но когда Кантъ посадилъ въ преторы такъ называемый чистый разумъ, который спросилъ истину Божию — что есть истина? и вышелъ вонъ, тогда наука права естественнаго сдѣлалась умозрительною и полною системою всего того, что мы видѣли въ революціи французской на самомъ дѣлѣ, опаснѣйшимъ подмѣномъ евангельскаго откровенія, ибо не опровергаетъ его, но переходитъ въ молчаніи, начинается съ предположенія, что его никогда не

было, исторгаетъ изъ руки Божіей начальное звѣно златой цѣпи законодательства и бросаетъ его въ хаосъ своихъ лжемудрствований и, наконецъ, отвергаетъ алтарь Христовъ, наноситъ свято-татственные удары престоламъ царей, властямъ и тайнству супружескаго союза, подпиливаетъ въ основаніи сіи три столба, на коихъ лежитъ сводъ общественнаго зданія "... „Можетъ-ли быть сія наука безвредной?“ спрашиваетъ Магницкій, и вмѣсто отвѣта указываетъ на результаты ея въ исторіи XVII и XVIII столѣтій, когда „сначала поколебалась вѣра, потомъ взволновались мнѣнія переменнаго значенія и подвижною словъ и отъ сего непрѣмннаго и какъ-бы литературнаго подбѣпа, алтарь Христовъ и тысячелѣтній тронъ древнихъ государей взорваны; кровавая шайка свободы оскверняетъ главу помазанника Божія и вскорѣ повергаетъ ее на плаху“ и т. д. (Чтенія, 1859, IV, 157 — 159). Подобныя инсинуаціи, въ которыхъ крайнее невѣжество соперничаетъ съ личнымъ своекорыстіемъ и которыя такъ напоминаютъ собой измышленія знаменитыхъ московскихъ публицистовъ нашего времени, — подобныя инсинуаціи градомъ сыпались со всѣхъ сторонъ и на направленія, и на людей, почему нибудь непріятныхъ легіону Магницкихъ. Мало того, что доносили на Карамзина, какъ на якобинца, „метающаго въ Сіисы или въ первые консулы,“ — даже Филарета, будущаго митрополита московскаго, обвиняли въ намѣреніи подорвать православіе, въ пропагандѣ невѣрія и въ принадлежности къ зловредному тайному обществу (Чтенія, 1868, I, отд. V, 265)!.. Чѣмъ мотивировались эти доносы и къ какимъ послѣдствіямъ могли вести они, показываетъ слѣдующій случай съ извѣстнымъ мистикомъ и обскурантомъ Лабзинимъ. Состоя вице-президентомъ академіи художествъ, Лабзинъ не соглашался на предложеніе президента Оленина принять Гурьева въ почетные члены академіи, какъ человѣка, не имѣющаго на то никакого права. Оленинъ настаивалъ, говоря, что Гурьевъ близокъ къ государю. Разгоряченный споромъ Лабзинъ свазалъ: „если такъ, то я вмѣсто Гурьева укажу вамъ на человѣка, который къ нему еще ближе“. — „Кто-же это?“ — „Илья кучеръ“, отвѣчалъ Лабзинъ. Изъ этого сдѣлали надлежащій доносъ и Лабзина сослали въ Сѣнгилей (Р. Арх., 1866, 837). Поэтъ Мещовскій за самыя невинныя стихи попалъ въ Сибирь, куда чуть было не угодилъ и Пушкинъ, отдѣлавшійся ссылкой въ южную Россію. Врагъ

іезуитовъ, петербургскій профессоръ Фесслеръ подвергся гоненіямъ, будучи заподозрѣнъ въ вольнодумствѣ и иллюминатствѣ. Въ 1816 г. изгнанъ за-границу профессоръ харьковскаго университета Шадъ за то, что придерживался философіи Шеллинга. Въ 1820 г. подвергся преслѣдованію, какъ проводникъ революціонныхъ началъ и послѣдователь Марата, профессоръ Куницынъ, а его книга „Естественное Право“ была запрещена. Точно такимъ-же образомъ обвинялись въ безбожіи и терпѣли гоненіе профессоръ Буле, „вытѣсненный изъ московскаго университета, Паротъ, господствующій въ Дерптѣ, Яеоби, заразившій харьковскій университетъ“, Срезневскій, будто-бы руководствовавшійся „духомъ, весьма удаленнымъ отъ христіанскаго ученія“, и т. д., и т. д. Въ 1821 г. разразилась гроза надъ профессорами петербургскаго университета, которыхъ попечитель Руничъ обвинялъ въ безбожіи, революціонерствѣ, государственной измѣнѣ, „маратизмѣ и робеснеризмѣ“, и во время университетскаго суда надъ ними, осыпалъ ихъ всевозможными оскорбленіями, кричалъ, какъ на мальчишекъ, ругалъ „мошенниками“, „поджигателями“, „бунтовщиками“, „невѣждами“, „глупцами“. Основаніемъ всѣхъ этихъ наглыхъ обвиненій служили руководства, по которымъ читали профессоръ и которыя были изданы или одобрены главнымъ правленіемъ училищъ. Несмотря на послѣднее обстоятельство, Руничъ нисколько не стѣснялся въ своихъ обвиненіяхъ и съ яростью кричалъ: „что книга напечатана и одобрена отъ правительства, это вамъ не оправданіе; тогда было время, а теперь другое; моя ревность все преодолѣетъ. *Горе книгамъ*, а особенно одобреннымъ отъ прежняго главнаго правленія училищъ“!.. Оскорбляя и унижая профессоровъ, Руничъ внушалъ имъ, что „правительство очень милостиво, позволяя подобнымъ преступникамъ свободно являться передъ судъ, вмѣсто того, чтобы между жандармами съ голыми палашами заставить ихъ за налоемъ писать отвѣты“. Галичъ за свою исторію философіи, невинную до того, что она считалась вполнѣ благонамѣренною даже въ духовноучебныхъ заведеніяхъ, былъ обвиненъ въ безбожіи. „Вы, говорилъ ему Руничъ, — явно предпочитаете язычество христіанству, распутную философію дѣвственной невѣстѣ Христовой, церкви, безбожнаго Канта самому Христу, а Шеллинга св. Духу“. Угрозами, что онъ будетъ объявленъ сумасшедшимъ, Галича заставили дать письменное отреченіе отъ

его „грѣховъ“ и заблужденій и потребовали отъ него обязательство „издать вновь исторію философскихъ системъ и въ оной торжественно описать свое обращеніе и отреченіе отъ мнимаго просвѣщенія, на лжеименномъ разумѣ основаннаго“. Профессоръ Германъ обвинялся въ пропагандѣ революціонныхъ идей за то, что доказывалъ вредъ чрезмѣрнаго выпуска ассигнацій и между прочимъ говорилъ въ своихъ лекціяхъ: „русскій крестьянинъ отличается нравственностью весьма хорошею и бережливостью, неизвѣстною народамъ, живущимъ подъ желѣзнымъ игмомъ рабства“. Подобными-же возмутительными натяжками отличались и всѣ другія обвиненія (Чтенія, 1862, III, 179 — 205). Это „важнѣйшее“, по выраженію Рунича, дѣло вполнѣ характеризуетъ всю его дѣятельность въ должности попечителя петербургскаго учебнаго округа. Онъ выставилъ себя какимъ-то архистратигомъ русской благонамѣренности и хвастался своимъ безкорыстнымъ служеніемъ ей. „Злой духъ, фразерствовалъ этотъ народный просвѣтитель изъ сержантовъ лейбъ-гвардіи, — злой духъ носится надъ вселенною, сисясь мрачными крылами своими заградить отъ смертныхъ свѣтъ истинный, просвѣщающій и освѣщающій всякаго человѣка. Счастливымъ почту себя, если вырву хотя одно перо изъ чернаго крыла противника Христова!..“

Казанскій университетъ постигла еще болѣе горькая участь, чѣмъ петербургскій. Въ 1819 г. министръ Голицынъ, получивъ свѣденія о дурномъ его состояніи, послалъ на ревизію его Магницкаго. Магницкій, бывшій сначала яримъ поклонникомъ революціи, потомъ другомъ и помощникомъ Сперанскаго, а послѣ своей ссылки одновременно съ послѣднимъ, превратившійся въ закоренѣлаго обскуранта, прислуживавшій Голицыну и въ то-же время подкапывавшійся подъ него вмѣстѣ съ Шишковымъ, Фотиємъ и К., — Магницкій, этотъ Булгаринъ своего времени, принялся за дѣло искорененія вреднаго духа съ такою ревностью, что привелъ въ ужасъ даже многихъ обскурантовъ. Онъ нашелъ въ университетѣ много безпорядковъ и злоупотребленій, особенно въ хозяйственномъ отношеніи и не замедлил все это приписать „духу вольнодумства и лжемудрія, проникшему въ его стѣны“ (Θеоктистовъ, 64). Нагнавъ страху на всѣхъ профессоровъ, „выбросивъ изъ бібліотеки сочиненія Вольтера“, истребивъ въ ней всѣ вредныя, по его мнѣнію, бниги, присудивъ

къ сожженію почти всю бібліотеку гимназіи, Магницкій представилъ высшему начальству о необходимости „публичнаго разрушенія“ казанскаго университета (id., 40, 48, 86). Но смѣлнѣйшій проектъ его не пошелъ въ ходъ; его назначили казанскимъ попечителемъ, и онъ вскорѣ превратилъ несчастный университетъ во что-то въ родѣ монастыря и вмѣстѣ казармы. Подобралъ благонамѣренныхъ профессоровъ и воспитателей, Магницкій далъ имъ инструкцію, отступать отъ которой они не должны были въ своихъ лекціяхъ. Философію велѣно читать такъ, чтобы убѣдить слушателей, что „все, несогласное съ разумомъ св. писанія есть заблужденіе и ложь и безъ всякой пощады должно быть отвергаемо“. Студентамъ медицины предписывалось постоянно твердить, что „искусство врачеванія безъ духа христіанской любви есть ремесло само по себѣ столь-же низкое, сколь высока и почтенна медицина, на пользу человѣчества обращаемая и высшимъ свѣтомъ озаренная“. Преподаватель всемірной исторіи долженъ доказывать, что „все то, что въ языческой исторіи называется великостью и добродѣтелью, есть только высочайшая степень гордости человѣческой и ничто передъ величіемъ христіанскимъ“. „Профессоръ исторіи російской покажетъ, что отечество наше въ истинномъ просвѣщеніи упредило многія современныя государства“. Преподаватель политическихъ наукъ долженъ прежде всего внушать студентамъ чувства покорности и повиновенія и „съ отращеніемъ указывать на правила Макіавелли и Гоббса“. Магницкій долго хлопоталъ объ уничтоженіи въ университетахъ кафедры естественнаго права, которому онъ приписывалъ всѣ революціи и противодѣйствіе Англіи священному союзу“. „Врагу Божію три года только нужно было, чтобы довести дѣло сіе отъ кафедры Куницына до потрясеній Неаполя, Мадрита, Турина, Лиссабона, отъ одной строки профессора до 200,000 штыковъ, до государствъ обливаемыхъ кровью“. Доказывая необходимость запрещенія естественнаго права, Магницкій указывалъ на примѣръ Франціи, гдѣ будто-бы правительство не допускало преподаванія этой науки и философіи, и несмотря на то, что по официальнымъ справкамъ это оказалось чистѣйшею ложью, онъ все-таки не переставалъ утверждать, что философія изгнана изъ французскихъ университетовъ, ссылаясь на „имѣющуюся у него газету, въ которой сіе положительно сказано“. Естественное право

запрещено не было, и Магницкій реформировалъ преподаваніе его въ теолого-полемиическомъ духѣ, хвастался въ одной изъ своихъ рѣчей, что подъ его руководствомъ студенты „твердо изучили всѣ возраженія на нелѣпыя положенія естественнаго права, и съ улыбкою презрѣнія къ возмутительнымъ его бреднямъ изощряютъ природное свое остроуміе насчетъ славнѣйшихъ его апостоловъ“. Въ какомъ духѣ шло преподаваніе наукъ, можетъ показать слѣдующій отрывокъ изъ лекціи профессора Никольскаго. „Въ математикѣ содержатся превосходныя подобія священныя истинъ, христіанскою вѣрою возвѣщаемыхъ. Напр., какъ числа безъ единицы быть не могутъ, такъ и вселенная, яко множество, безъ единого владыки существовать не можетъ. Начальная аксіома математики: всякая величина равна самой себѣ; главный пунктъ вѣры состоитъ въ томъ, что единый въ первоначальномъ словѣ своего всемогущества равенъ самому себѣ. Въ геометріи треугольникъ есть самый первый и простѣйшій видъ; св. церковь издревле употребляетъ треугольникъ символомъ Господа, яко верховнаго геометра, зиждителя всей твари. Гипотенуза въ прямоугольномъ треугольникѣ есть символъ срѣтенія правды и мира, правосудія и любви, чрезъ ходатая боговъ и человѣковъ, соединившаго горнее съ дальнимъ, небесное съ земнымъ“. Нужно впрочемъ замѣтить, что при Голицыни преподаваніе всѣхъ наукъ въ университетахъ шло въ томъ-же самомъ направленіи, которое водворялъ въ Казани Магницкій. Въ кievскомъ университетѣ, напр., профессоръ химіи въ теоретической части излагалъ трактаты „о шестомъ невидимомъ началѣ, —душѣ, гдѣ изслѣдовалъ качества души и говорилъ объ „органическомъ духѣ“ (Шульгинъ, Ист. Кіев. Ун., 141). Въ московскомъ университетѣ профессоръ анатоміи долженъ былъ „отъ изслѣдованія чудной связи въ частяхъ препаратовъ нашего брэннаго тѣла и дивнаго ихъ отравленія въ процессѣ нашей жизни, возносить умы слушателей ко всеблагому творцу, познаваемому здѣсь во всемъ его безпредѣльномъ величіи“. Хотѣли даже уничтожить анатомическіе театры и запретить скелеты, такъ-какъ „превращеніе труповъ въ скелеты есть необходимость для науки весьма жестокая въ отношеніи почтенія нашего къ умершимъ“!.. (Сухомяиновъ.)

Магницкій заботился не столько объ образованіи, сколько о добродѣтельномъ поведеніи студентовъ. „Директоръ университета,

говорилъ онъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ, — обращаясь съ питомцами его, какъ отецъ съ дѣтьми, внушаетъ имъ елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна... Смирномудріе, терпѣніе, любовь сопровождаютъ поступки студентовъ, а любезная учтивость украшаетъ ихъ наружное обращеніе“. Чтеніе библіи, молитвы, благочестивыя бесѣды занимали большую часть времени студентовъ, находившихся подъ надзоромъ многочисленныхъ надзирателей. Не только посѣщать знакомыхъ въ городѣ, но даже переходить изъ одного этажа университета въ другой не дозволялось безъ билета отъ инспектора. Ночью спальни охранялись часовыми, которые вплоть до утра расхаживали по корридорамъ. Строгости простирались до того, что даже профессора въ своихъ квартирахъ держали водку въ какомъ-нибудь секретномъ мѣстѣ и прежде, чѣмъ выпить рюмку, ставили къ дверямъ караульнаго, который могъ бы предупредить ихъ о внезапномъ приходѣ начальства. Проступки студентовъ карались жестоко: доходило до того, что Магницкій безъ суда и приговора отдавалъ ихъ въ солдаты. Тягчайшимъ изъ домашнихъ наказаній былъ арестъ въ *комнату уединенія*, дверь и окно которой имѣли желѣзныя рѣшетки, надъ входомъ — надпись изъ св. писанія, на одной стѣнѣ — распятіе, а на другой — изображеніе страшнаго суда. Заключенные назывались грѣшниками, и во все продолженіе ихъ ареста о нихъ приносились общія молитвы. Арестанта одѣвали иногда въ „рубашку, порты, лапти и кафтанъ мужичья“; его ежедневно посѣщаль и усовѣщеваль, какъ преступника, духовникъ, и только послѣ того, какъ послѣдній доносилъ, что виновный раскаялся и „по исповѣди удостоенъ св. причащенія“, онъ освобождался и присоединялся къ обществу вѣрныхъ (Феоктистовъ, 94 — 100; Записки Панаева, въ „Русск. Вѣст.“).

Дерптскій профессоръ Парротъ, по поводу реформъ Магницкаго, предсказываль Александру, что „по внѣшности университетъ сохранить порядокъ, но внутри это будетъ клоака всякой безнравственности“. Оно такъ и вышло; но только въ началѣ николаевскаго царствованія было обращено вниманіе на печальныя результаты дѣятельности Магницкаго, который, вмѣстѣ съ другими членами управленія, по ревизіи 1826 года, оказался

между прочимъ виновнымъ въ незаконномъ присвоеніи казенныхъ суммъ (Феоктистовъ, 214 — 217).

Принципы Магницкаго въ болѣе или менѣе обширныхъ размѣрахъ прилагались не только ко всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, но и къ литературѣ, въ которой запрещалось разсуждать не только о крѣпостномъ правѣ, откупахъ, важныхъ внутреннихъ событіяхъ, не только устранялась перепечатка рѣчей и дебатовъ въ европейскихъ парламентахъ, но не допускались даже сужденія о театрахъ, — сужденія, „которыя позволительны только тогда, когда бы театры и актеры зависѣли отъ частнаго содержателя, а не находились въ службѣ его величества“. Прогрессивная литература подвергалась до того нелѣпымъ доносамъ, что даже возмущеніе крестьянъ херсонскаго помѣщика Кочубея было приписано влиянію одной, помѣщенной въ „Историческомъ Журналѣ“, статьи, въ которой самымъ умѣреннымъ тономъ говорилось о крѣпостномъ правѣ. До чего доходили цензурныя придирки, показываетъ извѣстный анекдотъ о цензорѣ Красовскомъ, который нашелъ возмутительными стихи Оленина —

„О, какъ бы я желалъ пустынныхъ странъ въ тиши.

„Безвѣстный, близъ тебя къ блаженству приучаться“ —

и написалъ по этому поводу: „это значить, что авторъ не хочетъ продолжать своей службы государю для того только, чтобъ быть всегда со своей любовницей; сверхъ сего, къ блаженству можно приучаться только близъ евангелія, а не близъ женщины“ (Пятковскій, Журналист. при Алекс. I). Даже адмиралъ Шишковъ возмущался иногда цензурскою ревностію. Онъ рассказываетъ, напр., слѣдующій анекдотъ. Въ стихахъ: „что въ мірѣ мнѣ, гдѣ все на мигъ; что въ мірѣ, гдѣ смерть и рокъ — цари“, цензору показалось возмутительнымъ слово *рокъ*; онъ вычеркнулъ его, и вышло: „что въ мірѣ, гдѣ — смерть и цари“!... (Р. Арх., 1865, 1114).

Всѣ эти реакціонныя неистовства отнюдь нельзя считать самодурствомъ заблуждавшихся и невѣжественныхъ людей. Въ нихъ слишкомъ замѣтны нити интриги, устремленной къ поддержанію отжившихъ порядковъ и къ захвату власти ретроградной партіей. Это хорошо понимали даже нѣкоторые современники, и Уваровъ писалъ, что „друзья мрака присваиваютъ себѣ самыя священныя имена, чтобы захватить власть и подкопать порядокъ

въ самомъ основаніи; они утверждаютъ, что защищаютъ троны и алтари противъ нападеній несуществующихъ и въ то-же время набрасываютъ подозрѣніе на истинныя опоры алтаря и трона... Они — искусные актеры, надѣвající всевозможныя маски, чтобы смутить всѣ совѣсти и встревожить всѣ умы“. Эта интрига яснѣе всего обнаружилась въ исторіи паденія голицынскаго министерства. Другъ Александра, Голицынъ былъ неудобенъ для Аракчеева, и противъ него устремились соединенныя усилія самого Аракчеева, сдѣланнаго по его настоянію петербургскимъ митрополитомъ Серафима, адмирала Шишкова, извѣстнаго архимандрита Фотія, его другини, графини Орловой-Чесменской и т. д. Всѣ дѣйствія и учрежденія Голицына, даже библейское общество, состоявшее подъ особеннымъ покровительствомъ государя, обвинялись въ иллюминатствѣ, невѣрїи, пропагандѣ разрушительныхъ идей. Эти обвиненія подробно развиты въ обширной „Запискѣ о крамолахъ враговъ Россіи“ (Р. Арх., 1868, стр. 1329—1391), — запискѣ, служащей прототипомъ передовыхъ статей современныхъ намъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Начиная со времени Петра Великаго и причисляя къ врагамъ, ищущимъ погубить Россію, всѣхъ иновѣрцевъ, масоновъ, волтерьянцевъ, русскихъ раскольниковъ, членовъ библейскаго общества и т. д., авторъ говоритъ, что „самыя ужасныя ковы къ погубленію Россіи враги ея устроили въ царствованіе Александра I, — ковы, въ устроеніи которыхъ они истощили всю свою хитрость, на удивленіе самому аду... Да, самимъ адомъ придуманы и всѣ мѣры, которыя устроены къ тому, чтобы погубить могущественную Россію“. Совѣтъ иллюминатовъ, „содѣйствуя дозволенію свободы всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, распространенію книгъ, направленныхъ противъ церкви, вѣры, нравственности и правительства, преподаванію зловреднаго ученія въ университетахъ и умноженію библейскихъ обществъ, ископалъ глубокой ровъ между алтаремъ и трономъ Россіи, чтобы вдругъ повергнуть въ оный и алтарь православія, и тронъ самодержавія“. Доказывая безнравственность, безбожность, революціонность разныхъ мистическихъ книгъ, изданныхъ при Голицынѣ, авторъ объясняетъ зловредность библейскихъ обществъ тѣмъ, что „враги церкви и отечества, въ намѣреніи уронить достоинство священныхъ книгъ, продавали ихъ по самой низкой цѣнѣ“; что „библію можно видѣть и въ лавкахъ книгопродавцевъ, и на толкучемъ рынкѣ, и

на ларяхъ, и въ переднихъ, и въ кухняхъ, и подъ банками ваксы; божественная книга уничижена до послѣдней степени!..“ Главнымъ орудіемъ этой адской интриги „совѣтъ иллюминатовъ“ избралъ князя Голицына, доставивъ ему должности оберъ-прокурора синода, министра просвѣщенія и президента библейскихъ обществъ; а „дабы онъ имѣлъ возможность содѣйствовать всѣмъ тайнымъ сношеніямъ иностранныхъ враговъ Россіи и русскихъ съ иностранными и свободно разсылать переписки враговъ Россіи во всѣ мѣста Россіи, ему-же поручено главное начальство надъ почтовымъ департаментомъ“. Всѣ измышленія и инсинуаціи автора „Записки“ выдуманы были не имъ, а принадлежали всѣмъ членамъ той партіи, однимъ изъ органовъ которой онъ былъ. Главнымъ орудіемъ этой партіи избранъ былъ Фотій, ведшій себя такъ, что слухи объ его пророческихъ видѣніяхъ, чудесахъ, подвижничествѣ пріобрѣтали полную вѣру у извѣстныхъ лицъ и въ извѣстныхъ кружкахъ. Фотій, называвшій Аракчеева „защитникомъ православія и отечества“, а Филарета — врагомъ вѣры и членомъ тайнаго общества, дѣлавшій видъ, что увѣщаетъ Голицына отречься отъ заблужденій и положить конецъ посѣянному имъ злу, предававшій его анафемѣ, всюду разглашавшій, что „черезъ тройное министерство въ однихъ рукахъ всѣ ереси и духъ реформы и революціонный такъ сильно и быстро расплываются, что въ ужасъ многихъ приводятъ“, — Фотій скоро сдѣлался извѣстенъ государю и въ 1822—1825 г. пять разъ бесѣдовалъ съ нимъ въ Зимнемъ дворцѣ (Чтенія, 1868, I, 265, 267, 273; Ковалевскій, 148). Вотъ какъ описываетъ самъ Фотій первое изъ этихъ посѣщеній. „Пріѣхалъ Фотій на коняхъ дщери духовныя, дѣвицы Анны (Орловой) ко дворцу цареву. Изшедъ изъ колесницы, шелъ по лѣстницамъ общимъ, знаменалъ какъ себя, такъ во всѣ стороны дворецъ, проходы, помышляя, что тмы здѣсь живутъ и дѣйствуютъ силъ вражнихъ; но ежели оныя, видя крестное знаменіе, избѣгутъ изъ дворца на сей часъ прихода, Господь предъ лицомъ царя дастъ ему благодать... Встрѣтивъ Фотія „со страхомъ и благоговѣніемъ“ и благословившись у него, Александръ сѣлъ, пригласивъ и его сѣсть. „Я же, желая сѣсть на мѣсто, знаменіемъ креста знаменалъ десницею моею мѣсто, возсѣлъ и царя перекрестилъ...“ Началась бесѣда. Фотій убѣждалъ государя, что „враги церкви и царства

весьма усиливаются, зловѣріе и соблазны явно и съ дерзостью себя открываютъ, хотятъ сотворить тайныя злыя общества, вредъ великъ св. вѣрѣ Христовой и царству всему. Противу тайныхъ враговъ тайно и нечаянно дѣйствуя, вдругъ надобно запретить и поступить“. Государь былъ убѣжденъ и тронуть святою ревностью Фотія (Р. Арх., 1869, 937 — 942). Кромѣ личныхъ бесѣдъ, вліяніе Фотія еще болѣе поддерживалось посредствомъ писемъ, въ которыхъ онъ прямо указывалъ на голицынское министерство, какъ на средоточіе всевозможныхъ золъ и опасностей. „На вопросъ твой, писалъ Фотій государю, — *какъ пособить, чтобы остановить революцію?* — молился я Господу Богу, и вотъ что открыто, только дѣлать немедленно: способъ весь планъ уничтожить вдругъ, тихо и счастливо есть таковъ: 1) министерство духовныхъ дѣлъ уничтожить, а другіе два отнять отъ извѣстной особы; 2) библейское общество уничтожить; 3) синоду быть по прежнему и духовенству надзирать при случаяхъ за просвѣщеніемъ, не бываетъ-ли гдѣ чего противнаго власти и вѣрѣ; 4) Кошелева отдалить, Госнера выгнать, Фесслера выгнать и методистовъ выгнать. Провидѣніе Божіе теперь ничего болѣе дѣлать не открыло. Повелѣніе Божіе я тебѣ возвѣстилъ, исполни-же въ тебѣ состоять“ (Чтенія, 1868, I, 271). Подобныхъ увѣщаній, внушеній и откровеній для сверженія добродушнаго и искренняго мистика Голицына оказалось недостаточно. Устроена была слѣдующая штука. Въ типографіи Греча и Края печаталась мистическая книга пастора Госнера объ евангеліи отъ Матвѣя. Въ этой книгѣ ретрограды нашли много возмутительнаго; посредствомъ обмана завладѣли корректурными листами книги, успѣли убѣдить того слѣдуетъ въ зловредности какъ этой невинной книжонки, такъ и министерства, позволяющаго подобныя изданія. Магницкій, Фотій, Аракчеевъ, Орлова Чесменская, настояли, чтобы митрополитъ Серафимъ лично представилъ госнеровскую книгу государю и убѣдилъ-бы его въ крайней неблагонамѣренности голицынскаго министерства. Митрополитъ долго не соглашался: „три раза садился въ карету чтобы ѣхать во дворецъ, и три раза выходилъ изъ нея, оставляя свое намѣреніе. Наконецъ, до кареты проводили его Павловъ, Фотій и Орлова и своими руками усадили его въ нее; Павловъ захлопнулъ дверцы кареты, сказалъ кучеру, чтобы онъ не оста-

навливался до Зимняго дворца и крикнулъ — „пошолъ“! Прибавляютъ, что Магницкій ѣхалъ на дрожкахъ вслѣдъ за каретою, и когда замѣчалъ, что кучеръ, по приказанію изъ кареты, заворачиваетъ въ сторону, приказывалъ отъ себя ѣхать прямо ко дворцу“. Митрополитъ, явившись къ императору, „снялъ съ головы своей бѣлый клобукъ, положилъ его къ ногамъ императора и сказалъ: „не приму его, доколѣ не услышу изъ устъ в. в. царскаго слова, что министерство духовныхъ дѣлъ уничтожится и св. синоду возвратится прежнія права его, что министерство народнаго просвѣщенія поставленъ будетъ другой, а вредныя книги истребятся“. Убѣдивъ императора въ зловредности госнеровской книги, Серафимъ вполне достигъ своей цѣли. Поднявъ и подавая ему клобукъ, государь сказалъ: примите вашъ клобукъ, который вы достойно носите; а ваши святія и патриотическія представленія будутъ исполнены“. Госнеръ высланъ за-границу, книга его конфискована и сожжена въ александровской лаврѣ, а цензоръ, переводчикъ и содержатель типографіи преданы суду (Р. Арх. 1868 г., стр. 1368, 1387, 1390, 1405).

Въ маѣ 1824 г. Голицынъ смѣненъ, и министромъ сдѣлался адмиралъ Шишковъ, который тотчасъ принялъ всѣ мѣры „къ тихому и скорому (sic!) потушенію того зла, которое хотя и не носитъ у насъ имени карбонарства, но есть точно оно“ (Записки Шишкова, изд. Общ. Исторіи, 1 и др.). Для учебныхъ заведеній настали худшія времена, а цензура усердствовала такъ, что даже самъ Шишковъ подчасъ оставался недоволенъ ея усердіемъ. Около того-же времени удалились со сцены всѣ дѣятели, напоминавшіе собою о первой, либеральной половинѣ эпохи,— князь Волконскій, Кочубей и др. Аракчеевъ остался безъ соперниковъ; всѣ консервативные элементы общества ликовали, и Фотій на своемъ порченомъ церковнославянскомъ нарѣчій возвѣщалъ о спасеніи отечества отъ лютаго апокалипсическаго звѣря. Страхъ освобожденія крестьянъ миновался, и крѣпостное право по прежнему осталось одною изъ главныхъ основъ государственнаго быта. Въ то-же время, приводя въ исполненіе идею Павла I и Аракчеева, покрывали окраины государства сѣтью военныхъ поселеній, въ которыхъ жизнь народа регулировалась военною дисциплиною до такой степени, что даже беременныя бабы обязаны были являться въ штабъ, чтобы ро-

дѣть, а дѣвушекъ нерѣдко выдавали замужъ за солдатъ по жеребью. Это учрежденіе произвело всеобщій ропотъ и вызвало бунты, но желѣзная рука Аракчеева сумѣла поддержать это желѣзное иго, и многіе видѣли въ военныхъ поселеніяхъ залогъ могущества Россіи (Вигель, V, 61; Ковал. 154; Gevinius, V, 310).

Порядокъ, благонамѣренность и безопасность государства отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ были, по мнѣнію ретроградовъ, водворены, но подъ наружнымъ покровомъ ихъ совершались ужасныя вещи, о которыхъ частію зналъ, частію не зналъ императоръ. Крѣпостное право свирѣпствовало по прежнему, и по заявленію самого Александра, помѣщичьи крестьяне были раззоряемы до такой степени, что не имѣли никакой собственности. Торговля людьми безъ земли шла своимъ чередомъ, несмотря на запрещеніе государя, который воображалъ, что ея нѣтъ... Между тѣмъ, пишетъ Тургеневъ, „противъ оконъ императора, въ петербургской гражданской палатѣ человѣческая плоть продавалась по рѣшеніямъ властей, и это было въ двухъ шагахъ отъ жилища самодержца, который думалъ, что продажа людей по одинокѣ давно запрещена“!... Безпорядки и злоупотребленія, вѣточничество и казнокрадство, жестокости и насилія были всеобщими, и Александръ не находилъ средствъ для ихъ уменьшенія. Онъ говорилъ однажды королю прусскому, что король и онъ самъ „окружены негодьями“, что онъ „многихъ прогонялъ, но на ихъ мѣсто являлись такіе-же“, что измѣнить этого невозможно. Милорадовичъ доказалъ даже продажность сената, а государь говаривалъ, что у него украли-бы флотъ, если-бы только знали, куда его дѣвать (Р. Славатинскій, 329; Пыпинъ; Богдановичъ, IV, 565—586; Gevinius, V, 280). Что дѣлалось въ провинціяхъ, показываетъ извѣстное тринадцатилѣтнее управленіе Сибирью генераль-губернатора Пестеля и его клеврета Трескина, управленіе, ознаменованное злоупотребленіями, небывальными даже въ сибирской исторіи. Во внѣшней политикѣ подчиненіе планамъ Меттерниха, ретроградное вліяніе на дѣла Европы и въ особенности противодѣйствіе освобожденію Греціи, вмѣстѣ съ печальнымъ ходомъ внутреннихъ дѣлъ, безпокоили и смущали всѣхъ людей, искренно преданныхъ общественному благу; но официальные и офиціозные представители времени думали или говорили,

что все обстоит благополучно. „Въ то время, писалъ Шип-ковъ, — когда мы слышимъ и видимъ, что почти всѣ европейскія державы вокругъ насъ мнутся и волнуются, наше благословенное отечество пребывало всегда и пребудетъ спокойно. Единодушный громъ на возставаго врага, далеко простертныя побѣды и внутренняя среди неурядицъ Европы тишина не показываютъ-ли, что оно больше благополучно, больше благоденствуетъ, нежели всѣ другіе народы?... Мы явно видимъ надъ собою благодать Божію. Десница вышняго хранитъ насъ. Чего намъ лучшаго желать?“ (Шипинъ).

V.

Выше мы уже говорили о томъ, какъ въ первую половину царствованія и особенно послѣ войнъ 1812 — 1815 г.г. либеральныя идеи овладѣли умами образованныхъ людей. Реакціонное движеніе, борвшееся съ этими идеями, хотя значительно стѣснило и ихъ развитіе, и ихъ распространеніе, но было не въ силахъ остановить ни того, ни другого. Въ литературѣ, даже въ періодъ ея стѣсненія, работала честная мысль, хлопотавшая объ общественномъ развитіи. Что не проходило въ печати, распространялось въ рукописи, особенно разныя мелкія стихотворенія, имѣвшія въ то время большое вліяніе. Но литература была поставлена тогда въ такія условія, что гласное печатное обсужденіе вопросовъ волновавшихъ умы было невозможно въ требуемой степени, и эти вопросы разрѣшались помимо литературы, въ тѣхъ прогрессивныхъ кружкахъ, которые начали повсюду возникать послѣ 1815 г. Кружки эти съ перваго-же раза приняли практическое направленіе; ихъ члены заботились о грамотности, о смягченіи военной дисциплины, объ улучшеніи солдатскаго быта, о заведеніи ланкастерскихъ школъ; нѣкоторые освобождали своихъ крестьянъ, другіе поступали въ гражданскую службу съ цѣлью служить примѣромъ безкорыстія и справедливости. На направленіе этихъ кружковъ имѣлъ сильное вліяніе „Союзъ добродѣтели“, — нѣмецкое патріотическое общество, существовавшее съ вѣдома правительства. Прогрессисты начали организоваться

въ такія-же общества и тоже съ вѣдома, хотя и безъ офіціального утвержденія правительства, которое—говоритъ Тургеневъ— „въ это время внушало вообще такъ мало недовѣрія и, повидимому, было даже такъ расположено поощрять спасительныя преобразованія, что основатели общества разсуждали о томъ, не слѣдуетъ-ли имъ просить о содѣйствіи правительства. Только опасеніе, что ихъ намѣренія будутъ истолкованы неправильно, побудило ихъ дѣйствовать безъ помощи и безъ вѣдома императора“. Александръ, однакожь, зналъ обо всемъ, и вплоть до своей смерти не трогалъ обществъ, которыя долго руководились вполне легальными стремленіями и имѣли совершенно мирный характеръ. Первою попыткою дать этимъ кружкамъ какую-нибудь правильную организацію было основаніе „Союза Благоденствія“, по образцу нѣмецкаго Tugendbund'a. У либераловъ, входившихъ въ этотъ Союзъ, политическія цѣли стояли на второмъ планѣ, они не желали производить никакихъ коренныхъ перемѣнъ въ государственномъ порядкѣ, и надѣясь, что всѣ реформы будутъ совершены правительствомъ, хотѣли помогать только его либеральнымъ планамъ и содѣйствовать осуществленію либеральныхъ идей, такъ явно покровительствуемыхъ правительствомъ въ первую половину царствованія. *Тайныя* собранія Союза далеко не были тайными и въ нихъ нерѣдко участвовали люди совершенно противоположнаго образа мыслей. „Было-бы большою ошибкой предполагать, что въ этихъ тайныхъ собраніяхъ занимались только заговорами: здѣсь вовсе ими не занимались. Если-бы какіе-нибудь изъ членовъ и имѣли такое намѣреніе, они скоро увидѣли-бы, что здѣсь никакой заговоръ невозможенъ. Начинали обыкновенно тѣмъ, что жаловались на безсиліе общества предпринять что-нибудь серьезное. Потомъ разговоръ переходилъ на политику вообще, на положеніе Россіи, на неустройства ее отягощавшія, на злоупотребленія, которыя ее истощали, наконецъ, на ея будущее“. (Тургеневъ у Пыпина). По словамъ извѣстнаго офіціального „Донесенія“ по дѣлу декабристовъ, уставъ Союза Благоденствія заключался въ слѣдующихъ правилахъ: „Авторы устава объявляли именемъ основателей Союза, что цѣль ихъ есть одно благо отечества, что эта цѣль не можетъ быть противна желаніямъ правительства, которое, несмотря на свое могущественное вліяніе, имѣетъ нужду въ

содѣйствіи частныхъ людей; что учреждаемое общество хочетъ быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ, и не скрывая своихъ намѣреній отъ гражданъ благомыслящихъ, будетъ трудиться въ тайнѣ только для избѣжанія нареканій злобы и ненависти. Члены общества дѣлились на четыре разряда или отрасли. Въ *первой* отрасли предметомъ дѣятельности было челоуѣколюбіе; она должна была имѣть надзоръ за всѣми благотворительными заведеніями, увѣдомляя начальство ихъ и самое правительство о злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, какіе могли въ нихъ оказываться, а также о средствахъ ихъ исправленія и усовершенствованія. Во *второй* умственное и нравственное образованіе, для котораго должно было дѣйствовать распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ, особенно ланкастерскихъ и вообще содѣйствіемъ въ воспитаніи юношества, а также дѣйствовать примѣрами доброй нравственности, разговорами и сочиненіями. Члены этой отрасли должны были наблюдать за школами, питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя по возможности воспитанію за-границей и всякому иностранному вліянію. Въ *третьей* отрасли обращалось вниманіе на дѣйствія судовъ: члены общества обязывались не уклоняться отъ должностей по судебной части и по выборамъ дворянства, исправлять ихъ съ усердіемъ и точностью, сверхъ того наблюдать за теченіемъ дѣлъ этого рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣденія правительства. Наконецъ, члены *четвертой* отрасли должны были заниматься предметами, относящимися къ политической экономіи: стараться изыскивать, опредѣлять непреложныя правила общественнаго богатства, способствовать распространенію всякаго рода промышленности, утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ“. Къ Союзу и образовавшимся изъ него впоследствии обществамъ принадлежало большинство образованныхъ людей. „Члены тайнаго общества, говоритъ одинъ современникъ, — ничѣмъ не отличались отъ другихъ; въ это время свободное выраженіе мыслей было принадлежностью не только всякаго порядочнаго челоуѣка, но и всякаго, кто хотѣлъ казаться порядочнымъ челоуѣкомъ“. „Большинство либеральныхъ умовъ было такъ велико, что его рѣшенія считались *мнѣніемъ*

общимъ“, пишетъ Гречъ (Пыпинъ; Зап. Ябушкина 70; Зап. Греча въ „Русск. Вѣсти“. 1868 г.). По словамъ самого „Донесенія“, послѣ 14 декабря привлечено къ отвѣтственности только наиболѣе виновное меньшинство лицъ, причастныхъ къ дѣлу, и „если-бы сослать *всѣхъ*, которые желали переменъ и предавались всякимъ предположеніямъ и мечтаніямъ“, говоритъ Гречъ, „то не нашлось-бы мѣста въ Сибири“. Къ обществу такъ или иначе принадлежали всѣ образованные люди и въ числѣ ихъ мы видимъ множество людей, замѣчательныхъ умомъ, талантами и честностью. Даже Гречъ, писавшій свои записки съ единственностью цѣлью втоптать въ грязь и опозорить память этихъ людей, даже Гречъ такъ отзывается о нихъ: „пламенные молодые люди возымѣли ревностное желаніе доставить торжество либеральнымъ идеямъ, подъ которыми они разумѣли *владычество законовъ, водвореніе правды, безкорыстіе и честность и въ судахъ и въ управленіи, искорененіе вѣковыхъ злоупотребленій*, подтачивающихъ древо русскаго величія и благоденствія народнаго. Составилось общество, основанное, казалось, на самыхъ чистыхъ и благородныхъ началахъ, имѣвшихъ цѣлью: распространеніе просвѣщенія, поддержаніе правосудія, поощреніе промышленности и усиленіе народнаго богатства“ (Р. Вѣстн. 1868, VI, 372). Въ другомъ мѣстѣ ругая эту „сволочь“, эту „шайку безтолковыхъ“ людей, Гречъ желаетъ уколоть ихъ тѣмъ, что „возставали противъ злоупотребленій и притѣсненій именно тѣ, которые менѣе всѣхъ отъ нихъ терпѣли“....

„Союзъ Благоденствія“ оказался вскорѣ недостигающимъ своихъ цѣлей и закрылся самъ собою въ 1821 году; но большинство входившихъ въ него членовъ не оставило своихъ плановъ, только въ ихъ дѣятельности произошелъ переломъ. Безотрадная дѣйствительность разочаровала ихъ; ихъ идеалистическія мечтанія и наивныя надежды были разбиты; они болѣе и болѣе обособлялись отъ массы общества въ своихъ кружкахъ. „Имъ, говоритъ г. Пыпинъ,—оставалось или потерять всякую надежду на совершеніе своихъ идеаловъ, помириться съ жизнью въ индифферентизмѣ, или, напротивъ, еще болѣе утвердиться въ своей точкѣ зрѣнія и перейти отъ идеалистическихъ мечтаній къ болѣе практическому пониманію вещей и къ большому раздраженію. Это послѣднее было естественно потому, что, въ довершеніе

трудности положенія, эти либеральные порывы не имѣли въ практической жизни никакого исхода, въ которомъ эти созрѣвающія силы нашли-бы себѣ какую-нибудь нормальную дѣятельность и примѣненіе и гдѣ могла-бы смягчиться рѣзкость этихъ порывовъ; невозможность дѣйствовать открыто въ пользу своихъ идей, за отсутствіемъ открытой общественной жизни, невозможность даже высказаться, за отсутствіемъ сколько-нибудь свободной печати, съ самаго начала сгнетали этихъ людей въ общество, и въ этой средѣ одинаково возбужденной, одинаково разочарованной жизнью, общая сумма опыта и недовольства произвела новую степень разлада съ дѣйствительностью и раздраженія“. Запрещеніе масонскихъ ложъ и тайныхъ обществъ высочайшимъ указомъ 1822 года еще болѣе усилило изолированность этихъ обществъ, для преслѣдованія которыхъ, однакожъ, не предпринималось никакихъ мѣръ, и архистратиги легальной безопасности, въ родѣ Шишкова, какъ будто даже игнорировали эти кружки, ожесточенно преслѣдуя въ то-же время разныя вздорныя секты, библейскія общества и людей, вовсе безопасныхъ для того дѣла, которому служили эти стражи стараго порядка. Необходимо замѣтить, что и въ этомъ новомъ фазисѣ своего развитія, общества, о которыхъ идетъ рѣчь, хотя и получили болѣе тревожный и раздражительный характеръ, чѣмъ прежде, но крутыя мѣры все-таки не входили въ ихъ планы, а злоба и раздраженіе выражались только на словахъ и служили проявленіями взволнованнаго чувства въ частныхъ бесѣдахъ, безъ всякой мысли систематически прилагать ихъ къ дѣлу. Стремленія обществъ также не шли черезчуръ далеко и были только повтореніемъ реформаторскихъ желаній самого государя, Строганова, Сперанскаго, желаній и принциповъ всего образованнаго меньшинства. Въ ихъ программу входили: освобожденіе крестьянъ, новое уложеніе, реформа судопроизводства, преобразование арміи, уничтоженіе военныхъ поселеній, свобода торговли и промышленности и т. д. Даже по словамъ слѣдственнаго „Донесенія“, члены общества и въ это время готовы были, въ случаѣ совершенія государемъ такъ долго занимавшихъ его реформъ, быть „его вѣрными приверженниками и оберегателями“. Подобно Новосильцеву и Сперанскому, нѣкоторые изъ членовъ обществъ составляли проекты основныхъ государственныхъ реформъ,

проекты, не имѣвшіе вовсе того значенія, какое имъ до сихъ поръ приписывали. Это были только „опыты въ политическихъ наукахъ“ и professions de foi ихъ авторовъ; нѣкоторые изъ этихъ проектовъ, напр., пестелевскій, не имѣли ничего общаго съ практическими планами ихъ составителей и самое большее — служили только программами будущихъ партій. Монархическая форма правленія съ развитіемъ общаго и мѣстнаго самоуправленія, единство государства, цензъ для избирателей и избираемыхъ—вотъ главныя основы этихъ проектовъ (Русскій Архивъ 1870, 1639 — 1640; Пыпинъ). „Кругъ ихъ идей, говорить г. Пыпинъ, — былъ почти тотъ-же, который нѣкогда заявленъ былъ самимъ Александромъ и его совѣтниками, но теперь онъ значительно расширился... Тѣ политическія идеи, которыя въ первое время понимались очень неясно и, такъ сказать, книжно, теперь стали представляться гораздо отчетливѣе... Вместе съ тѣмъ, онѣ перестали быть, какъ прежде, исключительнымъ достояніемъ очень немногихъ людей и перешли въ цѣлый обширный слой образованнаго общества; то, о чемъ говорилось прежде въ „тріумвиратѣ“, въ ближайшемъ кругу друзей императора, стало привычною темой разговоровъ въ большомъ обществѣ“. И все дѣло ограничивалось преимущественно словами да идеями; систематическаго, общаго плана у этихъ людей выработано еще не было, и финалъ ихъ исторіи придалъ имъ окраску, какой въ сущности они не имѣли и какой они, при другихъ обстоятельствахъ, никогда не получили-бы. Смерть Александра была неожиданнымъ ударомъ, произведшимъ переполохъ во всѣхъ сферахъ и въ частности въ обществахъ, о которыхъ идетъ рѣчь. „Событія застали ихъ врасплохъ, производили на нихъ такое различное впечатлѣніе, что они въ самую послѣднюю минуту колебались и не соглашались въ мнѣніяхъ. Соглашались они только въ одномъ, что въ будущемъ одинаково не видѣли никакой надежды на осуществленіе своихъ идей, и страсть, съ которой большинство ихъ было предано этимъ идеямъ, достигла высшей степени возбужденія. У нихъ не было плана, которому они могли-бы послѣдовать; было поздно составлять его и собирать силы... Они принимали послѣднія рѣшенія въ пылу страсти, и отчаяніе увлекло ихъ къ дѣйствіямъ, которыя стали ихъ окончательною гибелью“ (Пыпинъ).

Такъ кончилась эпоха, въ которой отъ начала до конца все дышетъ трагизмомъ. Жизнь каждого изъ сейчасъ поминутыхъ людей—трагедія. Не ту ли же трагедію видимъ мы въ жизни Радищева, Сперанскаго и другихъ замѣчательныхъ дѣятелей того времени, особенно въ жизни самого Александра, этого симпатичнѣйшаго изъ государей XIX вѣка. Исполненный гуманныхъ намѣреній, преданный возвышеннымъ идеаламъ, мечтавшій облагодѣлствовать свой народъ, онъ умираетъ съ разбитымъ сердцемъ, разочарованный во всемъ окружающемъ, съ горькимъ сознаниемъ, что не былъ тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ быть, и въ предсмертныя минуты получаетъ послѣдній, жестоко поразившій его ударъ,—извѣстіе о немовѣрныхъ жестокостяхъ „безъ лести преданнаго“ Аракчеева. Вслѣдъ за государемъ, стоявшимъ сначала во главѣ прогрессивнаго движенія, удалется изъ общественной жизни или совершенно ступесывается въ ней цѣлое поколѣніе, воспитанное тѣми-же идеями, которыми былъ проникнутъ и государь, служившее тому-же дѣлу, которое и онъ считалъ цѣлью своей жизни,—дѣлу общественнаго развитія. Борьба принциповъ кончилась полною побѣдою консервативной стороны, сильной своимъ подавляющимъ большинствомъ, которое отвлекло Александра отъ его реформаторскихъ намѣреній и, овладѣвъ ходомъ дѣлъ, такъ стѣснило свободное и открытое развитіе народившейся прогрессивной силы, что послѣдняя, будучи дѣйствительною силою и находясь поэтому въ невозможности остановиться въ своемъ движеніи, пошла по пути нежелательному не только для ея противниковъ, но даже и для ея сторонниковъ. Представители этой силы были увлечены потокомъ обстоятельствъ къ дѣлу, о которомъ многіе изъ нихъ даже и не думали въ то время, когда, полные идеалистическихъ надеждъ и упованій на реформы, они вступали на поприще общественной дѣятельности, беззавѣтно посвящая ей всю свою жизнь. Развязка, созданная системою ретроградовъ, охранявшихъ крѣпостное право и другія подобныя институціи, дала охранителямъ сильное, хотя и фальшивое доказательство справедливости тѣхъ тревогъ и опасеній, на основаніи которыхъ получили возможность дѣйствовать Шишковы, Магницкіе, Растопчины, Аракчеевы. Если бы всѣ подобныя стражи стараго порядка удерживались въ почти-тельномъ отдаленіи, какъ это было въ началѣ царствованія, если бы прогрессивной мысли дана была возможность свободнаго раз-

витія, если-бы государь и его друзья-реформаторы могли осуществить свои задушевные идеи, то общественное развитіе пошло-бы здравымъ, легальнымъ и совершенно мирнымъ путемъ, и всѣ молодые силы, потраченные даромъ, пошли-бы на практическую дѣятельность. Неестественность социальныхъ условій повела къ совершенно другимъ результатамъ, и въ исторіи общественнаго развитія настала тридцатилѣтній перерывъ, по окончаніи котораго, впрочемъ, идеи двадцатыхъ годовъ—о свободѣ крестьянъ, о гласномъ судѣ и т. д.—воскресли съ новою силою и немедленно начали переходить въ житейскую практику. Ихъ осуществленіе было только отсрочено, несмотря на всѣ усилія вовсе искоренить ихъ. О послѣднемъ могли мечтать только люди, вовсе незнакомые съ исторіей и съ условіями общественнаго развитія, люди въ родѣ добродушнаго чудака Шишкова, который не шутя видѣлъ революціонное чудище въ библейскихъ обществахъ и въ нелѣпныхъ доктринахъ разныхъ мистиковъ. Но шишковскою искренностью отличались не многіе и масса людей, дѣйствовавшихъ въ одномъ направленіи съ адмираломъ, была тревогу только для того, чтобы распространить панику и, воспользовавшись ею, помѣшать реформамъ, отстоять крѣпостное право, сохранить откупа и т. д. О будущемъ, о возможности или невозможности увѣковѣченія этихъ порядковъ масса вовсе не думала да и не умѣла думать; она старалась только о себѣ, и, стѣснивъ естественныя отправленія общественнаго организма, подвергла его жестокому лихорадочному кризису, за которымъ слѣдовалъ долготѣтній, тяжелый и мучительный сонъ. Но все-таки, дѣти и внуки лишились того, что успѣли отстоять ихъ отцы и дѣды. Идеи, которыя подвергались тогда всевозможнымъ гоненіямъ, до того развились и усилились, что получили официальную санкцію. Александровская эпоха и создавшее ее поколѣніе все-таки сдѣлали свое дѣло, открывъ собою новый періодъ общественнаго развитія, которое совершается на нашихъ глазахъ и будетъ продолжаться впредь, какъ-бы ни противодействовали ему разныя Магницкіе и Каразины нашего времени...

С. Шашковъ.

* * *

Бѣднякъ въ изгнаньи умиралъ
Отъ тягостной душевной раны;
Сверчокъ отходную читалъ,
А отпѣвали тараканы.

За гробомъ песь скакалъ хромой,
Надъ гробомъ словъ неговорили,
И только кошки въ ночь гурьбой
Поинники слезныя творили.

Н. Иванцкій.

ЛЪСЪ РУБЯТЬ — ЩЕПКИ ЛЕТАТЬ.

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

III.

„Мальбургъ въ походъ повхаль“...

Покуда штабсъ-капитанъ и Марья Дмитріевна разрѣшали политическіе вопросы въ лавочномъ клубѣ, покуда Александръ Прохоровъ и Катерина Александровна шли ощупью къ какой-то еще смутной для нихъ сѣмьхъ цѣли, въ кружкахъ знакомыхъ намъ личностей, какъ и во всемъ русскомъ обществѣ, происходили разныя событія, разныя толки, тоже вызванные отчасти войною. У княгини Гиреевой уѣхали на войну два племянника, за которыхъ ей пришлось заплатить порядочныя суммы по предъявленнымъ ко взыскаію векселямъ; въ деревни посылались письмо за письмомъ съ требованіями, чтобы управляющіе немедленно, какими бы то ни было способами, собрали деньги съ крестьянъ. Кромѣ волненія по поводу хлопотъ о деньгахъ добродушная старуха испытывала всю тягость разлуки съ этими хотя и безпутными, но во всѣхъ отношеніяхъ дорогими ей родственниками и стала не на шутку прихварывать. Это обстоятельство заставило собраться въ ея домъ всевозможныхъ родственниковъ, желавшихъ развлечь старуху и завоевать себѣ уголки въ ея духовномъ завѣщаніи. Весь этотъ нѣжный родственныи кружокъ по-

грузился въ толки о политическихъ событіяхъ, въ чтеніе газетныхъ извѣстій, въ щипаніе корнѣи, приготовленіе бинтовъ. Здѣсь изгнанъ былъ французскій языкъ и царствовалъ русскій; даже платья нѣкоторыхъ изъ молодыхъ родственницъ Гиревой получили новый покрой и носили названіе „патріотокъ“ и русскихъ сарафановъ, хотя ихъ сходство съ русскими сарафанами было болѣе отдаленное, чѣмъ сходство лубочныхъ портретовъ съ ихъ оригиналами. Среди этихъ тревогъ и волненій княгиня совершенно забыла о своемъ проектѣ выдать Катерину Александровну замужъ, и такъ какъ послѣдняя не напоминала о себѣ, то этотъ проектъ и не появлялся на свѣтъ божій.

Еще менѣе думалъ объ этомъ проектѣ Боголюбовъ. Война коснулась и его интересовъ. Уже съ самаго начала войны онъ былъ въ постоянныхъ хлопотахъ и хотя еще хмурился, что ему пришлось упустить изъ рукъ богатую тетку, но мало по малу сталъ забывать даже и объ этой утратѣ: его дѣла, висѣвшія на волоскѣ и извѣстныя только ему, стали поправляться съ каждымъ днемъ. Въ заботахъ о нихъ онъ даже не обращалъ вниманіе на все возрастающую дружбу жены и Карла Карловича. Наконецъ, онъ дождался давно желанной поры и отправился въ командировку на югъ, по порученію комиссариата. Конечно, разставаніе Павлы Абрамовны съ супругомъ не обошлось безъ истерическихъ рыданій, безъ закатыванія глазъ къ небесамъ. Самъ же Данило Захаровичъ крѣпился. Онъ даже позабылъ, какой опасности подвергаетъ онъ свое семейное счастье, оставляя свою жену подъ одною кровлею съ Карломъ Карловичемъ. Но долгъ прежде всего. Данило Захаровичъ рѣшился свято исполнить этотъ долгъ и, какъ достойный гражданинъ, мужественно отдавалъ себя на жертву общественному служенію.

— Что дѣлать, что дѣлать! Долгъ службы! многозначительно бормоталъ онъ.— Береги дѣтей! Слушайте мать! Для васъ, для васъ тружусь! лаконически обращался онъ къ домочадцамъ, цѣлуя ихъ на платформѣ Николаевской желѣзной дороги.

Домочадцы рыдали. Даже Карлъ Карловичъ не выдержалъ и на его масляныхъ глазахъ блеснули слезы. Наконецъ, оберъ-кондукторъ далъ свистокъ, домочадцы замахали платками, Данило Захаровичъ приподнял фуражку, поѣздъ тронулся и—Мальбругъ въ походъ поѣхалъ...

— Ахъ, у меня ноги подкашиваются! рыдала Павла Абрамовна и тожно оперлась на руку предупредительнаго Карла Карловича.

— Берегите себя, ваше здоровье такъ дорого, шепталъ Карлъ Карловичъ.

— Ахъ, кому оно дорого! отчаявалась Павла Абрамовна.

— Какъ вамъ не грѣхъ говорить это! упрекалъ Карлъ Карловичъ, подсаживая Павлу Абрамовну въ кресло.

Далеко за полночь пришлось Карлу Карловичу утѣшать неутѣшную жену, когда они возвратились домой.

— Ахъ, эта роковая война положительно губить семейное счастье, вздыхала Павла Абрамовна, —разлучаетъ всѣхъ, оставляетъ насъ безъ защиты.

— Другъ мой, развѣ я не съ вами, тихо прошепталъ Карлъ Карловичъ, припавъ къ рукѣ Павлы Абрамовны.

— Но вы... вы тоже, можетъ быть, бросите меня, проговорила она.—Вотъ Леонидъ поступить къ Добровольскому... вы уйдете...

— О, прикажите мнѣ и я останусь навсегда здѣсь у васъ, у вашихъ ногъ!...

Карлъ Карловичъ опустился передъ Павлой Абрамовной на колѣни.

— Другъ мой, вѣрный мой другъ! обвила она рука́ми его шею.

А Данило Захаровичъ между тѣмъ вѣхалъ и глубоко сожалѣлъ, какіе плоды принесетъ ему военное время...

Военныя событія почти не коснулись только пріюта. Жидкіе щи изъ сѣрой капусты, северная каша съ прогорѣлымъ масломъ, сѣченіе воспитанницъ, сплетни помощницъ, наушничество каждой на всѣхъ и всѣхъ на каждую, все это шло неизмѣннымъ, разъ на всегда заведеннымъ порядкомъ. Только характеръ работъ измѣнился: теперь дѣвочки шили халаты, готовили бинты и работали съ утра до поздней ночи всю эту срочную работу, отправлявшуюся черезъ комиссаріатъ на поля битвы. Кромѣ этихъ признаковъ военнаго времени, можно было замѣтить вліяніе войны въ пріютѣ на настроеніи Зубовой и Постниковой. Зубова сдѣлалась воинственнѣе и, ругая воспитанницъ, говорила имъ:

— Я бы васъ всѣхъ подъ пушки послала! Ужъ право жаль, что женщины въ солдаты не отдають, а то не сносить бы вамъ своихъ головъ.

Сантиментальная Марья Николаевна хотя и не сдѣлалась виновницею, но почувствовала особенную нѣжность къ военнымъ и, при видѣ проходившихъ по улицѣ офицеровъ, подпрыгивая и хлопая въ ладоши, говорила, какъ-то особенно оттопыривая поблекшія губки:

— Ахъ, амы какіе, амочки!

— Что это вы въ какой телачій восторгъ приходите отъ каждаго офицера! Ёдко замѣчала ей Зубова.

— Да какъ же, печально надувала губки Марья Николаевна, — они, кисаньки, за насъ пойдутъ на смерть.

— Ну да, такъ за васъ именно и пойдутъ! желчно возражала Зубова. — И то сказать: не все же имъ гранить мостовую.

— У васъ, душа моя, сердца нѣтъ, сердца нѣтъ! возмущалась Марья Николаевна.

Впрочемъ, напывъ сантиментальности не мѣшалъ Постниковой по прежнему драть за уши, ставить на колѣни воспитанницъ и дуться на Катерину Александровну. Прилежаева продолжала стоять въ сторонѣ отъ обѣихъ дѣвственницъ и служила мишенью для ихъ злобныхъ выходокъ. Онѣ всѣми силами старались теперь дѣлать ей колкости и вооружить противъ нее Зорину. Подсмотрѣвъ какъ-то, что Катерина Александровна читаетъ французскую грамматику, Зубова спросила молодую дѣвушку:

— Вы ужъ не приготовляетесь-ли къ тому, что французы возьмутъ Петербургъ?

— Изъ чего вы это заключили? удивилась Прилежаева.

— Да вотъ вы по французски учитесь.

— А-а! улыбнулась Катерина Александровна и не сочла нужнымъ объяснять, для чего она учится по французски.

Черезъ нѣсколько дней пріютившіе шпіоны подмѣтили, что Катерина Александровна занимается арифметикой.

— Вотъ наша Катерина Александровна скоро наследство на дѣтса получить, замѣтила Зубова.

Катерина Александровна съ недоумѣніемъ посмотрѣла на нее.

— Неужели? съ любопытствомъ спросила Постникова, уже завидуя въ душѣ Прилежаевой.

— Какъ-же! Она ужъ начала арифметику учиться, чтобы вѣрнѣе сосчитать, сколько денегъ ей достанется, съострила Зубова, расхохотавшись своимъ грубымъ смѣхомъ.

— Ахъ, шутница, право, шутница! засмѣялась Постникова.

Катерина Александровна не сказала ни слова. Это взбѣсило Зубову: она поняла, что ея насмѣшки и шпильки не задѣваютъ за живое ея врага.

— Этой дурѣ все, какъ объ стѣну горохъ, злобно проговорила она, когда Катерина Александровна вышла изъ комнаты.

— На недосыгаемой высотѣ стоять! ироническимъ тономъ произнесла Постникова.

— Ну, за то и въ грязь знатно шлепнется, саркастически захохотала Зубова. — Въ какого-то мальчишку тоже врѣзалась...

— Что вы? Вотъ мило, вотъ мило! Да не можетъ быть?

— Ей-богу! Ъду это я на дняхъ мимо ихъ дома къ Митрофанію, а она съ нимъ воркуетъ у окна, головки склонили другъ къ другу, точно цѣловаться хотятъ... Потомъ встрѣтила ихъ на улицѣ вмѣстѣ... Такъ въ глаза ему и смотритъ, такъ и смотреть...

— Кто-же онъ?

— Кадетинка еще! Ну, да вѣдь плоды-то одни и тѣ-же и отъ кадета, что отъ офицера.

— Шутница, шутница!

— Да, вотъ она гуляетъ, а слава-то пойдетъ не про нее одну, а про всѣхъ помощницъ... Вотъ тутъ и служи съ такими шлюхами... И удивляюсь я Аннѣ Васильевнѣ, что она съ нею вѣжничаетъ...

Грязные слухи, конечно, не ускользнули отъ слуха Анны Васильевны, но старуха вообще старалась смотрѣть сквозь пальцы на „шалости“, то есть на извѣстную долю вѣтренности помощницъ, въ настоящее-же время, если-бы она и хотѣла выкинуть во что нибудь, то ей было-бы очень трудно это сдѣлать: она была всецѣло поглощена своими личными дѣлами.

Александръ Ивановичъ Зоринъ уже давно скучалъ въ бездѣйствіи въ „кельѣ игуменни женскаго монастыря“, какъ онъ называлъ комнаты своей матери. Ему уже давно хотѣлось развернуться и хотя отчасти вспомнить и воскресить свое прошлое житье-бытье. Война послужила ему предлогомъ для того, чтобы поразнообразить свою жизнь и снова войти въ тотъ кругъ, изъ котораго онъ такъ рано вышелъ.

— Я, кажется, толстѣть начинаю, разсуждалъ онъ. — Это просто скверно! Надо поразмяться...

Чтобы поразмяться, онъ подалъ прошеніе о принятіи его на службу. Онъ рѣшился служить и для этого нужны были деньги или, вѣрнѣе сказать, ему нужны были деньги и онъ рѣшился служить. Пришлось выжать изъ своего кошелька все, что было возможно, — кошелекъ-же Александра Васильевича, по его собственному остроумному выраженію, была его мать. Анна Васильевна была рада освободиться отъ сына; когда-то она горячо любила его, теперь-же она съ нетерпѣніемъ ждала, когда онъ окончательно опредѣлится на службу; въ ней даже не шевельнулось материнское чувство боязни за участь сына, шедшаго на войну. Но радость радостью, а деньги деньгами: она могла радоваться его опредѣленію въ полкъ, но не могла дать ему многого на обмундировку, тогда какъ онъ желалъ добыть отъ своего „кошелька“ не только на обмундировку, но и на кутежи съ пріятелями по случаю опредѣленія на службу. Между матерью и сыномъ начались дикія сцены споровъ, обоюдныхъ упрековъ, циническихъ напоминаній о старыхъ грѣхахъ.

Александръ Ивановичъ шумно ходилъ по комнатѣ и ждалъ, когда мать сама передастъ ему серебро, когда она ему дастъ довѣренность на полученіе ея жалованья и пенсіи: какъ истинно честный человѣкъ, онъ не хотѣлъ грабить свою жертву, но ждалъ, когда она своими руками отдастъ ему все свое убогое имущество. Серебро было заложено, жалованье и пенсія на полгода были проданы какому-то торговцу, поставлявшему на пріютъ дрова и занимавшемуся въ то-же время ростовщицествомъ. Этотъ услужливый и изворотливый человѣкъ приобрѣлъ отъ Анны Васильевны довѣренность на полученіе ея жалованья и пенсіи втеченіе шести мѣсяцевъ; конечно, эта услуга обошлась недешево и за каждый рубль было выдано только по шестидесяти копеекъ, впрочемъ, услужливый человѣкъ рисковалъ своими деньгами и потому не могъ же не взять за рискъ приличнаго вознагражденія. Наконецъ, Александръ Ивановичъ обдѣлалъ свои дѣла и могъ спокойно отправиться въ полкъ, чтобы принести на алтарь отечества свои услуги, можетъ быть, свою кровь и даже самую жизнь. Безъ слезъ, безъ замиранія въ сердцѣ прощались Анна Васильевна съ своимъ когда-то любимымъ сыномъ. Почти съ пренебреженіемъ и

ненавистью прикоснулся онъ къ ея губамъ и, насвистывая какую-то арію, вышелъ изъ дому. Мать не провожала его на крыльцо, не смотрѣла въ окно, какъ онъ садился въ экипажъ, не склонилась передъ образомъ съ молитвой за него, но тяжело опустилась на диванъ и склонила на руки свою сѣдую голову; долго сидѣла она, не трогаясь съ мѣста, покуда укладывали чемоданы сына, потомъ, когда загремѣли колеса отъѣзжавшей коляски, поднялась и глубоко вздохнула всею грудью, какъ-будто съ этой груди свалился тяжелый гнетъ; принизившаяся старуха снова выпрямилась и подняла голову: ея позорный столбъ исчезъ... На долго-ли? „Господи, если бы онъ остался тамъ!“ тихо прошептала она и вдругъ вздрогнула: въ ея головѣ промелькнула мысль, что остаться тамъ значить быть убитымъ...

Иныя сцены, иныя впечатлѣнія занимали въ это-же время семейства Прилежаевыхъ и Прохоровыхъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ продолжали они ожидать, не кончится-ли война до весны, а дни летѣли за днями, не принося извѣстій объ окончаніи роковыхъ событій.

— Господи, какъ время-то летитъ! удивлялась иногда Марья Дмитріевна, — вотъ ужъ и Рождество близко.

— Да, да, хмуро соглашался штабсъ-капитанъ, — Рождество близко, а о мирѣ все еще ни слуху, ни духу... Не увидимъ, какъ и весна подкатитъ.

— Ну, батюшка, вотъ, можетъ быть, еще къ новому-то году и выйдетъ милостивый манифестъ, успокоивала Марья Дмитріевна.

— Какой манифестъ? спрашивалъ штабсъ-капитанъ.

— А о замиреніи-то...

— Эхъ вы! безнадежно махалъ рукою штабсъ-капитанъ.

— Да что-жъ, батюшка, вѣдь на все воля божія. Можетъ и смижутся.

— Ждите, ждите, вздыхалъ старикъ. — Пока вы ждете будете, весна на дворъ прикатитъ.

— И съ чего это нынѣшній годъ-то такой короткій, задумывалась Марья Дмитріевна. — Вѣдь, слава Создателю, не первый годъ живу на свѣтѣ, а такого короткаго года еще не видала...

Время дѣйствительно летитъ необыкновенно быстро въ семьѣ

Прилежаевыхъ среди напряженныхъ ожиданій и усиленной работы. Антонъ ходитъ въ гимназію; Катерина Александровна по прежнему дежуритъ въ пріютѣ, шьетъ и учится; братья Прохоровы подготавливаются къ выпуску и съ различными чувствами считаютъ дни, остающіеся до полученія чиновъ; Марья Дмитріевна попрежнему вздыхаетъ, справляется, близко-ли подошли враги къ Петербургу, шьетъ безъ усталости солдатское бѣлье и хлопочетъ за приготовленіемъ обѣдовъ; штабсъ-капитанъ почитываетъ газеты и ораторствуетъ въ клубѣ, все, повидимому, обстоитъ благополучно и новый день не приноситъ новыхъ событій. Но среди этого затишья каждый изъ нашихъ героевъ уже начиналъ чувствовать, что все ближе и ближе приходитъ то время, когда эти новыя событія встревожатъ мирное теченіе ихъ жизни. Сильнѣе всѣхъ сознавалъ неотразимость близкой переменъ въ жизни Александръ Прохоровъ. Онъ уже тосковалъ не объ одной приближавшейся разлукѣ съ отцемъ, — онъ, съ замираніемъ въ сердцѣ, помышлялъ и о разлукѣ съ Катериной Александровной. Эта дѣвушка, какъ мы сказали, сдѣлалась его лучшимъ другомъ, самымъ дорогимъ для него существомъ. Совершенно незамѣтно для самихъ молодыхъ людей между ними установились отношенія любящихъ другъ друга младшаго брата и старшей сестры. Эта дружба была чиста, Александръ Прохоровъ относился къ Катеринѣ Александровнѣ съ какимъ-то благоговѣніемъ, Катерина Александровна смотрѣла на него покровительственно, какъ на милого мальчика. Они, быть можетъ, изумились-бы, если бы кто-нибудь подсказалъ имъ, что они влюблены другъ въ друга, такъ-какъ Катерина Александровна видѣла въ Александрѣ Прохоровѣ почти ребенка и ужъ никакъ не молодого человѣка, да и самъ Александръ Прохоровъ смотрѣлъ на себя, какъ на неопытнаго школьника въ сравненіи съ этой молодой дѣвушкой, уже нѣсколько лѣтъ управшей домою и зарабатывавшей кусокъ хлѣба для всей семьи. Имъ ни разу не пришло въ голову, что разница ихъ лѣтъ совсѣмъ не такъ велика, какъ казалось съ перваго взгляда. Это различіе отношеній другъ къ другу проглядывало даже въ томъ, какъ молодые люди называли одинъ другого. Она звала его Сашей, онъ называлъ ее Катериной Александровной; она иногда говорила ему *ты*, онъ никогда не сказалъ ей иначе, какъ *вы*. Даже перевѣсъ знаній, бывшій на сторонѣ молодого человѣка.

не сгладилъ этого различія въ отношеніяхъ, хотя въ послѣднее время Александръ Прохоровъ и игралъ порою роль учителя Катерины Александровны; но и въ эти минуты скорѣе она управляла учителемъ, чѣмъ онъ ею. Чѣмъ болѣе сокращалось время, оставшееся до выхода изъ корпуса, тѣмъ тѣснѣе сближались молодые люди.

— Катерина Александровна, вы пишете ко мнѣ, когда я уѣду, говорилъ Александръ.

— Вы-то только пишете, а я ужъ не залѣнюсь, отвѣчала она.—Вы свѣтъ увидите, въ кружокъ новыхъ товарищей попадете, такъ вамъ немудрено будетъ не найти времени для писемъ... Вы хоть нѣсколько строкъ присылайте...

— Какъ-бы хорошо и мирно мы жили, если бы я могъ остаться здѣсь, говорилъ онъ въ другой разъ. — Вы учились-бы, я служилъ-бы и подготовился-бы къ университету, кончилъ-бы тамъ курсъ и вы къ тому времени выдержали-бы экзаменъ, и тогда намъ было-бы нечего бояться нужды...

— Что мечтать о томъ, чего не можетъ быть, вздыхала она.—Дай Богъ, чтобы только всѣ мы живы остались, а тамъ что будетъ, то будетъ...

Иногда онъ читалъ о военныхъ событіяхъ, она молча слушала чтеніе, опутивъ голову.

— Катерина Александровна, что съ вами? тревожно спрашивалъ Александръ, видя слезы на ея поблѣднѣвшихъ щекахъ.

— Мнѣ тяжело, Саша, какъ я подумаю, сколько тамъ убитыхъ, сколько женъ, матерей и сестеръ осиротѣло... Господи, отчего это люди не могутъ жить безъ войны, не убивая другъ друга!.. Сколько горя, сколько слезъ льется теперь во всѣхъ концахъ Россіи... Я, кажется, не перенесла-бы, если-бы моего брата убили... я сама пошла-бы туда... пошла-бы облегчить участь хоть одного раненаго. Вотъ мужчины счастливѣе насъ въ этомъ отношеніи, они докторами могутъ быть, могутъ хотя кого-нибудь спасти... Я, Саша, все буду бояться за васъ, когда вы уѣдете, ласково клала она свою руку на его плечо.

— Вы сестрою мнѣ сдѣлались, я васъ послѣ отца больше всѣхъ на свѣтѣ люблю, шепталъ онъ и припадалъ губами къ ея рукѣ.—Берегите отца, утѣшайте его, если что случится...

— Что вы, что вы, Саша! Зачѣмъ предполагать дурное! тревожно говорила она.

Порою къ нимъ присоединялся штабсъ-капитанъ, Марья Дмитриевна и Антонъ. Въ ихъ кружкѣ шли тихія и грустныя рѣчи о будущемъ. Штабсъ-капитанъ угрюмо хмуриль брови и шагаль по комнатѣ. Онъ сталъ неузнаваемъ, его лицо похудѣло, обвисло. Его рѣчи сдѣлались немногословны, иногда онъ просиживалъ молча по цѣлымъ часамъ. По временамъ онъ стискивалъ зубы, когда Марья Дмитриевна начинала почти причитать надъ молодыми людьми, готовившимися къ войнѣ.

— Скоро, скоро, дорогіе мои, проводимъ мы васъ въ путь, вздыхала она.—Какъ красное солнышко, закатитесь вы и Богъ знаетъ, когда вернетесь къ намъ, старикамъ...

— Генералами прїѣдемъ! шумно смѣялся братъ Иванъ.

— Охъ, батюшка, не до поживы, а были-бы живы! вздыхала старуха.

— Ну, мама, что впередъ тосковать! вмѣшивалась въ разговоръ Катерина Александровна.

— И то тоску нагнали! бормоталъ штабсъ-капитанъ.—Авось все кончится до той поры... Будемъ живы—увидимъ... Да, я вотъ счастливѣе ихъ былъ, задумчиво шепталъ онъ.—Бобылемъ былъ... Ни отца, ни матери не было... никто не заплакалъ-бы, если-бъ...

Онъ не договаривалъ начатой фразы, а по его обвислымъ губамъ щекамъ катились крупныя слезы.

— Ну, полно, отецъ! ласково говорилъ Александръ.—Неужели нѣтъ другихъ разговоровъ? Еще и живы будемъ и счастливы... Ты не волнуйся, у тебя вонъ вмѣсто дочери останется куда наша Катерина Александровна, а тамъ и мы прїѣдемъ...

Александръ, обнявъ одною рукою старика, тихо ходилъ съ нимъ по комнатѣ и утѣшалъ его, какъ слабую женщину. Въ эти минуты въ мягкомъ, задумчиво говорившемъ юношѣ трудно было узнать того рѣзкаго кадета, который возмущилъ Старцева своею мужиковатою грубостью.

Безмолвнымъ, но не безучастнымъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ мелкихъ сценъ являлся Антонъ. Тихо склонивъ голову на плечо матери или сестры, онъ задумчиво слѣдилъ за дѣйствующими лицами, всматривался въ выраженіе ихъ фізіономій, вслушивался въ звуки ихъ голосовъ. Отъ его большихъ, умныхъ глазъ не

ускользала ни тихая грусть сестры, ни слезливая мина матери, ни мужественная печаль Александра Прохорова, ни крупные слезы старикаго инвалида, ни беззаботная, удалая веселость и безпечность Ивана Прохорова. Въ дѣтской головѣ мальчика мелькали мысли о томъ, что старому штабсъ-капитану, должно быть, очень тяжело, что Александръ Прохоровъ очень, очень любитъ отца, что Иванъ Прохоровъ совсѣмъ мальчишка, что самъ онъ, Антонъ, горько, горько заплакалъ-бы, если-бы ему пришлось оставить мать и сестру. Въ эти минуты онъ началъ отдавать себѣ полный отчетъ въ своихъ чувствахъ къ своей семьѣ; онъ понималъ, что онъ горячо, всею душою любитъ эту семью. Въ эти минуты онъ сталъ сознательно уважать штабсъ-капитана, какъ добраго отца, и Александра Прохорова, какъ добраго сына. Иногда онъ думалъ: „у меня былъ тоже добрый отецъ“! и ему вспоминалось, какъ его отецъ тѣшилъ его играми на пустынныхъ островахъ во время поѣздокъ за щепками, какъ его отецъ говорилъ ему заботливымъ голосомъ, смотря на его купанье въ заливѣ: „не заходи далеко, тамъ глубоко, оступиться можешь“. Теперь онъ какъ будто слышалъ снова не только эти слова, но тотъ тонъ, которымъ они говорились, и въ этомъ тонѣ ему слышалась любовь. „И я вѣдь любилъ, очень любилъ отца, я бы тоже горевалъ, если-бы мнѣ пришлось идти отъ него на войну“, думалъ мальчикъ и передъ его глазами возставалъ образъ сгорбленнаго, больнаго старика, исчезающаго безслѣдно среди тумана осенняго вечера... Голубые глаза мальчугана подергивались слезами и онъ крѣпче прижимался къ матери или къ сестрѣ. Иногда въ эти минуты Александръ, обнявъ Антона, тихо говорилъ ему:

— Ты тоже пиши мнѣ обо всемъ, объ отцѣ, о себѣ... о сестрѣ пиши. Они, можетъ быть, спросятъ что-нибудь, а ты откровенно пиши все, хотя-бы и не радостныя вѣсти... Мы мужчины съ тобой, мы должны смотретьъ прямо въ глаза всякому горю...

— Я буду писать! Что мнѣ скрывать, серьезно отвѣчалъ мальчуганъ и въ душѣ гордился, что онъ будетъ переписываться съ своимъ взрослымъ другомъ, что этотъ взрослый другъ полагается на него.

А дни все летѣли и летѣли впередъ...

IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПРЕДЫДУЩЕЙ.

Наступала весна, тяжелая, грустная, полная тревожныхъ ожиданій весна; казалось, что для всѣхъ рѣшался вопросъ: быть или не быть. Всѣ какъ будто находились въ томительномъ недоумѣніи и спрашивали: что будетъ теперь? Отвѣта еще не было и покуда во всемъ и на всѣхъ преобладалъ черный цвѣтъ: одни носили трауръ по убитымъ родственникамъ, другіе по умершемъ государѣ, третьи облачились въ черное ради моды. Въ самомъ пріютѣ Бѣлокопытовыхъ вмѣсто голубыхъ и красненькихъ гарусныхъ кисточекъ на головахъ дѣвочекъ появились кисточки изъ черной шерсти; кромѣ того графиня Бѣлокопытова, рыдая и поминутно сморкаясь, обратилась къ воспитанницамъ съ рѣчью о томъ тяжеломъ времени, которое настало. „Благодѣтеля, благодѣтеля нашего мы похоронили!“ говорила она и раздала собственноручно по черному ситцевому платочку на каждахъ двухъ воспитанницъ, которыми велѣно было разрѣзать эти платочки на косыночки и носить ихъ на шеѣ. Въ магазинахъ не доставало черныхъ матерій и вещи этого цвѣта поднялись въ цѣнѣ до невообразимой степени; въ февралѣ самый простой крестъ стоилъ вчетверо дороже, чѣмъ въ январѣ. Даже мелочи, даже бездѣлушки женскаго туалета напоминали о войнѣ, браслеты съ замками въ видѣ пушекъ, черныя цѣпи и черные кресты, булавы съ мертвыми головками, бредоки въ видѣ ядеръ, все это говорило: *memento mori*. Шутихи моднаго свѣта нашли возможность играть даже въ общественную печаль и обшивали бѣлымъ кружевомъ черныя платья. Въ городѣ царствовала тишина: на улицахъ не слышалось привычныхъ звуковъ шарманокъ, въ домахъ не раздавалось звуковъ фортепіано, нигдѣ не давалось баловъ, театры были закрыты. Случайныя обстоятельства прекратили наконецъ разныя пиръ безмысленныхъ кутиль и заставили городъ принять тотъ серьезный видъ, который шелъ болѣе къ порѣ общественныхъ бѣдствій, чѣмъ шумъ пьяныхъ обѣдовъ и вахическихъ баловъ. Теперь все затихло. Что это было: слезы-ли передъ радостью или предчувствіе грядущихъ бѣдъ?

Въ эту скорбную пору въ корпусѣ шли экзамены, т. е. наступило тревожное и дѣятельное время. Одни воспитанники платили сторожамъ гривенники, чтобы ихъ будили въ четыре часа; другіе тайкомъ не спали до трехъ часовъ, третьи забывались въ какой-нибудь отдаленный уголь съ своими тетрадями и лекціями, всѣ „зубрили“ все пройденное и дрожали за свою участь, боясь „провалиться“. Въ корпусѣ, не смотря на необходимость, не смотря на желаніе приготовиться къ экзаменамъ, не позволялось заниматься дольше указанного срока, точно каждый юношескій мозгъ обязанъ былъ усвоить все необходимое въ отмѣренный для всѣхъ промежутокъ времени. На молодыхъ лицахъ были видны слѣды утомленія и усталости. Александръ Прохоровъ тоже замѣтно поблѣднѣлъ и похудѣлъ, иногда даже его глаза были припухшими и красными. Перемѣна въ его лицѣ была такъ сильна, что ее не могли не замѣтить даже посторонніе люди.

— Что это вы, батюшка, кажется, совсѣмъ заучились, замѣтилъ ему при встрѣчѣ Старцевъ, считавшій своимъ долгомъ любезничать съ „новымъ поколѣніемъ“.

— Нельзя-же не готовиться къ экзаменамъ, уклончиво отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.

— Э, да вы не налегайте очень, посовѣтовалъ Старцевъ.— Теперь не такое время, чтобы заниматься разными формальностями и строгостями. Теперь люди нужны, вонъ изъ академіи медиковъ почти безъ экзаменовъ выпускаютъ.

— Я не намѣренъ получать хорошіе баллы Христа ради, отвѣтилъ Александръ Прохоровъ,—и дуракомъ стоять на экзаменахъ не привыкъ.

— Да вѣдь результатъ-то будетъ одинъ и тотъ-же, усмѣхнулся Старцевъ.— Или, изъ чувства гражданской гордости, хотите свято исполнить свой кадетскій долгъ?

— Просто краснѣть не хочу, какъ краснѣлъ прежде, когда вы упрекали меня за непониманіе всей глубины великихъ произведеній любимаго вашего Державина, съ усмѣшкой отвѣтилъ Александръ Прохоровъ.

— Э, батюшка, другія времена — другіе нравы! похлопалъ Старцевъ по плечу Прохорова.— Для Россіи наступаетъ великое время.

— Люди тѣ-же, Владиміръ Ивановичъ, промолвилъ Александръ Прохоровъ.

Старцевъ пожалъ плечами и отошелъ прочь.

Дня черезъ два начался первый экзаменъ. Слова Старцева оправдались, экзаменаторы, занятые другими соображеніями, заваленные дѣломъ, были снисходительнѣе обыкновеннаго и торопились кончить официальную часть выпускковъ. Учителя довольно безцеремонно и добродушно облегчали отвѣты, поясняли темно высказанное воспитанниками, подсказывали въ затруднительныхъ случаяхъ забытое экзаменующимся. У всѣхъ были на умѣ гораздо болѣе важныя заботы и расчеты, чѣмъ дурной или хорошей отвѣтъ того или другого ученика. Послѣ перваго-же экзамена большая часть выпускныхъ воспитанниковъ оживилась и на половину оставила лекціи. Въ тотъ-же день вечеромъ въ пустой мертвецкой, то есть въ комнатѣ, куда относились умиравшіе въ лазаретѣ воспитанники, былъ устроенъ пиръ и на большомъ столѣ появились разныя яства и чай. Надежда на успѣхъ оживила даже и тѣхъ, которые дрожали за свою участь и не мечтали даже о выходѣ въ „гарнизонъ“. Подобныя пиршества нерѣдко тайкомъ устраивались кадетами, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, какъ теперь, и строго преслѣдовались начальствомъ. Но на этотъ разъ батальонный командиръ Фитилькинъ сдѣлалъ видъ, что онъ ничего не подозреваетъ о пирѣ и въ теченіе всего вечера ни разу не заглянулъ на лазаретную половину. Кто-то изъ офицеровъ попробовалъ замѣтить ему о происходившемъ, но онъ махнулъ рукою.

— Не долго-съ, не долго-съ теперь, проговорилъ онъ отрывисто.—Выйдутъ, развяжутъ руки; нечего поднимать исторіи; не такая-съ пора.

Дѣйствительно, пора была не такая, чтобы обращать вниманіе на мелочи.

Александръ Прохоровъ не принималъ никакого участія въ пиршествѣ и его лицо не оживилось радостью, глаза не заблестѣли весельемъ, когда онъ убѣдился на дѣлѣ, что экзамены оказались менѣе строгими, чѣмъ ожидали воспитанники. Повидимому, причина его блѣдности и задумчивости была болѣе глубокою, чѣмъ страхъ передъ дурнымъ балломъ. Онъ сдавалъ одинъ экзаменъ за другимъ самымъ блестящимъ образомъ, получалъ лучшіе бал-

лы, шель первымъ, а его лицо все не прояснялось. Печать глубокаго раздумья и серьезной грусти глубоко врѣзалась въ каждую черту его фізіономіи и это еще такъ недавно казавшееся дѣтскимъ и беззаботнымъ лицо приняло такое осмысленное выраженіе, такъ возмужало, что имъ нельзя было не залюбоваться. Это былъ уже не мальчикъ, не пухленькій херувимчикъ съ розовенькими щечками и глупенькими большими глазами. Это былъ умный, вполне развитый юноша, вступавшій въ жизнь съ полнымъ сознаниемъ того, что его ожидаетъ впереди. Во всѣхъ его движеніяхъ пропала кадетская угловатость и суетливость; его фразы сдѣлались сжатыми, точно онъ скупился изливать передъ другими всѣ дорогія для него чувства и мысли, которыя роились въ его головѣ. Онъ уже не такъ волновался, говоря о предстоящей ему службѣ въ дѣйствующей арміи, хотя онъ еще глубже чувствовалъ всю тяжесть разлуки съ отцомъ и всю печальную сторону той участи, которая, быть можетъ, выпадетъ ему на долю въ первомъ-же сраженіи. Повидимому, онъ уже обдумалъ, какъ и что онъ сдѣлаетъ въ томъ или другомъ случаѣ и уже не боялся, по крайней мѣрѣ лично за себя. Какъ-то мелькомъ, въ разговорѣ съ Катериной Александровной, онъ замѣтилъ:

— Мнѣ кажется, что каждый человѣкъ долженъ взять за руководство одну великую идею: или со щитомъ, или на щитѣ. Всякій другой путь ведетъ только къ заблужденіямъ, къ мелкимъ тревогамъ, къ жизни разныхъ Адуевыхъ.

— Я васъ не понимаю, Саша, сказала Катерина Александровна.— Вы говорите: каждый человѣкъ... Но вѣдь это только тѣ могутъ сдѣлать, которые на войнѣ. Они могутъ или побѣдить или умереть, а какъ-же: мы-то мы ни съ кѣмъ не воюемъ...

— Какъ же не воюете? возразилъ Александръ Прохоровъ.— Вы тоже вонъ воюете съ Зубовой, съ Постниковой...

— Ну, Саша, ихъ не побѣдишь. Однѣ уйдутъ, другія такія-же явятся.

— Да тутъ дѣло не въ людяхъ, а въ томъ, чтобы добиться своего, своей цѣли достигнуть... Мнѣ кажется, каждый человѣкъ долженъ задаться известной цѣлью и или умереть, или достигнуть ее, побѣдивъ всѣхъ враговъ, мѣшающихъ достиженію этой цѣли.

— Ну, Саша, вы совсѣмъ къ войнѣ приготовились, улыбнулась молодая дѣвушка. — Можно-ли такъ хладнокровно говорить объ этомъ? Вы идете убивать людей и говорите про это такъ, какъ будто дѣло идетъ о какихъ-нибудь комарахъ...

— Отчего-же и не такъ? спросилъ Александръ Прохоровъ. — Вѣдь вы убиваете-же комара, если онъ васъ ужалитъ? А онъ тоже, я думаю, хотѣлъ-бы жить и питаться вашею кровью.

Катерина Александровна какъ-то боязливо взглянула на своего молодого друга.

— Я думаю, Катерина Александровна, вы охотно изгнали-бы изъ пріюта Зубову и Постникову, если-бы могли? спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Еще-бы не изгнать такихъ злыхъ женщинъ; онѣ всѣхъ дѣтей поѣдомъ ѣдятъ, горячо отвѣчала молодая дѣвушка.

— А какъ вы думаете, чѣмъ-бы онѣ стали жить, если-бы къ нимъ всѣ такъ отнеслись, какъ вы? спросилъ Александръ Прохоровъ, пристально взглянувъ на нее.

Она молчала.

— Имъ пришлось-бы идти по міру, но, можетъ быть, ни вы, ни другія женщины, смотрящія на нихъ такъ-же, какъ вы, не подали-бы имъ ни гроша, такъ-какъ эти гроши нужны для болѣе близкихъ вамъ людей. Зубовой и Постниковой, по вашей милости, пришлось-бы умереть съ голоду. А вѣдь это уже не комары.

Катерина Александровна задумалась.

— Саша, вы, значитъ, очень охотно идете воевать? съ непонятнымъ для нее самой волненіемъ спросила она черезъ минуту.

— Я, какъ и всѣ, желаю, чтобы поскорѣй кончилась война и чтобы люди не рѣзали другъ друга, спокойно отвѣтилъ онъ.

Впервые во время этого разговора Катерина Александровна смутно почувствовала, что ея другъ уже не мальчикъ, что она сама вдругъ сдѣлалась какъ будто моложе его. Она хотя и не совсѣмъ ясно, но все-таки сознавала, что онъ впервые высказывалъ ей мысли, не просто вычитанныя имъ изъ книги или слышанныя отъ учителей, а свои собственныя, созрѣвшія въ его головѣ, и въ то-же время она поняла, что она никогда не додумывалась до этихъ мыслей, никогда не отдавала себѣ отчета, къ чему собственно она стремится въ борьбѣ съ такими лично-

стями, какъ Зубова и Постникова. „Саша знаетъ больше меня, оттого онъ и умный“, мелькнуло въ ея головѣ.

— Учитесь, Катерина Александровна, промолвилъ Александръ Прохоровъ, какъ-бы угадывая ея мысли.—Изберите образованіе своею цѣлью и идите къ ней, во что-бы-то ни стало. Безъ образованія ничего не подѣлаете. Я самъ сознаю, что я теперь нигде не гоюсь вромѣ военной службы и что придется много работать, чтобы стать человѣкомъ. Вы тоже дальше пріюта безъ образованія не пойдете.

— Я это знаю, Саша, вздохнула Катерина Александровна.— Я и учусь, да многому-ли можно выучиться при посторонней работѣ?

— Погодите, кончится война, я помогу вамъ...

— Вы?

— Ну-да. Чему-же вы удивляетесь? Самъ буду учиться и помогу вамъ. Безъ помощи ничего не сдѣлаете, у васъ вонъ семья на хлѣбахъ. А вы тоже мнѣ помогите: не оставляйте покуда отца, берегите его. Онъ слабъ, ему нужна поддержка, нужна ласка...

Александръ Прохоровъ задумался.

— Запиваетъ онъ иногда, проговорилъ онъ печально.

— Развѣ вы знаете? изумилась Катерина Александровна.

— Еще-бы! Когда мы жили еще подъ Невскимъ, я зналъ это, хотя онъ и скрывалъ это отъ насъ... Знаете ли, я прежде осуждалъ его въ душѣ, я гнушался имъ, я краснѣлъ, когда онъ появлялся въ корпусѣ и мальчишки смѣялись надъ его носомъ...

Катерина Александровна смотрѣла на Александра Прохорова съ возрастающимъ удивленіемъ.

— Я, можетъ быть, и продолжалъ-бы такъ относиться къ нему, если-бы не одинъ случай, продолжалъ Александръ Прохоровъ.—Это было два года тому назадъ, во время осеннихъ отпусковъ, незадолго до знакомства съ вами. Пріятели зазвали меня къ себѣ на пирушку. Мнѣ тогда только еще недавно минуло пятнадцать лѣтъ. Мои пріятели были гораздо старше меня, но любили меня, называли своимъ другомъ, ухаживали за мною и просто нянчились со мною, какъ съ ребенкомъ. Я былъ пухленькимъ, здоровымъ, розовымъ и веселымъ мальчуганомъ. Отча-

сти я гордился тѣмъ, что меня чуть не на рукахъ носятъ, отчасти я привязался къ нимъ изъ потребности чьейнибудь ласки, чьегонибудь привѣтнаго слова. Именно въ эту пору я менѣе всего дорожилъ ласками отца; къ которому я нѣсколько охладѣлъ, узнавъ о томъ, что онъ пьетъ, и стыдясь его бѣдной одежды, его неказистой фізіономіи, его циническаго нахальства—такъ подѣ влияніемъ друзей началъ я въ ту пору называть его манеру развязно заговаривать со всѣми, его невниманіе къ своему костюму, его веселость подѣ нищенскими лохмотьями. Веселая пирушка, на которой я былъ, спеціально устроилась для меня. Меня угощали, поили; шутки и смѣхъ лились вмѣстѣ съ виномъ. Я пилъ впервые, не замѣчая, какъ пустѣлъ и снова наполнялся мой стаканъ. Среди этого безшабашнаго разгула, когда я былъ совершенно пьянъ, одинъ изъ моихъ друзей, хозяинъ квартиры, гдѣ мы были, вздумалъ продѣлать со мной одну изъ возмутительнѣйшихъ штукъ. Хотя я едва стоялъ на ногахъ, но все-же во мнѣ осталось на столько смысла, чтобы прійти въ негодованіе и подняться съ мѣста. Я началъ ругаться и сказалъ, что я иду домой. Надо мной стали смѣяться, говоря, что я не въ состояніи пройти по комнатѣ. Я ругался и утверждалъ противное. „Ну, чертъ съ нимъ, пусть идетъ, если хочетъ“, крикнулъ кто-то и меня перестали удерживать. Я не въ состояніи былъ застегнуть свой растегнутый мундиръ, я кое-какъ навинулъ шинель и пошелъ. Друзья мои знали, что я никогда не имѣлъ денегъ, что я живу очень далеко, что ночью я могу попасть въ полицію и угодить въ кантонистское училище, въ юнкера, могу быть выгнаннымъ изъ корпуса. Но никто не тронулся съ мѣста, никто не проводилъ меня и не нанялъ мнѣ извозчика. Ночь была темная, ненастная. Какъ я шелъ, какъ я добрелъ до дому, я теперь и самъ не знаю. Должно быть, я нѣсколько разъ падалъ въ грязь, потому-что мое платье было все перепачкано. Вѣроятно, я спасся отъ глазъ полицейскихъ только потому, что мнѣ пришлось идти по пустыннымъ улицамъ ямской и около конной площади, гдѣ пьяные люди не возбуждаютъ особеннаго вниманія. Но какъ-бы-то ни было, это путешествіе, совершенное въ нѣсколько часовъ, останется навсегда въ моей памяти; оно стоило долголѣтнаго путешествія блуднаго сына, вернувшагося послѣ долгихъ разочарованій и потерь къ порогу

родного дома. Съ трудомъ добравшись до квартиры, я вошелъ въ комнату отца и тяжело опустился на первый попавшійся стулъ. Я уже былъ не столько пьянъ, сколько измученъ ходьбою и инстинктивнымъ страхомъ. Отецъ еще не спалъ. Взглянувъ на меня, онъ сразу понялъ все. — „Неужели они одного тебя отпустили“? тревожно спросилъ онъ. — „Одного“, угрюмо и безсвязно отвѣтилъ я. — „Негодянъ“ проворчалъ отецъ и хлопотливо сталъ раздѣвать меня. Я сидѣлъ неподвижно въ полудремотѣ и далъ ему полную волю распорядиться моею особою. Онъ раздѣлъ меня, снялъ съ меня сапоги, снялъ чулки, вытеръ мои ноги, одѣлъ меня въ сухое бѣлье и, какъ ребенка, уложилъ въ постель. Ни одного упрёка, ни одного вздоха не долетѣло до меня. У меня началась икота, отецъ молча и заботливо принесъ мнѣ воды, укуталъ меня въ теплое одѣяло и сѣлъ около постели. Я уснулъ тяжелымъ сномъ.

— Я воображаю, какъ тяжело было ему, промолвила Катерина Александровна, — онъ въ васъ души не слышитъ...

— Когда я открылъ глаза, было уже позднее утро. Отецъ сидѣлъ у моей постели, опустивъ на грудь голову. Какъ только онъ замѣтилъ, что я проснулся, онъ принялъ веселый видъ и торопливо заговорилъ. — „Сейчасъ чайку приготовлю. Ты не вставай, Саша. Вѣдь дома не въ корпусѣ, можно и понѣжиться, не для чего съ пѣтухами подниматься. Ты въ постели чайку напейся, это, знаешь, иногда хорошо. Надо-же и посибаритничать!“ — Онъ суетился и шутилъ, но это были не его обыкновенныя суетливость и веселость, это была маска, которою онъ хотѣлъ прикрыть отъ меня свои настоящія чувства. Я хотѣлъ было встать, но моя голова была тяжела, я чувствовалъ, что мое тѣло какъ будто разбито. Со стыдомъ въ душѣ я долженъ былъ остаться въ постели и видѣть, какъ мнѣ услуживалъ отецъ. Мнѣ было бы легче вынести въ эти минуты цѣлую бурю брани и упрёковъ, чѣмъ видѣть его ласку, его хлопоты, его услужливость. Онъ наказывалъ меня своею добротою.

— Но теперь, Саша, вы не обвиняете его за это? спросила Катерина Александровна.

— Я и тогда не обвинялъ его; я просто стыдился его и чувствовалъ, что никакія наказанія не могли-бы подѣйствовать на меня такъ, какъ подѣйствовала его ласка, отвѣтилъ Алек-

сандръ Прохоровъ.—Почти весь день пролежалъ я въ постели. Отецъ читалъ мнѣ вслухъ какую-то книгу, развлекалъ меня разсказами о мѣстныхъ новостяхъ, шутилъ и острилъ, какъ будто не случилось ничего особеннаго, какъ будто я не лежу съ похмѣльемъ въ постели. О прошедшей ночи не было и помину. Я былъ окончательно подавленъ, униженъ. Я не слышалъ, что онъ читалъ, я не понималъ, что онъ разсказывалъ. Въ моей головѣ впервые заронились вопросы: дѣйствительно-ли друзья мнѣ эти люди, которые няньчутся со мною; имѣлъ-ли я право промѣнять на нихъ своего отца и стыдиться его; не является-ли онъ мимъ единственнымъ другомъ, видящимъ въ моемъ счастьи все свое счастье, живущимъ моею жизнью? Мнѣ вспомнилась возмутительная сцена, происходившая на глазахъ всѣхъ моихъ друзей; мнѣ вспомнилась вся ихъ безсердечная черствость, высказавшаяся ясно въ ту минуту, когда они отвернулись отъ меня за то, что я не подчинился грязной выходкѣ ихъ патрона; мнѣ вспомнилась встрѣча съ отцемъ... Для меня все сдѣлалось яснымъ. А въ душѣ поднялись между тѣмъ упреки за то, что я, напившійся вчера мальчишка, такъ часто обвинялъ въ душѣ за рѣдкіе случаи пьянства своего отца; упреки за то, что я, взлелѣванный и вскормленный на послѣдніе гроши отца, стыдился его лохмотьевъ; упреки за то, что въ отплату за всѣ его жертвы, за всѣ его лишенія я не только не отвѣчалъ ласками на его ласки, но старался даже избѣгать этихъ ласкъ, этого „миндальничанья“, этого „сахарничанья“, какъ выражались мои друзья, миндальничавшіе и сахарничавшіе со мною. Мнѣ болѣзненно, мучительно хотѣлось попросить прощенья у отца, хотѣлось покаяться передъ нимъ во всемъ, но не хватало духу.

Александръ Прохоровъ на нѣсколько минутъ остановился. Катерина Александровна, опустивъ голову на руку, сидѣла въ безмолвномъ раздумьи. Какимъ-то тепломъ и свѣтомъ повѣяло на нее этотъ разсказъ, какое-то новое чувство къ Александру Прохорову незамѣтно закралось въ ея душу. Если бы этотъ человѣкъ въ эту минуту вздумалъ обнять и прижать ее къ своему сердцу—она беззавѣтно отдалась бы ему, она прижалась бы къ этой теплой и честной молодой груди, какъ ребенокъ прижимается къ груди матери. Теперь Александръ Прохоровъ уже вполне казался ей не мальчикомъ, не младшимъ братомъ, но силь-

нимъ и твердымъ мужчиною; онъ какъ будто выросъ въ ея глазахъ въ эти минуты.

— Но подобныя физическія потрясенія и нравственныя переломы не всегда легко сходятъ съ рукъ, продолжалъ Александръ Прохоровъ.—Къ вечеру у меня сдѣлался жаръ и начался бредъ. Я захворалъ не на шутку. Отецъ совершенно растерялся; онъ почти не отходилъ отъ меня; онъ продалъ послѣднія крохи, чтобы добыть деньги на лекарство; онъ кланялся въ пріемныхъ благотворителей, чтобы вырвать копейку для меня. Какъ онъ пережилъ это время, какъ онъ не сошелъ съ ума, не запыль съ горя, это можно объяснить только силою любви, которая, мнѣ кажется, можетъ сдѣлать труса героемъ, слабого человѣка мужественнымъ бойцемъ. И никто, рѣшительно никто во все время моей болѣзни не справился, живъ ли я, не случилось ли чего-нибудь со мною, не нуждаюсь ли я въ чемъ-нибудь. И то сказать—здоровый я могъ интересоваться друзей, больной я сдѣлался имъ ненуженъ. Я, пожалуй, извинилъ бы ихъ, если бы они были дѣти, но они были гораздо старше меня, они понимали свои отношенія ко мнѣ и лгали о своемъ безкорыстномъ расположеніи ко мнѣ сознательно. Когда я поднялся съ постели—я былъ уже здоровъ не только физически, но и нравственно. Я уже не помышлялъ даже объ извиненіяхъ передъ отцомъ, какъ помышлялъ объ этомъ въ началѣ болѣзни: я просто искренно и горячо отдался своей любви къ нему и я знаю, что эта горячая любовь лучше всякихъ извиненій могла загладить прошлое и заслужить его прощеніе, если только онъ когда-нибудь сердился на меня.

Молодой человѣкъ умолкъ. Выраженіе его лица было оживлено, его сѣрые глаза блестяли, щеки слегка зарумянились и въ то же время какимъ-то свѣтлымъ и мягкимъ спокойствіемъ вѣяло отъ всей его фигуры. Взглянувъ на его фізіономію, можно было не ошибаясь сказать, что въ его душѣ тепло, что въ его головѣ нѣтъ ни одного грязнаго помысла, что въ его рѣчахъ нѣтъ ни слова лжи и лукавства. Въ эту минуту его можно было назвать красавцемъ.

— Берегите же отца, моя добрая, проговорилъ онъ и поцѣловалъ ея руку.

— Не бойтесь, я его не оставлю, искренно промолвила Ка-

терина Александровна.—Что бы ни случилось, я не разстанусь съ нимъ.

Онъ не выпускалъ ея руки и тихо сказалъ:

— Теперь я совершенно спокоенъ. Онъ васъ любитъ, какъ дочь, и ваша ласка поддержитъ его...

Настало минутное молчаніе.

— Какъ тихо, какъ хорошо сегодня, сказалъ онъ.— Кажется, давно уже не было такого яснаго вечера... Когда-нибудь мы, можетъ быть, будемъ вспоминать, какъ намъ хорошо жилось въ этотъ вечеръ.

— Да, Саша, я его не забуду, тихо прошептала она.

Онъ пожалъ ей руку. Въ это время въ комнату вошелъ Антонъ. Александръ Прохоровъ быстро всталъ и подошелъ къ мальчику.

— Нароботался, голубчикъ? спросилъ онъ и, притянувъ къ себѣ мальчугана, покрылъ его лицо горячими, страстными поцѣлуями.

Онъ снова сѣлъ къ окну противъ Катерины Александровны и, обнявъ одною рукою Антона, усадилъ его къ себѣ на колѣни.

— Вотъ такъ хорошо, говорилъ онъ, лаская мальчугана. — Теперь мы всѣ трое проведемъ послѣдній вечеръ старой жизни.

— Развѣ ты уже завтра уѣзжаешь? спросилъ Антонъ.

— Нѣтъ, но теперь начнутся хлопоты и едва-ли намъ удастся остаться снова втроемъ, отвѣтилъ Прохоровъ.

Всѣ опять умолкли. У каждого роились какія-то смутныя думы; имъ не хотѣлось говорить; имъ просто хотѣлось молча посидѣть вмѣстѣ въ тѣсномъ кружкѣ. Они не слышали, какъ заглянула въ комнату Марья Дмитріевна, какъ она начала возиться съ самоваромъ, какъ возвратился изъ гостиннаго двора штабсъ-капитанъ съ своимъ младшимъ сыномъ.

— Что присмирѣли, птахи? весело проговорилъ онъ, появляясь въ свою комнату. — Опять затосковались?

— Нѣтъ, отецъ, мы, напротивъ того, отбросили всякую тоску и наслаждались затишьемъ, проговорилъ Александръ Прохоровъ.— Вечеръ чудесный.

— Да, да, теплынь стоитъ, сказалъ штабсъ-капитанъ и подошелъ къ кружку.

— А маленькое дитячко на ручки забралось, пошутить онъ трепля по плечу Антона.

— Да, вотъ такъ ты меня въ его годы иногда усаживалъ къ себѣ на колѣни, съ ласковой улыбкой промолвилъ Александръ Прохоровъ.

Старикъ улыбнулся.

— Да, тоже баловень былъ, шутливо замѣтилъ онъ.

Всѣмъ было какъ-то особенно хорошо.

— Самоваръ готовъ, сказала Марья Дмитріевна, появляясь въ комнату.

— Ну сегодня мы здѣсь напьемся, сказала Катерина Александровна.— Не правда-ли, Флегонтъ Матвѣвичъ, здѣсь лучше?

— Да, да, у меня въ гостяхъ, обрадовался старикъ и торопливо сталъ открывать ломберный столъ.

— Посмотри-же, что мы закупили съ отцемъ, сказалъ младшій Прохоровъ брату.

— Чего-же смотрѣтъ? отвѣтилъ тотъ. — Все, вѣроятно, отлично.

— Тряпочки, тряпочки разныя, проговорилъ Флегонтъ Матвѣвичъ, махнувъ рукой.— Успѣежъ еще заняться ими. Теперь главное гостей угостить, шутилъ онъ.

Вечеръ шель живо и весело,—это былъ дѣйствительно послѣдній вечеръ, которымъ оба семейства безтревожно и празднично закончили свою дружескую жизнь вмѣстѣ. Въ слѣдующіе дни начались хлопоты, бѣготня, заботы о мелочахъ, необходимыхъ для двухъ уѣзжающихъ въ полкъ братьевъ; всѣ суетились, бѣгали и сходились вмѣстѣ какъ-то урывками, на минуту.

Наконецъ насталъ день отъѣзда. Всѣ старались быть бодрыми, хотя у всѣхъ щемило сердце; всѣ старались улыбаться, хотя у всѣхъ были красны глаза. Марья Дмитріевна бѣгала болѣе всѣхъ и все заботилась, не забыли-ли чего уложить. Равнодушнѣе всѣхъ относились къ укладкѣ вещей Александръ Прохоровъ и Катерина Александровна. Наконецъ, все было уложено, все было переговорено, всѣ усѣлись....

— Ну, прощай, отецъ! произнесъ Александръ Прохоровъ и обнялъ старика.

Тотъ такъ и замеръ на груди сына. Сынъ безмолвно прижалъ свои губы къ его сѣдой головѣ. Когда старикъ поднялъ голову и крѣпко поцѣловалъ сына въ губы — грудь на пальто Александра Прохорова была вся смочена слезами.

— Прощай! Береги брата, брата береги! съ усиленіемъ пробормоталъ старикъ, отрываясь отъ старшаго сына и обнявъ младшаго.

Прощаясь съ нимъ, онъ не могъ удержаться отъ рыданій и цѣловалъ и крестилъ его, какъ ребенка.

Марья Дмитріевна, Миша, Антонъ, всѣ горячо и со слезами обнимали уѣзжающихъ. Наконецъ, Александръ Прохоровъ подошелъ къ Катеринѣ Александровнѣ. Онъ протянулъ ей руку и притянулъ ее къ себѣ, обвивъ ея талью лѣвою рукою. Они какъ будто замерли въ долгомъ горячемъ поцѣлѣ. Александръ Прохоровъ забылъ всѣхъ и все; онъ цѣловалъ глаза и руки молодой дѣвушки; онъ не могъ наглядѣться на нее.

— Никто какъ Богъ, никто какъ Богъ, задушевно проговорилъ штабсъ-капитанъ, подходя къ нимъ, — увидитесь... всѣ увидимся.!

Старику, по видимому, все стало ясно. Онъ взялъ Катерину Александровну и обнялъ ее одною рукою.

— Мы съ нею будемъ поджидать тебя, ласково промолвилъ онъ старшему сыну.

Тотъ сжалъ руки отца и тихо наклонился къ Антону.

— Пиши, милый, проговорилъ онъ почти шопотомъ, едва удерживая душившія его слезы.

— Ужь ты не бойся, буду писать, отвѣтилъ мальчуганъ.

— И объ отцѣ и о ней также, тихо добавилъ Александръ Прохоровъ.

— Хорошо!

Всѣ вышли изъ квартиры. Никто не хотѣлъ отпустить дорогихъ уѣзжающихъ, не проводивъ ихъ...

Когда семья Прилежаевыхъ и штабсъ-капитанъ возвратились домой и усѣлись вечеромъ за чай, имъ показалась какъ-то пустынна и безлюдна ихъ квартира, точно они осиротѣли. Тихо думали ихъ рѣчи.

— Гдѣ-то теперь наши? говорилъ штабсъ-капитанъ.

— А долго-ли имъ, голубчикамъ, ѣхать-то придется? спрашивала Марья Дмитріевна.

— Я думаю, и они теперь насъ вспоминаютъ, замѣтила Катерина Александровна, стараясь угадать, что думаетъ, о чемъ говорить тотъ, котораго она такъ горячо любила.

— Погоди, узнаемъ все, онъ мнѣ обо всемъ напишетъ,

успокоилъ ее Антонъ, не безъ гордости упомянувшій о своей будущей перепискѣ съ юнымъ офицеромъ.

Далеко за полночь шли эти толки, никто не думалъ о снѣ, казалось, что всѣ старались сплотиться тѣснѣе и боялись разойтись по своимъ угламъ, чтобы не остаться совершенно одинокими.

Молчаливѣе и задумчивѣе всѣхъ была Катерина Александровна, порой ей казалось, что, если-бы Александръ Прохоровъ могъ взять ее съ собою,—она бросила-бы всѣхъ и все и ушла-бы за нимъ.

Она уже не сомнѣвалась, что она его любила, любила больше матери, больше брата, больше всего на свѣтѣ.

V.

НАЧАЛО КОНЦА.

Опять настало лѣто, опять начались передѣлки въ пріютѣ, наступила пора „постройки“ одежды. Среди хлопотъ и волненій особенно озабоченною выглядѣла Зорина; она часто совѣщалась съ Зубовой и послѣдняя приняла какой-то зловѣще-торжествующій видъ. Катерину Александровну старуха Зорина перестала приглашать къ себѣ и какъ-то старалась избѣгать ее. Изъ разныхъ намековъ и колкостей Зубовой молодая дѣвушка поняла, что Зубова сильно интригуетъ противъ нея. Она вообще привыкла равнодушно относиться къ пріютскимъ сплетнямъ и интригамъ и ее удивляло только то, что Зорина, ненавидѣвшая Зубову, повидимому, поддалась послѣдней. Привыкнувъ давно къ разнымъ случайностямъ, Прилежаева не старалась ломать голову надъ разрѣшеніемъ вопроса, почему произошла перемена въ обращеніи Зориной съ нею и съ Зубовой. Катерину Александровну занимали теперь болѣе близкія ея сердцу и болѣе свѣтлыя мечты и думы. Она думала о немъ, думала, какъ онъ вернется, какъ они вмѣстѣ будутъ работать, какъ онъ поможетъ ей выбиться изъ тяжелаго и небезпечнаго положенія въ пріютѣ. Не смотря на тревоги за его участь, не смотря на постоянное волненіе при каждомъ извѣстіи съ поля военныхъ дѣйствій, молодая дѣвушка

была счастлива и свѣтлое чувство рѣдко покидало ее. Она какъ-будто разцвѣла въ это время, сдѣлалась еще прекраснѣе, ея лицо дышало жизнью и энергіею. Она любила. Эта любовь охватывала и оживляла все ея существо. Но порою рядомъ съ свѣтлыми мечтами пробуждались въ ней и мрачныя предчувствія. Она старалась разогнать ихъ, усиленнѣе работала, перечитывала письма, полученные отъ *него*, избѣгала одиночества и окружала себя дѣтьми, развлекавшими ее своей болтовней. Въ эти минуты наблюдатель могъ бы легко замѣтить, что у этой, повидимому, веселой и безпечной дѣвушки нервы находятся не въ порядкѣ, что ея душа неспокойна и напряженно ждетъ чего-то. При такомъ настроеніи, всѣ дразги будничной жизни казались ей слишкомъ мелкими, слишкомъ ничтожными.

— Милочка, посмотрите вы, пожалуйста, на нашу „красавицу“, желчно говорила Постникова Зубовой,—она земли подъ собой не слышитъ.

— Какъ-же, офицершей скоро сдѣлается, смѣялась Зубова.— Вѣдь ея кадетъ-то въ полкъ вышелъ, мнѣ наша прачка говорила.

— Да что это, душа моя, она вѣдь вѣрно завивается. Вы взгляните, какой завитокъ у нея на лбу.

— Какъ-же нельзя не покетничать! хохотала Зубова.— Можетъ быть, другого еще подцѣпить на случай хочеть.

Объ дѣвственницы возмущались и красотой, и кокетствомъ, и „развратомъ“ Катерины Александровны. А она продолжала не обращать на нихъ вниманія. Впервые пришлось ей снова столкнуться съ ними при сдачѣ постельнаго и дѣтскаго бѣлья. Пересчитывая бѣлье, Катерина Александровна замѣтила Зубовой, что бѣлье еще не все, такъ-какъ недостаетъ всего по одной смѣнѣ.

— Ну, ужъ это не ваше дѣло, возразила Зубова насмѣшливымъ тономъ.

— Кромѣ того вы старое бѣлье смѣшали съ новымъ, промолвила Катерина Александровна.

— Значить такъ надо, васъ вѣдь не спросятъ. Это мое и Анны Васильевны дѣло.

— Я не думаю, чтобы Анна Васильевна стала отдавать дѣтямъ лохмотья вмѣсто новаго бѣлья.

— А вы спросите ее, разсмѣялась Зубова.

— Конечно, спрошу.

Прилежаева отправилаь къ Зориной и объяснила ей, въ чемъ дѣло.

— Ахъ, что вы мѣшаетесь не въ свои дѣла, раздражилась старуха.—Нельзя-же все новое шить дѣтямъ.

— Но мы должны-же сдѣлать законное число перемѣнъ бѣлья.

— Мы, мы! сердито повторила старуха.—Бто это мы? Уж не вы ли? Кажется, бѣлье лежитъ на моей отвѣтственности и на отвѣтственности Зубовой.

— Я думаю, мы всѣ должны заботиться о дѣтяхъ.

— Ну, предоставьте это мнѣ, какъ начальницѣ. И вообще я попрошу васъ не мѣшаться въ мои дѣла. Вы слишкомъ своевольничаете.

Катерина Александровна пожала плечами и вышла. Она поняла, что тутъ просто на просто совершается кража. Приходилось или молчать и оставить дѣтей ходить въ дырявыхъ рубашкахъ и юбкахъ, или донести на начальницу. Всевозможные подкобы и интриги были не въ характерѣ Катерины Александровны; ей самой пришлось испытать много непріятностей отъ шпионовъ и потому она чувствовала отвращеніе ко всякаго рода доносамъ. Но ее все-таки сильно волновала совершаемая въ ея глазахъ кража. Она стала пристальнѣе вглядываться во все и съ удивленіемъ замѣтила, что положеніе пріюта въ послѣднее время значительно ухудшилось. Воспитанницамъ не смѣняли бѣлья по двѣ недѣли, пища сдѣлалась еще хуже, чѣмъ прежде, иногда отъ нея просто тошнило. Кромѣ того Зубова, сдѣлавшаяся первымъ министромъ Зориной, воевала въ пріютѣ на каждомъ шагу. Зорина, за каждую шалость воспитанницъ нападавшая прежде на помощницъ, теперь, напротивъ того, смотрѣла съвозъ пальцы, какъ помощницы притѣсняли воспитанницъ. Уже въ самомъ началѣ лѣта Зубова собственноручно высѣкла одну маленькую дѣвочку; потомъ былъ еще одинъ подобный случай; наконецъ, въ одинъ прекрасный лѣтній день, по распоряженію Зубовой, долженъ былъ собратъся весь пріютъ для присутствованія при экзекуціи, которую хотѣли совершить надъ взрослою воспитанницей Поповой. Катерина Александровна, еще не забыв-

шая исторію Скворцовой, не выдержала и отправилась къ Зориной.

— Что это, Анна Васильевна, у насъ дѣлается? проговорила она въ сильномъ волненіи.—Пріютъ обратился въ какой-то съвзжій дворъ, гдѣ только порять людей.

— Пожалуйста выражайтесь поосторожнѣе, замѣтила старуха, разсерженная рѣзкимъ топомъ Прилежаевой.—Если съкутъ дѣвчонокъ, значить, онѣ стоятъ того...

— Совсѣмъ не значить. Попову съкутъ за то, что она сказала вчера, что въ пріютѣ всякой дрянью изъ помойныхъ ямъ кормятъ. Но вѣдь дѣйствительно обѣдъ былъ отвратительный.

— Ахъ, Боже мой, не трюфелями-же кормить изъ девяти копѣекъ!

— Но и не гнилой капустой. Прежде вы сами...

— Да пожалуйста не разсуждайте! Эта мерзавка всѣхъ всполошила вчера. Бунтоваться вздумали туда-же.

— Еще-бы не бунтоваться, если ихъ отравляютъ!

— Идите вонъ!

— Я этого такъ не оставлю! Пріютъ не притонъ для воровъ...

— Да вы... да вы... знаете-ли, съ кѣмъ вы говорите, воскликнула Зорина. — Я васъ уничтожу, я завтра-же вышвырну васъ отсюда.

— Ну, посмотримъ! Если дѣло дойдетъ до этого, то я не остановлюсь ни передъ чѣмъ.

Зорина поблѣднѣла.

— Что-же: ужь не доносить-ли станете? саркастически спросила она.

— Я буду только платить тою-же монетою, которою платятъ мнѣ, сухо отвѣтила Прилежаева. — Но прежде чѣмъ я выйду отсюда, вы должны отмѣнить наказаніе Поповой.

— Этого не будетъ!

— Анна Васильевна, вы подумайте, серьезно произнесла Прилежаева.—У меня въ рукахъ есть доказательства, которыя заставятъ серьезно взглянуть на дѣло... Я вамъ говорю, что я не остановлюсь ни передъ чѣмъ... Вы знаете, я въ прошломъ году не испугалась самой графини, а васъ-то ужь, конечно, я не побуюсь...

— Ну, княгиня увезла съ собой вашу покровительницу-горничную...

— Вы ошибаетесь, что мнѣ нужно чье-нибудь покровительство; за меня въ настоящемъ случаѣ будутъ говорить мои доказательства...

— Ну, мы посмотримъ, кто выиграетъ... Одно могу сказать вамъ, что вы здѣсь не останетесь болѣе...

Катерина Александровна вышла. Черезъ нѣсколько минутъ Зорина потребовала къ себѣ Зубову. Прошло около часу, Зубова не являлась съ совѣщанія; въ пріютѣ царствовала гробовая тишина, всѣ ждали чего-то недобраго, видя встревоженное лицо Катерины Александровны и зная, что черезъ часъ должно начаться сѣченье. Наконецъ, въ классъ явилась Зубова; она была красна, какъ вареный ракъ, и на ея лбу выступилъ потъ.

— Тебя прощаетъ Анна Васильевна, проговорила она, обращаясь къ Поповой.—Ступай въ классъ и сиди тамъ на хлѣбѣ и на водѣ до вечера, толкнула она воспитанницу въ спину.

У Катерины Александровны какъ гора свалилась съ плечъ.

— У насъ нынче новое занятіе нашли себѣ нѣкоторые люди: доносы писать вздумали, злобно прошипѣла Зубова, обращаясь къ Постниковой.

— Фи, мерзость какая! ужаснулась Постникова.

— Это совсѣмъ не новое занятіе, промолвила Катерина Александровна. — У насъ только этимъ да кражею и занимаются.

— Ахъ, я боюсь съ вами говорить! насмѣшливо воскликнула Зубова.

— А я нисколько не боюсь, но не хочу говорить съ вами, и попрошу васъ не только не говорить со мною, но даже не говорить и обо мнѣ, сухо произнесла Прилежаева.

— Ну, вѣдь и про царя говорятъ!

— А про меня я все-таки попрошу васъ не говорить.

Катерина Александровна вышла.

— Подлая, подлая! Мерзавка! разлилась Зубова въ ругательствахъ.—Доносить вздумала, доносить!

— Неужели-же ее испугаются! воскликнула Марья Николаевна.

— Да попробуйте не испугаться, когда по горло въ долги вошли и не можемъ даже бѣлья пополнить.

— Можно сказать, что оно не готово еще...

— А вы развѣ не знаете, что на старомъ бѣльѣ вытравлены клейма и на мѣсто ихъ наложены новыя? Развѣ трудно доказать? Вѣдь она не посовѣтится, подлая тварь, прачекъ въ свидѣтельница позоветъ...

— Ну, душа моя, имъ стоитъ по рублю подарить и онѣ противъ нея-же пойдутъ.

— По рублю! Да одной Анисѣ Анна Васильевна двадцать пять рублей должна! Что-же для Анисѣ рубль-то значить? Нѣтъ, мерзавка знала, какое время выбрать, чтобы запугать нашу-то... Мнѣ, конечно, чего бояться, я суха выйду, мнѣ приказывали такъ дѣлать—я и дѣлала.

— Ахъ, какая низкая, низкая она! И какъ можно было этого ожидать? А я такъ ее любила.

— Ну, да вы ужь всѣхъ обожаете!

— Нѣтъ, вы не говорите!... Я просто не знаю, какъ можно было такъ маскироваться... У нея просто ничего святого нѣтъ...

— Чего святого! Безбожница просто!

Обѣ дѣвственницы не знали, что выдумать про Катерину Александровну и ругали ее въ запуски. А время ежегодной ревизіи между тѣмъ было уже на носу. Зубова, Постникова и Зорина ежедневно совѣщались между собою, какъ-бы устроить дѣло. Наконецъ, Зубова придумала средство удалить Катерину Александровну. Она посовѣтовала Зориной дать помощницамъ недѣльные отпуска и сначала отпустить Катерину Александровну, чтобы она провела время ревизіи внѣ пріюта. Зорина обрадовалась этому плану. Несчастливая старуха въ сущности очень сильно страдала въ это время. До сихъ поръ она кое-какъ сводила концы съ концами и иногда изъ собственнаго жалованья и пенсіи дополняла передержки противъ смѣты по пріюту. Теперь-же у нея не было ни жалованья, ни пенсіи и были неоплатные долги. Ея гордость сильнѣе всего страдала при мысли, что ее, Зорину, сочтутъ воровкою, что ее позорно изгонять изъ пріюта, если откроютъ все, что она старалась скрыть. Кромѣ того ей самой было гадко, что она поневолѣ попала въ грязныя руки такихъ ненавистныхъ ей женщинъ,

какъ Зубова и Постникова, и что она отдалилась отъ Прилежаевой, которую въ душѣ она все-таки считала вполнѣ честною и хорошею дѣвушкою. Планъ Зубовой подалъ ей кое-какую надежду спастись отъ позора, хотя онъ и не примирилъ ее съ собственною совѣстью. Оставалось только объявить объ отпускахъ. Но какъ это сдѣлать? она была не въ силахъ лично переговорить съ Прилежаевой; Постникова съ институтскимъ жеманствомъ и брезгливостью отказывалась отъ переговоровъ съ этой „низкой, низкой женщиной“; пришлось прибѣгнуть къ помощи ничѣмъ небрезгующей Зубовой. Она взялась уладить дѣло и въ тотъ-же день заговорила за ужиномъ:

— А намъ нынче, Марья Николаевна, добрая Анна Васильевна даетъ недѣльные отпуска!

— Ахъ, добрая, добрая! Вотъ это мило! по дѣтски зародовалась Марья Николаевна, хлопая въ ладоши.

— Сначала Катерина Александровна получить отпускъ съ нынѣшней субботы, потомъ вы, а тамъ и я отдохну.

Катерина Александровна удивилась этому необычному извѣстію и обрадовалась въ душѣ возможности отдохнуть. Но черезъ минуту ее поразили особенная веселость и добродушіе Зубовой. Въ ея умѣ зародилось какое-то подозрѣніе. „Отчего-же это меня первую хотятъ отпустить? Ужъ не новыя-ли интриги затѣваютъ онѣ? Можетъ-быть скажутъ, что я небрежно служу и все гуляю? Не лучше-ли сначала предложить имъ взять отпуска“?

— Я желала-бы послѣ всѣхъ воспользоваться отпускомъ, проговорила она.

— Ну нѣтъ, этого нельзя, вы моложе всѣхъ, вамъ первымъ и дадутъ отпускъ, отвѣтила Зубова.

— Ну, это пустая причина, можно начать со старшихъ, то есть съ васъ.

— Да понимаете, что мнѣ нельзя, я должна здѣсь быть при ревизіи, запальчиво возразила Зубова.

Катерину Александровну озарила новая мысль; она яснѣе поняла, въ чемъ дѣло. „Такъ и есть, промелькнуло въ ея головѣ. Отпускаютъ меня, чтобы нажаловаться на меня ревизорамъ во время моего отсутствія“.

— Ну, такъ значитъ, мнѣ не прійдется воспользоваться от-

пускомъ, равнодушно сказала она.—Отпускъ былъ-бы для меня пріятенъ только въ концѣ лѣта, а не теперь.

— Ну, да ужъ если дають отпускъ, такъ нужно его брать, рѣзко произнесла Зубова.—Добрая Анна Васильевна хлопочетъ о насъ, а ужъ намъ не приходится огорчать ее.

— Я очень ей благодарна и не думаю, чтобы она огорчилась тѣмъ, что я не уѣду отсюда.

— Вы все хотите по своему дѣлать!

— Вѣдь и вы не пляшете подъ чужую дудку, холодно отвѣтила Прилежаева.

Зубова пришла въ ярость.

— Васъ заставить-бы нужно взять отпускъ, заговорила она, выходя изъ себя.—Вы все наперекоръ хотите дѣлать... Вамъ-бы совсѣмъ слѣдовало выйти отсюда...

— Такъ вамъ, значить, очень нужно, чтобы я удалилась на двѣ недѣли ревизіи? нервно засмѣялась Катерина Александровна, вставая изъ-за стола.—Ну такъ знайте, что я именно потому и не беру отпуска, что въ это время будетъ ревизія.

Зубова побагровѣла отъ злости.

— А такъ вотъ оно что! прошипѣла она.—Опять за старое хотите приняться. Посмотримъ!

— Да, да, посмотримъ, улыбнулась Катерина Александровна.

Черезъ пять минутъ Зориной передали все. Она упала духомъ. Въ первую минуту она готова была позвать Катерину Александровну и объясниться откровенно, но самолюбіе одержало верхъ надъ минутною рѣшимостью, и старуха, принявъ холодный видъ, промолвила Зубовой:

— Ну что-жь, пусть остается, если хочеть...

— Но вѣдь она донесетъ на насъ, возразила Зубова.

— Что-жь дѣлать? Пусть доноситъ! махнула рукой старуха. — Скорѣй-бы все это кончилось!... Надоѣлъ мнѣ этотъ омутъ!...

Прошло дней пять, Зорина ѣздила повсюду занимать деньги, но всѣ попытки оказались тщетными. Она и безъ того была должна всѣмъ и за все. Насталъ день ревизіи. Въ пріютѣ появились угрюмый, озабоченный своими биржевыми спекуляціями Гроховъ, престарѣлый, едва передвигающій ноги генераль Свищовъ со звѣздой на груди и юный, суетливый помощникъ Бо-

голюбова, Ермолинскій, служившій гдѣ-то чиновникомъ по особымъ порученіямъ и числившійся съ недавняго времени секретаремъ благотворительныхъ заведеній Бѣлокопытовыхъ. Въ пріютѣ все было тихо и торжественно. Помощницы скромно потупляли глаза, Зорина приняла важный официальный видъ. На столахъ и на постеляхъ видѣлись связки бѣлья. Начался пересмотръ и счетъ вещей. У Катерины Александровны замирало сердце, точно для нея рѣшался вопросъ жизни. Она была съ воспитанницами въ рабочей комнатѣ и не знала, что дѣлалось въ спальнѣ, гдѣ собрались ревизоры.

— Здѣсь недостаетъ отной смѣни, хмуро проговорилъ Гроховъ, разсѣянно разсматривая бѣлье.

— Да еще не успѣли построить, отвѣтила Зорина.

— Нато било торопиться. Вѣдь ви знайтъ, что въ это время бутеть ревизовка, внушительно отвѣтилъ эскулапъ.

— Дѣтей мало осталось въ пріютѣ, всѣ въ отпуску, не поспѣваютъ шить, оправдалась Зорина.— Впрочемъ, работа уже роздана, вотъ и еще кусокъ холста, приготовленнаго для бѣлья...

Она показала на тощій кусокъ нераскроеннаго холста. Во все время этого разговора, престарѣлый господинъ со звѣздой на груди апатично и безучастно стоялъ у стола и только похлопывалъ глазами, ожидая, скоро-ли кончится осмотръ всѣхъ принадлежностей дѣтскаго бѣлья и настанетъ минута отъѣзда. Юный вертлявый помощникъ Боголюбова между тѣмъ углубился въ разсматриванье какой-то простыни и поворачивалъ ее во всѣ стороны, смотрѣлъ на свѣтъ, подносилъ къ самымъ глазамъ и возился съ нею, какъ съ какою-нибудь антикварскою рѣдкостью. Онъ былъ новымъ лицомъ въ администраціи благотворительныхъ заведеній и еще не успѣлъ ничѣмъ отличиться. Наконецъ, онъ взялъ простыню въ видѣ портфеля подъ мышку и быстро бочкомъ направился съ нею къ господину со звѣздой.

— Ваше превосходительство, послышался его тихій голосъ.

— Гмъ, кашлянулъ господинъ со звѣздой, словно очнувшись отъ тяжелой дремоты, и заморгалъ усиленнѣе глазами.

— Посмотрите, ваше превосходительство, шепталъ молодой человекъ.

— Гмъ, гмъ, два раза кашлянуло его превосходительство и попробовало, не моргая, вперить свои глаза въ простыню.

— Пятно, ваше превосходительство, шепталъ молодой человѣкъ, извиваясь съ простынею въ рукахъ передъ его превосходительствомъ.

— Угу, пробормотало его превосходительство и сочло нужнымъ нахмурить брови и поднести къ глазамъ лорнетъ.

— Это знакъ, ваше превосходительство, проговорилъ молодой человѣкъ и что-то быстро зашепталъ на ухо его превосходительству.

— Зна-акъ, повторилъ наконецъ генераль, какъ будто до его слуха только теперь долетѣло первое слово предупредительнаго молодого чиновника по особымъ порученіямъ.

— Холстъ ветхій... очевидно старое... подлогъ... Нельзя допустить... грабежъ, шепталъ молодой человѣкъ, растягивая передъ носомъ его превосходительства рововую простыню.

— Н-да... грабежъ, апатично повторилъ генераль Свищовъ и вдругъ усиленно заморгалъ глазами и выпрямился.—Какъ-же это? заговорилъ онъ густымъ басомъ и принимая грозный, внушительный видъ.—Грабежъ... этого нельзя допустить... это очевидно... Я не могу этого допустить... А? громко спросилъ онъ вдругъ, обернувшись къ безмолвно стоявшему сзади него молодому человѣку съ простыней, точно спрашивая, что говорить дальше.

— Его превосходительство находятъ, что эта простыня старая, на ней уничтожено клеймо и положено новое, вкрадчиво и вѣжливо заговорилъ молодой человѣкъ, нѣсколько бокомъ выдвигаясь впередъ.—Его превосходительство и я, мы думаемъ, что нужно внимательнѣе пересмотрѣть каждую простыню, можетъ быть, это не единичный фактъ.

— Гм... да... можетъ быть, это не единичный... отрывисто пробасилъ генераль.—Не единичный... А? снова обратился онъ къ молодому человѣку, тупо глядя ему въ глаза.

Зорина тихо взялась за спинку кровати, чувствуя, что ей измѣняются ноги. Для нея было все потеряно.

Зубова кусала себѣ губы, Постникова стыдливо опустила глаза. Генераль, убѣжденный, что онъ распекъ кого слѣдуетъ, снова задремалъ, устремивъ взоры куда-то въ даль и моргая отяжелѣвшими вѣками.

— Пойдите, ваше превосходительство, вѣжливо обратился къ генералу молодой человѣкъ.

— А да!.. Фу!.. кончили, пробормоталъ старецъ, глубоко вздыхая послѣ непоимѣрныхъ трудовъ по ревизіи.

— Нѣтъ-съ, ваше превосходительство, мы еще только начинаемъ, съ тонкою и безобидною улыбочкой проговорилъ молодой ревизоръ.—Бѣлье нужно подробно осмотрѣть.

— Да... бѣлье... пробормоталъ генералъ и вдругъ оживился.—А знаете, это нужно-бы дамамъ поручить, проговорилъ онъ на ухо юному ревизору. — Бѣлье, разныя этакія тайныя принадлежности... Хоть и дѣти, а все-таки женскій полъ... Нескромно немножко...

Старческое лицо генерала ослабилось сладкою полудѣтскою улыбкою и въ его тусклыхъ глазахъ блеснулъ слабый огонекъ.

— Что дѣлать, ваше превосходительство, долгъ службы! пожалъ плечами молодой человекъ.

— А да!.. Долгъ службы! многозначительно подняло его превосходительство къ верху указательный палецъ и, шаркая ногами, потащилось за юнымъ чиновникомъ.

Одна роковая простыня натолкнула ищейку-ревизора на всѣ остальные упущенія. Юный чиновникъ чуть не лазалъ подъ кровати въ пылу ревизорскаго рвенія. Онъ переворачивалъ каждый платокъ, каждую юбку, съ его лица катился обильный потъ. Самую блаженною минутою въ этотъ день была для него та минута, когда онъ нашель недосмотръ въ связкахъ бѣлья, уже осмотрѣнныхъ Гроховымъ.

— Помилуйте, да вы совершенно поверхностно осматривали все это, обратился онъ къ Грохову.

Докторъ туло заморгалъ глазами.

— Я увѣренъ, ваше превосходительство, что и въ прошлые годы многое было недосмотрѣно, обратился юный дѣлецъ къ генералу Свищову.—Вотъ-съ эти простыни, эти юбочки...

— А, юбочки, машинально пробормоталъ генералъ.—Ну, покажите мнѣ юбочки...

Молодой ревизоръ предупредительно исполнилъ желаніе генерала. Старикъ какъ-то особенно повертѣлъ передъ собою поданную юбку и для чего-то опустилъ ее такъ, что ея поясъ пришелся какъ разъ у края его жилета.

— Коротки, лаконически замѣтилъ генералъ, заглядывая сверху на закрывавшую его немного пониже колѣнъ юбку.

— Это вѣдь дѣтская, замѣтилъ юный ревизоръ.

— А, да, дѣтская!

Вѣроятно, ревизія никогда не кончилась-бы, если-бы юный ревизоръ не рѣшился оставить генерала Свищова. Онъ, повидимому, мысленно махнулъ рукою на старика и сталъ распоряжаться вполне самостоятельно. Онъ проюркнулъ въ рабочую комнату, гдѣ были собраны воспитанницы, и тонко сталъ спрашивать, довольны-ли онѣ пищею.

Дѣти молчали.

— Что-же? Довольны? спросилъ юный ревизоръ.

Молчаніе продолжалось. Дѣвочки толкали одна другую въ бока и жались, какъ стадо испуганныхъ овецъ. Вдругъ изъ толпы дѣтей выступила впередъ одна дѣвочка и бойко проговорила:

— Мы недовольны.

— Да, недовольны, недовольны! на перебой заговорили разные голоса.

— Говори-же, что недовольны, слышался чей-то громкій шопотъ.—Что-же ты молчишь? раздавалось въ другомъ концѣ.

— Намъ гнилой картофель дають... Масло горькое... Щи какъ помои....

Въ эту минуту въ рабочую комнату вошли Гроховъ и старый генералъ, сопровождаемые властями пріюта.

— И дѣти недовольны пищею, ваше превосходительство, поспѣшно обратился къ генералу юный чиновникъ.—Скажите хоть вы, что вамъ дають, обратился онъ къ бойкой дѣвочкѣ, заявившей прежде другихъ неудовольствіе.

Это была Попова, которую недавно хотѣли сѣчь за бунтъ.

— Къ сожалѣнію, вы выбираете такую воспитанницу, которая недовольна мною за то, что я ее недавно наказала за дурное поведеніе, вмѣшалась Зорина.—Я сама могу вамъ сказать, что пища дѣтей, конечно, не походитъ на ту пищу, которую привыкли ѣсть мы съ вами. Но вѣдь на девять копѣекъ нельзя покупать дичи.

— А, тутъ дѣло-съ не о дичи идетъ, скороговоркой заговорилъ юный ревизоръ.—Если нельзя кормить на эти деньги, зачѣмъ-же вы брались?.. Вы знали-съ, что вамъ придется не на рубль, а на девять копѣекъ кормить...

— Говорите его превосходительству, чѣмъ вы недовольны, обратился онъ къ Поповой.

— Да, да, говорите, милочка! пробормотало его превосходительство, захвативъ тремя пальцами подбородокъ Поповой и впиваясь въ ея смуглое личико своими заблестѣвшими глазами.

Попова раскраснѣлась и сбивчиво начала говорить. Когда дѣло дошло до того, какъ ее хотѣли наказать за жалобу на дурную пищу, Зубова не выдержала и вмѣшалась въ разговоръ.

— Ее, ваше превосходительство, совсѣмъ не за то хотѣли наказать. Она, къ сожалѣнію, очеень дурно себя ведетъ, начала она задыхающимся голосомъ.

— Это неправда! рѣзко прозвучалъ голосъ Катерины Александровны.

Всѣ обратили на нее глаза. Генераль, съ несвойственною въ его лѣта живостью, поднялъ дрожащею рукою къ глазамъ лорнетъ и вперилъ взоры въ молодую дѣвушку.

— Ее хотѣли сѣчь именно за то, что она пожаловалась на дурную пищу. Она ведетъ себя отлично, горячо продолжала Катерина Александровна, не обращая вниманія на лорнирующаго генерала.—Ее хотѣли сѣчь при всѣхъ.

— Какъ при всѣхъ?.. И при мужчинахъ? широко открылъ засверкавшіе глаза генераль.

— Нѣтъ, при дѣтяхъ...

— А, ну да, ну да! пробормоталъ старецъ.— Но это неприлично... неприлично...

— Такъ вы тоже сознаете, что въ пріютѣ дурно кормятъ? спросилъ юный ревизоръ у Катерины Александровны, щура глаза.

— Я сознаю, что здѣсь все дурно, отвѣтила она. — Хотя трудно сдѣлать, чтобы здѣсь что-нибудь было хорошо при тѣхъ средствахъ, которыя отпускаются на пріютъ.

— Однако, вы изволили молчать о томъ, что все идетъ здѣсь дурно, колко замѣтилъ юный ревизоръ, рѣшившійся не спускать никому и сразу выдвинуть себя въ глазахъ вышихъ лицъ.

— Напротивъ того, я все уже объясняла нѣсколько разъ княгинѣ Гиреевой.

— Ну, видите, видите, объясняли, заступническимъ тономъ проговорилъ генераль.

— И ваши жалобы на начальницу остались безъ послѣдствій? спросилъ юный ревизоръ.

— Я жаловалась не на начальницу, сухо отвѣтила Катерина Александровна.—Начальница ничѣмъ не виновата, а я просто въ разговорахъ съ княгиней говорила, что пріютъ не можетъ содержаться на свои скудные средства.

Юнаго чиновника поразилъ холодный тонъ молодой дѣвушки.

— Вы знакомы съ княгиней?

— Да, я бываю у нея, уклончиво отвѣтила Катерина Александровна.

— Очень жаль, что вы дѣйствовали помимо управленія, помимо насъ, внушительно замѣтилъ юный ревизоръ, считавшій долгомъ вѣжливо распечь всѣхъ и за все. — Вы должны были знать, что у васъ есть ближайшее начальство. Тутъ нужно не подпольныя интриги заводить, а прямо исполнять свои обязанности... Вы должны были объяснить все намъ...

— Съ вами я не говорила, такъ какъ вы только вчера, кажется, вступили въ управленіе, но я уже нѣсколько разъ говорила обо всемъ этомъ съ моимъ дядею, отвѣтила Катерина Александровна, увидавъ необходимость осадить расходившагося юношу. — И это все-таки не повело ни къ чему.

— Съ какимъ дядею? нахмурился юный чиновникъ.

— Съ Даниломъ Захаровичемъ.

Ермолинскій широко открылъ глаза и не вдругъ нашелся, что отвѣтить. У него внезапно пропала охота распекать Прилежаеву.

— Вы, вы племянница нашего милаго Данилы Захаровича скороговоркой заговорилъ генераль по-французски.—Очень радъ, очень радъ!.. Какъ это онъ не познакомилъ... Ахъ, грѣховодникъ!

Старикъ оживился и крѣпко сжалъ руку Катерины Александровны.

— Надѣюсь, надѣюсь, что мы будемъ знакомы... Ахъ, грѣховодникъ, грѣховодникъ!.. Пряталъ отъ меня, пряталъ!

Генераль совершенно разцвѣлъ и позабылъ про ревизію, про пріютъ, про оказавшіяся оплошности. Зубова, Постникова и Зорина съ различными чувствами, но съ одинаковымъ изумленіемъ смотрѣли на Катерину Александровну. Юный чиновникъ и Грозовъ снова занялись продолженіемъ ревизіи, но Свищовъ уже

не могъ оторваться отъ Прилежаевой. Онъ рассыпался въ французскихъ фразахъ и любезностяхъ.

— Я, генераль, очень плохо понимаю французскій языкъ! замѣтила Катерина Александровна.

— О, ваша русская рѣчь лучше всѣхъ языковъ въ мірѣ! воскликнулъ старшій воловита. — И какъ это нашъ старшій грѣховодникъ забылъ васъ показать намъ!

Свищовъ, повидимому, былъ очень важнымъ лицомъ и смотрѣлъ на Данилу Захаровича покровительственно.

— Я почти не бываю у дяди, замѣтила Катерина Александровна.

— Ну да, ну да, вѣроятно, тетушка боится, что вы ее затьмите... Между нами, она вѣдь совсѣмъ не хороша. Вульгарное что-то, знаете, во всемъ... во всемъ... знаете...

Генераль повертѣлъ въ воздухъ рукою, желая яснѣе высказать, въ чемъ заключается вульгарность Павлы Абрамовны.

— Но зачѣмъ-же вы здѣсь? Развѣ здѣсь ваше мѣсто? началъ онъ.

— Чтожъ дѣлать, если лучшаго мѣста не могу занять! отвѣтила Катерина Александровна.

— Ну-у! усмѣхнулся генераль. — Не говорите, не говорите этого!

— Ваше превосходительство, мы кончили, почтительно объявилъ Ермолинскій.

— Хорошо, хорошо!.. Такъ ужъ будто и нельзя найдти лучшаго мѣста? нѣжно промолвилъ Свищовъ Катеринѣ Александровнѣ, щуря масляные глаза и въ волненіи играя лорнетомъ.

— Нельзя, пожалала плечами Катерина Александровна.

— А можетъ быть и можно.

— Вы ѣдете, ваше превосходительство? нетерпѣливо спросилъ юный ревизоръ.

— А да, да! очнулся генераль отъ сладкихъ ощущеній. — Нечего дѣлать, надо ѣхать... Надѣюсь, что будемъ знакомы? обратился онъ къ Катеринѣ Александровнѣ. — А я распеку стараго грѣховодника, распеку, когда пріѣдетъ... Цвѣтокъ, цвѣтокъ, а онъ скрываетъ, прячетъ! И отъ кого-же? Отъ меня!

Генераль сжалъ руку Катерины Александровны, подержалъ

ее въ своихъ дрожащихъ рукахъ и съ сіяющимъ лицомъ вышелъ изъ пріюта. Онъ былъ доволенъ ревизією.

— Я этого никакъ не ожидалъ, говорилъ ему юный чиновникъ, сидя въ его каретѣ.

— И я, и я! Мы сошлись съ вами. Это удивительно, просто удивительно! говорилъ генераль.

— Не удивительно, а возмутительно, ваше превосходительство!

— Ну да, возмутительно, если хотите! Зналъ, подъ рукой имѣлъ и ни слова, ни намека... Да я просто сердить, сердить на него...

— На кого это, ваше превосходительство?

— Да на кого-же, какъ не на Боголюбова...

— Вы развѣ думаете, что онъ все зналъ?

— Да какъ-же, батюшка, не зналъ?.. Кому-же и знать, какъ не ему... Она его родная, слышите, родная племянница, а вы сомнѣваетесь въ томъ, что онъ ее зналъ!

Юный чиновникъ съ удивленіемъ вытаращилъ глаза.

— Мы, кажется, о различныхъ предметахъ говоримъ, почтительно возразилъ онъ. — Я насчетъ упущеній. Я очень недоволенъ сегодняшнимъ днемъ...

— Ну, нѣтъ-съ, этого я не могу сказать. Я доволенъ этимъ случаемъ, заспорилъ генераль. — Очень доволенъ!

— Конечно, имъ можно будетъ воспользоваться.

— А! вотъ это вѣрно! Это удачно сказано! Именно воспользоваться! обрадовался генераль. — Не правда-ли, это восхитительное явленіе, это что-то... что-то... неземное... А?

Юный чиновникъ захолопалъ въ недоумѣніи глазами и мысленно послалъ къ чорту своего спутника.

— А вѣдь признайтесь, у васъ сердчишко тоже не на мѣстѣ! снисходительно пошутилъ генераль. — Только, батюшка, нѣтъ!.. Гуляйте подальше!.. Я первый открылъ...

— То есть, какъ-же, ваше превосходительство? опечалился Ермолинскій.

— Да, да, да!.. Я первый—мнѣ и лавры побѣды...

— Но я хотѣлъ отъ себя составить докладъ обо всѣхъ упущеніяхъ, не смѣло произнесъ начинающій дѣлецъ.

— Объ упущеніяхъ? Да, да, составьте! Объ упущеніяхъ? Да составьте! поощрилъ генераль. — Вы удивительно способны къ

этого рода дѣятельности. Я первый, я первый засвидѣтельствую. Соображеніе это у васъ... помните... знакъ, на простынѣ знакъ? А, это гениальная черта!.. Всѣ смотримъ, никто ничего не замѣчаетъ, а вы: знакъ!.. Удивительно!.. Я вамъ очень, очень благодаренъ.

Этотъ интересный разговоръ продолжался довольно долго и, выходя изъ кареты, юный чиновникъ былъ увѣренъ, что онъ склонилъ генерала не присвоивать себѣ его заслугъ, а генералъ былъ убѣжденъ, что онъ своимъ обѣщаніемъ протезировать начинающему дѣльцу подвудилъ его въ свою пользу и заставилъ отречься отъ видовъ на юную обольстительницу.

Въ пріютѣ началось смятеніе. Всѣ чуяли что-то недоброе. Анна Васильевна затворилась въ своихъ комнатахъ; дѣти не-то боялись, не-то радовались, ожидая, что смѣнятъ начальницу; двѣ старія дѣвственницы, сидя у окна, перешептывались между собою. Непокойна была и Катерина Александровна: она понимала, что открытныя плутни могутъ кончиться изгнаніемъ изъ пріюта Зориной, но не радовалась этой пережвѣнъ, зная очень хорошо, что лучше въ пріютѣ не будетъ, что улучшение участи дѣтей зависить не столько отъ личности той или другой начальницы, сколько отъ самаго устройства пріюта. Дѣйствительно, какова-бы ни была начальница, въ пріютѣ все-таки будутъ учить только шитью, будутъ кормить только дрянью изъ девяти копеекъ, будутъ съѣдъ дѣтей, такъ-какъ именно этого требуютъ попечители пріюта, смотрящіе съ презрѣніемъ на „этихъ испорченныхъ дѣвчонокъ“. Сидя въ раздумьи за своею работою, Катерина Александровна внезапно была поражена восклицаніемъ Зубовой:

— Смотрите, смотрите, Марья Николаевна, въ коляскѣ ѣдетъ!

— Ахъ, срамница! И шагомъ, шагомъ ѣдетъ, чтобы мы видѣли, всплеснула руками Марья Николаевна. — Отлично, отлично! Нечего сказать, по хорошей дорожкѣ пошла! Молодчика подхватила...

Катерина Александровна взглянула въ окно и замерла: передъ домою ѣхала коляска, въ ней сидѣлъ какой-то небрежно развалившійся юноша рядомъ съ роскошно одѣтой дѣвушкой; въ этой дѣвушкѣ нетрудно было узнать Скворцову. Она что-то раз-

сказывала своему спутнику, со смѣхомъ указывая на пріютъ. Онъ лѣниво улыбался.

— Что-же вы не кланяетесь? Это ваша протезе, обратилась Зубова къ Катеринѣ Александровнѣ.— Вотъ теперь всѣхъ насъ погонять отсюда, такъ попросите у нея пристанища: хорошія знакомыя!

Катерина Александровна не отвѣтила ни слова; у нея болѣзненно сжималось сердце. Она поняла участь Свворцовой.

— Распутница, стыда нѣтъ! Туда-же шляпку съ перьями надѣла... Наглость-то какая!.. Другая-бы на ея мѣстѣ за версту объѣзжала нашъ домъ, чтобы не знали люди, до чего она себя довела, ораторствовала Зубова.— А вы-то, вы-то за нее заступались. Теперь самимъ краснѣть нужно...

— Она при мнѣ не долго была здѣсь и если кто довелъ ее до этого, такъ ужъ вѣрно не я, а тѣ, которыя воспитали ее съ дѣтства, тихо отвѣтила Катерина Александровна, едва сдерживая свое волненіе.

— Скажите, пожалуйста! Ужь это вы не на насъ-ли намекаете? воскликнула Зубова.— Да какъ вы смѣете?

— Оставьте меня въ покоѣ! нервно промолвила Катерина Александровна.— Я вамъ высказала свое мнѣніе потому, что вы высказали свое. Кто изъ насъ доводитъ воспитанницъ до разврата—это, кажется, ясно. Я отношусь къ нимъ хорошо и ласково, а вы унижаете и срамите ихъ, убивая въ нихъ и стыдъ, и мягкость. Вы думаете, что наставница, воспитательница должна быть палачомъ, шпиономъ и полицейскимъ сыщикомъ; я думаю, что она должна быть матерью...

— Ну, я любовниковъ не заводила и потому матерью не могу быть; можетъ быть, другія надѣются скоро дѣтей имѣть, такъ и приготавливаются разыгрывать роль матерей.

Катерина Александровна судорожно передернула плечами. Говорить съ этими личностями не было никакой возможности. Она пропустила мимо ушей всѣ дальнѣйшія колкости и ругательства Зубовой и сидѣла молча. Ей было невыносимо грустно. У нея сильно разстроились нервы; грудь давило, какъ въ тискахъ. Въ такія минуты обыкновенно все представляется въ черномъ цвѣтѣ, припоминаются всѣ невзгоды, пугаютъ всѣ предстоящія событія. Думы молодой дѣвушки становились все мрач-

нѣе и мрачнѣ. Ей начинало казаться, что и ее ждетъ невеселая участь, что и съ *нимъ*, можетъ быть, случилось какое-нибудь несчастіе, что и ея мать, можетъ быть, не перенесетъ предстоящую разлуку съ Мишей, уѣзжавшимъ въ училище, что и штабсъ-капитанъ, можетъ быть, запыетъ, если изъ дѣйствующей арміи получится какое-нибудь дурное вѣстіе о сынѣ,—однимъ словомъ, все, что занимало ея умъ, представлялось ей теперъ въ черномъ цвѣтѣ и вызывало опасенія... Сотни разъ старалась она отогнать эти тяжелыя мысли, но онѣ не покидали ея и роились въ головѣ помимо ея воли. Ей хотѣлось плакать, хотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими тревожными, болѣзненными чувствами, но она была одна или хуже, чѣмъ одна: вокругъ нея говорила и сновала толпа людей, которымъ не было до нея никакого дѣла: если-бы она заплакала, ее осмѣяли-бы; если-бы она вздумала рассказать имъ хоть одну свою мысль, они выдумали-бы цѣлую грязную исторію про ея отношенія къ Прохорову.

А на дворѣ стоялъ невыносимо жаркій іюльскій день; солнце раскалило стѣны домовъ; надъ городомъ висѣло какое-то сѣрое, тяжелое небо; дымъ, выходя изъ трубъ, медленно разстилался надъ домами; пыль, казалось, стояла въ воздухѣ. Что-то давящее, удушливое было во всемъ этомъ. Открытыя половинки оконъ во всѣхъ домахъ, во всѣхъ этажахъ невольно напоминали цѣлыя массы истомленныхъ зноемъ людей, которые простерли на улицы свои руки и кричатъ: „воздуху, воздуху“! А воздуху нѣтъ. Но вотъ наконецъ повѣялъ вѣтерокъ, поднялась и закрутилась пыль, небо быстро начало темнѣть и сплошная неясная, сѣрая масса, тяготѣвшая надъ городомъ, сплотилась въ угрюмня, темныя тучи. На улицахъ послышалось пугливое щебетаніе птицъ; прохожіе прибавили шагу и гдѣ-то въ отдаленіи одна изъ тучъ озарилась яркимъ зигзагомъ молніи; въ воздухѣ пронесся ударъ грома.

— Господи, гроза, кажется, начинается, послышался въ пригнувшейся комнатѣ испуганный голосъ Зубовой, боязливо осѣнявшей себя крестнымъ знаменіемъ.

Въ это мгновеніе порывомъ вѣтра съ шумомъ захлопнуло одно окно—и на улицѣ, какъ изъ ведра, полилъ ливень и раскатился ударъ грома. Въ комнатѣ вдругъ сдѣлалось свѣжо.

— Закрывайте окна! Закрывайте окна! кричали помощницы. Въ залѣ начался шумъ.

Катерина Александровна, блѣдная и взволнованная, поднялась съ мѣста, прошла въ классную комнату, почти машинально заперла за собою на ключъ двери и опустилась на стулъ передъ открытымъ окномъ. Она склонила на руки голову и зарыдала. Она не сознавала даже, о чемъ она плачетъ, чего она боится, что ее взволновало. Ревизія? Встрѣча съ Скворцовой? Боязнь за мать, готовящуюся къ разлуцѣ съ сыномъ? Страхъ за Александра Прохорова? Можетъ быть, слова Зубовой? Можетъ быть, гроза? Она этого не понимала, она не спрашивала себя объ этомъ,—она плакала, потому-что слезы уже давно душили ее, потому-что, не смотря на кажущееся спокойствіе, на кажущуюся веселость, она съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе волновалась и тревожилась и довольно было самаго ничтожнаго случая, чтобы это мучительное состояніе безмолвной внутренней тревоги закончилось слезами.

Слѣдующій день она провела дома; тамъ штабсъ-капитанъ безпокоился, что давно нѣтъ писемъ отъ молодыхъ воиновъ. Марья Дмитріевна охала, что нужно скоро везти Мишу въ училище. Молодой дѣвушка невольно приходилось выслушивать всѣ эти чужія тревоги, хотя у нея было довольно и своихъ волненій и заботъ.

— А вѣдь ты, Катя, нездорова, замѣтилъ ей Антонъ.

— Нѣтъ, милый, я здорова, отвѣтила она.

— Лжешь-то зачѣмъ? покачалъ онъ головой.—Ты береги себя: не-то я пожалуюсь Сашѣ...

— Ради Бога, ради Бога, не безпокой его! живо воскликнула Катерина Александровна.—Ему и безъ того не легко. Его нужно беречь, не смущать пустяками. Господи, когда-же это кончится, когда кончится!

Катерина Александровна сжала руками свою пылающую голову. Антонъ угрюмо смотрѣлъ въ сторону; онъ чисто подѣтски сердился на войну, приносящую столько горя и тревогъ любимымъ имъ личностямъ. На его дѣтскую, впечатлительную душу сильно дѣйствовало то нехорошее, унылое настроеніе, которое воцарилось въ его семьѣ и какъ-будто вѣяло въ воздухѣ. Это настроеніе тяготило и Катерину Александровну. Не находя спо-

войствія въ пріютѣ, она не находила его и дома. Вѣсти съ поля военныхъ дѣйствій дѣлались все болѣе и болѣе неутѣшительными и заставляли ждать какой-то катастрофы, грозы, которая закончила-бы всѣ мучительныя событія, какъ гроза, бывшая наканунѣ, закончила нѣсколько томительныхъ дней невыносимаго, удушливаго зноя. Но дни шли, а катастрофы все не было...

Вотъ въ пріютѣ появились снова высшія начальствующія лица; Зорина получила отставку и была оставлена только на мѣсяць или на полтора до пріисканія новой начальницы; на ея половину засновали какія-то темныя личности, кредиторы; тамъ слышались ихъ грубые голоса и молящій голосъ старухи; началась продажа ея мебели и разныхъ бездѣлушекъ. Въ пріютѣ было какое-то междуцарствіе: старая начальница еще была тутъ, но на нее уже не обращали вниманія; ея министры еще правили дѣтьми, но въ душѣ уже трепетали и за свою участь.

Княгиня Гиреева, тотчасъ по возвращеніи изъ деревни, узнала о пріютской исторіи и послала за Катериной Александровной. Катерина Александровна очень обрадовалась этому случаю и рѣшилась обратиться къ княгинѣ съ просьбою дать ей мѣсто учительницы въ пріютѣ. Она сознавала, что безъ этого ея роль въ пріютѣ будетъ постоянно пассивною и что она можетъ сдѣлать на пользу дѣтей хоть что-нибудь только тогда, когда ей дадутъ право учить ихъ. Молодая дѣвушка изумилась при видѣ печальной Глафиры Васильевны, утратившей долю своей живости и болтливости. Еще сильнѣе удивилась она, увидавъ Гирееву: Гиреева лежала на кушеткѣ, обставленная разными стѣлянками и примочками; она постарѣла на десять лѣтъ и выглядѣла уныло.

— Очень рада видѣть васъ, черненькіе глазки, тихо проговорила она, ласково кивая головой Прилежаевой. — Я вотъ все хвораю... Слышали вы: внука моего и племянника убили... какъ я это перенесла... чѣмъ-то все это кончится...

Катерина Александровна вздохнула.

— Да, о чемъ я хотѣла поговорить съ вами? потеряла старуха свой лобъ.—Память совсѣмъ измѣнилась... Эти удары... Ахъ, да!.. У васъ тоже передраги какія-то въ пріютѣ... Начальницу смѣняютъ... Все это безъ меня сдѣлалось...

— Очень жаль, княгиня, замѣтила Катерина Александровна.— Начальница ничѣмъ не виновата. На тѣ средства, которыя отпускаются на пріютъ, трудно что-нибудь сдѣлать... Нищіе трагятъ больше на своихъ дѣтей...

— Что дѣлать, что дѣлать! Пріютъ и безъ того дорого стоитъ... Вы расскажите мнѣ, что это за исторія... Я читала отчетъ Ермолинскаго, но вы сами мнѣ расскажите... Я не понимаю теперь, что читаю... Совсѣмъ убита...

Катерина Александровна передала старухѣ все, что знала.

— Теперь, княгиня, по крайней мѣрѣ, нужно-бы позаботиться, чтобы будущая начальница лучше вела дѣла, чтобы она не позволяла оставлять дѣтей безъ присмотра и безъ образованія...

— То-есть, какъ это безъ присмотра и безъ образованія? переспросила старуха.— Вы яснѣе мнѣ говорите... подробнѣе растолкуйте...

— Нужно, чтобы помощницы болѣе заботились о развитіи дѣтей. У насъ все ученье ограничивается двумя, тремя уроками въ недѣлю.. Я съ охотой занялась-бы съ дѣтьми русскимъ языкомъ и арифметикой... Учитель приноситъ мало пользы...

Княгиня тоскливо смотрѣла куда-то въ даль. Ея видимо очень мало занималъ разговоръ съ Катериной Александровной. Вообще въ послѣднее время еѣ не занимало ничто.

— Я была-бы очень благодарна вамъ, княгиня, если-бы вы позволили мнѣ въ опредѣленные часы заниматься съ дѣтьми, продолжала Катерина Александровна.

— Да, да, занимайтесь! разсѣянно отвѣтила старуха.

— Но тутъ моего желанія мало, нужно, чтобы на насъ официально возложили обязанность учить дѣтей... Пусть сдѣлають запросъ, кто изъ помощницъ согласится давать уроки дѣтямъ... Иначе начальница не позволитъ и скажетъ, что я отнимаю у дѣтей время, въ которое они должны шить.. Ихъ грамотѣ учить надо; ихъ нужно хоть чему-нибудь научить... Съ однимъ умѣньемъ шить нельзя уйти далеко...

— Да, да, я скажу Дарьѣ Федоровнѣ, проговорила княгиня.— Вы за что возьметесь?

— За русскій языкъ и за арифметику...

— Скажите, мой дружокъ, Глафирѣ, чтобы она напомнила мнѣ... Память у меня слаба стала... Вотъ вы мнѣ говорили, а у меня

въ головѣ все смутно, смутно... Ахъ, Мишель, Мишель!.. Да, дитя, до какой поры мы дожили: старики хоронятъ молодежь, цвѣтъ молодежи... и для чего, для чего все это началось?.. Кто выигралъ?..

Старуха опустила голову и впала въ полудремоту. Катерина Александровна тихонько вышла.

— Ну что? уныло спросила Глафира Васильевна.

— Она, кажется, уснула! отвѣтила Катерина Александровна.

— Теперь всегда такъ: велитъ то того, то другого позвать, а сама и заснетъ... Вѣдь вотъ и изъ деревни въ Москву, къ Троицъ-Сергію уѣхали, оттуда опять въ деревню, потому сюда прискакали: мѣста нигдѣ найти не можемъ... это не передъ добромъ... Передъ смертью такъ человѣкъ мечется... Измучали ее, совѣмъ измучали: пока живы были, она покоя не знала; умерли — еще хуже стало... И то сказать, свои были! Ну, ужь времячко! Всѣ горюютъ, всѣ ждуть чего-то... А чего ждать?..

Катеринѣ Александровнѣ стало тяжело. Она поспѣшила пережѣнить разговоръ и начала объяснять Глафирѣ Васильевнѣ свое желаніе занять мѣсто учительницы въ пріютѣ.

— Это пустякъ! возразила Глафира Васильевна, выслушавъ ее. — Тутъ и просить нечего. Пришлютъ бумагу и конецъ весь. Надо сказать, чтобъ жалованья прибавили.

— Ну изъ чего-же стануть прибавлять?..

— Э, найдутся деньги! Не даромъ-же работать... А знаете-ли, если-бъ я была на ихъ мѣстѣ, такъ я взяла-бы и закрыла-бы этотъ самый пріютъ: вѣдь онъ вотъ у нихъ гдѣ сидитъ. Глафира Васильевна указала на затылокъ.

Поговоривъ нѣсколько минутъ съ княжеской домоправительницей, Катерина Александровна отправилась домой. Она радовалась тому, что, повидимому, ей удастся вступить въ болѣе дѣятельную роль въ пріютѣ, но эта радость была не настолько сильна, чтобы заглушить въ душѣ дѣвушки тѣ тяжелыя впечатлѣнія и чувства, которыя волновали ее въ послѣднее время и которыя пробудились еще сильнѣе при видѣ скорби старой княгини. Въ эту пору общественныя событія отравляли каждую радость. Это было въ августѣ. Катерина Александровна задумчиво шла по улицамъ и не торопилась домой, желая подольше подышать свѣжимъ воздухомъ. Ее теперь не манило домой: она зна-

да, что и тамъ она услышитъ тѣже вздохи, тѣже печальныя рѣчи.

Вдругъ около нея послышался голосъ штабсъ-капитана.

— А я къ вамъ на встрѣчу шелъ, проговорилъ онъ.—Слышали?

— Что такое? спросила Катерина Александровна, съ испугомъ глядя на тревожное лицо старика.

— Севастополь взять! проговорилъ старикъ въ волненіи.

Катерина Александровна поблѣднѣла. Они прошли шаговъ сто, не говоря ни слова, хотя у каждаго была потребность высказать другъ другу свои опасенія.

— Подрбностей нѣтъ? спросила Катерина Александровна.

— Ничего неизвѣстно, хмуро отвѣтилъ старикъ.

Они снова пошли молча.

— Легъ-бы теперь въ могилу и пролежалъ-бы такъ, ничего не зная, ничего не слыша, до ихъ пріѣзда, послышался безнадежный голосъ старика.

— Не падайте духомъ, произнесла Катерина Александровна, захлебываясь отъ слезъ.

Они дошли до воротъ.

— Дождались горя, Катюша, дождались, слезливо произнесла Марья Дмитриевна, стоявшая у воротъ съ двумя, тремя лавочными знакомыми.

— Что случилось? съ испугомъ почти вскрикнула Катерина Александровна.

— Севастополь-то сдался, вздохнула Марья Дмитриевна.

— А, да! свободнѣе вздохнула Катерина Александровна, какъ-будто ожидавшая услышать отъ матери болѣе страшную для нея вѣсть.

— Гдѣ-то теперь наши голубчики? Въ плѣну, можетъ быть...

— Полноте, мама! Нужно молчать и ждать...

Катерина Александровна медленно поднялась въ сопровожденіи своей семьи на лѣстницу и вошла въ комнату. Въ семьѣ воцарилась мертвая, мучительная тишина.

— Нѣтъ, пойду я.... Не могу я сидѣть! поднялся съ мѣста штабсъ-капитанъ, махнувъ рукою.

Въ его лицѣ было какое-то мучительно-безнадежное выраженіе: казалось, что этотъ человѣкъ готовъ затопить свои тяже-

лыя чувства хоть въ винѣ, чтобы забыться и уснуть, — уснуть до лучшей поры.

— Ну, полноте! Лягьте, ласково промолвила Катерина Александровна и положила руку на плечо старика.— Не ходите никуда... Зачѣмъ вамъ идти?.. Развѣ будетъ легче?.. Оставайтесь ради нихъ!..

Старикъ закрылъ лицо руками и заплакалъ, какъ ребенокъ.

— Господи, Господи, пощади ихъ!

А. Михайловъ

(Продолженіе будетъ.)

ПЕРЕДРЯГА ВЪ ПЕРЕТЫКИНОЙ УЛИЦѢ.

ОЧЕРЕЖЬ.

(Посвящается А. Ф. Пахомовой.)

Велика и разнообразна матушка-Москва: много въ ней всякихъ площадей и пустырей широкихъ, домовъ едва примѣтныхъ глазу и до страшенности громадныхъ, церквей и соборовъ старинныхъ, благолѣпныхъ; много въ ней разныхъ улицъ и переулковъ, разныхъ проѣздовъ, разѣздовъ, переходовъ, перелазовъ и закоулковъ; какъ птенцы подь крыло кормилицы-матери на перебой жмутся со всѣхъ сторонъ къ бѣлокаменной цѣлыя слободы—и Лефортовская, и Сущевская, и Огородная, и Ямская, и Бутырская, и Даниловская, и Рогожская,— а вотъ нѣтъ-же ничего въ ней, матушкѣ, краше и милѣ нашей Перетыкиной улицы! Тихо, смирно, богобоязненно, — рай земной, да и только! Клянусь Богомъ!.. Встанетъ-ли утренняя заря и властной рукой разговить ночную тьму, — безъ крика и гама проснется Перетыкина улица, безъ крика и гама встрѣтитъ она божій день, безъ крика и гама проводить его; охватить-ли землю темная ночь... ахъ, да гдѣ-же люди спать покойнѣе и гдѣ сонъ можетъ быть крѣпче и безмятежнѣе, какъ не въ нашей Перетыкиной улицѣ! Ужь на что, кажется, великъ праздникъ — свѣтлое Христово воскресеніе: тутъ-то-ли не радость и гульба православнымъ христіанамъ, тутъ-то-ли веселье да бѣснованье идуть по всей матушкѣ-Москвѣ! Одна только наша Перетыкина улица проводитъ великіе дни, какъ подобаетъ: въ тишинѣ и мирѣ спуютъ изъ дома въ домъ обыватели, любовно отвѣдывая другъ у друга куличи и пасхи и съ умиленіемъ глядя на вороха крашенныхъ яицъ; наскучить сноватъ — лягутъ спать, а не-то выйдутъ къ воротамъ и, сидя на лавочкахъ, лакомятся орѣхами, подсолнечными сѣменами, рожками и проч. У насъ даже дѣти... и тѣ не

то, что въ другихъ мѣстахъ: ни визга, ни крика ихнаго не слышно на нашей улицѣ; ни бабокъ, ни змѣевъ, ни игры въ лошадки не увидите вы на ней: развѣ когда-когда прорѣжетъ ея мирную дремоту невольню рвущійся изъ повинной груди вопль: «Ой, тятенька, сейчасъ умереть, не буду никогда! Ой-ой-ой-ой!» — прорѣжетъ и замретъ, и опять на-долго и долго закутается улица въ свой молчаливый саванъ. Просто, восторгъ! Ну, гдѣ есть другое такое Эльдorado?!

Такъ вѣдь зато посмотрѣли бы вы, что за обыватель населяетъ нашу Перетыкину улицу. О, вы-бы пришли въ немалое удивленіе! Человѣкъ къ человѣку, какъ на подборъ... Не купецъ, такъ чиновникъ, — не чиновникъ, такъ купецъ; а ужъ если и попадется мѣщанинъ или разночинецъ какой, такъ такой мѣщанинъ или разночинецъ попадется, который даже самому наилучшему купцу или чиновнику не позволитъ себѣ на ногу наступить. Какъ передъ Богомъ! Этимъ-то подборомъ въ населеніи главнѣйше и обуславливаются указанные выше тишина и благочиніе нашей улицы, потому-что купецъ, примѣрно, доложитъ чиновнику: «пожалуйте табачку, ваше высокородіе», а чиновникъ на это купцу: «съ удовольствіемъ, говоритъ, ваше степенство»; мѣщанинъ спроситъ разночинца: «почемъ рубецъ, почтеннѣйшій?» а разночинецъ мѣщанину: «по копейкѣ серебра, ваше здорovie»; кавалеръ дѣвицѣ: «команъ, мамзель», а дѣвица кавалеру: «мерси, мусью», — словомъ, такая политика повсюду идетъ, право, точно гдѣ-нибудь на Сивцевомъ Вражкѣ промежду большими господами! Съ другой стороны, тишинѣ и благочинію нашей улицы не мало способствуетъ и то обстоятельство, что купцы наши цѣлый день проводятъ вдалькѣ, *въ городъ*, въ Кремлѣ, торгуя и волнуясь въ своихъ лавкахъ, а больше того въ трактирахъ, за чаемъ или селянкой, и являются домой для того лишь, чтобы мирно переспать ночь, а на утро опять въ городъ... волноваться за чаемъ; чиновники же, тоже съ ранняго утра, уходятъ на службу въ разные свои суды, присутствія, конторы и канцеляріи, «докладывать», «относиться», «сноситься», «предписывать», «рапортовать» и проч. и, утомленные письменной трепкой, возвращаются на квартиры всегда къ вечеру «пропустить», «перекусить», «завалиться»... опять до слѣдующей трепки. Если же кромѣ чиновничества служилаго и купечества торговаго существуютъ еще въ Перетыкиной купцы «не у дѣль», и чиновники въ отставкѣ, то эти, право, и въ счетъ у насъ не полагаются. Потому не полагаются, что чиновникъ въ отставкѣ, понашему, то-же, что рыба, вынутая изъ воды: какъ напряженно ни дѣйствуй жабрами, сколько ни бейся, а ужъ конецъ-отъ твой вотъ онъ, ибо рубль трид-

цать и одна треть пенсїи да геморой, сорокъ лѣтъ сидящїй въ поясницѣ,—тоже вѣдь не свои братья! Купцы «не у дѣль» и того меньше могутъ идти въ счетъ, по тому соображенію, что если не легко нажать капиталы, то еще труднѣе уберечь ихъ, почему подобный отставной купецъ на склонѣ дней своихъ о томъ только и думаетъ, какъ бы своего Сеньку или Ганьку оставить на ту точку, чтобы онъ, пришедши въ трактиръ, по примѣру родителя, спрашивалъ «пару» чая съ «постнымъ» сахаромъ, а не полудюжину клико съ сотней устрицъ, чтобы онъ, Ганька, каждую копейку въ зубахъ держалъ, а не сотенными депозитками трубки раскуривалъ или цыганскихъ дѣвокъ, разныхъ Машекъ да Дашекъ обдаривалъ. Угнетенный этими неотступными мыслями о сбереженіи капиталовъ, купецъ «не у дѣль» сначала мало-по-малу, а потомъ и совершенно исчезаетъ изъ жизни Перетыкиной улицы, такъ-что только выносъ его разбитаго параличомъ тѣла да скачка опечаленныхъ наслѣдниковъ на лихихъ тройкахъ, съ бубенцами и мамзелями еще и напоминаютъ улицѣ, что скончался, молъ, купецъ такой-то, житія его было лѣтъ столько-то, наслѣдство принялъ и оно съ благодарностью въ оборотъ пустилъ такой-то.

Итакъ основной элементъ Перетыкиной—купечество торговое и чиновничество служилое, съ небольшою примѣсью солиднаго мѣщанства и степенныхъ разночинцевъ. Если при этомъ принять въ соображеніе, что служилые и торговые люди всѣхъ указанныхъ категорїй отправляютъ свои службы и торги на сторонѣ, *въ городъ* или иныхъ мѣстахъ, то окажется, что вся жизнедѣятельность нашей улицы находится въ рукахъ купеческихъ и чиновничьихъ женъ и дочерей; отправляясь же въ изысканїяхъ дальше и раздѣляя жизнь общественную отъ жизни семейной, частной, найдемъ, что отягощенные хозяйствомъ жены за недосугомъ не могутъ принимать почти никакого участія и оказывать почти никакого вліянія на нашу общественную жизнь; слѣдовательно, изъявъ изъ обращенія женъ, увидимъ, что для общественной жизни остаются однѣ дочери, слабыя, невинныя дѣвицы, кои уже потому неспособны руководить сказанной жизнью, что онѣ дѣвицы, общественный же *зубъ* вырастаетъ, какъ дознано, лишь послѣ замужества. Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ заключить, что общественной жизни въ Перетыкиной улицѣ—нѣтъ, такъ-какъ некому заправлять ею, каковымъ отсутствїемъ очень просто и объясняется тишина и благочиніе, составляющія исконную гордость и прелесть нашей улицы.

Быль апрѣль мѣсяцъ во второй половинѣ. Всего, можетъ быть, день какой, два осталось до *Егорья*; ужъ и *бычій триумфъ* давно отпраздновался всею Москвою *). Добрые люди уже давно набрали березовыхъ почекъ и настояли, кто четвертную, кто полведра, а кто и цѣлое ведро; нетерпѣливые такъ, признаться, ужъ и попробовали свѣжей настойки, — «закушали», какъ говорятъ у насъ въ Москвѣ, и нѣкоторые, не въ осужденіе будь сказано, ловко-таки «закушали»! Появились мухи, весело закудахтали куры и дерма-задралъ свое громкое «кукареку» воевода-пѣтухъ. Стала приубираться, принаряжаться наша улица: время такое пришло, что и безъ уборки вездѣ все дѣлается прибраннымъ. Помой, напимѣръ, или другую какую нечисть выкинуть на улицу, — глядь, черезъ минуту уже и нѣтъ ничего, потому-что жидкое-то — солнце высушить, а твердое — откуда ни возьмутся, птички господнія на доброе свое здоровье растаскають, собачки пробѣглыя раскушаютъ, а-то такъ и свои-же куры да утки расклюють; яма гдѣ откроется — сейчасъ ее вѣтеръ пылью занесетъ и заровняетъ; заборъ завалится — палочкой подиеръ его, онъ и стоять себѣ, никого не трогаетъ...

Въ такое-то, по истинѣ безмятежное и благопотребное время вдругъ случилось въ Перетыкиной слѣдующее обстоятельство, — какъ увидимъ ниже, — надолго нарушившее ея вѣковую тишину.

Въ одинъ прекрасный день, рано утромъ, одна изъ домовладѣлицъ, вдова чиновника, нѣкая Аграфена Лукьяновна Пырѣева, собственно-ручно приклеила къ своимъ воротамъ билетъ, кратко извѣщавшій, что «одаеца упокой съ небелью». Приклеила билетъ Аграфена Лукьяновна, разумѣется, въ томъ простомъ соображеніи, что упокой, молъ, у меня почти лишній, такъ-какъ лѣтомъ самимъ-то хоть въ чуланѣ, хоть въ сараѣ, хоть на погребѣ жить можно, — отчего же, стало быть, и не отдать упокой хорошему человѣку, если такой навернется? Да не въ добрый часъ должно быть бумажку-то налѣпила Аграфена Лукьяновна... Потому не въ добрый, что не ус-

*) *Бычій триумфъ* происходитъ за нѣсколько дней до такъ-называемаго *егорья* — *сва дня*, въ который стадо въ первый разъ выгоняется въ поле, на траву. Триумфъ этотъ есть учрежденіе вѣковое и состоитъ въ слѣдующемъ: разукрашеннаго лентами быка водятъ по улицамъ двое пастуховъ, причѣмъ двое другихъ пастуховъ, шествуя впереди виновника торжества, искусно разыгрываютъ на дудкахъ разныя увлекательныя пасторали, на которыя запертыя въ хлѣвахъ коровы отвѣчаютъ страстнымъ ревомъ. За быкомъ идетъ его хозяинъ — будущій руководитель стада, а хвостъ шествія составляютъ толпы дѣтей и взрослыхъ, словомъ, всякихъ праздныхъ людей, охочихъ до всевозможныхъ торжественныхъ процессій.

Прим. автора.

пѣла еще путемъ обсохнуть бумажка, не успѣла даже сама хозяйка хорошенько развести въ мысляхъ, сколько запрашивать и за сколько затѣмъ отдавать квартиру, какъ вдругъ заскрипѣла калитка, раздался ожесточенный собачій лай, а за нимъ по всему двору прокатился мужской голосъ, громко возглашавшій:

— Эй, упокой! Кто тутъ упокой?

— Мы—упокой, торопливо высунувшись въ окно, отвѣтила прищельцу Аграфена Лукьяновна.—Цыцъ, Шарка! Я васъ, подлыя! Пожалуйте на крыльцо... Я сейчасъ,—скороговоркой пробормотала хозяйка и, стрѣлой сбѣжавъ съ лѣстницы, отперла дверь и впустила незнакомца въ комнаты.

Незнакомецъ былъ молодой человѣкъ, въ синихъ очкахъ, въ полувоевннй формѣ, брюнетъ, съ довольно жиденькими усами и бакенбардами.

— Вотъ-съ, отворяя дверь въ комнату, жестомъ пригласила Аграфена Лукьяновна.

Молодой человѣкъ граціозно поклонился и вошелъ, окинулъ бѣглымъ взглядомъ потолокъ, полъ и стѣны, пощелкалъ, неизвѣстно для чего, пальцами въ тонкую перегородку, отдѣлявшую упокой отъ остальныхъ комнатъ, ткнулъ кулакомъ въ сидѣнье стула, вѣроятно пробуя, достаточно-ли такое твердо, и коротко проговорилъ: «у-гу!»

— Ужь упокой—одно слово... Такой упокой, который даже передъ генераломъ самимъ, передъ какимъ-нибудь свѣтлѣющимъ, и передъ тѣмъ не уронить себя... выстоитъ, расхваливала Аграфена Лукьяновна. Небель... клоповъ нѣтъ... окна веселенькія... опять-же—полы, обои, церковь подъ бокомъ, — ужь, однимъ словомъ, королевскій упокой!

— А какъ цѣна?

— Вы одни? уклоняясь отъ прямого отвѣта, въ свою очередь задала вопросъ хозяйка.

— Одинъ, но со многими, самыми радужными надеждами, развязно отвѣтилъ будущій квартирантъ.

— Служить изволите гдѣ?

— Нѣтъ; я недавно выпущенъ въ отставку. Прапорщикъ въ отставкѣ, Вячеславъ Александровичъ Шгыковъ, добавилъ прапорщикъ въ отставкѣ, ловко щелкнувъ каблукъ о каблукъ и проводя рукой по своимъ жидкимъ усамъ.

— Здѣсь изволили служить прежде? снова спросила Аграфена Лукьяновна.

— Нѣтъ, я пріѣзжій.

При словѣ «пріѣзжій» Аграфену Лукьяновну слегка бросило въ дрожь. «Какъ это, думала она, незнакомаго человѣка пустить къ себѣ въ домъ? Еще если-бы хоть какой-нибудь, жившій прежде гдѣ-нибудь по сосѣдству съ Перетыкиной улицей, гдѣ-нибудь въ Рыловоротовѣ, на Собачьемъ Хвостѣ, во Рву, въ Клоповникахъ или Свиномъ городищѣ, наконецъ, просто, гдѣ-нибудь вообще въ Москвѣ, — а-то пріѣзжій... Богъ его знаетъ, какой онъ. Другой, сохрани владычица, и домъ-то тебѣ спалить; а не спалить, такъ любовницъ середѣ бѣла дня по веревкамъ черезъ окошки таскать станеть, въ жаръ до-гола раздѣваться придумаетъ. Срамъ!» И много, много разныхъ пакостей, какія можно ожидать отъ незнакомаго да еще пріѣзжаго человѣка, ворохнулось въ умѣ Аграфены Лукьяновны. Но не успѣла она, что называется, «войти во вкусъ» всѣхъ такихъ соображеній, раскинуть умомъ въ ширь и глубь, какъ прапорщикъ въ отставкѣ, снова ловко щелкнувъ каблукъ о каблукъ, скороговоркой произнесъ:

— Такъ, какъ цѣна?

— Но какіе-же ваши виды? спросила хозяйка, опять уклоняясь отъ прямого отвѣта и все еще находясь подъ гнетомъ разныхъ неприятностей, могущихъ произойти отъ незнакомаго да еще, легко сказать, «пріѣзжаго» жильца.

— Какъ—виды?

— То-есть, родъ занятій какой вашъ будетъ? пояснила Аграфена Лукьяновна.

— О, на этотъ счетъ, сударыня, я счастливѣйшій изъ смертныхъ! У меня есть такая «рука», при помощи которой я могу въ самомъ непродолжительномъ времени получить мѣсто помощника смотрителя острога, или какого-нибудь досмотрщика на скотопригонномъ дворѣ, — словомъ, захочу только, и заживу аристократомъ!

Вдова недовѣрчиво посмотрѣла на будущаго аристократа, досмотрщика скотопригоннаго двора, и подумала: «охъ, врешь ты, мозглякъ! Ну, гдѣ тебѣ такое важное мѣсто?»

— Такъ, какъ цѣна? стоялъ на своемъ отставной прапорщикъ.

Аграфена Лукьяновна подумала минуту: «эхъ, чтобы отвязаться, махну самую несообразную цѣну, разсудила она:—потому—какой онъ мнѣ жилецъ? Совсѣмъ не рука!

— Меньше шести рублей я ни копейки взять не могу, сухо доложила вдова.

Но кто можетъ представить себѣ смущеніе бѣдной вдовы, когда будущій досмотрщикъ скотопригоннаго двора, вмѣсто всякихъ прере-

каній о несообразности цѣны, быстро сунулъ въ руку Аграфены Лукьяновны рубль серебромъ, въ видѣ задатка, и, коротко пробормотавъ: «черезъ часъ я вашъ жилецъ», стремительно вышелъ изъ комнаты. Точно громомъ пораженная, съ рублемъ въ рукахъ стояла посрединѣ упокою злополучная вдова, и сколько всякаго нехорошаго пришло ей на умъ въ эту минуту.

— Господи! опомнившись, воскликнула Аграфена Лукьяновна, хватая себя за голову, и стремглавъ бросилась на кухню, гдѣ тѣмъ временемъ кузарка уже успѣла «не досмотрѣть» кашу и вмѣсто того, чтобы вовремя «отставить», сунула ее въ самое пекло, отчего горшокъ тотчасъ-же и разворотило на нѣсколько частей.

Небольшіе счеты съ виновницей гибели каши и горшка, — бабой деревенской, грубой и потому долгое время заливавшейся самыми горючими слезами и во всю пасть кричавшей: «Нѣтъ, ты драться не смѣешь! Пойдешь къ мировому!» — эти небольшіе счеты, говорю, на нѣкоторое время разогнали черныя мысли Аграфены Лукьяновны; она даже чуть-было и совсѣмъ не забыла объ ужасномъ жильцѣ и хлопотала, суетилась около печи, то задвигая, то выдвигая разные чугуны, чугуны и чугуночки, разные горшки и горшечки, — какъ вдругъ миръ, снизошедшій-было въ ея больную душу, былъ снова нарушенъ, и на этотъ разъ сильно и надолго. Раздался на дворѣ ожесточенный собачій лай, закричала калитка, завязжали на ржавыхъ петляхъ и затѣмъ лѣниво отворились ворота, — глянула въ окно Аграфена Лукьяновна, — руки, ноги такъ и отнялись сразу: жилецъ, съ подушкой и еще какимъ-то узелочкомъ, подъѣзжалъ прямо къ крыльцу.

— Владычица! взмолилась одинокая, беззащитная вдова: — Не оставь меня твоимъ заступленіемъ при моемъ горегорькомъ вдовствѣ! зарыдала она и, какъ стояла, такъ и грянулась передъ образомъ на колѣни.

День клонился къ вечеру. Въ Перетыкиной уже многія христіанскія души отошли ко сну; многія готовились отойти и очень ограниченное число душъ еще бодрствовали, впрочемъ, потягиваясь и широко розъвая и крестя рты. Тишь стояла такая, что изъ конца улицы въ конецъ было слышно, какъ сморкался и кашлялъ кто-нибудь изъ перетыкинцевъ, какъ ревъла корова, тявкала отъ скуки собака, или тренькала гдѣ-нибудь гитара, подъ унылый звонъ которой тос-

кущая чиновничья душа жиденькимъ фальцетикомъ докладывала, какъ

Подъ вечеръ осенью ненастной
 Пустыннымъ дѣва шла мѣстамъ
 И тайный плодъ любви несчастной
 Держала трепетнымъ рукамъ.

Прапорщикъ Штыковъ къ этому времени только-что успѣлъ разобратся въ своей новой квартирѣ... и, говоря безъ шутокъ, комнатка вышла хоть куда. Во-первыхъ, украшенію такъ-называемаго «упокоя» много способствовало то обстоятельство, что прапорщикъ нашъ былъ большой знатокъ и любитель картинъ, почему стѣны тотчасъ-же воспріяли на себя бездну разныхъ литографій и фотграфій, большихъ, среднихъ и малыхъ размѣровъ, раскрашенныхъ, просто черныхъ, съ объяснительными подписями, безъ всякихъ подписей, и т. д. Особенно выдавалась, напримѣръ, литографія съ подписью по-нѣмецки: «Die schöne Sascha», гдѣ *Прекрасная Саша* была изображена лежащею au naturel, впрочемъ, въ ожерельи, серьгахъ, браслетахъ и съ часами, гдѣ-то на лугу, должно быть, въ какомъ-нибудь восточномъ гаремѣ, какъ слѣдовало заключить по фигурѣ стоявшаго невдалекѣ евнуха, тоже au naturel, но съ саблей на-голо, — больше, разумѣется, походившаго на кочегара или угольщика, чѣмъ на заправскаго евнуха. Картина эта, надо думать, принадлежала къ наиболѣе любимымъ прапорщикомъ, потому-что была повѣшена надъ самой кроватью нашего героя. Не менѣе *Прекрасной Сашы* обращала на себя вниманіе другая литографія, носившая названіе «Девичи времяпрепровожденія», представлявшая группу дѣвицъ на берегу рѣки, дѣвицъ совѣмъ раздѣтыхъ, но какъ-бы боящихся броситься въ прохладныя струи:—эта висѣла по правую сторону зеркала. Третья литографія, висѣвшая отъ зеркала влѣво, представляла то-же самое, что и *Девичи времяпрепровожденія*, но такъ-какъ изъ-за кустовъ выглядывалъ охотникъ, во французскомъ кафтанѣ и трехъугольной шляпѣ съ наушниками, съ ружьемъ и свиноподобной собакой, то картина и носила соответствующее ей названіе—«Любопытный Андруша». Кромѣ этихъ трехъ литографій, составлявшихъ, такъ сказать, ядро галереи, по стѣнамъ было разбросано еще множество другихъ литографій и фотграфій, хотя большею частью и извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «соблазнительныхъ» («тьфу-картинъ», какъ выражаются перетыкинскія дамы), но зато всегда выполненныхъ, если и не вполне художественно, такъ, по крайней мѣрѣ, совершенно откровенно и во всякомъ случаѣ дѣйствующихъ на молодую натуру самымъ ободряющимъ образомъ. Тутъ

были всевозможны Паша, Маши, Саши, Даши, Серафимы, Матильды, Маргариты, Амаліи, Нормы, и проч. и проч.; тутъ были положенія стыдливыя, стыдливо-откровенныя, просто-откровенныя, усиленно-откровенныя, откровенныя «на ура!» и т. д. и т. д., — словомъ, гуляй-душа! — Съ другой стороны, украшенію упокоя не мало послужило также оружіе и иная воинская сбруя, которыхъ у нашего отставнаго прапорщика оказалось въ достаточномъ количествѣ. Такъ, по бокамъ зеркала помѣстились сабля будничная и сабля праздничная, надъ зеркаломъ одноствольное ружье безъ замка, надъ кроватью, немного повыше *Прекрасной Саши*, патронташъ и папаха, въ углу шомполъ, тесахъ безъ ноженъ и сломанный штыкъ, на столѣ солдатская манерка, вязанка старыхъ пуговиць, фуражка съ кокардой постарше, фуражка съ кокардой помоложе — праздничная, и т. п. и т. п. Короче: комната совершенно преобразилась и приняла характеръ, такъ-сказать, венеро-марсовскій.

Ставши на средину своей новой квартиры и осмотрѣвъ пристальнымъ окомъ комнату со всѣхъ сторонъ, Штыковъ остался совершенно доволенъ и упокоемъ, и собственнымъ изящнымъ вкусомъ, почему даже позволилъ самъ себя громогласно похвалить, сказавши: «Молодецъ, братъ, Вячеславъ!» и затѣмъ, подумавши немного, разсудилъ, что послѣ уборки недурно было-бы и прогуляться, ибо прогуливаться въ приятномъ расположеніи духа похвально. Послѣ такого умозаключенія, отставной прапорщикъ накинулъ на плечи пальто и, взявши въ руку вмѣсто трости шомполъ, быстро вышелъ на улицу.

Лишь только Штыковъ перешагнулъ за калитку, лишь только стали глохнуть въ уличной тишинѣ его шаги и смолкли собаки, провожавшія лаемъ новаго жильца — отворилась дверь въ упокой и на цыпочкахъ, крадучись, вошла въ него Аграфена Лукьяновна и за ней, крадучись и такъ-же скромно, еще двѣ какія-то старушки; кухарка осталась въ наблюдательномъ положеніи за дверью и то появлялась на порогъ упокоя, то стремительно бросалась въ прихожую, къ окну, посмотреть, не вернулся-бы на грѣхъ самъ-то. Аграфена Лукьяновна была совершенно разстроена; въ эти нѣсколько часовъ она постарѣла на цѣлый десятокъ лѣтъ: такого горя съ ней не бывало съ самой смерти мужа, т. е. ровно пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

— Вся улица, матушка Аграфена Лукьяновна, вся улица, просто, сдвигается, бормотала одна изъ сопровождавшихъ хозяйку старушекъ. — Рассказываю я давеча Марьѣ Никаноровнѣ, какъ, молъ, наша бѣдная Аграфена Лукьяновна на жильцѣ прошиблась, такъ, вѣрите-

ли, у ней слезы такъ градомъ, градомъ и сыплются изъ глазъ. Сейчас умереть, если вру!

Аграфена Лукьяновна болѣзненно вздохнула на такія рѣчи.

— Сынокъ у нихъ, Никифорушка, блаженненькій-то, — ужь, кажется, чего спрашивать съ него, божьяго человѣка, — такъ и тотъ, можете себѣ представить, только-что услышалъ, что офицеръ переѣхалъ къ вамъ, руками, знаете, этакъ дѣлаетъ, точно отпихиваетъ кого отъ себя, а самъ все: «пафъ! пафъ!» то-есть какъ-будто говоритъ, что изъ ружья, моля, застрѣлить. Чугункины, Потатуйкины, Швабрна Дарья Устиновна — да, всё, всё... Вотъ провалиться на семь мѣстѣ! — Ахъ! ахъ! вдругъ, неожиданно вскрикнула рассказщица.

— Ахъ! ахъ! Ахъ! ахъ! ахъ! разомъ вскрикнули за ней удрученная горемъ, безпомощная вдова, другая старушка и кухарка въ прихожей, рѣшившаяся даже по этому случаю переступить порогъ и выдвинуться на средину упокоя: всё онѣ почему-то вообразили, что старушка въ самомъ дѣлѣ проваливается сквозь землю, согласно только-что выраженному ею желанію.

Но рассказщица вовсе и не думала проваливаться. Ставъ въ позу прекраснаго Іосифа, убѣгающаго отъ соблазнительницы, жены Пентефрія, старушка такъ и закаменѣла на мѣстѣ. Хозяйка, гостя и кухарка бросились къ ней и по направленію ея рукъ, простертыхъ къ *Прекрасной Сашѣ*, красовавшейся надъ кроватью жильца, тотчасъ сообразили, въ чемъ дѣло, и тоже закаменѣли.

— Ну, не безстыжія-ли твои бѣльма? обращаясь къ *Прекрасной Сашѣ*, первая перешла изъ каменнаго состоянія въ состояніе безсознательной ярости кухарка. — Ну, не поганка-ли ты опосля всего эфтого, тахто обохаливши барынину комнату? допрашивала безмолвную картину все та-же кухарка.

— Господи! что-же это такое? неутѣшно рыдала вдова, закрывъ руками лице. — Вѣдь у меня всё упокой, всё стѣны, всё уголки, щелочки — все святой водой окроплено...

Она готова была лишиться чувствъ и упасть въ обморокъ, почему сострадательныя гости тотчасъ поспѣшили на помощь и, не разсчитывая далѣе соблазновъ, въ видѣ разныхъ Дашъ, Серафимъ и Амалій, лѣзшихъ на нихъ со всѣхъ стѣнъ, вывели несчастную Аграфену Лукьяновну изъ упокоя.

— Что мнѣ дѣлать? что мнѣ дѣлать? лясая руки, горевала вдова.

Но не меньше ея растерялись и тоже не знали, что нужно дѣ-

лять въ подобномъ положеніи, и обѣ старушки и даже кухарка, болѣе ихъ сообразительная и находчивая.

— А по моему, послѣ долгаго молчанія, наконецъ, опять первую заговорила все та-же кухарка; — такъ, перекрестившись, да любовонько его въ три-шеи и махнуть со двора!

— А задатокъ—то? горько спросила вдова.

— Песъ съ нимъ и съ задаткомъ: выкинуть ему—жри!

— Зачѣмъ вы задатокъ-то съ него взяли? вмѣшалась въ разговоръ одна старуха.

— Именно, не слѣдовало брать, подтвердила другая.

— Голубчики вы мои! возопила Аграфена Лукьяновна, у которой разрывалось сердце:—вѣдь вы сами знаете, какое мое дѣло горькое, вдовье: ни мнѣ посоветоваться съ кѣмъ, ни мнѣ увспросить у кого—одна, какъ перстъ, мотаюсь. И думки у меня не было, чтобы все это такъ скоро сдѣлалось. Ужь тогда только, вѣрите-ли, и опомнилась я, какъ выскочилъ онъ изъ горницы да пошелъ по двору — вижу Шарка на него такъ и наскакиваетъ, такъ и наскакиваетъ, такъ за икры и ловить.

— Песъ, песъ, а вотъ, видите-ли, и тотъ понимаетъ, отозвалась одна старушка.

— Песъ, матушка, умнѣе челоуѣка, вставила слово другая.

— Вѣдь я какая, продолжала рассуждать неутѣшная вдова:—это какъ-то, скажу вамъ, покупала я на рынкѣ яйца. Только, вижу, мужикъ попался пьяненькій: «выбирай, говоритъ, сама». Вотъ я отдала ему деньги, выбрала десятокъ покрупнѣе да потомъ еще парочку прихватила: все равно, думаю, пропъеть. Такъ, что-жь вы думаете—вдругъ какъ окрысится на меня мужичишко-то: ты, говоритъ, не только-что самыхъ крупныхъ выбрала, а еще пару спахла, такая, говоритъ, ты, сякая... такъ, знаете, чернотой и пустилъ. Ну, и что-же? Мало того, что вернула я ему, такъ я-же еще и осталась, какъ оплеванная какая. Вотъ какой мой характеръ.

— А я, знаете, что придумала? вдругъ, словно осянненая свыше, изрекла одна изъ старухъ, та, которая первая окаменѣла при видѣ *Прекрасной Саши*.

— Матушка, что такое? исполнившись надеждъ, спросила безнадѣжная вдова.

Всѣ притавили дыханіе.

— Какъ хотите, а безъ Николая Видулыча тутъ дѣло не обойдется, коротко и ясно провозгласила старуха.

— Но вѣдь вы знаете... Вѣдь онъ тогда у меня кочета-то на смерть зашибъ...

— Знаю, знаю, голубчикъ Аграфена Лукьяновна, перебила старушка: — но что-же дѣлать, нужно помириться.

— Вѣдь четыре года... Вѣдь и до сего времени своихъ курочекъ подь чужого кочета подпускаю...

— И, матушка! По сорока лѣтъ люди ссорятся, да и тѣ мирятся; а четыре года не велико время.

— Но вѣдь какъ онъ меня поносилъ, вы то вспомните.

— Что-же дѣлать, милая Аграфена Лукьяновна, что-же дѣлать, когда такой узелъ вышелъ, что безъ него не развяжешь? — А ужъ Николай Викулычъ, сами знаете, по пальцамъ вамъ все разведеть... У Дарьи-то Семеновны, помните, дочь-отъ отъ рукъ отбивалась, ужъ, кажется, сколько ума тутъ нужно было, — анъ скрутилъ такъ, что только любо-два: и года послѣ того не прожила...

Вообще, послѣ привлеченія къ лѣлу Николая Викулыча, вдова нѣсколько ожила, надѣясь найти добрый совѣтъ и вѣрное успокоеніе въ этомъ привлеченіи. Рѣшено было, впрочемъ, поступить возможно политичнѣе, дабы не уронить себя, а вмѣстѣ и заручиться такимъ сильнымъ человѣкомъ, именно: завтра-же, пораньше, заслатъ къ нему кухарку съ извѣщеніемъ, что барыня, молъ, приказали кланяться и доложить, что въ писаніи говорится: «другъ друга обнимемъ», а еще, молъ, барыня очень просятъ къ себѣ сейчасъ-же чай кушать, такъ-какъ имъ очень и очень даже васъ нужно. Если-же Николай Викулычъ будетъ упираться, то идти барынѣ самой съ хлѣбомъ-солью и, напомнивъ, что всѣ мы въ семь мірѣ лишъ гости, потому что земля въ землю и отыдетъ—плюнуть на все и убѣдительно просить примириться. Словомъ, были тщательно обдуманы всѣ варианты примиренія и Аграфена Лукьяновна какъ-будто вздохнула нѣсколько свободнѣе. Успокоивъ страдалицу, какъ могли и какъ умѣли, старушки-гостьи крѣпко разцѣловались съ ней и, пожелавъ ей всякихъ благъ, разбрелись по домамъ, не цереставая восклицать во время пути: «Ахъ, какой соблазнъ, какой соблазнъ на нашу улицу въѣхалъ!»

По уходѣ старушекъ скоро вернулся жилецъ и, должно быть, тотчасъ-же легъ спать, потому что сколько ни наблюдали за нимъ барыня и кухарка, ничего онѣ не могли замѣтить похожаго на ужасное раздѣванье до-нага или не менѣе ужасное втаскиванье черезъ окна по канатамъ безстыжихъ женщинъ. Тѣмъ не меньше Аграфена Лукьяновна положила въ сердцѣ своемъ — продолжать наблюдать и для этого пожертвовать даже сномъ.

— Матренушка, искательно обратилась она къ кухаркѣ, — а вѣдь намъ, пожалуй, нынѣшнюю-то ночь не придется спать.

— Это съ чего еще?

— Да какже? Ужли-же такъ его безъ призора и бросить?

Но Матренушка, вмѣсто отвѣта, раскинула на полу какой-то шугай и такъ, въ чемъ была, въ томъ и повалилась, грубо и коротко проворчавъ: «не спи — твое дѣло!»

— Какая ты злая, Матренушка, укорила кухарку вдова.

— А ты не дерись! Вѣрно, какъ нужда, такъ — «Матренушка», а то такъ изъ-за горшка, который, плюнуть на него не стоитъ, сейчасъ и въ морду...

— Да вѣдь онъ, Матреша, девятнадцать лѣтъ служилъ.

— Хошь-бы двадцать, все-таки — не дерись!

— Неблагодарная ты, неблагодарная! съ грустью проговорила Аграфена Лукьяновна. — Ты вспомни только то, что когда ходили мы съ тобой къ Троицъ-Сергію, Богу молиться, цѣлую недѣлю ходили — тронула-ли я тебя хоть пальцемъ?

— Еще бы...

— Что: еще бы? Развѣ бы, если бы я озорница какая была, и не могла бы?

— Какже! Это ты дома-то вонительница, а тамъ, въ полѣ-то, а бы тебя сама... вонъ, какъ чертей — наотмань...

Матрена понимала всю безвыходность положенія своей барыни и потому ораторствовала, не стѣняясь.

— Каждый годъ по закону тебѣ дарю, и то ты ни во что ставишь мои благодаренія, горько упрекнула неблагодарную вдова.

— А мнѣ плевать — возьми ихъ хоть сейчасъ, свои законы! отрѣзала Матрена и повернулась къ стѣнѣ, спиною къ барынѣ.

Усматривая, что разговоръ принимаетъ нѣсколько щекотливое направление и что было бы неблагоприятно при такихъ горькихъ обстоятельствахъ лѣзть на ссору, Аграфена Лукьяновна замолчала и, положившись во всемъ на власть божію, рѣшилась и сама отойти ко сну, строго, впрочемъ, наказавъ кухаркѣ чѣмъ свѣтъ сбѣгать къ Николаю Викулычу и поступить, какъ условлено было давеча. Горе и заботы такъ сокрушили злополучную вдову, что едва она доплелась до постели, какъ тотчасъ-же и заснула самымъ крѣпкимъ сномъ.

Утромъ Аграфена Лукьяновна встала съ зарей, разбудила Матрену и такъ-какъ посылать ее къ Николаю Викулычу было рано, то обѣ женщины и принялись покуда за разныя хозяйственныя занятія: осмотрѣли ухваты, сковородники, чугуны, горшки, освидѣтельствовали, не *манюхали-ли* кошки воду, не навредили-ли гдѣ мыши, — да мало-ли сколько дѣловъ передѣлали. Аграфена Лукьяновна даже, признаться, успѣла уже и поворчать немножко на свою Матрену, когда увидѣла, что чистый ковшикъ лежалъ совсѣмъ близехонько къ поганому ведру, такъ что чуточку бы еще — и ковшикъ былъ бы оскверненъ: хоть бросай его тогда!

— Вѣдь тыщу разъ, тыщу разъ, кажется, говорила, что чистый ковшикъ долженъ висѣть вотъ на этомъ гвоздѣ, ворчала вдова, вѣшая ковшъ на мѣсто.

— Ну, закомандовала, огрызлась Матрена, разставляя по ранжиру разныя кухонныя орудія.

— Да вѣдь, дурь ты баба, ты то только возьми въ свою пустую башку, что если мы будемъ чистое съ поганымъ мѣшать, такъ вѣдь придется пополамъ съ навозомъ ѣсть и пить... отъ христіанства отступиться, усилла аргументацію Аграфена Лукьяновна.

— Ну, стой, стой! Куда поперъ! воевала Матрена съ непослушнымъ хватомъ, валившимся прямо на кочергу.

— То-ли дѣло, какъ все у мѣста, чинно, въ порядкѣ, продолжа-ла свои наставленія хозяйка. — Да и что стоитъ дѣлать, какъ слѣдуетъ? Ничего. А всякій, между тѣмъ, даже посторонній, радуется...

— О, несъ тебя зашъ! Опять не въ свое мѣсто лѣзешь! муштровала Матрена непослушный хватъ.

Трудно опредѣлить, къ чему привели бы эти маленькія размолвки, да и привели-ли бы даже къ чему-нибудь болѣе грандіозному, если бы имъ не помѣшало слѣдующее обстоятельство, отвлекшее Аграфену Лукьяновну отъ дальнѣйшаго развитія темы о чистомъ и поганомъ.

Пришелъ трубочистъ и началъ, глупый мужикъ, съ такимъ громомъ и шумомъ справлять свое очистительное дѣло, что Аграфена Лукьяновна не могла удержаться и невольно вышла изъ себя.

— Да ты куда пришелъ? Куда ты пришелъ, дьяволъ, спрашиваю я тебя? стремительно приступила къ черномазому рыцарю золы и сажы неутѣшная вдова.

— Извѣстно, куда, коротко буркнулъ рыцарь и загремѣлъ пуще прежняго.

— Понимаешь-ли ты, ефіопская твоя харя, что ты пришелъ въ благородный домъ?

— Домъ-отъ, можетъ, и благородный, да трубы такія-же, какъ и у мужиковъ, продолжая свое дѣло, замѣтилъ трубочистъ.

У Аграфены Лукьяновны кровь бросилась въ голову отъ такой неслыханной дерзости; она готова была разорвать на части негодяя-мужичишку.

— Да я тебя, мерзавецъ! Я тебя, разбойничья твоя душа, песь, татаринъ поганый! Вотъ сейчасъ,—она сдѣлала нетерпѣливое движеніе къ двери, — сейчасъ пойду къ жильцу-офицеру и попрошу, чтобы онъ саблей на части разрубилъ тебя, вора, бродягу безпаспортнаго!

— Тьфу ты, съумасшедшая! плюнулъ грубіянь и, бросивъ работу, ушелъ.

Аграфена Лукьяновна кинулась за нимъ, Сначала на дворъ, а потомъ на улицу; и долго дѣвственные стогны Перетыкиной оглашались самыми отборными, самыми тяжеловѣсными ругательствами, какія только могутъ вылетать изъ глубины больной, надорванной всякими несчастіями груди. Провожая трубочиста вдоль улицы и неустанно нанизывая поганого на паршиваго и подлаго, а затѣмъ все это связывая ворами, подлецами, бродягами и тому подобными существительными, неутѣшная вдова увлеклась до того, что едва не забыла совѣтъ объ Николаѣ Викулычѣ, и, только благодаря Матренѣ, спохватилась во время и тотчасъ-же отрядила кухарку за этимъ мудрымъ совѣтчикомъ.

Но «бѣда бѣду родить», говоритъ пословица. Едва Матрена вышла со двора,—такъ, можетъ быть, пять минутъ какихъ-нибудь прошло, какъ послышались шаги въ комнатѣ жильца, а затѣмъ закричала и пріотворилась дверь, ведущая изъ упокоя въ прихожую. Аграфена Лукьяновна такъ и обмерла; такъ руки, ноги и затряслась у ней.

— Эй, кто тамъ есть? раздался окрикъ.

— Мы-съ, не вдругъ, прерывающимся голосомъ пролепетала злополучная женщина.

— Кто: вы?

— Мы-съ... хозяйка-съ...

Опять послышались шаги: вотъ они близятся и близятся. Ужасъ объялъ Аграфену Лукьяновну: хотѣла она бѣжать, куда глаза глядятъ—ноги не слушаются; хотѣла крикнуть: «караулъ!»—языкъ точно окаменѣлъ во рту. «Ну, смерть моя пришла!» подумала горькая вдова и приготовилась покорно принять мученическій вѣнецъ, сожалея лишь о томъ, что не успѣла передъ кончиной сходить

въ баню, одѣться въ чистое бѣлье; приложиться къ Иверской и исполнить христіанскій долгъ, а, главное, не успѣла наказать Матренѣ, когда именно слѣдуетъ затѣвать блины для помина по ея грѣшной душѣ... Но вотъ отворилась дверь въ кухню и отставной прапорщикъ смѣло и прямо подошелъ къ потерявшей сознаніе женщинѣ, сунулъ ей что-то въ руку, отрывисто проговорилъ при этомъ тоже что-то и затѣмъ вышелъ. Зеленый туманъ какой-то стоялъ въ глазахъ Аграфены Лукьяновны, стучали виски, тяжело и высоко вздымалась грудь. Пришедши нѣсколько въ себя, долго, долго, тупо оглядывалась она вокругъ, совершенно не помня, что творилось здѣсь пять минутъ тому назадъ и какимъ путемъ не только уцѣлѣла ея голова, но еще и попала ей въ руку пятирублевая бумажка. Думала, думала страдалица и, наконецъ, не умѣя ничего сообразить, тяжело опустила голову на руки и истерически, горько, горько зарыдала.

Въ такомъ положеніи нашли ее поспѣшнѣйшій на помощь Николай Викулычъ и Матрена.

— Голубушка, Аграфена Лукьяновна, что съ вами? участливо обратился къ вдовѣ Николай Викулычъ.

— Спасите! спасите! только и могла проговорить она и лишилась чувствъ.

Однако, не будемъ терять времени и, пока Аграфена Лукьяновна находится въ безчувственномъ состояніи, попробуемъ покороче познакомиться съ Николаемъ Викулычемъ.

Николай Викулычъ былъ человекъ достаточно пожившій, торговалъ, былъ женатъ, имѣлъ дѣтей и небольшой собственный домикъ въ Перетыкиной. Николай Викулычъ считался умѣйшей головой не только въ своей улицѣ, но и далеко за ея предѣлами: «во всякомъ дѣлѣ три собаки съ шерстью съѣлъ», отзывались о немъ свѣдущіе люди. Отличительными чертами Николая Викулыча были: любовь къ карточной игрѣ, страсть къ устраиванію чужихъ семейныхъ неурядицъ, частое употребленіе въ разговорѣ словъ «голубчикъ» и «голубушка» и полнѣйшая трезвость... изъ боязни запоя. Краснорѣчивый и сладкій на словахъ, Николай Викулычъ былъ не меньше краснорѣчивъ и сладокъ на бумагѣ, что ему давало огромный перевѣсъ надо всѣми, даже служилыми, перетыкинцами, умѣвшими лишь третьимъ начальникомъ подписать бумагу или первымъ подчиненнымъ переписать таковую, тогда какъ онъ имѣлъ талантъ даже къ сочиненію какого угодно документа. Этотъ-то талантъ къ сочиненію особенно и помогалъ нашему сочинителю при устроеніи чужихъ семей-

ныхъ дразгъ, гдѣ часто приходилось ему дѣйствовать сколько словесно, столько-же и письменю. «Удержити себя,—писалъ, напри- мѣръ, въ случаѣ надобности, Николай Викулычъ какой-нибудь до- чери, отбивающейся отъ материнскихъ рукъ, сисящихся выпихнуть ея за Прохора, тогда какъ она хочетъ выскочить за Семена,—клянусь Богомъ, удержити себя отъ стремленія выдти замужъ за пьяницу и развратника, въ припадки гордостѣ оплеваннаго обществомъ и имѣющаго при низкости души четырехъ любовницъ и семнадцать человѣкъ незаконорожденныхъ младенческихъ душъ, увпомещенныхъ въ Воспитательномъ домѣ, подъ номерами»... (слѣдуютъ номера) или: «Безумецъ! писалъ Николай Викулычъ къ этому-же са- мому пьяницѣ и развратнику, имѣющему любовницъ и младенческія души, увпомѣщенные подъ номерами: — что ты дѣлаешь? Али жизнь твоя надоѣла тебе? Долгъ честнаго и благороднаго человѣка требовать отъ меня служить тебе по грошъ. Ты обольщенъ без- тыдницей, каторая я самъ видѣлъ намедни въ связи съ пажар- нымъ салдатишкой, аплакивающей рожденіе свое отъ горькихъ пья- ниць-родителейъ», и т. д. Словомъ, когда дѣло переходило на бума- гу, Николай Викулычъ умѣлъ убѣждать хоть кого.— Вотъ онъ-то, такой-то сильный человѣкъ и сидѣлъ теперь передъ Аграфеной Лукьяновной, готовый на всякую помощь.

— Голубушка Аграфена Лукьяновна! Да успокойтесь-же, ради самого Создателя...

— Не могу, не могу успокоиться! Охъ, не могу, не могу! тосковала вдовнца.

— Да вы расскажите мнѣ, голубушка, въ чемъ дѣло? Въ чемъ дѣло-то, расскажите? Успокойтесь, голубушка, и расскажите.

Оправившись нѣсколько послѣ такихъ ободреній, вдовнца, не безъ труда, однако, изложила передъ Николаемъ Викулычемъ всѣ, извѣ- стныя уже намъ, обстоятельства дѣла, высказала всѣ свои сообра- женія и опасенія, разумѣется, стараясь накладывать краски возмож- но гуще и давать воображенію возможно большій просторъ.

Николай Викулычъ выслушалъ рассказщицу терпѣливо, многозна- чительно покуривая папиросу и не менѣе многозначительно скрѣпляя рассказъ короткими утверженіями, въ родѣ: «да», «такъ», «вѣр- но», «тесъ!» и проч.

— Такъ, вы говорите, что обнаженная женщина виситъ на стѣ- нѣ? строго спросилъ онъ Аграфену Лукьяновну, когда та привела рѣчь къ концу.

— Какое обнаженная — совсѣмъ... Ахъ, развѣ я могу!.. бла-

городная женщина... когда я, можно сказать, соблюдаю свое вдовство...

— Да-съ.

— И не одна въдь... Всѣ стѣны огадилъ мерзавецъ!..

Слушатель въ ужасѣ покачалъ головой.

— Самоваръ вотъ теперь должна подавать ему, а боюсь, потому думаю: ну, да какъ онъ его объ стѣну шваркнетъ?

— Шваркнетъ, шваркнетъ. Такой разбойникъ, голубушка, непременно шваркнетъ.

— Такъ легко-ли это мнѣ? Въдь самоваръ-то у меня, самый плохенькій и тотъ два рубля семь гривенъ стоитъ; а если на ассигнаціи, такъ сколько тутъ денегъ,—сочтите-ка...

— Не слѣдуетъ, не слѣдуетъ подавать: такъ, не лакавши, пусть и сидитъ, одобрилъ Николай Викулычъ.

Минута пролетѣла въ молчаніи.

— Думала на него просьбу подать... Опять и то думаю: куда подашь?

Этотъ вопросъ поставилъ въ тупикъ даже и самого Николая Викулыча. «Надо, въ самомъ дѣлѣ, слѣдуетъ подавать? размышлялъ онъ самъ съ собою. — Къ митрополиту если? — Не подходитъ. — Въ духовную консисторію подать?..—Опять не рука.—Къ мировому? — По легкости наказанія, налагаемаго мировыми судьями, не стоитъ.—Если по роду мѣющихся у него орудій преступленія—картинъ, обратиться въ Академію художествъ?..—Пожалуй, возвратятъ съ надписью: «къ подаванію не подлежитъ»...

— Онъ въ карты не играетъ-ли? логически вышелъ изъ такого затруднительнаго положенія Николай Викулычъ.

— Ахъ, дорогой Николай Викулычъ! возопила вдова.—Да развѣ онъ, какъ люди? какія ему карты, когда онъ только и смотритъ, какъ-бы зарѣзать или ограбить кого!

— Нѣтъ, я, видите-ли, къ чему это говорю, пояснилъ Николай Викулычъ:—точно такой-же случай, какъ вотъ съ вами теперь, уже былъ на моихъ глазахъ одинъ разъ. Было это, голубушка, лѣтъ семнадцать тому назадъ; жилъ я тогда еще въ Стародубинной улицѣ,—знаете, сейчасъ какъ отъ Никола-Попляши черезъ заборъ-то перелѣзть, такъ желтевскій домикъ... Вотъ-съ, голубушка-съ Аграфена Лукьяновна, въѣхалъ въ нашу улицу купецъ — не хуже вашего удалецъ: сидитъ съ утра до поздней ночи одинъ въ комнатѣ, того и глядимъ—убьетъ кого, или домъ подожжетъ. Страхъ, голубушка, напалъ на всѣхъ насъ,—божусь Богомъ! Ходили,

ходили мы вокругъ него, цѣлый мѣсяцъ ходили, наконецъ, выходили—таки свое: разъ заманили на пулечку, другой заманили, а потомъ, пулечка за пулечкой, и вылетѣла дурь-то изъ головы... человѣкъ человѣкомъ сталъ: такъ-то-ли началъ рубиться въ карты—и день и ночь!—Вотъ къ чему я объ картахъ-то рѣчь завелъ, закончилъ Николай Викулычъ.

Графена Лукьяновна только вздохнула на такія Николай Викулыча рѣчи.

— Вамъ, знаете, что нужно сдѣлать, голубушка вы моя? обратился къ ней совѣтчикъ.

— Что, батюшка? что, родной? Научите вы меня, глупую, неразумную сироту.

— Во-первыхъ, вамъ надобно какъ можно строже за нимъ слѣдить, многозначительно изрекъ Николай Викулычъ.

— Такъ, такъ, уставившись на него всѣми глазами, кивала вдова.

— Во-вторыхъ, вы должны каждое его слово, каждый шагъ записывать.

Сирота подумала капельку.

— Записывать? спросила она.

— Каждое его слово, каждый шагъ непременно записывать. Одно только и звать: записывать, записывать и записывать.

— Ахъ, дорогой Николай Викулычъ! взмолилась вдова. Ну, легко-ли мнѣ это? Сами вы знаете, какой я писарь... я вонъ бумажку къ воротамъ и ту никакъ два часа писала, да и то подъ лавочниковы слова. Охъ, если-бы я ученая да образованная была по нонѣшнему-то свѣту, — съ грустью прибавила Графена Лукьяновна, — развѣ-бы я мучилась такъ-то, какъ я теперь мучаюсь? Да я-бы его, идола, еще вчерась кубаремъ съ лѣстницы пустила!

— Ну, хорошо, уступилъ Николай Викулычъ:—такъ не записывайте...

— Вотъ на этомъ дай вамъ Богъ добраго здоровья, поблагодарила вдова.

— Но, все-таки—слѣдите...

— Слушаю, слушаю.

— И потомъ обо всемъ замѣченномъ передавайте сейчасъ-же мнѣ.

— Вамъ?

— Мнѣ, мнѣ.

— Слушаю-съ.

— Ну, а тамъ мы увидимъ, какъ поступить, таинственно шеп-

нулъ Николай Викулычъ, лукаво подмигнувъ лѣвыми глазами. — Надѣмся, голубушка Аграфена Лукьяновна, что парень-то не вывернется изъ нашихъ лапъ, заключилъ, вставая со стула, совѣтчикъ и еще разъ подмигнуть.

— Куда-же вы, дорогой?

— Пора, пора, голубушка.

— А чайку-то?

— Ни, ни, ни, ни! Бѣгу, спѣшу, лечу! лаконически проговорилъ Николай Викулычъ и оставилъ жилище бѣдной вдовы, значительно, впрочемъ, успокоивъ и ободривъ злополучную страдалицу.

Лучъ надежды заблестѣлъ въ сердцѣ Аграфены Лукьяновны. Она сама чувствовала, что посѣщеніе Николая Викулыча какъ будто поставило ее на ноги, укрѣпило, оживило, и не мало тому радовалась. Такъ благодатная роса живить спаленную солнцемъ, поблекшую и приникшую къ землѣ былинку: выпрямляется и яркимъ изумрудомъ сверкаетъ она подъ росою, радуется она и въ радости возноситъ къ Господу Богу горячее свое благодареніе!

Не меньше Аграфены Лукьяновны былъ доволенъ и самъ Николай Викулычъ. Весело шелъ онъ вдоль Перетыкиной, развертывая въ умѣ своемъ разные планы, при помощи которыхъ можно-бы было махнуть отставного прапорщика такъ, чтобы отъ него одна только пыль осталась. По дорогѣ зашелъ онъ въ одинъ домъ, въ другой, въ третій, тамъ уронилъ слово, тамъ посѣялъ два, въ одномъ предостерегъ, въ другомъ обратилъ вниманіе, — словомъ, такъ подтянулъ Перетыкину, что къ девяти часамъ утра только и было всюду рѣчей, что о страшномъ и кровожадномъ жильцѣ несчастной Аграфены Лукьяновны.

— Легкій, говорятъ, что твое перо, рассказывала какая-то старушка лавочнику: — изъ окна, слышь, такъ прямокомъ на улицу и машеть. И все, слышь, больше насчетъ бабъ: такъ и лавить, такъ и лавить...

Разсказъ старушки до того сильно подѣйствовалъ на впечатлительнаго лавочника (у него была молодая жена), что онъ сразу обвѣсилъ на два фунта какого-то мужичка, покупавшаго у него хлѣбъ, за что, разумеется, тотчасъ-же и получилъ отъ покупателя справедливое замѣчаніе.

— О, ну тебя и съ разговорами-то съ твоими! бросая мужику привѣсокъ, злобно огрызая лавочникъ. — Такъ, лавить? обратился къ старушкѣ заинтересованный торговецъ.

— Страсти, какъ лавить, слышь!

— Вотъ песь-то!

— Въ самое-то, въ барыню-ту, изъ ружья, слышь, цѣлялъ.

— Тесь!

— Такъ, Иванъ Миронычъ, отпусти-ка капустки кофѣчки на двѣ, отъ разсужденій объ извергѣ-прапорщикѣ перешла къ хозяйственнымъ потребамъ старушка-разсказщица.

Особенно много разговоровъ, и разговоровъ достаточно серьезныхъ, возбудилъ отставной прапорщикъ въ семейныхъ домахъ, въ домахъ, гдѣ находились взрослые дочери, молодыя жены, свояченицы, сестры и тому подобный живой соблазнъ. Нѣкоторые отцы семействъ, мужья и братья рѣшили даже, что пока дѣло не разъяснится, имъ не слѣдуетъ, пожалуй, и со двора выходить; другіе, хотя и не пришли къ такому сидячему выводу, тѣмъ не меньше оставили свои дома лишь послѣ энергическихъ внушеній и предостереженій, въ родѣ:

— Мама, Саша! Смотрите-же! Слово — законъ! внушалъ папенька. — Если только узнаю, что которая нибудь изъ васъ къ окну подойдетъ, когда онъ шляется по улицѣ, или, сохрани Боже, выскочить на дворъ, а тѣмъ паче за ворота, — пощады нѣтъ: косу отрѣжу, въ затрапезное платье одѣну и — маршъ на кухню!.. не дочь ты мнѣ больше...

Или:

— Феклуша, Феклуша! отправляясь въ путь, выманивалъ къ воротамъ отецъ семейства свою кухарку и шопотомъ поучалъ: — Такъ помни-же: не зѣвать! Какъ только замѣтишь его, пса, а особенно, какъ только увидишь, что участить онъ около барышень ходитъ, — сейчасъ какую ни-на-есть нечисть, такъ прямо черезъ окно и спускай ему на голову. Слышь!

Одинъ ревнивый мужъ такъ поступилъ даже совсѣмъ просто: отправляясь изъ дома, онъ безъ дальнихъ разсужденій заперъ свою жену въ чуланъ: «этакъ-то дѣло, говорить, любезнѣе будетъ».

Другой...

Короче: Перетыкина заволновалась, какъ бурное море: такого страха и такого смятенія не было между перетыкинцами съ самаго 1812 года, т. е. съ француза и графа Ростопчина...

Прошелъ день, прошелъ другой, третій, лѣнливо какъ-то, въ смятеніи и ужасѣ прошли, но все-таки прошли. Напрасно перетыкинцы

ждали какихъ-то переворотовъ, событій — ни того, ни другого не произошло, и хотя многіе обыватели успѣли узнать отставного прапорщика въ лицо и встрѣчались на улицѣ съ нимъ неоднократно, тѣмъ не меньше ничего ужаснаго, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, не совершилось. Уже нѣкоторые отцы семействъ, мужья и братья, если и не разрѣшили прямо своимъ дочерямъ, женамъ и сестрамъ жить по прежнему, то по крайней мѣрѣ на столько ослабили осадное положеніе, что дозволили женскому полу подходить къ окнамъ, при чемъ болѣе смѣлымъ удавалось даже выбѣгать на дворъ или черезъ калитку высматривать на улицу. Сама даже Аграфена Лукьяновна какъ будто капельку пошатнулась въ своихъ черныхъ мысляхъ относительно жильца, когда увидѣла, что жилецъ подаваемый ему самоваръ объ стѣну не шваркаетъ, что ни одной христіанской души онъ еще не загубилъ, а, напротивъ, подарилъ даже Матренѣ старую мишурную эполету, ласково проговоривъ: «Въ деревню, родителямъ пошли», и, наконецъ, что вмѣсто всякихъ безстыдныхъ дѣлъ онъ тѣмъ только и занимается, что бродитъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, негромко напѣвая какую-то заунывную пѣсенку, каждый куплетъ которой оканчивается словами —

До Москвы онъ не доведъ —

Насмѣялся ровно петь...

Когда Аграфена Лукьяновна сообщила объ такихъ своихъ наблюденіяхъ Николаю Викулычу, то Николай Викулычъ, какъ человѣкъ опытный, посоветовалъ ей быть осторожной и не довѣряться слишкомъ подобной кротости, ибо подъ оной можетъ скрываться хитрость; на всякій-же случай опять-таки советовалъ пощупать этого волка въ овечьей шкурѣ картежной игрой, для чего можно-бы было, напримеръ, Матренѣ, которая уже нѣсколько освоилась съ нимъ, для пробы, предложить сыграть съ ней въ дураки, въ свои козыри, въ свиньи, или въ пьяницы, а потомъ, когда дѣло пойдетъ на ладъ, примазаться къ игрѣ и самой Аграфенѣ Лукьяновнѣ и склонять уже на преферансъ. Однако планы Николая Викулыча такъ и остались планами, безъ осуществленія, потому что Штыковъ наотрѣзъ отказался отъ картежной игры, даже въ пьяницы или свиньи, присовокупивъ, что еще въ дѣтствѣ былъ подверженъ этой страсти и проигралъ огромные милліоны въ недвижимостяхъ и движимостяхъ, послѣ чего далъ клятву на гробѣ матери и побожился прахомъ отца, — словомъ, началъ врать до умопомраченія, но на игру все-таки не склонился, ибо имѣлъ въ мысляхъ иное. Что такое было это *име* — мы увидимъ сейчасъ.

Жили да были въ Перетыкиной улицѣ два отставныхъ чиновника, два единоутробныхъ брата, два Самоваровы: Пармень Парфенычъ Самоваровъ и Парфень Парфенычъ Самоваровъ, и была у старшаго изъ нихъ, Пармена, едиnorodная дочь Агафья Парменовна. Хотя оба Самоваровы и были чиновники отставные, но были они въ то-же время совѣтъ какъ будто на службѣ, потому-что постоянно отлучались на сторону для веденія картежной игры и, кромѣ того, занимались разными маленькими ходатайствами по дѣламъ. И Пармень, и Парфень были вдовцы. Жили Самоваровы въ собственномъ домѣ, жили дружно (въ карты садутъ, и тутъ все одинъ на другого посматриваютъ да любовно перемигиваются) и любили старики Агафью Парменовну — одному дочь, а другому племянницу — всѣми силами своихъ не совѣтъ еще сломанныхъ службою душъ: «То-есть, кажется—ахъ!..» говорилъ о своей любви къ дочери Пармень; «Одно слово—вотъ!..» прибавлялъ къ этому братнину заявленію, указывая на горло, Парфень.

Цвѣткомъ роскошнымъ распустилась Агафья Парменовна. Ловкая, статная, черноглазая, бойкая въ рѣчахъ, она по справедливости могла-бы считаться первой красавицей и невѣстой въ Перетыкиной, если-бы ко всѣмъ этимъ качествамъ да зубы еще ей хорошіе,—а то зубами-то, признаться, немножко и обездолила ее природа. Тѣмъ не меньше Агафья Парменовна была на виду не только у перетыкинскихъ, но и у другихъ близкихъ и дальнихъ жениховъ, засылавшихъ къ ней свахъ съ превеликою настойчивостью. Но не очень-то льстилась на какихъ-то нибудь жениховъ самоваровская барышня; ужь коли чиновника, такъ чиновника съ орденомъ ей подавай, а то такъ самого офицера выкладывай, о купцѣ-же какомъ-нибудь и слушать она не хотѣла. Вотъ вѣдь куда гнула наша разборчивая невѣста! Да, если говорить правду, такъ нельзя было Агафѣ Парменовнѣ не гнуть и не быть разборчивой. Во-первыхъ, она училась въ пансіонѣ, хоть и не въ настоящемъ, а такъ... въ домашнемъ, у одной набожной старушки,—но все-же, значить, училась въ пансіонѣ; во-вторыхъ, отецъ—Пармень и дядя — Парфень давали за ней полъ-дома и тысячу рублей денегъ; наконецъ—и это главное—Агафѣ Парменовнѣ былъ двадцать пятый годъ, она очень хорошо знала цѣну себѣ и такъ ловко умѣла читать въ книгѣ судебъ и проникать въ таинственный смыслъ сихъ писемъ, что ей удивлялись даже самые забубенные перетыкинскіе умы, невольно восклицая: «Ай-же и воръ-дѣвка! Ужь быть ей, по ея шустрости, за богатымъ вдовцомъ, али за военнымъ какимъ!» Вотъ гдѣ были истинныя-то причины для

гнутъя и разборчивости, такъ опрометчиво осуждаемыхъ въ Агафѣ Парменовнѣ нѣкоторыми изъ недалновидныхъ перетыкинцевъ.

Извѣстіе о появленіи въ Перетыкиной ужаснаго и кровожаднаго отставнаго прапорщика не произвело въ домѣ Самоваровыхъ, какъ и слѣдовало ожидать, ровно никакого переполоха, съ одной стороны потому, что братья Пармень и Парфень вполне довѣряли благоразумію Агафьи Парменовны, а съ другой потому, что Агафья Парменовна, разъ имѣвшая случай танцовать на вечерѣ съ однимъ, не только что отставнымъ, но даже настоящимъ, служащимъ прапорщикомъ, больше заинтересовалась такимъ появленіемъ, чѣмъ испугалась его. Въ то время, какъ и безъ того скромная и малолюдная Перетыкина съ появленіемъ прапорщика сдѣлалась еще скромнѣе и малолюднѣе, когда все живое старалось по возможности укрыться и затаяться, одна только Агафья Парменовна пошла наперекоръ общему настроенію и не только по прежнему позволяла себѣ сидѣть у открытаго окна или выходить къ воротамъ, но даже предприняла короткія прогулки около своего дома... такъ, по домашнему, безъ шляпки даже — съ однимъ зонтикомъ.

— Ну, ужъ и безстрашная-же эта молодая Самоварщица, — совѣтъ отъемная голова! слышались приговоры отовсюду.

Разумѣется, эти короткія прогулки самоваровской барышни не ускользнули отъ вниманія отставнаго прапорщика, единолично гранившего перетыкинскіе тротуары въ теченіи нѣсколькихъ дней. А такъ-какъ въ природѣ все предусмотрѣно, предопредѣлено и предуказано, и человечеству, хотя-нехотя, остается лишь покоряться и пользоваться готовымъ, то посему при встрѣчахъ прапорщика и барышни всегда выходило какъ-то такъ, что, напримѣръ, барышня, вмѣсто того чтобы взглянуть на горланившаго во всю улицу пѣтуха, невольно взглядывала прямо въ лицо прапорщику и невольно-же мысленно восклицала: «Ахъ! у него усы»; прапорщикъ, съ своей стороны, поступалъ точно такъ-же и, думая устремить очи въ заборъ, почему-то устремлялъ ихъ вовсе не туда, а непремѣнно въ барышнинъ станъ, докладывая самъ себѣ: «Да она пышка!» Этимъ путемъ чисто произвольныхъ наблюдений другъ надъ другомъ барышня, напримѣръ, дошла до убѣжденія, что у прапорщика есть усы, что очки къ нему очень идутъ и что во всей фигурѣ его проглядываетъ нѣчто привлекательное, что-то такое, что въ свѣтѣ зовутъ «нигиже съ отвагой»; прапорщикъ, въ свою очередь, тѣмъ-же путемъ, замѣтилъ въ барышнѣ роскошный станъ, прекрасные глаза и множество граціи; оба-

же они, и прапорщикъ и барышня, все тѣмъ-же путемъ, пришли къ одному и тому-же выводу, что ихъ другъ къ другу что-то таинетъ, «неволью влечетъ», какъ говорятъ поэты.

Разъ, вечеромъ, — это было послѣ сильнѣйшаго дождя, — вышла наша барышня къ воротамъ, подышать чистымъ воздухомъ. Кинула черезъ калитку барышня глазками направо, кинула глазками налево — всюду тишина, безлюдье полное; а въ воздухѣ, между тѣмъ, розлита какая-то мавпящая свѣжесть, какой-то ароматъ возбуждающій словно-бы плаваешь.

Подумала, подумала Агафья Парменовна и ступила на тротуаръ — пройдуся, молю. Вотъ сдѣлала она нѣсколько шаговъ въ одну сторону, затѣмъ повернула и пошла въ другую — все обстояло самымъ наилучшимъ образомъ. Но вдругъ, — кто можетъ вообразить себѣ ужасъ нашей героини? — она замѣтила, что на тротуаръ взбирается огромнѣйшій червякъ, именно одно изъ тѣхъ страшныхъ чудовищъ, которыя отъ сотворенія міра и до нашихъ дней постоянно повергають въ обморокъ всѣхъ мало-мальски порядочныхъ барышень.

— Ай! червякъ! неволью вскрикнула Агафья Парменовна, совершенно теряясь и не зная, что слѣдуетъ предпринять въ такомъ важномъ случаѣ.

Но каково-же было ея изумленіе, когда на возгласъ: «Ай! червякъ!» послышался другой возгласъ! «Вотъ я тебя, шельму!» и затѣмъ чудовище, къ радости нервной барышни, окончило свои дни подъ сапогомъ какого-то джентльмена. Барышня вскинула глазками — передъ ней стоялъ не иной кто, какъ *онъ*... отставной прапорщикъ Вячеславъ Александровичъ Штыковъ.

— Не прикажете-ли, мамзель, воды: я сейчасъ сбѣгаю къ колодцу? обязательно спросилъ Штыковъ растерявшуюся Агафью Парменовну.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я обошлась, награждая молодого человека самымъ признательнымъ взглядомъ, пролепетала барышня и сдѣлала шагъ по тротуару.

Прапорщикъ шагнулъ рядомъ.

— А здѣсь много-много-таки червей, попробовалъ поддержать разговоръ Вячеславъ Александровичъ Штыковъ.

— Ужаси! подтвердила Агафья Парменовна и, кстати, подумала: «Ахъ! сколько у него ума!»

— Особенно послѣ дождя, пояснилъ нашъ герой, думая въ свою очередь: «Да она совсѣмъ миленокъ!»

Для перваго раза разговоръ на этомъ и окончился: барышня сдѣ-

лала реверансъ и скользнула въ калитку, прапорщикъ отвѣсилъ глубокій поклонъ и пошелъ путемъ-дорогой. Тѣмъ не меньше, знакомство завязалось.

Было-бы большимъ неразуміемъ съ нашей стороны излагать здѣсь послѣдовавшія за первой второю, третью и т. д. встрѣчи — потому было-бы неразумно, что кому-же неизвѣстны всѣ эти взгляды, вздохи, отрывочныя фразы и инныя неизбежныя подробности, сопровождающія столкновение двухъ влекущихся другъ къ другу сердецъ. Скажемъ только одно: огонь на жертвенникѣ любви пылалъ во весь махъ и прапорщикъ сдѣлался даже вхожъ въ домъ Самоваровыхъ.

Такъ прошло ни мало, ни много — полторы недѣли. Знакомство прапорщика съ домою братьевъ Самоваровыхъ поставило сначала въ тупикъ даже самыхъ проникательныхъ перетыкинцевъ, — всѣ почему-то ждали скандала великаго; но потомъ, когда оказалось, что простое знакомство не нынче — завтра имѣеть перейти во что-то болѣе серьезное, когда Агафья Парменовна даже разъ прошла по улицѣ съ г. Штыковымъ, когда и Пармень и Парфень, точно трудолюбивые муравьи, наперебой начали таскать въ свое жилище цѣлыми охапками разныя покупки изъ города, когда, наконецъ, даже самъ прапорщикъ не выдержалъ я, сунувъ въ руку Матренѣ пятиалтынный, велѣлъ ей *величать* себя, въ отвѣтъ на что Матрена, ставши у притолоки и подперши ладонью щеку, неистово заголосила:

На комъ вудри, на комъ русы?

На Вичиславѣ свѣтъ, Ликсандрычѣ, —

умы просвѣтлѣли...

— Кобылы вы, кобылы ногайскія! укоризненно обратился къ своимъ дочерямъ тотъ самый отецъ, который еще такъ недавно грозилъ имъ отсѣченіемъ кобъ и затрапезными платьями: — кормлю васъ, пою, рощу, а что толку? Вѣдь въ сѣмена скоро пойдете... Срамъ! Вѣшаетесь, вѣшаетесь по окнамъ, а какой въ томъ прокъ?

— Что ты стыдишь дѣвокъ-то, дѣтищей-то своихъ? вступилась жена.

— А вотъ покуда не наплевалъ тебѣ въ морду, такъ помолчи лучше, осадилъ супругъ супругу. — Если-бы не твое баловство да глупость, такъ я-бы давно распихалъ, давно-бы свалилъ съ шеи эту обузу: тобой только такая срамота въ домѣ и держится... По двад-

пяти пяти слишкомъ лѣтъ дѣвкамъ, а до сихъ поръ не можетъ ни одна замужъ выйти. Тѣфу вы! закончилъ разсвирѣпѣвшій отецъ.

Мать и дочери выслушали такую отвѣдь въ совершенномъ уныніи.

Но больше всего, какъ надобно было ожидать, велось самыхъ разнообразныхъ разговоровъ въ домѣ Аграфены Лукьяновны, гдѣ съ утра и до поздней ночи буквально стояла «нетолченая труба» и несмолкаемыя рѣчи такъ и лились цѣлыми потоками. Знакомыя уже намъ старушки пребывали почти безвыходно въ гостяхъ у вдовы, отлучаясь развѣ затѣмъ только, чтобы разнести новости по Перетыкиной и ея окрестностямъ. О предполагавшихся безобразіяхъ отставного прапорщика теперь не было уже и помину, и вмѣсто прежнихъ ужаса и смятенія въ сердцѣ Аграфены Лукьяновны царило какое-то горделивое спокойствіе... довольство. Да какже? Ея жилецъ бралъ за себя первую невѣсту въ Перетыкиной,—развѣ это шутка!

— Ну, кто могъ ожидать, кто могъ ожидать такого марьяжа? вопрошала одна старушка.

— Да, именно «марьяжа», подтвердила другая.

— Божіе произведеніе, разрѣшила вопросъ Аграфена Лукьяновна.

— Придѣлъ такой положонъ, пояснила вторая старушка.

— Этакой молодой и въ своемъ полѣ-домѣ будетъ теперь жить: вѣдь это, какъ хотите — фортуна, снова сообразила первая старушка.

— И при тыщи рубляхъ—вы то еще примите во вниманіе, усугубляла вдова.

Старушки въ отвѣтъ только покачивались изъ стороны въ сторону, точно вѣтромъ ихъ, старенькихъ, такъ легонько колыхало.

— Ну, а съ вами онъ каковъ? полюбопытствовала узнать одна изъ старушекъ.

— А вотъ каковъ, съ гордостью доложила вдова.—Третьяго дня, кажется, занудилось мнѣ тутъ узнать, Алексѣй-ли божій человекъ бываетъ опосля Дарья или Дарья опосля Алексѣя божьяго человека. Разумѣется, сами знаете, дѣло мое женское—я къ нему. Такъ, вѣрите-ли, выскочилъ онъ изъ своей комнаты ко мнѣ въ прихожую, все объяснилъ, ну, ужъ я вамъ и сказать не могу, какъ претлично объяснилъ, а потомъ и говоритъ: «Клянусь, говорить, вамъ, Аграфена Лукьяновна, что я никогда вашихъ благодѣяніевъ не забуду! Какъ-бы, говорить, въ гору я не полѣзъ: въ острогѣ-ли мѣсто получу, на скотопригонномъ-ли дворѣ, — никогда и никогда я дѣвасъ не забуду!» Такъ и говорилъ. Сейчасъ умереть, если вру! Вотъ хоть

Матрену спросите — при ней было, сослалась на Матрену Аграфена Лукьяновна.

— Ахъ, матушка, Аграфена Лукьяновна! Вѣдь, какъ хотите, а онъ вамъ обязанъ, въ одинъ голосъ проговорили старушки.

— Еще-бы не обязанъ, согласилась вдова.

— Да какже... Изъ вашего вѣдь дома ему такая линия-то выходитъ.

— Изъ моего, изъ моего...

— Другая, на вашемъ-то мѣстѣ, шопотомъ произнесла первая старушка, — за такую фортуна, вѣрите богу, кажется, ста-бы рублей съ него не взяла.

— Голубчики вы мои! Развѣ вы не знаете мою простоту, воскликнула вдова, впадая въ откровенность и лирической тонъ. — Ужь и говорить нечего: не только что человѣка—твари какой-нибудь крохотной, и той въ жизнь мою я не обидѣла, пальцемъ не тронула! Такъ какже ему-то не быть мнѣ обязаннымъ? Ни я слово какое дурное про него сказала, ни я осудила, оклеветала его; упокой всегда у меня чистый, веселенькій, клоповъ нѣтъ; придетъ онъ — дверь ему отворю, уйдетъ — дверь за нимъ запру; умываться воду всегда ему изъ колодца подавала и подаю, къ чаю другую воду—мытищенскую... Ужь за это одно, согласитесь, снѣ долженъ меня замѣсто матери почитать; а тутъ еще въ моемъ-же домѣ да такой сюрпризъ ему... огромнѣйшія тыщи, можно сказать...

— Еще-бы, согласились старушки.

— Но, сколько я добра, столько-же я и горда, продолжала витѣйствовать вдовица, и на этотъ разъ, признаться, витѣйствовать нѣсколько туманно. — Я могу человѣка облагодѣтельствовать, могу сдѣлать для него все, что только могу, но, повѣрите, я ужаси какъ горда! Ужь Матрена вонъ у меня, кажется, ужь свой человѣкъ, церемониться съ ней нечего, — но, вѣрите-ли, и той я постоянно говорю: «Ахъ, Матрена, Матрена! Хамкой ты родилась, хамкой и умрешь. Ну, зачѣмъ ты мнѣ, дура, цѣлуешь ручку, когда ты, просто, можешь сказать: покорно благодарю, сударыня, — вотъ и все»? Божусь вамъ, ни къ селу, ни къ городу пришла Аграфена Лукьяновна, — когда я еще въ дѣвкахъ была, такъ дѣло прошлое, женихи эти, десятками, такъ гужомъ, гужомъ за мной и бѣгали... Но, несмотря на все это, я такъ добра, такъ добра, что даже совѣстно сказать, какъ добра!..

Да, любила и умѣла вообще поговорить Аграфена Лукьяновна, когда была, что называется, въ ударѣ; а теперь она была именно

въ такомъ состояніи и потому вотъ уже нѣсколько дней щебетала безъ умолку то съ Матреной, то со старушками-пріятельницами, то съ Николаемъ Викулычемъ, то еще съ кѣмъ-нибудь. Да, ахъ, Господи! вѣдь не клиномъ-же, наконецъ, сошлась наша Перетыкина — мало-ли съ кѣмъ поговорить можно. Особенно-же любила вдовица развести бесѣду съ Николаемъ Викулычемъ, съ тѣмъ самымъ Николаемъ Викулычемъ, о которомъ вся улица единогласно говорила, что онъ «во всякомъ дѣлѣ три собаки съ шерстью съѣлъ».

— Совсѣмъ я, голубушка, въ мысляхъ-то разбился, безнадежно разводилъ руками совѣтчикъ.—Вѣрите-ли, ума не приложу,—божусь богомъ!

— И всѣ, всѣ, просто, надвинуться не могутъ, соглашалась вдовица.—Кому ни скажу: всѣ, всѣ...

— Нѣтъ, вы то сообразите, голубушка Аграфена Лукьяновна: во-первыхъ, въ карты не играетъ, во-вторыхъ, пришелъ откуда-то съ вѣтру, въ третьихъ—поведенія самого развратнаго, въ четвертыхъ—жить въ Перетыкиной безъ году недѣлю... Да, нѣтъ, извините, голубушка, я... я... онъ непремѣнно... чортъ знаетъ, что такое!

При такихъ Николай Викулычевыхъ словахъ Аграфену Лукьяновну на мигъ посѣтили тѣ черныя мысли относительно жильца, о которыхъ мы уже имѣли честь докладывать раньше; она задумалась-было не на шутку.

— Впрочемъ, все это вздоръ, голубушка, утѣшительно добавилъ Николай Викулычъ.—У насъ одинъ разъ былъ тоже вотъ совершенно такой-же случай. Жилъ я тогда у Акакія Вострый Носъ. Такъ, переѣхалъ къ намъ на Вострый Носъ одинъ почетный гражданинъ, двѣ капли воды какъ вашъ-же: въ карты не играетъ, толстъ, какъ бочка, разбойникъ; такъ совсѣмъ оглашенный какой-то! Вотъ-съ, переѣхавши-то, думалъ, думалъ онъ, да и приказалъ себя въ серебряную ризу отдѣлать. Отдѣлали-съ. Только въ тотъ-же день, къ вечеру, какъ хватить его кондрашка: въ макушку хватилъ, а вотъ тутъ (Николай Викулычъ указалъ на коблукъ), въ самой пяткѣ и вышелъ. Такъ, сразу, паръ изъ нашего почетнаго гражданина и вылетѣлъ...

Аграфена Лукьяновна только головой покачала.

— Господь, голубушка, не безъ милости, изрекъ Николай Викулычъ.

Вдовица тоже положила на милость божію и затѣмъ перевела разговоръ на соображенія о томъ, сколько и какихъ платьевъ даютъ Самоваровы за своей любимицей, сколько бѣлья, во сколько пудовъ

перина, перовая она или пуховая, какого цвѣта наволоки на подушкахъ, гдѣ будетъ происходить обрядъ вѣнчанья и проч., и проч.

Словомъ, по дѣлу-то выходило, что даже такіе скептическіе умы, какъ Николай Викулычъ, и тѣ въ послѣднее время невольны должны были подчиниться ходу событій и согласиться, что передряга уже окончилась впредь до появленія новаго страшнаго и кровожаднаго отставнаго прапорщика, и что Перетыкина по прежнему идетъ по своему вѣковому пути. Да и какъ, въ самоѣ дѣлѣ, не подчиниться, когда видишь, что хищный волкъ сдѣлался смиреннѣйшимъ агнекомъ и страшная буря смѣнилась полнѣйшимъ штилемъ...

Храни Господь надолго и долго нашу достолюбезную Перетыкину!

Михаилъ Вороновъ.

ЖИВАЯ СИЛА.

РОМАНЪ

Фр. Герштекера.

VI.

КОНСТАНЦІА.

У поворота, прямо противъ придворной аптеки во второмъ этажѣ жилъ чиновникъ Обрихтеръ съ своей семьей, состоявшей изъ его жены чиновницы, трехъ еще недоросшихъ чиновничьихъ дочекъ отъ шести до двѣнадцати лѣтъ и подрастающаго чиновника, ходившаго еще въ штанишкахъ застегивавшихся сзади, такъ какъ ему шель еще только четвертый годъ.

Чиновникъ получалъ, конечно, самое ограниченное содержаніе, что не мѣшало однако ему нанять весь очень чистенькій и просторный этажъ. Отдѣливъ часть помѣщенія себѣ и предназначивъ другую для жильцовъ, Обрихтеръ рассчитывалъ извлечь этимъ способомъ нѣкоторую выгоду. Онъ рисковалъ, конечно, ибо жильцы могли и не сысестаться, но до сихъ поръ все еще шло довольно счастливо, а въ этотъ годъ и въ особенности, такъ-какъ жилицей его была первая пѣвица городского театра.

Молодая дѣвушка была совершенно одинока и, желая жить въ семьѣ, очень хорошо платила и за квартиру, и за столъ. Семьѣ открылся новый, до сихъ поръ еще неизвѣстный заработокъ. Обѣ стороны были очень довольны одна другой. Жена чиновника была образецъ хозяйки, до чрезвычайности опрятна, постоянно

въжлива и услужлива. Констанція Блендгеймъ обходилась съ хозяевами дружелюбно и деликатно, и скоро привыкла къ хозяевамъ, хотя и приходилось ей жить въ несовсѣмъ подходящемъ къ ней семейномъ кружкѣ.

Отдавая пѣвицѣ двѣ очень веселенькія комнаты, г-жа Обрихтеръ принуждена была стѣснить себя, но взамѣнъ этого неудобства, она платой получаемой отъ жилицы оплачивала домохозяйину почти за всю квартиру; сверхъ того она брала съ жилицы хорошую плату за столъ, и эти выгоды были настолько велики, что жена чиновника не обращала вниманія на небольшія стѣсненія. Того-же самаго нельзя сказать о г. Обрихтерѣ.

Въ душѣ онъ былъ добрѣйшій человекъ; но встрѣчая постоянныя неудачи по службѣ и выговоры начальства, къ которому онъ не смѣлъ относиться иначе какъ самымъ почтительнѣйшимъ образомъ, Обрихтеръ за всѣ эти непріятности вознаграждалъ себя дома. Здѣсь онъ не ходилъ согнувши спину и опустивъ голову, здѣсь онъ разыгрывалъ роль домашняго тирана — въ миниатюрѣ конечно. Впрочемъ свое господство онъ не выказывалъ грубымъ обращеніемъ съ своей маленькой добренькой женой, но онъ считалъ себя непогрѣшимымъ главою семьи, воля котораго должна быть для нея закономъ; онъ считалъ себя кормильцемъ семьи и полагалъ, что только онъ одинъ и работаетъ для пріобрѣтенія средствъ къ безбѣдному существованію. Въ дѣйствительности-же жена его въ одинъ часъ дѣлала больше, чѣмъ онъ въ цѣлый день въ своей канцеляріи, гдѣ чиновники часто мѣшали одинъ другому и зѣвая дожидались конца занятій, освобождавшаго ихъ отъ „комнаты пытокъ“, какъ они шути выражались.

Г. Обрихтеръ получалъ всего двѣсти талеровъ въ годъ за свою службу; изъ этого небольшого жалованья онъ долженъ былъ одѣвать и кормить себя и свою семью. Поэтому, до переѣзда къ нимъ въ домъ Констанціи, семья довольствовалась весьма скромнымъ обѣдомъ и говядина появлялась у нея на столѣ лишь по воскресеньямъ. Съ переѣздомъ жилицы дѣла пошли лучше; за свою щедрую плату, г-жа Блендгеймъ требовала хотя простой, но питательной пищи, и любила съѣсть кусокъ мяса по возвращеніи изъ театра. Съ этого времени самъ чиновникъ имѣлъ ежедневно мясную пищу, такъ-какъ молодая пѣвица ѣла мало и далеко не съѣдала ежедневной порціи мяса, которая бралась для

нея изъ лавки мясника. Обрихтеръ однакожь не удовольствовался однимъ улучшеніемъ своего обѣда. Ссылаясь на то, что ихъ доходы увеличились, онъ ежедневно бралъ у своей жены нѣсколько копѣекъ хозяйственныхъ денегъ, доказывая, что ему необходимо выпить кружку пива, чтобы освѣжиться послѣ работы въ спертой атмосферѣ канцеляріи.

Кроткая женщина переносила терпѣливо всякія требованія своего супруга и всякія невзгоды; она жила лишь для своихъ дѣтей—сама-же, привычная съ дѣтства ко всякаго рода лишени-ямъ, требовала собственно для себя только самаго необходимаго, даже гораздо менѣе, чѣмъ необходимаго. Въ самомъ распредѣленіи комнатъ въ квартирѣ, въ сущности довольно просторной, выразились ея добросердечіе и заботливость о мужѣ. По его мнѣнію, ему была необходима отдѣльная рабочая комната, въ которой онъ впрочемъ никогда не работалъ, а также отдѣльная спальня; г-жа Обрихтеръ не сдѣлала никакого возраженія на это требованіе и устроила свою спальню въ одной комнатѣ съ дѣтьми. Правда, оставалась еще свободная комната, но какъ-же могъ чиновникъ обойтись и безъ „чистой комнаты“: на случай если соберутся гости, что случалось едва-ли болѣе двухъ разъ въ году, необходимо было имѣть приличное помѣщеніе. Вслѣдствіе такихъ мудрыхъ соображеній г. Обрихтера, его жена и дѣти должны были дышать нездоровымъ спертымъ воздухомъ крошечной комнаты, въ которой помѣщалась ихъ общая кровать.

Чистой комнатой, прилегающей къ комнатамъ Констанціи и выходящей окнами на улицу, отчасти пользовалась и г-жа Блендгеймъ. Въ ней она принимала посѣщавшихъ ее мужчинъ, и добрая чиновница каждый разъ радовалась, что еще одинъ человекъ со вкусомъ увидалъ ея *хорошую* мебель. Она имѣла маленькую слабость гордиться этой мебелью, принесенной ею въ приданое и обходилась съ нею весьма рачительно.

Въ этой-то чистой комнатѣ Констанція Блендгеймъ принимала своего жениха; хозяйка, постоянно озабоченная своими многосложными занятіями по хозяйству, появлялась въ чистой комнатѣ урывками, но всегда находила случай перекинуться нѣсколькими словами съ женихомъ своей милой жилицы. Г-жа Обрихтеръ всегда была одѣта въ поношенное, но всегда чистое ситцевое платье. И сколько длинныхъ ночей простаивала она надъ

корытомъ, чтобы держать въ чистотѣ платья и бѣлье своихъ дѣтей и свое; этихъ заботъ ея не зналъ никто, ибо она сама о нихъ никому не разсказывала, и старалась скрыть ихъ даже отъ мужа.

Мужъ ея, правда, подчасъ удивлялся чистотѣ бѣлья. Но такъ-какъ его никогда не затрудняли требованіями денегъ на этотъ предметъ, то этотъ вопросъ и не интересовалъ его на столько, чтобы онъ сталъ изъ-за него ломать голову и допытываться причины; но во всякомъ случаѣ онъ былъ очень доволенъ и гордился своимъ бѣльемъ.

Констанція сегодня послѣ обѣда до самаго вечера была занята разучиваніемъ большой роли, въ которой на дняхъ должна была появиться передъ публикой. Однакожь она не совсѣмъ внимательно занималась своимъ дѣломъ и часто прислушивалась, не идетъ-ли Бернгардъ, общавшій сегодня-же вечеромъ сообщить о результатахъ своего разговора съ директоромъ. Ее беспокоило, что Бернгардъ не идетъ такъ долго и она сочла это дурнымъ предзнаменованіемъ: если бы получился благопріятный отвѣтъ, Бернгардъ, конечно, не теряя минуты, поспѣшилъ-бы къ ней, чтобы вмѣстѣ порадоваться счастливому окончанію дѣла.

Пробило пять часовъ, но Дюрбека все еще не было. Пришелъ изъ должности самъ Обрихтеръ, по обыкновенію опоздавшій домой. Передъ нимъ поставили кофе и сахарницу. Послѣобѣденное кофе нилъ онъ одинъ: „Я слишкомъ много плачу прямыхъ налоговъ — и не намѣренъ на свою шею навязывать еще косвенные“, говорилъ онъ и лишалъ жену и дѣтей любимого ими напитка. Въ то время какъ онъ прихлебывалъ свой кофе, кто-то постучался въ дверь.

— Войдите, сказалъ Обрихтеръ.

— Я не помѣшаю, замѣтилъ входя капитанъ Дюрбекъ.

— Прошу покорно, г. капитанъ, отвѣтилъ чиновникъ, вытирая себѣ губы синимъ бумажнымъ платкомъ и вставая со стула, такъ-какъ онъ относился съ большимъ уваженіемъ къ офицерамъ, — пожалуста взойдите.

— Г-жа Блендгеймъ дома, какъ мнѣ кажется?

— Она поетъ какъ соловей, замѣтилъ Обрихтеръ. — Не угодно-ли вамъ чашечку кофе?

— Отъ души благодарю, я только-что пилъ, сказалъ капи-

танъ — (онъ не хотѣлъ въ другой разъ подвергнуться пытке пить весьма невкусный, почти цикорный кофе, которымъ одинъ разъ его поподчивалъ Обрихтеръ) — къ тому-же я пришелъ не надолго, чтобы сказать нѣсколько словъ г-жѣ Блендгеймъ.

Обрихтеръ улыбнулся: отъ хорошо зналъ, что значать эти нѣсколько словъ.

— Не угодно-ли вамъ пройти къ ней, дорогу вы, кажется, хорошо знаете.

— Не подождать-ли здѣсь нѣсколько минутъ, пока г-жа Блендгеймъ окончитъ свое пѣніе? Она такъ прелестно поетъ, что мнѣ не хотѣлось-бы помѣшать ей.

Чиновникъ очень вѣжливо пододвинулъ къ нему стулъ и, занятый мыслию, что онъ потеряетъ очень выгодную статью дохода, если молодая дѣвушка выйдетъ замужъ, сказалъ, указывая въ ту сторону, откуда неслись звуки:

— Для здѣшняго театра потеря будетъ дѣйствительно тяжелая, если фрейленъ покинетъ его. Къ счастью, кажется, это не можетъ случиться раньше какъ....

— Ничего еще неизвѣстно, любезнѣйшій, отвѣчалъ уклончиво Дюрбекъ, прислушиваясь къ пѣнію своей милой и вовсе не желая дѣлать Обрихтера своимъ повѣреннымъ.

Обрихтеръ снова принялся за кофе.

— Не угодно-ли вамъ хотя полчашечки? Здѣсь еще довольно, прибавилъ онъ, поднимая крышку кофейника, — моя жена всегда варитъ большую порцію...

— Повторяю вамъ, я уже пилъ кофе, отвѣчалъ капитанъ. — Я пью его всегда въ одинъ и тотъ-же часъ, гораздо раньше, но и вы, кажется, слѣдуете этому правилу. Сколько я знаю, вы всегда пьете его въ этотъ часъ.

— Да, вотъ изволите видѣть, отвѣчалъ чиновникъ, внезапно попавшій на своего любимого конька, такъ-какъ дѣло шло о его собственной персонѣ,—я все дѣлаю по заведеннымъ правиламъ, по часамъ. Утромъ, лѣтомъ въ шесть, а зимою въ семь часовъ, я встаю и комната къ этому времени должна уже быть немного протоплена; затѣмъ пью свой кофе и выкуриваю трубку, которую набиваетъ моя старшая дочь Лина; затѣмъ прочитываю газету и вышиваю стаканъ воды, затѣмъ брѣюсь и одѣваюсь не спѣша, и ровно въ девять часовъ иду на службу. Правда, мы

обязаны быть тамъ къ девяти часамъ, но такъ рано никто не приходитъ. Съ ударомъ 12 часовъ кончается присутствіе. Тогда я дѣлаю маленькую прогулку и каждый разъ по одной и той-же дорогѣ,—ровно 2600 шаговъ, я нѣсколько разъ считаль,— и въ половинѣ перваго, въ часъ нашего обѣда, сижу уже за этимъ столомъ. Въ часъ мы кончаемъ обѣдъ; послѣ обѣда я всегда выпиваю стаканъ холодной воды, такъ-какъ убѣдился, что это для меня необыкновенно....

— Кажется, г-жа Блендгеймъ уже кончаетъ свою игру, прѣрвалъ его Дюрбекъ, не слышавшій ни одного слова изъ всей болтовни Обрихтера—что за дѣло было ему до правилъ жизни того или другого чиновника.—Вы меня извините, почтеннѣйшій...

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ чиновникъ, сопровождая свои слова жестомъ руки, означавшимъ все, что хотите: онъ уже привыкъ, что его всегда прерывали на самой серединѣ его разглагольствій о правильномъ образѣ жизни, и Дюрбекъ поспѣшилъ къ своей невѣстѣ, давъ ей о себѣ знать тремя ударами въ дверь чистой комнаты.

— Бернгардъ, весело проговорила Констанція, отворяя дверь,— какъ я рада твоему приходу, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждала тебя.

— Ты блѣдна сегодня, душа моя, сказалъ капитанъ озабоченно, поцѣловавъ ее и взявъ за голову чтобы взглянуть ей въ лицо,—не больна-ли ты?

— Физически нѣтъ, Бернгардъ, сказала молодая прелестная дѣвушка, ласкаясь къ нему и кладя ему на плечо свою голову;— а въ эту минуту, когда ты снова со мной, и душевно совершенно здорова; но когда я бываю одна, на меня нападаетъ иногда непонятный страхъ, — меня гнететъ какое-то тягостное чувство; я не могу объяснить тебѣ словами, что именно я чувствую, но часто мнѣ сдавливаетъ дыханіе и кровь останавливается въ моихъ жилахъ.

— Но къ чему-же этотъ страхъ, Констанція? успокоивалъ ее Дюрбекъ.—Развѣ не побѣждены уже главныя трудности, и что-же еще можетъ тебя пугать и озабочивать? Твой контрактъ?

— Я сама не знаю что; можетъ быть всѣ эти помѣхи, неизвѣстность будущаго... нѣтъ, даже и не это; вѣрнѣе—это какое-то неопредѣленное предчувствіе несчастія, которое намъ угрожаетъ.

Однакожь, поразмысливъ хорошенько, я вижу, что беспокоюсь совершенно напрасно.

— Все это сны, мое сокровище, улыбаясь сказала Дюрбекъ,—волненіе крови—не больше; ты слишкомъ мало дѣлаешь движенія, и притомъ я подозреваю, что твой столъ дуренъ, что твои хозяева кормятъ тебя слишкомъ непитательной пищей. А вѣдь ты сильно устаешь, играя, ты волнуешься на сценѣ—тебѣ необходима самая питательная пища.

— Нѣтъ! мои хозяева дѣлаютъ все, что могутъ, Бернгардъ, отвѣчала добродушно Констанція.—Нѣтъ, это вовсе не отъ пищи; когда ты со мной, мнѣ становится легко и пріятно, а гнетущаго чувства не остается и слѣда.

— Сердце мое, жизнь моя, говорилъ молодой человѣкъ, прижимая ее крѣпко къ себѣ;—забудь всѣ эти тяжелые сны и не тревожься ими больше. Я получилъ сегодня милое письмо отъ моей добрѣйшей матери; она приглашаетъ тебя въ свое имѣніе на вакаціонное время въ томъ случаѣ, если наша свадьба еще не состоится.

— Добрая матушка...

— Я принесъ письмо съ собою; прочти его сегодня, когда будешь одна: я надѣюсь, что чтеніе его принесетъ тебѣ не менѣе удовольствія, какъ мнѣ.

— Благодарю тебя, Бернгардъ; я не знаю, какъ и благодарить твою безцѣнную мать за то, что она радушно открываетъ свои объятія бѣдной сиротѣ.

— Мой другъ, брось свои грустныя мысли, развеселись: я съ тобою, станемъ-же весело смотрѣть въ будущее!

— Ты правъ, Бернгардъ, отвѣтила дѣвушка, и улыбка пробѣжала по ея еще блѣдному лицу; — ты конечно имѣешь право упрекнуть меня въ неблагодарности, но вѣдь всѣ мои заботы и опасенія происходятъ отъ любви моей къ тебѣ—о себѣ я вовсе не думаю.

— Милая Констанція, моя чудная прелестная дѣвочка, — какъ хотѣлось-бы мнѣ снова увидѣть ямочки на твоихъ розовыхъ щечкахъ, сказала онъ, лаская ее и подводя къ мягкому удобному креслу.—Сядь здѣсь, мой ангелъ, и я расскажу тебѣ о моемъ сегодняшнемъ визитѣ къ твоему директору.

— Ты былъ у него! вскричала Констанція. — Ну что онъ

сказаль? Онъ конечно отказаль—я тебя еще раньше просила не дѣлать этой напрасной попытки. Онъ очень скупъ и его нельзя убѣдить никакими резонами.

— Признаюсь тебѣ, мой другъ, улыбнулся Дюрбекъ,—такого смѣшного чудака я еще не встрѣчалъ. Представь, онъ училъ роль Тасса, имѣя лавровый вѣнокъ на головѣ, которая притомъ была въ папильоткахъ. Однакожъ для роли Тасса онъ слишкомъ уже старъ.

Констанція улыбнулась.

— Этого еще мало: Гансъ Зольбергъ разсердилъ его, онъ наговорилъ намъ разнаго вздора, и провалился съ помощію настоящаго опускнаго люка, въ нижній этажъ.

— То-ли еще онъ дѣлаетъ, засмѣялась Констанція и съ ея лица окончательно исчезло выраженіе печали.—У него въ квартирѣ есть машина, производящая настоящій громъ и молнію. Если къ нему слишкомъ пристають, требуя прибавки жалованья или какой-нибудь роли, онъ исчезаетъ при раскатахъ грома и блескѣ молніи.

— Но это почти невѣроятно...

— Впрочемъ, ему запретили употреблять въ дѣло эту машину, замѣтила съ улыбкой Констанція.—Недавно приходилъ къ нему сборщикъ податей; нашъ чудаекъ-директоръ такъ напугалъ чиновника своей молніей и громами, причемъ самъ внезапно исчезъ, что бѣдняга спрыгнулъ съ лѣстницы и, выйдя на улицу, сталъ кричать, что въ домѣ пожаръ. Съ того времени нашему чудаку запретили производить громъ и молнію, чѣмъ онъ не разъ пугалъ сосѣдей и они жаловались на него полиціи.

— Но скажи мнѣ, мое сокровище, какъ-же этотъ сумасшедшій остается до сихъ поръ директоромъ театра?

— Ты вѣдь знаешь, что говоритъ Полоній въ Гамлетѣ, сказала Констанція.—Метода есть въ его сумасшествіи и онъ, живущій лишь однимъ театромъ, при управленіи имъ, если и не руководствуется разумомъ, то, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ слѣпо лишь своему инстинкту. Онъ, конечно, совершенно негоденъ для дѣйствительной жизни, если только дѣло не касается денегъ, но для театра онъ еще сносенъ. Игра его натянута до неестественности, онъ на себя беретъ множество ролей, для которыхъ онъ или слишкомъ старъ или слишкомъ молодъ. Но при всемъ томъ

въ его игрѣ есть неподдѣльный жаръ и воодушевленіе, подкупающія зрителей, и здѣшняя публика уже настолько къ нему привыкла, что ей даже нравится его игра.

— Но его освистали-бы во всякомъ другомъ театрѣ.

— Это очень возможно, даже вѣроятно; онъ, кажется, сознаеть это и самъ, или въ этомъ случаѣ опять-таки руководствуется инстинктомъ, но только онъ не разъ отказывался отъ выгодныхъ предложеній играть на другой сценѣ.

— Въ этомъ случаѣ онъ поступилъ разумно, но я рѣшительно отвергаю въ немъ всякое присутствіе разума.

— Чего-же ты требуешь, Бернгардъ, сказала Констанція, — развѣ на свѣтѣ мало людей, которые знать ничего не хотятъ, кромѣ своего конька. Говорятъ-ли они, пишутъ-ли, вездѣ у нихъ на первомъ планѣ ихъ любимый конекъ. Есть люди, умъ которыхъ наполненъ одними нотами, въ то время какъ другіе вѣчно заняты цифрами и одними цифрами. Нашъ-же директоръ ничего не знаетъ и не хочетъ знать за исключеніемъ театра. Недавно въ фойе говорили о смерти одного знаменитаго художника; директоръ, нѣсколько разъ уже слышавшій его имя, спросилъ: „а гдѣ онъ былъ ангажированъ?“ Чудакъ не можетъ себя представить, что кромѣ театра людей могутъ интересовать другіе интересы, другія призванія. Но что онъ отвѣтилъ тебѣ?

— Онъ отвѣчалъ разный вздоръ, сказалъ Дюрбекъ, — цитировалъ Тасса и Шекспира и затѣмъ внезапно провалился. Гансъ Зольбергъ, посѣтившій его вмѣстѣ со мной, долго не могъ придти въ себя и хохоталъ чуть не цѣлый часъ.

— Хорошій человекъ этотъ Гансъ Зольбергъ? спросила Констанція.

— Премилый, превосходный, воскликнулъ Дюрбекъ: — онъ держитъ себя и говоритъ такъ естественно и настолько задушевно, что можно-бы подумать, что онъ никогда не жилъ въ нашемъ вянущемъ и испорченномъ обществѣ.

— Онъ, кажется, долго жилъ въ Америкѣ?

— Да. Я его неожиданно встрѣтилъ сегодня на улицѣ; я еще не зналъ тогда, что онъ вернулся на родину.

— Знакомъ ты съ семьей Зольберга?

— Прежде я бывалъ у нихъ довольно часто, сказалъ Дюрбекъ уклончиво.

— Послѣ-же твоего обрученія со мной они стали тебя избѣгать, сказала Констанція тихимъ взволнованнымъ голосомъ. — Какъ много жертвъ долженъ ты приносить, Бернгардъ, за то, что полюбилъ меня.

— И такіе пустяки ты называешь жертвой! Неужели ты можешь думать, что меня огорчить, если та или другая надутая чванствомъ семья отшатнется отъ меня, вскричалъ молодой офицеръ и глаза его заблестѣли. — Но если-бы мнѣ дѣйствительно пришлось приносить жертвы, то какая-же жертва не легка, если я приобретаю твою любовь, Констанція? Гансъ Зольбергъ — мой другъ и человѣкъ, стоящій выше всякихъ глупыхъ предрасудковъ, которыми заражены старый камергеръ и его жена, въ высшей степени надутая барыня.

— А дочка? Я недавно встрѣтила ее и вѣжливо ей поклонилась, но она сочла лишнимъ отвѣтить на мой поклонъ.

— Можетъ быть, она тебя не узнала!

— Сомнѣваюсь, отвѣтила Констанція; — но оставимъ этотъ разговоръ, Бернгардъ; не думай также, что подобныя пустяки могутъ меня огорчить или уменьшить мое счастье. Ты мой, Бернгардъ, я люблю тебя, знаю, что любима тобою, и если мы счастливы, то какое намъ дѣло до свѣта, до остального общества.

— Моя милая, дорогая Констанція, воскликнулъ Дюрбекъ, цѣлуя ее въ лобъ, — я счастливъ и горжусь тобою. Будь увѣрена, когда ты станешь моей женой, никто не посмѣетъ относиться къ тебѣ съ пренебреженіемъ. Пока ты только моя невѣста, многіе мои знакомые изъ высшаго круга сторонятся отъ тебя, зная, что часто женихъ или невѣста отказываются отъ необдуманнаго обѣщанія. Но послѣ свадьбы ты вступишь въ ихъ кругъ какъ равная имъ по рожденію, и посмотри, какъ радушно будутъ вездѣ принимать тебя.

— Оставь эту тему, улыбаясь сказала дѣвушка, — объ этомъ я меньше всего забочусь. Скажи лучше, на что ты рѣшился, такъ-какъ на директора я больше не рассчитываю.

— Я также потерялъ надежду поладить съ нимъ, мое сокровище; трудно говорить о дѣлѣ съ человѣкомъ, который такъ странно отдѣляется отъ непріятнаго ему посѣтителя. Но пока дѣло еще не потеряно. У меня есть въ виду одинъ планъ и о немъ я намѣренъ поговорить съ толковымъ адвокатомъ. Я не знаю,

ниѣль-ли твой директоръ законное право связывать тебя подобнымъ условіемъ. Если онъ былъ въ правѣ, тогда остается только заплатить ему неустойку. Правда, не легко мнѣ будетъ сразу выплатить всю сумму, но я не разорюсь отъ этого. Теперь скажу тебѣ о моемъ окончательномъ рѣшеніи: въ концѣ будущаго мѣсяца исполнится серебряная свадьба моихъ родителей, — этотъ торжественный день мы отпразднуемъ нашей свадьбой.

— Мой милый Бернгардъ!

— Однакожь, мнѣ пора идти. Уже смеркается, и мнѣ вовсе не хочется давать тему для сплетенъ твоимъ милымъ сосѣдямъ, которые, кажется, прилипли къ окну.

— Вонъ тѣ двѣ молодыя дамы. сказала съ улыбкою Констанція, — кажется вывихнули себѣ шеи, чтобы только не выпускать изъ виду окно, у котораго мы сидимъ.

— Это дѣвицы Клингенбрухъ, сказалъ Дюрбекъ, — говорятъ онѣ живутъ лишь одними сплетнями и скандалами. Спокойной ночи, душа моя, не горюй, мой ангелъ, скоро настанетъ счастливая для насъ минута. Спи спокойно, моя жизнь!

Обнявъ ее крѣпко еще разъ, Дюрбекъ простился съ нею и ушелъ счастливый, что никто изъ постороннихъ не помѣшалъ сегодня ихъ свиданію.

VII.

въ пивной лавочкѣ.

На другое утро, около двѣнадцати часовъ, Дюрбекъ въ глубокой задумчивости медленно шелъ по тротуару; вдругъ его кто-то окликнулъ и онъ почувствовалъ у себя на плечѣ чью-то руку.

— Эй, Бернгардъ, смѣясь сказалъ Зольбергъ, — ты толкаешь и сбиваешь съ ногъ людей и ничего не замѣчаешь! Куда ты идешь?

Поднявъ голову, Дюрбекъ увидѣлъ своего друга подъ руку съ будущимъ его зятемъ, графомъ Раутеномъ.

— Какъ поживаешь, Гансъ? сказалъ Дюрбекъ ласково, въ то же время принужденно кланяясь графу, отвѣтившему ему такимъ-же принужденнымъ поклономъ. — Мнѣ кажется, ты сегодня въ отличномъ расположеніи духа.

— Это совершенно вѣрно, засмѣялся молодой человѣкъ;—но господа, развѣ вы незнакомы другъ съ другомъ? Беригардъ, это мой будущій зять, графъ Раутенъ — капитанъ фонъ-Дюрбекъ, дорогой старый другъ моего дѣтства.

— Я уже имѣлъ честь познакомиться съ г. Дюрбекомъ, сказала улыбаясь Раутенъ: — мы нѣсколько разъ уже встрѣчались въ разныхъ домахъ, также и въ домѣ твоего отца, Гансъ.

— Помнится, я имѣлъ удовольствіе сыграть съ г. графомъ партію въ вистъ, сказалъ Дюрбекъ.

— Ахъ да, у Шаллера, кажется.

— Именно такъ, но куда ты намѣревался идти, Гансъ?

— Сказать по правдѣ, до сихъ поръ у меня не было опредѣленной цѣли; мы просто гуляли, болтая о разныхъ разностяхъ. Мы еще почти не знаемъ одинъ другого, а между тѣмъ скоро должны породниться. Теперь собственно, я чувствую желаніе выпить стаканъ пива. Нѣтъ-ли въ этихъ краяхъ порядочной кофейной или пивной?

— Есть, самая лучшая, тутъ же рядомъ, сказалъ Дюрбекъ, — у Баумана въ такъ называемомъ „Цикорномъ ресторанѣ“.

— Престранное имя! засмѣялся Гансъ.

— Мы назвали это кафе цикорнымъ потому, что тамъ подается невообразимо дурной кофе, за то пиво здѣсь превосходное и въ это время маленькая комната всегда полна офицерами.

— Превосходно, воскликнулъ Гансъ, — какъ нельзя болѣе кстати, — я такъ давно не былъ въ настоящей пивной; пойдешь, Леопольдъ; надѣюсь, и ты пойдешь съ нами?

— Я долженъ тебѣ сказать откровенно, что я неохотно пью пиво, я его не люблю, да притомъ утромъ оно мнѣ вредно.

— Тамъ можно достать также рюмку отличнаго хереса или портвейна, сказалъ капитанъ.

— Въ такомъ случаѣ я не отказываюсь идти, согласился графъ, все еще какъ будто колеблясь. — Но мы тамъ навѣрно насквозь пропитаемся запахомъ табачнаго дыма.

— Ага, засмѣялся Гансъ, — ты боишься мамашы и Франциски, которыя станутъ журить тебя, когда мы прійдемъ къ обѣду домой, но успокойся, дорогой весь этотъ запахъ исчезнетъ, да наконецъ пора имъ понемножку привыкать къ табачному запаху. Чортъ возьми, я вовсе не намѣренъ стѣсняться ради нѣжныхъ

нервовъ моей, хотя очень милой и доброй, матери, и лишать себя удовольствія выкурить сигару, когда мнѣ хочется, и ты сдѣлалъ-бы очень хорошо, Леопольдъ, если-бъ съ самаго начала не баловалъ свою жену въ этомъ отношеніи. Можетъ случиться, что къ тебѣ придетъ другъ, который курить такъ-же охотно, какъ и я; если въ твоёмъ домѣ будетъ наложенъ запретъ на куреніе, то, конечно, этотъ другъ въ другой разъ не придетъ къ тебѣ.

— И ты думаешь, что мнѣ слѣдуетъ завести у себя курительную комнату?

— Непремѣнно, она составляетъ принадлежность каждаго хозяйства, но если я когданибудь вздумаю жениться, я выговорю себѣ въ контрактѣ право курить вездѣ, гдѣ мнѣ вздумается: я вовсе не намѣренъ стѣсняться въ своей квартирѣ.

— Знаешь что я тебѣ скажу, Гансъ, засмѣялся графъ:— до тѣхъ поръ ты, можетъ быть, еще измѣнишь свой взглядъ; можетъ даже случиться, что ты будешь совершенно подъ башмакомъ у своей жены.

— Возможно, хотя очень сомнительно; однако, гдѣ-жъ твой цикорный ресторанъ, Бернгардъ?

— Вотъ онъ, прямо предъ нами; видишь надъ самой дверью написано „Бауманъ“. Мы хотѣли, чтобы на вывѣскѣ былъ изображенъ цикорій, и предлагали даже сдѣлать ее на нашъ счетъ, но Бауманъ не согласился: ему не нравится названіе „цикорный“, и притомъ онъ увѣряетъ, что его кофе—лучшій въ городѣ. Но вотъ мы и пришли.

И Дюрбекъ, отворивъ дверь, пошелъ впередъ. Онъ привелъ своихъ товарищей въ довольно чистую комнату, въ которой клубами ходилъ дымъ; расположившееся здѣсь общество состояло, повидимому, изъ чиновниковъ и мѣщанъ.

— Здѣсь? вопросительно сказалъ графъ Раутенъ и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на капитана.

— Мы должны пройти черезъ эту комнату; наша напротивъ.

— Мнѣ кажется, намъ было-бы удобнѣе въ „Угловомъ окнѣ“.

— Увидите, что вамъ понравится и здѣсь, засмѣялся Дюрбекъ, отъ взгляда котораго не ускользнуло, что графъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко.

Пробираясь между столами, они скоро дошли до маленькой,

но очень уютной комнатки, гдѣ, не образуя отдѣльныхъ замкнутыхъ кружковъ, собирались выпить стаканъ пива офицеры здѣшняго гарнизона и ихъ друзья, по большей части молодые дворяне. Случалось, конечно, что и посторонній заходилъ иногда въ эту комнату, но какъ никто изъ остальныхъ гостей не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія, то онъ не долго оставался здѣсь.

Дюрбекъ встрѣтилъ тутъ многихъ знакомыхъ и представилъ имъ двухъ своихъ друзей, для которыхъ тотчасъ-же очистили мѣсто за большимъ круглымъ столомъ. Разговоръ, прерванный приходомъ новыхъ гостей, снова оживился. Раздѣляя почти одни и тѣ-же убѣжденія и стремленія, имѣя почти одинаковые житейскіе интересы, эти господа, конечно не затруднялись темами для своихъ разговоровъ.

Баварское пиво, поданное Дюрбеку и Зольбергу, было дѣйствительно отличное; Раутенъ велѣлъ подать себѣ рюмку хересу и тоже остался доволенъ виномъ. Разговоръ обратился на превосходнаго арабскаго жеребца, котораго одинъ изъ высшихъ офицеровъ купилъ за очень дорогую цѣну. Нѣкоторые находили, что 200 лудировъ заплаченныхъ за лошадь—цѣна баснословно дешевая, другіе-же, находя въ лошади разные пороки, утверждали, что продавецъ обманулъ покупателя, который векорѣ не замедлитъ убѣдиться въ этомъ и самъ.

Окна комнаты были заставлены синими проволочными ширмами, такъ-что можно было все видѣть, что происходило на улицѣ; въ то-же время съ улицы нельзя было видѣть, что дѣлалось въ комнатѣ.

Двое молодыхъ офицеровъ вдругъ вскочили со своихъ мѣстъ и стали смотрѣть въ окна. Нанесокъ мимо ресторана проходили двѣ молоденькія, очень красивыя дамочки, которыя, казалось, знали, что за ними наблюдаютъ, потому-что онѣ пересмѣивались и хихикали между собою и бросали осторожные и быстрые взгляды по направленію къ окнамъ съ синими ширмами.

— Славныя дѣвочки, проговорилъ одинъ лейтенантъ, — прелестныя, честное слово, и ростъ...

— Кто такія? спросилъ другой и взглянулъ въ окно, но было уже поздно: дѣвицы завернули за уголъ.

— Двѣ дѣвицы Клингенбрухъ...

- Да, хорошенькія дѣвочки, но страшныя кокетки.
- Этого я не зналъ, сказалъ капитанъ Вефенъ, картавя.
- Ха, ха, ха, засмѣялся лейтенантъ, — Вефенъ скоро натретъ себѣ ноги, бѣгая за ними; онъ мечтаетъ даже нынче...
- Вздоръ, сказалъ Вефенъ, — стану я мечтать. Будь вы на моемъ мѣстѣ, я увѣренъ, вы дѣлали-бы то-же самое...
- На твоёмъ мѣстѣ...
- Гмъ, улыбнулся Вефенъ, — я слишкомъ скромнень, чтобы рассказывать вамъ то, чего вы не должны знать.
- О, мы знаемъ, ты мастеръ рассказывать. Посвяти-же насъ въ свои тайны.
- Я еще ничего не рассказывалъ, не намѣренъ и сегодня говорить, сказалъ фонтъ-Вефенъ таинственно.
- Когда онъ получать наслѣдство, перебилъ молодой капитанъ, — тогда пожалуй стоило-бы за ними пріударить, но... Онъ вдругъ замолчалъ; въ открытой двери показался низенькій подполковникъ фонтъ-Клингенбрухъ и весело оглядѣлъ всѣхъ присутствующихъ.
- Здравствуйте, господа! Всѣ, кажется, въ сборѣ.
- Здравствуйте, здравствуйте, полковникъ, раздалось со всѣхъ сторонъ и сидѣвшіе за большимъ столомъ сдвинулись еще тѣснѣе, чтобы дать мѣсто подполковнику, котораго всѣ они любили.
- Маленькій подполковникъ дѣйствительно былъ любимъ своими сослуживцами, и когда онъ бывалъ въ духѣ, что случалось нерѣдко, тогда въ пивной было весело, хохоту и шуткамъ не было конца. Показались-ли бы смѣшными подчасъ двусмысленныя остроты подполковника его женѣ—это другой вопросъ.
- Гансъ, представленный подполковнику Дюрбекомъ, сошелся съ нимъ очень скоро. Клингенбрухъ зналъ его еще ребенкомъ и отъ души радовался встрѣчѣ съ нимъ.
- Съ графомъ Раутеномъ подполковникъ познакомился также безъ особыхъ церемоній, и разговоръ скоро сдѣлался общимъ.
- За другимъ столомъ сидѣла довольно характерная небольшая группа; она состояла изъ нашего стараго знакомаго чиновника Обрихтера, одѣтаго сегодня въ длинный коричневый сюртукъ, его зятя, кассира палаты Боллига, совершенно высохшаго чловѣчка, голова котораго едва виднѣлась изъ-за его высокаго чернаго галстука; третій изъ этой компаніи рѣзко отличался отъ

двух своих товарищей, по крайней мѣрѣ по вѣшнему виду. Мистеръ Хуммель, какъ онъ самъ называлъ себя, приходился племянникомъ кассиру и только-что вернулся изъ Америки; онъ пріѣхалъ въ Роденбургъ, чтобы повидаться съ своими родными. Онъ совершенно случайно попалъ въ эту комнату, такъ-какъ въ другихъ не было свободныхъ стульевъ; не будь этого, оба чиновника ни за что не рѣшились-бы войти въ офицерскую комнату. Но мистеръ Хуммель былъ свободный гражданинъ Америки и увѣрялъ своего дядюшку, къ величайшему его отчаянію, что онъ знать не хочетъ всѣхъ этихъ бароновъ и графовъ и не намѣренъ стѣснять себя въ ихъ присутствіи.

Мистеръ Хуммель одинъ поддерживалъ разговоръ за своимъ столомъ, и Гансъ, сидѣвшій къ нему ближе другихъ и знававшій многихъ подобныхъ ему нѣмцевъ въ Америкѣ, очень забавлялся, прислушиваясь къ испорченному нѣмецкому нарѣчію нѣмецкаго американца, приводившаго своихъ родныхъ этимъ языкомъ еще въ большее изумленіе. Хуммель былъ небольшого роста, но крѣпко сложенъ; его мускулистыя загорѣлыя руки показывали, что было время, когда онъ работалъ безъ отдыха. Лицо его было гладко выбрито, не было даже бакенбардъ, и только подъ подбородкомъ стояла щеткой черная коротко остриженная борода, придававшая, вмѣстѣ съ немного выступающей нижней губой, его лицу нѣсколько дерзкое выраженіе. Весь его корпусъ ни минуты не оставался въ покоѣ, что очень рѣзко бросалось въ глаза при сравненіи съ самодовольнымъ спокойствіемъ Обрихтера и молчаливымъ изумленіемъ, съ которымъ смотрѣлъ на него дядя-кассиръ. Послѣдній дѣйствительно гордился своимъ племянникомъ, пріѣхавшимъ изъ-за моря настоящимъ американцемъ. И какъ хорошо онъ рассказывалъ о своихъ многочисленныхъ пріключеніяхъ, испытанныхъ имъ въ Америкѣ; онъ былъ даже въ Калифорніи и носилъ въ своемъ жилетномъ карманѣ самородокъ калифорнскаго золота въ горошину величиною.

Оба пожилые чиновника, считавшіе Америку какой-то сказочной страной, съ важностью прислушивались къ разговору родственника, перемѣшанному иностранными нецоятными имъ словами. Онъ только шесть лѣтъ пробылъ въ Америкѣ, но совсѣмъ почти забылъ нѣмецкій языкъ. Выраженій „да“ или „нѣтъ“ онъ совсѣмъ не употреблялъ, замѣнивъ ихъ американскими „jes“ и

„по“, что приятно звучало для чиновничьих ушей, такъ-какъ эти выраженія они понимали; но зато они приходили въ отчаяніе, когда родственникъ раздражался какой-нибудь совершенно непонятной для нихъ американской фразой.

— Well ¹⁾, отвѣчалъ мистеръ Хуммель на вопросъ Обрихтера: дѣйствительно-ли такъ злы и дики индѣйцы, какъ о нихъ говорятъ, такъ-какъ тѣ, которыхъ ему удавалось видѣть въ здѣшнихъ мѣстахъ, были конечно уже немного приручены и цивилизованы.—Well, мистеръ, это according ²⁾ гдѣ и какъ вы съ ними столнетесь; иногда эти дикари довольно treatable ³⁾, но иногда они очень злы.

— Что? воскликнулъ чиновникъ, пораженный въ высшей степени удивленіемъ, и Гансъ, полу-обратившійся въ ихъ сторону, долженъ былъ отвернуться, чтобы скрыть свою улыбку.

— Да между ними, продолжалъ американецъ, — есть и злые и добрые, какъ about ⁴⁾, какъ и у насъ.

— Это удивительно, право удивительно, увѣрялъ кассиръ, перестававшій все время качать головою, — ничего подобнаго я не слыхивалъ. Но я еще хотѣлъ спросить тебя, Филиппъ, — неужели вы переѣхали море нигдѣ не останавливаясь?

— Of course ⁵⁾. Какъ-же иначе.

— И ѣхали днемъ и даже ночью? выпытывалъ кассиръ, сообразившій, что тамъ по ночамъ не освѣщалась фонарями дорога.

Американецъ засмѣялся.

— По вашему Uncle ⁶⁾ Тобій, сказалъ онъ, на ночь мы должны были приставать къ почтовой станціи, такъ, что-ли?

— И капитанъ ведетъ корабль безостановочно!

— Yes, to be sure ⁷⁾.

— Они и кушанье стряпаютъ себѣ дорогой, сказалъ поучительно кассиръ своему родственнику, — право все это очень удивительно.

— И золото вы искали въ Калифорніи? спросилъ Обрихтеръ, имѣвшій очень смутныя понятія о добычѣ золота, и представившій себѣ этотъ процессъ чѣмъ-то въ родѣ отыскиванія на улицѣ потеряннаго кѣмъ-нибудь пятиалтыннаго.

¹⁾ Хорошо. ²⁾ Смотри по тому. ³⁾ Обходительны. ⁴⁾ Вездѣ. ⁵⁾ Конечно. ⁶⁾ Дядя.
⁷⁾ Да, непременно.

— Yes, отвѣчалъ мистеръ Хуммель, — и притомъ добываніе золота — работа очень тяжелая.

— Да, подтвердилъ кассиръ, — золото вѣдь и тяжелѣе всѣхъ металловъ.

— Ну, засмѣлся Хуммель, — не въ этомъ состояла наша trouble ¹⁾; то золото, что мы находили въ чистомъ видѣ, было далеко не такъ тяжело, но таскать на своихъ плечахъ грубую тяжелую одежду, постоянно рыть землю и выбрасывать ее spade ²⁾, — чортъ побери, не особенно пріятно; я скоро бросилъ это занятіе и открылъ store ³⁾.

— Что такое сказали вы, мистеръ Хуммель, спросилъ Обрихтеръ, — что вы открыли?

— Store, магазинъ, гдѣ я продавалъ groceries ⁴⁾ и тому подобное.

Обрихтеръ покачалъ головою: теперь онъ не понималъ, что значить groceries, но выказать своего невѣжества ему не хотѣлось.

— А что любезный зять, показывалъ онъ вамъ кусочки золота? спросилъ кассиръ. — Покажи-ка ихъ, Филиппъ, — это вѣдь настоящее золото, которое находятъ тамъ на землѣ и подъ землею; вотъ если-бы и здѣсь открытъ такое мѣстечко, можно-бы было разбогатѣть. Право странно, что милосердный Создатель разсыпалъ золото только тамъ, гдѣ живутъ лишь дикари да хищные звѣри. Точно онъ назначилъ ихъ охранителями этихъ сокровищъ.

Мистеръ Хуммель вынулъ изъ своего жилетнаго кармана нѣсколько зеренъ золота, и вслѣдъ за этимъ выплюнулъ изо-рта темную коричневую жидкость. Онъ любилъ жевать табакъ, и жевалъ его чуть не цѣлый день.

Мистеръ Хуммель держалъ въ рукѣ крупнѣйшія зерна своего золота, и, желая обратить на себя вниманіе офицеровъ, держалъ ихъ такъ, чтобы ихъ можно было видѣть съ другого стола: съ этой-же цѣлью онъ объяснялъ очень громкимъ голосомъ ихъ цѣну, но его старанія пропали даромъ. Никто не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія, и онъ долженъ былъ снова спрятать свое богатство въ карманъ, послѣ того какъ его дядя и чиновникъ налюбовались имъ вволю.

1) Зарбота. 2) Заступомъ. 3) Магазинъ. 4) Бакалейные товары.

Часы пробили половину перваго; оба чиновника схватились за шляпы, наступило время ихъ обѣда; Обрихтеръ съ отчаянною рѣшимостью взялся за правый карманъ своего жилета, какъ-бы намѣреваясь заплатить за всѣхъ,—покрайней мѣрѣ такъ показалось мистеру Хуммелю, хотя подобная мысль никогда не могла придти въ голову чиновнику, платившему постоянно только за свой стаканъ.

— Stop! ¹⁾ сказалъ американецъ и взялъ его за руку, причемъ Обрихтеръ очень охотно позволилъ себя удержать, — that's my business ²⁾. Мальчикъ, сколько съ насъ слѣдуетъ? спросилъ онъ слугу (за другимъ столомъ прислуживала молоденькая, хорошенькая дѣвушка), и подаль озадаченному мальчику двойного орла, монету въ двадцать долларовъ.

Мальчикъ улыбнулся въ недоумѣніи; онъ отъ роду не видалъ подобной монеты.

— Мы не принимаемъ такихъ денегъ.

— Не берете? засмѣялся Хуммель, — ну а бумажные лоскутки принимаете, а?

— Банковые билеты, конечно, принимаемъ.

— Хорошо. How much is the damage ³⁾?

— Какъ вы сказали? спросилъ озадаченный слуга.

— Что за все?

— Вы за все желаете заплатить?

— Разумѣется.

— Шесть стагановъ пива, всего 12 зильберъ-грошей.

— Это сущіе пустяки, сказалъ мистеръ Хуммель, бросая на столъ бумажку въ одинъ прусскій талеръ. — А у васъ здѣсь, въ нѣмечинѣ, зятюшка, все чертовски дешево. За эти деньги въ Калифорніи я-бы не получилъ и рюмки водки. Остальное оставь себѣ, мальчикъ, громко сказалъ онъ, видя, что слуга хочетъ ему дать сдачи.

— Но, любезный мистеръ Хуммель, вѣдь вамъ слѣдуетъ получить 18 грошей, съ отчаяннымъ видомъ сказалъ Обрихтеръ: никогда ему не приводилось видѣть, чтобы трактирному слугѣ такъ щедро давали за услугу.

— Знаю, и отдаю мальчику за то, что онъ служивалъ намъ,

¹⁾ Остановитесь ²⁾ Это мое дѣло. ³⁾ Какъ великъ убытокъ.

сказалъ равнодушно мистеръ Хуммель. При этихъ словахъ даже и кассиръ въ недоумѣннй потеръ руками—ему была непонятна такая расточительность, хотя здѣсь, въ ресторанѣ, онъ не рѣшился сдѣлать на счетъ этого какого-нибудь замѣчанія.

Мистеръ Хуммель поднялся со стула и недовольный тѣмъ, что всѣ его попытки обратить на себя вниманіе офицеровъ, какъ на человѣка, пріѣхавшаго изъ Америки, не удалось, сталъ застегивать свой сюртукъ. Въ то-же время онъ окинулъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже собирались уходить, и въ числѣ ихъ подполковникъ, которому давно уже было пора возвратиться домой, во избѣжаніе выговора грозной супруги.

Всѣ эти господа были совершенно незнакомы Хуммелю и онъ уже собирался уходить, какъ вдругъ замѣтилъ графа Раутена. Лицо Раутена показалось ему знакомымъ. Какъ истинный американецъ, онъ не долго размышлялъ и обратился къ графу съ такимъ привѣтствіемъ:

— How do you do, sir ¹⁾. Мы кажется знакомы.

— Вы со мной говорите? спросилъ графъ съ удивленіемъ.

— Yes, beg your pardon, ²⁾ сказалъ мистеръ Хуммель, нѣсколько озадаченный надменнымъ видомъ графа, —ваше лицо мнѣ кажется очень знакомымъ. Не были-ли вы въ Америкѣ?

— Къ сожалѣнію, спокойно отвѣчалъ графъ Раутенъ, —я не имѣлъ счастья быть въ Америкѣ. Вы, можетъ быть, были въ Индіи?

— No ³⁾, сказалъ пораженный мистеръ Хуммель, —тамъ мнѣ не удалось быть. Но вы такъ похожи на одного извѣстнаго мнѣ джентльмена...

— На кого-же это? сказалъ графъ, взявъ въ руку рюмку съ хересомъ и ставъ неспѣша пить вино, между тѣмъ какъ разговоръ за большимъ столомъ смолкъ и всѣ офицеры съ улыбкой стали разсматривать неуклюжаго нѣмца, побывавшаго въ Америкѣ.

— J'll be damned ⁴⁾, сказалъ смущенный Хуммель, —я никакъ не могу вспомнить его имени.

¹⁾ Какъ ваше здоровье, сэръ. ²⁾ Да, прошу извинить. ³⁾ Нѣтъ. ⁴⁾ Будь я проклятъ.

— Мое имя графъ Раутенъ. Вы знаете меня?

— Графъ Раутенъ? Не слыхаль. Выходить, я лаялъ не подь тѣмъ деревомъ, — прошу извиненія. Мое-же имя...

— Я вовсе не любопытенъ, сказалъ молодой графъ такъ презрительно сухо, что Гансъ едва удержался отъ смѣха. Мистеръ Хуммель до того растерялся, что, сдѣлавъ неловкій поклонъ и ни слова не говоря, надѣлъ шляпу и вышелъ въ дверь, преслѣдуемый улыбками всего общества. Его родственники съ трудомъ настигли его уже у самаго выхода.

— Отлично ты его отдѣлалъ, Раутенъ, засмѣялся Гансъ, когда они были уже за дверью. — Я знаю многихъ подобныхъ нѣмцевъ, болтавшихся даромъ въ Соединенныхъ Штатахъ и нажившихъ нѣсколько талеровъ, хотя они больше сидѣли въ кабакахъ, чѣмъ работали. Возвратясь на родину, они хотять разыгрывать роль американцевъ; по большей части они сушая дрянь. Впрочемъ, можетъ быть, я и ошибаюсь на счетъ этого господина.

— Препротивная личность, сказалъ равнодушно графъ, — жуешь табакъ какъ матросъ, тѣфу, — съ меня довольно одного запаха этой жвачки.

— Отъ этого господина ты отдѣлался на долго, сказалъ Гансъ, — едва-ли онъ заговорить съ тобою въ другой разъ. Ну что-же? Идемте господа?

Всѣ трое пошли по одной дорогѣ, ведя оживленный разговоръ. Графъ Раутенъ спросилъ Ганса, всѣ-ли американцы изъ нѣмцевъ похожи на этого несноснаго господина, котораго они встрѣтили въ кафе; въ отвѣтъ на это, Гансъ яркими красками обрисовалъ прелекательный типъ настоящаго американца изъ нѣмцевъ. Занятый разговоромъ, Гансъ и не замѣтилъ, что на встрѣчу ему шелъ по тротуару горбатый человѣчекъ—(то былъ Муксъ)—который скромно прижался къ стѣнѣ, чтобы дать ему дорогу. Гансъ такъ сильно толкнулъ его, что чуть не сбиль съ ногъ. Замѣтивъ свою неловкость, онъ быстро подскочилъ къ Муксу и поддержалъ его.

— О тысячу разъ прошу у васъ прощенія. Не ушибъ-ли я васъ? Ей-богу, это нечаянно, говорилъ Гансъ, пожимая руку горбатаго.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего, благодарю васъ, отвѣчалъ смущенно Муксъ, весь красный, — вы не ушибли меня.

И маленькій человѣчекъ, вырвавшись изъ рукъ Ганса, поспѣшно пошелъ по улицѣ.

— Ты чуть не убилъ этого горбуна, засмѣялся Раутенъ.

— Бѣднягъ, сказалъ Гансъ,—онъ слишкомъ неловокъ. Я охотно-бы вознаградилъ его деньгами за свою неловкость, но онъ выглядитъ такъ прилично...

— Этого только не доставало, сказалъ графъ,—ты передъ нимъ извинился—чего-же болѣе: онъ самъ виноватъ, зачѣмъ не сошелъ съ тротуара, улица широка.

Гансъ ничего не отвѣтилъ; разговоръ прервался, тѣмъ болѣе, что Дюрбекъ вскорѣ завернулъ въ одну изъ улицъ и пошелъ въ другую сторону. Муксъ, дойдя до угла, остановился; лицо его изъ краснаго сдѣлалось блѣднымъ, какъ воскъ; онъ долго смотрѣлъ въ слѣдъ молодымъ людямъ. Наконецъ, они скрылись изъ его глазъ, онъ отвернулся и двѣ крупныхъ слезы покатились по его щекамъ.

ГЛАВА VIII.

ВИЗИТЬ.

Семейство Зольберговъ только-что встало отъ обѣда, подали кофе, и Гансъ, пользуясь прелестнымъ теплымъ апрѣльскимъ днемъ, вышелъ на открытую террасу, чтобы тамъ выкурить сигару. На всѣ просьбы и предложенія своей матери и отца попытаться бросить куреніе, такъ-какъ это вовсе не изящно, онъ отвѣчалъ молчаливыми усмѣшками.—Самъ его высочество, убѣждали его,—не терпѣть, чтобы курили въ его присутствіи и не переносить даже запаху табаку.

— Такъ пускай-же онъ не курить, съ наивностію простака замѣчалъ Гансъ.—Но я не понимаю, матушка, какое отношеніе ко мнѣ имѣютъ его вкусы и привычки, и почему ради ихъ я долженъ стѣснять себя.

— Но его высочество...

— Можетъ быть, очень хорошій человѣкъ; но какое мнѣ дѣло до этого?

— Тебя могутъ потребовать ко двору.

— Во-первыхъ, матушка, меня не могутъ потребовать, сказала Гансъ,—такъ-какъ я не имѣю чести состоять ни въ какой должности при дворѣ; притомъ я вовсе не намѣренъ представляться ко двору.

Подобнымъ образомъ обыкновенно кончались всѣ разговоры о куреніи, не производя на Ганса желаемого дѣйствія. Онъ не позволялъ себя стѣснять въ своихъ привычкахъ, и сидѣлъ теперь на терасѣ, выпуская струйки голубого дыма, попивая свой кофе, и перелистывая различные журналы и газеты. Графъ Раутенъ подъ руку съ Франциской прогуливался около терассы по усыпанной пескомъ площадѣ.

Родители по обыкновенію удалились для небольшого послѣобѣденнаго отдыха. Когда прошло обычное время, на терассу вышла хозяйка съ покраснѣвшей лѣвой щекой, а за нею выплылъ и самъ глава семейства.

— Ахъ сынъ мой, сказала г-жа Зольбергъ, обращаясь къ Гансу, — я забыла сообщить тебѣ за обѣдомъ, что въ четвергъ мы приглашены къ Шаллерамъ на *thé dansant*.

— Надѣюсь, меня нѣтъ въ числѣ приглашенныхъ? воскликнулъ Гансъ, смотря на нее съ испугомъ.

— Ты—прежде всѣхъ, сказала мать, — и мнѣ кажется, что этотъ вечеръ устраивается именно для того, чтобы познакомить и ввести тебя въ наше общество.

— Но любезная матушка, сказать тебѣ правду, я вовсе не имѣю желанія заводить здѣсь новыя и обширныя знакомства, по крайней мѣрѣ въ первое время. Меня восхищала мысль, что первые мѣсяцы по возвращеніи въ Германію, я буду проводить въ своемъ домашнемъ тихомъ кружкѣ—и что-же? моимъ мечтамъ, какъ я вижу, не суждено осуществиться. Съ Франциской я почти не говорю ни слова, она теперь думаетъ только о своемъ женихѣ—любовники вообще, какъ всѣмъ извѣстно, пренесносный народъ—и стоитъ мнѣ еще только начать посѣщать общество, тогда—конецъ нашей тихой жизни, и свѣтская жизнь со всѣми ея удовольствіями и неприятностями, для которой я теперь вовсе не гожусь, поглотить и затреть насъ.

— Ты-бы могъ употреблять болѣе приличныя выраженія, сказала мать, — ты сталъ очень грубъ во время твоего отсутствія...

— Вы разговариваете о Шаллерахъ, перебилъ камергеръ и посмотрѣлъ черезъ очки на своего сына.

— Да, конечно, отвѣчала мать; — но, кажется, Гансъ вовсе не хочетъ...

— Не желаю, право не желаю, папа!

— Но этого нельзя, сказалъ отецъ повелительнымъ тономъ; — мы очень много обязаны Шаллерамъ, такъ-какъ черезъ нихъ мы познакомились съ графомъ Раутеномъ. Они съ нами чрезвычайно любезны и выказали намъ столько дружбы, что отказываясь отъ этого приглашенія, мы ихъ можемъ обидѣть. А что твое отсутствіе будетъ равносильно отказу отъ приглашенія, — понятно само собою. Поэтому тебѣ необходимо какъ можно скорѣе сдѣлать имъ визитъ, который, впрочемъ, тебѣ слѣдовало сдѣлать уже давно.

Гансъ отъ души вздохнулъ.

— Ну начинается, сказалъ онъ задумчиво: — не успѣлъ я вступить на родную землю, какъ уже слышу, — что прилично, и что неприлично; что необходимо и заповѣдно. Я боюсь, папа, что вашими скучными формальностями вы меня скоро снова прогоните за-границу.

— Однакожь, милый Гансъ, сказалъ камергеръ, которому убѣжденія сына были совершенно чужды, такъ-какъ онъ съ молокою матери всосалъ въ себя уваженіе ко всякаго рода формальностямъ, — если-бы мы стали пренебрегать всѣми принятыми приличіями и не выказывали должнаго уваженія къ людямъ, что случилось-бы съ Германіей и вообще съ человѣческимъ обществомъ. Оно превратилось-бы въ грубую толпу; люди бросались-бы другъ на друга, какъ дикіе звѣри, опрокидывая и топча все, что имъ мѣшаетъ и стоитъ на дорогѣ. Это невозможно, топ cher, такія дикія отношенія допускаются, можетъ быть, въ какой-нибудь республикѣ и существуютъ у каннибаловъ, но въ цивилизованной и управляемой строгими законами странѣ они не могутъ быть допущены.

— Дорогой батюшка, сказалъ Гансъ, — я не понимаю, какое отношеніе къ свѣтскимъ формальностямъ имѣютъ цивилизація и законы. Отношенія между людьми слагаются очень просто: правится мнѣ человѣкъ, — я стараюсь видѣться съ нимъ какъ можно чаще; не правится — я избѣгаю его, но при встрѣчѣ стараюсь быть съ

нимъ вѣжливымъ. Увѣряю тебя, папа, если-бъ люди относились другъ къ другу просто, между ними всегда были-бы дружескія и честныя отношенія. Общественное лицемѣріе совсѣмъ исчезло-бы при подобныхъ отношеніяхъ.

— Общественнаго лицемѣрія вовсе и не существуетъ, сынъ мой, сказала г-жа Зольбергъ рѣзко. — Ты произнесъ тираду, очень эффектную для театральнѣ сцены, но совершенно несправедливую.

— Но, добрѣйшая матушка, добродушно засмѣялся Гансъ, — вспомните, кто пріѣзжалъ къ намъ вчера утромъ? Статсъ-дама, старуха фонъ-Панкенштейнъ — не такъ-ли? Ну а кто не сказался дома — по случаю сильной зубной боли — и все-таки весь день былъ совершенно здоровъ и веселъ?

— Но вѣдь старая статсъ-дама чрезвычайно скучна, отвѣчала почтенная барыня, очень недовольная, что Гансъ привелъ именно этотъ, еще совершенно свѣжій, примѣръ; — и ты знаешь, что за день до этого у меня дѣйствительно жестоко болѣли зубы.

— Да матушка...

— Знаешь также, что я была... очень занята въ то время, когда доложили о пріѣздѣ старухи...

— Ты раскладывала пасьянсъ.

— Ты сталъ просто невыносимъ, Гансъ, и такъ одичалъ въ твоей Америкѣ, что теперь понадобится, можетъ быть, цѣлые года, чтобы снова сдѣлать изъ тебя что-нибудь путное. Прошу-же тебя вести себя прилично у Шаллеровъ. Ради бога, не скомпрометируй насъ чѣмъ-нибудь, иначе ты сильно огорчишь насъ съ отцомъ и сдѣлаешь непріятность, какъ Францискѣ, такъ и графу Раутену. Шаллеры, право, очень милые люди, можетъ быть нѣсколько эксцентричны въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но зато добрые и готовые для насъ на всевозможныя услуги. Неужели-же ты такъ мало насъ любишь, что въ состояніи отказать намъ даже въ такихъ пустякахъ?

— Милая, добрая матушка, ты меня окончательно побѣдила. Увидишь, какъ я буду любезенъ съ Шаллерами и еще сегодня вечеромъ сдѣлаю имъ визитъ.

— По настоящему, утромъ было-бы лучше...

— Мнѣ говорили, что здѣсь визиты чаще всего дѣлаются передъ вечернимъ спектаклемъ, сказалъ Гансъ, — и я нахожу

такое обыкновеніе, въ сущности очень практичнымъ, такъ-какъ представляется уважительная причина не оставаться въ гостяхъ слишкомъ долго. Кстати, что дадутъ сегодня вечеромъ въ театръ?

— Роберта Дьявола, отвѣчала мать, — но я не знаю еще, пойду-ли я.

— Но, матушка, воскликнулъ Гансъ, — говорятъ, что г-жа Блендгеймъ поетъ восхитительно!

— У нея сносный голосъ, да, сказала сдержанно г-жа Зольбергъ, — но неприятная и грубая игра: она слишкомъ страшна...

— Кстати, спросилъ Гансъ послѣ небольшого молчанія, — отчего это не бываетъ у насъ капитанъ Дюрбекъ? Имѣете вы что-нибудь противъ него? Я два раза просилъ его посѣтить меня, и онъ оба раза отказался; „мы позже поговоримъ объ этомъ“, сказалъ онъ, слѣдовательно что-нибудь да случилось...

— Онъ не рѣшается ходить къ намъ въ домъ, съ достоинствомъ отвѣтила г-жа Зольбергъ, — изъ весьма понятнаго чувства приличія. Если онъ настолько забылъ свое положеніе въ свѣтѣ, что обручился съ актрисой, то, конечно, въ ея кругѣ и долженъ онъ искать себѣ друзей. Я-бы совѣтовала и тебѣ, Гансъ, не посѣщать его...

— Дюрбекъ такой милый, простой и добрый человѣкъ...

— Это очень можетъ быть, но...

— Но вы вѣдь его ничѣмъ не оскорбили?

— Оскорбили? Боже сохрани! Когда онъ прислалъ намъ приглашеніе на свое обрученіе, мы просто не отвѣчали на него.

— Но, Боже мой, вѣдь это можно сдѣлать и по забывчивости! вскричалъ Гансъ. — Получая бывало отъ своихъ друзей приглашенія на ихъ помолвку, я очень часто не отвѣчалъ имъ, но все-таки душевно радовался ихъ счастью.

— Ты одичалъ, отвѣчала мать — и кажется забылъ всѣ общественныя приличія. Но капитанъ Дюрбекъ знаетъ ихъ очень хорошо. Онъ понялъ, что не отвѣчалъ ему на приглашеніе, мы тѣмъ самымъ даемъ знать ему, что не хотимъ продолжать знакомства съ нимъ. Поэтому онъ очень умно сдѣлалъ, раздумавъ представлять намъ свою невѣсту.

— Матушка, возразилъ Гансъ, — я однакожь очень хорошо помню, что было время, когда знаменитые музыканты, а въ особенноти пѣвцы и пѣвицы приглашались въ высшіе круги общества, даже ко двору.

Старый камергеръ, занятый послѣдніе четверть часа чтеніемъ официальной газеты—онъ читалъ только официальное—прервалъ чтеніе и сказалъ, смотря черезъ очки на сына:

— Это, милый мой, совсѣмъ другое дѣло! Подобнымъ артисткамъ и артистамъ дѣйствительно дѣлають честь, приглашая ихъ иногда въ высшее общество, но это приглашеніе вытекаетъ вовсе не изъ дружественныхъ къ нимъ отношеній: ихъ приглашаютъ единственно затѣмъ, чтобы они, для удовольствія гостей, выказали свое искусство, за что и получаютъ приличное вознагражденіе. Но мы вовсе не желаемъ получать приглашенія на ихъ помолвки или на какія-нибудь другія домашнія празднества...

— Однакожь, перебилъ Гансъ,—искусство теперь уважается гораздо болѣе, чѣмъ прежде, и развѣ въ послѣднее время не случалось, что артистки выходили замужъ даже за принцевъ?

— Судить объ этомъ не мое дѣло, шевельнувъ бровями отвѣтилъ камергеръ,—но конечно, если-бъ эти принцы удостоили меня выслушать мое мнѣніе, я-бы высказалъ его откровенно и назвалъ-бы такой бракъ прямымъ нарушеніемъ свѣтскихъ обычаевъ.

— Дюрбекъ вполнѣ честный и благородный человекъ.

— Въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь, очень люблю его, и знаю, что и у самого короля онъ на хорошемъ счету, но...

— Но?...

— Но если-бы мы продолжали съ нимъ наши дружественныя отношенія, то это могло-бы привести къ тяжелымъ подчасъ положеніямъ для насъ обоихъ. Если-бы я со своей стороны сдѣлалъ нѣкоторыя уступки, то не сдѣлаетъ ихъ тотъ кругъ общества, въ которомъ я занимаю видное положеніе и ужъ вовсе не желаю съ нимъ расходиться. Я ничего не имѣю противъ людей мѣщанскаго происхожденія; я уважаю даже ремесленника, но только тогда, когда онъ держится своей сферы и не лѣзетъ выше, но все-таки я не желаю вести съ нимъ знакомства. Твой будущій зять въ этомъ отношеніи держится тѣхъ-же убѣжденій, какъ и я. Графъ Раутенъ можетъ служить образцомъ порядочна-

го человека; онъ обладаетъ такимъ тонкимъ тактомъ, что даже я часто удивляюсь, глядя на него. Какую роль въ нашемъ организмѣ играетъ кровь, такую-же первостепенную роль въ нашей жизни занимаетъ тактъ, современемъ — если можно употребить подобное вульгарное выраженіе — переходящій въ инстинктъ, вслѣдствіе котораго мы тотчасъ-же чувствуемъ, что прилично и что нѣтъ. Ты, конечно, отвыкъ отъ всѣхъ тонкостей свѣтскаго поведенія во время твоей беспорядочной дикой жизни. Это шестое чувство—тактъ, я смѣло причисляю его къ нимъ,—тебѣ можетъ не предстояло еще случая выработать и развитъ...

Гансъ молчалъ и, улыбаясь, выпускалъ кольца дыма въ воздухъ.

— Но я все-таки убѣжденъ, что тебѣ удастся приобрести необходимый тактъ и умѣнье держать себя въ обществѣ, продолжалъ отецъ.—Въ твоихъ жилахъ течетъ наша кровь, а твоя мать, могу тебя увѣрить въ этомъ, женщина развившая въ себѣ въ высшей степени эти способности. Въ затруднительныхъ случаяхъ прибѣгай къ ея помощи, поступай по ея совѣтамъ, и вѣрь, что она всегда выведетъ тебя на истинный путь.

— Однакожь, батюшка, сказалъ Гансъ, посмотрѣвъ на часы, которому уже надобѣлъ этотъ разговоръ о тактѣ и приличіяхъ,—если дѣлать сегодня визитъ Шаллерамъ, то я думаю, уже давно пора, иначе я могу придти не во время.

— Ты кажется правъ, сказалъ отецъ,—но развѣ ты хочешь идти одинъ? Ты еще не былъ имъ ни представленъ, ни введенъ къ нимъ въ домъ?

— Но развѣ я не могу этого сдѣлать самъ, папа? Увѣряю тебя, уже много разъ въ жизни приходилось мнѣ самому представляться, безъ всякой посторонней рекомендаціи.

— Да, да, сынъ мой, улыбнулся камергеръ, — но это тамъ у васъ въ республикѣ, или между индѣйцами и дикими допускается такой способъ представленія, но здѣсь у насъ, къ счастью, другіе нравы.

— Леопольдъ, конечно, не откажется пойти съ нимъ, сказала г-жа Зольбергъ;—мнѣ помнится, онъ говорилъ, что долженъ сегодня зайти къ Шаллерамъ.

— Долженъ! засмѣялся Гансъ;—вотъ настоящее выраженіе вашихъ свѣтскихъ отношеній: я долженъ сдѣлать визитъ, я

долженъ пригласить того или другого, я долженъ принять то или другое приглашеніе.—Сагамба, я теряю голову, лишь только подумаю, что и я долженъ подчиниться этимъ формальностямъ.

— Что за странное слово ты выговорилъ? испуганно спросила его мать.

— Которое, матушка?

— Твое восклицаніе.

— А! Сагамба—это у меня сорвалось съ языка по старой привычкѣ.

— И это вѣрно проклятіе? спросила мать, и на ея лицѣ выразился испугъ.

— Нѣтъ, матушка, улыбаясь успокоивалъ ее сынъ,—я, правда, научился тамъ курить, но не влясться, такъ-какъ, по моему, это прескверная привычка. Сагамба,—самое невинное слово, употребляемое въ Испаніи въ разговорѣ даже дамами высшаго общества; это просто выраженіе удивленія или радости.

— Милое мое дитя, сказала мать,—въ южныхъ странахъ твои дамы высшаго общества даже курятъ, какъ ты намъ рассказывалъ объ этомъ самъ: насколько-же считается это приличнымъ у насъ, мнѣ тебѣ, конечно, нечего и объяснять. — Но я успокоиваюсь, такъ-какъ ты говоришь, что ненавидишь привычку влясться; но совѣтую тебѣ не брать себѣ за образецъ испанскихъ дамъ, въ противномъ случаѣ пѣнай на себя самъ.

— Не позвать-ли намъ Раутена? спросилъ камергеръ.

— Я думаю, что онъ и Франциска не поблагодарятъ насъ, если мы заставимъ его сдѣлать сегодня утомительный визитъ.

— Для него не можетъ быть утомителенъ визитъ, Гансъ, увѣряла мать нѣсколько сердито, такъ-какъ она увидала, что всѣ ея мудрыя замѣчанія были сказаны ею на вѣтеръ, — онъ слишкомъ хорошо знаетъ приличія. Кажется, поднялся восточный вѣтеръ, а Франциска ничего на себя не надѣла изъ верхняго платья,—надо чтобы она или вернулась въ комнаты или набросила на себя что-нибудь. Франциска!

— Мама?

— Не поднимитесь-ли вы на верхъ?

Молодые люди вошли на терассу; графъ Раутенъ, почти не выслушавъ, для чего просили его сопровождать Ганса, тотчасъ-

же согласился, какъ предсказала г-жа Зольбергъ, и молодые люди черезъ нѣсколько минутъ отправились въ путь.

— Я не могу выразить тебѣ, Леопольдъ, горячо заговорилъ Гансъ, послѣ того какъ они нѣсколько времени шли молча по городу, — что за странное чувство возбуждается во мнѣ, когда я вижу, что послѣ моего долгаго отсутствія, во время котораго я объѣхалъ чуть не полміра, и видѣлъ страну, гдѣ развитіе идетъ исполинскими шагами, гдѣ города возникаютъ какъ-бы волшебствомъ,—когда я вижу, что у насъ все идетъ по старому, ни въ чемъ нѣтъ никакой перемѣны,—тѣ-же люди живутъ на тѣхъ-же насиженныхъ мѣстахъ. Посмотри на этого точильщика,—онъ, конечно, уже не узнаетъ меня, но я за-то помню его отлично, потому-что частенько въ былое время приносилъ я ему точить мой ножикъ, и мальчишкой еще простаивалъ по нѣсколькѣ часовъ, смотря на его работу и удивляясь, какъ это изъ мокраго камня вылетали искры. Взгляни наискось,—тамъ сидитъ булочница, на томъ-же самомъ мѣстѣ, какъ и десять лѣтъ тому назадъ, и выставляетъ на улицу булки, а ребятишки становятся на цыпочки и стараются достать ихъ — все какъ было тогда, остается теперь. Всѣ они жили тогда, живутъ и теперь изо дня въ день безъ всякихъ перемѣнъ, имѣя передъ своими глазами тѣ-же дома, тѣ-же крыши и окна, мимо нихъ проходятъ ежедневно одни и тѣ-же люди... Ты не испытывалъ подобнаго чувства по возвращеніи твоёмъ изъ Индіи, Леопольдъ?

— Можетъ быть, отвѣчалъ графъ, — но я не придавалъ ему такого значенія, какъ ты, и не старался его объяснять себѣ. То, что замѣчаешь ты здѣсь,—ты встрѣтишь во всякомъ маленькомъ континентальномъ городишкѣ, вся жизнь котораго сосредоточивается на небольшомъ числѣ его обитателей; въ приморскихъ городахъ жизнь иная; тамъ движеніе и суета.

— Смотри сюда, Леопольдъ, продолжалъ Гансъ, предаваясь совершенно своимъ воспоминаніямъ,—вотъ на этомъ самомъ углу было мѣсто нашихъ постоянныхъ зимнихъ игръ въ снѣжки; дальше тамъ идетъ дорога въ школу, а на этомъ углу мы сходились съ гимназистами и учениками реального училища. Какія битвы происходили между нами! Взрослые, которымъ не встрѣчалось особой крайности идти по этой улицѣ, избѣгали прохо-

дять здѣсь около обѣденнаго времени, потому что мы всё были ужасные сорванцы и никому не давали пощады.

— Я не испыталъ школьной жизни, прервалъ его графъ Раутенъ, улыбаясь:—я получилъ воспитаніе дома, въ деревнѣ, подъ руководствомъ учителя, весьма скучной и сухой личности; у меня даже не было товарищей по играмъ.

— Бѣдный другъ, сказалъ Гансъ, — невесело ты прожилъ твое дѣтство, а оно, какъ ты знаешь, невозвратно! Между-тѣмъ, по большей части, это самая счастливая пора нашей жизни. Воспоминанія дѣтства мнѣ не менѣе дороги, какъ и воспомина-нія о тѣхъ чудныхъ странахъ, которыя мнѣ привелось увидѣть.

— Ну, а теперь брось свою сигару, сказалъ графъ, — мы уже пришли...

— Здѣсь развѣ живутъ Шаллеры?

— Да, въ первомъ этажѣ.

Они вошли въ дверь подъезда, поднялись по лѣстницѣ и позвонили у двери квартиры Шаллера.

— Господа дома?

— Пожалуйте. Какъ прикажете о васъ доложить?

— Графъ Раутенъ и баронъ Зольбергъ.

— Пожалуйте. Лакей отворилъ дверь въ большую угловую комнату, служившую приѣмной, которая была гораздо обширнѣе, чѣмъ это могло казаться съ улицы. Она была роскошно убрана. Въ эту минуту въ ней находились три дамы и офицеръ, маленькій толстенькій господинъ — однимъ словомъ подполковникъ Клингенбрухъ съ своей семьей; они только-что успѣли придти сюда и разсматривали картины, висѣвшія на стѣнѣ.

— Милѣйшій графъ, воскликнулъ подполковникъ и пошелъ ему на встрѣчу, протягивая руку,—очень радъ снова встрѣтиться съ вами! Ну вы какъ поживаете, любезный Зольбергъ?

— Я очень счастливъ, встрѣтившись съ вами! сказалъ Раутенъ, обращаясь къ дамамъ.—Позвольте мнѣ вамъ представить, при этомъ случаѣ, моего друга и будущаго зятя Ганса фонъ-Зольберга, недавно вернувагося изъ кругосвѣтнаго путешествія. Семейство уважаемаго подполковника фонъ-Клингенбруха, любезный Гансъ.

Гансъ поклонился дамамъ, а подполковнику протянулъ руку, толстое веселое лицо котораго понравилось ему съ перваго разу.

— Я имѣлъ уже удовольствіе встрѣчаться съ вами, сказалъ онъ,—мы видѣлись въ...

— Да, да, да, перебилъ его подполковникъ, боявшійся, чтобы въ присутствіи жены не было произнесено имя злополучной кофейни,—я уже имѣлъ честь... очень радъ увидѣть васъ снова. Устроились-ли вы у насъ окончательно?

Гансъ не могъ отвѣчать, такъ-какъ въ это время открылись обѣ половинки среднихъ дверей и г. и г-жа Шаллеры, въ сопровожденіи своей дочери, разодѣтые и съ любезной улыбкой, вошли въ залъ.

— Какой-же для меня сегодня праздникъ! воскликнулъ Шаллеръ, направляясь большими шагами къ подполковнику и беря его за обѣ руки.—Мой почтительнѣйшій поклонъ дамамъ... любезный графъ Раутенъ, какъ я радъ васъ видѣть...

— Гансъ Зольбергъ, любезный бароль, пожелавшій имѣть честь быть вамъ представленнымъ...

— Мой любезнѣйшій г. Зольбергъ, я очень радъ видѣть васъ, всемірнаго путешественника, плѣвникомъ въ моемъ домѣ! Но что-же дамы — Розамунда... жена, вотъ молодой Зольбергъ — Катинька, душа моя — взгляни, передъ тобой стоитъ кровный перуанецъ. Какъ я доволенъ, продолжалъ онъ, обращаясь уже къ семейству подполковника,—что мы живемъ теперь съ вами почти рядомъ, и что вы и ваши прелестныя дочери наши ближайшіе сосѣди; я надѣюсь, что мы будемъ примѣрными сосѣдями, какъ и должно быть старымъ друзьямъ и....

— Прошу покорно съѣсть, сказала Розамунда, жена г. Шаллера, которая, не смотря на свои сорокъ лѣтъ, одѣвалась, какъ молоденькая дѣвушка, и въ особенности была занята своими двумя спускавшимися на плечи локонами.—Mesdames — прошу васъ... подполковникъ... г. Зольбергъ... любезный графъ...

Подполковникъ былъ цѣлое утро на ногахъ и дѣйствительно немного усталъ; онъ охотно послѣдовалъ приглашенію и тотчасъ же опустился въ вышитое кресло, стоявшее къ нему ближе другихъ, но въ тотъ-же мигъ вскочилъ какъ-бы ужаленный змѣей—стулъ его заигралъ маршъ изъ Фауста; Гансъ случайно взглянулъ на подполковника въ ту минуту, когда тотъ опускался въ кресло: страхъ и скачекъ его были на столько уморительны, что Гансъ не могъ удержаться и расхохотался; громче всѣхъ

смѣялись Генриетта и Флора, дочери подполковника, самъ-же подполковникъ все еще былъ въ недоумѣннн и внимательно и недовѣрчиво разсматривалъ странное кресло.

— Клингенбрухъ, да садись же! смѣясь сказала ему Шаллеръ.— Чего ты боишься?

— Съѣсть на шарманку? съ удивленіемъ сказалъ подполковникъ. Да я только по нечаянности, не зная, сѣлъ на нее.

— Ха, ха, ха, смѣялся Шаллеръ;—ты восхитителевъ, Клингенбрухъ,—все тотъ-же... по старому... Но что-же вы не садитесь, господа—прошу васъ, обратился онъ ко всѣмъ остальнымъ.

На самомъ дѣлѣ каждый дѣйствительно боялся сѣсть на мягкіе стулья, подозрѣвая, что въ каждомъ изъ нихъ скрывается что-нибудь подобное, но г-жа Шаллеръ, догадавшись, въ чемъ дѣло, разрѣшила ихъ сомнѣнн.

— Прошу васъ, mesdames, садитесь, сказала она своимъ сладкимъ голосомъ, — это у насъ единственный играющій стулъ; моему мужу пришла въ голову несчастная идея порадовать меня подобной неожиданностью въ мои именины. Всѣ остальные кресла самыя обыкновенныя—садитесь-же пожалуйста.

Дамы рѣшились, наконецъ, уступить просьбамъ, и усѣлись, все-таки недовѣрчиво оглядываясь; даже самъ Гансъ невольно осторожно подавилъ рукою подушку ближняго кресла. Но г-жа Шаллеръ сказала правду: остальные кресла были безъ музыки.

Молодые дѣвицы усѣлись очень близко одна возлѣ другой и скоро завели оживленную болтовню о предстоящемъ вечерѣ у Шаллера, которымъ и въ этотъ разъ заканчивался зимній сезонъ, такъ-какъ погода, несмотря на апрѣль, стояла превосходная. Самъ-же Шаллеръ съ необыкновенной любезностью и оживленіемъ переходилъ отъ одного гостя къ другому, дѣлалъ то тутъ, то тамъ тонкое замѣчаніе, рассказывалъ шепотомъ подполковнику анекдотъ, причеъ послѣдній вопросительно взглянулъ на свою жену и вслѣдъ затѣмъ разразился судорожнымъ смѣхомъ. Вдругъ хозяинъ, какъ-бы испугавшись чего-то, вскричалъ:

— Но, господа, вы не курите! Катенька, ты истинная дочь своего отца, затѣмъ-же ты невнимательна къ его гостямъ?

— Но, любезный баронъ, сказалъ Раутенъ,—здѣсь въ залѣ, въ присутствн дамъ...

— Нѣтъ никакого различн, милѣйшн графъ! сказалъ фонъ-

Шаллеръ весело.—Моя жена потому и сохранила свою свѣжесть, что хорошо мною прокопчена.

— Теодоръ! вослигнула возмущенная почтенная дама,—ты, право,—самый грубый человѣкъ? Что подумаютъ о тебѣ дамы?

— Мой дружочекъ, развѣ это не самое лестное, что я могъ бы сказать о тебѣ? отвѣтилъ Шаллеръ, очень довольный собою.— Взглянувъ на тебя, очень немногіе въ состояніи будутъ отгадать, сколько тебѣ въ дѣйствительности лѣтъ.

— Что тебѣ до моихъ лѣтъ, сказала обиженно г-жа Шаллеръ,—ты опять невыносимъ сегодня, Теодоръ, и это всегда случается съ тобой въ то время, когда у насъ гости. Вы его извините, mesdames; онъ не всегда такой, онъ бываетъ иногда довольно сносенъ.

Между тѣмъ Катенька, исполняя желаніе своего отца, возвратилась съ прехорошенькимъ ящичкомъ изъ розоваго дерева, въ которомъ были небольшія дверцы. Она обратилась къ графу.

— Благодарю васъ, сударыня, сказалъ онъ,—я не курю...

— Неужели? Но, можетъ быть, подполковникъ курить?

Клингенбрухъ бросилъ смущенный взглядъ на жену. Но въ это время она была занята интереснымъ разговоромъ съ г-жею Шаллеръ о цѣнѣ масла и яицъ, и поэтому, къ его счастью, не обратила на него вниманія, почему онъ и рискнулъ отпереть дверцы ящика, но тотчасъ-же ихъ захлопнулъ, точно онѣ обожгли его: не успѣлъ онъ отпереть ихъ немного, какъ снова раздались звуки, похожіе на паденіе воды въ металлическій сосудъ.

Изъ ящика неслись звуки „Вѣнка дѣвы“, а Катенька изъ за ящика насмѣшливо смотрѣла на сконфуженнаго подполковника. Къ большому еще для него несчастію, вниманіе подполковницы обратилось на него. Въ отчаяніи, онъ стремительно, подъ звуки музыки, вынулъ изъ ящика сигару; Гансъ не замедлилъ послѣдовать его примѣру.

Между-тѣмъ разговоръ продолжался вало, какъ это всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда хозяйева не ждали прихода гостей и вынуждены занимать ихъ; гости, съ своей стороны, сидятъ какъ на угольяхъ, думая все время о томъ, какъ-бы уйти поскорѣе и болталъ о всякомъ вздорѣ съ одной только цѣлью убить время.

Пользуясь небольшими перерывами разговора, Гансъ занимался

изученіемъ двухъ новыхъ незнакомыхъ ему семействъ, но, конечно, на первый разъ долженъ былъ довольствоваться только мнѣніемъ, составленнымъ на основаніи перваго внѣшняго впечатлѣнія.

Болѣе всѣхъ другихъ интересовалъ его самъ хозяинъ, высокій, тѣсный, но при этомъ необыкновенно гибкій человѣкъ, руки и ноги котораго, равно какъ и языкъ, были постоянно въ движеніи. Аристократическаго не было въ немъ ничего, или онъ не выказывалъ своего аристократизма въ эту минуту, но онъ казался съ виду свѣтскимъ человѣкомъ. Его небольшіе подвижные свѣтло-сѣрые глаза блестѣли еще изъ подъ лысѣющаго лба и, казалось, не выпускали изъ виду ни одного изъ гостей. У него была привычка моргать лѣвымъ глазомъ, при чемъ онъ окидывалъ взглядомъ все общество, такъ-что нельзя было опредѣлить навѣрное, кому онъ подмигнуть, что заставляло каждого изъ разговаривающихъ подозрѣвать, что миганіе относится именно къ нему.

Жена его была эстетическая гусыня, въ чемъ Гансъ убѣдился съ первыхъ-же ея словъ. Во время минутнаго съ нимъ разговора, она успѣла въ восторгѣ упомянуть имена почти всѣхъ музыкальныхъ классиковъ и съ восхищеніемъ говорила о послѣднемъ концертѣ классической музыки; разговаривая, она играла своими локонами и ниткой коралловъ, надѣтой на шеѣ, чтобы показать свою еще красивую бѣлую руку.

Что касается дѣвицъ, то это были три прелестныя созданія, болтавшія между собою съ такимъ невиннымъ видомъ, какъ будто ихъ не занимало ничто постороннее, кромѣ сюжета ихъ разговора; но за то какимъ оживленіемъ блестѣли ихъ глазки, бѣгавшіе во всѣ стороны, и Гансъ никакъ не могъ избавиться отъ мысли, что разговоръ касается прямо его особы; и въ самомъ дѣлѣ онѣ говорили о немъ.

Менѣе всѣхъ понравилась ему подполковница; она сидѣла неподвижно, какъ-бы не обращая ни на кого вниманія, но взгляды, бросаемые ею на своего мужа, весело курящаго сигару, говорили ясно о ея господствѣ въ семьѣ. Гансъ улыбался, воображая себѣ фигуру маленькаго подполковника, выслушивающаго домашнюю проповѣдь.

Но вдругъ Флора Клингенбрухъ громко вскрикнула; разговоръ прервался и всѣ обратили свое вниманіе на нее; въ это время

изъ-подъ дивана раздались звуки музыки; они, какъ оказалось потомъ, исходили изъ скамейки для ногъ.

— Ахъ, Боже мой, какъ я испугалась! сказала Флора, подбирая платье и смотря подъ диванъ;—я совершенно нечаянно дотронулась до чего-то ногой.

Скамейка продолжала наигрывать и самъ Шаллеръ не могъ удержаться отъ громкаго смѣха, глядя на лица своихъ изумленныхъ гостей.

Но гостямъ было уже время удалиться. Большіе бронзовые часы, стоявшіе на письменномъ столѣ, пробили шесть, наступало уже время отправляться въ театръ. Не успѣли часы пробить шесть разъ, какъ изъ нихъ также раздалась пѣсня: „О ты прелестная вечерняя звѣзда“.

— „Ни конь, ни всадникъ“ наигрывала скамья.

— „Всегда встрѣчаю радостно тебя“, отвѣчали часы.

Можно было сойти съ ума при этомъ обиліи музыкальныхъ звуковъ.

Началось обычное прощанье, пожиманіе рукъ, сопровождаемое просьбой посѣтить снова и т. д.

Гансъ и Леопольдъ проводили Клингенбруховъ до ихъ дома и получили отъ нихъ приглашеніе бывать у нихъ какъ можно чаще.

— Леопольдъ, сказалъ Гансъ, все еще улыбавшійся при воспоминаніи о музыкальной мебели Шаллеровъ,—не можешь-ли ты сказать мнѣ, что за люди эти Шаллеры? Я ихъ не совсѣмъ понималъ, но мнѣ кажется, что въ нихъ очень мало аристократичности.

— Ты правъ, отвѣчалъ графъ, — они предобрые, любезные люди, которымъ я довольно много обязанъ. Конечно, они нѣсколько эксцентричны, но, Боже мой, у кого изъ насъ нѣтъ своихъ слабостей и своего конька; они никому не мѣшаютъ своими странностями, поэтому мнѣ кажется, можно и не обращать вниманія на ихъ эксцентричности.

— Да, конечно, отвѣчалъ Гансъ, — но согласись самъ, что подобная идея уставить комнату музыкальными ящиками—чистѣйшее сумазбродство. Видѣлъ-ли ты, какъ усѣлся на кресло малenkій подполковникъ и какъ быстро вскочилъ онъ, страшно перепуганный. Не правда-ли, въ ту минуту онъ былъ въ высшей степени комиченъ?

— Какъ нравится тебѣ Катинька? спросилъ Раутенъ, немного помолчавъ.

— По первому короткому визиту трудно составить опредѣленное о ней понятіе, но вообще она производитъ довольно благоприятное впечатлѣніе, въ особенности въ сравненіи съ дѣвицами Клингенбрухъ.

— Она очень милая дѣвушка, очень недурно рисуетъ масляными красками и отлично играетъ на фортепьяно.

— Ну, конечно, въ этомъ домѣ нельзя не быть музыкантомъ! смѣялся Гансъ. — На какомъ-же инструментѣ играетъ самъ папаша?

— Ты смѣешься, а послушай-бы ты его игру на віолончели.

— А почтенная мамаша?

— Поетъ, со вздохомъ отвѣчалъ Раутенъ, — это ея слабость — въ сущности же она прекраснѣйшая женщина.

— Я слышалъ отъ одного господина, хорошенько не помню отъ кого, интересную гипотезу, сказалъ Гансъ, пройдя въ молчаніи нѣсколько шаговъ, — что двадцать пять процентовъ живущихъ на свѣтѣ людей имѣютъ свой пунктъ помѣшательства и, вслѣдствіе малѣйшаго, подчасъ непонятнаго и невидимаго повода, окончательно сходятъ съ ума. Конечно, это немного смѣлая гипотеза, но подчасъ мнѣ кажется, что авторъ ея отчасти правъ.

— Шаллеры, мнѣ кажется, оправдываютъ эту гипотезу, сказалъ Раутенъ.

— Я еще не хочу выражать окончательнато своего мнѣнія о нихъ, но, можетъ быть, ты и правъ. Вотъ если-бы тебѣ удалось видѣть директора здѣшняго театра, что живетъ наискось противъ нихъ, ты бы навѣрное сказалъ, что онъ диковина изъ диковинъ.

— Я очень охотно посѣщаю иногда театръ, чтобы провести гдѣ-нибудь вечеръ, сказалъ Раутенъ, — но я очень остороженъ и избѣгаю сходитьса съ антрепренерами, актерами и прочими.

— Не слишкомъ-ли ты разборчивъ, Леопольдъ?

— Можетъ быть, но до сихъ поръ я строго держался этого правила.

Разговоръ на этомъ и кончился, такъ-какъ они подошли къ своему дому и Францисеа, стоя у окна, привѣтливо кивала имъ головою.

ГЛАВА IX.

ТЕТУШКА МЕЙЗЕБРОДЪ.

Воротясь домой, дѣвицы фонъ-Клингенбрухъ нашли у себя пригласительную записку отъ тетушки. Въ письмѣ дѣлался намекъ на какой-то подарокъ.

Подарокъ отъ тетушки!—Такое благополучіе рѣдко выпадало на долю племянницъ, поэтому слѣдовало поспѣшить на приглашеніе, хотя-бы изъ одного только любопытства.

Жила тетушка не далеко, на бульварѣ, возлѣ самаго парка, стало быть на такомъ мѣстѣ, которое посѣщалось избранною публикой; но это не мѣшало тетушкѣ довольствоваться только хорошимъ внутреннимъ убранствомъ комнатъ; если кто-нибудь замѣчалъ ей, что было-бы не худо подкрасить и снаружи обветшалыя стѣны, она отвѣчала, что рѣдко видитъ свой домъ съ улицы, но что если онъ производитъ на гуляющихъ непріятное впечатлѣніе, то она не препятствуетъ имъ подновить его на свой счетъ. Конечно, никто не думалъ воспользоваться этимъ любезнымъ предложеніемъ.

Тетушка сидѣла у себя за вязаньемъ шерстяной юбки, назначаемой для отсылки въ одну изъ языческихъ миссій. Это было ея обычнымъ и единственнымъ занятіемъ среди дня. По вечерамъ она читала священныя книги. Ей не приходило въ голову, что теплая одежда, разсылаемая ею по отдаленнымъ миссіонерскимъ конторамъ, могла-бы пригодиться и поближе, хотя-бы въ своемъ городѣ для спасенія многихъ нуждающихся отъ холода во время суровой зимы. Она надѣялась этой благочестивой работой заслужить себѣ награду въ будущей жизни; для бѣдныхъ-же, окружавшихъ ее на родинѣ, существовали дома призрѣнія, слѣдовательно о нихъ заботилось цѣлое общество; если-же находились гордецы, нежелавшіе просить пріюта въ этихъ домахъ, то они должны были сами о себѣ заботиться,—не убиваться-же изъ-за нихъ такой благочестивой дамѣ!

Тетушка постоянно сидѣла въ старомъ кожанномъ креслѣ, на которомъ ни за что не хотѣла переимѣнить покрывку, не смотря

даже на предложеніе племянницъ изготovitъ ей для покрывки канвовую вышивку. Это старинное кресло рѣзко выдавалось своимъ скареднымъ видомъ въ комнатѣ, загроможденной всевозможными вышитыми ковриками, подушками, скамейками и тому подобнымъ. Но тетушка и слышать не хотѣла о перемѣнѣ покрывки на своемъ креслѣ или о замѣнѣ его другимъ, болѣе удобнымъ.

Съ виду тетушка была здоровая, статная женщина съ серьезнымъ, суровымъ лицомъ, кариами, недурными глазами, но какою-то мрачною рѣшимостью въ выраженіи губъ, заросшихъ довольно густымъ пушкомъ. Густыя брови, которыя сдвигались очень часто, также не способствовали смягченію ея фізіономіи.

Не особенно радостная жизнь выпала на долю этой женщины. Родомъ она была изъ знатной, но бѣдной фамиліи, въ которой при отсутствіи многихъ необходимѣйшихъ внутреннихъ удобствъ, старались пустить пыль въ глаза красивой внѣшностью, чопорностью и великосвѣтскими сплетнями. Въ этой непривлекательной обстановкѣ она провела свою молодость; за ней ухаживали, говорили ей комплименты, но далѣе ухаживанья и комплиментовъ знакомые ей мужчины не шли. Пришло время, полюбила и она молодого человѣка, но не изъ своего высшаго круга, а изъ средняго сословія; онъ также полюбилъ ее и хотѣлъ на ней жениться. Но родители ея не согласились на такой неравный бракъ и, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, ея возлюбленный женился на дочери богатаго булочника. А потомъ, съ каждымъ годомъ, стала увеличиваться въ домѣ нужда, и родители, откинувъ, наконецъ, въ сторону свою дворянскую гордость, сами уговорили дочь выдти за купца, — очень пожилого, но зато очень богатаго.

Вышла она замужъ, но жизнь ея нисколько не улучшилась. Мужъ обращался съ нею дурно, попрекалъ ей ея бѣдностью, насмѣхался надъ „благородными нищими“. Это была грубая натура, — человѣкъ, проложившій самъ себѣ дорогу терпѣливымъ трудомъ и вышедшій въ капиталисты изъ простаго работника. Жена была, однако, тоже неподатливаго характера; она не выносила молча мужниныхъ попрековъ и скоро домъ сдѣлался сценою ежедневной брани и ссоръ. Но купецъ скоро умеръ и при томъ такъ внезапно, что по городу заходили даже слухи о на-

сильственной смерти. Эти слухи однакожь ничѣмъ не подтвердились. Вдова наслѣдовала послѣ него большое состояніе, но состарилась, не измѣнивъ своего ожесточеннаго взгляда на міръ. Въ особенности ненавидѣла она мужчинъ, дѣлая исключеніе лишь для духовныхъ лицъ, но и съ тѣми обращалась далеко не привѣтливо. Повидимому, и самая религія была для нея только дѣловымъ предметомъ, не больше.

Постоянными ея собесѣдниками были лишь толстая, старая собака, едва передвигавшая ноги отъ жира и ворчавшая на всѣхъ, даже на духовныхъ, — и большой сѣрый котъ, постоянно лежавшій на колѣняхъ старухи, въ то время, какъ она сидѣла за своимъ благочестивымъ вязаньемъ.

Съ этими двумя друзьями была она въ своей комнатѣ и въ то время, когда вслѣдъ за легкимъ стукомъ въ дверь и приглашеніемъ войти, сопровождавшимся ворчаньемъ собаки, въ комнату впрыгнули обѣ дѣвицы Клингенбрухъ, съ веселымъ возгласомъ: „Добраго вечера, тетюшка!“ На это привѣтствіе толстый Жюли не замедлилъ отвѣтить отчаяннымъ лаемъ.

— Можно-ли такъ пугать бѣдное животное? произнесла тетюшка, опуская свое вязанье на кота, а другою рукою снимая очки. — Ворвались, точно бѣшенныя!

— Ахъ, тетюшка, не сердитесь, сказала Флора, цѣлуя старуху. — За нами бѣжалъ какой-то горбунъ...

— Онъ здѣсь уже, въ домѣ! подтвердила Генриетта. — Какъ-бы чего не укралъ!

— Вѣчно вздоръ мелеть! перебила съ неудовольствіемъ тетка. — Это просто писець отъ моего стряпцаго. Онъ вѣрно несетъ мнѣ бумаги.

Въ эту минуту, кто-то дѣйствительно постучался, тетюшка закричала снова: „войдите!“ страхнула съ колѣнъ кота и пошла къ двери, которая отворилась на этотъ разъ медленно и на порогъ ея показался Муксъ.

— Отъ г. нотариуса Пистера! произнесъ онъ, вручая старухѣ пакетъ.

— Очень хорошо; благодарю!

Она взяла бумаги и Муксъ тотчасъ-же исчезъ.

— Я такъ перепугалась! начала снова Флора.

— Не дурачься, пожалуйста! перебила тетка, запирая пакетъ

въ бюро и садясь на свое прежнее мѣсто.— Чего бояться такого маленькаго человѣчка? Если-бы большой, я не сказала-бы ничего; но отъ тѣхъ-то, небось, не бѣгаете!

— Ахъ, тетя! воскликнула Генриетта.

— Ну, ладно, садитесь. Я хотѣла васъ видѣть затѣмъ, чтобы... Но, Господи милостивый! Какъ вы разодѣты! На придворный балъ что-ли собираетесь? Не страмъ вамъ по улицамъ ходить въ такомъ нарядѣ?

— Но, тетушка, возразила Флора въ смущеніи,—мы дѣлали сегодня визиты... Нельзя-же одѣваться такъ, чтобы другимъ въ глаза кинулось...

— А это не выдается, по твоему? На головѣ цѣлый возъ? Право, хватило-бы на день коровѣ, если-бы только всю эту паклю можно было въ пищу употреблять божіему творенію!.. Да еще сколько тутъ бантовъ, цвѣтовъ, всякихъ тряпокъ! Миссіонеры вонъ пишутъ, что язычники разукрашаютъ себѣ такъ свои башки.

— Тетушка, сказала Генриетта, что-жъ дѣлать, если теперь такая мода... всѣ такъ носятъ...

— Знаю, знаю, перебила старуха, качая головой.—Только я думаю, что никто не будетъ на васъ пальцемъ указывать, если вы и поскромнѣе одѣнетесь. Да откуда вашему бѣдному отцу добывать деньги на всю эту роскошь, мода на которую мѣняется вдобавокъ каждую недѣлю? Да и грѣютъ-ли, хоть немного, наприжѣръ, эти шелковыя мантильки? Навѣшиваются онѣ на плечи просто такъ, ради одной дури, и стыдно порядочной женщинѣ одѣваться точно фиглярка! Пора вамъ взяться за умъ, сударыни, и если ваша матушка не умѣетъ растолковать вамъ, какъ слѣдуетъ одѣваться порядочной женщинѣ — она, впрочемъ, сама гоняется по городу шутовской куклой,—такъ я научу васъ... Гетти, сними-ка, тамъ съ комода, эти платочки!

У Гетти подбежали ноги. Входя въ комнату, она замѣтила пару новыхъ влѣтчатыхъ платковъ, но предполагала, что они назначаются для прислуги или въ крайнемъ случаѣ, можетъ быть, для самой тетушки. Но оказывается, что они имѣютъ другое назначеніе! О, ужасъ! пройти по улицѣ въ такомъ платкѣ, который стоитъ всего какой-нибудь талеръ двадцать грошей! Эти мысли не помѣшали, однако, Генриеттѣ съ пріятной улыбкой, съ возможной скоростью исполнить приказаніе тетки.

— Вотъ они, тетичка!

— Что, недурная вещица? сказала старуха, развертывая одинъ изъ платковъ и поворачивая его къ свѣту. — Прочные, очень полезныя...

— Да, конечно, прехорошенькіе платочки! произнесла растерявшаяся Флора.— Мягкіе такіе... дома носить отлично...

— А на улицѣ нельзя, сударыня? крикнула тетка, бросая на племянницу грозный взглядъ. — На улицѣ намъ надо что-нибудь получше! Шелкъ, бархатъ, тюль, бахромочки, да подвѣсочки! Такъ, что-ли?

— Тетущка, Флора хотѣла не то сказать! воскликнула умоляющимъ голосомъ Генріэта.

— А что-же? продолжала тетка сурово.— До того, какъ вы дома ходите, мнѣ дѣла нѣтъ, но я хочу, чтобы вы появлялись у меня не какъ расфранченныя актрисы, а какъ порядочныя молодыя дѣвушки, которыя навѣщаютъ также порядочную женщину, свою родственницу. Въ этихъ дурацкихъ шляпкахъ ко мнѣ болѣе не являйтесь! Вы думаете, я старая ворчунья? Нѣтъ, спросите моего Жюли и Мура,—бранюсь-ли я когда съ ними? И съ старою моею Рези живемъ мы также мирно. Выводятъ меня изъ себя только ваши побрякушки... Но, надѣюсь, что вы меня слушаетесь и всѣмъ этимъ глупостямъ положите конецъ. Мы болѣе и говорить объ этомъ не станемъ. Садитесь и рассказывайте мнѣ, что въ свѣтѣ дѣлается.

— Сейчасъ, тетичка! воскликнула Флора, выдвываясь къ комоду, чтобы положить на него свою шляпу. Но ея быстрое движеніе показалось подозрительнымъ Жюли, который выпрыгнулъ изъ своей корзинки и вцѣпился зубами въ фалбары, украшавшія платье молодой дѣвушки.

— Боже мой! эта противная собака изорвала мнѣ весь подолъ! закричала Флора чуть не со слезами.— Новенькое платье!

— Зачѣмъ носишь такія паутины? сказала тетка презрительно.— И потомъ, къ чему такъ бросаться? Жюли привыкъ здѣсь къ степенному обращенію; немудрено, что онъ возмущается, видя беспорядокъ. Вотъ тебѣ иглолка съ ниткой; зашей, что тамъ разорвалось.

— Я попрошу лучше пару булабочекъ, тетущка. Дома портниха хорошенько зашьетъ.

— Ты и этого-то сама сдѣлать не умѣешь?

Генріэта успѣшила отклонить разговоръ, грозившій снова перейти въ непріятныя правоученія, разговоръ о томъ, что онѣ были у Шаллеровъ и видѣли тамъ молодого Зольберга, преподавашаго такъ долго „невѣсть гдѣ“, въ Америкѣ, а также и графа Раутена.

Тетушка слушала молча, потомъ спросила:

— Что за человекъ этотъ Зольбергъ?

— Ахъ, прехорошенькій! отвѣчала Флора.— Темные, кудрявые волоса...

— Опять вздоръ! перебила тетка. — Я тебя не о его рождѣ спрашиваю, а хочу знать, каковъ онъ въ обращеніи: не походить-ли на свою любезную матушку, которая такъ задираетъ носъ, точно жалѣетъ, зачѣмъ онъ у нея не среди дба выросъ!

— Нѣтъ, тетичка, я этого не замѣтила. Напротивъ, хотя онъ очень приличенъ, но у него нѣтъ ничего такого, знаете, аристократическаго... Онъ даже немножко слишкомъ непринужденно расхохотался, когда папа сѣлъ на стулъ съ музыкой и перепугался.

— Стулъ съ музыкой?.. Это еще что?

— Ну, такой стулъ, въ родѣ табакерки съ музыкой. Когда сядешь на него, онъ и заиграетъ.

— И у Шаллеровъ такіе сумазбродные стулья? Не можетъ быть!

— Отчего-же, нѣтъ, тетя? У нихъ и скамеечки въ этомъ родѣ, и сигарные ящики, и чего, чего нѣтъ! Но, вообще, прелесть, какъ меблировано, а Катенька такая милочка...

— А старая корга окончательна съ-ума спятила.

— Кто это? г-жа фонъ-Шаллеръ?

— Она самая. Видѣла я ее вчера: идетъ, какъ мачта увѣшанная; туда-же шиньонъ, цвѣты... Лучше-бы о смерти думала!.. А это еще что за молодкосось подъ моимъ окномъ все прохаживается? Этотъ поручикъ? Конечно, не для меня онъ совершаетъ свою прогулку... Знаете вы этого молодчика?

— Какого, тетушка? спросила Генріэта, протягивая голову, однако съ нѣкоторою осторожностью. Очень могло быть, что совѣсть ея и была чиста, но все-же зачѣмъ подвергаться опасности получить какой-нибудь поклонъ на глазахъ строгой родственницы?—Я никого не вижу, тетичка! продолжала она.

— Не видишь этого поручика? Кажется, немудрено запригнать, если торчитъ прямо тутъ, съ своими тонкими ногами и шпаженкой!.. Да съ чего-же ты покраснѣла?

— Милая тетя, право не могу разсмотрѣть его хорошенько... Можетъ быть, мы гдѣ-нибудь на балу и встрѣчались, но всѣ эти офицеры такъ похожи другъ на друга...

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, я не хочу спрашивать тебя болѣе, но только предостерегаю!

Флора глубоко вздохнула, зная уже напередъ, какая рѣчь поведется.

— Всѣ они одинаковы, продолжала тетка, — всѣ, безъ исключенія, и если-бы иная невѣста знала, что ее ждетъ, то она лучше бросилась-бы въ воду, чѣмъ согласилась идти въ церковь подъ вѣнецъ!

— Но развѣ нѣтъ счастливыхъ супружествъ? осмѣлилась возразить Генріета.— Посмотрите хотя на папа и мама... Мама, конечно, не назоветъ себя несчастной...

— Потому-что твой папа колпакъ! рѣшительно перебила тетушка.— Ему юбку-бы носить, а не штаны съ красными лампасами!.. Что-же въ другихъ семьяхъ происходитъ, того вы не вѣдаете; все тамъ шито и крыто, но тѣмъ тяжелѣе, можетъ быть! Нѣтъ, будь у меня дочери, я скорѣе имъ шею свернула-бы своими собственными, материнскими руками, чѣмъ отдала-бы ихъ въ рабство человѣку, который, хотя медленно, но также вѣрно замучилъ-бы ихъ до смерти! Недавно разговаривала я объ этомъ съ моимъ нотариусомъ. Вотъ человѣкъ разсудительный...

— Онъ женатъ, тетушка?

— Нѣтъ, глупая дѣвчонка, не женатъ, иначе и онъ обратился-бы въ свирѣпое животное. Знаете-ли, что онъ говорилъ мнѣ? У одного его шесть разводныхъ дѣлъ на рукахъ. У одного его! А сколько еще адвокатовъ и стриптиховъ въ нашемъ городѣ! Сколько также домашнихъ страшныхъ ссоръ не доходитъ до судовъ!

— Но всегда-ли мужчины виноваты?.. сказала Генріета.

— Всегда! утвердительно отвѣчала старуха.— Но я надѣюсь, вамъ терпѣть не придется; я, по крайней мѣрѣ, сдѣлаю все, зависящее отъ меня...

— Въ будущій четвергъ у Шаллеровъ *thé dansant*, заговорила Флора.—Насъ приглашали.

— Могли-бы вы придумать что-нибудь умнѣе, чѣмъ бѣситься на этихъ вечерахъ! возразила тетушка.—Только лишній поводъ къ расходамъ. Съ тѣмъ, съ другимъ познакомитесь, надо и къ себѣ позвать, а откуда денежки-то брать? Доходы у васъ не прибавляются. Не уменъ вашъ батюшка!..

— Шаллеръ ему другъ молодости! попробовала защитить отца Генриетта.

— Я не понимаю хорошенько этого выраженія. Должно быть, вмѣстѣ кутили, когда были молоды, а теперь вздумалось баловаться и въ старости. Но вы уже собираетесь?

— Пора, тетичка. Темно становится; позже неловко будетъ идти.

— Что правда, то правда. Платки-то возьмите, а еще лучше накиньте; такъ и тащить не придется.

— Жарко, тетичка! Они пригодятся намъ въ прохладные вечера...

— Ну, ладно. А этотъ офицеръ все шатается. Гетти, Гетти!

— Тетичка, чѣмъ-же я виновата, если иной, отъ бездѣля, весь день по улицѣ ходитъ?

— Конечно, не виновата, если ты тутъ дѣйствительно ни при чемъ. Ну, прощайте! И въ самомъ дѣлѣ, становится уже темно.

— Когда-же вы къ намъ, тетушка?

— Не знаю, дѣти. Правду сказать, мало меня и тянетъ къ вамъ. Впрочемъ, буду по сосѣдству на дняхъ, можетъ быть и найду.

Молодые дѣвушки сѣромно вышли изъ комнаты, сопровождаемая новымъ отчаяннымъ лаемъ Жюли; но лишь только онѣ стали спускаться съ лѣстницы, Флора не выдержала до конца своей смиренной роли.

— Нѣтъ! сказала она, хотя все еще неволью смятая свой голосъ,—нѣтъ, если это не самая противная старая вѣдьма во всемъ городѣ, то я соглашаюсь дѣйствительно остаться на вѣкъ въ дѣвушкахъ и сидѣть, подобно ей, такимъ-же пугаломъ въ своей клѣткѣ, съ старой вонючей собакой и отвратительнымъ сѣрымъ котомъ!

— А платка я ни за что носить не буду! сказала, въ свою очередь, Генріэта.—Что это, право? людей смѣшить?

— И цвѣтовъ съ шляпокъ не снимемъ! добавила Флора. — Съ ума она сошла! И съ чего это ей такъ нравится стѣснять насъ во всемъ? Самой-то развѣ легче оттого, что чудовищемъ смотреть? Что она этимъ выигрываетъ?

— Ну, да вѣдь это не долго! замѣтила Генріэта. — При жизни она можетъ нами командовать, а потомъ...

— Пошли ей Богъ мирную кончину! заключила Флора и съ этимъ благочестивымъ пожеланіемъ сестры вышли на улицу.

— Лишь-бы только этотъ Вѣфенъ не прямо пустился за нами! прошептала Генріэта. — Старая вѣдьма навѣрное подсматриваетъ изъ окошка. Бѣда, если увидитъ!

— Ахъ, стоитъ обращать на нее вниманіе! нетерпѣливо воскликнула Флора.—Право, эта опека мнѣ уже до крайности надоѣла. Мужчины, видите-ли, обращаются съ женщинами, какъ съ рабами. А она-то какъ обращается съ нами?

— Идетъ! идетъ! прошептала Генріэта съ испугомъ! Ну, если она видитъ!

— Да полно тебѣ болтаться! что мы, монахини что-ли, въ самомъ дѣлѣ?

— Черезъ паркъ пойдемъ?

— Разумѣется. Ты поговори съ нимъ, а я посторожу. Мой Гейдевальдъ пренедогадливый. Могъ-бы замѣтить, кажется, что мы вышли изъ дому, а ему извѣстно, что мы всегда возвращаемся черезъ паркъ!

Но Флора фонъ-Клингенбрухъ напрасно обвиняла своего дыхателя. Онъ не замедлил показаться также на поворотѣ аллеи, и обѣ влюбленныя парочки, нѣжно бесѣдуя другъ съ другомъ, пошли такъ медленно, что мама Клингенбрухъ нашла себя вынужденной сдѣлать легкое замѣчаніе своимъ дочерямъ за ихъ запоздалое возвращеніе.

Находчивыя дочки отклонили, впрочемъ, и этотъ легкій выговоръ, показавъ матери подарокъ тетушки, причемъ не замедлили выразить, не стѣсняясь, что не намѣрены „скандалиться“ показываніемъ себя на улицѣ въ такихъ уродскихъ платкахъ. Почтенная мать, въ душѣ вполне имъ сочувствовавшая, попыталась, однако, ихъ успокоить благоразумными увѣщаніями: „дѣ-

лая имъ этотъ подарокъ, тетушка руководилась добрыми намѣреніями; находясь въ нѣкоторой зависимости отъ нея, не приходится оскорблять ее своимъ невниманіемъ... Притомъ не вѣкъ-же это будетъ продолжаться“!..

Но Генріэта долго не умолкала, осыпая тетушку бранью заурядъ съ ея „противнѣйшимъ псомъ“, и даже Флора, это милое, тихое созданье, горячилась такъ, что слезы выступали у нея на глазахъ. Главною причиною ихъ было разорванное платье, сейчасъ-же по возвращеніи отосланное къ швеѣ, съ строжайшимъ наказомъ: починить его непременно въ этотъ-же самый вечеръ.

ГЛАВА X.

РАЗНЫЕ ВИЗИТЫ.

На слѣдующее утро, въ рестораціи Баумана засѣдали обыкновенные гости, въ томъ числѣ и американецъ съ своимъ зятемъ. Когда мистеръ Хуммель, расплатившись, выходилъ изъ залы, къ нему подошелъ капитанъ фонъ-Дюрбекъ.

— Извините меня, если я, хотя и не имѣю чести быть знакомымъ съ вами, предложу вамъ вопросъ, сказалъ капитанъ, обращаясь къ американцу.— Меня зовутъ—капитанъ фонъ-Дюрбекъ.

— Пріятно познакомиться, г. капитанъ! отвѣчалъ Хуммель, сильно встряхивая ему руку.— Что прикажете?

— Я слышалъ, что вы долго проживали въ Америкѣ?

— Yes ¹⁾, сказалъ американецъ, пуская густую струю табачнаго дыма.— Долгою я тамъ потаскался по разнымъ мѣстамъ.

— И хорошо знаете страну?

— Какъ свой карманъ.

— Видите-ли, въ чемъ дѣло, началъ капитанъ, идя вмѣстѣ съ американцемъ и его зятемъ медленнымъ шагомъ по улицѣ:— одинъ изъ моихъ товарищей, офицеровъ, недоволенъ здѣсь своимъ положеніемъ и желалъ-бы переселиться въ Америку. Всѣ мы противъ этого переселенія, но онъ стоитъ на своемъ и слушать

¹⁾ Да.

не хочет никакихъ возраженій. Поэтому мнѣ хотѣлось-бы разузнать отъ васъ, по крайней мѣрѣ, куда ему тамъ обратиться, и какъ вы полагаете, можетъ онъ разсчитывать тамъ на успѣхъ?

— Well ¹⁾, сказалъ мистеръ Хуммель, — если вы спрашиваете моего мнѣнія, я полагаю, вы желаете также знать сущую правду.

— Ее-то мнѣ и нужно.

— Of course! ²⁾ Въ такомъ случаѣ, присовѣтуйте ему сидѣть здѣсь, въ Германіи, и оставить Америку въ покоѣ.

— Но почему-же? Простите, если я настаиваю, но я принимаю большое участіе въ этомъ молодомъ человѣкѣ, да и самъ не вижу ничего хорошаго въ переселеніи его на чужбину.

— И не ошибаетесь. Здѣшніе молодые офицеры, знатные и незнатные — это все равно, тамъ вовсе не пригодны. У этихъ господъ hears ³⁾ странныхъ идей въ головѣ; болѣе всего мечтаютъ они объ охотѣ. Что-же, если не повезетъ, будемъ пропитывать себя охотою въ этомъ чудномъ, роскошномъ краѣ, говорятъ они, а какъ залѣзутъ въ настоящіе наши swamps ⁴⁾, гдѣ теперь только и водится еще дичь, да завязнуть тамъ по уши въ грязи, такъ и начнутъ тосковать по родинѣ и ругать Америку, на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Мой товарищъ вовсе не страстный охотникъ.

— The same thing! ⁵⁾ Тамъ, чтобы было чѣмъ жить, надо работать.

— Онъ готовъ на это.

— Of course, пока здѣсь сидитъ. Они всѣ одинаковы, эти господчики. Только тамъ нѣтъ такой работы, о которой они тутъ, на досугѣ, мечтаютъ. Впрочемъ, есть средство дознаться, дѣйствительно-ли онъ намѣренъ трудиться въ Америкѣ какъ слѣдуетъ, чтобы не пропасть тамъ съ голода.

— Какже это?

— А вотъ какъ, это easy enough ⁶⁾: пусть-ка онъ найдется здѣсь на мѣсяцъ къ какому-нибудь крестьянину настоящимъ работникомъ. Онъ можетъ уѣхать куда-нибудь подальше, гдѣ его никто не знаетъ... хотя работа и не страшить...

1) Хорошо. 2) Разумѣется! 3) Куча. 4) Болота, поросшія кустарникомъ. 5) Все равно! 6) Довольно легко.

— Конечно, но, знаете, здѣсь все-же мѣшаютъ предрасудки; тамъ-же, ничто не помѣшаетъ ему трудиться.

— Yes ¹⁾, старая исторія, all about alike ²⁾. Пока у этихъ господъ есть хотя центъ въ карманѣ, они отлыниваютъ отъ работы, а тамъ, когда уже совсѣмъ жутко придется, накидываются на всякое занятіе, только чувствуютъ себя куда какъ не хорошо и пишутъ домой презалостныя письма... это затѣмъ, чтобы денежки прислали.

— Но нельзя-ли его какъ-нибудь тамъ заранѣе пристроить?

— No! ³⁾ рѣшительно отрѣзалъ мистеръ Хуммель.— Тамъ ихъ тысячи бѣгаютъ, этихъ джентльменовъ, которые обучались здѣсь разнымъ вещамъ, непригоднымъ въ нашей country ⁴⁾ рѣшительно ни къ чему. Имъ слѣдуетъ сперва немножко пообточиться для дѣла. Руки отъ нихъ требуются, вотъ что; головъ ихъ никому не надо, не такого онѣ сорта, чтобы годились для спекуляцій; если-же иной молодецъ и сунется во что-нибудь подобное, то вѣрнется такъ, что и самъ будетъ не радъ.

Въ эту минуту, мимо разговаривавшихъ прошло нѣсколько военныхъ и между ними одинъ штатскій, — графъ Раутенъ. Дюрбекъ, занятый своими мыслями, пропустилъ ихъ безъ вниманія, только разсѣянно отвѣтивъ на ихъ поклонъ, но Хуммель остановился и посмотрѣлъ имъ вслѣдъ.

— I'll be damned ⁵⁾, воскликнулъ онъ, — если не встрѣчалъ уже прежде этого джентльмена! Если не его, то его двойника.

— Котораго это? спросилъ капитанъ, оборачиваясь.

— Вотъ, того, что идетъ справа... Впрочемъ, I don't care ⁶⁾, чортъ съ нимъ! Пусть надувается; мы не хуже его, а можетъ, еще и почище!

— Такъ вы полагаете, что онъ побоится работы? началъ опять капитанъ, возвращаясь къ прежнему предмету разговора, который занималъ всѣ его мысли.

— Этоть-то? произнесъ Хуммель, указывая пальцемъ себѣ черезъ плечо. — Да я готовъ проглотить дѣликомъ, съ лезвеемъ и топорищемъ, тотъ топоръ, который былъ когда-нибудь въ рукахъ у этого господчика!

¹⁾ Да. ²⁾ Всѣ одинаковы. ³⁾ Нѣтъ. ⁴⁾ Страна. ⁵⁾ Будь я проклятъ. ⁶⁾ Мнѣ дѣла нѣтъ.

— Я говорю о моемъ товарищѣ.

— Ахъ! beg your pardon! ¹⁾ въ эту минуту я думалъ со-всѣмъ о другомъ. Что-же, можетъ быть, нужда заставить, такъ и примется, но все-же не съ охоткой! Людямъ трудно расста-ваться съ своими привычками...

— А на счетъ мѣста нельзя и надѣяться?

— Ну, какимъ-нибудь слугой, разнощикомъ газетъ еще мож-но пристроиться, но вѣдь такая перспектива не лестна для г. поручика! Къ тому-же, могу васъ увѣрить, подобныхъ франти-ковъ тамъ гибель, всѣмъ имъ плохо и всѣ они плохи.

— Все, что вы говорите, подтверждается моими собственны-ми убѣжденіями, сказалъ Дюрбекъ, прощаясь съ своимъ собесѣд-никомъ. — Благодарю васъ!

— О, nonsense! ²⁾ отвѣчалъ Хуммель, снова крѣпко потря-хивая ему руку. — Я всегда радъ служить вамъ!

— Мое почтеніе, г. капитанъ! произнесъ кассиръ палаты каз-начейства, до сихъ поръ молча и съ удивленіемъ слушавшій раз-говоръ.

Въ то самое время, когда капитанъ приступилъ съ своими разспросами къ американцу, изъ дома съ угловымъ окномъ вы-шелъ маленькій горбатый писецъ; онъ перешелъ черезъ улицу въ аптеку, но не остановился ни въ ней, ни въ слѣдующихъ эта-жахъ, а пробрался прямо въ чердачное помѣщеніе, раздѣленное на три квартирки. Въ средней, самой обширной изъ нихъ, жилъ съ своимъ семействомъ башмачникъ; вправо отъ него старшій хо-лостякъ, лакей, а влѣво, — молодая, одинокая дѣвушка, швея, работавшая на дому. Она брала преимущественно бѣлошвейную работу, и такъ-какъ работала удивительно быстро и хорошо, то заказовъ у нея всегда было вдоволь и ей часто приходилось трудиться даже и по ночамъ. Къ несчастью, бѣлошвейная рабо-та оплачивается такъ дурно, что изъ заработковъ можно удов-летворять лишь самыя крайне-необходимыя потребности; но у бѣдняжки швеи было слишкомъ мало потребностей, по крайней мѣрѣ, она ограничила ихъ до послѣдней возможности, и она кое-какъ перебивалась своимъ честнымъ трудомъ, подобно тыся-чѣ другихъ бѣдныхъ дѣвушекъ.

¹⁾ Прошу прощенія! ²⁾ Что за вздоръ!

Муксъ остановился налѣво и постучалъ въ маленькую дверь, на которой была приклеена полоска бумаги съ надписью: „Катарина Петерсъ, швея“.

— Войдите! отвѣчалъ свѣжій голосовъ.

Жилище Катаринины состояло изъ узенькой, низкой каморки съ слуховымъ окномъ, и другого, еще меньшаго, чуланчика, служившаго дѣвушкѣ спальней. Но это тѣсное помѣщеніе было даже красиво, благодаря своей чистотѣ и порядку. Вымытый полъ такъ и блестѣлъ; на окнѣ висѣли коротенькія, но гладкія, точно сейчасъ изъ-подъ утюга, занавѣски; на простенкомъ комодѣ, столѣ и стульяхъ не было ни пылинки. Находились, если хотите, даже и предметы роскоши въ этой комнатѣ: на стѣнѣ висѣли старые шварцвальдскіе часы, а на окошкѣ стояла пара горшковъ съ фіялками и подснежниками.

У этого окна сидѣла сама Катарина Петерсъ, въ темномъ холстинковомъ платьицѣ, синемъ передничкѣ и бѣлой косынкѣ; густые каштановыя волосы тяжелой косою лежали у нея на затылкѣ. Она усердно работала и едва приподняла голову, отвѣчая на привѣтствіе Мукса, но улыбнулась весело, говоря:

— Все готово, г. Муксъ; присядьте на минутку; мнѣ осталось пришить всего только три пуговицы.

— Богъ помочь! сказала Муксъ своимъ нѣжнымъ мелодическимъ голосомъ. — Я пришелъ не затѣмъ, чтобы васъ торопить; но теперь двѣнадцать часовъ, у насъ время свободное, я и зашелъ заглянуть, какъ идетъ у васъ ваша работа, — не готово-ли?

— Мнѣ помѣшали, а то я давно уже пришила-бы и пуговицы. Все будетъ кончено къ сроку, какъ я обѣщала.

— Какъ вы успѣли сшить всю эту кучу въ такое короткое время! произнесъ Муксъ, рассматривая груду готовыхъ уже, сложенныхъ рубашекъ.

— Я привыкла къ этой работѣ, г. Муксъ.

— А сколько часовъ въ сутки вы спали все это время?

— Мнѣ сна нужно немного. Часа три, четыре, и я опять свѣжа на цѣлый день.

— Но глаза ваши? Знаете-ли, вѣки у васъ что-то очень покраснѣли и припухли въ послѣднее время.

— Это отъ простуды, возразила молодая дѣвушка, силась

улыбнуться. — Я была слишком неосторожна, поздно вечером работала у открытого окна; за-то у меня теперь насморкъ!.. Но, вотъ, пришита и послѣдняя пуговка. Все готово.

Она артистически сложила доконченную рубашку и прибавила ее къ остальнымъ.

— Впрочемъ, не нести-же вамъ самимъ, продолжала она. — Я тотчасъ доставлю.

— Но если вы не стыдитесь ходить съ такимъ узломъ по улицѣ, неужели-же я постыжусь? возразилъ маленькій человѣчекъ. — Нѣтъ, любезная фрейленъ, я затѣмъ и пришелъ, чтобы взять бѣлье, если оно у васъ готово; я принесъ вамъ и деньги за работу. Г. нотариусъ не любитъ оставаться въ долгу.

— Я очень благодарна ему! отвѣчала Катарина. — Отъ иныхъ заказчиковъ бываетъ очень трудно получать деньги. Они не думаютъ о томъ, что наша сестра живетъ изо-дня въ день!

— Неужели находятъ такіе господа, что затягиваютъ и вашъ ничтожный заработокъ? спросилъ Муксъ съ изумленіемъ.

— Еще какъ! отвѣтила швея со-вздохомъ. — Богатые люди не понимаютъ, до чего могутъ быть дороги бѣдняку какіе-нибудь пятнадцать или двадцать грошей. Еще и разсердятся, иной разъ, если имъ станешь докучать такую *бездѣлицей!* Для насъ-то оно не бездѣлица.

— Да, сытый голоднаго не разумѣетъ, замѣтилъ Муксъ, — и происходитъ это часто не отъ злобы, а просто отъ нежеланія задать себѣ трудъ вникнуть въ чужія нужды.

— Что это? сказала вдругъ Катарина, завернувъ рубашки въ большой листъ бумаги и взглядывая на столъ. — Г. нотариусъ ошибся: тутъ лишній талеръ, мнѣ за работу столько не приходится!

— Нѣтъ, не таковъ онъ, чтобы ошибиться въ счетѣ, любезная фрейленъ, но онъ сказалъ мнѣ, что вы назначаете ужъ слишкомъ дешевую цѣну за работу и прибавилъ талеръ.

— Я не знаю, брать-ли....

— Берите, если хотите послушать моего совѣта, но только не напоминайте ему ни слова объ этихъ деньгахъ. Онъ этого не любитъ.

— Онъ и прошлый разъ прислалъ мнѣ лишнее.

— Вовсе не лишнее, а только болѣе, чѣмъ вы спросили, — собственно говоря, все еще слишкомъ мало!

— Боже мой, сказала Катарина, — если-бы я вздумала спрашивать за работу болѣе, чѣмъ другія швеи, то и не достала бы ничего. Насъ, бѣдныхъ дѣвушекъ, слишкомъ много и мы сбиваемъ цѣну другъ у друга.

Муксъ взялъ пакетъ и повидимому хотѣлъ спросить еще что-то: въ комнатѣ не было и признаковъ какой-нибудь закуски... но онъ удержался, зная, что малѣйшій намекъ на домашнюю жизнь дѣвушки сильно волновалъ ее и вся кровь прилиwała ей къ лицу.

— Прощайте, любезная фрейленъ!

— До свиданія, г. Муксъ! Поблагодарите отъ меня г. нотариуса!

Муксъ спустился съ лѣстницы, но дойдя до перваго этажа, замѣтилъ, что шнурокъ на его пакетѣ грозилъ развязаться. Чтобы укрѣпить его хорошенько, Муксъ уперся колѣномъ въ дверь, но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ разслышать чьи-нибудь шаги или хотя малѣйшій порохъ за этою дверью, она вдругъ отворилась передъ нимъ настезъ и онъ едва не упалъ въ объятія младшей дѣвочки фонъ-Клингенбрухъ.

— Ахъ! воскликнула молодая особа, впрочемъ не слишкомъ громкимъ голосомъ. — Что вы за человѣкъ? Что вамъ надобно?

— Рѣшительно ничего, фрейленъ, отвѣчалъ Муксъ, успѣвшій придти въ равновѣсіе, но все еще озадаченный нечаянностью. — Я хотѣлъ только поправить свой пакетъ, и прислонился къ вашей двери, а она такъ неожиданно отворилась...

— Дуракъ! проговорила Флора вполголоса, но такъ, что Муксъ могъ слышать. Онъ не возразилъ ничего, сознавая, что было-бы дѣйствительно умнѣе прислониться къ периламъ лѣстницы, чѣмъ къ чужой двери. Скоро ему объяснилось отчасти, почему дверь отворилась такъ тихо, что не было слышно ни чьихъ шаговъ за нею, и почему милостивая фрейленъ изволила разгнѣваться до такой степени, увидавъ передъ собою незнакомую личность: на встрѣчу Муксу вбѣжалъ по лѣстницѣ молодой человѣкъ, въ изящномъ черномъ бархатномъ пальто.

Въ сѣняхъ своего дома Муксъ встрѣтился съ аптекаремъ Землейномъ, который вѣстѣ съ старымъ столяромъ Гандорфомъ управлялся къ нотариусу Пистеру.

— Дома вашъ хозяинъ? спросилъ аптекаръ у Мукса, спѣшившаго обогнать гостей своего хозяина.

— Дома, сейчас доложу ему о васъ! отвѣчалъ горбунъ, взбѣгая по лѣстницѣ и, черезъ минуту, воротился съ отвѣтомъ: пожалуйста!

Нотаріусъ Пистеръ прохаживался по комнатѣ, когда къ нему вошли гости.

— Какъ поживаете; сосѣдъ? спросилъ онъ аптекаря.

— Престлично, иной разъ лучше, чѣмъ того стоимъ! отвѣтилъ съ хохотомъ маленькій человѣчекъ. — Но я къ вамъ на этотъ разъ по дѣлу! Представляю, — столярный мастеръ Гандорфъ, честиѣйшій, превосходнѣйшій человѣкъ въ Роденбургѣ. У него случилось несчастье, и онъ хочетъ посовѣтоваться съ вами.

— Очень радъ, очень радъ служить, отвѣчалъ старый нотаріусъ, стараясь освободить руку, которую аптекарь все еще не выпускалъ изъ своихъ, что производило на Пистера непріятное впечатлѣніе.

— У насъ былъ съ вами и разговорецъ недавно по этому самому дѣлу, продолжалъ Землейнъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, — но, по моему, я былъ тогда неправъ. Я познакомился теперь съ молодымъ человѣкомъ и пережѣнилъ о немъ свое мнѣніе; какъ ни проста исторія, однако, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, по моему, и очень запутана, такъ-что самъ чортъ ее не разберетъ, и хотя я умѣю различать черное отъ бѣлаго, но я долженъ признаться вамъ, сосѣдъ, что, по моему, не моего ума это дѣло!

— Въ чемъ-же дѣло? спросилъ нотаріусъ, желавшій узнать поскорѣе, чего отъ него требуютъ. — Нельзя-ли въ короткихъ словахъ?.. Предисловія вѣдь ни къ чему не ведутъ.

— Я полагаю, будетъ лучше, если самъ мастеръ Гандорфъ изложитъ передъ вами положеніе дѣла, сказалъ Землейнъ.

— Я самъ такъ полагаю, отвѣтилъ нотаріусъ.

— Г. нотаріусъ, началъ старикъ столяръ, страшно блѣднѣя, — тяжело человѣку, честно прожившему свой вѣкъ, говорить о позорѣ своего собственнаго семейства, но, дѣлать нечего! Выслушайте меня, — моя рѣчь будетъ не долга, только прошу васъ, вѣрьте, что я говорю передъ вами правду, какъ передъ самимъ Богомъ!

И старикъ началъ свой рассказъ. Взволнованнымъ голосомъ, но ясно и коротко передалъ онъ о томъ, какъ Карлъ отпра-

видя въ путь и добрался, наконецъ, до Силезіи. Онъ описалъ его какъ добраго, славнаго молодого человѣка, шаловливаго и иногда непокорнаго въ дѣтствѣ, но готоваго скорѣе перенести самое строгое наказаніе, нежели рѣшиться на ложь. Потомъ онъ дошелъ и до извѣстнаго несчастнаго дня и разсказалъ все, какъ было, со словъ Карла...

Пистеръ слушалъ его внимательно. Пристально вглядываясь въ лицо старика во все время его рѣчи, онъ былъ убѣжденъ въ искренности его словъ.

— Положимъ все такъ, какъ вы разсказываете, сказалъ онъ, когда старикъ окончилъ свой печальный разсказъ, — по я не понимаю одного: зачѣмъ нуженъ вамъ мой совѣтъ? Вашъ сынъ былъ уже приговоренъ и вынесъ назначенное ему наказаніе; вторично его не можетъ привлечь къ отвѣтственности никакой законъ въ мірѣ. Я допускаю, что вашъ сынъ невиненъ и осужденъ по ошибочнымъ уликамъ, но теперь ужъ ничего не подѣлаешь!

— Вы правы, г. нотаріусъ, трудно что нибудь подѣлать, отвѣчалъ столяръ, блѣднѣя притомъ, если возможно, еще болѣе; — но что я выношу теперь, того вы не знаете, и не дай вамъ Богъ узнать! Малый мой воротился убитый душою и тѣломъ. Онъ уже понесъ свое наказаніе и все кончено, говорите вы; да, все кончено съ земнымъ правосудіемъ, — если только можно употребить тутъ это слово! Но кончено-ли оно вообще? Здѣсь, на своей родинѣ, онъ залейменъ навѣки. Виновный или нѣтъ, но онъ сидѣлъ въ рабочемъ домѣ. Мои подмастерья не хотѣтъ ѣсть съ нимъ за однимъ столомъ; трое изъ нихъ уже отошли отъ меня... Если онъ показывается на улицѣ, мальчишки бѣгутъ за нимъ и дразнятъ его бранными словами... А когда я только намекнулъ у насъ, въ цехѣ, что хочу записать и его, всѣ мои товарищи поднялись на меня и объявили, что, въ такомъ случаѣ, они выпишутся.

— Что станешь дѣлать съ предрасудками! промолвилъ нотаріусъ. — Они ослѣпляютъ самыхъ лучшихъ людей, а въ такомъ дѣлѣ, которое несовершенно ясно, нечего и думать ихъ пере-силить!

— Я хочу доказать невинность моего сына! возразилъ столяръ.

— Какимъ образомъ?

— Я не богатъ, г. нотаріусъ; всего на все у меня отложено, добытыхъ кровью и потомъ, сотни двѣ талеровъ на черный день. Этотъ черный день наступилъ и я жертвую на него своими деньгами.

— Но чего вы надѣетесь достигнуть?

— Объ этомъ-то я и пришелъ съ вами посоветоваться, г. нотаріусъ. Мой сынъ боленъ теперь; онъ не вынесъ страшнаго потрясенія первой встрѣчи съ своимъ семействомъ и того позора, которымъ клеймятъ его всѣ, съ кѣмъ онъ встрѣчается; но когда, съ божіею помощью, онъ оправится, я хотѣлъ бы послать его снова въ Силезію, на то самое мѣсто...

— Къ чему-же это послужить теперь?

— Онъ говорить, продолжалъ столяръ, и холодный потъ выступилъ у него при этомъ на лбу, — онъ говорить, что узнаеть человѣка, которому онъ продалъ свою палку. Если Карлъ проживетъ тамъ нѣсколько времени и будетъ развѣдывать въ окрестностяхъ, можно надѣяться, что онъ повстрѣчаетъ его: дѣло давно покончено и тотъ человѣкъ живетъ себѣ, безъ сомнѣнія, беззаботно...

— Можно и полицію тамошнюю на ноги поставить, прибавилъ Землейнъ.

Нотаріусъ покачалъ головой.

— Во-первыхъ, сказалъ онъ, — десять вѣроятій противъ одного, что убійство совершено какимъ нибудь бродягой, который поспѣшилъ тогда-же оставить опасное для него сосѣдство. Но допустимъ такой необыкновенный случай, что вашъ сынъ дѣйствительно встрѣтитъ тамъ этого человѣка. Чѣмъ онъ докажетъ его преступленіе? Палка была-бы уликой; но кто видѣлъ ее у него въ рукахъ? Только вашъ сынъ. Преступникъ, получивъ ее отъ вашего сына, оставался въ лѣсу до совершенія убійства, и бросилъ эту палку возлѣ трупа съ намѣреніемъ, конечно, потому что она могла служить самымъ сильнымъ доказательствомъ противъ обвиняемаго. Пойдемъ дальше. Со-времени совершенія преступления прошло уже семь лѣтъ; изъ имущества убитаго у убійцы, разумѣется, не осталось уже ничего, а если что и осталось, кто же въ состояніи распознать теперь и доказать? Самому вашему сыну это невозможно. Бхать-же ему только въ той надеждѣ, что преступникъ самъ добровольно покается, — это кажется мнѣ не-

дѣлостью. Такимъ образомъ, любезный другъ, по моему мнѣнію, поѣздка вашего сына не поведетъ ни къ чему, развѣ только надѣлаетъ ему-же новыхъ хлопотъ, какъ заявляющему подозрѣніе на лицѣ невинныхъ. Если онъ, наконецъ, встрѣтитъ и признаетъ этого человѣка, и укажетъ на него суду какъ на вѣроятнаго убійцу еврея, то судъ не можетъ принять этого во-вниманіе: ему нужны болѣе вѣроятныя факты, чѣмъ утвержденіе вашего сына, признаннаго уже по этому дѣлу виновнымъ.

— Что-же мнѣ дѣлать, въ такомъ случаѣ? отвѣтилъ съ отчаяніемъ старикъ. — Не могу-же я видѣть равнодушно этого общаго презрѣнія къ моему невинному сыну...

— Любезнѣйшій Гандорфъ, ласково возразилъ нотаріусъ, — это такое несчастіе, которому ничѣмъ нельзя пособить. Всѣ мы заблуждаемся...

— А что, если-бы молодому человѣку переселиться въ Америку? произнесъ вдругъ аптекаръ Землейнъ.

— Совѣтъ не совѣтъ дуренъ, отвѣчалъ нотаріусъ, медленно покачивая головой. — Здѣсь бѣднягу знаютъ всѣ и будь онъ разчестнѣйшимъ малымъ, ему земля подъ ногами подрыта. Если уже существуетъ такой предрасудокъ, намъ съ вами его не искоренить и, — будемъ говорить безпристрастно, — онъ имѣетъ свое основаніе въ человѣческой природѣ. Съ понятіемъ о заключеніи въ рабочемъ домѣ соединяется непременно представленіе о безчестіи, а такое преступленіе, какъ убійство съ цѣлью грабежа, не можетъ находить въ массахъ никакого сочувственнаго отголоска; трудно, поэтому, заставить эти массы измѣнить свое мнѣніе, основанное на приговорѣ суда, положимъ и введеннаго въ заблужденіе. Люди, вообще, склонны болѣе вѣрить дурному, чѣмъ хорошему. Поэтому, я нахожу совѣтъ г. Землейна дѣльнымъ; дайте своему сыну тѣ деньги, которыя онъ истратилъ-бы безполезно въ Силезіи, и пусть онъ послужать ему на переѣздъ въ Америку!

Старикъ Гандорфъ слушалъ молча, поникнувъ своей сѣдой головою. Тяжело было ему лишаться своей послѣдней надежды и обречь сына на изгнаніе, какъ дѣйствительнаго преступника; но аптекаръ старался ободрить его и успѣлъ, наконецъ, убѣдить въ необходимости и пользѣ такой мѣры. Они распрощались съ нотаріусомъ, причемъ Гандорфъ снова горячо поблагодарилъ его

за то вниманіе, съ которымъ онъ выслушалъ его родительскія сѣтованія.

Муксъ, сидѣвшій за своею конторкою, видѣлъ, какъ Землейнъ и Гандорфъ вышли изъ дома. Прослѣдивъ за ними глазами, онъ увидалъ также, что Клингенбрухъ, то-есть, самъ подполковникъ, его жена и Генріетта, въ сопровожденіи графа Раутена, котораго они, вѣроятно, повстрѣчали дорогой, остановились у своего крыльца, прощаясь съ своимъ спутникомъ, такъ-что совершенно загродили дорогу аптекарю, который долженъ былъ бочкомъ пройти въ свою аптеку. Въ эту самую минуту, наружная дверь отворилась и изъ нея показалось знакомое Муксу черное бархатное пальто,—то самое, которое было вѣроятной причиной неприятнаго происшествія съ нимъ на лѣстницѣ. Муксъ усмѣхнулся, при видѣ озадаченной физіономіи франта, видимо желавшаго какъ нибудь ускользнуть, но сдѣлать это было теперь ужь невозможно и онъ покорился неизбежному: вышелъ изъ двери, раскланялся, и удалился быстрыми шагами по улицѣ. Одна Генріетта отвѣтила на его поклонъ,—другіе его не знали,—и смотрѣла ему вслѣдъ до тѣхъ поръ, пока ея родители прощались съ графомъ Раутеномъ.

(Продолженіе будетъ.)

ПЕРВАЯ МОЛОДОСТЬ ЧЕВАТОВА.

Н О В Ъ С Т Ъ .

Понятно, онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ „вечера“. Ему казалось, что онъ уже достаточно знаетъ Александру Даниловну: пора было приступить прямо къ дѣлу, заговорить о томъ, о чемъ ему именно хотѣлось. Вечеръ наконецъ пришелъ. Павелъ Антоновичъ счелъ непрѣмнымъ долгомъ явиться на него.

Вечеръ былъ такъ себѣ — ни особенно скученъ, ни особенно веселъ, а шель, какъ споконъ вѣку идутъ подобныя вечера. Въ одной комнатѣ играли въ карты. Тутъ распоряжался самъ хозяинъ-имянинникъ, — впрочемъ нѣтъ: онъ только сначала распоряжался, т. е. молча принималъ поздравленія и приглашалъ потомъ садиться. Когда эта церемонія кончилась, онъ сѣлъ за карты и сосредоточилъ на нихъ все вниманіе. Игроки даже сами, помимо его зова, періодически вспоминали, что имъ нужно сдѣлать моціонъ къ выпивочному и закусочному столу. Данило Петровичъ былъ чиновникъ, который дальше своего департамента да чиновничьихъ интересовъ знать ничего не хотѣлъ; дальше для него начинались одѣй карты. Въ обществѣ онъ выглядывалъ степенно, солидно, но былъ какъ-то угрюмъ и несловоохотливъ — при случаѣ мычалъ себѣ подъ носъ, а то пыхтѣлъ и отдувался; въ семействѣ онъ былъ незамѣтенъ, точно являлся въ него — отдохнуть только, т. е. всхрапнуть нѣсколько часиковъ, выкурить двѣ-три трубки и потомъ снова отправиться къ дѣламъ службы и своихъ гражданскихъ обязанностей. Впрочемъ смотрѣлъ, какъ и быть должно, настоящимъ главой семейства. Но не въ хозяйнѣ дѣло. Такъ въ одной комнатѣ играли въ карты, слѣдовательно

каждый былъ занятъ дѣломъ, глубокомысленно соображалъ и пр. Скучать было некогда. Слышались разговоры въ родѣ слѣдующаго:

— Какъ-же это вы? Иванъ Иванычъ! Такъ вѣдь не играютъ: я покупалъ къ пикамъ, Семень Григорычъ объявилъ черви, — понятно, съ чего вамъ нужно было ходить, а вы ходите съ бубенъ. Ну, я и бью вашихъ-же;—тогда какъ поди вы въ пики, Семень Григорычъ непременно ремизъ.

Ивану Иванычу крайне совѣстно. Онъ сидитъ ополоумѣвши. Но чтожь ему дѣлать, когда по разсѣянности онъ вовсе не слыхалъ, что его партнеръ покупалъ разъ, а бубенъ между тѣмъ у него были полны рѣчки? Иванъ Иванычъ даетъ зарокъ въ душѣ бытьобразительнѣе.

Въ другой комнатѣ не было такой опредѣленности въ занятіяхъ. По стѣнѣ, тамъ и сямъ, сидѣли неигравшія въ карты и слѣдовательно ничѣмъ не занятая дамы и изрѣдка о чемъ-то шептались между собой. Но имъ подчасъ и скучненько-таки было. Какъ женщины, по отсутствію самодѣятельности, онѣ не придумали для себя никакого дѣла, которое-бы обязательно сосредоточило на себѣ ихъ вниманіе... ну вотъ и накажутся. Остальное населеніе въ этой комнатѣ было случайное, не коренное, появлялось на нѣсколько минутъ, а потомъ сейчасъ-же исчезало. Тутъ власть имѣла и занимала хозяйка.

Наконецъ, въ третьей комнатѣ танцовали. Въ ней обрѣтался и Павелъ Антоновичъ. Онъ также танцевалъ. Но онъ жаждалъ собственно—говорить съ Александрой Даниловной, да не клеилось что-то. Александра Даниловна перебѣгала съ предмета на предметъ, да и отвлекали ее очень часто. Наконецъ, онъ улучилъ-таки минуту, когда, послѣ какой-то кадрили, въ антрактѣ они гуляли вдвоемъ по залѣ. Молодая публика ужъ утомилась нѣсколько, разбрелась кучками и въ одиночку по разнымъ угламъ, или таскалась изъ угла въ уголъ. Всѣ были заняты слѣдовательно своимъ дѣломъ. Минута была удобная, хотя у Павла Антоновича рѣшительно не было ничего, что-бы дало ему возможность незамѣтно, безъ скачковъ перейти къ настоящему предмету разговора. Онъ очень томился такимъ обстоятельствомъ; но наконецъ махнулъ рукой и рѣшилъ, чтобы не терять времени, дѣйствовать съ плеча.

— Александра Даниловна! началъ онъ, стараясь улыбаться. Вы меня извините: хоть и не кстати говорить теперь о чемъ-нибудь серьезномъ, но вы мнѣ позволите? Я шути буду говорить.

— Что такое? Говорите.

Александрѣ Даниловнѣ заинтересовало такое вступленіе.

— Я хотѣлъ-было спросить васъ... Павелъ Антоновичъ остановился.— Вы... вы всегда бываете довольны собой, своей обстановкой, на примѣръ, образованіемъ?

Чебатовъ имѣлъ уже кое-какія данныя предполагать, что Александра Даниловна не принадлежитъ къ особамъ, абсолютно довольнымъ. Но... ему хотѣлось слышать, что отвѣтитъ она на прямо поставленный вопросъ. Александра Даниловна, точно въ недоумѣніи, странно какъ-то посмотрѣла на него.

— Я не понимаю васъ... Довольна-ли я собой? „Довольны-ли вы своимъ сосѣдомъ“? И она вдругъ засмѣялась такъ удачно, по ея мнѣнію, взбредшему ей въ голову сопоставленію.

Но Павелъ Антоновичъ не унывалъ; онъ хоть и обидѣлся нѣсколько, но продолжалъ въ томъ-же тонѣ.

— Я, можетъ быть, выразился неясно. Ну... не были-ли съ вами такія минуты, когда вамъ все такъ не нравится кругомъ, вы желали-бы чего-то лучшаго, непохожаго на все, что около васъ?

Александра Даниловна опять посмотрѣла на Чебатова. Какъ будто облачко задумчивости пробѣжало по ея лицу. Но это было одно мгновеніе.

— Да что вы ко мнѣ пристали: точно я на исповѣди у васъ. Нарочно-же вотъ скажу: не грѣшна, не грѣшна. Она опять смѣялась; у ней въ головѣ опять смѣшное сопоставленіе.

Павлу Антоновичу дѣйствительно стало обидно.

— Но, Александра Даниловна, сказалъ онъ,—я вѣдь говорю съ вами такъ—попріятельски, полшута—полусерьезно. А вы сердитесь.

— Да какой вы чудной, право... Да я и сама не знаю... Конечно, иногда такъ вотъ, кажется, ни на что глаза не глядѣли-бы... Такая скука: не знаешь, за что взяться.

Павелъ Антоновичъ началъ разсвѣтать.

— Ну вот, сами-же сказали наконецъ, что вамъ иногда бываетъ очень скучно. Теперь я спрошу васъ: задавали-ли вы себѣ вопросъ, отчего это вамъ такъ иногда скучно бываетъ?

— Да что вы наконецъ?.. Я вѣдь не шутя разсержусь на васъ. Вопросъ за вопросомъ... точно урокъ какой.

— Александра Даниловна! Я вѣдь и не хочу только спрашивать, да спрашивать васъ. Я хочу говорить, рассуждать съ вами. Вотъ напр. на счетъ скуки-то. Я всегда, если мнѣ сдѣлается скучно, постараюсь дать отчетъ себѣ въ этомъ, отыскать причину. Ну вотъ вы какъ?

— Я? А я не отыскиваю причины. Я не умѣю отыскивать— вотъ вамъ и сказъ.

— Не можетъ этого быть. Вы на себя наговариваете. Вы подумайте только, непремѣнно отыщете.

— Я не умѣю думать.

Чебатовъ посмотрѣлъ на Александру Даниловну; страннымъ показался ему такой рѣзкій тонъ. „Откуда это онъ въ ней“? думалось ему? „Капризъ что-ли это съ ея стороны“?

— Да. Что вы смотрите на меня?.. Я пробовала думать, ничего не выходитъ: такъ и бросила. И мамаша съ сестрой говорятъ, что мнѣ и не нужно это.

Она говорила послѣднія слова уже своимъ мягко-наивнымъ тономъ. Павелъ Антоновичъ въ тупикъ сталъ.

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ? Это скучно наконецъ. Не стану я больше говорить съ вами.

Она побѣжала къ своимъ подругамъ.

Павелъ Антоновичъ остался одинъ. Досадно ему было. Онъ не ожидалъ, чтобы Александра Даниловна могла быть такъ... неприступна. „Кто ее разберетъ“? думалъ онъ. Но въ ея послѣднихъ словахъ было такъ много искренности, что, казалось, и разбирать-то въ ней было ужъ нечего. Ему однако больно было разочароваться въ ней. „Неужели такъ-таки она и не способна ни къ чему? Неужели не примешь ее ничѣмъ?.. Барышня—и только“. Не хотѣлось вѣрить Павлу Антоновичу, чтобы это такъ было. „Можетъ быть, я не умѣю подойти къ ней?.. Можетъ быть наконецъ, ее здѣсь вовсе и располагаетъ не къ этому? Но его надежды были уже поколеблены: невыгодное впечатлѣніе произвела на него Александра Даниловна. •

Недовольный собой, онъ сталъ бродить изъ угла въ уголъ. Заиграли вальсъ, и пары закружились. Съ горя и онъ пустился танцовать.

— Ну что? устали? спрашивала его послѣ вальса Александра Даниловна. Она была опять такая миленькая, живая барышня. Кажется, она и забыла про недавній разговоръ.

Павлу Антоновичу ужъ теперь не нравилось въ ней это. Слово „пошлость“ вертѣлось у него на языкѣ.

— Нѣтъ, кажется, ничего... А вы?

— Я? Я, кажется, никогда не устану...

— Саша! Саша!... Ее вликали.

— Иду, иду... И она убѣжала.

Павлу Антоновичу оставалось только наблюдать нравы. Онъ такъ и сдѣлалъ.

— Скажите: какой вамъ цвѣтъ лучше всѣхъ нравится? спрашивала одна томная барыня увивавшагося около нея кавалера. Кавалеръ изъ кожи лѣзъ, чтобы только чѣмъ-нибудь — да занять ее.

— Мнѣ? Вотъ ужъ, право, не знаю... Сѣрый, кажется... Кавалеръ вдругъ сдѣлался очень доволенъ своей находкой: онъ видимо понялъ ее, не какъ что-то обыкновенное...

— Нѣтъ, а мнѣ такъ нравится больше розовый...

— Почему-же? Онъ старался и говорить, и глядѣть въ глаза своей дамѣ какъ можно нѣжныѣ, сентиментальныѣ, — чтобы попасть въ ея тонъ.

— Я и сама не знаю... Развѣ можно знать, почему любишь... Она вдругъ вся вспыхнула. Кавалеръ ничего не нашелся.

Молчаніе.

— Вы читали Пушкина?

— Читала.

— Нравится онъ вамъ?

— Нравится.

Опять молчаніе. Въ головѣ кавалера, видимо, хотъ шаромъ покатысь.

„Это ужъ и совсѣмъ пошлость!“ подумалъ Павелъ Антоновичъ. Но вотъ разговариваетъ другая пара.

— Нѣтъ, какъ хотите, а женщина — это... это самолюбивѣйшее существо, говорилъ кавалеръ.

— Не правда, неправда... Скорѣе мужчина, защищалась дама.

— Я докажу вамъ. Чтобы заставить напр. женщину сдѣлать что-нибудь, ее непремѣнно просить, умолять нужно, стать на колѣни предъ ней... разсыпался кавалеръ.

„Ну этотъ, должно быть, игривостью взять хочеть“! подумалъ Павелъ Антоновичъ.

Вечеръ такъ даромъ и пропалъ для него.

Но Павелъ Антоновичъ не терялъ еще надежды. Нѣсколько дней размышленія, прерываемаго разными другими дѣлами и не дѣлами, загладили неприятное впечатлѣніе вечера. Онъ привыкъ наконецъ къ этому впечатлѣнію и могъ совершенно хладнокровно разобратъ въ немъ. Нельзя сказать впрочемъ, чтобы хладнокровіе это оказалось вполне безпристрастнымъ: Павелъ Антоновичъ еще не успѣлъ застаться чисто объективнымъ взглядомъ на Александру Даниловну. Едва только онъ успѣлъ отогнать отъ себя скверную мысль, закрашившую ему въ голову, какъ на мѣсто ея, незамѣтно для него самого, снова выползли и разрослись прежніе радужные, обольстительные помыслы и фантазіи. Павелъ Антоновичъ переживалъ одну изъ трудныхъ, тревожныхъ минутъ своей жизни. Никогда еще у него не было такъ горько и гадко на душѣ отъ своего одиночества; онъ глядѣть не могъ равнодушно на голыя стѣны своей квартиры, на жалкій диванъ, на убогія стулья: она казалась ему чѣмъ-то нежилымъ, сараемъ какиъ-то—такъ въ ней все уныло и безпріютно было. Тоска ѣла его. Онъ былъ недоволенъ собой и своимъ настоящимъ. Мысль его уносилась далеко: ему-бы хотѣлось повѣдать кому свое горе, зарыдать, припавши къ плечу чьему-нибудь, — хотѣлось, чтобы кто-нибудь обласкалъ и согрѣлъ его своей улыбкой, своими ободряющими рѣчами... И чего только онъ не далъ-бы за все это! Чего не сдѣлалъ-бы для того существа, которое-бы протянуло ему руку!... И тогда-бы они вдвоемъ смѣло пошли на подвигъ жизни: путь ихъ былъ-бы легокъ; ни тернія, ни острые каменья не путали-бы ихъ... Словомъ Павлу Антоновичу любить хотѣлось. Александра-же Даниловна была единственной женщиной, кото-

рую онъ зналъ и которая какъ-будто нравилась ему. И вотъ, когда наконецъ досадный разговоръ нѣсколько ступевался въ его воспоминаніи, личность Александры Даниловны стала для него опять привлекательной, общающей личностью. Онъ признавалъ ее неразвитою; онъ видѣлъ, какъ бѣденъ ея круговоръ, какъ не много еще мыслей въ ея головѣ. Но чтожь изъ того? Ея силы спятъ еще. Стоять только расшевелить, разбудить ее: она такъ воспріимчива. „А это—думать не умѣю“? какъ-будто на зло подсказывалъ Павлу Антоновичу тайный голосъ. „Пустяки!“ спѣшилъ онъ отвѣтить. „Ей просто одной были не подъ силу вопросы, зашевелившіеся въ ея головѣ — она, по своей искренности, и рѣшила, что, должно быть, и никогда не совладаетъ съ ними... Нѣтъ, это „не умѣю“ говорить скорѣй въ ея пользу. Значить, было что-то, надъ чѣмъ она пробовала задумываться“... „Но зачѣмъ-же она такъ быстро и круто прерывала разговоры, въ которыхъ я именно хотѣлъ пособить ей, старался дать извѣстное, опредѣленное направленіе мыслямъ ея?“ начиналъ было опять сомнѣваться Павелъ Антоновичъ. „Ну-да, что толковать тутъ? — это просто съ непривычки говорить о богѣ или менѣ серьезныхъ предметахъ; она еще не знаетъ, боится, кому повѣрить тайны своей начинающейся мысли. Въ заключеніе Павелъ Антоновичъ уже любовался всѣми капризными, эксцентричными выходками Александры Даниловны: онѣ говорятъ ему о силѣ, которая скрыта въ ней и просится наружу; онѣ объясняются впечатлительностью натуры Александры Даниловны, бойкостью и подвижностью ея ума... Павелъ Антоновичъ не только не хочетъ, но и не думаетъ видѣть въ нихъ что-нибудь въ родѣ намека на слабость ея головки, на легкость и поверхностность всей ея личности. Онъ пропускаетъ безъ вниманія и то обстоятельство, что на Александру Даниловну уже вліяютъ прежде него — мать и сестра, и она нисколько не чувствуетъ тяжести этого вліянія, не выражаетъ никакого стремленія выбиться изъ подъ него. Правда, ему нѣсколько не нравится эта полная общность взглядовъ въ семьѣ, добровольная покорность однихъ другимъ... но онъ махаетъ рукой на все это, находитъ неважнымъ. Передъ нимъ такъ живо рисуется личность Александры Даниловны, ея свѣтлое, открытое, цвѣтущее здоровьемъ личико съ такими ясными, покойными глазами... Ну, не располагаетъ-ли все это

въ ея пользу? не вызываетъ-ли однѣ только хорошія мысли, полныя увѣренности и надежды на будущее?... Павелъ Антоновичъ рѣшилъ продолжать свое дѣло; ему хотѣлось продолжать его. Онъ задумалъ подойти къ Александрѣ Даниловнѣ съ другой, новой стороны—поставить вопросъ прямо, изъ отвлеченной сферы перенести его на дѣйствительную почву. Онъ ждалъ только случая высказаться. Случай скоро представился: онъ сталъ довольно часто бывать у Шильбиныхъ, и замѣчалъ, что Александра Даниловна привыкла къ нему, даже любила иногда поболтать съ нимъ.

Разъ ему случайно пришлось остаться одному съ нею. Сестры ея не было дома; мать на время отлучилась куда-то изъ комнаты по своимъ домашнимъ дѣламъ. На дворѣ въ это время на-свистывала вьюга, поднимала цѣлыя вихри снѣга и съ рѣзкими воемъ лѣпила ими въ окна. Въ комнатѣ было тихо; слышно было, какъ матиинъ жѣрно выговаривалъ свои грустные, однообразные звуки.

— Какая скучная погода! произнесла Александра Даниловна, и вздохнула.

— Да, Александра Даниловна, северная погода.

Чебатовъ замолчалъ на минуту и опустилъ голову. Но вдругъ у него блеснула мысль.

— Знаете-ли что?.. Впрочемъ позвольте: вѣдь мнѣ можно говорить съ вами откровенно? Мы съ вами, кажется, если не друзья, то ужъ навѣрное хорошіе знакомые: никогда вѣдь не ссорились?.. А? Такъ отъ скуки можно, я думаю... Для васъ между тѣмъ развлеченіе...

Павелъ Антоновичъ сильно боялся, какъ-бы не напугать свою слушательницу чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ. Онъ силился, какъ можно, смягчить и умѣрить тонъ свой; онъ даже улыбнулся въ заключеніе. Маневръ удался. Александра Даниловна, сначала было струсившая, была успокоена.

— Что-жъ? давайте говорить... О чемъ же? спрашивала она простодушно, даже заигрывая какъ-будто.

У Павла Антоновича нѣсколько сперло дыханіе, и сердце начинало усиленно биться. Онъ пристально посмотрѣлъ на Александру Даниловну и, глубоко вздохнувши, началъ:

— Я, Александра Даниловна, именно по поводу погоды

хотѣлъ говорить съ вами. Знаете-ли: когда вотъ такая погода застаётъ меня одного, то такъ скверно, такъ тяжело становится на душѣ, что, кажется, бѣжалъ-бы куда-нибудь отъ себя, забылся-бы весь. Я часто въ такія минуты одѣвался и уходилъ... къ вамъ.

Александра Даниловна широко раскрыла глаза.

— Отчего же это съ вами? не то съ испугомъ, не то съ участіемъ спросила она.

— Отчего?.. Не знаю, право, какъ объяснить вамъ это... Жить тяжело, Александра Даниловна, кругомъ себя постоянно видишь не только презрѣнье къ другому... нѣтъ, мало этого—желанье раздавить, втоптать въ грязь этого другого... Вы знаете, что я одинъ здѣсь, совершенно одинъ. Мнѣ пришлось все это видѣть, испытать на себѣ даже, не слыша почти ни отъ кого ни слова участія, ни слова ободренія! Я перенесъ все это, да перенесу, вѣроятно, и на будущее время. Но, кажется, я во сто разъ чувствовалъ-бы себя сильнѣе, если-бы... (тутъ голосъ Павла Антоновича надорвался, онъ какъ будто захлебнулся чѣмъ и едѣлалъ невольный глотокъ) если-бы кто сказалъ мнѣ: иди смѣлѣе впередъ — я буду смотрѣть на тебя... Вамъ, конечно, Александра Даниловна, не приходилось испытывать этого, но вы поймете меня... да, вѣдь поймете?..

Павелъ Антоновичъ раскраснѣлся отъ волненія. Послѣднія слова онъ приносилъ съ нѣкоторой дрожью въ голосѣ. У него духъ захватывало.

— Да. Если такъ, то мнѣ жалко васъ, съ разстановкой сказала Александра Даниловна, медленно качая головой. Но... ея слова были такъ простодушны, до глупости даже простодушны... Она не понимала Павла Антоновича.

Павелъ Антоновичъ упалъ съ облаковъ. Воцарилось на минуту молчаніе.

— Нѣтъ, Александра Даниловна, не сожалѣнія я просилъ у васъ. Къ чему оно мнѣ?..

— Чего-же вамъ нужно? Какой вы странный человѣкъ!

Павелъ Антоновичъ грустно покачалъ головой.

— Неужели, Александра Даниловна, съ вами не бывали минуты, когда вамъ одной до того скучно становилось, что вы рады были дать—богъ знаетъ что? — только-бы кто-нибудь былъ

при васъ, съ кѣмъ-бы вы могли подѣлиться вашей мыслью, скукой, горемъ, наконецъ, своимъ?..

— У меня сестра есть: тогда я съ ней разговариваю. Она меня такъ любитъ.

— Ну, а у меня нѣтъ сестры: да если-бы и была, я не пошелъ-бы къ ней. Павлу Антоновичу горько было; онъ чувствовалъ, что его дѣло проиграно, и билъ на пропалую.— Простите меня, если найдете въ моихъ словахъ что-нибудь оскорбительное... Но— я думалъ, что вотъ Александра Даниловна пойметъ меня: я расскажу ей свое горе — и она успокоитъ, ободритъ меня, скажетъ мнѣ, что я не одинъ. А потомъ и она расскажетъ мнѣ про свои мысли и вопросы, которые тревожатъ ее — и я помогу ей разъяснить, рѣшить ихъ... И тогда-бы мы оба...

Павель Антоновичъ чувствовалъ, что онъ уже далеко заходитъ, и остановился.

Александра Даниловна какъ-будто во снѣ его слушала. „Господи, чего-же это онъ хочетъ отъ меня“? думала она. Ей жутко, наконецъ, становилось. Она какъ будто, хоть и смутно, начинала понимать Павла Антоновича—по своему, конечно. Она не знала, что отвѣчать ему. Наступила минута тяжелаго молчанія. (Хорошее развлеченіе доставилъ ей Павель Антоновичъ)!..

— Что это мамаша нейдетъ? тихо произнесла, наконецъ, Александра Даниловна. Она встала и начала ходить по комнатѣ, потомъ остановилась у окна въ противоположномъ углу отъ Павла Антоновича.

А Павла Антоновича между тѣмъ послѣднія слова, имъ разслышанныя, совсѣмъ убили. Онъ видѣлъ, что ему тутъ дѣлать нечего, и начиналъ уже ругать себя, что не умѣлъ сдержаться во время.

Вошла Татьяна Николаевна-- и декораціи перемѣнились.

Такимъ образомъ Павлу Антоновичу пришлось еще разъ и уже окончательно разочароваться въ своей любимицѣ. Онъ понималъ такъ, что между имъ и ей пропасть великая. Правда, онъ много винилъ и себя: Александра Даниловна очень легко могла не понять его, отчасти безсвязную и темную, рѣчь. Но скажи она: не понимаю, тогда-бы дру- гое дѣло. „Я, думалъ Чебатовъ, обругалъ-бы себя за неясность и старался-бы быть понятнѣе, а то“... Павель Антоновичъ махалъ

рукою. Слова Александры Даниловны слишкомъ ужъ говорили за себя и безотносительно къ его рѣчи. Онъ готовъ назвать свой послѣдній разговоръ съ ней неумѣстнымъ, страннымъ, готовъ былъ согласиться, что онъ могъ только испугать своей навязчивостью на участіе, но онъ не жалѣлъ о прошедшемъ. „Если-бы Александра Даниловна была тѣмъ, чѣмъ я воображалъ ее, она не такъ-бы говорила“. Чебатову больно было не то, что Александра Даниловна не поняла и оттолкнула его отъ себя. Это было-бы, по его мнѣнію, дѣло поправимое. Нѣтъ, ему больно было, что его такъ глупо, пошло оттолкнули. „Неужели такъ-таки ничто до сихъ поръ не обезпечило ее, и мысль ея ниразу не пришла въ противорѣчіе съ окружающей жизнью? Хоть-бы въ ней проявлялись даже та задумчивость и то недовольство собой, какія бываютъ обыкновенно у дѣвушекъ ея возраста (Александрѣ Даниловнѣ было 17 лѣтъ): а то вѣдь какъ-будто и этого нѣтъ!“ Чебатовъ былъ безжалостенъ въ своемъ приговорѣ... Какъ живое, представлялось ему гладкое, ровное личико Александры Даниловны; ни одной складки не было на немъ, и глаза смотрѣли такъ ясно, какъ-будто не было въ нихъ никакой мысли, какъ-будто все рѣшено для нихъ. Павлу Антоновичу и горько, и скверно становилось на душѣ. Теперь онъ увѣрялъ себя, что понялъ Александру Даниловну. „Это—разсуждалъ онъ—это... хорошенькая куколка, бойкая барышня — не болѣе!“

Чебатову скоро пришлось взглянуть на нее даже и не такъ одно-сторонне и отвлеченно.

Онъ довольно долго не ходилъ къ Шильбинымъ, хотѣлъ было вовсе перестать ходить. Между тѣмъ, его что-то тащило туда; онъ не могъ сразу вырвать въ себѣ довольно уже развившейся привязанности... Правда, онъ ждалъ, что ему и Александрѣ Даниловнѣ будетъ, пожалуй, неловко другъ дредъ другомъ; она, можетъ быть, и вовсе будетъ дичиться его, бояться. Да тяжело ему было очень свыкнуться съ мыслью, что такъ все и пропало, что всѣ его надежды разлетѣлись въ пухъ и прахъ. Нужно было притомъ книгу взять у Александры Даниловны и спросить, не желаетъ-ли она другой, новой. Чебатовъ разыскивалъ разныя книжки журналовъ, въ которыхъ говорилось что-нибудь о женщинѣ, о недостаточности ея воспитанія, ея назначенія, — и носилъ эти книжки Александрѣ Даниловнѣ.

Подумаль, подумаль онъ — и отправился. Это было въ воскресенье. Чебатовъ засталъ все семейство за чаемъ, какъ и въ первый дебютъ на поприщѣ служенія женщинѣ. Но теперь всѣ были на лицо, да кромѣ того была одна гостья, какъ видно, большая пріятельница Татьяны Николаевны, вдова, какъ узналъ послѣ Чебатовъ, одного полковника, лѣтъ 25 тянувшего ляжку и умершаго отъ ранъ, полученныхъ имъ въ разныхъ сраженіяхъ. Гостья и Татьяна Николаевна вели между собой очень, повидному, оживленный разговоръ. Отецъ семейства читалъ газету и только изрѣдка вставлялъ свое увѣсистое слово. Сестры молчали, и то какъ-будто очень внимательно вслушивались въ разговоръ. то зѣвали по сторонамъ. Александра Даниловна изрѣдка вставала со стула, ходила по комнатѣ, подходила къ цвѣтамъ и щипала на нихъ листья, потомъ подходила къ фортеціано и разсѣянно пробѣгала пальцами по клавишамъ.

Павла Антоновича пригласили садиться, предложили чаю — и потомъ опять все пошло своимъ чередомъ. Но напрасно думаль Чебатовъ, что Александра Даниловна будетъ стѣсняться его присутствіемъ. Она встрѣтила его такъ-же, какъ и прежде. Экцентричный разговоръ Чебатова она приписала просто минутному расположенію, скверной погодѣ — и *простила* его: онъ былъ такой ласковый и добрый. Только нѣсколько конфузливое поведеніе самого Чебатова заставило ее вспомнить прошлый разговоръ и подѣйствовало на нее непріятно. Впрочемъ, она скоро оправилась.

Чебатовъ перекинулся нѣсколькими словами съ Татьяной Николаевной, Александрой Даниловной и принялся за чай. Гостья и хозяйка продолжали разговоръ. Павелъ Антоновичъ волей-неволей сдѣлался ихъ слушателемъ.

— Да, такъ вотъ, Татьяна Николаевна, какія дѣла! Просто измучилась я съ нимъ: не знаю ужъ, что и дѣлать.

— Вы-бы попробовали его усовѣщевать, лаской-бы расположили его къ себѣ: вы вѣдь мать ему. Авось послушался-бы.

— Пробовала, Татьяна Николаевна, пробовала; подъ конецъ всѣ средства хотѣла испытать. Да что съ нимъ станешь дѣлать? „Мамаша! говорить, — мнѣ все равно — что пулю въ лобъ, что въ военное званіе. Если такъ, говорить, то между нами все кончено. Я больше не снятъ вамъ“. Какъ-же, говорю,

вѣдь это была послѣдняя воля твоего родителя; онъ тебя еще маленькаго рядилъ въ военную форму. Да и я этого хочу. Нѣтъ никакого званія лучше для сына, какъ званіе его родителя. У меня-же и протекцій по этому дѣлу такъ много... Куда тебѣ? и слышать не хочеть. „Какъ, говоритъ, тамъ хотите; а я въ университетъ пойду“. Теперь вотъ слышу — съ пріятелями своими кутить гдѣ-то.

--- Да ужъ вы благословите-ка его на эту дорогу: чѣмъ она нехороша? Нынче даже какъ чести какой добиваются въ университетъ-то.

— И-и, ни за что... Пусть онъ хоть забудеть свою мать, а ужъ не сдѣлаю по его. Покойникъ-то, Никифоръ Гаврилычъ, потому все и наслѣдство мнѣ отказалъ, чтобы сынъ его не выходилъ у меня изъ повиновенія...

— Что-же вы теперь будете дѣлать съ нимъ?

— Ужъ и не придумаю, Татьяна Николаевна. Авось самъ угомонится, дурь-то сойдеть... Охъ ужъ, эти дѣти, дѣти! Воспитываешь ихъ, холишь, бережешь — и вотъ тебѣ награда за все это! Какъ я вотъ погляжу на вашихъ дочекъ-то: просто сердце радуется... Счастливы вы, Татьяна Николаевна, что у васъ дѣти такія.

— Ахъ, Настасья Никитишна! А развѣ вы думаете, что мнѣ это легко досталось?... Сколько ночей бессонныхъ провела, сколько думъ однихъ въ головѣ перебывало, какъ-бы только устроить дѣло получше, чтобы дѣти одно уваженіе да благодарность къ тебѣ чувствовали.

Гостья нѣсколько обидѣлась; она приняла слова хозяйки за укоръ себѣ: вотъ дескать я умѣла выходить своихъ дѣтей, а ты нѣтъ.

— А я такъ думаю, Татьяна Николаевна, что тутъ мы едва-ли что можемъ. Какъ ужъ человекъ уродится, такъ такимъ и быть ему во всю жизнь свою.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите! повѣрьте моей опытности. Въ вѣдь почти вовсе не воспитывали своего сына; онъ у васъ тамъ по разнымъ школамъ все учился. Такъ вѣдь?

— Это такъ, правда ваша; я его почти съ седьмого года только и видывала, что въ вакаціонное время.

Гостья успокоилась.

— Ну вотъ: а ужъ я знаю. Мои дѣти постоянно при мнѣ. Вотъ Саша, когда и училась въ пансіонѣ, такъ каждый вѣдь вечеръ постоянно дома. Я больше потому и въ институтъ не отдала ее... У меня, бывало, пусть дѣти играютъ, смѣются, бѣгаютъ—но чуть что-нибудь не такъ: захотятъ-ли сдѣлать, что имъ не нужно, заупрямятся-ли,—я ужъ ни за что не уступлю, не сдѣлаю по ихнему. Хоть у меня расплачъся ребенокъ, я поставлю на своемъ. И крику у меня съ ними, бывало, почти никакого: все больше лаской, да усовѣщеваньемъ. Спросите вотъ хоть у мужа: такъ вѣдь бывало, Данило Петровичъ?

— Та-а-акъ, это вѣрно... Я всегда говорилъ, что ты умно поступаешь.

— Ну, вотъ видите... Вотъ и теперь, когда ужъ мои дочери невѣстами стали, я ихъ, какъ угодно, балую, сдѣлаю для нихъ все, что только имъ нравится и въ чемъ я никакого вреда не вижу. Только пусть слушаются меня, когда я имъ дѣло говорю, совѣтую что-нибудь хорошее. И точно, ужъ не скажу, чтобы дочери не слушали свою мать, не любили ее. Я вѣдь съ ними всегда, какъ подруга какая-нибудь... Оттого у насъ такая тишь и согласіе въ семействѣ... Только трудно, охъ какъ трудно досталось мнѣ все это! Воспитаніе—тяжелое дѣло... Вонъ и мужъ мой постоянно говорить то-же самое.

— Да-а-а, совершенно такъ. Дѣти—это... Онъ не договорилъ и углубился въ газету.

„Ишь ты вѣдь какъ расхвасталась“! думала гостья. Но факты были на лицо, и ей приходилось только молча, съ завистью соглашаться.

Такъ-то чинно, по душѣ, какъ рѣчка какая-нибудь лилась или ручеекъ журчалъ, шелъ разговоръ между гостьей и хозяйкой. Одна плакалась на свою судьбу, другая была рада случаю выставить на показъ свое торжество, какъ матери и воспитательницы. Павелъ Антоновичъ сначала-было слушалъ однимъ ухомъ, но потомъ все болѣе и болѣе интересовывался разговоромъ; все, что смутно бродило у него въ головѣ на счетъ отношеній Александры Даниловны къ матери, ея воспитанія и жизни въ семействѣ, теперь выяснялось и принимало опредѣленный, живой образъ. Положимъ, онъ и видѣлъ, что Татьяна Николаевна многое сказала для краснаго словца: какъ-же это дескать женщина съ

ея степень развитости могла задаться известнымъ принципомъ и потомъ строго послѣдовательно, систематично провести его въ жизнь? Этого мало: брать при всемъ томъ лаской да усовѣщеваньемъ? Послушать-бы, на сколько были доказательны эти усовѣщеванья, какъ мало было въ нихъ примѣси родительскаго внушенія! Въ остальномъ вѣдь Татьяна Николаевна была просто дама—какъ дама, съ обычнымъ уровнемъ дамской морали, резонерства, условныхъ приличій и пр. и пр. Но Чебатовъ все-таки понималъ, что много въ рѣчахъ ея и правды... Утѣшительнаго же въ его собственныхъ поправкахъ и добавленіяхъ къ этой правдѣ ничего не было. Это возмущало Чебатова. Въ сферѣ съ обычно-пошлымъ, рутиннымъ кодексомъ понятій—примѣръ воспитанія съ такимъ положительнымъ характеромъ и результатомъ! Между-тѣмъ у Чебатова всѣ шансы на успѣхъ были рассчитаны на возможности отыскать въ Александрѣ Даниловѣ какіе-нибудь слѣды отрицательнаго вліянія разныхъ наставленій и внушеній ей... Теперь онъ ясно увидѣлъ, что ему не на что рассчитывать и не на что надѣяться. Не весело ему было. Онъ посмотрѣлъ на Александру Даниловну — та оставалась совершенно покойна, какъ будто разговоръ не до нея касался.

— Что, Александра Даниловна, сказалъ онъ ей при уходѣ, прочли, что я принесъ вамъ?

— Прочла. Благодарю васъ.

— Ну и безъ скуки, съ удовольствіемъ читали?

— Нѣтъ, скучала...

— Опять. Что-же, много темнаго, должно быть, было для васъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... Я такъ. Еще приносите.

Павлу Антоновичу совсѣмъ не понравилось такое капризное отношеніе къ дѣлу.

Дорогой много скверныхъ мыслей перебивало у него въ головѣ. „Да, вотъ въ чемъ дѣло, думалъ онъ, — еще съ дѣтства старались, чтобы ни одна ненужная мысль не запала ей въ голову... ну вотъ и вышла изъ нея маленькая дочка. Какъ должно быть пріятно родительскому уху слышать: „маленька не велить“, „если маленька позволить“ и пр. и пр.! Честь и хвала Татьянѣ Николаевнѣ! Умѣла-таки сдѣлаться не на словахъ только, а и на самомъ дѣлѣ авторитетомъ для дѣтей своихъ...

Теперь они не только плоть отъ плоти, но и мысль отъ мысли ея... Вѣдь вотъ Александра Даниловна молода еще, могла-бы, кажется, полюбить и не однѣ игрушки да бездѣлушки — ну, а поди, попробуй!.. Сидитъ она, какъ царевна какаля, въ заколдованномъ теремѣ—и ничья святотатственная рука не коснется ея... только развѣ явится кто, вспыхаетъ—богъ знаетъ, откуда—снизшедшею въ него страстью къ ней и предъявить письменныя и не письменныя доказательства, которыя, какъ дважды два четыре говорили-бы Татьянѣ Николаевнѣ, что онъ имѣетъ право на ея дочь... Да, въ этотъ теремъ входятъ одни только посвященные и въ брачной одеждѣ... Если-бы даже мнѣ и удалось, послѣ долгихъ усилій, повліять на Александру Даниловну, то и тогда... развѣ-бы этимъ дѣло и кончилось? Татьяна Николаевна, сама того не зная, пожинала плоды своего давняго, прошлаго вліянія; она не играла никакой роли, только другіе играли свою роль именно такъ, какъ ей хотѣлось. Ну, а тогда она сама-бы выступила на сцену“...

Правъ-ли былъ Павелъ Антоновичъ, или нѣтъ—судить не намъ. Какъ-бы то ни было, но онъ окончательно махнулъ рукой. Больно и досадно ему было, да... Что тутъ дѣлать?—А тамъ прошла весна, а съ ней и экзамены. Потомъ настало лѣто: Шильбины уѣхали на дачу, а Чебатовъ въ свой родной городъ повидаться съ матерью. Когда онъ въ августѣ воротился въ Москву, горьчки прежней въ немъ уже не было. Онъ успокоился на время. Ну-да, и обстоятельства его тоже поправились.

А. Н. Андреевъ.

* * *

За холодною зимою
Вновь весна—цвѣтеть сирень...
И за теменью ночью
Наступаетъ свѣтлый день.

Словно очередь ведется:
День за днемъ, за вѣкомъ вѣкъ...
Лишь несчастнымъ остается
Неизмѣнно человѣкъ.

Сумножь.

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МИРОСОЗЕРЦАНІЯ НА СОЦІАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ ВЪ РОССІИ.

I.

Въ отдаленныя древнія времена, о которыхъ чуть-только начинаеть помнить исторія, наши предки-славяне, по общечеловѣческому закону первобытнаго психическаго развитія всѣхъ народовъ, переживали еще первый фазисъ своего умственнаго развитія, именно фазисъ господства чувства страха передъ таинственными силами природы внѣшней и человѣческой. Это чувство страха въ нихъ было такъ сильно, что даже преобладало надъ столько-же свойственнымъ человѣческой природѣ чувствомъ удовольствія, радости, наслажденія. Вообще, страхъ былъ, можно сказать, господствующимъ мотивомъ всего первобытнаго психическаго развитія нашихъ предковъ; чувство страха было главнымъ, преобладающимъ источникомъ всѣхъ разнообразныхъ внѣшнихъ проявленій умственной дѣятельности: по характеристическому выраженію древнихъ памятниковъ, „ужасъ“ господствовалъ „въ разумахъ“. При всякихъ неожиданныхъ, внезапныхъ, непривычныхъ для нервовъ чувствъ впечатлѣніяхъ,—въ головѣ первобытнаго предка нашего не рождалось никакого другого ощущенія, никакого разумно-сознательнаго размышленія, а возбуждалось только чувство ужаса, страха, тотчасъ-же рефлексивно выражавшееся въ быстрыхъ мышечныхъ сокращеніяхъ, напримѣръ, въ паденіи испуганныхъ людей, какъ мертвыхъ. „Въ той часъ,—гласить одна древняя повѣсть,—свиснулъ великій змѣй, и не бысть таковаго звуку слышати ниволиже: *люди-же отъ свиста-*

ня того съ коней повергашася на землю, и лежаши на землѣ часть мертвы: по малѣ-же времени очнушася, и сѣдше на кони своя, поидоша на мѣсто“ ¹⁾. Или, вдругъ видѣли, напримеръ, странную, необычайную звѣзду на небѣ,—и взгляды на нее, не возбуждалъ въ головномъ мозгу никакого спокойнаго, самососредоточеннаго размышленія, никакой ясной идеи, прежде всего пораждалъ только инстинктивное чувство ужаса, страха: „явился, — говорили наши предки, — звѣзда образомъ страннымъ; отъ видѣнія сея звѣзды *страхъ обья вся челоуьки и ужасъ*“ ²⁾. При внезапномъ появленіи огненнаго метеора, казавшагося, по закону субъективныхъ свѣтовыхъ слѣдовъ, огненнымъ змѣемъ,—предки наши даже еще въ XVII вѣкѣ, по свидѣтельству актовъ, „ужасались, обстрашались сильно, и отъ ужаса падали на землю“ ³⁾. Особенно-же грозныя, страшныя явленія природы возбуждали, по выраженію древняго памятника, „ужасъ въ разумахъ“. Въ одной легендѣ XVII вѣка это первобытное, пантофобическое умонастроеніе выражено такъ: „бысть въ то время гроза и громъ страшень,—и всѣ челоуьки *ужаснулись въ разумахъ, изступили-же отъ помысловъ*“ ⁴⁾. Такъ называемыя въ физиологіи субъективныя ощущенія, въ родѣ субъективныхъ свѣтовыхъ слѣдовъ въ глазу, галлюцинаціи, фантазмы или обманы внѣшнихъ чувствъ, особенно зрѣнія и слуха, часто усиливали рефлексивную возбуждаемость въ головномъ мозгу чувства ужаса и страха. При этомъ, общее чувство страха, невольнo возбуждавшееся, какъ увидимъ дальше, первобытною, безпредѣльно-мрачною областью неизвѣстнаго и таинственнаго въ окружающемъ мірѣ, постоянно поддерживало пантофобическое умонастроеніе и порождало въ головномъ мозгу невольное предрасположеніе — отовсюду ждать въ природѣ чего-нибудь страшнаго, необычайнаго. И вотъ это общее чувство страха, въ свою очередь, еще болѣе усиливало возбуждаемость внѣшнихъ чувствъ, особенно зрѣнія и слуха и такимъ образомъ усиливало, въ функціи головного мозга, въ дѣятельности ума

¹⁾ Памятн. стар. руск. литерат., изд. Костомаровымъ и Пыпинымъ, въ п. II, стр. 396.

²⁾ Густыяск. лѣтопись стр. 344—345.

³⁾ Акт. Истор., IV, 334.

⁴⁾ Пам. стар. р. лит., II, 431.

господство чувства ужаса и страха. Вслѣдствіе этого даже какая-нибудь, въ первый разъ увидѣнная въ лѣсу трава,—и та могла возбудить въ головномъ мозгу нашего древняго предка только чувство изумленія и ужаса, вслѣдствіе галлюцинаціи зрительной или слуховой. „Быль вѣкій человекъ,—говорить, на-примѣръ, одна древняя повѣсть,—живяше въ дебри, и иде мужъ той искати себѣ на потребу снѣди, и ходяше по лѣсу много, и абіе обрѣте стоящу яблонь вельми добру и узрѣ на яблони траву: обвилась около древа, и сорва травы той едину смоквицу, и послышался ему отъ той травы гласъ. И человекъ той *ста изумлься, нападе на него ужасъ великій*“¹⁾). Однимъ словомъ, если мы рассмотримъ первобытное міросозерцаніе нашихъ предковъ—славянъ, то увидимъ, что все оно есть не что иное, какъ выраженіе полнѣйшаго господства чувства страха передъ таинственными силами природы внѣшней и человѣческой.

Это первобытное господство чувства страха необходимо обусловливалось общими фізіолого-психологическими законами умственного развитія человекъ. „Всѣкій знаетъ,—скажемъ словами нашего извѣстнаго фізіолога г. Сѣченова,—что невольныя движенія, вытекающія изъ головного мозга, происходятъ въ томъ случаѣ, если чувствующій нервъ раздражается неожиданно, внезапно. Въ этомъ смыслѣ, на-примѣръ, невольное вздрагиваніе человекъ отъ неожиданнаго звука, отъ посторонняго прикосновенія къ нашему тѣлу или внезапнаго появленія передъ глазами какого-нибудь образа будетъ отраженнымъ движеніемъ. Фактъ чрезвычайно сильныхъ невольныхъ движеній, при видимой незначительности внезапнаго раздраженія чувствующаго нерва, извѣстенъ на животныхъ. На людяхъ явленіе это выражается иногда еще рѣзче. Всякому извѣстно, что неожиданный испугъ, какъ-бы незначительна ни была причина, произведшая его (раздраженіе чувствующаго нерва), всегда вызываетъ у человекъ сильныя и обширныя отраженныя движенія. Притомъ всѣкій знаетъ, что испугъ можетъ происходить какъ въ сферѣ спинно-мозговыхъ, такъ и въ сферѣ черепныхъ нервовъ. Можно одинаково легко испугаться какъ отъ внезапнаго прикосновенія посторонняго тѣла къ нашему туловищу, (въ которомъ развѣтвляются

¹⁾ Пам., II, 447.

спинно-мозговые нервы), такъ и отъ неожиданнаго появленія передъ нашими глазами страннаго образа, т. е, при возбужденіи зрительнаго нерва, рождающагося изъ головного мозга... Страхъ свойственъ какъ человѣку, такъ и послѣднему изъ простѣйшихъ животныхъ организмовъ, которые живутъ по нашимъ понятіямъ лишь инстинктами. Страхъ или испугъ есть, слѣдовательно, явленіе инстинктивное¹⁾. И вотъ, въ силу этого-то общечеловѣческаго фізіолого-психическаго закона, предки наши неизбѣжно должны были пережить первобытнѣйшій общечеловѣческій фазисъ наибольшаго, всеобщаго господства чувства страха именно въ тотъ первоначальный періодъ своего психо-фізическаго воспитанія, когда нервно-мозговая, чувствующая система ихъ, по естественной необходимости, всего болѣе подвержена была возбужденіямъ неожиданныхъ, внезапныхъ впечатлѣній, и когда страхъ и возбуждаемый имъ инстинктъ самосохраненія, при господствѣ постоянной борьбы съ таинственными, часто враждебными и зловредными силами природы, всего болѣе необходимы были для сохраненія цѣлости индивидуумовъ и для избѣжанія вредныхъ внѣшнихъ вліяній. Въ самомъ дѣлѣ, когда въ какой другой періодъ умственнаго развитія человѣка, область впечатлѣній неожиданныхъ, внезапныхъ, непривычныхъ для нервовъ чувствъ могла быть наиболѣе обширна, безпредѣльна, какъ не въ тотъ именно первобытнѣйшій естественно-психологическій фазисъ умственнаго развитія народовъ, когда передъ чувственнымъ и умственнымъ кругозоромъ ихъ, естественно, всего обширнѣе и непроницаемѣе была мрачная область неизвѣстнаго, таинственнаго какъ во внѣшней, такъ и въ человѣческой природѣ? Да, тогда только изъ этой, кругомъ облегающей чувственный и умственный кругозоръ, непроницаемо-мрачной области неизвѣстныхъ, таинственныхъ силъ природы внѣшней и человѣческой, неизбѣжно всего болѣе должны были дѣйствовать и постоянно дѣйствовали на внѣшнія чувства и умъ человѣка впечатлѣнія новыя, неожиданныя, внезапныя, потому-что тогда только область явленій, непрочувствованныхъ, невоспринятыхъ внѣшними чувствами и, оттого, непознанныхъ и умомъ, еще вполне преобладала надъ сферой впечатлѣній испытанныхъ и познанныхъ. А когда

¹⁾ Січенова, Рефлексы головного мозга. Спб. 1867, стр. 40—41.

надъ внѣшними чувствами и умомъ кругомъ тьготѣла мрачная область неизвѣстнаго, таинственнаго, тогда естественно, какъ для апіорическихъ заблужденій, такъ и для чувства страха открывалось широкое, безпредѣльное поле. Тогда все народное міросозерцаніе и общественное устройство необходимо должно развиваться преимущественно изъ чувства страха неизвѣстныхъ, таинственныхъ силъ природы внѣшней и человѣческой и мотивироваться инстинктомъ самосохраненія. И по народнымъ преданіямъ, такъ это и было дѣйствительно.

Въ самомъ дѣлѣ, въ первобытныя времена, на самой низшей, примитивной степени умственнаго развитія народовъ, среди безпредѣльной, мрачной области неизвѣстнаго въ природѣ внѣшней и человѣческой,—естественно, все новое, въ первый разъ воспринимаемое внѣшними чувствами, неизбѣжно должно было поражать чувствующіе нервы людей неожиданно, внезапно и, потому, невольно должно было возбуждать чувство страха. А страхъ, путемъ рефлексовъ съ чувствующихъ на движущіе нервы, всегда невольно долженъ былъ отражаться содрогательнымъ, трепетнымъ движеніемъ мышцъ. Вдругъ, на примѣръ, неожиданно грянулъ громъ, и первобытный предокъ нашъ впервые въ жизни слышалъ его, или, хотя и слышалъ его прежде, но еще не привыкъ къ его страшному грохоту. Слуховой нервъ его тотчасъ-же раздражительно поражался этимъ непривычнымъ, внезапнымъ для слуха страшнымъ воздушнымъ звукомъ. Слуховое нервное раздраженіе быстро передавалось головному мозгу и возбуждало въ немъ ощущеніе страха, ужаса. И вотъ, вслѣдствіе рефлекса отъ испуга, подъ вліяніемъ импульса чувства страха, всѣ мышцы или двигательные органы тѣла невольно, рефлективно приходили въ трепетное содроганіе и движеніе; человѣкъ, съ невольнымъ, рефлективнымъ движеніемъ голосового аппарата, съ невольнымъ, рефлективнымъ крикомъ или воплемъ, машинально падалъ ницъ, на колѣни, и бессознательно валялся по землѣ. Такъ возникло первоначально, путемъ чисто невольнаго рефлекса, первобытное трепетное колѣнопреклоненіе передъ громомъ; потомъ, это первобытное, чисто-рефлективное колѣнопреклоненіе, послѣ частаго повторенія, естественно, стало привычнымъ, заученнымъ рефлексомъ, въ качествѣ состояннаго, обрядового поклоненія грому, такъ что еще въ XVII

вѣѣ выражалось въ суевѣрномъ обычаѣ—безсознательно валаться по землѣ всякій разъ, какъ загремитъ первый громъ ¹⁾).

Точно также, и самое первоначальное сильное ощущеніе страха и ужаса при громѣ, вслѣдствіе частаго повторенія, мало-помалу превратилось въ головномъ мозгу въ постоянное страшное представленіе о громѣ, какъ о таинственной грозной живой силѣ, какъ о страшномъ, карающемъ небесномъ существѣ. Такимъ образомъ возникъ мифъ о Перунѣ—богъ грома. Совершенно такимъ-же рефлексивнымъ путемъ произошло, далѣе, естественно-религіозное поклоненіе и всѣмъ другимъ божествамъ, олицетворявшимъ разныя таинственныя силы и явленія природы. Вообще, когда надъ внѣшними чувствами и умомъ первобытныхъ предковъ нашихъ кругомъ тяготѣла мрачная область неизвѣстнаго,—тогда всѣ таинственныя силы, явленія и предметы, производившіе неожиданный, внезапный эффектъ на ихъ чувствующіе нервы, невольно, рефлексивно возбуждали въ нихъ чувство страха и невольно, рефлексивно побуждали ихъ къ безсознательному благоговѣйно-трепетному поклоненію.

Когда первобытный предокъ нашъ приходилъ въ себя, послѣ первоначальнаго рефлексивнаго колѣнопреклоненія и крика, напримѣръ при внезапномъ ударѣ грома, при внезапномъ наступленіи ужасной бури, или при затмѣніи солнца и т. п.,—онъ невольно начиналъ съ тревожнымъ чувствомъ размышлять о томъ, какая таинственная сила повергла, преклонила его на землю, вызвала изъ груди его невольный крикъ, вопль и, такъ сказать, насильно, противъ его воли потребовала отъ него колѣнопреклоненія и вопля мольбы. Страхъ усиливалъ дѣятельность органа представленія. И вотъ онъ приходилъ къ тому представленію и вѣрованію, что грозно-ужасающій громъ, страшный, бурный вѣтеръ, солнце, ярко сіяющее или вдругъ неожиданно затмѣвающееся, суть непостижимыя, могучія одушевленные существа, владычествующія надъ всѣмъ живымъ. Точно также ему казалось, что и невольное паденіе ницъ, на землю, невольное колѣнопреклоненіе и рефлексивный крикъ, вопль при ударѣ грома, при страшной бурѣ, при яркомъ весеннемъ свѣтѣ или затмѣніи солн-

¹⁾ Буслаява, очерки древн. русск. литерат. и искусства: эпическ. поэзія XVII вѣка.

ца, требуются этими таинственными, всемогущими существами, дѣйствующими въ громѣ, въ вѣтрѣ, въ солнцѣ, слѣдовательно, составляютъ, такъ сказать, постоянную ихъ „требу“. Такимъ образомъ произошло и потомъ укоренилось, съ одной стороны, первоначальное благоговѣйно-трепетное, религіозное вѣрованіе въ боговъ природы,—въ бога грома—Перуна, въ бога вѣтра—Стрибога, въ бога солнца—Хорса или Дажьбога и т. д. Съ другой стороны, точно также первоначальное невольное, рефлексивное колѣнопреклоненіе, невольный рефлексивный крикъ или вопль при ударѣ грома, при бурѣ вѣтра и проч., однажды навсегда признаны были потомъ за невольную „требу“ этихъ боговъ, обратились въ постоянныя, обычно-обрядовыя, трепетно-богослужебныя колѣнопреклоненія, мольбы и требы для умилостивленія боговъ—грома или Перуна, вѣтра или Стрибога, солнца или Хорса, Дажьбога и т. д.

Затѣмъ, началась все болѣе и болѣе усложнявшаяся ассоціація и дисассоціація чувственныхъ ощущеній и невольныхъ, рефлексивныхъ мышечныхъ движеній и ощущеній, порожденныхъ чувствомъ страха, и такимъ образомъ совершался дальнѣйшій процессъ развитія мифологическаго міросозерцанія, эпоса и идолопоклонническаго богослуженія. Прежде всего, чувство страха передъ таинственными силами природы невольно возбуждало рефлексивную дѣятельность ассоциирующей и анализирующей способности головного мозга, посредствомъ болѣе или менѣе сложнаго психическаго процесса сочетанія и анализа разнообразныхъ конкретных чувственныхъ возбужденій, ощущеній и представлений, порожденныхъ или всецѣло проникнутыхъ также трепетною боязнью таинственныхъ физическихъ силъ, и такимъ образомъ рефлексивно порождало въ головномъ мозгу умственный процессъ образованія мифолого-пантофобической теогоніи или зооморфической и антропоморфической персонификаціи и апотеозы таинственныхъ силъ природы. „Такъ-какъ наши произвольныя дѣйствія,—скажемъ словами Дж. Ст. Милля,—суть самые привычныя для насъ случаи связи причины съ слѣдствіемъ, то въ младенчествѣ и дѣтствѣ человѣческаго рода, они произвольно (априорически) принимаются за типъ этой связи вообще, и все явленія предполагаются производимыми прямо волею какого-нибудь чувствующаго существа. Вездѣ, говоритъ Рейналь, гдѣ дикіе видятъ движеніе,

котораго не могутъ себѣ объяснить, они предполагаютъ волю, душу. Неразвитые народы дѣйствительно вѣрятъ, что солнце, луна и звѣзды, земля, море и воздухъ, источники и озера обладаютъ разумною и дѣятельною силою: поклоняться имъ и молить ихъ о милости есть родъ свойственнаго дикимъ идолопоклонства“¹⁾). По этому-то общечеловѣческому, естественно-психологическому принципу, и въ мифологическомъ міросозерцаніи нашихъ предковъ, подъ вліяніемъ чувства страха таинственныхъ силъ природы, развилась вся система фетишическаго идолопоклонства и зооморфической и антропоморфической персонификаціи и апотеозы таинственныхъ силъ, явленій и предметовъ природы. При этомъ, вслѣдствіе органически-свойственной нервной организаціи сѣверныхъ славяно-русскихъ племенъ, общей медленности передвиженія возбужденій по нервамъ, обусловливаемой суровымъ холодомъ сѣвернаго климата и другими причинами²⁾),— предки наши, естественно, слишкомъ долго переживали фізіолого-психологическій фазисъ первобытнаго, чисто чувственнаго развитія, періодъ преобладанія медленной возбуждаемости и поверхностной воспріимчивости нервномозговой организаціи. А отъ этого, и въ мифологическомъ міросозерцаніи ихъ, самый первобытный, фетишическій сенсуализмъ, всецѣло пронивнутый чувствомъ страха природы, вполне преобладалъ надъ разсудочною способностью отвлеченнаго мышленія, надъ смѣлымъ, пытливымъ, разумно-сознательнымъ обсужденіемъ физическихъ впечатлѣній. „Мы російскій языкъ въ полуношной странѣ, — сказано въ одномъ древнемъ словѣ, — въ части Европіи исперва скифяне и славяне нарицахуся, грамоты не имѣяху, малоуміемъ же и грубостію одержии, каменію же и древу омрачахуся служеніемъ“³⁾). Каждый славянинъ, предокъ нашъ, смотря по субъективнымъ и часто галлюцинаціоннымъ ощущеніямъ зрѣнія, слуха, осязанія, безотчетно, невольно боялся того или другаго предмета природы, апріорически присвоая ему волю, душу, и потому поклонялся своему богу сверхъ множества болѣе или менѣе общихъ боговъ. Такъ объ этомъ личномъ фетишизмѣ свидѣтельствуетъ одно древнее поученіе,

1) Милля, Логика ч. I.

2) См. «Естественно-психологическія условія умственнаго и соціальнаго развитія русскаго народа» въ Отечественныхъ Запискахъ 1870 г. № 3.

3) Сборн. Соловец. библ. № 923: Слово печально и рыданію обдержательно.

направленное противъ язычества нашихъ предковъ: „овъ рѣку богищу нарицаеть и звѣръ живущъ въ ней, аки бога, нарицаа, требу творить; а за индѣа боги кто можетъ рещи: *всякій бо человекъ своего бога имѣяше*, ини почитаху звѣри, ови же змѣй, гады, ини пни различныя¹⁾„. Только уже въ послѣдствіи, передъ временемъ распространенія христіанства, мало-по-малу начала развиваться и болѣе общая зооморфическая и антропоморфическая теогонія, хотя далеко не въ такихъ типическихъ формахъ, какъ, напримѣръ, теогонія древне-эллинская²⁾. Далѣе, медленно, но непрерывно совершался процессъ невольной рефлексивной ассоціаціи первоначальныхъ представленій, порожденныхъ чувствомъ страха таинственныхъ силъ и явленій природы, съ новыми, внезапными, неожиданно-поразительными впечатлѣніями, также возбуждавшими чувство страха, рефлексивно выражавшееся въ мышечныхъ движеніяхъ. И путемъ этой, все болѣе и болѣе осложнявшейся, ассоціаціи ощущеній и представленій развилась вся система мифологическаго эпоса и міросозерцагія, или теолого-пантофобическаго воззрѣнія на внѣшнюю и человѣческую природу. Разнообразные страшные образы и представленія, порожденные чувствомъ страха при первоначальномъ внезапномъ чувственномъ воспринятіи раз-

¹⁾ Слова, направленные противъ язычества нашихъ предковъ-славянъ, напечат. въ Лѣтоп. русс. литер. и древности, т. IV, стр. 85.

²⁾ См. изслѣдованіе г. Афонасьева: Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, или опытъ сравнительнаго ученія славянскихъ преданій и вѣрованій, въ связи съ мифическими сказаніями другихъ родственныхъ народовъ. М. 1865. т. I. Еще въ IX вѣкѣ славянскія племена поклонялись камнямъ, горамъ, рѣкамъ, озерамъ, колодцамъ или ключамъ, лѣсамъ и рощамъ, звѣрямъ и т. д. Наприм. Гельмольдъ о славянахъ своего времени пишетъ: *inhibiti sunt Slavi de coetero juvare eim arboribus, fontibus et lapidibus*. Lib. 1, с. 84. Несторъ свидѣтельствуетъ о русскихъ славянахъ: „бѣху же тогда поганіи, жруще озеромъ и кладземъ и рощеніямъ. Нест. Шлец. 1, 175. Не приводя всѣхъ дальнѣйшихъ свидѣтельствъ изъ XI—XIII вѣка, — укажемъ еще на слѣдующее извѣстіе одного сборника XVII вѣка: вѣрують (звѣрники) въ солнце, глаголюще, яко то грѣеть ны, и въ землю вѣрують, также глаголюще, яко та питаетъ ны, и въ скоты наша и въ воли вѣрують, якъ тня ролью (пахоту) намъ дѣлають, и въ псы, и въ стрѣлу, и въ роки, и въ лѣсъ, и въ дубіе вѣрують: то все себѣ нарицають боги (Сборн. Солов. библ. № 925, и 72 об.). По смыслу этого свидѣтельства, общее чувство страха таинственныхъ силъ и предметовъ природы ассоціировалось, въ частности, съ эгонистическимъ чувствомъ страха за существованіе, за средства жизни, и, возбуждая инстинктъ самосохраненія, невольно побуждало вѣровать въ солнце, въ землю, въ домашній скоть, въ рѣки, въ лѣсъ, въ дубы, и поклоняться имъ изъ страха лишиться ожидаемаго отъ нихъ добра, милости и благодѣяній въ жизни.

личныхъ неожиданно-поразительныхъ, непонятныхъ и страшныхъ явленій природы,—эти первоначальные образы и представленія сопрягались съ новыми страшными образами и представленіями, какія по-прежнему невольно возбуждались новыми внезапными, таинственными и страшными явленіями природы, и непрерывно-последовательно накоплялись въ быту звѣроловческомъ, пастушескомъ и земледѣльческомъ. Такимъ образомъ составлялись новыя, все болѣе и болѣе сложные мифы зооморфическіе, антроморфическіе и т. п. Такъ, напримѣръ, въ періодъ звѣроловческой, когда древній предокъ нашъ въ первый разъ видѣлъ въ лѣсу страшнаго звѣря—медвѣдя, вепря или волка,—невольно, въ рефлексъ отъ испуга, со страхомъ и трепетомъ преклонялся передъ ними. Потомъ, постоянно видя въ лѣсу этихъ звѣрей, онъ мало-по-малу привыкъ къ нимъ, тѣмъ болѣе, что и самъ жилъ въ лѣсу, по словамъ лѣтописи, „звѣринскимъ образомъ, яко же всякій звѣрь“. Вслѣдствіе такого постоянного созерцанія въ лѣсу звѣрей, вродѣ волковъ или вепрей, въ мозгу его естественно напечатлѣвались и преобладали зооморфическія представленія вродѣ представленія о волкахъ, объ оборотняхъ въ волковъ или вепрей, или о „володлакахъ“ чудовищныхъ и страшныхъ. Однимъ словомъ, это былъ періодъ зооморфическаго міросозерцанія, зооморфическихъ божествъ, зооморфическаго, „животннаго эпоса“¹⁾. И вотъ потомъ, когда въ головѣ древняго славянина-звѣролова сложились такія зооморфическія представленія, — вдругъ, въ первый разъ и неожиданно видѣлъ онъ на небѣ страшное явленіе,—внезапное полное затмѣніе солнца, и видѣлъ, быть можетъ, въ такую минуту, когда, ходя въ лѣсу за звѣрями, съ суевѣрнымъ страхомъ помышлялъ о какихъ-нибудь „володлакахъ“ или „упыряхъ.“ Такое необычайное, неожиданное и въ первый разъ увидѣнное зрѣлище, какъ затмѣніе солнца, поразивши органъ зрѣнія славянина-дикаря, тотчасъ-же возбуждало въ немъ чувство испуга, страха и смущенія, и, путемъ рефлекса на голосовыя и разговорныя мышцы его, машинально исторгало изъ груди его невольный крикъ: „о великъ

¹⁾ Афонасьевъ, о зооморфическихъ божествахъ у славянъ въ Отечествен. Зап. 1862 №№ 1, 2 и 3. Его же о животномъ эпосѣ, въ примѣчаніяхъ къ изданнымъ имъ русскимъ сказкамъ. Подробности см. въ кн. г. Афонасьева: «поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, т. 1, гл. XII—XIV: Баснословныя сказанія о звѣряхъ, стр. 592—796.

страхъ, о ужасъ! Погибе солнце!“ При этомъ, когда дикій звѣроловъ-славянинъ мало-по-малу опамитовался, приходилъ въ себя и начиналъ размышлять о случившемся на небѣ явленіи, — въ головѣ его быстро воспроизводилось возникшее прежде и преобладавшее въ памяти зрительно-слуховой зооморфическое представленіе о волкахъ и волкодлакахъ, и невольно, путемъ рефлексивной ассоціаціи, смѣшивалось съ новымъ, неожиданно-поразительнымъ и страшнымъ зрѣлищемъ — затмѣніемъ солнца. И вотъ, объясняя себѣ затмѣніе солнца, „невѣгласи“ съ ужасомъ говорили: „о, ужасъ, о, страхъ! Снѣдаемо солнце волкодлаками“, т. е. пожирается оборотнями въ волка или вепря ¹⁾. Точно также всякое другое внезапное и необычайное явленіе природы, неожиданно поражая органъ зрѣнія или слуха, путемъ рефлексивнаго дѣйствія на головной мозгъ, возбуждало чувство страха, ужаса и унынія и, сочетаясь съ какимъ-нибудь представленіемъ, образовавшимся прежде, порождало новое страшное мифологическое представленіе, новый зооморфическій мифъ. Вдругъ, видѣли, наприимѣръ, комету или новую, невиданную прежде звѣзду: органъ зрѣнія сильно поражался ею, возбужденно воспринималъ ея образъ, а центрально-мозговой, психическій органъ представленія, возбужденный ощущеніемъ страха, при этомъ чувственномъ воззрѣніи на комету или звѣзду, быстро рефлексивно воспроизводилъ, наприимѣръ, изъ того-же звѣроловческаго быта какіе-нибудь прежде воспріятыя нервными аппаратами образы, которые ему казались похожими на образъ видимой кометы или звѣзды, представлялъ, наприимѣръ, хвостъ звѣриный, копые звѣроловческое и т. п. И вотъ, такимъ образомъ, уstraшеннымъ предкамъ нашимъ необычайная звѣзда или комета казалась „хвостатой“ или „акви копые“ и наводила на нихъ ужасъ и страхъ: „явися, говорили со страхомъ даже въ болѣе позднее время, — явися звѣзда хвостата, образомъ страшнымъ и отъ видѣнія сея звѣзды страхъ объя вся человекѣи и ужасъ“ ²⁾. Или, въ тотъ-же звѣроловческій періодъ, были наши предки на „ловитвѣ звѣрей“ и вдругъ

¹⁾ Ипат. 7: „погибе солнце и бысть яко мѣсяць, его-же глаголютъ неvēгласи: „снѣдаемо солнце“. Буслаева Очерки старин. русс. литерат. 1, 93: егда убо погыбнетъ луна или солнце, селяне глаголютъ: «*волкодлаци луно извидоше или солнце*».

²⁾ Густын. лѣт. 344 — 345.

видѣли — неся въ атмосферѣ огненный метеоръ: въ рефлексѣ отъ страшнаго испуга, они тотчасъ-же, по выраженію актовъ, „обстрашались зѣло и отъ ужаса падали на землю“. При этомъ, по извѣстному физиологическому закону такъ-называемыхъ „субъективныхъ свѣтовыхъ слѣдовъ“, огненный метеоръ, вслѣдствіе непрерывнаго и быстрого движенія, оставлялъ въ глазу непрерывный свѣтовой слѣдъ, аналогично, напримѣръ, съ явленіемъ огненнаго круга, образующагося вслѣдствіе быстрого вертѣнія передъ глазомъ раскаленнаго угля. А въ головѣ нашихъ предковъ, въ періодъ зоморфическаго міросозерцанія, передъ тѣмъ только-что образовались и живо сохранялись разнообразныя страшныя представленія о „змѣяхъ летящихъ“, о „змѣяхъ горынчищахъ“ и т. п. И вотъ это-то представленіе о страшномъ „летащемъ змѣѣ“, въ умѣ темнаго народа рефлексивно сопрягалось, при видѣ метеора, съ тѣмъ субъективнымъ свѣтовымъ слѣдомъ, какой образовался въ глазу вслѣдствіе непрерывнаго продолженія быстрого вращательно-поступательнаго движенія метеора, и, такимъ образомъ, глазамъ народнымъ огненный метеоръ казался летящимъ огненнымъ змѣемъ. „И абіе, говоритъ лѣтописецъ, — спаде съ небесе змій превеликъ и ужасошася вси людіе, яко и самой землѣ въ то время стукнути и стонати“. Даже еще въ XVIII вѣкѣ огненный метеоръ казался народу извивавшимся по небу огненнымъ змѣемъ и наводилъ такой страхъ, что „отъ ужаса люди падали на землю“. Такъ произошелъ мифъ объ огненномъ змѣѣ *). Наконецъ, какъ чувственно-перцепціонное развитіе древне-славянскаго народнаго міросозерцанія происходило вообще изъ чувства страха таинственныхъ силъ и явленій природы, такъ и все дальнѣйшее, апіорическое развитіе его мотивировалось тѣмъ же страхомъ природы вообще и, въ частности, боязнью и трепетнымъ опасеніемъ за цѣлость и сохраненіе жизни, за обезпеченіе физиологической потребности пищи, жилища, одежды, здоровья и безопасности. Такой источникъ и смыслъ имѣютъ всѣ народныя физическія примѣты, весь народный физическій мѣсяцесловъ *). Вслѣдствіе всеобщаго страха таинственныхъ физическихъ силъ, все въ природѣ предзнаменовало или

*) Сборн. Солов. библ. № 864, л. 140. П. С. Лѣт. 1,92. А. И. IV, 334.

*) См. народный мѣсяцесловъ и примѣты въ сборникѣ пословицъ рус. народа, издан. Далець.

предвѣщало что-нибудь существенно-относящееся къ народной физической или нравственной жизни, какое-нибудь народное бѣдствіе или страданіе. При этомъ разъ замѣченное случайное совпаденіе или апіорически, произвольно принятая связь какихъ-нибудь странныхъ физическихъ явленій съ тѣмъ или другимъ физическимъ бѣдствіемъ народа, въ силу апперцепціи, принимались потому и за постоянный физическій законъ, а потому и за постоянную физическую примѣту. Напримѣръ, такіа грозныя явленія природы, какъ страшное волненіе моря, сильный громъ, разрушительная буря, чрезмѣрные проливные дожди, необычайное умноженіе и движеніе хищныхъ звѣрей и т. п., — такіа страшныя физическія явленія уже сами по себѣ возбуждали страхъ и трепеть за жизнь, здоровье и безопасность и, вслѣдствіе этого, рефлексивно порождали разныя апіорическія, суевѣрно-боязливыя гаданія насчетъ цѣлости и сохранности жизни и здоровья, запугивали воображеніе боязливымъ ожиданьемъ многократно-испытанныхъ и тяжело-прочувствованныхъ народомъ бѣдствій — мора, неурожая, наводненія и т. п. А при этомъ, если такіа грозныя физическія явленія, какъ бурное волненіе моря, страшный громъ, сильныя бури и т. д., хоть разъ дѣйствительно совпадали случайно съ страшными народными бѣдствіями — моромъ, голодомъ или войною, то съ тѣхъ поръ, запомнутыя твердо, отмѣченныя въ народныхъ примѣтахъ, а впоследствии записанныя даже въ лѣтописяхъ, эти грозныя, страшныя физическія явленія уже положительно и однажды навсегда принимались за вѣрный и постоянный признакъ или примѣту, предвѣщавшую именно эти народныя бѣдствія — моръ, неурожай и голодъ, войну и т. п. Подобныхъ примѣтъ образовалось вообще безчисленное множество ¹⁾. Громъ всегда возбуждалъ чувство содроганія, страха и трепета за жизнь, — и вотъ, подъ вліяніемъ этого страха и дрожанія за жизнь при звукѣ грома, развились всѣ примѣты о предвѣщательномъ знаменованіи грома относительно самыхъ животрепещущихъ потребностей жизни. Примѣты эти впоследствии записаны были въ „сказаніи о громѣ“ ²⁾. Вообще, чѣмъ больше была область неизвѣстнаго въ природѣ, чѣмъ больше было впечатлѣній

¹⁾ Косгомарова, Очеркъ нравовъ великорус. народа, стр. 185.

²⁾ Сборн. Солов. библ. № 182.

совершенно новыхъ, неожиданныхъ, тѣмъ обширнѣе была и мрачная область страшнаго въ природѣ; и тѣмъ сильнѣе эти впечатлѣнія рефлексивно раздражали и потрясали нервную систему, чѣмъ мучительнѣе затрогивали они эгоистически-животный инстинктъ самосохраненія. А по законамъ человѣческой природы извѣстно, что впечатлѣнія или ощущенія непріятныя, мучительныя, такъ-же, какъ и особенно-пріятныя и радостныя, всегда сочетаются въ нашемъ представленіи легче и сильнѣе другихъ впечатлѣній и идей, т. е. соединяются послѣ меньшаго числа повтореній и ассоціація ихъ прочнѣе. И вотъ по этому-то закону ассоціаціи ощущеній и идей развивалась многосложная система суевѣрныхъ примѣтъ, религіозныхъ вѣрованій и вообще мифологическаго міросозерцанія; и общее чувство страха природы, такимъ образомъ, всецѣло проникало все умонастроеніе и политеистическое міросозерцаніе: то какое-нибудь страшное мифическое пугало лѣсное — „дивъ“ кликалъ съ вершины дерева и вѣщаль что-нибудь недоброе, страшное, то зловѣщій крикъ птицы, ревъ и свистъ звѣрей пророчилъ бѣду, то „начать трава жалощами, а древо съ тугою къ земли преклоняется“, тоже страшая недобрыми знаменіями, то вѣтры, стрибоговы внуки, не къ добру вѣяли съ моря стрѣлами, предвѣщая гибель и обиду въ силахъ Дажьбожа внука. „Солнце ему тьмою, поетъ Слово о полку Игоревѣ, — путь заступило; ночь, стонуши ему грозою, птицъ зловѣщихъ разбудила... Бѣды его вѣщали птицы и свистъ звѣринъ въ лѣсахъ, волки грозу ему сторожили по яругамъ, орлы клеткомъ звали звѣрей на кости людскія: „о русская земле!“ Сь тяжкимъ мучительно-тревожнымъ чувствомъ страха, съ рабскимъ трепетомъ передъ владычествомъ природы Ярославна заклипала вѣтеръ и солнце, чувствуя ихъ всеильное господство надъ людьми: „о, вѣтре, вѣтрило! чему, *господине*, насильно вѣеши? Чему мычеши хановскія стрѣлы на своєю нетрудную крыльцо на моя лады вой? Мало-ли ти баше горѣ подь облаки вѣяти, делѣючи корабли на синѣ-морѣ? Чему, *господине*, мое веселіе ковылю развѣя?... Свѣтлое, пресвѣтлое солнце! Чему, *господине*, простре горячую свою лучю на моя лады вой? Чему въ полѣ безводнѣ жаждою имъ луци съпряже, тугою имъ тули затче!“

Какъ во виѣшней природѣ все, что неожиданно, поразительно дѣйствовало на органы чувствъ нашихъ предковъ-язычниковъ,

возбуждало въ нихъ страхъ и рефлексивно выражалось въ мышечныхъ движеніяхъ колѣнопреклоненія, моленія и т. д., такъ и въ человѣческой природѣ все, что раздражительно поражаало чувствующие нервы, все, что ощущалось и замѣчалось въ организмѣ человѣческомъ въ первый разъ или неожиданно, или что особенно выступало изъ ряда обыкновенныхъ анатомо-физиологическихъ явленій и проявлялось внезапно и непонятнымъ образомъ, — все это точно также возбуждало страхъ и трепеть, и это чувство страха, въ свою очередь, также невольно, рефлексивно проявлялось въ трепетныхъ мышечныхъ движеніяхъ — колѣнопреклоненіяхъ, мольбахъ, наговорахъ, заклятійхъ и т. п. Такимъ образомъ всеобщая распространялась и на человѣческую природу, относилась и къ міру антропологическихъ явленій. Такъ, напримеръ, прежде всего самый физиологическій актъ рожденія человѣка и потомъ—нарожденія цѣлаго рода или племени, по непостижимости своей для первобытнаго человѣка, казался изумительнымъ и страшнымъ. Первоначально одинъ видъ непонятнаго и мучительнаго акта рожденія человѣка долженъ былъ производить тяжелое, страшное впечатлѣніе на всѣхъ, впервые видѣвшихъ его, и потому невольно возбуждалъ чувство изумленія, страха и ужаса. Такъ-какъ первобытный человѣкъ все внѣ себя представлялъ съ субъективной точки зрѣнія, и во всякомъ виѣшнемъ движеніи предполагалъ такую-же живую, самопроизвольно-движущую силу, какую ощущалъ и въ себѣ,—то и въ актѣ рожденія человѣка и въ самой рожаницѣ, въ моментѣ родовъ, онъ предполагалъ присутствіе и дѣйствіе особой живой силы, особаго невидимаго существа или духа, производившаго актъ рожденія, мучившаго рожаницу во время родовъ и устранившаго всѣхъ окружающихъ ее. Такъ могло возникнуть поклоненіе „роду и рожаницамъ“. Первоначальное невольное, рефлексивное паденіе и колѣнопреклоненіе передъ рожаницей, вызванное испугомъ или страхомъ, признано было за постоянную „требу“ или требованіе особаго невидимаго существа—духа рода и рожаницы, и такимъ образомъ обратилось въ постоянное, обычное религіозно-обрядовое поклоненіе роду и рожаницѣ. По свидѣтельству древнихъ памятниковъ, роду и рожаницамъ поклонялись, молились, пѣли бѣсовскія пѣсни, требы клали, приносили въ жертву хлѣбъ, сыръ, медъ, куръ и проч. Бабы варили кашу на собраніе рожаницамъ,

въ честь имъ стригли первые волосы съ дѣтей. Страхъ непостижимаго акта рожденія человѣка, страхъ рода и рожаницы породилъ, далѣе, суевѣрную боязнь и за всю судьбу новорожденнаго младенца. Отсюда возникло вѣрованіе, что въ тотъ день, когда рождался младенецъ, ему давался, по вліянію рожаницы, „норовъ или осудъ“. Отсюда старинныя выраженія: „на роду написано“, или „завѣченъ я у родителей“. Такимъ образомъ возникъ религіозно-фаталистическій страхъ „судьбы“, „рока“. Если непостижимый для первобытныхъ людей фізіологическій актъ рожденія человѣка возбуждалъ чувство ужаса и породилъ трепетное поклоненіе роду и рожаницамъ, то такія необычныя явленія дѣторожденія, какъ монстры или уроды, недоразвившіеся или уродливо развившіеся эмбрионы, естественно, должны были производить впечатлѣніе еще болѣе ужасающее. Въ одномъ древнемъ словѣ, обличающемъ языческія суевѣрія славянъ, такъ засвидѣтельствовано это религіозно-трепетное поклоненіе уродамъ или „недоношеннымъ породамъ“. „Кланяются они (славяне) стегнороженію, роженію недоношеннаго порода, мати бо его рожачи оказались, и того (недоношеннаго порода) сотвориша богомъ, кланяются богу мужежену, тѣмъ-же богамъ жертву творять и кладутъ и славянскій языкъ, и начаша требу творити своимъ богамъ роду и рожаницѣ¹⁾. Далѣе, вдругъ, въ первый разъ видѣли древніе предки наши какое-нибудь аномальное или особенно странное и безобразное уклоненіе въ анатомическомъ строеніи, въ наружномъ видѣ человѣка, или внезапно встрѣчали, на примѣръ, человѣка съ кривыми, косыми или разноцвѣтными глазами, съ рыжими, бѣлыми или черными волосами и т. п.,—и вотъ, опять, на первыхъ порахъ поражались страхомъ. Рефлексъ отъ страха выражался на разговорныхъ мышцахъ, и чувство страха рефлексивно изливалось въ такомъ трепетно-боязливомъ заклитаніи: „завли, господи, отъ бѣловолосаго, отъ черноволосаго, отъ рыжеватаго, отъ русоволосаго, отъ одноглазаго, разноглазаго у упирца“²⁾. Какъ на лапландцевъ, въ силу ихъ особенной нервной раздражительности (пантофобіи), всякое неожиданное тѣлодвиже-

¹⁾ Лѣтоп. стар. русс. литературы: поученія, направленныя противъ язычества III, 99—100.

²⁾ Архивъ г. Калачева кн. II, 2. пол.

ніе—начальное открытіе или закрытіе рта, внезапное движеніе указательнаго пальца и т. п., по свидѣтельству Кастрена и Гестрема, обыкновенно наводитъ всеобщее нервное потрясеніе, и отъ испугу они падаютъ, какъ мертвые ¹⁾, такъ-же точно и въ предкахъ нашихъ, въ первобытный періодъ ихъ нервно-мозгового, психическаго развитія, — вслѣдствіе неожиданнаго физиологическаго актъ, всякое внезапное движеніе или сотрясеніе того или другаго члена обыкновенно возбуждали испугъ, страхъ и трепетъ, особенно когда случались въ первый разъ. Вдругъ, наприимѣръ, засвербѣла ладонь на рукѣ, чего прежде не было, или — зазвенѣло въ ухахъ, — первобытный человѣкъ апіорически думалъ, что какая-нибудь особенная сила, какой-нибудь духъ, демонъ производилъ это свербѣніе ручной кисти или этотъ звонъ въ ухахъ, — и вотъ, боялся, „ухо-звона“, страшился чего-то зловѣщаго въ неожиданномъ зудѣ ручной ладони. Или, вдругъ, неожиданно произошло рефлексивное движеніе въ носовой полости отъ раздраженія чувствующихъ волоконъ тройничнаго нерва какими-нибудь острыми парами или пылью, и отъ того вдругъ человѣку чихнулось, чего прежде не случалось, — и вотъ опять поражались испутомъ и рефлексивнымъ трепетомъ: не понимали, что это за сотрясеніе, чиханіе, какая невидимая сила вдругъ, неожиданно производитъ такое рѣзко-выдающееся движеніе въ носу, — и вотъ боялись чиханія, какъ зловѣщаго звука, со страхомъ вѣрили „въ чохъ“. Такъ-же раздражительно дѣйствовали на чувствующіе нервы, а съ нихъ, путемъ рефлекса, и на весь организмъ и многія другія внезапныя тѣлесныя движенія, наприимѣръ: неожиданное или необычайное движеніе глазъ, дрожаніе или сотрясеніе какой-либо мышцы, мановеніе руки и т. п. Боялись всякаго малѣйшаго сотрясенія въ бровяхъ, въ пальцахъ, страшились сотрясенія лѣваго плеча, чесанія глаза, зуда въ переноси, иканья, со страхомъ смотрѣли на слѣдъ, оставляемый ступней человѣка. Но особенно боялись злой страшной силы глаза, посылающей на человѣка бѣдствія и ужасныя болѣзни, такъ что только „заговорное слово“, по народному повѣрью, могло спасти отъ навожденія злого глаза, „отъ призора и сглаживанья“.

¹⁾ См. статью Лазаруса: „Обманъ чувствъ“ въ „Современн. Обзорѣніи“ 1868 г. № 4.

Наконецъ, не говоря уже о томъ, какой страхъ возбуждало вѣщее заговорное слово вѣдуна или вѣдуньи, — самая мысль чело-вѣческая, особенно непостижимая для первобытнаго чело-вѣка, была для него страшна, казалась ему зловѣщей. Вслѣдствіе это-го боязливо-фаталистическаго страха ума, — въ самой мысли че-ловѣческой боялись зла, и особенно страшились зломыслія вѣ-дуна-знахаря, со страхомъ вѣруя въ присущую его уму особенную, сверхъестественную вѣщую силу. Отъ злой мысли, отъ магической силы вѣщаго ума, вѣщей думы вѣдуна заговаривались заклятіемъ: „завяжи, господи, колдуну и колдуньѣ, вѣдуну и вѣдуньѣ, и упиру на раба божія зла не мыслити“. Съ трепетной боязнью злой мысли, — вопрошали ея тайны, гадали о ея страшныхъ, ро-ковыхъ предопредѣленіяхъ. Появившіяся впослѣдствіи особыя га-дальныя тетради, извѣстныя подъ названіемъ „Рафлей“, такими, напримѣръ, зловѣщими предопредѣленіями „злой мысли“ устра-шали суевѣрно-боязливаго гадальщика: „въ мысляхъ твоихъ грѣ-ха много, а корысти мало, отъ той мысли удайся и не слушай себя, добро будетъ; аще станешь помышлять, — будетъ погибель, лишися отъ нея: зла сія мысль! Аще думаеши о болѣзни, то смерть будетъ, или о домашнемъ — отнюдь непотребна... И сія тебѣ мысль не на пользу: еще о болѣзни думаешь — болѣзнь бу-детъ злая, и въ путь свой не ходи — смерть будетъ, и недругъ твой хочетъ тебѣ бѣду сдѣлать. И сія тебѣ мысль не напользу: и ты, чело-вѣче, задумай, что тебѣ другая мысль скажетъ“ и т. д. Вообще, чело-вѣческая природа едва-ли еще небо-лѣе возбуждала въ первобытномъ умонастроеніи нашихъ предковъ чув-ство страха и трепета, чѣмъ природа внѣшняя, физическая.

При такомъ господствѣ чувства страха природы внѣшней и чело-вѣческой, долго умъ народный не могъ сознать и своей са-мостоятельности, не могъ опознаться въ сферѣ внѣшней природы. Подавленный чувствомъ страха таинственныхъ силъ природы, окруженный отовсюду мракомъ неизвѣстнаго, онъ самъ своею мыслью еще неспособенъ былъ постигать непостижимое въ природѣ и судь-бахъ чело-вѣческой жизни, и робко, боязливо ожидалъ объясне-нія тревожно-мучительныхъ тайнъ и вопросовъ жизни отъ самой окружающей природы. Не созная своей самодѣтельности, мла-денчествующій умъ чело-вѣческій всѣ свои представленія, всѣ свои ощущенія принималъ за таинственныя вѣщанія или внушенія ума,

пребывающаго въ предметахъ и явленіяхъ вѣшняго міра. Со страхомъ и трепетомъ первобытнѣй предковъ нашъ прислушивался къ каждому звуку въ природѣ—къ треску дровъ въ огнѣ, къ шуму лѣса, къ скрипу дерева, къ крику птицъ и проч., чтобы вывѣдать тѣ страшныя, тревожно-безпокоящія умъ тайны жизни, какія сокрыты въ таинственныхъ силахъ природы. Въ травѣ, въ растеніи ему представлялся таинственный вѣщій умъ, знавшій всѣ тайны человѣческой природы, и слышался голосъ, раскрывавшій ему секреты растительнаго міра, имѣвшіе отношеніе къ человѣческой жизни ¹⁾).

Очевидно, и самыя первыя, грубыя зачатки умственнаго самосознанія должны были зарождаться крайне медленно и съ большимъ трудомъ. Только тогда уже стали возникать первыя проявленія самоощущенія или самосознанія ума въ сферѣ природы, когда рядомъ съ первобытною безпредѣльною областью неизвѣстнаго и, потому, страшнаго въ природѣ вѣшней и человѣческой, началъ мало-по-малу обозначаться и очерчиваться первый, чуть замѣтный кругъ извѣстнаго, привычнаго для нервовъ чувствъ и, потому, болѣе уже не такъ страшнаго для запуганныхъ умовъ. Только мало-по-малу накоплялся запасъ болѣе или менѣе полныхъ представленій объ окружающихъ предметахъ природы, запасъ элементарныхъ конкретныхъ знаній. Сначала всего болѣе въ природѣ, человѣкъ инстинктивно всего долженъ былъ остерегаться, и это постоянно возбуждаемое страхомъ инстинктивное чувство самосохраненія невольна мало-по-малу развивало въ немъ самоощущеніе, самосознаніе, въ противоположность устрашавшимъ объективнымъ предметамъ или явленіямъ природы. Это умственное самоощущеніе или самосознаніе становилось наиболѣе яснымъ и смѣлымъ въ сферѣ тѣхъ окружающихъ предметовъ или явленій природы, которые, вслѣдствіе постепенной привычки къ нимъ нервовъ чувствъ, уже не возбуждали первоначальнаго чувства страха, а напротивъ, будучи болѣе или менѣе познаны умомъ, давали ему первую точку опоры на пути къ дальнѣйшему самоопознанію въ сферѣ окружающей природы, сообщали ему первый лучъ ободряющаго свѣта въ мрачной области неизвѣстнаго. Постоянно лова и убивая звѣрей или птицъ, или срывая травы и упо-

¹⁾ Памят. II, стр. 415, 447—449.

требляя ихъ для удовлетворенія своихъ жизненныхъ потребностей, человѣкъ, естественно, всякій разъ чувствовалъ самого себя, такъ сказать, невольно ухватывался за свою голову, напрягалъ свой мозгъ — способность соображенія, и особенно чувствовалъ это невольное умственное напряженіе тогда, когда неожиданно встрѣчалъ какое-нибудь препятствіе въ ловѣ звѣрей, или птицъ, въ собираніи травъ и кореньевъ, или когда испытывалъ отъ нихъ какой-нибудь вредъ. И вотъ, это-то первоначальное самоощущеніе или самосознаніе ума въ сферѣ окружающей природы выразилось, во первыхъ, въ вѣдунствѣ или знахарствѣ, восторыхъ, — въ зачаткахъ первобытной человѣческой пытливости или любознательности, высказавшейся въ дѣтской склонности первобытнаго ума къ загадкамъ. Вѣдунство было первымъ выраженіемъ общественной функціи младенчествуаго ума. Вѣдунны первые заявляли за собою знаніе тайнъ природы, свойствъ звѣрей, растений, камней, и умственную силу — покорять устрашающую человѣка природу. Недаромъ, и въ историческія времена, вѣдунны были первыми составителями зачаточныхъ ботаническихъ описаній — травниковъ, и въ то время, когда русскіе, одержимые чувствомъ страха природы, боялись даже рыться въ горахъ, искать золота или серебра, — въ то время вѣдунны, волхвы являлись первыми смѣльчаками, на которыхъ возлагалось дѣло изысканія рудъ. Въ началѣ-же, когда только-что стали появляться вѣдунны, они производили паническій страхъ въ пантофобически-настроенныхъ умахъ. Темная масса народа съ изумленіемъ смотрѣла на первое рѣзко-выдающееся проявленіе ума въ вѣдунствѣ, и сколько вѣрила въ него, столько-же боялась, трепетала его непостижимой вѣщей силы. Какъ впоследствии умъ человѣческой, прежде, чѣмъ сталъ съ благоговѣніемъ смотрѣть на великихъ міровыхъ гениевъ естествоиспытанія, долго сначала боялся ихъ какъ маговъ, чародѣевъ и чернобнижниковъ, — такъ въ младенчествѣ и дѣтствѣ своемъ онъ вѣрилъ въ чародѣйновѣщій умъ вѣдуновъ, и страшился ихъ, какъ людей необыкновенныхъ, знавшихъ съ страшными таинственными силами природы. Въ одно время съ вѣдунствомъ, первое самоощущеніе ума въ сферѣ природы выразилось и въ пытливыхъ вопросахъ загадки. Въ началѣ загадки состояли изъ замысловатыхъ вопросовъ о тѣхъ отдѣльных предметахъ или явленіяхъ природы, которыя умъ

прежде всего позналъ, какъ напр. объ извѣстныхъ растеніяхъ, звѣряхъ, камняхъ, о днѣ и ночи и т. п.; въ послѣдствіи, во времена водворенія христіанства на Руси, загадка стала мало-помалу обращаться въ космогоническую думу, въ вопросы о началѣ міра и человѣка, о происхожденіи солнца, мѣсяца, звѣздъ, вѣтровъ, грома, звѣрей, птицъ, растеній и т. д. Какъ вѣдунство, такъ отгадыванье загадокъ вначалѣ возбуждало необыкновенное удивленіе, какъ чудо непостижимой вѣщей силы ума ¹⁾).

Таковы были первые, самые тусклые проблески умственного самоощущенія человѣка въ кругомъ - облежавшей его мрачной области неизвѣстнаго въ природѣ внѣшней и человѣческой. Но если вникнуть глубже, то легко замѣтить, что и эти первобытные, грубые зачатки умственного самоощущенія почти всецѣло проникнуты были тѣмъ-же чувствомъ страха таинственныхъ силъ природы. Только-что пробуждавшійся первобытный умъ человѣческій еще даже и не смѣлъ самъ себя задавать пытливые вопросы, хоть въ формѣ загадки, и не дерзалъ свободно рѣшать ихъ. Подавленный чувствомъ страха природы, онъ боялся вопросовъ, касавшихся таинственныхъ силъ и явленій природы. Онъ не смѣлъ самъ собою додумываться даже и до загадокъ, не смѣлъ приписывать себя мудрость загадочныхъ вопросовъ, а приписывалъ ее страшнымъ таинственнымъ существамъ, мерещившимся ему въ водахъ и лѣсахъ, въ образѣ вѣщихъ вилъ и русалокъ. Не смѣло, а со страхомъ и трепетомъ онъ и рѣшалъ эти загадки, боясь, чтобы русалки не зашекетали его до смерти за нерѣшеніе загадки или за рѣшеніе ея, несогласное съ ихъ вѣщимъ умомъ. При первыхъ-же порывахъ первобытной, дѣтской пыливости ума, его запугивалъ страхъ темныхъ силъ. Еще болѣе проникнуто было чувствомъ страха природы вѣдунство. Страхъ таинственныхъ силъ природы, можно сказать, и породилъ его. Вѣковой гнетъ мрачнаго, тяжелаго чувства страха природы до того напрягалъ и возмущалъ головной мозгъ тьмой разныхъ страшныхъ представленій, что, наконецъ, невольно, рефлексивно выражался страшнымъ крикомъ мятежнаго ропота и заклятія противъ устрашающихъ и гнетущихъ силъ природы или, по крайней мѣрѣ, робкимъ боязливымъ нашептываніемъ за-

¹⁾ Памят. II, 349, 350.

говора противъ нихъ. Да и самъ волхвъ-вѣдунъ преисполненъ былъ чувства страха передъ таинственными силами природы. Въ томъ-же царствѣ растительномъ, гдѣ вѣдунъ-зеленикъ особенно заявлялъ свое знахарство, къ тому или другому растенію и корню онъ и самъ приступалъ съ общимъ суевѣрнымъ страхомъ и трепетомъ, боялся, чтобы не оскорбить пребывающаго въ травахъ и корняхъ демона, и, не смѣя приступитъ во всякое время, съ трепетомъ выжидалъ урочнаго дня и часа. И для темнаго народа вѣдуны - волхвы были большею частію страшилищами. Не добрыми побужденіями, не любовью къ ближнему, не сознаниемъ потребности естествоиспытательнаго служенія народу, а чисто эгоистическимъ чувствомъ самообольщенія, шарлатанскимъ своекорыстіемъ, стремленіемъ къ умственной и матеріальной эксплуатаціи темной, суевѣрной массы—вотъ какими мотивами руководилось вѣдунство, волшебство, знахарство. Потому-то и мифологія самое происхожденіе волшебства приписываетъ злымъ, страшнымъ, зловреднымъ существамъ. Потому-же и народъ, сколько вѣрилъ въ волшебство вѣдуновъ и вѣдуній, столько-же и боялся ихъ вѣщаго ума, изъ злой вѣщей мысли, ихъ тайнаго сношенія съ нечистой, страшной темной силой, и боялся до такой степени, что самъ заговаривался и заклинался отъ вѣдуновъ и вѣдуній: завяжи, господи, колдуну и колдуньѣ, вѣдуну и вѣдуньѣ и упрцу на раба божія зла не мыслити: пойду я черезъ чистыя поля, черезъ быстрыя рѣки, черезъ зеленыя дубравы: не громъ гремитъ, ни молніей палитъ, — жжетъ и палитъ отбиваетъ всяку дьявольску притчу отъ раба божія, отбиваетъ раба божія отъ колдуна, отъ колдуньи, отъ вѣдуна, отъ вѣдуньи: завяжи, господи, колдуну и колдуньѣ, вѣдуну и вѣдуньѣ уста и языкъ — на раба Божія зла не мыслити!“ При такомъ мрачномъ демоническомъ характерѣ, очевидно, вѣдунство не могло внести въ первобытныя славянскія общины свѣта, просвѣтительныхъ лучей знанія, истины, правды,—не могло быть такой умственной силой ихъ, чтобы могущественно противоудѣйствовать господству грубой физической силы и соудѣйствовать правильному и самостоятельному, разумно-свободному саморазвитію общинъ. Оно не могло образовать интеллигенціи народа, руководящаго мыслящаго класса. Напротивъ, оно еще и само запугивало, застрашивало и слѣдовательно деморализировало и омрачало народъ. По-

слѣ всего этого понятно, почему, во первыхъ, грубая физическая сила была вполне господствующимъ факторомъ первоначальной закладки коренныхъ основъ общества, и почему, потомъ, вѣдунство и умственные силы народа оказались вполне безсильными, чтобы противодѣйствовать вмѣшательству и вліянію варяжскаго и византійскаго общественнаго строя.

Если нервно мозговал умственная сила, рѣзко выдававшаяся въ вѣдунахъ и вѣдуньяхъ, возбуждала всеобщій страхъ, — то особенно выдававшаяся физическая, мускульная сила человѣка, безъ сомнѣнія, еще болѣе должна была внушать страхъ и трепетъ. И дѣйствительно, первобытное проявленіе человѣческой природы ничѣмъ такъ типично не характеризуется, какъ полнѣйшимъ господствомъ грубой физической силы. Мускульная сила естественно преобладала надъ силой головного мозга, несравненно болѣе дѣйствовала, чѣмъ сила умственная, и потому сама своими „необычными“, ужасными проявленіями возбуждала „ужасъ въ разумахъ“. Вслѣдствіе этого могучей мышечной силѣ со страхомъ и трепетомъ поклонились, въ образѣ апотеозы „мертвой богатырской головы“. „Самый сильнѣйшій и страшнѣйшій богатырь-силачъ, — гласитъ народный эпосъ, — со страхомъ и трепетомъ ударялъ о сыру землю и говорилъ: о государыня богатырская голова! Не дай напрасной смерти, дай животъ! И отъѣхавши, сильнѣйшій богатырь самъ себя подумалъ: доселѣ язъ царства устрашалъ, богатырей побивалъ, а нынѣ язъ со слезами богатырской головѣ поклонился. Тогда богатырская голова крикнула громкимъ голосомъ, и богатырь узналъ свою вину, воротился, слѣзъ съ добра коня, палъ на сыру землю, и говорилъ: Государыня богатырская голова! виноватъ я передъ тобою, что посмѣлъ сказать таково слово! И богатырская голова его простила въ томъ словѣ, что дерзнулъ съ млада ума, и научила его, какъ силой орудовать, какъ силу побивать, по какимъ членамъ ударить и бить страшнаго врага“¹⁾. Страшная сила богатырей или необыкновенныхъ силачей — храбрыхъ воиновъ до того устрашала народъ, что онъ со страхомъ и трепетомъ умилостивлялъ ихъ особыми жертвенными поминками. Слѣды такого первобытнаго умилостивленія страшныхъ силачей сохранились въ народныхъ преданіяхъ и до

¹⁾ Памяти Ц, 335.

селѣ. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ псковской губерніи, на могилу неизвѣстнаго богатыря мимоидущіе крестьяне бросаютъ вѣтви деревьевъ, сѣно или траву. Въ вологодской губерніи, съ незапамятныхъ временъ сохранилось обыкновеніе, чтобы каждый проходящій мимо могилы храбраго „Аники-воина“ срѣзывалъ пруть съ дерева и бросалъ на его могилу, приговаривая: Аника, Аника— вотъ тебѣ вика ¹⁾. Невольное, трепетное чувство страха предъ необыкновенно-выдающеюся силой человѣческой, въ связи съ смутнымъ, ужасающимъ чувствомъ всеобщаго владычества и гнета всемогущей физической силы, силы природы, породило вѣру въ грознаго бога силы, у котораго просили силы физической, мускульной, силы убійственной, какъ сверхъестественнаго дара божеской силы. Вслѣдствіе этой вѣры въ бога силы, употребленіе физической мускульной силы на „битвенное дѣло“ и даже на убійство считалось дѣломъ угоднымъ богу силы, дѣломъ покровительствуемымъ божествомъ силы. Богатырь молился: „боже, боже, дай мнѣ, господи, всякаго человѣка убить копьемъ, тупымъ концомъ“ ²⁾. Вообще, необыкновенная физическая сила, вызывавшая трепетное поклоненіе себѣ, возбуждала всеобщій паническій страхъ и трепеть. Въ доисторическомъ богатырскомъ эпосѣ народномъ называется: „Говоритъ богатырская голова: язь былъ человѣкъ, да и богатыри многіе, князи восточные и западные не только меня боялись: но и имени моего *страшились*“ ³⁾. Вслѣдствіе такого всеустрашающаго впечатлѣнія, физическая, мускульная сила, возбуждавшая страхъ, была первобытнымъ идеаломъ человѣческаго совершенства, идеаломъ стремленій юншества. Такъ-какъ въ тѣ времена господства родовой розни, когда „вставалъ родъ на родъ“, обыкновенно каждый споръ, всякая ссора рѣшались грубой физической силой, битвой въ полѣ, то, естественно, всякій желалъ быть страшнымъ своей силой, всякій желалъ возбуждать страхъ въ битвѣ въ полѣ. А какъ тайна страшной силы заключалась въ таинственныхъ силахъ природы, то и испытывали ея секретъ у природы разными вѣдунскими, волшебными обрядами. Еще въ лечебникахъ XVII вѣка передавался такой изстаринный знахар-

¹⁾ Русскій Архивъ, М. 1866 г., годъ 2-й (1864) стр. 70—77; легенды о храбрѣмъ Аникѣ воинѣ.

²⁾ Памяти. II, 328.

³⁾ Памяти. II, 334.

скій завѣтъ для тѣхъ, кто хотѣлъ-бы быть *страшенъ въ битвѣ въ полѣ* ¹⁾. Съ одной стороны существовало полнѣйшее, всеустрашающее преобладаніе грубой мускульной силы и господствовало законъ сильнѣйшаго, съ другой—полнѣйшее, рабское чувство трепета и покорности передъ этой силой и отсюда—порабощеніе слабѣйшаго. Самый первоначальный, примитивный періодъ человѣческой дѣятельности, когда чувство страха физической, мускульной силы господствовало въ борьбѣ за существованіе, можно назвать по-преимуществу періодомъ спеціальнаго упражненія грубой мускульной силы, періодомъ героическаго, богатырскаго подвига— „битвеннаго дѣла въ полѣ“ и звѣроловческаго, хищническаго и разбойническаго разгула дикой физической силы. Это, можно сказать, былъ періодъ первоначальнаго рефлексивнаго заучиванья разнообразныхъ актовъ и координацій всѣхъ животныхъ мышцъ, періодъ спеціальнаго упражненія мускуловъ и наслажденія мышечною силою, дѣятельностью мускуловъ. Мышечное чувство невольно, рефлексивно стремилось выразиться въ разнообразномъ проявленіи мускульной силы. Когда богатырь-силачъ, „сынъ богатырскій“, унаслѣдовавшій физическую силу отъ отца и дѣда-богатыря, былъ „роденъ ростомъ, а тѣло его что сильная гора, а голова его что сильная бугра, промежь плечъ двѣ сажени, руки въ три сажени“ и проч.,—тогда естественно, „богатырское сердце было не утерпчиво“. Онъ невольно, рефлексивно, вслѣдствіе одного мышечнаго ощущенія избытка силы, рвался „получить свое желанье—размахнуться своею силою, на битвенномъ дѣлѣ отвѣдать своихъ плечъ богатырскихъ, потѣшиться своею великою борзостью, прыткостью, поперетися съ силою могучею, побить рать-силу великую, въ чистомъ полѣ такъ сильно зрявкнуть, крикнуть, возгаркнуть своимъ зычнымъ богатырскимъ голосомъ, чтобъ всѣ полки турскіе отъ того голосу возмутились“ ²⁾.

Издавеча, чиста поля
 Выскакалъ тутъ, выбѣгалъ
 Суровець богатырь, суздавецъ,
 Богатаго гостя, заморскинъ сынъ.
 Онъ бѣгаетъ, скачетъ по чисту полю,
 Спрашивааетъ себѣ сопротивника,

¹⁾ Буслаева, II, 44.

²⁾ Тамъ же, 311—321, 333, 334.

Себѣ сильна, могучаго богатыря:
 Побиться, подраться, порататься,
 Силы богатырски проотвѣдати,
 А могучи плечи приоправити ¹⁾).

Вслѣдствіе такого энергическаго ощущенія могучей силы и не-
 удержимаго, рефлексивнаго стремленія ея къ размахистой дѣя-
 тельности,—всякое животное ощущеніе, напр. чувство голода или
 потребности пищи, чувство непріязни къ врагу, чувство жадности
 къ похищенію чужого имущества, ощущеніе половой похоти,—
 словомъ, всякое органическое ощущеніе, какъ только возбужда-
 лось въ головномъ мозгу, тотчасъ-же невольнo, рефлексивно отра-
 жалось въ соотвѣтственной мышечной дѣятельности. И это непре-
 одолимое побужденіе къ употребленію мышечной силы было тѣмъ
 сильнѣе, чѣмъ болѣе дѣятельность механизмовъ, усиливающихъ
 рефлексы головного мозга, преобладала надъ дѣятельностью ме-
 ханизмовъ, задерживающихъ эти рефлексы. И вотъ, вслѣдствіе
 этого-то невольнаго, рефлексивнаго выраженія въ мышечной дѣя-
 тельности всякаго животнаго ощущенія, произошло, далѣе, перво-
 бытное господство „хищнической, разбойнической и битвенной“
 силы, наводившей всеобщій паническій страхъ и трепеть. И реф-
 лективно-мышечная звѣроловческая, хищническая, разбойническая
 и битвенная дѣятельность, естественно, преобладала и представля-
 ла первую непосредственно-натуральную форму труда. Такъ напр.
 „живя въ лѣсу звѣринскимъ образомъ, якоже всякій звѣрь,“
 ощущалъ нашъ первобытный предокъ-дикарь потребность добычи
 звѣрины, и звѣроловческій трудъ былъ первымъ самымъ обыч-
 нымъ актомъ и способомъ полезнаго употребленія мышечной силы.
 Точно также, при видѣ чужой добычи или чужого имущества,
 обыкновенно тотчасъ-же возбуждалось эгоистическое чувство за-
 висти или корысти,—и тотчасъ-же, путемъ рефлекса на мышцы
 рукъ, выражалось насильственнымъ похищеніемъ или отнятіемъ
 чужого имущества. И хищническая сила лихихъ сильныхъ людей,
 „татей и разбойниковъ,“ долго потомъ, даже во времена уси-
 ленія страха царя, царской грозы и опалы, до того господствовала и
 наводила такой паническій страхъ и трепеть на славяно-рус-
 скія общины, что вошлями противъ ея страшнаго господства и

¹⁾ Древн. російск. стихотвор. стр. 388.

насилія наполнены были общинныя челобитныя, правыя грамоты, церковныя проповѣди и губныя грамоты общинъ. Или, чувствовалъ сильный молодецъ, при взглядѣ на красную дѣвицу, половую похоть,—тотчасъ же разъярялась въ немъ похоть богатирская и невольно рефлексивно проявлялась въ „умыканіи“ или похищеніи дѣвицы: по словамъ древней повѣсти, „лишь входилъ богатырь въ бѣлыя шатеръ полоненной дѣвицы, забылъ богу помолитися, сердце его разгоралось, юность его заиграла, — и онъ тотчасъ-же бралъ себѣ дѣвицу за руку и съ нею спать ложился на постели“¹⁾. Вслѣдствіе такого господства грубаго рефлексивнаго проявленія мышечной силы, понятно, какой страхъ наводила эта сила на всѣхъ малосильныхъ. Вообще, въ тѣ времена, когда люди, „живя въ лѣсу звѣринскимъ образомъ,“ ни о чемъ такъ не помышляли и не заботились, какъ объ обезпеченіи животной жизни, въ тѣ времена, естественно, господствовала страшная борьба за существованіе: всѣ другъ друга боялись и стремились пересилить. „Родъ вставалъ на родъ,“ — и сильнѣйшій родъ былъ страшнѣе для слабѣйшаго. Сосѣднія племена и народы постоянно дѣлали хищническіе набѣги другъ на друга, — и опять сильнѣйшіе наводили ужасъ на слабѣйшихъ. Каждый стремился не только отнять добычу у другого, но и убить его какъ врага, или поработить себѣ, — и сильнѣйшій всегда наводилъ страхъ и трепетъ на слабѣйшаго. Однимъ словомъ: то былъ періодъ полнѣйшаго господства страха грубой физической силы и закона сильнѣйшаго.

Въ эти-то мрачныя времена господства страха грубой физической силы человѣческой полагались первыя основы общества.

Во-первыхъ, во времена господства страха силы и права сильнаго, вмѣстѣ съ раздѣленіемъ людей на сильнѣйшихъ и слабѣйшихъ, или, по характеристическому выраженію нашихъ древнихъ памятниковъ, на „*сильныхъ мужей*“ и „*маломожныхъ смердовъ-людиновъ*,“ произошло первобытное раздѣленіе людей на рабочихъ и нерабочихъ, или, говоря языкомъ древнихъ памятниковъ, на „*господствующихъ*“ и „*работающихъ*,“ на „*господиновъ*“ и „*работныхъ людей-работъ*.“ Религіозно-языческій страхъ передъ „необычной“ физической, мускульной силой

¹⁾ Памят. II, 330.

„сильныхъ мужей“ невольно порождалъ во всѣхъ „маломощныхъ людяхъ“ рабски-боязливую, трепетную покорность этой силѣ. Какъ сами „сильные мужи“—богатыри со страхомъ и трепетомъ преклонялись передъ „богатырской головой,“—такъ всѣ „маломощные люди“ съ рабскимъ страхомъ и трепетомъ преклонялись предъ этими „сильными мужами-богатырями“. По свидѣтельству одного древняго сказанія, сильному мужу, совершавшему чудеса могучей силы, „весь міръ поклонялся“. ¹⁾ И вотъ такимъ образомъ, люди, выдававшіеся своею необычайною мускульною силою, „сильные мужи, — богатыри, великаны, родные ростомъ,“ „большіе,“ „великіе“ силачи—вотъ эти люди первые утрашалаи своею силою и покоряли, порабощали себѣ людей малосильныхъ, „маломощныхъ,“ людей „меньшихъ“ или „малыхъ“ и „отроковъ“ или „малорослую чадь,“ а также калѣвъ переходжихъ, слѣпыхъ, увѣчныхъ, дряхлыхъ стариковъ и т. п. „Сильные мужи“—богатыри за тѣмъ собственно и рвались въ поле „на дѣло битвенное со всею прыткостью и великою борзостью,“ чтобы развѣдаться, „кто храбрѣе и сильнѣе.“ ²⁾ Коль скоро сильный мужъ ужасалъ, изумлялъ своею преобладающею силою человѣка менѣе сильнаго,—онъ тотчасъ пріобрѣталъ надъ нимъ господство, назывался его „государемъ“, „господиномъ“, а менѣе сильный человѣкъ назывался его „холопомъ.“

Могучая сила богатырей—„сильныхъ мужей“ громомъ гремѣла по полямъ, по лѣсамъ,—и сами разбойники-станишники, наводившіе ужасъ на первобытныя общины, со страхомъ и трепетомъ преклонялись предъ громомъ силы богатырской, покорялись сильнѣйшимъ мужамъ и поступали къ нимъ въ *холопство вѣковечное*, по словамъ былины, давали рукописанье служить до вѣку ³⁾.

Появлялся въ первобытной общинѣ славянской, городской или сельской, необыкновенный, могучій силачъ,—онъ наводилъ ужасъ на всю общину, и она рабски покорялась ему, платила дани и оброки. Этотъ способъ порабощенія слабѣйшихъ людей сильнѣйшими старинная былина о Васильѣ Буслаевѣ изображаетъ такимъ сказаніемъ.

¹⁾ Памятн. II, 337.

²⁾ Памятн. II, 329.

³⁾ Древн. Россійск. стихотвор. стр. 418—420.

Собиралися, сходилися
 Тридцать молодцовъ безъ единого
 Онъ самъ Василій тридцатый сталь:
 Какой зайдетъ, убьютъ его,
 Убьютъ его, за ворота выбросятъ.
 Послышалъ Васинько Буслаевичъ—
 У мужиковъ новгородскихъ
 Канунъ варить, пива ячнныя.
 Пришелъ Василій со дружиною,
 Пришелъ во братчину, Никольщину...
 А и будетъ день ко вечеру,
 Отъ малаго до стараго,
 Начали ужъ ребята боротися,
 А въ иномъ кругу въ кулаки биться;
 Отъ тое борьбы отъ ребячія,
 Отъ того бою отъ кулачнаго,
 Началася драка великая....
 Поскакали удады добры молодцы,
 Скоро они улицу очистили,
 Прибили уже много до смерти,
 Вдвое, втрое перековеркали,
 Руки, ноги переломали,
 Кричатъ, ревутъ мужики посадскіе!
 Говорить тутъ Василій Буслаевичъ:
 „Гой еси вы, мужики новгородскіе!
 Бьюсь съ вами о великъ закладъ,
 Напускаюсь я на весь Новгородъ
 Битися, драться,
 Со всею дружиною храброю:
 Тако вы меня съ дружиною побьете, Новымъ
 городомъ,
 Буду вамъ платить дани, выходы по смерть свою,
 На всякій годъ по три тысячи;
 А буде-же я васъ побью,
 И вы мнѣ покоритесь,
 То вамъ платить мнѣ такову-же дань.
 И въ томъ-то договорѣ руки они подписали,
 Началась у нихъ драка—бой великая,—
 А мужики новгородскіе,
 И все вупцы богатые,
 Всѣ они вмѣстѣ сходилися,
 На млада Васютку напускалися,—
 И дерутся они день до вечера.

Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ
 Со своею дружиною храброю,
 Приблили они во Новгородъ,
 Приблили они много до смерти...
 И тутъ мужики *покорилися*,
 Покорилися и помирились—
 Понесли они записи крѣпкія
 Къ матерой вдовѣ Амелѣ Тимофеевнѣ,
 Къ матери Василья Буслаевича.
 Пришли ко двору дворянскому,
 Бьютъ челомъ, поклоняются:

„О сударыня матушка,
 Принимай ты дороги подарочки,
 А уйми свое чадо милое,
 Молода Василья со дружиною;
 А и ради мы платить
 На всякой годъ по три тысячи,
 На всякой годъ будемъ тебѣ носитьъ:
 Съ хлѣбниковъ по хлѣбнику,
 Съ калашниковъ по калачику,
 Съ молодницъ повѣнечное,
 Съ дѣвицъ повалешное,
 Со всѣхъ людей со ремесленныхъ“...
 Втапору мужики новгородскіе
 Приносили Василью подарочки
 Вдругъ сто тысячей,—
 И за тѣмъ у нихъ мирова пошла;
 А и мужики новгородскіе
Покорилися и сами поклонилися. ¹⁾

Такъ сильнѣйшіе порабощали слабѣйшихъ. Далѣе, у старшихъ по лѣтамъ, обладавшихъ наиболѣе развитою силою, была естественная склонность заставлять служить себѣ, работать на себя и такимъ образомъ порабощать себѣ младшихъ по лѣтамъ и менѣе сильныхъ людей. И только въ случаѣ спора преобладающая физическая сила рѣшала, кто изъ нихъ долженъ былъ быть господиномъ, кто рабомъ. Одно старинное эпическое сказаніе свидѣтельствуетъ объ этомъ такъ: „Старый богатырь князь Иванъ говоритъ молодшему богатырю; тебѣ вода черпати, да мнѣ подавати; ты дитя молодое. И говоритъ молодой богатырь:

¹⁾ Древн. російск. стихотв. стр. 76—84.

князь Иванъ богатырь, тебѣ вода черпати, да и мнѣ подавать: не имавъ птицу не теребишь, а добра молодца не отвѣдавъ, да хулишь и хулу возлагаешь. И говоритъ князь Иванъ старшій богатырь: я во князяхъ князь, а въ боярахъ бояринъ, а ты казакъ: тебѣ вода черпати, да и подавать. И говоритъ ему молодшій богатырь: я въ чистѣ полѣ богатырь, и у царей во дворѣ богатырь, а ты когда у царей во дворѣ, и тогда ты князь, а когда ты въ чистѣ полѣ, и тогда ты песь, а не князь: тебѣ вода черпати, да и мнѣ подавать. Сказавши это, молодшій богатырь сталъ вызывать князя Ивана старшаго богатыря рѣшить битвой въ полѣ, кому господствовать, кому работать, кто князь, кто рабъ и слуга. Тогда старшій богатырь испугался, и самъ сталъ покорно служить молодшему богатырю ¹⁾. Такъ могли происходить изъ сильныхъ мужей князья и бояре, „господины, господа“ и прибрѣтать себѣ слугъ, холоповъ, или дружину. И вообще, во времена родового быта славянъ, каждый старшій въ родѣ, — каждый „великій, большой и сильный мужъ“ естественно стремился господствовать надъ всѣми „молодшими, меньшими“ въ роду. И вотъ, такимъ образомъ, въ каждомъ родѣ-племени происходили изъ старшихъ или наибольшихъ въ родѣ князья родовые, племенные, которые, какъ родоначальники или старѣйшины, господствовали надъ всѣми молодшими, меньшими и отроками своего рода-племени: по словамъ лѣтописи, „каждый владѣль родомъ своимъ“ ²⁾. Въ то-же время „сильные мужи“, какъ славянскіе, такъ и иноплеменные, стремились силой поработить себѣ родовыхъ князей со всѣмъ ихъ родомъ - племенемъ, или хановъ азіатскихъ кочевниковъ. Они нерѣдко стремились силой своей отнять владѣнье у того или другого князя или хана. Какъ страшная преобладающая сила признавалась естественнымъ источникомъ первобытной юридической санкціи достоинства, преимущества, права и власти, такъ, напротивъ, малосиліе или совершенное бесиліе признавались естественными, роковыми условіями униженія, рабства, безправія, ничтожества. Если сильный мужъ — богатырь пересиливалъ какого-

1) Памят. II, 328—329.

2) П. С. Русск. Лѣтоп. I, 3, 24. Древлянскіе послы говорили Ольгѣ: наши князи добри суть, распасли Деревскую землю.

нибудь родового или иноплеменного князя и его дружину, да въ добавокъ, по звѣрски—жестокому обычаю тѣхъ времятъ—ослѣплялъ ихъ на томъ основаніи, что „нельзя слѣпу храбру быти“¹⁾, — то этотъ сильный мужъ, уже по одному праву сильного, становился княземъ, а поработенный и ослѣпленный князь даже уже оскорблялся, когда послѣ того еще его называли княземъ, а его слугъ-дружинниковъ богатырями. „Не смѣйся намъ,—говорилъ онъ сильному мужу-покорителю, — не зови меня княземъ, а мужей моихъ богатырями, я уже не князь, а тѣ не богатыри: уже у насъ и очи выжили, и мы съдимъ и рукъ своихъ не видимъ“²⁾. Вообще, первоначально чисто физическая, мускульная сила была прямымъ источникомъ господства, власти, равно какъ рабства и подданства. Этой-же страшной, преобладающей силой физической основалось и на Русіи варяжское „княженъе и володѣнъе“, варяго-русское государство. Хотя сначала варяжскіе князья, повидимому, добровольно призваны были сѣверными племенами, но потомъ они, пришедши и водворившись съ „роды своими“, силой покорили себѣ всѣхъ родовыхъ князей разныхъ славянскихъ племенъ, и, по праву сильного, стали „княжить и володѣть“ въ землѣ полянъ, древлянъ и другихъ славянскихъ племенъ. Страшная преобладающая сила ихъ, проявившаяся, напримѣръ, въ „примучиваніи“ угличей, древлянъ и т. д., наводила страхъ и ужасъ не только на славянскія племена, но и на грековъ. И говорить Тугаринъ Змѣевичъ кіевскому князю Володиміру таково слово: „нѣтъ государь, тебя *прозѣнѣ* во всѣхъ царствахъ, а богатырей твоихъ нѣтъ удалѣе во всѣхъ земляхъ“³⁾. Сила создала, сила окружала, сила распространяла, сила охраняла и поддерживала юное русское государство. Великаго князя Владимира окружали и ему службу служили „сильные могучіе богатыри“. Если прежде у родовыхъ князей бывало въ дружинѣ по 12 богатырей — сильныхъ мужей, то у князя Владимира въ Кіевѣ, по былинѣ народной, было 32 богатыря, „да удалы добро необычно есть“⁴⁾.

1) Пам. II, 360.

2) Пам. II, 333.

3) Пам. II, 315.

4) Пам. II, 311. 313.

Въ одномъ древнейшъ подлинникѣ записано: „у князя Владиміра кіевскаго были *сильніи мужіе*—богатыри: Янъ Усмонивецъ, переславецъ, что печенѣжскаго богатыря убилъ, Рагзай удалый, что противъ 300 могъ выходить на бой, Александръ Поповичъ, и всѣхъ ихъ было 37 богатырей“¹⁾. Такимъ образомъ отовсюду, изъ разныхъ племенъ приходили къ кіевскимъ князьямъ на службу сильные мужи — изъ славянъ, изъ чуди, изъ торковъ, берендѣевъ, угровъ и особенно изъ варягъ и составляли „дружину князю“. И вотъ эта-то дружина сильныхъ мужей помогла покорить варяжскимъ князьямъ подъ крѣпкую руку и подъ дань всю массу „маломожныхъ смердовъ“, всю массу славянскихъ и чудскихъ родовъ или племенъ, и сама образовала служилый боярскій классъ, классъ „*мучышихъ, вяцыхъ мужей княжихъ*“, классъ „*сильныхъ мужей*“—бояръ. Такъ сначала около родовыхъ или племенныхъ князей, а потомъ, окончательно и въ наибольшей многочисленности, около наиболѣе грозныхъ и сильныхъ князей варяжскихъ, кіевскихъ, образовались два класса народонаселенія: классъ *господствующихъ сильныхъ мужей*, могучихъ и страшныхъ своею всепорабощающею силою, и классъ *работающихъ, подданныхъ меньшихъ и маломожныхъ людей* или *смердовъ*, состоявшій изъ всей массы славянскихъ и финскихъ племенъ, покоренныхъ подъ крѣпкую руку варяжскихъ князей, обложенныхъ данями, „повозами“, оброками, службой въ „вояхъ“, обязанныхъ „рубить города“ и проч. Первые образовали классъ нерабочихъ, господствующихъ людей, и потому назывались, по первоначальной гегемоніи силы, „*сильными*“²⁾, а по господству надъ маломожными людьми—„*господами*“, „*государями*“. Это послѣднее званіе или преимущество варяжскіе князья потомъ утвердили за сильными мужами. Въ „Русской Правдѣ“ они уже назывались „*господинами*“, „*господами*“, а также боярами или боярами. Покоривши, вмѣстѣ съ князьями, всю массу „маломожныхъ“, „меньшихъ“ людей, смердовъ, они, какъ и сами князья варяжскіе, набрали себѣ изъ этой массы „маломожныхъ людиновъ“, или смердовъ „полоняниковъ—рабовъ или холоповъ, *малыхъ чадъ* или дѣтей, *отроковъ*, вообще всл-

¹⁾ Буслаева II, 57.

²⁾ П. С. Лѣт. II, 135.

ную „чадь или челядь“, и такимъ образомъ стали, какъ „сильные мужи“, по праву сильного, „господинами и государями“ множества „рабовъ, робинчицей, кабалныхъ холоповъ, работныхъ людей“. А вся остальная масса „маломощныхъ людей, смердовъ“, покорившись подъ крѣпкую руку и державу варяго-русскихъ князей и ихъ „сильныхъ мужей“, естественно, образовала классъ рабочій и называлась „меньшими, худыми, маломощными людьми, модинами, смердами“, и была потомъ мало-по-малу подраздѣлена на „черныхъ людей, рядовичей или рядовыхъ людей, наймитовъ, закуповъ, боярскихъ работныхъ людей, кабалныхъ холоповъ и т. п.“¹⁾.

Во вторыхъ, во времена господства чувства страха таинственныхъ силъ природы внѣшней и человѣческой, — страхъ грубой физической силы „сильныхъ мужей — убійцъ, татей и разбойниковъ“, въ связи съ страхомъ таинственныхъ силъ внѣшней природы, побудилъ „маломощныхъ смердовъ“ къ основанію „вервей“, міровъ, общинъ, и въ то-же время былъ однимъ изъ самыхъ первыхъ естественныхъ мотивовъ къ распространенію общинной колонизаціи по сѣверовостокѣ Европы, колонизаціи такъ называемыхъ „черныхъ земель“ или „черныхъ дѣскихъ лѣсовъ“. Страхъ насилія «сильныхъ мужей», татей и разбойниковъ, страхъ постоянныхъ вражбыхъ нападеній аваровъ, козаръ и другихъ варваровъ невольно заставлялъ славянъ искать убѣжища въ лѣсахъ и жить въ безпрестанномъ тревожномъ ожиданіи насилія, грабежа, разбоя, хищничества. „Отъ того у нихъ, — говоритъ Маврикій, — недоступны жилища въ лѣсахъ при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ; въ домахъ своихъ они устраиваютъ многіе выходы на всякій опасный случай; необходимыя вещи скрываютъ подъ землю, не имѣя ничего лишняго наружи, но живя, какъ разбойники; вообще живутъ большею частію въ страхѣ“. Когда, такимъ образомъ, господствовалъ всеобщій, паническій страхъ преобладающей физической силы „сильныхъ мужей“, безпощадно

¹⁾ См. Бѣляева, истор. крестьянъ на Руси стр. 15—34. Въ грамотахъ Соловец. Библиот. XIV и XV в. упоминаются „боярскіе рѣбы“ и боярскіе работные люди“. Сбор. Солов. библиот. №№ 19 и 20. Не рабочій, господствующій классъ долго назывался сильными людьми (П. С. Л. II, 135.) Точно также масса простого, рабочаго народа еще въ XVII в. называлась „маломощными людьми“. (Обзап. Авраам. Палиц.)

порабощавшихъ, грабившихъ и убивавшихъ людей „маломожныхъ“, малосильныхъ,—тогда, естественно, всѣмъ этимъ маломожнымъ или малосильнымъ людямъ не оставалось никакого другого спасенія, никакого другого средства самосохраненія и самообезпеченія отъ насилія сильныхъ мужей, какъ только уходить въ черныя дикіе лѣса и тамъ собираться, соединяться въ общины и совокупными, общими силами бороться съ деспотической, порабощающей, хищнической и разбойнической силой „сильныхъ мужей“. И вотъ, въ эпоху разложенія родового быта и стественнаго взаимнаго отчужденія многихъ отдаленныхъ родовыхъ линій или поколѣній, въ эпоху страшной розни родовъ и умноженія „изгоевъ“, людей отчужденныхъ отъ рода-племени, когда, вообще, „вставалъ родъ на родъ,“ сильные мужи устрашали весь міръ, въ лѣсахъ умножились станишники и разбойники, когда всякій стремился быть страшнымъ въ битвѣ въ полѣ и шла всеобщая ожесточенная борьба за существованіе,—въ эти-то времена полнѣйшаго господства грубой физической силы и права сильнѣйшаго, созидались общины, міры. Страхъ убійственной, порабощающей, хищнической и разбойнической силы невольно заставлялъ всѣхъ разрознившихся „людей“ или „людиновъ,“ всѣхъ „маломожныхъ, малосильныхъ смердовъ“ заключать между собою согласіе, миръ и, такимъ образомъ, составлять общины, міры, или, по выраженію „Русской Правды,“ *„вкладываться въ виру, изъ дружины прикладываться къ вирь, къ людямъ, къ міру,“* съ тѣмъ, чтобы всею *„дружиною,“* всѣмъ *„вложившимся въ виру людямъ“* сообща, общими силами искать всякаго зловерднаго сильнаго чловѣка—*убійцу или разбойника или татя* и выдавать его „всею съ женою и съ дѣтьми на потокъ и на разграбленіе ¹⁾“. Въ то-же время, „верви“ или общины, „поговора межъ себя,“ всѣмъ міромъ обязывались сообща, совокупными силами охранять отъ хищничества и разбоя грубой физической силы сильныхъ людей свои общинныя естественно-промышленныя угодыя—звѣринныя ловы, борти, рыбныя ловли, пашни, межи на поляхъ, сѣти и т. п. ²⁾ Далѣе, страхъ господствующей физической силы—хищнической и разбойнической невольно заставилъ общины, еще

¹⁾ Русская Правда, по изд. г. Калачева ст. LXXXVIII—XC. LXXXIX. LXXI.

²⁾ Тамъ же ст. CXXIX по синод. списку.

во времена племенного быта, покориться защитительной силѣ князей. При страшномъ господствѣ грубой физической силы, „маломощнымъ людямъ“, смердамъ не было спокойнаго, безопаснаго житья и въ общинахъ. Безпрестанно и повсюду причиняли имъ насилия тати и разбойники, грабили ихъ животы, разоряли ихъ промышленныя уголья, убивали „огнищаниновъ“ — домохозяевъ каждаго обложеннаго княжескою данью „очага“ или „дыма.“ Вслѣдствіе этого въ общинахъ господствовалъ такой страхъ татей и разбойниковъ—лѣсныхъ богатырей, что въ народѣ распространились особыя мнѣскія сказанія о соловьяхъ-разбойникахъ, которыхъ могъ побивать только такой сильнѣйшій богатырь, какъ Илья Муромецъ и т. п. И эти-то страшныя силачи-разбойники, залегавшіе пути на огромныхъ пространствахъ, до того были зловредны и непреодолимы для маломощныхъ смердовъ, что они никакъ не могли сами своею силою справиться съ ними, и, вотъ, поневолѣ должны были подчиниться охранительной силѣ князей. Кромѣ того, и въ каждомъ членѣ общины грубая физическая, мускульная сила еще до такой степени господствовала надъ дѣятельностью мозга, ума, что каждое животное чувство, каждая страсть обыкновенно тотчасъ-же неудержимо, рефлективно выражалась въ дѣятельности мускуловъ или физической силы. Лишь-только начиналась, на примѣръ, ссора на пиру, возбуждался въ комъ-нибудь гнѣвъ, — онъ тотчасъ-же звѣрски проявлялся въ дракѣ и убійствѣ, и т. под. Оттого часто случались убійства на сходахъ, на пирахъ, на игрищахъ между селами, и общины были безсильны сами собою искоренить это зло, когда чисто зоологическія, животныя страсти и наклонности еще, можно сказать, вполне преобладали, въ чисто зоологической—родовой и племенной организаціи общинъ, надъ страстями и наклонностями чисто антропологическими, человѣческими. И вотъ, что всѣмъ этимъ причинамъ, общины принуждены были съ самаго начала подчиниться охранительной опеке и расправѣ варяжскихъ князей, которые и призваны были прямо для того, чтобы водворить нарядъ, миръ, согласіе между разрознившимися родами, производить судъ и расправу среди всеобщаго господства неправды—господства права сильнаго, искоренять татей, убійцъ и разбойниковъ. И князья тотчасъ-же вмѣшались въ борьбу общинъ съ хищническою, разбойническою и убійственною силою.

Составляя первый славяно-русскій законодательный памятникъ— „Русскую Правду,“ они внесли въ нее нѣсколько установленій, направленныхъ прямо къ обузданію господства грубой физической силы и къ охраненію общинъ отъ хищнической, разбойничьей и убійственной силы. Такъ въ „Русской Правдѣ“ утверждены были князьями или вмѣнены общинамъ въ обязанность такія мѣры расправы съ убійцами, татями и разбойниками: „оже будетъ кто убилъ въ свадѣ или пиру явлено, ему платити по вервинѣ (т. е. по окладу общины, міра); а иже убьютъ огнищанина въ разбой и убійцы не ищутъ, то вирное платити, въ ней же вири (верви) голова начнетъ метати,“ т. е. той общинѣ, гдѣ найдутъ убитаго. Точно также „Русская Правда“ предписывала общинамъ совокупными силами или всѣмъ міромъ охранять отъ хищнической и разбойнической силы свои общинныя угодья. „Аще будетъ разсѣчена земля, или на земли знаменіе есть, имъ же ловимо, или сѣтъ, то по верви (міромъ) искати въ собѣ татя; аще кто украдетъ борть или сѣтъ, или разломаетъ борть, или посѣчетъ древо на межи, то по верви (міромъ) искати татя въ собѣ“ и т. п. ¹⁾

Наконецъ, въ тѣ-же времена господства страха грубой физической силы, получили начало и многія другія историко-традиціонныя основы общества, какъ, напримѣръ, принципъ раздѣленія людей на богатыхъ и бѣдныхъ, или, по выраженію древнихъ памятниковъ, на „*сильныхъ имъніемъ*“ и „*немошныхъ имъніемъ*“, животно-эгоистическія начала нравственности, основанной на правѣ сильного, или законѣ сильнѣйшаго и на страхѣ таинственныхъ силъ природы внѣшней и человѣческой, и характеризующейся господствомъ кровной мести, кулачнаго права, убійствъ, дракъ, грабежей, разбоевъ, дикаго животнаго проявленія половой страсти и т. д.

И вотъ,—въ эти-то мрачныя времена, когда сильный порабощалъ слабого, произошло и первобытное порабощеніе женщины.

А. Щаповъ.

(Продолженіе будетъ.)

¹⁾ Русская Правда ст. LXXI, LXXXIX и CXXIX. Лешкова, Русск. народъ и государство, стр. 164.

* * *

(Подражаніе Гейне.)

На дворѣ шумѣла буря,
Дождикъ ливня лидѣ...
Въ сельскомъ домикѣ любовно
Мужъ съ женою жилъ.

Смокла буря... и вотъ снова
Просвѣтлѣлъ весь край—
Только въ домикѣ укромномъ
Адъ теперь, не рай.

Мужъ ослѣпъ... Жена сбѣжала...
Плачеть ихъ дитя...
Лишь по прежнему спокойны
Небо и поля!

Сунговъ.

УСЛОВІЯ ПРОГРЕССА ВЪ СФЕРЪ НАКАЗАНІЙ.

II.

Старые мотивы наказанія, соединявшіе въ себѣ древнюю мечь и ложную теорію устрашенія, къ сожалѣнію, еще далеко не всеѣмъ исчезли и въ новыхъ формахъ наказанія, не смотря на полную ихъ несостоятельность: смертная казнь до сей поры еще примѣняется съ цѣлями устрашенія. Идеи прогресса, постоянно развиваясь среди цивилизованныхъ обществъ, дѣйствовали на столько благотворно, что законодательства все болѣе и болѣе ограничивали и смягчали наказанія, и въ нѣкоторыхъ странахъ рѣшились даже положить конецъ смертной казни. Теорія уголовного права въ этомъ отношеніи шла позади практическаго законодательства и до послѣдняго времени разными софизмами старалась доказывать необходимость смертной казни: въ этомъ вѣчно; видѣнъ прогрессъ жизни, но крайній застой юридической науки. Старые мотивы наказанія, зародившіеся въ періодъ грубаго невѣжества народовъ, крайне живучи; ихъ защищаютъ юристы, они перешли въ науку умозрительной философіи и олицетворяются въ теоріяхъ Канта, Гегеля, Анзельма, Фейербаха и другихъ. Абсолютная теорія Канта говоритъ, что наказаніе во имя справедливости должно имѣть мѣсто безъ всякаго отношенія къ утилитарнымъ цѣлямъ: оно совершается ради идеи. „Если-бы стало извѣстно, что завтра разрушится міръ, сегодня все-таки слѣдуетъ совершить казнь надъ послѣднимъ преступникомъ“. Теорія Канта въ практическомъ примѣненіи совѣтуетъ назначать смерть за убій-

ство, кастрацію за изнасилованіе и рабство за воровство; между тѣмъ въ его время жизнь далеко уже опередила эту теорію и дѣйствующія законодательства карали эти преступленія болѣе легкими наказаніями. Гегель въ своей философіи проводитъ ту-же идею мести во имя абсолютной идеи права и „во имя примиренія индивидуальной воли съ абсолютной.“ Не мудрено видѣть, что эта идея абсолютныхъ теорій есть тотъ-же неумолимый Фемисъ, облеченный въ туманную форму идеологіи. Старая идея наказанія въ смыслѣ возмездія, переживая метафизическій періодъ, переходитъ въ теорію наказаній даже въ періодъ позитивныхъ воззрѣній, въ теоріи утилитарныя. Теорія „огражденія закона положительнаго“ тождественна съ метафизическими теоріями. Теорія самосохраненія, огражденія и предупрежденія заимствуетъ многое изъ тѣхъ-же прежнихъ воззрѣній, съ тою разницею, что здѣсь возмездіе совершается для болѣе реальныхъ цѣлей. Примиреніе съ идеей справедливости замѣняется примиреніемъ съ закономъ, съ гражданскимъ обществомъ, съ народомъ, съ общественной совѣстью, съ совѣстью наконецъ самого преступника (понятія опять чисто идеальныя). Эта теорія доведена до такой тонкости, что, по выраженію юристовъ, преступникъ можетъ просить даже, чтобы его наказали. Грубый мотивъ устрашенія не исчезаетъ во всѣхъ новѣйшихъ утилитарныхъ теоріяхъ, но только смягчается въ практическомъ примѣненіи сообразно винѣ и нанесенному злу. Несмотря на то, что юристы нападаютъ на теорію устрашенія въ грубой драконовской формѣ, они однако признаютъ ее подъ другимъ только именемъ, называя *примѣрностью* наказанія. Теорія примѣрности—та-же теорія устрашенія и точно также допускаетъ причиненіе страданій преступнику по крайней мѣрѣ „на столько“, чтобы они превышали удовольствіе отъ преступленія. Дѣло стало быть только въ границахъ *). Примѣненіе этихъ страданій или напоминаніе о нихъ, сопряженное съ торжественной обстановкой приговора на площади, должны причинять страхъ остальнымъ людямъ и удерживать волю. Этотъ мотивъ страданія тотъ-же устрашающій мотивъ, которымъ руководились въ назначеніи на-

*) Надо чтобы люди больше боялись наказанія, чѣмъ желали преступленія.“ „Недостаточное наказаніе есть большое зло“. „Что сказать о хирургѣ, который, чтобы не причинить больному нѣкоторой боли, оставитъ излеченіе неполнымъ“. (Бентамъ о наказан. ч. III, кн. II, с. 544 русск. изд.)

казаній древніе, мотивъ несправедливый и бесполезный на практикѣ, какъ онъ оказался въ дѣлѣ примѣненія смертной казни. Если самая смертная казнь не могла удерживать преступленій и законы Дракона были безсильны предъ неизбѣжнымъ бюджетомъ преступленій, то смягченная теорія устрашенія представляетъ только жалкую попытку въ томъ-же направленіи.

Если мы обратимся къ другимъ наказаніямъ, по силѣ ихъ слѣдующимъ тотчасъ-же за смертною казнью и внослѣдствіи замѣнившимъ ее, то увидимъ цѣлый рядъ уголовныхъ наказаній, основанныхъ на той-же системѣ устрашенія. Для этого ненужно заходить въ глубокую древность. Даже въ наше время примѣняются, какъ кара за преступления, тѣлесныя наказанія, суровыя каторги, галеры; существуетъ и до сихъ поръ безсрочная ссылка, носящая на себѣ всѣ признаки наказанія, заставляющаго страдать. Правда, историческій прогрессъ, хотя и медленно, но все-же заставляетъ ограничивать примѣненіе ихъ въ европейской практикѣ, и даже временно прекращать ихъ дѣйствіе, но тѣмъ не менѣе къ нимъ снова возвращаются въ чрезвычайныхъ и даже не чрезвычайныхъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, одно нѣмецкое княжество еще недавно обратилось вспять къ тѣлесному наказанію. Англія въ своемъ флотѣ употребляетъ его для матросовъ; оно примѣняется и вообще въ войскахъ многихъ другихъ странъ. Также вездѣ оно примѣняется въ каторжныхъ работахъ за проступки, совершаемые каторжниками. Но, не устрашая вообще человѣка, едва ли оно можетъ устрашить солдата, матроса или каторжника. Оно осталось, какъ наказаніе, и для русскихъ крестьянъ *), хотя оно отмѣнено у насъ въ самыхъ крупныхъ уголовныхъ преступленіяхъ. Розга, оставленная у насъ, какъ наказаніе по рѣшенію крестьянскихъ судовъ, оправдывается народными обычаями, но такой доводъ не выдерживаетъ критики. Прогрессивное законодательство всегда можетъ вооружиться противъ предрасудковъ и варварскихъ инстинктовъ, какъ оно вооружается противъ *кабамы, рабства, лихоу и вслкихъ злоупотребленій*. Тѣлесныя наказанія, бесполезныя, какъ устрашительная мѣра, оказываютъ сильно деморализующее вліяніе, развивая въ обществѣ жестокость нравовъ и огрубляя

*) Наказанія розгами остались для крестьянъ и мѣщанъ по приговору обществъ и волостныхъ судовъ и взамѣнъ тюремнаго ареста.

отдѣльныя личности. Люди, живущіе подѣ страхомъ этого наказанія, усваиваютъ понятіе о его необходимости, и сами, въ своей средѣ, примѣняютъ тѣлесныя истязанія, кулачную расправу, сѣчение и побои какъ средства внушенія; грубая сила рѣшаетъ всякое спорное дѣло и слабѣйшій всегда останется виноватымъ (Последніе процессы у мировыхъ судей постоянно раскрываютъ подобныя факты въ русской жизни). Грубые нравы порождаютъ рядъ новыхъ преступленій, съ которыми приходится уже разсчитываться высшимъ судамъ и примѣнять уголовныя наказанія.

То-же самое, что сказано нами о казни и о тѣлесномъ наказаніи, можно отнести и ко всевозможнымъ каторгамъ, которыя замѣнили собою смертную казнь. Эти каторги даже у самыхъ прогрессивныхъ народовъ, какъ англичанъ и французовъ, одинаково были непохѣрно жестоки. Принудительныя тяжкія работы, нарочно изобрѣтаемыя для каторжниковъ, ужасная дисциплина, содержаніе въ неудобныхъ для жизни казематахъ считались неотъемлемою сущностью этого наказанія. Парламентская коммиссія въ 1848 г. открыла самыя безчеловѣчныя жестокости и возмутительныя злоупотребленія наказаніями въ англійскихъ ссыльныхъ колоніяхъ. „Тамъ люди за одинъ дерзкій взглядъ заковывались въ кандалы, говоритъ Спенсеръ ¹⁾. Тамъ употреблялось заключеніе въ клѣткахъ, которыя вмѣщали въ себѣ отъ 20 до 27 человекъ и въ которыхъ эти люди не могли ни стоять, ни сидѣть“. „Содержаніе людей на каторгѣ и тяжкія работы, по словамъ одного австралійскаго судьи, доводило каторжниковъ до такихъ страданій, что многіе изъ нихъ желали смерти, какъ блага, и рѣшались на самоубійство, не останавливаясь предъ самыми мучительными его видами; искали смерти и другими путями. Многіе ссыльные на Вандименовой землѣ нарочно совершали убійство, чтобы ихъ отправили въ Гобартъ-Тоунъ, хотя знали очень хорошо, что ихъ, обычнымъ порядкомъ, казнятъ чрезъ двѣ недѣли послѣ прибытія“. Перевозка въ Австралію представляла всевозможныя стѣсненія и недостатки. Ссыльные во время дороги умирали съ голоду, а товарищи скрывали трупы и спали съ ними на одной кровати, чтобы только получать за нихъ порціи. Англійская каторга со всѣми своими жестокостями приводила только къ самому ужасно-

¹⁾ Этика Тюремъ. Опыты, вып. IV и V.

му озлобленію и развращенію каторжниковъ. Но при всемъ томъ англійская каторга, въ сравненіи съ французской, можетъ быть названа человѣколюбивою. „Если нужно опредѣлить французскую ссылку однимъ словомъ, говоритъ Гольцендорфъ, то это слово будетъ *отчаяніе!* Болѣзнь и смерть—вотъ что встрѣчаетъ европеецъ въ Гвинее“. Сырой и знойный климатъ, зараженный миазмами, порождаетъ здѣсь лихорадки, пожирающія европейца почти мгновенно; поэтому ссыльныхъ во французской Гвинее умирало такъ много, что ихъ не успѣвали подвозить. „Свѣденія объ эпидеміяхъ въ Кайенѣ, доставленныя французскому морскому министерству въ 1851 г., продолжаетъ Гольцендорфъ, наполняютъ сердце простодушнаго человѣка ужасомъ и ненавистью къ тѣмъ людямъ, которые присовѣтовали подобную мѣстность для колонизаціи и содѣйствовали ей“. Колонизація Кайены была колонизаціей погоста, и этой мѣстности дано роковое и страшное имя *colonie mortuaire*. Сюда-то Наполеонъ III простыми декретами высылалъ сотнями политическихъ преступниковъ и массы рабочихъ послѣ 2 декабря. Это была въ сущности та-же „*замаскированная казнь*“, но казнь самая мучительная. „Ужасы неаполитанскихъ тюремъ и испанской инквизиціи, пытки и процессы о вѣдьмахъ нашли себѣ полнѣйшее подобіе въ этомъ французскомъ наказаніи“. Таковъ приговоръ нѣмецкаго юриста, возмущеннаго французской каторгою. Каторга, какъ уголовная мѣра, всегда сопровождалась мученіями подвергнутыхъ ей преступниковъ, всегда она примѣнялась, какъ средство устрашенія, а не исправленія. Возьмемъ-ли мы Тулонъ или Бермудскіе о-ва, куда ссылаетъ теперь Англія своихъ преступниковъ, возьмемъ-ли мы каторжныя работы въ рудникахъ, гаваняхъ или крѣпостяхъ, — мы увидимъ одно и то-же стремленіе сдѣлать наказаніе болѣе тяжкимъ, болѣе устрашительнымъ. Причина лежала не въ приемахъ наказанія, не въ злоупотребленіяхъ, а въ самой сущности „каторги“ какъ наказанія, въ самомъ принципѣ устрашенія и въ принципѣ воздаянія за вину. Осуществленіе того-же принципа устрашенія проявлялось не на одной каторгѣ, но и въ большинствѣ тюремъ. Какъ онъ осуществлялся въ венеціанскихъ свинчаткахъ, въ средневѣковыхъ подземельяхъ, такъ осуществляется и въ современныхъ рачительно устроенныхъ пенитенціаріяхъ. Роскошный Пентанвиль, опрятный Моабитъ съ ихъ нравственными истязаніями духа —

произведенія той-же теоріи устрашенія и возмездія. И всякая система, какъ-бы она ни была по виду гуманна, гдѣ только будутъ существовать физическія и нравственныя страданія человѣка, будетъ олицетвореніемъ уголовной теоріи устрашенія и возмездія. Грубыхъ мотивовъ наказанія нельзя замаскировать никакими величественными тюремными палацо.

Юристы-теоретики и практики держатся за отжившую теорію устрашенія, за необходимость примѣрности наказанія главнымъ образомъ потому, что, по ихъ мнѣнію, съ отмѣною *чувствительныхъ* наказаній водворится въ обществѣ совершенная *безнаказанность*, т.-е. побужденіе дѣлать зло кому вздумается. Точно такое-же опасеніе возбуждаютъ у нихъ и всѣ доводы положительной науки объ участи самого общества и его социальныя недостатки въ дѣлѣ развитія преступленій. Но ихъ опасенія неосновательны. Новѣйшая юридическая наука, указывая на тѣ социальныя условія и причины, которыя развивали преступленія, выѣстъ съ тѣмъ, указывала и на средства, которыми можно-бы было предупредить развитіе преступленій. Что же касается до отмѣны страданій въ самихъ наказаніяхъ, то юридическая наука, требуя ихъ, тѣмъ самымъ нисколько не отнимаетъ правъ у общества ограждать себя отъ опасныхъ для него субъектовъ. Желая отмѣны страданій въ самихъ наказаніяхъ, какъ вредящихъ исправленію личности, новая наука ставитъ теорію исправленія преступника на болѣе рациональныхъ началахъ, и основываетъ свои выводы не на однихъ умозрѣніяхъ, но также и на опытахъ новыхъ исправительныхъ системъ. Эти опыты ясно указываютъ, что наказаніе, какъ предупрежденіе преступленій и огражденіе общества, можетъ совершаться и безъ суровыхъ средствъ насилія и истязаній. Какой видъ должно принять наказаніе по современнымъ взглядамъ и по выводамъ положительной науки, будетъ мною уяснено въ слѣдующей статьѣ, а теперь я ограничусь указаніемъ, что старыя разсмотрѣнные нами мотивы наказанія не получаютъ ни малѣйшаго оправданія въ современной жизни и опасенія юристовъ за гибель человечества съ отмѣною суровыхъ наказаній совершенно напрасны. Теорія страданій, въ силу историческаго порядка вещей и непреложнаго закона человеческого прогресса, стремящагося искоренить все жестокое и

вредное для личности, въ жизни должна будетъ непремѣнно пасть и окончательно падеть въ скоромъ времени.

III.

Если различные предрасудки и заблужденія, усвоенные въ первые вѣка жизни человѣческихъ обществъ, иѣшали быстрѣйшему развитію прогресса въ дѣлѣ смягченія наказаній, то страсти, возбуждаемыя какими-либо событіями, часто заставляли общества отступать и отъ тѣхъ ничтожныхъ успѣховъ, которые они дѣлали ранѣе въ улучшеніи системы наказаній. Этотъ регрессъ обнаруживался въ эпохи особеннаго возбужденія, въ эпохи войнъ или внутреннихъ неурядицъ, когда терялось всякое спокойное обсужденіе факта, людьми руководили болѣе дурныя инстинкты, и страсти доводили ихъ до того, что они попирали законы справедливости. Нерѣдко подъ вліяніемъ подобныхъ-же страстей дѣйствовали и правительства;—тогда ихъ дѣйствія становились пристрастными, жестокими, и всегда сопровождались возвращеніемъ къ старымъ наказаніямъ и приданіемъ имъ большей суровости. Примѣры такихъ отступленій въ дѣлѣ наказаній до послѣдняго времени встрѣчаются въ исторіи европейскихъ народовъ. Разительные примѣры вліянія различныхъ формъ правленія и различныхъ политическихъ партій на измѣненіе наказаній представляютъ отмѣна и возобновленіе смертной казни въ различныхъ государствахъ Европы. —

Мы говорили, что въ Тосканѣ, въ 1786 г. императоръ Леопольдъ отмѣнилъ смертную казнь, какъ бесполезную, жестокую и вполне несостоятельную для цѣлей устрашенія. Но достаточно было нѣсколькихъ политическихъ волненій внутри страны, чтобы въ 1798 году тайные враги реформъ нашли отличный предлогъ побудить императора снова ввести смертную казнь; они представили ему всевозможныя опасности для общества, если смертная казнь не будетъ восстановлена. При Іосифѣ II смертная казнь совершенно выходитъ изъ употребленія въ Австріи (законъ 2 апрѣля 1787 г.), но съ 1796 г. Францъ II снова вводитъ ее, какъ наказаніе за государственную измѣну. Меттерниховская реакція

послѣ 1814 года ознаменовывается усиленіемъ казней. Въ 1848 году, подѣ влияніемъ развитія въ Германіи идей свободы и національной независимости, смертная казнь совершенно отмѣняется на франкфуртскомъ сеймѣ. Старыя партіи сперва дѣлають уступку либеральнымъ требованіямъ, но въ послѣдующіе годы, собравшись съ силами и успѣвши окрѣпнуть, снова начинаютъ сильнѣйшую реакцію въ видѣ мести либеральной партіи, причѣмъ вводятъ и смертную казнь. Усиленіе наказаній съ 1848 г. особенно замѣтно въ Пруссіи. Въ 1848 г. здѣсь не было ни одной казни, въ 1849 было 3, но въ 1851 г. слѣдуетъ уже 60 приговоровъ и 19 изъ нихъ исполняется, въ 1852 г. совершается 14 казней, въ 1854 г.—20, и въ 1856 г.—26 казней! Послѣ этого года, хотя число казней нѣсколько уменьшилось, но палаты, какъ видно, желаютъ удержать ее: при послѣднемъ обсужденіи вопроса о смертной казни въ сѣверо-германскомъ парламентѣ, смертная казнь по прежнему оставлена въ германскомъ кодексѣ.

Еще большій регрессъ въ вопросѣ смягченія наказанія и постоянныя колебанія показала Франція. При военномъ управленіи Наполеона I казнь назначалась за 36 родовъ преступленій. При Люи-Филиппѣ, который лично не былъ сторонникомъ смертной казни, она значительно уменьшилась. Въ 1832 г. Люи-Филиппъ, пользуясь правомъ помилованія, значительно ограничиваетъ кругъ казней, и число приговоровъ нисходитъ до 31 въ годъ. Пятой статьёй конституціи 1848 г. смертная казнь отмѣнена за всѣ политическія преступленія. Но когда президентомъ республики сдѣлался извѣстный авантюристъ, нанесшій столько несчастій Франціи, смертная казнь снова вводится съ 1851 г. Захвативши власть въ ночь на 2 декабря, Наполеонъ III, какъ всякій узурпаторъ, не останавливающейся ни передъ чѣмъ, съ этихъ поръ начинаетъ казнями и ссылками упрочивать свою власть. Въ 1854 г. онъ утверждаетъ 79 приговоровъ, въ послѣдующіе года число казненныхъ во Франціи доходитъ до 37 въ годъ. Однакожь и Наполеонъ намелся вынужденнымъ дѣлать уступки общественному мнѣнію, заявлявшему себя противъ смертной казни, поэтому онъ замѣняетъ смертную казнь смертельной ссылкой въ Гвинею и Кайену, и посылаетъ туда сотнями своихъ политическихъ противниковъ. Беззаконнымъ декретомъ отъ 30 мая 1854 г. онъ закрѣпляетъ тамъ всѣхъ сосланныхъ на срокъ.

„Даже во времена самыхъ безумныхъ тирановъ временъ римской имперіи не прибѣгали къ наказанію, сопровождавшемуся такими ужасными послѣдствіями, какъ ссылка въ Кайену“, говоритъ Гольцендорфъ. И это страшное наказаніе весьма часто примѣнялось во Франціи до послѣдняго времени. Оставленное на время послѣ седанской катастрофы, оно снова назначается защитникамъ парижской комунѣ, которыхъ ссылаютъ теперь сотнями. Но не только во Франціи, вынесшей двадцатилѣтнее господство бонапартистовъ, даже въ свободной Англіи политическія страсти играли первенствующую роль въ вопросѣ о назначеніи наказаній; пристрастные и жестокіе судебные приговоры въ Ирландіи служатъ тому разительнымъ доказательствомъ. Въ 1845 г. число смертныхъ приговоровъ доходило здѣсь до 13. Но въ 1848 г., во время агитаціи Ирландіи въ защиту своихъ политическихъ правъ, казни усилились, и такъ шло до 1851 г., когда онѣ снова уменьшились. Феніанское движеніе опять заставило Англію прибѣгнуть къ казнямъ по политическимъ процессамъ для подавленія гражданскихъ стремленій. Англія не постыдилась прибѣгнуть къ этому жалкому средству и даже унизилась до отмѣны важнѣйшей статьи своей конституціи (Habeas Corpus) относительно своихъ ирландскихъ согражданъ. Не одинъ патріотъ за слишкомъ горячую любовь къ своей родинѣ заплатилъ въ это время эшафотомъ или каторгою. Съ грустью приходится читать, напримеръ, что въ странѣ обладающей высокимъ гражданскимъ развитіемъ встрѣчаются такіе факты, какъ жестокое преслѣдованіе редактора ирландской газеты Одонована Росса, сосланнаго въ каторгу и даже подвергнутаго тамъ наказанію плетью, какъ недавно о томъ публиковали въ англійскихъ газетахъ друзья Росса. Слѣдовательно даже и такія европейскія правительства, въ порывѣ страсти и подъ вліяніемъ страха, хватаются за старые способы насилія и казни, забывая ихъ несостоятельность, не справедливость и жестокость, отвергнутые въ принципѣ и еще недавно непризнаваемые ихъ-же собственными законами.

Примѣненіе казней, какъ и возвращеніе къ нимъ послѣ ихъ отмѣны, не могли не отражаться самыми дурными послѣдствіями на самомъ развитіи народовъ. Желаніе держать народъ въ уздѣ суровыми и жестокими наказаніями не только его не сдерживало, напротивъ, чѣмъ жесточе были казни, тѣмъ силь-

нѣе проявлялось сопротивленіе, и если на время народъ въ ужасѣ молчалъ и прятался, то рано или поздно нависшій злора прорывалась и онъ мстилъ самымъ страшнымъ образомъ. Многие удивляются ужасамъ первой французской революціи и негодуютъ на людей, руководившихъ въ то время массами. Дѣйствительно многіе факты ужасны, но является вопросъ: почему-же революція заявила себя ими? Кто подготовилъ эту суровость и откуда появились столь грубые инстинкты? На это мы предоставимъ отвѣчать историкѣ, котораго, по умѣренности взглядовъ, едва-ли можно упрекнуть въ пристрастіи къ первой французской революціи. „Противъ старой французской монархіи, говоритъ Маколей, — можно почерпнуть болѣе сильные доводы изъ „*royades*“ и „*fusillades*“, совершаемыхъ дѣятелями революціи, чѣмъ изъ Бастиліи и *ragc-aux-segf*. Степень насилія революціи пропорціональна степени дурного управленія, породившаго эту революцію — мы считаемъ это правиломъ неизмѣющимъ исключеній. Отчего французская революція была столь разрушительною? Отчего наша англійская революція 1641 г. была сравнительно кроткою? Отчего наша революція 1688 года была еще кротче? Отчего американская революція, если ее разсматривать какъ внутреннее движеніе, была самою кроткою изъ всѣхъ? Вотъ очевидное и полное разрѣшеніе задачи: — англичане при Іаковѣ I и Карлѣ I терпѣли меньше угнетеній, чѣмъ французы при Людовикѣ XV и Людовикѣ XVI. Англичанъ еще меньше угнетали послѣ реставраціи, чѣмъ предъ ихъ первой революціей. А Америка при Георгѣ II и при Георгѣ III терпѣла менѣе угнетеній, чѣмъ Англія при Стюартахъ. Противодѣйствіе какъ разъ было пропорціонально угнетенію, мечь — вызову *)“. Такимъ образомъ сила возстаній всегда обусловливалась тѣми репрессивными мѣрами, которыя принимались ранѣе противъ народа, также какъ проявленіе народныхъ инстинктовъ было выраженіемъ нравовъ, подготовленныхъ прежней историческою жизнью. Если мы возьмемъ положеніе крестьянства и вообще черни въ вѣкъ Людовика XV и Людовика XVI, мы увидимъ толпу рабскаго и угнетеннаго народа, паріевъ, подавленныхъ бѣдностью, голодомъ и невѣжествомъ, огрубленныхъ вѣковыми жестокими наказаніями; мы увидимъ крестьянство и вообще рабочій классъ

*) Маколей, т. 2, стр. 128, 129.

доведенный въ своемъ униженіи до потери человѣческаго образа, обезсмысленный и загрубѣлый до того, что „они походили скорѣе на стада дикихъ животныхъ“, по выраженію историка французскаго крестьянства Бонмера. И тогда мы поймемъ, что самая жестокость нравовъ была подготовлена здѣсь цѣлыми вѣками страданій и униженія и не могла иначе проявиться въ минуты раздраженія, какъ только звѣрскими инстинктами. Странно было бы отъ человѣка, который вѣчно страдалъ отъ притѣсненій и жестокости другихъ людей, требовать гуманности и снисхожденія. Чѣмъ болѣе народъ испытывалъ тяжестей, чѣмъ грубѣе съ нимъ обращались, тѣмъ нравы его становились жесточе, а проявленія страстей ужаснѣе. Стоитъ вспомнить жакерію (возстаніе крестьянъ во Франціи), крестьянскую войну въ Германіи, возстаніе Вандеи въ 1792 году; стоитъ вспомнить русскую пугачевщину, которая въ своихъ ужасныхъ и кровавыхъ проявленіяхъ отразила нравы русскаго простонародья XVIII вѣка, закаленнаго въ угнетеніяхъ крѣпостного права, въ пыткахъ и въ тѣлесныхъ наказаніяхъ. Подобные взрывы, подобные ужасы и жестокости обнаруживались вездѣ, гдѣ народъ переносилъ много лишеній, физическихъ страданій, гдѣ употреблялись противъ него суровыя наказанія и гдѣ онъ воспитывался въ невѣжествѣ. Европейскіе буржуазные публицисты постоянно страшатся возстанія грубыхъ рабочихъ массъ, которыя могутъ угрожать европейской цивилизаціи,—но кто-же виноватъ, что эти массы до сихъ поръ не пользовались выгодами этой цивилизаціи, что ихъ держали въ темнотѣ, что онѣ не знали утѣхъ жизни, что на ихъ жалобы и требованія не обращалось никакого вниманія? Кто-же виноватъ, что цивилизація не смягчила этихъ людей, не гуманизировала ихъ и не научила ихъ уважать себя?

Еще опаснѣе примѣненіе суровыхъ казней и возвращеніе къ нимъ въ моменты народныхъ и политическихъ волненій, когда недовольство противъ правительства и безъ того сильно. Въ этомъ случаѣ суровое преслѣдованіе поселяетъ только сильнѣйшее недовольство, усиливаетъ раздраженіе и разжигаетъ страсти. Къ сожалѣнію, многія европейскія правительства при каждомъ сильномъ политическомъ движеніи народа, имѣющемъ хотя нѣсколько оппозиціонный характеръ, воздвигаютъ рядъ гоненій, производятъ сильнѣйшую реакцію, вводятъ старыя устрашающія наказанія,

мстятъ своимъ врагамъ, устраиваютъ пристрастные суды и тѣмъ роняютъ окончательно свою популярность. Жестокія казни и репрессивныя мѣры, принимаемыя для подавленія свободы свободолюбиваго народа, приводятъ обыкновенно къ паденію правительства. Такой конецъ давно предсказалъ, напимѣрь, Гольцендорфъ Наполеону III за его ссылки въ Кайену. „Ошибки, промахи, политическая безтактность и упорство, съ которыми прежнія династіи во Франціи держались за старый порядокъ, говоритъ Гольцендорфъ, стоили имъ короны. Такъ-какъ прошедшее служить масштабомъ для будущаго, то отъ генія французской исторіи можно ожидать, что онъ нѣкогда потребуеть еще болѣе суроваго отвѣта за судьбу тѣхъ несчастныхъ, которые были подвергнуты безъ судебного приговора противозаконнымъ и безчестящимъ самымъ смыслъ наказанія, страданіямъ въ Кайенѣ *)“. Предсказаніе это совершилось предъ нашими глазами въ 1871 г. позорнымъ паденіемъ Наполеона III. Таковы результаты возвращенія къ угнетенію и къ старымъ системамъ устрашительныхъ наказаній, съ цѣлію остановить естественный ходъ человѣческаго прогресса, основаннаго на гуманности. Никакая сила не можетъ остановить его и всякія попытки въ этомъ отношеніи непременно оканчиваются катастрофами, подобными седанской.

Но если суровыя и несправедливыя наказанія способствовали отчасти паденію правительствъ и ожесточенію нравовъ народа, которое постоянно обнаруживалось при прежнихъ взрывахъ народныхъ страстей, то успѣхи цивилизаціи и смягченіе наказаній не могли не повліять, наоборотъ, на смягченіе нравовъ. Помѣдующія революціи въ XIX столѣтіи совершаются съ меньшею жестокостью, чѣмъ первая французская, и торжествующія партіи свободы поступаютъ гуманнѣе съ своими противниками, чѣмъ послѣдніе поступали съ ними. Это отсутствіе жестокой мести и кровавой расправы съ побѣжденными врагами объясняется въ прогрессивныхъ партіяхъ уваженіемъ къ собственному достоинству и внутреннимъ отвращеніемъ къ жестокостямъ, которыхъ не можетъ выносить развитое чувство. Въ томъ-то и состоитъ истинный духъ гуманности. Слѣдующія француз-

*) Исторія ссылки, Гольцендорфа. «Staats-Lexikon».

скія революціи уже не повторяли ужасовъ 1790—93 годовъ, главнымъ образомъ потому, что послѣ сверженія феодализма самыя нравы народа сдѣлались мягче. „Если мы сравнимъ настоящее положеніе Франціи, пишетъ Маколей въ 1832 г.,—съ положеніемъ ея 40 лѣтъ назадъ, то мы найдемъ, что произошла огромная перемена къ лучшему. И это потому, что французъ 1832 г. гораздо лучше управляется, чѣмъ французъ 1789 г., ему уже не приходится раздражаться стѣснительными привилегіями, которыми, въ ущербъ другихъ, пользуется какая-нибудь отдѣльная каста; онъ нѣсколько привыкъ разсуждать о политическихъ вопросахъ и отправлять политическія должности; онъ прожилъ 17 или 18 лѣтъ при дѣйствіи учреждений, хотя и полныхъ недостатковъ, но далеко лучшихъ, чѣмъ всѣ учрежденія, существовавшія прежде во Франціи“. Поэтому вторая революція 1830 года была уже гораздо мягче первой революціи, и въ доказательство этого Маколей приводитъ характеристичное сравненіе участи Людовика XVI съ судьбою Карла X. „Людовикъ XVI сдѣлалъ значительныя добровольныя уступки народу и былъ отведенъ имъ на эшафотъ. Карлъ X нарушалъ основные законы государства, и жестоко каралъ своихъ подданныхъ за то, что они не хотѣли смиренно подчиниться постановленіямъ, вытекавшимъ изъ нарушенія имъ основныхъ законовъ. Произошло возстаніе, Карлъ X былъ побѣжденъ. Мостовыя Парижа были еще превращены въ кучи баррикадъ; госпитали наполнены ранеными; мертвыя тѣла не были еще зарыты въ землю; множество семействъ было въ траурѣ; сотни тысячъ гражданъ стояли подъ ружьемъ. Но побѣдители не тронули ни одного волоса съ головы побѣжденнаго. Въ первую революцію жертвы отправлялись цѣлыми десятками на казнь за самыя ничтожныя проступки, по ничѣмъ недоказанному обвиненію, или по свидѣтельству людей, нестоящихъ въѣры, данному предъ пристрастными судилищами. Послѣ второй революціи, министры, подписавшіе противозаконные указы, вина которыхъ подтверждалась самыми ясными доказательствами—наказывались только заключеніемъ въ темницу“ *). Революція 1830 г. была менѣе кровопролитна, чѣмъ первая. Революція 1848 г. точно также гораздо мягче революціи 1789 года. Луи-Филиппъ не подвергаетъ

*) Маколей, т. II, ст. 129, 130.

ся ни малѣйшей опасности, и въ то время, когда въ городѣ раздаются еще выстрѣлы и идетъ сраженіе, онъ совершенно безопасно уѣзжаетъ изъ Парижа. Послѣ 24 февраля, когда народъ восторжествовалъ побѣду, не видно ни неистовой мести, ни грабежа. „Смерть врагамъ!“ пишетъ народъ на воротахъ Тюильери, когда дворець наполнился народомъ. „Мы показали, что не должно обращаться дурно съ народомъ, покажемъ-же, что народъ умѣетъ уважать памятники и свою побѣду!“ говоритъ одинъ работникъ въ ратушѣ горячимъ товарищамъ. На улицахъ не видно было ни кровавой мести, ни насилія, ни убійствъ. Побѣдители, радуясь своей побѣдѣ, радуясь торжеству свободы, повидимому, забыли всѣ обиды, которыя побудили ихъ возстать. Ихъ въ то время воодушевлялъ духъ високаго и благороднаго гуманизма, воодушевляло желаніе блага всѣмъ безъ различія—и побѣдителямъ, и побѣжденнымъ. Но вотъ послѣдовала реакція, вызвавшая военную диктатуру Кавеньяка въ іюнѣ 1848 г. и бонапартистскую вторую имперію Наполеона III—реакція тяжелая и жестокая. Но что же? Несмотря на глубокія раны, нанесенныя Наполеономъ III французскому народу, революція 4 сентября 1870 г. совершилась еще спокойнѣе, чѣмъ всѣ прежнія революціи; народъ явился мирно съ своими заявленіями въ національное собраніе и революція окончена. Регентша спокойно выѣзжаетъ изъ дворца, бонапартовскіе министры, еще наканунѣ проецировавшіе новыя казни и ссылки, остаются нетронутыми. На улицахъ не пролито ни одной капли крови. Этотъ историческій метаморфозъ современныхъ революцій замѣчается многими европейскими публицистами. Болѣе спокойный и мирный характеръ переворотовъ въ XIX столѣтіи мы замѣчаемъ не въ одной Франціи. Нѣмецкія бюргерскія революціи еще спокойнѣе французскихъ. Достаточно припомнить ихъ мирный характеръ по разсказамъ Шерра. „О какой это спокойный народъ, какой это добрый и мирный народъ, ну какъ ему не дать конституцію!“ восклицаетъ австрійскій императоръ въ разгарѣ этихъ *вогненій*. Тотъ-же видъ представляла и прусская революція 1848 года, когда король Вильгельмъ, нигдѣ могущественный императоръ, умолялъ народъ не шумѣть именемъ королевы, которая несовсѣмъ здорова и лежитъ въ постели, а народъ чинно пилъ пиво и разгуливалъ весело на улицахъ, какъ на праздникѣ. Но переходъ революцій отъ бунта къ мир-

ной агитаціи всего замѣтнѣе въ Англіи. Такъ, напримѣръ, „великая реформа въ палатѣ общинъ въ 1832 г., по своей важности, по словамъ Маколей, можетъ быть легко названа революціей. И эта революція была рѣшена однимъ парламентскимъ актомъ, который былъ по всѣмъ правиламъ внесенъ, прочитанъ, переданъ комитету и изданъ. Ни малѣйшаго насилія, ни одинъ мечъ не былъ обнаженъ, ни одно имѣніе не было конфисковано, ни одно семейство не было принуждено эмигрировать и барометръ биржи даже не поколебался“. Такъ характеризуетъ Маколей это движеніе. Развитие реформъ такимъ путемъ уже не рѣдкость. Въ прогрессивныхъ обществахъ, — какъ въ Англіи, въ Соединенныхъ Штатахъ, Швейцаріи они совершаются путемъ мирныхъ агитацій, путемъ митинговъ, обширныхъ лигъ, и наконецъ избирательнымъ путемъ, безъ всякихъ беспорядковъ, насилій и преслѣдованій. Чему-же должно приписать умѣренность и человеколюбіе, которыя характеризуютъ въ нынѣшнемъ столѣтіи европейскіе перевороты? „Это человеколюбіе, эта умѣренность въ Англіи, отвѣчаетъ Маколей, есть плоды полутора ста лѣтъ свободы. Въ теченіи ряда поколѣній у насъ были законодательныя собранія, въ которыхъ, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, участвовало однако много представителей народа. Въ теченіи ряда поколѣній здѣсь былъ судъ присяжныхъ, Habeas corpus, свобода печати, право свободныхъ сходовъ и собраній, право юстицій и проч.“¹⁾ Англійское правительство постоянно готово на уступки народу и въ этомъ заключается тайна мирныхъ переворотовъ въ этой странѣ. Соединенные Штаты сѣверной Америки и Швейцарія, при своемъ самоуправленіи, точно также гарантированы въ отношеніи внутренняго спокойствія. Своимъ спокойствіемъ, отсутствіемъ сильныхъ волненій и революцій они, безъ сомнѣнія, обязаны болѣе всего тому, что у нихъ давно уже нѣтъ мѣста ожесточеннымъ реакціямъ и суровымъ политическимъ преслѣдованіямъ. Подъ вліяніемъ свободы, нравы народа въ этихъ странахъ смягчились, гуманизировались; и это смягченіе нравовъ совершалось путемъ отбѣны жестокихъ наказаній, уничтоженіемъ всякихъ ненужныхъ стѣсненій, улучшеніемъ матерьяльнаго положенія низшихъ классовъ и развитіемъ

¹⁾ Маколей, ч. II, Мирабо. 133.

въ нихъ образованія. Люди неиспытавшіе насилія не будутъ сами употреблять его; отучившись отъ страданій, они будутъ чувствовать отвращеніе наносить ихъ другимъ. Это внутреннее перерожденіе человѣка есть лучшая гарантія для личнаго и общественнаго счастія.

Какъ подъ вліяніемъ притѣсеній и суровыхъ казней въ древнее время формировались грубость и ожесточеніе, угрожавшія катастрофами, звѣрствомъ и жестокостью въ самой внутренней жизни общества и семейства, такъ съ распространеніемъ цивилизаціи, съ отміною суровыхъ наказаній и казней, исчезаетъ грубость и болѣе обезпечивается миръ, спокойствіе и любовь въ человѣческихъ отношеніяхъ. Этотъ великій законъ новѣйшей цивилизаціи не мѣшало-бы ввести, какъ элементарное правило, въ науку уголовного права.

Н. Ядрицевъ.

ВПЕРЕДЪ.

РОМАНЪ

Фр. ШПИЛЬГАГЕНА.

ГЛАВА VII.

Въ открытую дверь балкона комнаты графини лился изъ сада теплый ароматный воздухъ. Террасы подъ балкономъ, лужайки парка въ долинѣ, лѣсъ, синѣвшій на мягкихъ очертаніяхъ отдаленныхъ горъ, все было облито яркимъ свѣтомъ утренняго солнца. Графинѣ было грустно, что она должна была отказаться отъ предложенной принцемъ прогулки на мызу, чтобы написать наконецъ къ своей матери.

Она вышла на балконъ, взглянула на открывавшійся съ него видъ, воротилась назадъ въ комнату, бросилась въ кресло и стала разсматривать свои розовые ногти. Она думала о молодомъ докго-рѣ, о томъ, что онъ самый красивый мужчина, какого она только видѣла, и что сегодня утромъ ему вовсе не слѣдовало ѣхать въ Гюнерфельдъ, или какъ тамъ это гнѣздо называется.

Но вотъ она снова вышла на балконъ, вспомнивъ, что изъ замка, какъ ей говорили, можно было видѣть въ горахъ эту деревушку. Ей стало досадно, что она не могла ничего тамъ разглядѣть, такъ какъ очертанія вершинъ горъ, дрожа, сливались въ ослѣпительныхъ лучахъ солнца. Наконецъ, она сѣла къ письменному столу, опять посмотрѣла минуты съ двѣ на свои ногти и принялась писать своимъ легкимъ, ровнымъ почеркомъ.

„Ты сердилась, милая мама, что кромѣ пары строкъ о нашемъ приѣздѣ сюда, ты до сихъ поръ не получаешь никакихъ извѣстій, хоть я и общала писать тебѣ подробно; но развѣ можно писать

«Дѣло», № 7.

1

подробнѣе, когда мы съ утра до ночи окружены обществомъ? Мнѣ и то пришлось взять съ бою сегодняшнее утро, потому-что всѣ уѣхали. Принцъ непременно хотѣлъ, чтобы и я ѣхала, но твоя Стефанія осталась твердой,—она знала, какъ виновата одна добрая дочь передъ своей добрѣйшей мамой.

„Милая мама! я не могу сказать тебѣ, до какой степени я чувствую себя здѣсь счастливой и какъ я тебѣ благодарна, что ты тогда поставила на своемъ. Бѣдный Д...! Вчера Генрихъ сказалъ мнѣ, и, кажется, не безъ умысла, что ему будетъ невозможно удержать свое имѣніе, если король не поможетъ ему еще разъ, и что къ осени всѣ его помѣстья будутъ проданы съ аукціона. Это было-бы для меня крайне грустно. Мнѣ жаль его отъ всего сердца, —право онъ былъ такой милый господинъ, хоть уже и тогда былъ нѣсколько легкомысленъ. Ну, мы не въ состояніи ему помочь и для насъ, такъ сказать, все сложилось такъ счастливо, какъ я не могла и ожидать тогда. Моя разумница мама всегда права.

„Но она не была права, что не поѣхала съ нами и пустила путешествовать одну свою бѣдную Стефанію. Увѣряю тебя, милая мама, что въ этомъ не было никакой необходимости, хоть и согласна, что будетъ болѣе *comme il faut*, если ты приѣдешь немножко позже и поспѣешь къ тому времени, какъ у насъ произойдетъ великое событіе, котораго я рѣшилась дожидаться здѣсь. Принцъ, про котораго я должна сказать, что онъ, по отношенію ко мнѣ, сама любовь и сама доброта, — принцъ предлагалъ уже разъ и, какъ онъ къ тебѣ писалъ, находить прекраснымъ и весьма желательнымъ, чтобы наслѣдникъ Рода-Ротебюля (и разумѣется Тирклица) увидѣлъ свѣтъ въ замкѣ своихъ предковъ. Теперь мы его поймаемъ на словѣ.

„Можетъ быть, ты удивляешься, милая мама, что я говорю съ такою увѣренностью о наслѣдникѣ, но я такъ убѣждена въ томъ, что онъ будетъ, какъ будто онъ ужъ и окрещенъ и его зовутъ Эрихъ Генрихъ Леопольдъ,—именами, которыя онъ долженъ получить, какъ единственный наслѣдникъ всѣхъ трехъ отраслей династіи.

„Отчего я такъ въ этомъ увѣрена—я, право, и сама не знаю; эта увѣренность являлась у меня весьма недавно, я думаю, не далѣе какъ со вчерашняго вечера, послѣ длиннаго, серьезнаго интимнаго разговора съ докторомъ во время прогулки на фазаній дворъ: онъ меня удивительно успокоилъ и утѣшилъ.

„Это весьма любезный и очень красивый мужчина, слегка застѣнчивый и немножко меланхолическій; впрочемъ, эти господа по большей части, маѣ кажется, таковы, потому что они никогда не

вращаются въ высшемъ кругу, какъ нашъ милый тайный совѣтникъ, что, право, шлифуетъ даже самые грубые самородки.

„Онъ стоитъ весьма высоко въ глазахъ принца, и принцъ отзывался мнѣ о немъ во всѣхъ отношеніяхъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ. „Этотъ человѣкъ чистъ, какъ золото“, говорилъ онъ мнѣ вчера, — „онъ достоинъ самаго безусловнаго довѣрія“ Между тѣмъ мнѣ кажется, что принцъ оттого такъ къ нему привязанъ, что докторъ не пруссакъ, а ганноверецъ, сынъ мелкаго чиновника при дворѣ короля Георга, который воспитывалъ его въ молодости на свой счетъ, потому-что родители его умерли рано. Право, нельзя обвинять этого бѣднаго человѣка за то, что во время несчастной для нихъ войны 1866 года онъ сражался противъ насъ въ качествѣ волонтера. Въ битвѣ при Лангензальцѣ—ты знаешь, что это мѣстечко въ нѣсколькихъ миляхъ отсюда — онъ былъ раненъ, а на слѣдующую весну договорился и поступилъ на службу къ принцу, находящемуся до нѣкоторой степени въ такомъ-же или почти такомъ-же положеніи, какъ и несчастный король Георгъ, — онъ также никакъ не можетъ свыкнуться съ мыслью, что онъ уже болѣе не независимый государь. Но мы поговоримъ объ этомъ поподробнѣе, когда ты сама пріѣдешь сюда. Это вопросъ крайне щекотливый, и мнѣ-бы очень хотѣлось, чтобы Генрихъ показалъ въ этомъ отношеніи нѣсколько побольше такту. Но ты уже знаешь, что онъ не можетъ похвалиться особенною деликатностью, такъ-что раза два-три разговоръ принималъ очень скверный оборотъ, въ чемъ, впрочемъ, въ сущности-то почти всегда была виновата Гедвига, — она такъ сильно настроена противъ Пруссіи, какъ будто сама во время войны 1866 г. потеряла по меньшей мѣрѣ корону.

„Это очень скверная черта въ Гедвигѣ; благодаря ей, мы никакъ не можемъ встать въ мало-мальски порядочныя отношенія.

„Ты можешь быть вполнѣ увѣрена, мама, что я ни на югу не уклонялась отъ нашего уговора и право до нельзя любезна съ нею. Я прямо сошлась съ нею по сестрински на „ты“ и всякій разъ, здороваясь утромъ и прощаясь вечеромъ, цѣлуюсь. Но, кажется, это не производитъ на нее ни малѣйшаго впечатлѣнія, — бѣдное дитя, она совсѣмъ рехнулась отъ гордости.

„Мнѣ только жаль милаго старика принца; право не для того-же онъ рѣшился на такую *mésaillance*, чтобы въ отплату видѣть одну черную неблагодарность, но цѣлымъ днямъ не слышать отъ своей жены (если только можно назвать ее его женой) ни одного ласковаго слова, не видѣть ни одного ласковаго взгляда. Я это отчаянно подумѣла и готова побожиться, что, хотя старикъ ничего

другого отъ нея не видитъ, кромѣ самой грязной неблагодарности, онъ не могъ-бы быть къ ней болѣе внимателенъ, если-бы даже она была принцессой крови и принесла ему въ приданое цѣлое герцогство.

„Впрочемъ, милая мама, для насъ это какъ нельзя болѣе встаети, потому что перетянись струна, такъ она лопнетъ; я говорила это вчера вечеромъ Генриху, когда мы вернулись домой, но онъ только вспылилъ и отвѣчалъ мнѣ дерзостями. Ну чѣмъ-же я тутъ виновата? Генриху слѣдовало-бы въ самомъ дѣлѣ, благодарить меня за то, что я никогда не попрекала его слабостью къ Гедвигѣ. Ему правда, и не представляется случая снова отдаться своей [прежней слабости, потому-что Гедвига съ нимъ очень не любезна. Впрочемъ она такова и со всѣми. Съ докторомъ, напри-мѣръ, она совсѣмъ не говоритъ. Одинъ Богъ знаетъ, что онъ ей сдѣлалъ худого! Можетъ быть, она завидуетъ расположенію къ нему принца, можетъ быть, она не можетъ простить ему его несчастной любви къ одной ничтожной дѣвочкѣ, дочери совѣтника канцеляріи принца, невѣроятно тупому созданію; къ тому-же какъ я слышала, дѣвочка эта почти помолвлена съ однимъ господиномъ фонъ-Цейзелемъ, камер-юнкеромъ принца, которому она больше подъ пару, чѣмъ моему доктору.

„Ты видишь, дорогая мамочка, я уже совершенно обжилаь и освоилась здѣсь. Впрочемъ, вѣдь это и необходимо, такъ-какъ рано или поздно я здѣсь буду хозяйничать. Наболтавшись досыта съ моей дорогой мамой, я позволю свою Софью, — пора одѣваться, хочется покататься хоть часокъ. Я собственно жду доктора, но онъ что-то долго не идетъ, можетъ быть, встрѣчусь съ нимъ на дорогѣ, я знаю, куда онъ поѣхалъ. P. S. Только-что я отослала Софью за коляской, какъ пришелъ докторъ и мы имѣли съ нимъ опять предлинный, длинный и очень интересный разговоръ. Но представь себѣ мой ужасъ: онъ хочетъ уѣхать отсюда! Наканунѣ нашего приѣзда онъ подалъ принцу просьбу объ отставкѣ, но тотъ, слава богу, не принялъ ее. Это заставило его, конечно, остаться, но онъ счелъ свою обязанностью, какъ онъ выразился, сообщить мнѣ, что если онъ и остался, то лишь на нѣсколько дней. Я ему тотчасъ-же объявила, чтобъ онъ бросилъ и думать объ этомъ, что мы на него только и рассчитывали, что онъ не можетъ же оставить женщину безпомощной въ томъ положеніи, въ которомъ я нахожусь. Само собою разумѣется, что нападеніе мое, которое я повела весьма живо, не осталось безъ желаемыхъ результатовъ. Такіе люди никогда не въ состояніи противиться намъ, нужно только умѣючи приняться за нихъ. Онъ далъ мнѣ слово, что не уѣдетъ, не представивъ мнѣ вмѣсто себя достойнаго преем-

ника—старого и глупаго уѣзднаго доктора я, конечно, не соглашусь принять ему въ преемники—къ тому же я замѣтила, что у него необыкновенно аристократическая рука. Это чистѣйшій феноменъ. Но вотъ возвращается и кавалькада. Я слышу, какъ они скачутъ по мосту. А я должна отказываться отъ такого удовольствія! Право, это уже черезъ-чуръ жестоко, тѣмъ болѣе, что Гедвига пользуется этимъ. Она ѣздитъ не дурно, но конечно, не такъ хорошо какъ я, и сильно кокетничаетъ своимъ умѣньемъ ѣздить; она увѣряетъ, что не можетъ прожить безъ того чтобы не посвятить часа два въ день верховой ѣздѣ. Боюсь, что не смотря на все мое добродушіе, мнѣ трудно будетъ разыгрывать предъ этою воплощеною надменностью ту роль, которой мы рѣшили держаться.

„Прощай, дорогая мама, Генрихъ вернулся и я должна окончить. Конечно, онъ не вмѣшивается въ мою переписку, но все-таки не совсѣмъ ловко, когда знаешь, что онъ можетъ войти во всякую минуту и мноходомъ заглянуть въ то, что пишешь; у Генриха же такое острое зрѣніе. Прощай!“

Графъ вошелъ, прошелъ прямо на балконъ и, опершись на перила, сталъ смотрѣть на горы и садъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся въ комнату.

— Ахъ, я тебя и не замѣтилъ, обратился онъ къ женѣ.

— Кажется, мы не видались со вчерашняго вечера, мой другъ, замѣтила Стефанія, заклеивая конвертъ.

— Дѣйствительно, отвѣчалъ графъ,—ты такъ устала вчера, да и я также.

— И какъ-же это случилось, что ты такъ разсердился на свою жену, продолжала Стефанія, вставая и положивъ голову на плечо мужа.

— Разсердился? удивился графъ, глядя бѣлокурные волосы жены,— Богъ съ тобою! Я, можетъ быть, немножко вспылилъ, но, конечно не разсердился. Я уже и забылъ, изъ за чего вышелъ у насъ споръ. Ахъ да, ты что-то намекнула на отношенія стараго принца къ Гедвигѣ и намекнула не совсѣмъ ловко. Мнѣ кажется, что уже изъ простой деликатности намъ слѣдовало бы воздерживаться отъ всякихъ комментариевъ.

— Ну, кажется, и ты когда-то не скупился на комментаріи на этотъ счетъ, замѣтила Стефанія, опускаясь въ кресло.

— Когда-то, отвѣчалъ графъ,—но на все есть свое время. Теперь мы здѣсь въ гостяхъ и уже простая порядочность требуетъ, чтобы мы относились какъ можно любезнѣе и снисходительнѣе къ нашимъ хозяевамъ.

— Ну ужь меня, кажется, нельзя упрекнуть въ недостатѣ любезности и снисходительности.

— Любезна-то, ты, любезна, да не такъ, какъ слѣдуетъ, возразилъ графъ, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ.—Скажу тебѣ откровенно, Стефанія, твоя любезность мнѣ совсѣмъ не по вкусу. А что касается твоей снисходительности, то она выходитъ уже черезъ чуръ дѣланной. Ты слишкомъ низкаго мнѣнія о принцѣ; не смотря на его странности, онъ человекъ благородный и съ большимъ тактомъ. Нельзя уже слишкомъ явно ухаживать за нимъ. По крайней мѣрѣ, моя жена не должна этого дѣлать по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому, что она моя жена—ты понимаешь, что я хочу этимъ сказать; во вторыхъ, потому что его жена—вѣдь хочешь, не хочешь Гедвига все-таки его жена—такъ я говорю, его жена не приучила его къ такой любезности,—извини меня за выраженіе,—и потому, кажется, какъ будто ты намѣреваешься вступить съ нею въ весьма неловкую конкуренцію.

— Какъ ты заботишься о Гедвигѣ.

— Напротивъ, о тебѣ; мнѣ хотѣлось-бы, чтобы ты всегда вела себя съ тактомъ. Съ Гедвигой также ты уже черезъ чуръ любезна; и ее ты этимъ не расположишь къ себѣ, не заставишь забыть, какъ часто прежде ты обращалась съ нею повелительно и безжалостно заставляла ее чувствовать ея зависимое положеніе. Вспомни-ка, видѣла-ли ты отъ нея до сихъ поръ чтонибудь кромѣ самой холодной вѣжливости! Согласись сама, что мнѣ не совсѣмъ приятно видѣть это.

— Ну, что же продолжай; не слишкомъ-ли я любезна и къ другимъ: къ г. ф. Цейзелю, къ доктору, къ....

— Откровенно говоря, да, въ особенности къ доктору, и тутъ ты опять таки попала не на такого человека. Онъ ненавидитъ насъ, прусскихъ аристократовъ, двойною ненавистью ганноверца и демократа. Я, конечно, не дѣлаю ему чести отвѣчать ему тѣмъ-же; я не вижу къ этому достаточныхъ поводовъ, но онъ мнѣ противенъ и, такъ какъ мы вынуждены сталкиваться съ нимъ всякій день, то я по крайней-мѣрѣ желалъ-бы не обязываться ему ничѣмъ. Объ этомъ-то я собственно и хотѣлъ переговорить съ тобою. Ты, кажется, пишешь къ матери; не потрудишься-ли ты написать ей, что я вернулся къ нашему первоначальному плану, и прошу ее привезти на всякій случай съ собою тайнаго совѣтника.

— Помилуй, вскричала Стефанія, перепугавшись не на шутку,—пріѣздъ тайнаго совѣтника можетъ серьезно обидѣть и принца, и доктора. Тѣмъ болѣе, что я уже переговорила съ докторомъ, какой-нибудь часъ тому назадъ.

— Отчего же тебѣ не имѣть и здѣсь, какъ въ Берлинѣ, двухъ, трехъ докторовъ. А теперь мой другъ, прощай, я уйду. Миѣ хочется съѣздить до обѣда съ Цейзелемъ въ одно сосѣднее помѣстье, гдѣ продается пара великолѣпныхъ лошадей. Миѣ очень неприятно, что приходится постоянно ѣздить на лошадахъ принца, а своихъ не хочется выписывать. Какъ знать, можетъ-быть, скоро придется вернуться обратно въ Берлинъ. Прощай, мой другъ, не правда-ли, ты исполнишь мою просьбу?

Графъ слегка прикоснулся губами ко лбу жены и вышелъ. Стефанія сидѣла неподвижно въ креслѣ, какъ всегда послѣ какой-нибудь сцены съ мужемъ. Она убѣдилась въ томъ, что графъ готовъ снова влюбиться въ Гедвигу и заподозрѣваетъ ее въ томъ, что она черезъ-чуръ интересуется докторомъ. Первое ее сердило, второе радовало, и она не могла отдать себѣ отчета, которое изъ этихъ двухъ чувствъ преобладаетъ въ ней.

Что графъ страстный поклонникъ женской красоты — это была для нея не новость; но ни разу до сихъ поръ она не видѣла, чтобы онъ ревновалъ ее къ кому-нибудь, хотя предлоговъ къ тому было не мало, такъ что ревность, которую онъ обнаружилъ въ этотъ день, показалась ей чѣмъ-то очень цикантнымъ. Она льстила ей тщеславію.

Не исполнить желанія графа не было возможности; нельзя было сопротивляться ему безнаказанно. Но она предоставляла себѣ въ отместку удовольствіе очаровать красиваго доктора. Мысль эта показалась Стефаніи такой завлекательной, что она сообщила матери во второмъ P. S. безъ особеннаго раздраженія о желаніи мужа, и за обѣдомъ по прежнему пускала въ кодъ свою любезность, которую графъ находилъ неумѣстной, а она обворожительной.

ГЛАВА VIII.

И въ доказательство справедливости своего мнѣнія Стефанія могла сослаться на принца, который, казалось, былъ очень чувствителенъ къ ея любезности, а вѣдь онъ былъ главное лицо, всѣ другіе не шли въ расчетъ.

За обѣдомъ онъ преимущественно обращался къ ней и снисходительно прислушивался къ ея болтовнѣ. Онъ улыбался на ея шутки, улыбался, правда, своею тихою слегка ироническою улыбкою, но все таки улыбался; онъ постоянно защищалъ ея черезъ

чуръ нелогическіе выводы; благодарилъ ее за то, что вечеромъ она съиграла нѣсколько новыхъ пьесъ, хотя ея легкая музыка едва-ли могла понравиться такому знатоку музыки, какъ принцъ. Онъ самъ водилъ ее по картинной галереѣ и объяснялъ различіе стилей, школъ и живописцевъ, хотя очевидно, она въ живописи смыслила еще менѣе, чѣмъ въ музыкѣ. Онъ былъ даже такъ любезенъ, что прислалъ ей нѣсколько гравюръ изъ своей богатой коллекціи, и когда ея англійская собачка „леди“ сгрызла одну очень дорогую гравюру, онъ обратилъ все дѣло въ шутку, похваливъ собаченку за ея изысканный вкусъ.

Особенную заботливость его возбуждало положеніе Стефаніи, которое въ сущности ее нисколько не тяготило. Если нужно было взойти на лѣстницу, или сойти съ какой-нибудь ступеньки, онъ тотчасъ-же предлагалъ ей свою руку или посылалъ вмѣсто себя одного изъ своихъ приближенныхъ; Стефанія только зайкнулась, что должно быть очень пріятно жить въ комнатахъ нижняго этажа, выходящихъ въ садъ, и онъ тотчасъ-же приказалъ приготовить ихъ для нея и извинялся, что ему самому не пришла въ голову такая естественная мысль.

Стефанія сперва отнѣживалась, но наконецъ согласилась на это перемѣщеніе, такъ-какъ графъ ничего не имѣлъ противъ него; но какъ-же она испугалась, когда Генрихъ съ своей стороны попросилъ позволенія остаться на верху, гдѣ, по его словамъ, ему особенно нравится.

Ей пришло на мысль, что графу только потому нравится оставаться на верху, что тамъ онъ жилъ близко къ Гедвигѣ; дѣйствительно, его комнаты отдѣлялись отъ ея комнатъ только такъ-называемой красной башней, изъ которой витая лѣстница, соединявшая оба флигеля, вела въ самую отдаленную и уединенную часть сада. Стефаніи хотѣлось-бы отказаться отъ нижняго этажа, но всѣ распоряженія были уже сдѣланы, оставалось только покориться. Ее мучила страшная досада, и гуляя съ принцемъ послѣ обѣда по саду, она не выдержала и сорвала свое сердце жалобами, конечно, самыми краткими, но такими, въ которыхъ выражались страданія женщины, которая любитъ мужа болѣе всего на свѣтѣ, которая для него только и живетъ, но въ то-же время видитъ, что этому мужу и дѣла нѣтъ до жены.

— Французы отлично выражаютъ такого рода отношенія, заключила она свою іереміаду;—они говорятъ: одинъ любитъ, другой позволяетъ себя любить.

Лицо принца омрачилось.

— Дѣйствительно, это грустно, замѣтилъ онъ, но нужно привыкать ко всему; кто и что на свѣтѣ незамѣнимъ!

— Да, вы первый, ваша свѣтлость.

— Я? Для кого-же?

— Для всѣхъ.

— Для всѣхъ—понятіе черезъ-чуръ широкое. Я-бы обошелся безъ всѣхъ, если-бы былъ незамѣнимъ хоть для кого-нибудь одного.

— Я не стану говорить о себѣ, о насъ, продолжала Стефанія,—но Гедвига...

— Будущность Гедвиги уже обезпечена.

— Кто-же объ этомъ говорить? О комъ-же не заботится ваша свѣтлость? Къ тому-же Гедвига,—да нѣтъ, мнѣ невыносимо даже говорить объ этомъ!

— Говорите, говорите! Я чаще думаю о смерти, чѣмъ вамъ кажется, и смерть не представляется мнѣ чѣмъ-нибудь особенно ужаснымъ. Вы что-то начали говорить о Гедвигѣ?

— Я хотѣла сказать, что у Гедвиги, въ случаѣ катастрофы, о которой мнѣ не хочется даже и думать, остаемся все-таки мы; мы ее такъ любимъ.

— И любовь ваша встрѣчаетъ взаимность? спросилъ принцъ, съ ироническою улыбкою.

— Дѣйствительно, отвѣчала Стефанія,—Гедвига слишкомъ сдержанна, слишкомъ замкнута; трудно опредѣлить—расположена она къ кому или нѣтъ, и по правдѣ сказать, никто изъ насъ не можетъ похвастать особенной короткостью съ ней, за исключеніемъ, конечно, Генриха.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ принцъ, останавливая неподвижный взглядъ на графѣ и Гедвигѣ, которые уже съ четверть часа стояли другъ возлѣ друга на одной изъ самыхъ отдаленныхъ терассъ и смотрѣли въ паркъ.

Графъ, казалось, съ жаромъ разсуждалъ о чемъ-то; онъ сильно жестикулировалъ, затѣмъ они спустились съ терассы и исчезли за живую изгородью.

— Въ самомъ дѣлѣ, повторилъ принцъ.

— Да, продолжала Стефанія,—и это совершенно понятно. У нихъ въ характерѣ такъ много общаго. Покойный папа всегда говорилъ, что Гедвигѣ слѣдовало-бы родиться мужчиной, что изъ нея вышелъ-бы отличный солдатъ. Въ ней есть мужество—этого нельзя отрицать—а такъ-какъ это такое качество, которое Генрихъ ставитъ выше всѣхъ другихъ, то весьма естественно, что они тогда чувствовали нѣкоторое влеченіе другъ къ другу. Покойный папа часто меня поддразнивалъ этимъ, а милая, добрая

мама даже сердилась. Понятно, я всегда потѣшалась надъ ними. Богъ мой, вѣдь вы, мужчины, не можете не ухаживать за хорошенькими женщинами. Неужто-же намъ изъ-за этого выплакать всѣ глаза? Какъ-бы это было глупо! Нѣтъ, мы уже будемъ лучше смотрѣть на это сквозь пальцы, а то, такъ и совѣмъ закроемъ глаза. Вѣдь мы-же знаемъ, что милый измѣнникъ все-таки вернется къ намъ обратно. Къ тому-же Гедвига достигла всего, чего только могло желать ея сердце, да и Генриху, кажется, не на что пожаловаться... Но что съ вами ваша свѣтлость?

— Тамъ, кажется, кричатъ? сказалъ принцъ, выпуская вдругъ руку Стефаніи; онъ подошелъ къ балюстрадѣ террасы и смотрѣлъ въ паркъ.

— Я ничего не слышала, отвѣчала Стефанія.

Въ эту минуту раздался явственно женскій крикъ.

— Боже мой, что тамъ такое? вскричалъ принцъ, сбѣгая по крутымъ ступенямъ террасы, съ быстротою, на которую его никто не считалъ способнымъ, по его лѣтамъ; два ладея выбѣжали изъ верхней части сада, Стефанія оставалась въ нерѣшимости—бѣжать ли за принцемъ или упасть на ближайшую скамейку и подождать тамъ разъясненій страннаго крика.

Послѣ непродолжительнаго размышленія, она рѣшилась на послѣднее и провзнесла про себя не столько съ испугомъ, сколько съ изумленіемъ: неужели Генрихъ былъ такъ неостороженъ?

Гедвига волей-не-волей должна была остаться съ графомъ, который подошелъ къ ней послѣ обѣда. Она понимала, что подобныя встрѣчи между ними неизбежны и черезъ-чуръ суровое обращеніе съ ея стороны можетъ подать поводъ къ всевозможнымъ толкамъ. Къ тому-же ее мучила мысль, что на возвратномъ пути съ фазаньяго двора она зашла слишкомъ далеко. Она разсердилась, когда ей слѣдовало оставаться холодной, говорила съ горечью, тогда какъ тонкая иронія была-бы умѣстнѣе. Она была виновата въ томъ, что разговоръ принялъ такой щекотливый оборотъ, она дала графу преимущество надъ собою и онъ, какъ человѣкъ смѣлый, конечно, воспользовался имъ.

Поэтому ее нѣсколько удивило, когда графъ подошелъ къ ней съ своей обыкновенной непринужденностью и завелъ разговоръ о положеніи замка съ военной точки зрѣнія.

— Не нужно заглядывать и въ хроники, говорилъ онъ, —чтобы придти къ убѣжденію, что замокъ построенъ въ такое время, когда еще не существовало огнестрѣльнаго оружія, и скала, отдѣленная отъ окрестныхъ горъ широкою рѣкою, представляла полную безопасность.

— Миѣ такой замокъ на крутой скалѣ всегда напоминаетъ закованнаго въ броню рыцаря на закованномъ въ броню конѣ, отвѣчала Гедвига.

— Превосходное сравненіе, подхватилъ графъ съ жаромъ.— Именно такъ; къ такому бойцу нельзя было подступиться ни съ какой стороны, потому онъ и могъ справиться съ цѣлою толпою плохо снаряженныхъ и вооруженныхъ пѣхотинцевъ. Такой замокъ воплощаетъ передъ нами всѣ средніе вѣка, съ вулачнымъ правомъ рыцарей, изворотливой политикой мелкихъ династій, правомъ убѣжища городовъ и прочими характеристическими чертами, какъ нельзя лучше идущими къ тому времени, потому-что онѣ тогда были вполне естественны; теперь-же онѣ могутъ возбуждать только смѣхъ.

— Средніе вѣка, кажется, пользуются большимъ уваженіемъ дворянства, отвѣчала Гедвига.

— Но только у той части дворянства, возразилъ графъ съ живостью,— которая ничему не научилась и ничего не позабыла, у той части, которая свое легкомысліе хочетъ выдать намъ за героизмъ, и тѣмъ только позорить себя въ глазахъ всѣхъ образованныхъ людей и, въ концѣ концовъ, въ сущности борется противъ своей же собственной плоти и крови. Для своей цѣли не надо отступать ни передъ какими средствами.

— Какъ, даже передъ пожертвованіемъ своимъ достоинствомъ?

— Достоинство наше ни чуть не умаляется, если мы связываемъ то, что и безъ того неразрывно между-собою связано.

— Напримѣръ? спросила Гедвига.

— Да, напримѣръ, средство и цѣль, какъ я сейчасъ говорилъ.

— То-есть?

— То-есть, если мы хотимъ удержать за собой свою позицію — а кто этого не хочетъ?—мы должны соединиться, какъ нынче всѣ соединяются, подъ одной фирмой, подъ которой мы могли-бы сообща работать въ пользу нашихъ интересовъ и проводить ихъ, такъ-какъ интересы фирмы въ сущности и наши интересы: я собственно разумѣю тутъ сильное государство...

— Слишкомъ... торгашеская мысль для владѣтельнаго графа!

— Мы, Штейнбурги, никогда не были владѣтельными графами, отвѣчалъ графъ,—а если-бы и были когда-нибудь такими, я все-таки считалъ-бы не торгашескимъ, а политическимъ разчетомъ пожертвовать виѣшной формой, подъ которой не сохранилось никакого содержанія. 1866 годъ показалъ ясно, какая участь постигаетъ тѣхъ, для кого уроки исторіи проходятъ безслѣдно. Миѣ ничуть не жаль людей, которые ничего не хотятъ видѣть, хоть у нихъ и есть на то глаза.

— Даже того старика, у котораго мы въ гостяхъ, и котораго, ради одного этого, намъ-бы слѣдовало пощадить? спросила Гедвига.

— А, я понимаю, что вы хотите этимъ сказать, отвѣчалъ графъ, — и я искренно сожалею, что я такъ свободно выражался въ политическихъ спорахъ, которые у насъ уже слишкомъ часто возникали. Но скажите-же сами, могу-ли я оставаться равнодушнымъ, выслушивая доктрины принца, которыя и вы съ нимъ раздѣляете, какъ вы хотите сказать? Пусть такъ; я повѣрю, что вамъ доставляетъ какое-то жестокое удовольствіе разжигать меня противорѣчіями, что вы одинаково любите и свободу, и Австрію, хоть для меня непонятно такое соединеніе. Я предоставляю дамамъ сантиментальничать въ политикѣ; я также ничего не имѣю противъ того, чтобы такой человѣкъ, какъ докторъ, былъ республиканцемъ по влеченію своего сердца. Люди его пошиба вырастаютъ среди того сословія, которое цѣлыя столѣтія провело въ непробудномъ политическомъ снѣ. Я не говорю, чтобы это была вина самого этого сословія, но вѣдь это такъ. Можно-ли серьезно требовать, чтобы въ тотъ моментъ, когда эти люди пробуждаются отъ сна и протираютъ себѣ глаза, они увидѣли свѣтъ такимъ, каковъ онъ на самомъ дѣлѣ? чтобы свои сны—а у нихъ вѣдь ихъ полноъ ротъ — не приняли они за дѣйствительность? Но вѣдь относительно принца, это совершенно другое дѣло. *Noblesse oblige!* Такой человѣкъ, который, какъ онъ, происходитъ изъ древняго рода, игравшаго роль во все продолженіе исторической жизни Германіи, — такой человѣкъ обязанъ стоять на высотѣ переживаемаго момента, обязанъ понимать положеніе дѣлъ. Что было-бы теперь съ принцемъ, если-бы въ 1866 году онъ, надѣясь на какую-то призрачную силу, подобно другимъ ослѣпленнымъ безумцамъ, вздумалъ остановить колесо всемірной исторіи? Оно-бы раздавило его, какъ раздавило тѣхъ безумныхъ. А вѣдь принцъ глава моего дома! Было-бы несправедливо требовать отъ меня, чтобы я глядѣлъ спокойно, какъ такое имя, какъ наше, вычеркнули-бы изъ золотой книги нашего дворянства, и что еще хуже, вычеркнули-бы мы сами, своими собственными руками.

Графъ говорилъ живо и съ жаромъ.

Гедвига въ первый разъ тутъ поняла, что въ человѣкѣ, чьи блестящія качества когда-то такъ очаровали ея юное сердце, жило глубокое убѣжденіе въ справедливости его міросозерцанія. Это міросозерцаніе было діаметрально противоположно тому, которое она считала справедливымъ, — тому міросозерцанію, которое выяснилось ей въ ея долгихъ, серьезныхъ, горячихъ бесѣдахъ съ Германомъ.

Она спрашивала себя, что-бы возражалъ на ея мѣстѣ Германтъ; она говорила себѣ: вотъ это нашъ врагъ, одинъ изъ злѣйшихъ враговъ нашихъ! А между тѣмъ, какъ ни пренебрежительно отзывался этотъ врагъ о своихъ противникахъ, она не могла отнестись къ нему съ пренебреженіемъ, не могла отказать ему въ томъ уваженіи, которое всегда возбуждали въ ней сильные, энергическіе характеры.

— Вы не отвѣчаете? снова началъ графъ. — Я не убѣдилъ васъ, я это хорошо знаю; значитъ, вы не считаете меня достойнымъ возраженія. Но я вамъ не уступлю еще. Такія женщины, какъ вы, отличаются замѣчательнымъ чутьемъ: онѣ, хотя смутно, но совершенно вѣрно понимаютъ окружающую ихъ дѣйствительность; чтобы онѣ ни говорили, онѣ сердцемъ на сторонѣ силы и власти. А, вѣрьте мнѣ, сила въ насъ и власть принадлежитъ намъ. Однако, куда-же мы это забрели?

Они только-что взошли по крутой тропинкѣ и находились теперь на тропинкѣ, огибавшей терассу сада и лежавшей между отвѣсной скалой и берегомъ Роды, которая въ этомъ мѣстѣ была очень глубока и тихо журчала своими темными и прозрачными водами. По ту сторону рѣки возвышались поросшіе кустарникомъ холмы оленьяго парка, который съ этой стороны не былъ повидимому ничѣмъ огороженъ.

Только узенькій мостикъ, который нѣсколько дальше велъ къ охотничьему домику, зашпирсился желѣзными рѣшетчатыми воротами. Тропинка, которая была въ этомъ мѣстѣ выбита въ скалѣ, была такъ узка, а обрывъ къ рѣкѣ такъ крутъ, что, проходя по ней, надо было совсѣмъ почти прижаться другъ къ другу.

— Кажется, тропинка тутъ и кончается, сказалъ графъ, прервавъ молчаніе, которое продолжалось уже нѣсколько минутъ.

— Это только такъ кажется, отвѣчала Гедвига. — Она круто заворачиваетъ вонъ у той скалы; мы называемъ ее Лебединою. Нѣсколько дальше пробить гротъ; а тамъ другая тропинка ведетъ снова въ садъ.

Она шла впередъ быстрыми шагами.

Графъ шелъ сзади.

— Отважный и сильный человекъ, началъ онъ, — могъ-бы остановитъ здѣсь цѣлый полкъ.

Едва выговорилъ онъ эти слова, какъ изъ-за скалы появился гигантскій олень и, увидѣвъ ихъ, опустилъ свои огромные рога, потомъ поднялъ ихъ и снова опустилъ, звонко ударяя ими о скалу.

— О, да это становится очень серьезнымъ, проговорилъ графъ.

— Да это старый Гансъ, замѣтила Гедвига, продолжая идти далѣе; — онъ ничего мнѣ не сдѣлаетъ, мы съ нимъ друзья.

Въ эту минуту разъяренное животное глухо заревѣло и, наклонивъ рога еще ниже, бросилось имъ на встрѣчу.

Въ одно мгновеніе ока графъ отбросилъ Гедвигу назадъ, сталъ передъ звѣремъ и громко закричалъ, будто надѣясь испугать этимъ крикомъ гиганта.

Но олень, казалось, еще болѣе разсвирѣпѣлъ отъ его крика. Его грива поднялась дыбомъ, глаза налились кровью; онъ отступилъ шага на два, чтобы сдѣлать новый ужасный прыжокъ.

— Бога ради, Гедвига, спасайтесь! вскричалъ графъ, бросаясь на встрѣчу оленю и предупреждая, такимъ образомъ, его нападеніе.

Это движеніе было такъ быстро и онъ такъ удачно поймалъ оленя за рога, что одну минуту казалось, что ему удастся исполнить свое намѣреніе столкнуть животное съ узкой тропинки въ рѣку. Но это казалось только одну минуту; исполнская сила звѣря побѣдила отчаянное усиліе человѣка. Олень такъ легко справился съ его сопротивленіемъ, будто передъ нимъ былъ малютка; онъ притиснулъ его къ скалѣ и, казалось, хотѣлъ пригвоздить его къ ней. Гедвига не могла долѣе выносить этого страшнаго зрѣлища. Она отчаянно вскрикнула; на ея крикъ отвѣтилъ короткій, рѣзкій выстрѣлъ винтовки. Олень сдѣлалъ страшный прыжокъ впередъ, опрокинулъ графа къ ногамъ Гедвиги и упалъ, издыхая. На другомъ берегу рѣки на лужайкѣ парка стоялъ Прахатицъ: онъ только-что вышелъ изъ-за кустовъ, и медленно по охотничьему опускалъ еще дымившуюся винтовку.

— Убить? кричалъ онъ.

Гедвига не отвѣчала.

Она стояла на колѣняхъ около графа; онъ, блѣдный, какъ смерть, безъ всякихъ признаковъ жизни лежалъ передъ нею навзничъ.

— Онъ умеръ за меня, шептала Гедвига.

Она приподняла его голову, съ которой уже слетѣла его военная фуражка, и пыталась приподнять его самого. Смотри на его мертвенно-блѣдное лицо, покоившееся на ея груди, она подумала, что-бы она должна была теперь чувствовать, если-бы была его женою. Сильный испугъ изгладилъ всѣ другія воспоминанія; ей казалось, что все кругомъ нея вдругъ исчезло и она одна съ этимъ мертвецомъ на свѣтѣ. Но этотъ сонъ на яву длился только одну минуту. По блѣдному лицу графа пробѣжало судорожное движеніе, рѣсницы медленно поднялись и глаза его неподвижно остановились на ней.

Графъ переживалъ то-же, что за минуту переживала Гедвига.

Приходя въ себя отъ обморока, онъ помнилъ только о прекрасной женщинѣ, которая держала его въ своихъ объятіяхъ. Онъ видѣлъ только ее; ему казалось, что въ этомъ чудномъ овалѣ ея дивно-прекраснаго лица заключалось все земное счастье.

Но наконецъ, дѣйствительность вступила въ свои права. Онъ увидѣлъ смуглое бородатое лицо и услышалъ, какъ Гедвига сказала: „Что вамъ теперь дѣлать?“ Онъ вспомнилъ о томъ, что случилось, а съ этимъ воспоминаніемъ вернулись и силы.

Онъ попробовалъ встать; только при помощи смуглаго человѣка, въ которомъ онъ узналъ теперь лѣсничаго Прахатица, ему удалось это. Въ это время изъ-за скалы вышли два лакея, которымъ, чтобы добраться до графа, пришлось перелѣзть черезъ мертваго оленя, лежавшаго поперекъ дороги. Наконецъ, показался самъ принцъ; онъ былъ блѣднѣе, чѣмъ бывалъ обыкновенно, и отъ непривычнаго напряженія, съ какимъ онъ бѣжалъ съ лѣстницы, и отъ сильнаго душевнаго волненія; мрачно взглянулъ онъ на странную картину, которую никакъ не могъ объяснить себѣ, и прерывающимся голосомъ, спросилъ, что случилось.

Графъ оправился на столько, что самъ взялся рассказать обо всемъ.

— Дѣло могло-бы кончиться гораздо хуже, да безъ сомнѣнія и кончилось-бы самымъ сквернымъ образомъ, если-бы Прахатицъ не подоспѣлъ во время; онъ сдѣлалъ такой выстрѣлъ, съ которымъ можно сравнить развѣ только выстрѣлъ Вильгельма Телля.

При этихъ словахъ графъ хотѣлъ протянуть Прахатицу руку, но тутъ только впервые замѣтилъ, что онъ едва можетъ пошевелить своей правой рукой, повидимому сильно зашибленной во время борьбы съ оленемъ или во время паденія.

Тѣмъ временемъ слуги хлопотали, чтобы убрать съ дороги оленя и для этого столкнули это огромное животное съ крутого берега въ воду. Прибѣжавшій въ это время третій лакей хотѣлъ помочь сталкивавшимся, но отъ избытка усердія едва самъ не полетѣлъ за оленемъ. При паденіи оленя всѣхъ окатило водою. Это возбудило всеобщій смѣхъ. Но все-таки мрачное настроеніе, вызванное недавними событіями, не могло скоро разсѣяться.

Принцъ былъ совершенно разстроенъ. Гедвига молчала. Старый Прахатицъ тихо ушелъ черезъ мостикъ. Слуги, перешептываясь, нѣли за господами. Графъ, отказавшійся рѣшительно ото-всякой помощи, былъ бодрѣе всѣхъ. Онъ говорилъ, хотъ это было для него видимо еще трудно, о случившемся спокойно и даже весело.

Онъ вспоминалъ о подобномъ-же случаѣ, бывшемъ съ однимъ принцемъ, его другомъ; на того напалъ кабанъ, отъ котораго

онъ едва убралъ ноги. Правда, это было на охотѣ, когда всякій на готовѣ противъ такихъ случайностей. Ну, а тотъ старшій дуракъ, который такъ дорого заплатилъ за свою дерзость и за минутное дурное расположеніе духа, былъ такъ неблагороденъ, что напалъ на безоружнаго противника.

Графъ не выдалъ ни однимъ словомъ того обстоятельства, что олень прежде всего бросился на Гедвигу, что самъ онъ легко могъ бы спастись, прыгнувъ въ воду или отступивъ шага на два вверхъ по лѣстницѣ.

Гедвига понимала, что ея прямою обязанностью было возстановить истину и рассказать, какъ все произошло, но она не знала, съ чего начать, молчала и, сознавая всю неловкость своего молчанія, смущалась все болѣе и болѣе.

Между тѣмъ Стефанія, оставшаяся въ саду, была такъ перепугана криками, бѣготней прислуги, особенно же выстрѣломъ, что принуждена была позвать къ себѣ на помощь Германа, который въ эту минуту сошелъ въ садъ и хотѣлъ пробѣжать мимо нея, не останавливаясь.

— Можетъ быть, моя помощь гораздо нужнѣе внизу, сказалъ Германъ, и уже хотѣлъ опустить на скамью Стефанію, которая упала ему въ объятія въ полу-притворномъ, полу-дѣйствительномъ обморокѣ, но въ это время раздался голосъ графа:

— Извини меня, пожалуйста, милая Стефанія!

— Боже мой, воскликнула Стефанія, быстро приподнимаясь и спѣша на встрѣчу графу,—что случилось? Что съ тобою?

— Ничего особеннаго, отвѣчалъ графъ,—только одному бѣшенному оленю вздумалось такъ расправиться съ моей рукою, что я не могу теперь пожать тебѣ руки и долженъ попросить нашего любезнаго доктора повозиться со мною; впрочемъ, я постараюсь не слишкомъ долго злоупотреблять его любезностію.

Всю остальную часть дня, общество провело врозь. Германъ запретилъ графу выходить изъ комнаты, самъ же графъ изъявилъ желаніе остаться наединѣ со своимъ камердинеромъ. Принцъ также заявилъ, что пуждался въ покоѣ, а дамы не чувствовали ни малѣйшаго желанія дѣлиться другъ съ другомъ своими впечатлѣніями по поводу того, что случилось.

— Знаете что, докторъ, говорилъ фонъ-Цейзель, только-что вернувшійся изъ сосѣдняго имѣнія, куда онъ ѣздилъ покупать лошадей для графа и только-что узнать о случившемся, — знаете-ли, докторъ, вѣдь это преглуная исторія. Наши дѣла пошли было уже прекрасно, жизнь появилась въ нашемъ мертвомъ замкѣ, а съ появленіемъ графа, человека, умѣющаго жить, по словамъ его свѣт-

лости, дѣла пошли-бы какъ нельзя лучше; завелась-бы у насъ настоящая придворная жизнь, какъ намъ подобаеть и о какой я всегда мечтаю... Я изучилъ „Гофмаршала“ Малорти и знаю, какой слѣдуетъ соблюдать церемоніаль при обѣдахъ, концертахъ, балахъ, спектакляхъ и проч. Тысячи плановъ созрѣли въ моей головѣ, и теперь этотъ несчастный случай снова разъединить все общество и по прежнему мы превратимся въ отшельниковъ. Я просто въ отчаяніи! Видѣлъ сейчасъ принца—онъ страшно разстроено; храбрый графъ прикладываетъ холодные компрессы къ рукѣ, графиня, по всей вѣроятности, прикладываетъ такіе-же къ своимъ заплаканнымъ глазамъ, а супруга принца... ну, объ ней я даже не знаю ужъ, что и сказать. Да и у васъ самихъ, докторъ — видъ прегнусный. Пойду къ Ифлерамъ. Не хотите-ли вмѣстѣ?

— Нѣтъ, мнѣ нельзя.

— Ну, такъ Богъ съ вами, оставайтесь, совѣтую вамъ въ это время заняться изобрѣтеніемъ лекарства противъ меланхоліи и закатить себѣ первому хорошей приѣмъ.

И Цейзель, смѣясь, вышелъ-изъ комнаты. Германъ также разсмѣялся, но, вслѣдъ за тѣмъ, взглянувъ на окно Гедвиги, гдѣ сквозь опущенныя занавѣси былъ еще видѣнъ огонь, ударилъ себя по лбу и сказалъ:

— Вѣдь это безумно, что я до сихъ поръ еще здѣсь!

Въ это время Гедвига сидѣла въ своей комнатѣ и писала.

„Я не могу заснуть спокойно до тѣхъ поръ, пока не выскажу вамъ того, что тяготитъ мою душу. Сегодня вы спасли мнѣ жизнь. То, что сдѣлали вы, сдѣлалъ-бы всякій другой на вашемъ мѣстѣ, да къ тому-же я и не особенно дорожу тѣмъ, что вы спасли. Но все-таки неприятно быть обязанной кому нибудь своею жизнью, особенно, если по самой природѣ не чувствуешь себя способной къ благодарности. Снимите съ меня это тягостное чувство. Не знаю, чувствуете-ли вы себя виновнымъ предо мною; мнѣ кажется, что чувствуете. Я не знаю, чѣмъ объяснить иначе тотъ странный разговоръ, который вы на дняхъ завели со мною. И такъ, сведемте счеты.“

„Вы болѣе не въ долгу у меня, и я не хочу быть въ долгу у васъ. Мы квиты. Можетъ быть, все это устроилось къ лучшему, и даже было необходимо, чтобъ мы могли встрѣчаться не какъ друзья, не какъ враги, а какъ люди, честно покончившіе между собою всякіе счеты; теперь каждый изъ насъ спокойно можетъ идти своей дорогой.“

Гедвига запечатала письмо и хотѣла позвонить камеръ-юнгферу, но въ эту минуту ей пришло на мысль, что прислугѣ можетъ по-

казаться страннымъ, что она посылаетъ письмо къ графу, и еще такъ поздно.

„Не лучше-ли послать графу книгу почтатъ на сонъ грядущій и вложить въ нее записку“, подумала она.

Но гордость ея возмутилась противъ такого малодушнаго поступка и она позвонила.

— Что, Августъ въ передней? спросила она вошедшую Мету.

— Августъ отпросился въ Ротебуль, отвѣчала дѣвушка.

— И ты за меня отпустила его?

— Я думала, что ваша свѣтлость не будете ничего имѣть противъ этого и...

— Есть тамъ кто-нибудь другой?

— Нѣтъ никого, отвѣчала Мета, запинаясь.

— Можешь ты найти камердинера графа?

— Онъ сейчасъ былъ въ корридорѣ, отвѣчала Мета поспѣшно.

— Ну такъ скажи ему, чтобъ онъ передалъ эту записку графу.

Отвѣта не нужно.

Мета взяла записку и быстро удалилась, чтобъ избавиться отъ дальнѣйшихъ разспросовъ.

Она спровадила Августа, чтобъ поболтать часокъ на свободѣ съ своимъ женихомъ Дитрихомъ.

— Ну, спросилъ Дитрихъ,—зачѣмъ тебя звали? Письмо? Вѣроятно къ доктору?

— Что у тебя вѣчно докторъ на языкѣ? сказала Мета.

— Такъ къ кому-же? вскричалъ Дитрихъ, и ловко выхватилъ записку изъ рукъ дѣвушки.

— Экой невѣжа! воскликнула Мета.

— Тихе, сказалъ Дитрихъ,—насъ могутъ слышать.

— Графу? Что она можетъ писать ему? Не трудно было-бы вскрыть конвертъ.

И онъ разсматривалъ письмо со всѣхъ сторонъ.

— Какъ ты смѣешь, Дитрихъ?

— Какъ смѣю? сказалъ Дитрихъ.—Глупенькая, все на свѣтѣ можно, только осторожно. Но впрочемъ, это до меня не касается. Что-же ты намѣрена дѣлать съ этимъ письмомъ?

— Миѣ велѣно передать его Флипу, камердинеру графа.

— Давай и передамъ, сказалъ Дитрихъ.

— Такъ ты, пожалуйста, уже передай.

— Ну, конечно, передамъ, сказалъ Дитрихъ.—Спокойной ночи, дурушка.

И онъ побѣжалъ по корридору.

Мета хотѣла послѣдовать за нимъ, но изъ комнаты Гедвиги раздался звонокъ и она принуждена была вернуться.

— Передать или нѣтъ? раздумывалъ Дитрихъ, остановившись у лампы въ корридорѣ, держа въ правой рукѣ записку, а лѣвой перебирая пуговицы своего жилета. — Передамъ, мнѣ какое дѣло! Если ужъ я никакъ не могу выслѣдить, что у нея за шапки съ докторомъ, то я, по крайней мѣрѣ, навѣрно теперь знаю, что она по ночамъ переписывается съ графомъ. Это что-нибудь да значить для старика.

ГЛАВА IX.

Виконтъ де-Флорвиль прислалъ сказать, что онъ непременно будетъ въ замкѣ; г. фонъ-Финбахъ, у котораго графъ купилъ лошадей, также считалъ своею обязанностью представиться графу; баронъ Нейгофъ, сосѣдъ по имѣнью и прежній товарищъ графа, которому тотъ отдалъ визитъ въ первые-же дни по пріѣздѣ, отдалъ контръ-визитъ, явившись со своей молодою супругою; мать графини ждала со дня на день;—словомъ въ замкѣ Роде общалась водвориться такая шумная жизнь, такое оживленіе, которыхъ онъ давно уже не видѣлъ.

Г. фонъ-Цейзелю пришлось однако долго еще усердствовать надъ „Гофмаршаломъ“ Малорти, готовясь къ предстоящимъ празднествамъ.

Хотя здоровье графа не находилось въ опасности, но ушибъ правой руки повелъ за собою довольно сильную лихорадку, и онъ не могъ еще выходить изъ комнаты; остальные члены общества также сидѣли большою частью дома.

Начало іюля было холодно и дождливо. Густой туманъ скопился въ ущельяхъ, разстилался фантастическими формами по горамъ, окутывая ихъ иногда до самой подошвы. Крупныя капли не переставая падали съ елей, маковки которыхъ тамъ и сямъ грозно выставлялись изъ густого тумана. Вѣтеръ, завывая, безжалостно тербилъ кусты и цвѣты въ саду около замка. Дождь съ утра до ночи барабанилъ въ окна замка, который при такой погодѣ казался такимъ-же старымъ, какъ порфиновая скала, на которой онъ стоялъ.

Но молодого фонъ-Цейзеля не испугала-бы борьба съ разбушевавшимися стихіями, которыя держали общество взаперти, если-бы, какъ говорилъ онъ, люди сами не сложили оружія.

Напрасно привелъ онъ въ порядокъ давно заброшенную бил-

ліардную, напрасно въ обоихъ каминахъ прекрасной бібліотечной залы, по его распоряженію, постоянно поддерживался привѣтливый огонекъ, напрасно приказалъ онъ перенести самыя лучшія растенія и цвѣты изъ оранжерей въ зимній садъ, находившійся возлѣ столовой, напрасно, по его распоряженію, въ манежѣ каждое утро полъ чисто-на-чисто выметался, и голыя стѣны украшались еловыми вѣтвями.

Никто не ходилъ въ билліардную, никто не грѣлся у каминовъ въ бібліотекѣ, никто не удивлялся его розамъ и азалиямъ, а въ манежѣ только одни конюхи объѣзжали лошадей.

— Право тутъ придешь въ отчаяніе! говорилъ фонъ-Цейзель. — Хуже бы у насъ не было, если-бы графъ переломалъ себѣ и руки, и ноги, и можно было-бы ждать съ минуты на минуту, что онъ отправится къ праотцамъ. Его свѣтлость сидитъ въ своей комнатѣ надъ старыми пергаменатами, которые Глейхъ таскаетъ ему изъ архива; право, онъ могъ-бы передать это занятіе буквоѣду совѣтнику, которому, впрочемъ, они только для того и служатъ, чтобы доказывать съ ихъ помощью такія истины отъ которыхъ черезъ минуту онъ самъ откажется. Противъ графа, конечно, ничего нельзя сказать; онъ здѣсь единственный здравомыслищій человекъ: ему теперь было-бы интереснѣе самому кататься на своихъ рысакахъ, чѣмъ предоставлять это мнѣ. Но графиня... я полагаю, впрочемъ, что меланхолія ея притворна: нынче здѣсь меланхолія въ модѣ и вотъ она подражаетъ ей, какъ подражала-бы всякой другой модѣ. А трудно, ей должно быть, справляться со своими глазенками! Что за глаза у нея, чортъ возьми! Вамъ, по истинѣ, можно позавидовать, докторъ. Знаете-ли, за такіе глаза я готовъ былъ-бы разстаться съ жизнью, если-бы я не былъ связанъ въ извѣстной степени съ другой, хотя, между нами, докторъ, эта другая ведетъ себя послѣднее время весьма странно. Увѣряю васъ, докторъ, если-бы я не привалялся къ тѣмъ рыцарямъ, которые готовы умереть ради прихоти дамы своего сердца, я давно-бы бросилъ неблагодарную, которая меня бросаетъ. И для кого бросаетъ-то? Конечно, докторъ, если-бы вы не были такимъ ненавистникомъ женщинъ, то первое подозрѣніе мое пало-бы на васъ. Въ самомъ дѣлѣ, докторъ, неужели у васъ, дѣйствительно, нѣтъ сердца? Или вы выкупались въ крови дракона? Что дѣлаетъ васъ такимъ нечувствительнымъ къ соблазнамъ и обаянію, которымъ мы, поклонники женщинъ, поддаемся безусловно. „Поклонникъ женщинъ“ — гетевское изреченіе, гениальное изреченіе: глубокій смыслъ его въ состояніи понять только тотъ, кто самъ поклонникъ женщинъ. Я не стыжусь этого названія, напротивъ, я горжусь имъ. Я не пробылъ здѣсь еще и сутокъ, какъ

уже бредилъ супругой принца; я уже серьезно размышлялъ—не превратится-ли мнѣ въ дикаго сокола, не схватить-ли мнѣ красавицу клювомъ за косы, не умчатъ-ли ее далеко, далеко, за лѣса и горы, какъ пажы въ народныхъ пѣсняхъ, когда они стораютъ безнадежной страстью къ супругамъ и дочерямъ своихъ владельцев. Вы-же остались безчувственны и холодны. Затѣмъ я нашелъ въ долинѣ прелестный полевой цвѣтокъ, который люди называютъ Элизой Ифлеръ, и меня стали преслѣдовать рифмы „Лизокъ“ и „лужокъ“, а вы, вы опять остались холодны. Теперь на нашемъ небосклонѣ взошла яркая звѣзда; я только издали осмѣливаюсь безнадежно созерцать ея вроткое сіяніе изъ земной юдоли и провожу въ мрачномъ молчаніи безсонныя ночи, а вы, счастливецъ, вы, застрахованный международной женеvской конвенціей, безнаказанно можете приближаться къ божеству, но и тутъ вы остаетесь холодны. Это значить, что природа сдѣлала страшную ошибку; это значить, что намъ слѣдуетъ отправиться въ мою комнату и за партией пивета, у пылающаго камина, при помощи пары хорошихъ сигаръ и бутылки портвейна храбро одолѣвать нашу іюльскую зпму.

Такъ болтали веселый юноша, съ первыхъ-же дней своего пребывания въ замкѣ Роде почувствовавшій особую симпатію къ доктору, который былъ старше его многими годами; мрачность, которая въ послѣднее время, казалось, все болѣе и болѣе овладѣвала докторомъ, серьезно начала безпокоить его молодого друга. Относясь вообще довольно легко къ житейскимъ тревоженіямъ, онъ, на этотъ разъ, серьезно призадумался надъ разрѣшеніемъ вопроса, что могло такъ сильно разстроить Германа. Но напрасно напрягалъ онъ свои мозги, напрасно серьезно и въ шутку старался онъ вызвать пріятеля на откровенность и, если возможно, раздѣлать съ нимъ ту тяжесть, которая, очевидно, была не подъ силу ему одному. Германъ вполне цѣнилъ безкорыстное участіе молодого человѣка; онъ благодарилъ его отъ всего сердца, крѣпко пожималъ ему руку, но этимъ все и кончалось. Когда-же фонъ-Цейзель, у котораго обыкновенно было что на умѣ, то и на языкѣ, горько жаловался на такую скрытность, какъ онъ выражался, и даже слегка обижался, Германъ выговаривалъ ему:

— Не сердитесь на меня, милый другъ мой: я не принадлежу къ числу людей, которые одарены способностью говорить о своихъ страданіяхъ, особенно когда они сами, благодаря своей глупости, устроили себѣ эти страданія. Но я уже не долго буду васъ мучить; черезъ нѣсколько недѣль я уѣзжаю отсюда. Однако, хорошо, что я вспомнилъ объ этомъ: нужно-же постараться провести съ

пользою послѣдніе дни. Здѣсь, полагаю, я пока не нуженъ, а въ деревнѣ что-то опять плохо; я отправлюсь туда. Если я не успѣю вернуться къ чаю, пожалуйста извинитесь за меня.

Германъ, пожавъ еще разъ руку своему другу, быстро удалился, сѣлъ на лошадь, которая уже ждала его на дворѣ замка, и поспекалъ въ горы; ему хотѣлось остаться наединѣ съ самимъ собою, наединѣ съ своими мыслями. Мрачнымъ взорамъ Германа казалось, что сумрачная природа гармонируетъ съ его собственными мыслями; онъ былъ благодаренъ ей, какъ матери, которая не пристаётъ къ своему страждущему сыну съ разспросами о причинѣ его горя, но заключаетъ его въ свои объятія и спокойно позволяетъ выплакать на груди у ней свое горе.

Да, крутыя скалы, въ траурныхъ волнообразныхъ одеждахъ не разспрашивали его; темныя ели, печально покачивающія своими мощными вершинами, не разспрашивали его; не спрашивали его воды, шумно стекавшія въ канавы по краямъ дороги, не спрашивалъ его вѣтеръ, со стономъ проносившійся надъ лѣсной долиной и освѣжавшій его пылавшую голову; не спрашивалъ его и дождь, который крупными каплями смачивалъ его сухія губы; они не спрашивали у него его тайну: она давно была имъ извѣстна, и поэтому онъ могъ признаться имъ въ томъ, что ему хотѣлось-бы утаить отъ самого себя, если-бъ это только было можно,—признаться въ томъ, что положеніе его въ настоящее время стало хуже, чѣмъ прежде, такъ-какъ онъ утратилъ то, что служило для него единственной поддержкой въ его безотрадной жизни,—онъ утратилъ уваженіе къ самому себѣ.

„Да, говорилъ онъ, уваженіе къ самому себѣ,—уваженіе, которое не можетъ отнять у человѣка самая злая судьба; самое страшное несчастіе, пока онъ настолько еще крѣпокъ, что въ состояніи поступать согласно своимъ убѣжденіямъ, и которое онъ безвозвратно утрачиваетъ, лишь только чувствуетъ, что силы его оставляютъ, что онъ не можетъ уже дѣлать то, что долженъ-бы дѣлать; тогда страданія его уже не тѣ, которыя составляютъ удѣлъ всего человѣчества: на его долю выпадаютъ особаго рода страданія, составляющія участь людей слабыхъ, — людей жадно пьющихъ гибельный ядъ, потому-что онъ сладокъ. Онъ прикоснулся губами къ этому яду въ первый разъ, когда глаза его встрѣтились съ темными глазами Гедвига; сладкій ядъ разлился по его жиламъ и сдѣлалъ его глухимъ къ голосу разсудка. Будучи еще ребенкомъ, онъ горькимъ опытомъ убѣдился, какъ тяжела зависимость отъ личной милости короля, котораго онъ не могъ уважать; онъ выплатилъ ему долгъ благодарности до чиста, какъ ни было это противно его лу-

шимъ убѣжденіямъ. Что же побудило его, когда, наконецъ, онъ сталъ свободенъ, когда судьба высвободила его изъ рабскихъ цѣпей,—что же побудило его снова сдѣлаться рабочь, поступить на службу къ новому господину? Ахъ, все что она говорила ему, когда они въ тотъ тихій вечеръ спускались по этой самой дорогѣ по которой теперь, фыркая, взбиралась его лошадь, все это повторялъ онъ самъ себѣ сто тысячъ разъ—и вотъ, онъ долженъ, былъ услышать все это опять изъ ея устъ, изъ устъ женщины для которой онъ послѣдніе три года только и жилъ, которую онъ только и дышалъ! И онъ былъ не въ силахъ даже сказать ей: для тебя я выносивъ все это! у него не хватило мужества положить конецъ жертвамъ, которыя теперь отвергало божество, такъ долго милостиво принимавшее ихъ. Неужели онъ потерялъ всякое чувство собственнаго достоинства? Неужели въ немъ погасла послѣдняя искра гордости? Что-же удерживало его здѣсь, какъ не увѣренность въ томъ, что она дѣйствительно его любитъ. Увѣренность? — Но развѣ-бы у нея хватило силъ гнать меня отсюда, если-бы она дѣйствительно любила меня? Развѣ-бы она могла, если-бы дѣйствительно любила, такъ жестоко карать за ослушаніе?“

Такъ разсуждалъ несчастный Германъ и остановился въ рощѣ около одинокаго бука, около того самаго бука, гдѣ въ первый разъ увидѣлъ ее.

Порывистый вѣтеръ шумно шелестилъ листьями, дождь мочилъ его, а онъ все стоялъ и все думалъ; тяжелы, страшны были его думы, такъ страшны, что онъ не рѣшился-бы повѣрить ихъ вѣтру, который можетъ унести ихъ и передать кому-нибудь; отъ этихъ думъ сердце его судорожно сжималось, ему хотѣлось убѣжать отъ нихъ... Пришпоривъ сильно лошадь, не зирая на густой туманъ, онъ помчался какъ безумный по скользкой дорогѣ, точно позади его разверзлась бездна ада и хотѣла поглотить его.

Прискакавъ въ Гюнерфельдъ—одну изъ самыхъ бѣдныхъ деревушекъ, онъ остановился у первой избы, соединявшей въ себѣ и кузницу, и трактиръ, оставилъ тамъ лошадь и отправился по больнымъ, число которыхъ снова возрасло за послѣднее время; нищета, бѣдность и страданія царилъ здѣсь въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ, что Германъ чувствовалъ всю ничтожность помощи которую онъ могъ оказать и невольно сравнивалъ себя съ человекомъ, который задумалъ-бы осушить гнилое болото, вычерпывая изъ него воду рукою. Онъ повторялъ это себѣ, переходя изъ одной жалкой избушки въ другую; но его личное страданіе оставалось за порогомъ этихъ лачугъ; терзавшее его горе не смѣло вмѣстѣ съ нимъ проникать въ эти дымныя жилища. Здѣсь нуж-

даются въ немъ; здѣсь горько будутъ сожалѣть о его отъѣздѣ. Крестьяне ужь узнали, что онъ хочетъ уѣзжать. Они не выражали жалобъ, но видно было, что для нихъ это было новымъ горемъ, тяжелой прибавкой въ ихъ старому горю.

— Намъ остается теперь только умереть, сказала одна молодая женщина.

— Да, да,—добавилъ старый крестьянинъ,—особенно когда умретъ нашъ старый принцъ, который все-таки насколько можетъ помогаетъ намъ,—и когда вступить во владѣнiе новый прусскiй баринъ; онъ, конечно, уже не будетъ заботиться о бѣдныхъ людяхъ.

— Неправда, дѣдушка, возразилъ молодой парень.—Намедни, какъ я ѣхалъ по лѣсу съ дровами, онъ подарилъ мнѣ цѣлый талеръ, только за то, что я сказалъ ему, что, если онъ хочетъ догнать госпожу Гедвигу, то пусть ѣдетъ на фазанiй дворъ: она только-что туда проѣхала. Не знаю, выручилъ-ли онъ что-нибудь за свой талеръ. И парень громко захохоталъ.

Дубоватый парень и не подозрѣвалъ, какой смыслъ могъ имѣть его дубоватый смѣхъ; между-тѣмъ въ ушахъ Германа онъ отдавался подобно злорадному хохоту сатаны, нагло разглашавшему то, что человѣкъ благочестивый трепетно хранить въ тайникахъ своей души. Передъ нимъ снова возстало то страшное привидѣнiе, которое еще преслѣдовало его на пути въ деревню,—вотъ оно глядитъ на него изъ тумана, вотъ оно повисло на его взмылившейся лошади, вотъ оно вцѣпилось въ самого сѣдока, вонзило свои острые когти въ его сердце и злобно, страшно расхохоталось, и измученный наѣздникъ вторилъ этому громкому, демонскому хохоту.

Да и какъ-же было не хохотать! Впродолженiи трехъ лѣтъ въ трепетномъ благоговѣнiи преклонялся онъ передъ образомъ божества, не дерзая даже прикоснуться къ краямъ его одежды, едва осмѣливаясь подымать на него глаза изъ боязни, чтобъ неосторожный взглядъ не выдалъ его любви, — а тутъ вдругъ появился храбрый рыцарь и простеръ свою дерзкую руку къ этому образу, который не былъ для него святынею, не былъ образомъ, а былъ простою картиною, женщиной, какъ всѣ другiя, игрушкой празднои прихоти, лишнимъ трофеемъ всесвѣтнаго побѣдителя, который беретъ себѣ въ добычу всѣ земныя сокровища: власть, почести, богатство и любовь женщины, все беретъ себѣ, себѣ одному. Да это было такъ, да такъ и должно было быть. Картина, представившаяся ему въ тотъ вечеръ, когда онъ увидѣлъ ее въ его объятiяхъ, была отраженiемъ страшной дѣйствительности,—сердце его видѣло то, чего не могли видѣть его глаза.

Все сходилось точка въ точку, черта въ черту. Не почтительная признательность, которую она принимала за любовь, — заставила ее, забывъ разницу въ лѣтахъ, отдать свою руку кроткому, вѣжному, старому принцу, а оскорбленная гордость, мученія отвергнутой любви, низкая злорадная месть, торжество при мысли, что она все-таки поднимется до той высоты, которой онъ считалъ ее недостойной, съ которой онъ такъ безжалостно столкнулъ ее! Разсказъ совѣтника канцеляріи какъ нельзя лучше доказалъ это; ея нерѣшительность, ея колебаніе, при приближеніи развязки, гнѣвъ графа, когда онъ увидѣлъ, что прекрасная добыча ускользаетъ на минуту изъ его рукъ. Да, на минуту! То, что было тогда потеряно, могло быть наверстать въ болѣе благопріятную минуту; эта благопріятная минута рано или поздно должна была наступить — и дѣйствительно настала.

— Милосердный Боже! — простоналъ Германъ, — и она могла это сдѣлать! Измѣнить самому доброму изъ мужей, измѣнить своимъ друзьямъ, измѣнить своимъ лучшимъ убѣжденіямъ! Да, своимъ убѣжденіямъ! Или то, что она говорила о ненависти къ аристократамъ, которые господствуютъ не потому, чтобы они были лучше всѣхъ, а потому, что люди сами хотятъ, чтобы ихъ поработали, сами добровольно гнутъ шею передъ тѣми, у кого хватаетъ духу или лучше сказать, безстыдства положить имъ на шею ярмо и взять въ руки плеть, — все это было лишь одни слова, не имѣвшія отголоска въ ея сердцѣ? И все, что она говорила о сходствѣ нашей судьбы, которая бросила насъ, еще беззащитными дѣтьми, въ ряды недовольныхъ и заставила провести всю юность въ бесплодныхъ протестахъ, пока, наконецъ, отвоевавъ себѣ сперва нравственную, а затѣмъ и матеріальную свободу, мы не разорвали одну за другою всѣ сковывавшія насъ цѣпи и, свергнувъ съ себя иго, приняли взамѣнъ его святую обязанность всю нашу жизнь бороться противъ насилія, противъ тиранніи, подъ какимъ-бы видомъ она ни проявлялась, — подъ видомъ-ли жажды завоеванія, юнкерства или кастовой надутости.

Всѣ эти воспоминанія, мысли, ощущенія, рѣшенія, которыми мы обмѣнивались, о которыхъ мы говорили, которыя мы поддерживали другъ въ другѣ, — это все была фраза, пустой звукъ, остроумная забава отъ нечего дѣлать, и ничего болѣе...

И ради кого все это? Эта измѣна, это униженіе, это отступничество, эта комедія..?

Ради человѣка, который, безъ генеалогическаго дерева и звучнаго имени, былъ-бы только исполнительнымъ унгеръ-офицеромъ, съ крѣпкими легкими, чтобы перекликать рекрутъ, со здоровыми

руками для продѣлыванія ружьемъ „на плечо, къ ногѣ“, съ прямыми ногами для церемоніальнаго марша,—ради человѣка, который видитъ въ цѣломъ мірѣ только манежъ, плацъ и въ крайнемъ случаѣ поле сраженія, на которомъ онъ можетъ примѣнять купленное тяжелымъ трудомъ искусство,—ради человѣка, который смотритъ свысока на всѣхъ, у кого нѣтъ трехъ мавританскихъ головъ въ гербѣ, а на тѣхъ, у кого нѣтъ никакого герба, смотритъ какъ на сволочь и пушечное мясо,—ради человѣка, который безчувственъ къ чужимъ страданіямъ и бѣдствіямъ,—ради человѣка, которому всякая женщина прискутитъ такъ-же скоро, какъ прискутила ему его молодая красивая жена,—ради человѣка до такой степени бездушнаго, что даже ребенокъ, котораго носить подъ сердцемъ его жена, не въ состояніи внушить ему уваженія къ ней,—ради такого человѣка! Я-бы не повѣрилъ этому, если-бы не видѣлъ собственными глазами!

Погруженный въ такія безотрадныя мысли, Германъ ѣхалъ, не замѣчая дороги, и не поднялъ головы даже въ ту минуту, когда вокругъ него вдругъ стемнѣло и высокія деревья зашелестяли надъ нимъ своими маковками. Кратчайшій путь изъ лѣсу въ замокъ велъ черезъ фазаній дворъ.

Усталая лошадь, увидавъ, что ворота отворены, избрала этотъ кратчайшій путь и остановилась теперь передъ домомъ лѣсника, какъ-будто ища убѣжища для себя и своего сѣдока отъ дождя, который вдругъ полилъ съ неимоверной силой.

— Милости просимъ, милости просимъ! закричалъ старый Прахатицъ, вышедшій на топотъ копытъ.—Въ такую погоду нельзя кататься; я отведу вашу лошадь въ конюшню.

Германъ машинально слѣзъ съ лошади; онъ чувствовалъ страшный упадокъ силъ и, войдя въ комнату, опустился почти безъ чувствъ на первый попавшійся стулъ.

Въ такомъ положеніи засталъ его старикъ, вернувшись въ комнату. Онъ услужливо вытащилъ изъ шкапа бутылку и заставилъ Германа выпить стаканъ водки.

— Еще стаканъ, угощаль онъ,—сейчасъ отведете душу. Да снимите-ка, докторъ, мокрый сюртукъ,—я его просушу на кухнѣ, а вы пока завернитесь въ это одѣяло. Я слишкомъ малъ ростомъ,—мой сюртукъ не подѣзетъ на ваши широкія плечи.

Германъ отклонилъ приглашеніе старика; онъ чувствуетъ себя совершенно хорошо и ему нужно сейчасъ-же ѣхать.

Въ эту минуту онъ поднялъ голову и къ удивленію своему увидалъ въ полутемной комнатѣ множество картинъ; однѣ изъ нихъ стояли; другія лежали на полу.

— Это картины г-жи Гедвиги, сказала Прахатицъ.— Она мнѣ велѣла ихъ убрать, когда они приводили въ порядокъ, какъ они говорили, чайный домикъ. Я снесъ ихъ на чердакъ, но тамъ течь, потому я и перенесъ ихъ сюда. Она нисколько не дорожить ими, какъ-будто это мусоръ, а между ними есть великолѣпныя вещицы: посмотрите-ка, г. докторъ! Старикъ взялъ одинъ холстъ и поднесъ его къ окну, у котораго сидѣлъ Германъ и сквозь которое еще мерцалъ кое-какой свѣтъ.

Германъ увидѣлъ себя самого во весь ростъ; картина была еще не окончена, но выполнена съ необыкновеннымъ тщаніемъ и очень удачно.

Онъ не слыхалъ и не видалъ, чтобы Гедвига рисовала что-нибудь кромѣ ландшафтовъ; это была попытка, которую она сохранила втайнѣ отъ него, не смотря на то, что всегда съ такимъ удовольствіемъ говорила съ нимъ о своихъ занятіяхъ, — попытка весьма тщательная и удачная. Нѣсколько времени тому назадъ она-бы тронула и восхитила его до глубины души; но теперь тоска, щемившая его сердце, выразилась въ горькомъ смѣхѣ.

— Ну вотъ, сказала стррикъ, вертя полотно во всѣ стороны, — по-моему, это великолѣпная вещь. Но моя бѣдная госпожа не можетъ ни на кого потрафить.

И онъ съ неудовольствіемъ унесъ картину прочь.

— Ни на кого? переспросилъ Германъ.

— Конечно! подтвердилъ старикъ, — но отъ васъ-то я этого ужъ никакъ не ожидалъ, г. докторъ. Я считалъ васъ лучшимъ ея другомъ; я всегда думалъ: этотъ останется ей вѣренъ, когда другіе бросятъ ее.

— Другіе? спросилъ снова Германъ.

— Да, другіе... всѣ тамъ. Они отравляютъ ей воздухъ, которымъ она дышетъ, а она всегда дѣлаетъ имъ добро, когда только можетъ; никто не слыхалъ отъ нея никогда дурного слова. Но люди такъ злы, такъ злы! Дитриха-то я еще прочую; не видать этому висѣльнику моей Меты, какъ своихъ ушей.

— Да что такое? спросилъ Германъ, у котораго сердце тревожно забилось при безсвязныхъ рѣчахъ старика.

— Что такое? передразнилъ его старикъ, затягиваясь энергичски изъ глиняной трубки, — а то, что они скалятъ на нее зубы, какъ какія-нибудь овчарки на лань, которую загнали въ дѣсь. И то-то она сдѣлала, и то-то сказала, и все это перетолковывается, искажается, изгаживается, такъ-что такъ и хотѣлось-бы отстегать ихъ хлыстомъ. Вы-то, г. докторъ, объ этомъ не слышите, а передъ нашимъ братомъ не стѣсняются, хоть я тысячу разъ твердилъ,

что и слышать ничего такого не хочу. Такъ было все это время; а теперь они выдумали такую пакостную исторію, что будетъ похуже прежнихъ, и меня хотять убѣдить, что это правда, когда я знаю, что это самое безбожное вранье.

— Ради самого Бога, говорите яснѣе, упраниваль Германъ.

— Нѣтъ, тутъ ужъ не до Бога дѣло, тутъ хоть святыхъ вонъ неси; они-то этого не слышать да не повѣрили-бы, хотя-бы и слышала, какъ не вѣрю я, безбожный христіанинъ, ротевольскимъ сплетнямъ, которыя слыхалъ вчера, когда зашелъ къ Целлеру купить пороху. Только я вошелъ, онъ сейчасъ: „Наконецъ-то вы удостоили меня посѣщеніемъ, мнѣ такъ давно хотѣлось услышать эту исторію отъ васъ.“

„— Какую исторію? спросилъ я.

„— Ну, вы понимаете, о чемъ я говорю, замѣтилъ онъ и сталъ меня подчивать самымъ лучшимъ кюммелемъ.

„Я сталъ рассказывать, какъ сидѣлъ въ сторожкѣ и увидалъ, что плетень разломанъ. Ага, подумалъ я, на Ганса опять напало бѣшенство: нужно его застрѣлять; я-бы уже и давно это сдѣлалъ, да г-жа Гедвига все говорила, что не нужно; пошелъ я въ кусты, нарѣзать себѣ палокъ; смотрю.. а мой баринъ уже на той сторонѣ Роды пробуетъ свои рога надъ скалой. Опять ты покупался, подумалъ я, ну, оно и хорошо передъ смертью и наставляю ружье. Вдругъ вижу я: къ Родѣ спускаются графъ и г-жа Гедвига. Не успѣлъ я крикнуть имъ, чтобы они вернулись, какъ олень пустился галопомъ на Лебединую скалу, подскочилъ къ нимъ; я сразу и не сообразилъ, что дѣлать, пока наконецъ улучилъ минутку и убилъ звѣря на поваль.

„— И все? спросилъ Целлеръ усмѣхнувшись; жена его, вышедшая къ намъ изъ второй комнаты, гдѣ торгуетъ матеріями, также усмѣхнулась.

„— А что-же вамъ еще? сказалъ я.

„— Не сердитесь, заговорилъ Целлеръ: это я такъ... а какъ вамъ понравилось шелковое платье, которое графъ подарилъ вашей Метѣ?

„— Моей Метѣ? сказалъ я и такъ посмотрѣлъ, что Целлерша сейчасъ вступилась и говоритъ, что это очень понятно, что графъ подарилъ Метѣ платье, такъ-какъ я ему жизнь спасъ; вотъ и Финдельмана графъ удостоилъ такую-же честью, только не лично, а черезъ камердиенера. Тутъ уже я окончательно вышелъ изъ себя и такъ застучалъ ружьемъ о полъ, что Целлеръ поблѣднѣлъ, какъ полотно, а Целлерша взвыла, что она ничего не хотѣла сказать на Мету,— что она и сама не вѣритъ, будто графъ назначалъ

г-жѣ Гедвигѣ свиданіе въ гротѣ подѣ Лебединой скалой, будто они тамъ нѣжничали и цѣловались, а я это подсмотрѣлъ и хотѣлъ убить графа, да вмѣсто него попалъ въ оленя, а графъ подарилъ моему Метѣ на платье, а мнѣ далъ 1000 талеровъ, чтобы я держалъ языкъ за зубами. Конечно, все это чистѣйшее вранье. Хоть Дитрихъ и велъ такія скверныя рѣчи вчера въ Красной Курицѣ и говорилъ, что за ничего ничего и не дадутъ, и недаромъ графъ такъ разщедрился.

«— Ну, такъ я-же хочу знать, что это такое, закричалъ я и, какъ сумасшедшій, выбѣжалъ изъ лавчонки и прямокомъ по шоссе пустился къ замку, вызвалъ Мету и принялся ее исповѣдывать. Она, конечно, разревѣлась и говоритъ: что знать ничего не знаетъ, только что графъ прислалъ ей матеріи на платье, черезъ своего камердинера, а Дитрихъ на это разсердился, потому что онъ ревнуетъ графова Филиппа; и опять знаете, что онъ тамъ пѣнялъ на нее по злобѣ. Я сейчасъ къ Дитриху и говорю ему: Ты, что это наплелъ, малый, а! Онъ переконфузился и съ конфузу сталъ грубиянить: я, говоритъ, ничего не плелъ, а это не годится, что Филиппъ съ Метой постоянно шуткаются въ корридорѣ, когда я на конюшнѣ. Я говорю ему: Дитрихъ, если Мета для тебя плоха, такъ и ты для меня не больно хороша, такъ и баста! А только ты не смѣй распускать про дѣвву сплетней. Я сейчасъ схожу къ графу и поблагодарю за 1000 талеровъ, которые онъ мнѣ подарилъ за то, что я его не застрѣлилъ. Парень поблѣднѣлъ и сталъ просить, чтобы я его не губилъ, что другой разъ онъ будетъ держать языкъ за зубами, когда барыня опять станетъ посылать по ночамъ записочки графу. „Опять ты врешь, Дитрихъ“, прикривнулъ я. Онъ роспинается, что говоритъ правду. Онъ всякій разъ беретъ записочки у Меты изъ рукъ и передаетъ ихъ Филиппу; что онъ видѣлъ собственными глазами, въ этомъ его нието не разубѣдить.“

Старикъ замолчалъ, подошелъ къ окну и раскрылъ его. Дождь нѣскрлько поутихъ, небо начинало проясняться. Онъ остановился у окна и принялся энергически курить. Вдругъ онъ сжалъ трубку такъ сильно, что она переломилась, выбросилъ обломки за окно, и обернувшись, закричалъ съ волненіемъ:

— И вѣдь все это ложь и вранье! Не правда ли, докторъ?

— Ну, а если-бы даже это было и правда? спросилъ въ свою очередь Германъ.

— Я говорю то-же самое, продолжалъ старикъ съ жаромъ. — Сто разъ я повторяю себѣ: ну такъ что-же, если-бы и такъ? Отчего-же г-жѣ Гедвигѣ и не написать графу письма, другого, третьяго, а все-таки, все-таки, г. докторъ, это меня грызеть, я теряю голову.

Дитрихъ лгунишка, но такъ нагло онъ не посмѣлъ-бы врать, если бы, если-бы, чортъ возьми!.. да вѣдь она же въ этомъ не виновата. Но графу я-бы не пожелалъ попастьъ опять въ такое положеніе, какъ тогда съ оленемъ. Вѣдь я не всегда буду подъ рукой, а если и буду, такъ пожалуй не попаду такъ мѣтко.

Старикъ громко расхохотался, схватился обѣими руками за жесткіе, сѣдоватые волосы и принялся бѣгать по комнатѣ. Вдругъ онъ остановился передъ Германомъ и сказалъ ему почти шопотомъ:

— Миѣ нужно снять тяжесть съ души, а вамъ сказать мнѣ легче, чѣмъ священнику, тамъ на погостѣ; онъ якшается съ вами, протестантами, и я не могу видѣть въ немъ настоящаго католическаго патера. Я вѣрю всему, что сказалъ Дитрихъ, вѣрнѣе еще прежде, чѣмъ онъ мнѣ разсказалъ объ этомъ. Она была такъ разстроена вечеромъ наканунѣ ихъ пріѣзда, когда заѣхала въ чайный домикъ, а съ тѣхъ поръ она здѣсь ни разу не была.

„Но графъ заходилъ сюда каждый день и я долженъ былъ отпирать для него чайный домикъ; по цѣлымъ часамъ стоялъ онъ передъ окномъ, изъ котораго видна часть дороги въ замокъ и красная башня. Наканунѣ исторіи съ оленемъ, онъ прибѣжалъ сюда какъ угорѣлый и спросилъ меня поспѣшно: „не проѣзжала-ли госпожа Гедвига черезъ фазаній дворъ?“ Я отвѣчалъ, что не видалъ ея, да и дѣйствительно не видалъ. Онъ взглянулъ на меня такъ странно, что у меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ; однако не сказалъ ничего, а только велѣлъ отворить чайный домикъ и простоялъ тамъ битый часъ передъ окномъ, какъ будто приросъ къ мѣсту. Это мнѣ очень не понравилось, господинъ докторъ, потому что—оно можетъ статься такому простому человѣку, какъ я, не слѣдовало-бы говорить этого — я люблю ее какъ свое родное дитя. Когда я вижу, что она смѣется, сердце мое радуется; а когда я вижу ее грустной, такъ мнѣ цѣлый день трубка въ ротъ не лѣзетъ. А она была такая печальная все послѣднее время, господинъ докторъ! И всему этому виной графъ, я всякій день твердилъ себѣ объ этомъ. Не доставало его пріѣзда. Онъ и безъ того всегда былъ у меня бѣльмомъ на глазу, этотъ прусскій баринъ; онъ еще въ 1866 г. разграбилъ мою дорогую родину, а теперь вотъ прибѣхалъ сюда на горе моему доброму господину и...

Старикъ замолчалъ, и затѣмъ продолжалъ какимъ-то сирымъ голосомъ:

— Какъ я ихъ увидѣлъ однихъ, вокругъ ни души жпвой, и говорятъ они съ такимъ жаромъ, а я стою на той сторонѣ за кустомъ съ винтовкой въ рукѣ и думаю: грѣхъ-ли, полно, его подстрѣлить, пока не наживемъ отъ него бѣды. А какъ подскочилъ

олень, и я увидѣлъ, какъ онъ сталъ бороться съ бѣшеннымъ звѣремъ, вижу, что силъ человѣческихъ не хватаетъ; я и подумалъ, — нѣтъ, я ничего не подумалъ, а взялъ, да и застрѣлилъ, только не человѣка, а оленя.

Старикъ тяжело перевелъ духъ, окончивъ свою исповѣдь, и продолжалъ болѣе спокойнымъ тономъ:

— Слава Богу, снялъ камень съ сердца, а теперь выругайте-ка меня хорошенько, господинъ докторъ; скажите, что у меня черная душа, что я среди бѣла дня вижу чертей; но это все отъ одиночества, да отъ праздности. У меня слишкомъ мало работы, господинъ докторъ. Принцъ и не думаетъ о насъ, а главный лѣсничій беретъ съ него примѣръ. Это-же говоритъ и графъ, а у него, правду сказать, въ мизинцѣ больше охотничьяго смысла, чѣмъ у принца и главнаго лѣсничаго вмѣстѣ. Когда онъ вступить здѣсь въ управленіе, не знаю какъ другимъ, а намъ, зеленымъ мундирамъ, навѣрно будетъ лучше.

Честный старикъ, казалось, хотѣлъ загладить свою вину передъ графомъ, стараясь отыскать въ немъ всевозможныя хорошія качества.

Графъ присылалъ за нимъ уже два раза, да онъ все не шель, но завтра ужъ непремѣнно пойдетъ. На счетъ тысячи талеровъ — это, конечно, все вранье, но вѣдь нельзя-же не выслушать человѣка, которому спасъ жизнь, особенно когда онъ такой важный баринъ.

Германъ слушалъ все какъ во снѣ; что онъ отвѣчалъ, онъ самъ не понималъ. Онъ очнулся уже на дорогѣ въ замокъ, не помня самъ, какъ сѣлъ на лошадь.

Дождь, поутихшій было на время, снова полилъ какъ изъ ведра. Маковки исполинскихъ сосенъ гнулись подъ порывамя страшнаго вѣтра; сучья стонали и скрипѣли.

Лошадь вздрагивала и два раза останавливалась, но Германъ то и дѣло прищипывалъ ее.

ГЛАВА X.

Въ первый разъ послѣ нѣсколькихъ дней общество собралось наконецъ въ полномъ составѣ къ чаю, въ такъ называемую персидскую комнату. Только одинъ Германъ прислалъ съ фонъ-Цейзелемъ извиненіе.

Правая рука графа все еще была на перевязи; но ни по чему болѣе нельзя было замѣтить, что онъ былъ боленъ. Онъ ходилъ

взадъ и впередъ по комнатѣ съ кавалеромъ, дружески съ нимъ разговаривая.

— Я еще не поблагодарилъ васъ за ваши хлопоты съ лошадьми, говорилъ графъ.—Вы объѣздили Валлаха; ну какъ вы его теперь находите?

— Для атаки это будетъ великолѣпнѣйшая кавалерійская лошадь, отвѣчалъ кавалеръ съ энтузіазмомъ.

— Прекрасно, замѣтилъ графъ улыбаясь,—лошадь теперь у насъ есть, значить дѣло только за атакой. Я, впрочемъ, полагаю, что намъ недолго придется дожидать ее. Вы какъ думаете?

— Право не знаю, отвѣчалъ фонъ-Цейзель,—во всякомъ случаѣ я-то буду тутъ въ сторонѣ.

— Отчего вы подали въ отставку? спросилъ графъ.

— Да въ одной рекогносцировкѣ при Кенигрецѣ я зашелъ немножко далеко, отвѣчалъ кавалеръ;—не скажу, чтобы я поступилъ противъ приказанія, потому-что въ сущности я никакого приказанія и не получалъ, но противъ совершенно-понятнаго намѣренія полковника, которому, для оправданія нѣсколькихъ ошибокъ, имъ тогда надѣланныхъ, нуженъ былъ козелъ искупленія, ну а я не чувствую ни малѣйшей склонности къ роли козла искупленія.

— Понимаю, понимаю, замѣтилъ графъ.—А вѣдь между прочимъ это еще поправимо; если вамъ неудобно снова поступить въ саксонскую армію, то въ нашей у меня найдется достаточно связей...

— Извините, графъ, перебилъ его кавалеръ серьезно,—мнѣ кажется, я уже сказалъ, что въ послѣдній разъ я обнажилъ саблю при Кенигрецѣ.

— О, я понимаю, отвѣчалъ графъ,—но вѣдь первый разъ, какъ мы ее обнажимъ, мы будемъ стоять плечо съ плечомъ, фронтомъ на западъ, собрать по оружію!

Съ этими словами графъ протянулъ ему руку, которую тотъ горячо пожалъ.

Черный фракъ его рядомъ съ военной формой графа вдругъ показался ему самой непримичнѣйшей одежкой въ мірѣ.

Нѣсколько минутъ они молча ходили взадъ и впередъ по комнатѣ.

За чайнымъ столомъ принцъ разговаривалъ объ ожидавшемся на утро приѣздѣ маркиза.

Графъ началъ снова:

— Что вы видѣли когда нибудь прежде этого феникса?

— Нѣтъ. Его свѣтлость познакомился съ маркизомъ осенью 1866 г., во время своего путешествія по Италіи.

— Онъ, кажется, очень его любить?

— Кажется, что такъ, замѣтилъ кавалеръ.

— Иногда подобныя личныя симпатіи пріобрѣтаютъ въ нѣкоторомъ родѣ политическое значеніе, замѣтилъ графъ.

— Но вѣдь мы живемъ съ Франціей въ полнѣйшей дружбѣ, сказалъ фонъ-Цейзель, внезапно вспомнивъ странное волненіе принца, когда, возвращаясь въ тотъ вечеръ съ нимъ съ фазаньяго двора, онъ сообщилъ ему о предстоящемъ пріѣздѣ маркиза.

— Вы ошибаетесь, возразилъ графъ, съ намѣреніемъ возвышая голосъ;— уже за долго до 1866 г. мы жили во враждѣ съ Франціей, а съ этого года вражда наша понятна сама собою, хоть правда, до сихъ поръ и не было сдѣлано ни одного выстрѣла. Мы стоимъ другъ противъ друга, какъ два бойца, только и ожидающіе какого-нибудь промаха со стороны противника. Кто первый сдѣлаетъ нападеніе, это еще вопросъ времени, но что оно будетъ сдѣлано, это несомнѣнно.

— Послушать васъ, поджигателей, такъ пожалуй и въ самомъ дѣлѣ повѣришь, что эти предсказанія сбудутся завтра-же, замѣтилъ принцъ изъ-за чайнаго стола.— Впрочемъ, вамъ это лучше знать...

— Что вы хотите этимъ сказать, ваша свѣтлость? спросилъ графъ, подходя къ столу.

— Что вы сами создали это положеніе, отвѣчалъ принцъ.

— Мы создали?

— Ну да, именно шестьдесятъ шестымъ годомъ; кто не знаетъ, что месть за Садову сдѣлалась съ тѣхъ поръ конькомъ всѣхъ партій во Франціи.

— Я не знаю, причемъ тутъ шестьдесятъ-шестой годъ,—онъ только выяснилъ положеніе, а это, по моему мнѣнію, въ политикѣ, какъ и въ частной жизни, можетъ быть только счастьемъ, по крайней мѣрѣ для смѣлыхъ.

Они не возвышали голоса. Они даже не говорили скорѣе; однако фонъ-Цейзель невольно бросилъ на дамъ умоляющій взглядъ; Стефанія раздѣляла его боязнь, а Гедвига, задумавшись о чемъ-то, казалось, не обращала никакого вниманія на происходившій разговоръ.

— Докторъ уже вѣрно сегодня не придетъ, сказала Стефанія; она хотѣла дать разговору другое направленіе и сболтнула первое, что пришло ей въ голову.

— Очень жаль, замѣтилъ графъ.—Мнѣ было-бы такъ пріятно поблагодарить его въ присутствіи принца за его предупредитель-

ность ко мнѣ въ эти послѣдніе дни. Да я еще въ долгу у нашей любезной хозяйки.

— У меня? спросила Гедвига, не подымая глазъ.

— У васъ, у васъ, подтвердилъ графъ, оглянувъ общество и убѣдясь, что всѣ его слушали;—у васъ за тотъ великолѣпный рецептъ, который вы благосклонно прислали мнѣ вечеромъ въ тотъ день, когда случилось со мной несчастье.

— За рецептъ? спросилъ принцъ.

— Да, за рецептъ въ видѣ записки, отвѣчалъ графъ улыбаясь;— я ожидалъ увидѣть въ этой запискѣ самую утонченную благодарность за мой геройскій поступокъ, но не нашелъ въ ней ничего, кромѣ совѣта лежать спокойно и не жалѣть льда! Совѣтъ холодный, но я вамъ горячо за него благодаренъ, дорогая хозяйка; я строго слѣдовалъ ему, и вотъ уже могъ нынче вечеромъ занять мое мѣсто за чайнымъ столомъ.

Графъ поклонился Гедвигѣ и опустился на стулъ съ непринужденностью, которая составляла рѣзкій контрастъ съ смущеніемъ, слишкомъ ярко выразившимся на лицахъ и гостей и хозяевъ.

Стефанія покраснѣла до ушей и низко наклонилась надъ своей работой; Гедвига быстро подняла свои большіе темные глаза на графа, потомъ перевела ихъ на принца, взоры котораго съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ перебѣгали съ графа на нее и съ нее опять на графа. Лице его было поразительно блѣдно, губы дрожали. Она, казалось, хотѣла сдѣлать какое-то замѣчаніе, которое положило-бы неожиданный конецъ этой странной сценѣ, но въ эту минуту вошелъ лакей, отозвалъ кавалера къ сторонѣ, что-то тихо сказалъ ему, и тотъ видимо страшно перепугался.

— Что случилось, милый Цейзель? спросилъ принцъ, для котораго всякая перемена разговора была какъ нельзя болѣе кстати.

— Если ваша свѣтлость дозволить, то я...

И кавалеръ указалъ принцу глазами на дамъ, давая ему понять, что ему не слѣдовало-бы продолжать; но волненіе принца помѣшало ему замѣтить знакъ фонъ-Цейзеля и онъ нетерпѣливо вскричалъ:

— Да говорите же, дражайшій фонъ-Цейзель! Вы видите, что наши дамы уже почти совсѣмъ перепуганы, значитъ всякое несчастье не покажется уже слишкомъ большимъ.

— Надѣюсь, что несчастья еще нѣтъ, сказалъ кавалеръ, быстро поправляясь;—произошелъ въ высшей степени странный случай, который по всей вѣроятности разыграется пустяками: меня извѣстили, что лошадь доктора сейчасъ прискакала на дворъ безъ сѣдока.

— Боже всеильный! закричала Стефанія пронзительнымъ голо-
сомъ.

— Да что ты развѣ никогда не слыхала, что люди падаютъ съ лошадей? спросилъ графъ.

— Докторъ великолѣпный наѣздникъ, замѣтилъ принцъ, — во всякомъ случаѣ необходимо узнать, что случилось. Вы-бы, дорогой Цейзель...

— Я уже отдалъ распоряженія, сказалъ кавалеръ, — и хотѣлъ только просить васъ позволенія самому направить розыски.

— Да, да ступайте, милый фонъ-Цейзель, ступайте, и, какъ только будете имѣть возможность, извѣстите меня обо всемъ, что случилось.

Кавалеръ выходилъ уже изъ комнаты, какъ вдругъ кто-то дотронулся до его руки; онъ обернулся и къ изумленію, даже къ испугу своему, увидѣлъ передъ собою Гедвигу, которую, какъ ему казалось, онъ оставилъ сидящею за чайнымъ столомъ.

Лицо ея было страшно блѣдно и онъ съ трудомъ узналъ ея голосъ, когда она спросила его громко, но совершенно беззвучно и съ страннымъ дрожаніемъ въ губахъ.

— Онъ умеръ, скажите правду!

— Я право не знаю, не думаю, отвѣчалъ кавалеръ.

— Онъ умеръ, повторила Гедвига, и я...

— Гедвига, Боже мой, что съ тобой? вскричалъ принцъ, схвативъ Гедвигу за руку; эта рука лежала холодная и неподвижная въ его рукѣ. — Прошу васъ, любезный Цейзель, идите скорѣе! Мы всѣ здѣсь въ такомъ волненіи, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ случилось что-то страшное.

Гедвига взглянула на него помутившимися глазами, но не успѣла произнести ни слова въ отвѣтъ, какъ дверь снова отворилась и вошелъ лакей.

— Что, нашли? обратился къ нему принцъ.

— Нашли, ваша свѣтлость, почти у самой опушки лѣса; увидѣли его люди, которые шли въ Гюнерфельдъ; они сейчасъ же вернулись въ трактиръ „Форелей“ за носилками, положили его на нихъ и принесли.

— И что-же? спросилъ принцъ, блѣднѣя.

— Онъ былъ какъ мертвый, отвѣчалъ лакей, но докторъ Струншъ...

— Старый докторъ изъ Ротебюля, пояснилъ принцъ, обращаясь къ дамамъ.

— Онъ былъ какъ разъ въ „Фореляхъ“ въ то время, какъ люди пришли за носилками, и отправился вмѣстѣ съ ними. Онъ гово-

рить, что это простой обморокъ, который не будет имѣть никакихъ послѣдствій.

— Для успокоенія дамъ я самъ схожу къ нему, замѣтилъ принцъ.— Не хотите ли отправиться со мною, любезный Цейзель?

— Тебѣ-бы также не мѣшало удалиться къ себѣ въ комнату, милая Стефанія, обратился графъ къ женѣ, какъ только принцъ и Цейзель ушли.— Ты не на шутку перепугалась и я вижу, что тебѣ нездоровится. Тайный совѣтникъ становится съ каждымъ днемъ все необходимѣе для тебя.

Онъ предложилъ женѣ руку.

— Я такъ огорчена милая Гедвига, сказала Стефанія, которой очень хотѣлось остаться, но она не смѣла ослушаться мужа.

Гедвига ничего не отвѣчала, она сидѣла неподвижно и казалась, не замѣтила, какъ графъ, извинившись передъ нею, увелъ Стефанію въ залу.

Такъ вотъ до чего она его довела. Вотъ что значилъ его мрачный видъ, его печальная улыбка;—они говорили: развѣ ты не видишь, что, выговяя меня отсюда, ты убиваешь меня? Она не хотѣла его понять и вотъ чѣмъ кончилось. Онъ разстался съ нею, не сказавъ ей послѣдняго прости, она никогда его не увидитъ болѣе.

Она обвела помутившимися глазами комнату; передъ ней замелькали обои съ пестрыми погуаями, качавшимися на тонкихъ вѣтвяхъ пальмъ; столъ, на которомъ горѣлъ при свѣтѣ хрустальной люстры, серебряный сервизъ; кресла стоявшія въ безпорядкѣ; она сидѣла одна въ парадной гостиной. Всѣ ушли, каждый имѣлъ право выразить свое сочувствіе, удовлетворить своему естественному побужденію. А она, изъ за которой онъ умеръ, она не смѣла пошевелиться, не смѣла выдать ни однимъ мускуломъ лица, того, что происходило въ ея сердцѣ, она должна была оставаться тутъ и терпѣливо ждать ихъ возвращенія—о позоръ, позоръ!

Она сдѣлала нѣсколько быстрыхъ шаговъ по направленію къ двери и снова остановилась.

А что если его раны снова вскроются и нѣмыя губы, подернутыя смертною блѣдностью, заговорятъ страшнымъ языкомъ, понятнымъ только для меня одной: ты смѣешь приходить ко мнѣ, ты, которая въ теченіи столькихъ лѣтъ дозволяла мнѣ любить себя, а теперь даешь спокойно умереть, чтобы любить другого! Какъ ты можешь сказать, что я его люблю? Кто это смѣетъ говорить? О Боже мой, Боже!

Она опустила въ кресло окончательно уничтоженная и прижалась лицомъ къ спинкѣ его.

— Что съ вами? раздался вдругъ надъ ея ухомъ голосъ графа.

Онъ вошелъ въ комнату, незамѣченный Гедвигю и стоялъ теперь возлѣ нея.

— Не понимаю, продолжалъ графъ, — какъ такой пустяшный случай могъ до такой степени всполошить все общество. Сколько разъ я падалъ съ лошади на своемъ вѣку и оставался на мѣстѣ какъ мертвый. Я сейчасъ былъ у нашего интереснаго пациента и вполне раздѣляю мнѣніе стараго ротенбургскаго доктора, хотя онъ, кажется, дуракъ набитый: я увѣренъ, что черезъ нѣсколько дней докторъ будетъ здоровешенекъ не хуже любого изъ насъ. Я сообщилъ объ этомъ принцу; онъ не вѣритъ или представляется, что не вѣритъ; сообщилъ Стефаніи — та-же исторія. Вы, конечно, покрѣпче этихъ нѣжныхъ натуръ.

Графъ сказалъ все это самымъ непринужденнымъ тономъ. Онъ не хотѣлъ подать и вида, какъ глубоко возмутило его поведение Стефаніи; порывъ ревности придалъ только болѣе силы его страсти къ Гедвигѣ. Ему и на мысль не приходило, чтобъ волненіе Гедвиги было вызвано катастрофой съ докторомъ; онъ былъ увѣренъ, что проникъ причину этого волненія и поэтому, сѣвъ на стулъ возлѣ нея, заговорилъ тихимъ интимнымъ тономъ:

— Простите мнѣ мою давнишнюю нескромность. Я не имѣю привычки хвастаться расположеніемъ ко мнѣ женщины, и мое сегодняшнее замѣчаніе было сдѣлано не изъ хвастовства, а въ видахъ огражденія васъ самихъ. Люди, кажется, проболтались. По крайней-мѣрѣ Стефанія знаетъ черезъ свою камеръ-юнгферу, которая вѣроятно узнала отъ моего камердинера, что вы писали ко мнѣ. Стефанія, само собою разумѣется, не преминула воспользоваться такимъ благодарнымъ сюжетомъ для трогательной сцены, а при необузданности Стефаніи трудно предвидѣть, кто можетъ еще узнать или даже, можетъ быть, уже и узнать объ этомъ. Матери она конечно скажетъ, скажетъ можетъ быть и принцу. Мнѣ хотѣлось положить конецъ толкамъ. Можетъ быть, я выбралъ неудобное средство, — я начинаю этого опасаться; прошу васъ, скажите мнѣ откровенно, отъ васъ я покорно выслушаю выговоръ.

Графъ ждалъ отвѣта, но напрасно; терпѣніе его лопнуло.

— Вы не удостоите меня ни словомъ? спросилъ онъ тихимъ убѣдительнымъ тономъ.

— Извините, я не слышала, что вы говорили, отвѣчала Гедвиги, и порывисто вставъ со стула, принялась ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Графъ закусилъ себѣ губу.

Разсержена ли она настолько, что не хочетъ слушать, или такъ взволнована, что не можетъ слушать, и въ правѣ-ли онъ перетол-

ковать это волненіе въ свою пользу? Во всякомъ другомъ случаѣ онъ бы это сдѣлалъ, но теперь слѣдя за стройной фигурой Гедвиги, которая ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, не обращая на него, по видимому, ни малѣйшаго вниманія, онъ невольно подумалъ: „Одинъ невѣрный шагъ, одинъ фальшивый звукъ—и игра проиграна на всегда.“

— Такъ я не стану повторять, сказалъ онъ,—я лучше поблагодарю васъ за неосцѣвѣнныя строки, которыми вы—теперь я могу осмѣлиться высказать это—которыми вы сняли тяжесть съ моего сердца. Но вы опять не слышите, что я вамъ говорю.

— О, какъ же, отвѣчала Гедвига,—я сняла тяжесть съ вашего сердца. А вѣдь она была такъ тяжела!

И она засмѣялась.

— Я васъ не понимаю, замѣтилъ графъ,—не понимаю вашей проини, вашей горечи послѣ того, какъ вы сами протянули мнѣ руку примиренія, написали собственной рукой, что прошедшее должно быть позабыто, что съ этихъ поръ мы можемъ жить какъ люди, которые свели и покончили взаимные счеты.

— Мнѣ не слѣдовало этого писать, сказала Гедвига.

— Потому что это дало случай сплетникамъ поточить свои языки?

— Какое мнѣ дѣло до нихъ!

— Такъ почему же?

— Потому-что то, что я писала, неудобноосуществимо; вы никогда не исполните честно честнаго договора между нами; хотя-бы вы тысячу разъ повторяли, что мы квиты,—въ своемъ эгоизмѣ вы будете считать себя моимъ кредиторомъ, вообразите себя невѣсть какимъ великодушнымъ за то, что не требуете долга силою, но не сочтете унизительнымъ для себя добиваться своей цѣли другимъ путемъ, хотя-бы этотъ другой путь безжалостно врѣзвался въ самое сердце.

Говоря это, она продолжала ходить по комнатѣ; шлейфъ шелкового платья ея шуршалъ и шумѣлъ, высокая фигура ея то освѣщалась яркимъ свѣтомъ люстры, то тонула въ мягкомъ полу-свѣтѣ огромной залы, голосъ то звучалъ бурной страстью, то замиралъ въ чуть слышномъ шопотѣ.

Графъ сидѣлъ на креслѣ какъ пригвожденный и внимательно слѣдилъ за всѣми ея движеніями; онъ чувствовалъ, и уже не въ первый разъ, что передъ нимъ бушуетъ необъятная, необузданная сила, которую не по его плечу было сдержать, обуздать; онъ невольно спрашивалъ себя, не тернетъ-ли онъ напрасно время и хлопоты, ухаживая за этой загадочной женщиной.

— Если вы хотите, чтобы я васъ понималъ, то не говорите со мною загадками, сказалъ онъ наконецъ.

— Я и не требую, чтобы вы меня понимали, графъ, — вы или кто-нибудь другой.

— Вы или кто-нибудь другой! Согласитесь, что для аристократа, какъ меня здѣсь величаютъ, несовсѣмъ лестно, чтобы его смѣшивали со всякимъ другимъ.

— А чѣмъ-же вы отличаетесь отъ другихъ? спросила Гедвига, останавливаясь, и, скрестивъ руки на груди, она устремила на графа свои большіе, темные, горѣвшіе страстью глаза. — Вы всѣ хотите быть божками, вы всѣ требуете отъ насъ жертвъ, а сами никогда для насъ не принесете ни малѣйшей жертвы. Впрочемъ, я должна отдать вамъ справедливость: вы честили другихъ; вы никогда не простирали лицемѣрія до того, чтобы выдавать себя за святого, вы никогда не отрицали, что неспособны къ роли жертвеннаго агнца и не намѣрены пригонять относительно насъ своего общаго правила поведения: всегда напроломъ! Эти слова сдѣлались вашимъ девизомъ со времени датской войны, остаются девизомъ и до сихъ поръ. Всегда напроломъ! Что бы ни завоевывали: неприятельскую батарею, социальную привилегію или красивую женщину — всегда напроломъ! Мы не даемъ пощады, мы не дѣлаемъ уступокъ, мы сломимъ сердце, которое не захочетъ добровольно покориться. Если вы не сломили моего сердца, то, клянусь Богомъ, не по своей винѣ, а потому, что во мнѣ живетъ нѣчто, что должно-бы было жить во всѣхъ вашихъ противникахъ, и тогда вы съ вашимъ „всегда напроломъ“ не одерживали бы столько побѣдъ, сколько одерживаете до настоящаго времени.

— Что-же это за нѣчто?

— Любовь къ свободѣ, твердая рѣшимость не отдавать себя въ кабалу кому бы то ни было, не преклонять головы тамъ, гдѣ не можетъ преклониться душа; жить какъ хочешь, идти тою дорогою, которую себѣ изберешь, и ни ради чего не сворачивать съ этой дороги: ни ради лести, ни ради угрозъ, куда бы ни вела эта дорога, хотя бы...

— Въ мои объятія! вскричалъ графъ, вскакивая и устремляясь къ Гедвигѣ, которая не отступила ни на шагъ.

Но когда графъ былъ уже возлѣ нея, она посмотрѣла леденящимъ взглядомъ на его пылающее лицо и произнесла леденящимъ тономъ:

— Вы плохо выбрали минуту: кто хочетъ взять меня, тотъ долженъ брать по крайней мѣрѣ обѣими руками, а вы забываете, что у васъ одна рука еще на перевязи.

— А вы, сказалъ графъ, — забываете, почему она на перевязи?
 — Вы, кажется, только-что сказали, что мы квиты. Или вы желали доказать мнѣ, какъ права я была, когда говорила, что вы никогда не признаете счетовъ поконченными? Это доказательство было совершенно лишнее, но все-таки я вамъ благодарна за него, но не бойтесь, чтобы эти непоконченные счета меня сколько-нибудь тревожили. Если-бы они въ самомъ дѣлѣ тревожили меня, я бы сказала вамъ: возвратите мнѣ мое спокойствіе, уѣзжайте поскорѣе. Я этого не говорю, графъ, — слышите-ли, не говорю! Но наше долгое tête-à-tête вамъ вѣроятно уже прискучило; кажется, что остальные не намѣрены сойти сюда сегодня. Я не задерживаю васъ, если вамъ угодно послѣдовать ихъ примѣру и удалиться.

Она наклонила голову въ знакъ прощанья, графъ поклонился.

— Вы сегодня въ ужасномъ настроеніи духа, сказалъ онъ.

— Такъ бойтесь меня.

— Ну, я не изъ таковскихъ, но за то я никому не позволю играть со мною, какъ вы сейчасъ играли.

— Что это — нотация, графъ? Вы не въ комнатѣ вашей жены.

— Не натягивайте слишкомъ тетивы.

— Я ничего не имѣю противъ, если она порвется.

— Это можетъ случиться скорѣе, чѣмъ вы думаете.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Вы начали загадками и кончаете загадками.

— Что-же, можетъ быть лучше, когда конецъ соотвѣтствуетъ началу.

— А все-таки это еще не послѣднее слово между нами.

— Если вы въ этомъ такъ увѣрены, то не сочтете-ли вы умѣстнымъ удовольствоваться на сегодня тѣмъ, что было уже говорено?

— Какъ вамъ угодно, сударыня.

Графъ снова поклонился и пошелъ; въ дверяхъ онъ столкнулся съ принцемъ.

— А, сказалъ принцъ, — вы одни? Гдѣ-же графиня?

— Я убѣдилъ Стефанію лечь спать, отвѣчалъ графъ. — Эта исторія съ докторомъ ее нѣсколько разстроила; я также шелъ къ себѣ. Доктору, надѣюсь, лучше?

— Ему совершенно хорошо, т. е. мнѣ такъ кажется, сказалъ принцъ.

— Въ такомъ случаѣ я не стану васъ беспокоить долѣе.

Принцъ и Гедвига остались одни. Но минуты шли за минутами, а въ персидской комнатѣ царствовало глубокое молчаніе.

Принцъ находился въ состояніи лихорадочнаго возбужденія; страшное подозрѣніе, преслѣдовавшее его всѣ эти дни, преврати-

лось сегодня вечеромъ почти въ увѣренность. Когда графъ упомянулъ о запискѣ, которую прислала ему Гедвига, принца передернуло, какъ-будто онъ наступилъ на ящерицу. Какой-то внутренней голосъ говорилъ ему, что записка эта была другого содержанія и что Стефанія знала объ этомъ. Иначе почему-же она такъ видимо испугалась. И вотъ теперь, противъ своего ожиданія, онъ застаётъ ихъ наединѣ вдвоемъ въ такомъ волненіи, котораго не могъ вызвать спокойный, обыденный разговоръ. Онъ налилъ себѣ стаканъ воды и омочилъ въ немъ свои дрожащія губы. Когда онъ хотѣлъ поставить его снова на столъ, стаканъ выскользнулъ изъ его дрожащихъ рукъ и со звономъ упалъ на серебряный подносъ. Гедвига, казалось, не слышала этого: она не пошевелилась; она смотрѣла передъ собою, сдвинувъ брови.

— Гедвига! сказалъ принцъ.

Она подняла глаза.

Онъ хотѣлъ спросить ее: любить-ли она графа? — но когда глаза его встрѣтились съ темными глазами Гедвиги, у него пропала всякая рѣшимость, рѣшительное слово пугливо замерло въ его сердцѣ и — онъ самъ не зная, какъ это случилось — губы его прошептали:

— Кажется, исторія съ докторомъ произвела на тебя менѣе впечатлѣнія, чѣмъ даже на Стефанію.

Гедвига провела рукой по лбу.

— Что ты сказала? спросила она.

— Я говорю, что несчастіе, случившееся съ докторомъ, къ которому прежде ты всегда показывала нѣкоторое расположеніе, кажется, въ сущности, печалитъ тебя весьма немного.

— Да вѣдь онъ не умеръ, отвѣчала она.

— Развѣ надо сначала умереть, чтобы заслужить твое расположеніе? спросилъ принцъ съ горечью.

Гедвига снова провела рукой по лбу.

— Да вѣдь онъ не умеръ? повторила она.

Она встала и начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Должна-ли она теперь-же положить всему конецъ, сейчасъ, сію минуту? Должна-ли она сказать: вы мучаете меня: одинъ, сильный — оскорбительной увѣренностью въ своихъ силахъ, другой — слабостью своего характера, благодаря которой онъ не можетъ рѣшиться ни остаться, ни уѣхать, ни жить, ни умереть; ты, старикъ, — требованіемъ того, что тебѣ не должно принадлежать, на что ты не имѣешь никакого права; вы всѣ мучаете меня, но я не хочу долѣе выносить этихъ мученій! Должна-ли она это высказать?

Того, что должно было-бы изъ этого выйти, она не боялась, и

не изъ страха она молчала и спустила графу его плоскую ложь. Что ей до того, что съ нею будетъ! А старикъ! Этотъ блѣдный сѣдой старикъ съ полнымъ тревогою выраженіемъ лица, онъ не перенесъ-бы этого удара, этого смертельнаго удара своему слабому, но не неблагородному сердцу! Онъ былъ такъ добръ, такъ добръ къ ней... тогда онъ вполне искренно вѣрилъ, что онъ не измѣнитъ своей клятвѣ. Онъ ни чуть не измѣнился, онъ все тотъ-же предупредительный и рыцарски нѣжный.

Нѣтъ, она не должна допустить до этого, она не должна этого дѣлать, она не должна разрывать связи, пока онъ самъ не разорветъ ее; она должна молча страдать, пока онъ самъ не выдастъ своихъ страданій, какъ теперь, когда отъ этого страданія глаза его все болѣе и болѣе проваливаются, и морщины на красивомъ лбу и блѣдныхъ щекахъ становятся все болѣе и болѣе глубокими.

Несчастный старикъ!

Она подошла къ нему, наклонилась и прикоснулась губами къ его лбу. Въ ту-же минуту она вышла изъ комнаты.

Принцъ сидѣлъ, закрывъ глаза руками, какъ будто хотѣлъ скрыть отъ самого себя, что онъ плакалъ. Онъ понялъ, что это было состраданіе, одно состраданіе! Но онъ былъ такъ убитъ, что сносилъ это, такъ несчастенъ, что былъ даже благодаренъ за тѣ немногія крохи, которыя падали для него со стола ея любви,—ея любви къ ненавистному человѣку, любви къ измѣннику священнаго наслѣдія его дома, наемнику иностраннаго государя, искателю приключеній, который протягивалъ свою нечестивую руку къ его герцогской коронѣ, и къ ней, которая была для него дороже всякой герцогской короны, дороже всего міра!

— Ваша свѣтлость звали меня? спросилъ Глейхъ, уже минутъ съ пять стоявшій сзади принца, а теперь сдѣлавшій видъ, что онъ только-что вошелъ въ комнату.

— Ахъ, это ты Андрей, произнесъ принцъ;—хорошо, что ты пришелъ, уложи-ка меня, мнѣ что-то очень не хорошо.

— Ваша свѣтлость принимаете все такъ близко къ сердцу, замѣтилъ Глейхъ, уложивъ своего барина, и остановившись передъ кроватью съ платьемъ въ одной рукѣ, а другой задергивая занавѣсы.

— А всѣ вамъ отплачиваютъ неблагодарностью. Какъ я посмотрю, какъ ваша свѣтлость беспокоитесь о докторѣ, а докторъ все-таки хочетъ прочь, такъ невольно думается: нѣтъ, ужъ онъ не даромъ хочетъ прочь, что нибудь да гонитъ его отсюда.

— Ты никогда его не любилъ, замѣтилъ принцъ.

— А онъ такой прекрасный человѣкъ, пробормоталъ Андрей.—О

немъ пролететь столько слезъ, когда онъ уѣдетъ. Прикажете, ваша свѣтлость, совсѣмъ задернуть занавѣсы?

— Говори все, что у тебя на душѣ, я тебѣ это приказываю, слышншь, закричалъ принцъ запальчиво.

Андрей нахмурилъ свои густыя брови. Рѣшительная минута наступила слишкомъ рано; онъ еще не зналъ, съ котораго изъ двухъ тузовъ сходить — оба были у него на рукахъ. Онъ очень хорошо зналъ, о чемъ его спрашивалъ его баринъ: можетъ быть, она теперь и съ графомъ завела такія-же шашни, какъ прежде съ докторомъ. Письмо, о которомъ рассказывалъ Генрихъ, было черезчуръ подозрительно; если-бы болванъ вскрылъ письмо, можетъ быть изъ него и можно было-бы чтонибудь извлечь; а такъ вѣдь ничего не знаешь. Къ тому-же графа принцъ и безъ того ненавидѣлъ. Да, наконецъ, если тутъ примѣшать графа, такъ дѣло можетъ принять опасный оборотъ; съ докторомъ оно было не такъ опасно, а къ тому и вѣрнѣе.

— Ну что-же? спросилъ принцъ.

— Если ваша свѣтлость приказываете, то конечно я обязанъ, — къ тому-же вѣдь оно кончается, значить все равно. Я скажу только одно, — ему не слѣдовало вовсе сюда прѣѣзжать.

— Ну я ждалъ чего-нибудь другого, пробормоталъ принцъ.

— Это на него не дѣйствуетъ, подумалъ Андрей и продолжалъ:

— Когда три года видаешься день изо-дня и притомъ молодъ и къ тому-же...

— О комъ ты говоришь? вскричалъ принцъ, вскакивая на постели.

— О г. докторѣ, ваша свѣтлость, — о комъ-же иначе?

— Ну ты дуракъ, старикъ, замѣтилъ принцъ, снова опускаясь на подушки.

Андрей закурилъ тонкія губы. Но онъ зашелъ уже такъ далеко, что не могъ остановиться, къ тому-же его взбѣсило прозвище дуракъ.

— Ваша свѣтлость говорили какъ-то, что я слышу и вижу все, что дѣлается около меня; ну а когда три года все слышишь да видишь...

Онъ замолчалъ.

Принцъ задумался.

— Невозможнаго тутъ вѣтъ ничего, пробормоталъ онъ, — и это объясняетъ мнѣ многое. Бѣдняга... конечно, онъ послѣ этого не могъ оставаться. Но отчего-же ты ранѣе не сказалъ мнѣ этого?

— Я не думалъ, чтобы ваша свѣтлость приняли это такъ легко, замѣтилъ Андрей.

— Чего-же тутъ огорчаться?

— Конечно, конечно, когда бѣдная бабочка обжигаетъ себя крыльями, на это смотришь спокойно, а вѣдь это больно, очень больно. Еще-бы: разстаться чтобы не встрѣчаться! Потому-то я и сказалъ, что когда онъ уйдетъ, пролетится много слезъ.

Принцъ широко раскрылъ глаза и устремилъ ихъ на своего до-вѣреннаго слугу.

— Опусти занавѣсъ, Андрей, сказалъ онъ.

Андрей исполнилъ приказаніе принца и вышелъ изъ комнаты. Едва закрылась дверь за нимъ, какъ принцъ снова раздвинулъ занавѣсы и, сѣвъ на постель, принялся смотрѣть въ полутемную роскошную спальню, едва освѣщенную слабымъ мерцаніемъ ночника.

— Такъ вотъ что думаетъ Андрей! Вотъ что значили всѣ его намеки, которыхъ я никогда не могъ понять. Ну, что-же, это весьма возможно — съ его стороны; нельзя также отрицать нѣкотораго сочувствія и съ ея стороны; но чтобы дѣло доходило до чегонибудь серьезнаго... гдѣ глаза у этого Андрея? Неужели умный старикъ не видитъ того, что я вижу такъ ясно, что замѣчаетъ очевидно и Стефанія, — она хотѣла его сбить до приѣзда того, другого! Она боялась его, потому-что знала его преданность, знала, что онъ будетъ пристальнѣе наблюдать за нею. И какъ она сурово съ нимъ обращалась; это должно было броситься всѣмъ въ глаза; а сегодня вечеромъ, это равнодушіе послѣ перваго испуга! Да, да, и онъ это знаетъ; это онъ бредилъ обо мнѣ: не тревожь святого сна!.. да, да, я слишкомъ крѣпко спалъ! Кто-бы подумалъ, что у старика еще такъ много крови. Да, чортъ возьми, еще у меня слишкомъ много крови для васъ!

Принцъ вздрогнулъ, ему показалось, что въ темномъ углу стоитъ кто-то съ ножомъ.

То, что видѣлъ принцъ, въ дѣйствительности, оказалось просто висѣвшимъ на стѣнѣ портретомъ во весь ростъ отца его, за ножъ онъ принялъ бѣлый свертокъ въ рукѣ покойнаго принца. Вѣроятно, огонь ночника, вспыхнувъ на минуту, освѣтилъ его какъ-нибудь особенно рѣзко.

„Твоя кровь течетъ въ моихъ жилахъ, прошепталъ принцъ. — Я наслѣдовалъ отъ тебя твою фигуру, черты твоего лица, я во всемъ похожъ на тебя; но я еще несчастнѣе тебя. Она, которую ты такъ горячо любилъ — моя мать, — она могла пожертвовать тобой для человѣка не стоившаго тебя; но, во всякомъ случаѣ она любила тебя когда-то, она принадлежала тебѣ, ты зналъ, что тебѣ наслѣдуетъ твой сынъ, что ты можешь создавать гордые

планы его будущности, что ты можешь говорить съ нимъ объ этихъ планахъ. Но я, я! ахъ я принужденъ постоянно только вздыхать о плодахъ, которыхъ рука моя не можетъ достать, стремиться утолять жажду водою, которая ускользаетъ изъ-подъ ногъ моихъ. Гордая мечта всей твоей жизни представлялась тебѣ одно время легко осуществимымъ идеаломъ. Это была ложь, но ложь, произнесенная властелиномъ міра. Кто осмѣлится осудить тебя за то, что ты ему повѣрилъ! А я? мнѣ приходится имѣть дѣло не съ дядею, а съ племянникомъ, да даже и не съ нимъ самимъ, а съ его племянникомъ, который подползаетъ ко мнѣ изъ-подтишка, потаенными пятами, какъ измѣнникъ! А между тѣмъ, — о, я никогда не ненавидѣлъ такъ Пруссію, какъ теперь ненавижу ее — теперь я могу сдѣлать то, чего-бы не сдѣлалъ никогда прежде».

Принцъ снова вздрогнулъ. На дворѣ бушевала страшная буря. Передъ окнами спальни, въ саду вѣтеръ свистѣлъ, покачивая вершины громадныхъ деревьевъ, стучалъ въ стѣны зданій, завывалъ въ башняхъ, и старый замокъ дрожалъ, какъ-бы чувствуя, что не можетъ удержаться на своемъ утесѣ, что онъ неизбѣжно долженъ погибнуть, если хозяинъ его будетъ питать тѣ преступныя мысли, которыя овладѣвали теперь его разгоряченнымъ мозгомъ, которыя неотступно преслѣдовали его, какъ ни старался онъ запереть голову въ шелковыя подушки, какъ ни призывалъ онъ сонъ, который хотя-бы на нѣсколько минутъ избавилъ его отъ его страданій.

ГЛАВА XI.

За бурною, дождливою ночью наступило прелестное утро. Июльское солнце такъ жарко обдавало золотистыми лучами своими мрачныя стѣны стараго замка, что темные, тѣнистые дворы его такъ и манили подъ свою прохладную тѣнь. Теплый аромат безчисленнаго множества цвѣтовъ распространялся съ терассъ, гдѣ садовники съ своими помощниками старались уничтожить слѣды опустошенія, произведеннаго бурной погодой предшествовавшихъ дней. Въ свѣжей блестящей листвѣ деревь порхали и щебетали птицы; съ луговъ оленьяго парка поднимался легкій туманъ и уносился черезъ ущелья въ лѣса, покрывавшіе склоны горъ, вершины которыхъ сіяли полнымъ блескомъ. Германъ стоялъ у окна своей спальни и любовался этой прелестной картиной.

„Кто-бы могъ ожидать этого вчера, думалъ онъ; еще вчера казалось, будто природа никогда не намѣрена сбросить съ себя

начальнаго, мрачнаго покрывала, окутывавшаго ее, а сегодня она улыбается и сияетъ, какъ счастливая невѣста.

„Можно-ли осудить несчастнаго, если онъ не остается равнодушнымъ къ кроткому голосу природы, если онъ радостно прислушивается къ словамъ надежды, повидимому возвѣщаемымъ ему и небомъ, и землею, если въ его опечаленной душѣ снова возникаетъ вѣра въ возможность измѣненія всего, всего.

„Нѣтъ, разочарованіе было слишкомъ горько и страданіе вчерашняго дня слишкомъ велико. Миѣ не нужно было этого знака.“

Онъ схватился за лобъ рукою, — голова его все еще болѣла послѣ ночи, проведенной въ лихорадкѣ, — потомъ посмотрѣлъ на раскрывавшійся передъ нимъ видъ, грустно покачалъ головой и сдѣлалъ движеніе, какъ-бы тихо закрывая книгу. Что ему теперь до всего этого? Впереди ему предстоитъ не мало часовъ, когда онъ можетъ сколько угодно, сколько позволить наболѣвшее сердце, перелистывать эту книгу.

Судьба его должна рѣшиться. Онъ былъ слабъ, но теперь онъ чувствовалъ въ себѣ силы; онъ былъ радъ этой силѣ, былъ радъ тому, что сердце его не трепетало и не бушевало, какъ въ предшествовавшіе дни: это сердце билось глухо, но спокойно, какъ у человѣка, который принужденъ разстаться, но и въ разлукѣ хочетъ сохранить миръ.

— Миръ со всѣми, со всѣми безъ исключенія, чтобы быть въ мирѣ самому съ собой, чтобы снова ощущать тотъ миръ, который наполнял мое сердце, когда еще судьба не подвергала меня тому испытанію, которое я такъ дурно перенесъ. Я считалъ себя существомъ исключительнымъ, обладателемъ великой тайны, вполне понимавшимъ слово, разрѣшающее печальную загадку жизни, великое, торжественное слово—самоотреченіе. Я вижу теперь, какъ я былъ тогда неопытенъ, какъ многому миѣ предстоитъ еще научиться. Во всякомъ случаѣ я уже вынесъ испытаніе: я живу; я еще дышу; я могу загладить мой грѣхъ противъ святого духа свободы и истины. Я самъ себя заковалъ въ цѣпи; я самъ-же могу и освободиться отъ нихъ. Я не смѣюсь надъ этими цѣпями: онѣ изранили миѣ всѣ члены, но онѣ падутъ съ рукъ моихъ, какъ уже пали съ души моей. Стоитъ миѣ написать нѣсколько словъ, и я буду такъ-же свободенъ отъ всякихъ внѣшнихъ оковъ, какъ уже свободенъ отъ нихъ въ глубинѣ души!

Онъ прошелся по комнатѣ и сѣлъ писать принцу.

Въ сущности его затрудняло одно только обстоятельство, но онъ вскорѣ замѣтилъ, что устранить это одно обстоятельство не легко. Принцу онъ обѣщалъ не ставить его въ неловкое положе-

ніе передъ гостями своимъ внезапнымъ отъѣздомъ; графинѣ же онъ обѣщалъ не уѣзжать изъ Роды, пока не отыщется ему преемникъ. Для отысканія же этого преемника до сихъ поръ еще ничего не было сдѣлано; онъ понималъ, что невозможно поручить лечение сколько-нибудь серьезной болѣзни его ротенбургскому товарищу, съ полчаса тому назадъ бывшему у него. Долгъ лежавшій на немъ былъ тяжелъ, но во всякомъ случаѣ онъ не привыкъ легкомысленно относиться къ своимъ обязанностямъ. Онъ сталъ вспоминать всѣхъ своихъ товарищей по университету, придумывая кого-бы изъ нихъ порекомендовать на свое мѣсто. Всѣ они занимали выгодныя, даже почетныя мѣста. Трудно было предположить, чтобы кто-нибудь изъ нихъ промѣнялъ мало-мальски твердое положеніе на положеніе, представляющее такъ мало привлекательнаго для сколько-нибудь честолюбиваго человѣка.

Германъ снова почувствовалъ, что онъ остался позади товарищей, что онъ отсталый путникъ, заблудившійся въ пустынѣ. А между тѣмъ слѣдовало-же что-нибудь придумать. Но его-ли это дѣло? По крайней мѣрѣ дѣло-ли это его одного? Самымъ удобнымъ казалось обратиться къ графу, какъ къ личности наиболѣе заинтересованной въ дѣлѣ, и просить его содѣйствія. Такому важному господину не трудно достать себѣ врача: едва-ли-бы кто вздумалъ отказать отъ его приглашенія.

Итакъ, онъ отложилъ въ сторону письмо къ принцу и написалъ графу нѣсколько строчекъ, въ которыхъ изложилъ ему свою просьбу. Только-что онъ дописалъ эти строки, какъ вошелъ слуга и спросилъ, можетъ-ли графъ лично освѣдомиться о состояніи здоровья господина доктора.

Германъ поднялся на встрѣчу графу, который вошелъ въ комнату вслѣдъ за слугою.

— Чортъ возьми, заговорилъ онъ смѣясь, — я не ожидалъ этого вчера вечеромъ, когда извѣстіе о вашемъ несчастіи упало подобно бомбѣ на наше общество и перепугало всѣхъ насъ. Невольно приходится вѣрить въ чудесную силу врача, который такъ скоро умѣетъ вылѣчивать самого себя. По всему, что я слышалъ, мнѣ кажется, что вы подвергались серьезной опасности. Какъ это съ вами случилось?

— Я хотѣлъ защититься отъ дождя, отвѣчалъ Германъ и забылъ, что паденіе съ лошади, предоставленной самой себѣ, можетъ быть непріятнѣе спльнѣйшаго ливня.

— Я такъ и думалъ, сказалъ графъ. — Я легко могу себѣ представить, что вы чувствовали въ то время. Но вы согласитесь со мной, что ваши пациенты дѣлаютъ вамъ честь и я вдвойнѣ радъ,

что могъ сегодня, когда вы сами превратились въ пациента, снять наконецъ свою перевязку.

— Надѣюсь, что вы не поторопились, сказалъ Германъ.—Позвольте мнѣ взглянуть.

— Мнѣ-бы не хотѣлось васъ безпокоить, сказалъ графъ?

— Какъ угодно, отвѣчалъ Германъ.—Но я посоветовалъ-бы вамъ соблюдать осторожность еще нѣсколько дней, если вы хотите поскорѣе совершенно свободно владѣть рукою.

— Если я хочу, вскричалъ графъ,—еще-бы мнѣ не хотѣть! Мой отпускъ кончается, правда, не ранѣе 16-го, но я не хочу и въ продолженіи его играть роль однорукаго калѣки. Кто знаетъ, какъ скоро намъ придется пустить въ дѣло обѣ наши руки. Я получилъ сегодня утромъ письма изъ Берлина. Въ нихъ говорятъ о какомъ-то важномъ событіи, случившемся вчера: какъ-будто мы получаемъ здѣсь газеты такъ-же скоро, какъ бывало въ Беренштрассе; какъ будто мы здѣсь не отстаемъ постоянно дня на два на три отъ событій! Я рѣшительно не понимаю, что могло случиться, когда король на водахъ, а Бисмаркъ въ Варцинѣ; а между тѣмъ дѣло должно быть нешуточное, если мой корреспондентъ, обыкновенно такой положительный человѣкъ, забылъ рассказать мнѣ его. Изъ его письма видно только, что рѣчь идетъ о несогласіи съ Франціей. Эта гроза давно уже чутая въ воздухѣ и рано или поздно,—по моему чѣмъ раньше, тѣмъ лучше—должна наконецъ разразиться. Сегодня у насъ будетъ гость — французъ, можетъ быть мы узнаемъ отъ него что-нибудь. Однако-же я не хочу вамъ больше надобдывать. Вы были чѣмъ-то заняты, когда я вошелъ.

Графъ всталъ и взялся за шляпу и перчатки, оставленные имъ на столѣ.

— Ну вотъ, сказалъ онъ,—я чуть не сдѣлалъ того-же, за что сейчасъ бранилъ своего корреспондента. Жена моя, — она вамъ премного кланяется,—получила сегодня утромъ письмо изъ Берлина отъ своей матери. Графиня хотѣла, какъ вы знаете, пріѣхать не раньше будущаго мѣсяца къ разрѣшенію отъ бремени жены моей или, самое раннее, къ рожденью принца, т. е. къ 16-му, но теперь она перемѣнила намѣреніе; ея принцесса нынѣшній годъ ѣдетъ домой къ герцогу ранѣе обыкновеннаго, а потому ея отпускъ начинается раньше и она желаетъ провести его здѣсь. Она пріѣдетъ послѣ завтра — сегодня у насъ 6-е, значитъ 8-го и—вы знаете какъ велика материнская заботливость—привезетъ съ собою своего домашняго доктора, тайнаго совѣтника Винклера. Я ужъ смѣялся надъ женой, но что будешь дѣлать, если не хочешь ссориться? Эти добродушныя созданія, въ сущности, совершенно не имѣютъ

никакихъ злыхъ умысловъ, какъ это кажется съ перваго взгляда; впрочемъ я долженъ заступиться за жену: въ этотъ разъ она ни сколько не была виновата и сама не меньше меня досадуетъ на слабость своей матери. Я надѣюсь, вы поймете всю неловкость нашего положенія.

— О безъ сомнѣннѣя, вскричалъ Германъ,—и если вы потрудитесь взглянуть на это письмо, то вы вѣроятно точно также поймете, изъ какого затруднительнаго положенія выводите меня то, что вы мнѣ сейчасъ сообщили.

— Ахъ, сказалъ графъ, пробѣгая глазами письмо,—вы серьезно хотите уѣхать?

— Вы помните, ваше сіятельство, что я еще до прїѣзда вашего подалъ принцу просьбу объ отставкѣ и остался только по настоятельному желанію его свѣтлости.

— Да, да, помню, отвѣчалъ графъ,—вы остались для насъ, т. е. для графини. Значитъ, дѣло устранивается превосходнѣйшимъ образомъ. Могу я сообщить о вашемъ намѣреніи?

Онъ сложилъ письмо и сунулъ его въ карманъ.

— Одной только графинѣ, если я осмѣлюсь просить васъ объ этомъ. Его свѣтлость долженъ...

— Узнать о вашемъ намѣреніи отъ васъ сампхъ, перебилъ графъ. — Ну конечно, само-собой разумѣется. Однако, я не хочу васъ долше беспокоить. До свиданья, господинъ докторъ.

Германъ съ горькою усмѣшкой взглянулъ на дверь, въ которую вышелъ графъ.

— Опять я понапрасно безпокоился, подумалъ Германъ.—Нашъ братъ не можетъ себѣ представить, какъ легко другимъ обойтись безъ него! Ну, слава богу, теперь путь передо мной открытъ и уже нынче я не остановлюсь, пока не дойду до конца.

Онъ опять принялся за письмо къ принцу. То, что онъ написалъ ему сначала, уже не годилось послѣ извѣстія, принесеннаго графомъ; нужно было переписать все снова. Теперь объясниться было уже гораздо легче, но все-таки трудно было приискивать подходящія выраженія. Тяжесть въ головѣ его все болѣе и болѣе усиливалась. Нѣсколько разъ приходилось ему бросать перо; наконецъ, съ большимъ трудомъ удалось ему написать нѣсколько строкъ. Прочитавъ ихъ, онъ остался ими недоволенъ, но все-таки запечаталъ и написалъ адресъ на конвертъ.

— Его свѣтлость совѣщается теперь съ г. фонъ-Цейзелемъ и съ господиномъ совѣтникомъ канцеляріи, сказалъ слуга; мнѣ трудно будетъ передать ему письмо.

— Попробуйте, можетъ быть и передадите.

«Дѣло», № 7.

— Постараюсь, господинъ докторъ.

Слуга вышелъ.

— Въ концѣ-концовъ становишься эгоистомъ, сказалъ Германъ. Но своя рубашка ближе къ тѣлу.

Онъ не могъ удержаться отъ улыбки, такъ какъ послѣднія слова онъ произнесъ громко и серьезнымъ голосомъ.

„Это новая мудрость, къ которой ты прежде былъ неспособенъ, сказалъ онъ самому себѣ. Впрочемъ, что-жь? съ волками жить по волчьи выть.

„Ну, что-же мнѣ теперь надо дѣлать? Снять палатку, подъ сѣнью которой ты такъ долго... слишкомъ долго жилъ. Это не трудно.“

Онъ оглядѣлъ комнату. Что принадлежало ему изъ всего этого изящнаго, можно сказать, роскошнаго убранства? Ни тотъ диванъ, на которомъ онъ сидѣлъ, ни тотъ столъ покрытый великолѣпною скатертью, за которымъ онъ писалъ, ни то большое зеркало, въ которомъ онъ видѣлъ свое блѣдное лицо — да почти ничего; маленькая медицинская библіотека, инструменты, служившіе для его физическихъ и химическихъ опытовъ — вотъ и все его достояніе. Остальное было не болѣе какъ блестящую одежду, въ которую одѣваются статиста, чтобы онъ могъ приличнымъ образомъ принимать участіе въ великолѣпной драмѣ, и которую онъ долженъ снять, когда удалится со сцены.

„А я и не думалъ объ этомъ до сихъ поръ! А между тѣмъ дѣло было ясно, само бросалось въ глаза всякому, кто ихъ не закрывалъ; міръ вовсе не такъ прекрасенъ, какъ я мечталъ, напротивъ онъ довольно бѣденъ и прозаиченъ. Но тѣмъ лучше: тѣмъ легче мнѣ будетъ не предаваться мечтамъ въ будущемъ.“

Онъ разсуждалъ такъ самъ съ собою, а отяжелѣвшія вѣки все болѣе опускались на его утомленные глаза и наконецъ закрыли ихъ совсѣмъ. Онъ спалъ долго и крѣпко; между тѣмъ на дворѣ замка, куда выходили окна его комнаты, господствовало необыкновенное оживленіе, проникавшее до корридоровъ дома придворныхъ. Солнце подымалось все выше и выше, наконецъ оно озарило своими лучами и его комнату. Ему снился сонъ: онъ видѣлъ, будто послѣ долгаго сна онъ проснулся отъ шума медленно отворившейся двери. Въ нее глядѣла та, которую онъ такъ любилъ, и ласково ему улыбалась.

— Ты пришла, наконецъ? спросилъ онъ.

— Ты меня долго ждалъ, отвѣчала она, входя въ комнату, — ты страдалъ, ожидая меня; я знаю, но какъ-же я могла придти равнѣ

ше? Ты знаешь, вѣдь, что я связана тысячью обязанностей. Развѣ я могу дѣлать то, что хочу! Ахъ если-бы я могла!

— Что-же-бы ты сдѣлала? спросилъ онъ.

Она нѣжно провела рукой по его лбу и глазамъ; вокругъ него все потемнѣло, а когда онъ опять взглянулъ, она все еще стояла передъ нимъ; но то не была уже прежняя Гедвига. Она показалась выше обыкновеннаго человѣческаго роста, на ней была какая-то длинная одежда въ родѣ власяницы, она походила на королеву, надѣвшую платье нищей. И эта королева въ одеждѣ нищей, эта королева съ блестящими глазами и темными локонами Гедвиги протянула ему руку и сказала:

— Пойдемъ, смотри!

Потолокъ комнаты разступился и онъ понесся вмѣстѣ съ нею надъ темною землею, съ которой грустно глядѣли на нихъ черезъ облака тумана поля и лѣса, деревни и города. На поляхъ толпились бѣдные люди, въ потѣ лица взрывая сырую землю тяжелыми плугами, въ лѣсахъ такіе-же бѣдняки вонзали свои убійственные топоры въ смолистыя деревья, въ тѣсныхъ деревушкахъ они выковывали на раскаленныхъ угольяхъ несчастные гвозди, въ душныхъ городахъ они сновали, какъ муравьи.

— Смотри, говорила Гедвига, — мой народъ, мой бѣдный, удрученный трудомъ и заботой народъ! Если-бы я могла дѣлать все, что хочу, я отдала-бы по каплѣ всю кровь моего сердца для того, чтобы солнце озарило сердца всѣхъ, чтобы всѣ знали, какъ прекрасна наша земля.

При этихъ словахъ кровь медленными каплями полилась изъ груди ея и каждая капля при паденіи превращалась въ красный лучъ солнца и вездѣ, куда падалъ этотъ лучъ, поля, лѣса, хижины и дома озарились золотистымъ свѣтомъ и всѣ люди, бросая работу, глядѣли вверхъ съ такою веселою, счастливою улыбкой, что глаза Германа наполнились слезами и онъ сказалъ своей чудной спутницѣ:

— Я знаю, что твое сердце принадлежитъ нашему народу, иначе ты не была-бы такъ хороша и прелестна и я не любилъ-бы тебя такъ, какъ люблю теперь, и какъ никогда не могу полюбить ни одну земную женщину. Какъ ты отдала своему народу кровь своего сердца, такъ-бы и я хотѣлъ отдать тебѣ мою кровь.

— Такъ отдай мнѣ ее, сказала Гедвига, — струя моей крови изсыкаетъ, силы мои упадаютъ.

Она говорила, а лицо ея становилось все блѣднѣе и блѣднѣе, блестящіе глаза ея все тускнѣли, ея побѣлѣвшія губы дрожали.

Германъ протянулъ руки, чтобы поддержать ее, но вдругъ пе-

редь нимъ явился графъ въ блестящемъ вооруженіи съ мечемъ, которымъ онъ замахнулся на Германа.

— Я не слабѣ тебя, хотя у меня нѣтъ оружія, вскричалъ Германъ.

Графъ презрительно засмѣялся и хотѣлъ притянуть къ себѣ Гедвигу, но Германъ бросился на него, съ намѣреніемъ начать борьбу на смерть.

— Вы братья, стойте! закричала Гедвига. — Вы сыновья одной матери, остановитесь!

Но разъяренные противники не слушали ея словъ; они дрались съ невѣроятнымъ ожесточеніемъ, задыхаясь, скрежеща зубами. А голосъ Гедвиги раздавался все печальнѣе и печальнѣе: „Остановитесь! о горе, горе, теперь все пропало!“ Раскаты грома заглушали ея голосъ, земля разверзлась и изъ нея взвилось адское пламя.

Германъ открылъ глаза; солнце ярко освѣщало комнату, со двора слышался шумъ экипажей, ржанье лошадей, голоса людей. Нѣсколько минутъ онъ не могъ вполне собраться съ мыслями.

Впечатлѣніе страннаго сна было слишкомъ сильно, картины, вызвавшія смѣхъ, заслонили собою дѣйствительность. Наконецъ, онъ очнулся и понялъ, что спалъ, и должно быть, долго спалъ. Онъ вспомнилъ, что графъ былъ у него въ 12 часовъ, а теперь часы показывали 4.

Шатаясь, онъ поднялся съ мѣста и подошелъ къ окну. Какой-то экипажъ проѣхалъ по двору дворца во второй дворъ, гдѣ помѣщались конюшни и сарай; на крыльцѣ стояла толпа слугъ въ парадныхъ ливреяхъ; въ домѣ, занимаемомъ придворными, слышна была непрерывная ходьба взадъ и впередъ, безпрестанное хлопанье дверей. Въ его комнату постучали.

Г. фонъ-Цейзелъ вошелъ во фракъ, бѣломъ галстукѣ и бѣломъ жилетѣ, со шляпою подъ мышкою. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ пару перчатокъ, а правую проткнулъ Герману.

— Что вы обо мнѣ подумали, мой дорогой другъ, вскричалъ онъ,—что я цѣлое утро не провѣдалъ васъ! Но прежде всего скажите, какъ вы себя чувствуете? Что вы подѣлываете? Графъ говорилъ, что оставилъ васъ совершенно здоровымъ. Правда это? Мнѣ кажется, у васъ совсѣмъ больной видъ и рука ваша очень горяча. У васъ все еще лихорадка.

— Нѣтъ, кажется, теперь ничего, сказалъ Германъ—я сейчасъ только проснулся.

— Это я васъ разбудилъ, вскричалъ Цейзелъ,—ахъ какой я дуракъ! Но я сейчасъ уйду.

— Нѣтъ лучше останьтесь, заговорилъ Германъ,—посидите хоть нѣсколько минутъ и расскажите мнѣ все, что тамъ дѣлается.

— Я могу посидѣть съ полчаса, отвѣчалъ Цейзель, садясь на софу подлѣ Германа.—Я поторопился одѣться, чтобы поболтать съ вами. Вы спрашиваете, что тамъ дѣлается? Но вы вѣдь спали, вы говорите?

— Цѣлые четыре часа.

— Четыре часа? это славно. Еще-бы вамъ не спать послѣ такой ночи. Вы меня порядкомъ напугали.

— А вы такъ усердно ухаживали за мной! я нѣсколько разъ видѣлъ ваше доброе лицо, когда приходилъ въ сознание. Кажется, и принцъ былъ у меня?

— Какже, отвѣчалъ Цейзель;—и графъ входилъ на нѣсколько минутъ. Но я прогналъ всѣхъ ихъ, чтобы остаться съ вами наединѣ.

— Отчего такъ?

Цейзель посмотрѣлъ на Германа съ полунасмѣшливой, полусконфуженной улыбкой.

— Вы говорили такія странныя вещи,—вы, скрытнѣйшій изъ всѣхъ людей: мнѣ казалось, что всего лучше сидѣть подлѣ васъ такому вѣтреннику, какъ вашъ преданнѣйшій другъ и слуга.

— Ну, сказалъ Германъ,—что-же я такое говорилъ? Мнѣ вы можете пересказать, для меня это будетъ не новость.

— Мы въ другой разъ поговоримъ объ этомъ, смѣясь, сказалъ Цейзель.

— Нѣтъ ужъ лучше теперь, отвѣчалъ Германъ. — Вы видите, у меня немножко разстроены нервы, а ничто такъ не раздражаетъ, какъ неудовлетворенное любопытство.

— Ну такъ я вамъ скажу: вы влюблены.

— Въ самомъ дѣлѣ? я это говорилъ?

— Не этими словами, но вы высказались довольно ясно.

— Въ присутствіи принца? спросилъ Германъ, чувствуя, какъ кровь приливала къ его головѣ.

— Нѣтъ, при немъ вы несли какую-то пелѣпцу: декламировали отрывки изъ Макбета, которые мнѣ, по правдѣ сказать было, тяжело слушать. Старому принцу не совсѣмъ пріятно, когда его сравниваютъ съ Дунканомъ и говорятъ ему, что на немъ лежитъ много крови и ужъ не помню, что тамъ дальше; потомъ, когда я остался одинъ подлѣ васъ, любезнѣйшій другъ, вы говорили странныя вещи и столько разъ пронзали мысленнымъ кинжаломъ сердце нѣкоего господина, что я отъ души порадовался, увидя его сегодня цѣлымъ и невредимымъ. Какъ эта страсть могла такъ внезапно

овладѣть вами? Впрочемъ, какое право имѣю я спрашивать? Я самъ обожаю эту прелестнѣйшую изъ женщинъ. Вслѣдствіе-то этого вы и побидаете насъ?

— Вы говорите загадками, мой добрый другъ, а я не въ состояніи сегодня угадывать ихъ. Что онѣ означаютъ?

— Мнѣ не хочется огорчать васъ, мой милѣйшій, возразилъ Цейзель, — но мнѣ кажется, наша дружба обязываетъ меня не скрывать отъ васъ, что даже принцъ, какъ кажется, подозрѣваетъ истинную причину вашего внезапнаго удаленія.

— Не можетъ быть! вскричалъ Германъ.

— Я былъ у него, продолжалъ Цейзель, — когда ему подали ваше письмо. Онъ прочелъ его, передалъ мнѣ и сказалъ: что это значить? Я само собой разумѣется, скромно пожалъ плечами и пробормоталъ что-то о необходимости для человѣка когда-нибудь придти къ рѣшенію; принцъ, казалось, былъ занятъ своими мыслями и проговорилъ, какъ-будто про себя: „можетъ быть, это будетъ лучше для него, хотя мнѣ теперь труднѣе чѣмъ когда-нибудь обойтись безъ него“; и потомъ онъ прибавилъ съ своей обыкновенной насмѣшливой улыбкой: „графиня будетъ очень огорчена, а графъ вѣроятно скоро утѣшится.“

Германъ вздохнулъ свободнѣе.

— И изъ этого вы заключаете?

— Я ничего не заключаю, я говорю только, что очень стыдно съ вашей стороны уѣзжать отсюда именно теперь, когда я, такъ долго игравшій второстепенную роль, явлюсь наконецъ во всемъ моемъ блескѣ. Я вамъ скажу прямо: до 16-го я не выпущу васъ отсюда, хотя-бы сердце ваше 16 разъ разбилося въ дребезги. Я составилъ удивительнѣйшіе планы; я превзойду самого себя и все это съ дозволенія высшаго начальства, т.-е. его свѣтлости. Подумайте сами, мой любезный другъ, — давеча, когда я хотѣлъ ужь совсѣмъ отеланяться, принцъ сказалъ мнѣ: „Я знаю, что мои добрые ротенбулерцы обыкновенно помнятъ день моего рожденія. Они вспомнятъ его и нынче. Но они всегда выказываютъ болѣе усердія, чѣмъ изящнаго вкуса. А между тѣмъ не худо-бы пустить въ дѣло и вкусъ теперь, когда у насъ полонъ домъ гостей. Что если-бы вы, Цейзель, конечно соблюдая всевозможную скромность, взяли сами устроить празднества“? Вы согласитесь, другъ мой, что этотъ намекъ былъ ясенъ, яснѣе чѣмъ обыкновенные намеки его свѣтлости. Но дѣло въ томъ, что ему пріятно было-бы показаться графу отцомъ народа, нѣжно любимымъ своими подданными. Кроме того нельзя-же подавать поводъ къ насмѣшкамъ и француз-

скимъ гостямъ; маркизъ и безъ того, не смотря на свои любезныя манеры, кажется, въ душѣ подсмѣивается надъ нами.

— Такъ маркизъ пріѣхалъ?

— Еще-бы, вы точно съ луны свалились: пріѣхалъ часъ тому назадъ, съ экстренной почтой: онъ, его секретарь, курьеръ и двое слугъ,—цѣлый маленькій караванъ. Кромѣ того, какъ вы помните или, лучше сказать, не помните,—вы вѣдь никогда не занимались подобными вещами,—сегодня приглашены г-жа Фишбахъ съ дочерью и баронъ Нейгофъ съ супругою. Его свѣтлость непременно желаетъ устроить у себя настоящую придворную жизнь и потому пригласилъ на завтрашній день барона Мансбаха и г-дѣ Бухгольца и фонъ-деръ-Шмюке; мнѣ кажется, онъ даже жалѣетъ, что кромѣ стараго потерявшаго свою репутацію графа Пехтихеля нѣтъ ни одного кровнаго аристократа въ окрестности. Послѣ завтра пріѣдетъ ея сіятельство графиня; у меня голова полна планами празднествъ къ 16 числу. Депутація почетныхъ гражданъ, серенада, иллюминація, живыя картины, драматическое представленіе: „Пробужденіе Барбаросы“, и финаль—живая картина: Германія.

— Во власяницѣ, спросилъ развѣянно Германъ.

— Какъ можно! вскричалъ Цейзель;—въ голубомъ платьѣ, съ латами на груди, съ поясомъ изъ разныхъ поддѣльныхъ драгоцѣнныхъ камней, съ блестящей каской на головѣ, со щитомъ, на которомъ изображенъ императорскій орелъ, въ лѣвой рукѣ, и съ мечомъ въ правой—не даромъ же у насъ существуетъ оружейная палата!—надъ ней будутъ развѣваться вѣтви нѣмецкаго дуба, въ глубинѣ сцены будетъ виднѣться старый Рейнъ съ берегами, усѣянными замками,—вотъ какова будетъ моя Германія и такую она должна быть, чтобы добрые ротенбюлерцы узнали ее, а господа французы почувствовали къ ней почтеніе. Теперь я долженъ бѣжать принимать гостей и по дорогѣ отыскать вашего Югана, чтобы онъ принесъ вамъ хорошенькій обѣдъ изъ кухни. Вы-бы могли пообѣдать вмѣстѣ съ секретаремъ маркиза, страдающимъ мигренью и нежелающимъ обѣдать за общимъ столомъ. Онъ помѣщенъ здѣсь въ сосѣдней комнатѣ; но мнѣ пришлось угощать его тамъ въ мужскомъ флигелѣ, хотя у Малорти не нашелъ ничего о томъ, какъ обращаться съ секретарями французскихъ маркизовъ, путешествующихъ по Германіи съ ученою цѣлью. Сейчасъ послѣ стола мы отправляемся на ферму въ трехъ или четырехъ экипажахъ. Вы насъ увидите, будете нами любоваться, выздоровѣете, останетесь здѣсь и будете имѣть право выгнать меня вонъ, если я скажу еще хоть слово, а теперь, Богъ съ вами, прощайте!

Веселый молодой человекъ пожалъ руку другу и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Германъ грустно посмотрѣлъ ему въ слѣдъ.

— Счастливый человекъ, проговорилъ онъ,—не всякій можетъ такъ легко переносить бремя жизни, оставаясь такимъ честнымъ, какъ ты. Я знаю, тебѣ жаль, что я уѣзжаю, но отъ этого ты ни чуть не менѣе старательно подвязывалъ свой бѣлый галстукъ, не менѣе внимательно разглядывалъ свои лакированные сапоги. Мнѣ очень-бы хотѣлось посмотрѣть на тебя сегодня во всемъ твоёмъ блескѣ, видѣть, какъ ты подаешь сигналы и морщишь лобъ и само-довольно улыбаешься, когда все идетъ, какъ по маслу; мнѣ-бы хотѣлось посмотрѣть на все это!

Но говоря это, Германъ видѣлъ мысленно не своего друга, а Гедвигу, видѣлъ, какъ она стоитъ въ картинной галлерей, гдѣ обыкновенно собиралось общество передъ обѣдомъ, и отвѣчаетъ на поклонъ мужинъ тѣмъ едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы, которымъ она всегда прिवѣтствовала всѣхъ, одинаково, и знатныхъ, и не знатныхъ.

Онъ видѣлъ, какъ она обращается къ дамамъ, какъ едва удостоивается взгляда своихъ темныхъ глазъ высокоомѣрную баронессу Нейгофъ и дружески прिवѣтствуетъ застѣнчивую дочь г-жи Фишбахъ.

Принцъ входитъ съ маркизомъ; французъ говоритъ ей комплименты, а графъ не спускаетъ съ нея своихъ голубыхъ блестящихъ глазъ, хотя повидимому разговариваетъ съ красавицей Нейгофъ. Г. фонъ-Цейзелъ подходитъ къ его свѣтлости, шепчетъ ему нѣсколько словъ на ухо и его свѣтлость говоритъ громко:

— Милости просимъ господа, а самъ протягиваетъ руку старой г-жѣ фонъ-Фишбахъ.

— И такъ далѣе, сказалъ Германъ,—сегодня, какъ и всегда до скончанія вѣка. Что мнѣ за дѣло до всего этого?

Слуга поспѣшно вошелъ въ комнату, неся въ рукахъ большой подносъ.

Онъ извинился, что, можетъ быть, не слышалъ звонка г. доктора, сегодня такъ много работы; заявилъ, что обѣдъ г-ну доктору заказывалъ главному повару самъ г. фонъ-Цейзелъ, и что г. фонъ-Цейзелъ желаетъ хорошаго аппетита господину доктору; а вотъ еще карточка отъ французскаго секретаря, которому онъ также носилъ обѣдъ въ его комнату; г. секретарь спрашиваетъ, можно-ли ему послѣ обѣда зайти къ г. доктору. Иоганъ собирался накрыть столъ, но Германъ велѣлъ ему оставить только немножко хлѣба и вина и унести все осталь-

ное. Онъ сказалъ, что не чувствуетъ аппетита и что Іоганъ можетъ отправляться въ замокъ, гдѣ онъ вѣрно нуженъ.

Слуга не заставилъ дважды повторить себѣ это позволеніе и вышелъ изъ комнаты такъ-же поспѣшно, какъ и вошелъ.

Германъ взялъ въ руки карточку, лежавшую на подносѣ, подлѣ бутылки вина, и прочелъ: Людовикъ дю-Розель.

Это имя вызвало въ Германѣ воспоминаніе объ одномъ изъ самыхъ печальныхъ періодовъ его жизни, — о томъ времени, когда онъ еще жилъ при дворѣ своего короля и долженъ былъ, въ благодарность за милости, оказанныя ему въ дѣтствѣ и юности, давать уроки естественной исторіи дѣтямъ короля.

Самые уроки онъ давалъ охотно и былъ-бы очень радъ, если-бы все ограничивалось ими одними. Но дѣло въ томъ, что, давая ихъ, ему приходилось выносить много неприятностей, приходилось, напр., приходиться въ столкновеніе съ личностями, считавшими его однимъ изъ своихъ потому только, что встрѣчались съ нимъ при исполненіи одинаковыхъ обязанностей и часто удостаивавшими его своимъ довѣріемъ, весьма тяжелымъ, можно сказать, оскорбительнымъ для благороднаго человѣка.

Среди этихъ личностей находился одно время нѣкій Шарль Розель, выдававшій себя за парижанина, хотя ходили слухи, что онъ родомъ изъ какой-то эльзасской деревушки и что зовутъ его собственно Карль Розе.

Онъ жилъ сначала очень бѣдно, пробавляясь частными уроками, потомъ неизвѣстно какимъ образомъ добрался до двора, гдѣ вскорѣ сумѣлъ добиться милости и даже сдѣлаться необходимымъ. Потомъ онъ, опять-таки неизвѣстно какимъ образомъ, исчезъ не только изъ двора, но даже изъ города и изъ самой страны.

Объ этомъ пошли сплетни и имя г. Розеля или Розе не разъ упоминалось при разказахъ то объ исчезнувшей шкатулкѣ короля, то объ одной дамѣ высшаго свѣта, внезапно собравшейся навѣстить свою мать въ Галиціи. Но въ придворныхъ кружкахъ слишкомъ привыкли къ появленію и исчезновенію подобныхъ кометъ и черезъ нѣсколько времени самое имя этого господина было позабыто.

Германъ точно также забылъ-бы и этого человѣка, и его имя, если-бы г. Розель не заинтересовалъ его нѣсколькими разговорами, которые французъ заводилъ необыкновенно искусно, и въ которыхъ онъ представлялся горячимъ сторонникомъ принципозъ свободы. Германъ не вполне довѣрялъ ему: его дѣятельность слишкомъ противорѣчила его словамъ; онъ даже думалъ иногда: не употребляетъ-ли г. Розель своихъ пламенныхъ рѣчей въ видѣ засады для глупыхъ птицъ, летавшихъ въ лугахъ королевской милости. Вооб-

ще г. Розель былъ и остался для него загадкой, и онъ не считалъ простою случайностью тотъ фактъ, что на узкомъ, сѣроватомъ лицѣ француза, носившемъ слѣды сильныхъ страстей, темные брови сходились надъ переносицей, что, по народному повѣрью, считается признакомъ загадочныхъ личностей. Все это теперь ясно припомнилось Герману и онъ даже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ смотрѣлъ на дверь, за которою раздался стукъ и въ которую послѣдними шагами вошелъ господинъ и протянулъ ему руку.

Это былъ Шарль Розель.

ГЛАВА XII.

— Вы меня не помните, сказалъ вошедшій, ловко опуская руку, которую Германъ, повидимому, вовсе не намѣренъ былъ пожимать.

— Очень хорошо помню, отвѣчалъ Германъ, — только разница именъ...

— Шарль Розель или Людовикъ дю-Розель — это все равно, отвѣчалъ гость: — у насъ не обращаютъ на это такого вниманія, какъ у васъ; кромѣ того я имѣю право на оба эти имени, такъ какъ меня въ сущности зовутъ Шарль-Людовикъ дю-Розель.

И г. Шарль-Людовикъ дю-Розель поклонился еще разъ.

— Неудобно-ли присѣсть, предложилъ Германъ.

— Къ моему сожалѣнію, я узналъ, что вы нездоровы, заговорилъ г. Розель, тотчасъ-же слѣдуя приглашенію, — и что вы не придете къ обѣду. Я рѣшился воспользоваться этимъ случаемъ и попросить у васъ свиданія, чтобы передать вамъ эти письма и, если позволите, потолковать съ вами по поводу ихъ.

При этихъ словахъ онъ вынулъ изъ своего портфеля два письма и передалъ ихъ Герману, улыбаясь своими тонкими губами.

— Я право не знаю... началъ Германъ.

— Пожалуйста прочтите, перебилъ его г. Розель.

Загадочность, окружавшая этого человѣка, была все еще такъ-же темна и мрачна, какъ его брови. Въ то время какъ г. Розель внезапно исчезъ, при дворѣ отданъ былъ строгій приказъ ничего не говорить о немъ и даже не помянуть его имени. И вдругъ въ этомъ письмѣ, писанномъ рукою его величества, просили „вѣрнаго и испытаннаго друга королевскаго дома оказать полное довѣріе подателю“; а въ другомъ письмѣ, писанномъ человѣкомъ, постоянно игравшимъ при дворѣ изгнаннаго короля важную и таинственную роль, его просили „безъ страха слѣдовать за опытнымъ руководи-

телемъ по пути, видимо предначертанному провидѣніемъ, до цѣли, въ которой стремятся всѣ вѣрныя нѣмецкія сердца“.

— Я ни мало не подозрѣваю подлинность этихъ документовъ, сказалъ Германъ, прочитавъ письма съ возрастающимъ безпокойствомъ;—адресъ ихъ написанъ вѣрно, а между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что они предназначались не ко мнѣ. Смѣю-ли я просить васъ взять эти бумаги назадъ?

— Что вы хотите этимъ сказать? спросилъ Розель, повинувся требованію Германа съ тою предупредительностью, съ которой ловкій магазинщикъ принимаетъ назадъ товаръ, непонравившійся покупателю.

— Я хочу сказать, отвѣчалъ Германъ,—что та дама, которая написала эти строки, находится относительно меня въ такомъ-же заблужденіи, какъ и всѣ, принадлежащіе къ тому кругу; это ясно показываетъ мнѣ второе письмо.

— А въ чемъ-же заключается это заблужденіе? спросилъ Розель.

— Въ томъ предположеніи, продолжалъ Германъ,—что до самой катастрофы я оставался изъ личной привязанности, какъ, можетъ быть, нѣкоторые, или ради внѣшнихъ выгодъ, какъ многіе, или ради дѣла, какъ большинство. Но я оставался потому, что обязанъ былъ вынести всю тяжесть благодарности и потому, что не считалъ возможнымъ уплатить ее какъ-нибудь иначе. Въ подобномъ положеніи нашему брату ничего другого не остается, какъ отдать свою жизнь. Я это и сдѣлалъ; не моя вина, что я остался живъ. Но разъ это такъ, я думаю, что я вправѣ располагать этимъ остаткомъ моей жизни по своему усмотрѣнію.

— О, я васъ вполне понимаю, замѣтилъ Розель.

— Тѣмъ лучше, продолжалъ Германъ,—потому-что это можетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтомъ, который я обязанъ дать и который я даль-бы на эти письма, если-бы долженъ былъ отвѣчать на нихъ, поэтому я-бы и желалъ, чтобы они были писаны не ко мнѣ.

Пока Германъ говорилъ, Розель все кивалъ головой; наконецъ онъ сказалъ:

— Извините меня, если я позволю себѣ еще остановиться на этомъ обстоятельстве, хоть я и вижу, какъ для васъ это тяжело. Я сочувствую вамъ, тяжело вамъ противъ вашего убѣжденія...

— Извините, перебилъ его Германъ,—я не говорилъ „противъ моего убѣжденія“; а если и сказалъ, то подразумѣвалъ; что я былъ искренно убѣжденъ, что никогда дѣло не можетъ побѣдить, если оно такъ плохо отстаивается. Подъ дѣломъ-же я подразумѣваю и тогда подразумѣвалъ автономію германскихъ племенъ

противъ притязаній Пруссіи, побѣду свободы, которую я люблю и за которую я отдамъ свою жизнь, надъ господствомъ грубой силы, которую я ненавижу и буду ненавидѣть до самой своей смерти, и полнѣйшее выраженіе которой въ политикѣ я вижу въ прусскомъ военномъ государствѣ.

— А вы и до сихъ поръ...—не обвиняйте посланнаго, которому надо выполнить свое порученіе съ черезъ чуръ педантичною точностью—вы и до сихъ поръ держитесь того-же мнѣнія?

— Не переступаете-ли вы этимъ вопросомъ границы строгаго выполненія возложеннаго на васъ порученія? спросилъ Германъ.

— Вы правы, отвѣчалъ Розель.—Мое порученіе не имѣетъ отношенія къ этому вопросу. Вы—это ясно—потеряны для моего довѣрителя. Но мнѣ-бы хотѣлось завладѣть вами для меня, лично для меня.

— Прошу извинить меня, но я васъ не понимаю.

— Въ такомъ случаѣ вы меня, т. е. мы другъ друга никогда не понимали, отвѣчалъ Розель;—но я не повѣрилъ-бы этому, если бы не услышалъ отъ васъ самихъ. Или, быть можетъ, это были одни слова, какъ говорить Гамлетъ, — тѣ слова, которыя вы выговорили въ тотъ вечеръ—вы, разумѣется, помните это, вы должны помнить—когда вы вышли изъ комнаты принцессы, а я изъ комнаты принца, и мы, встрѣтившись въ передней, вмѣстѣ спустились по лѣстницѣ, вмѣстѣ шли по парку, молча, каждый погруженный въ свои думы, и дошли такъ по аллеѣ, обсаженной обстриженными тополями, мимо искалеченныхъ статуй боговъ и безукоризненно правильныхъ лебединыхъ прудовъ до рѣчки, сжатой между густо поросшими кустарникомъ берегами и облитой послѣдними лучами солнечнаго заката. За рѣкой разстилались луга, надъ которыми скворцы носились цѣлыми тучами; а тамъ, вдали, сквозь легкій туманъ въ золотистыхъ лучахъ вечерней зари терялись поля, окаймленные на горизонтѣ голубоватой цѣпью едва видныхъ холмовъ. Мы были одни, никакого звука вдали, никого, кто-бы могъ насъ услышать, вблизи; мы чувствовали, что все, что оставалось сзади насъ, было не естественное, мы увидѣли передъ собой часть природы, и тогда, достойный другъ, наши сердца раскрылись и мы поняли, что мы—я впрочемъ не сомнѣвался въ этомъ съ самой первой минуты—поняли, что, хотя мы и принадлежимъ къ двумъ разнымъ народамъ и говоримъ на разныхъ языкахъ, но что мы родные, что мы граждане одного и того-же царства, царства разума и свѣта, граждане той республики свободы равенства и братства, которая не признаетъ ни французовъ, ни нѣмцевъ, а признаетъ только человѣка.

— Кто-же, т. е. я разумѣю, какой-же современный образованный человѣкъ не признаетъ себя въ концѣ концовъ приверженцемъ этой прекрасной религіи? замѣтилъ Германъ, очень хорошо помнившій также и то недобѣріе, которое уже тогда возбуждали въ немъ блестящія рѣчи иностранца.

— Однако съ тѣмъ различіемъ, продолжалъ французъ,—что у одного эта вѣра остается только вѣрой, тогда какъ у другого она переходитъ въ дѣло. Я бы очень не высоко цѣнилъ мое знаніе людей, если-бы было возможно, что я ошибся въ васъ, ошибся, предположивъ, что вы не принадлежите къ *ecclesia militans* единой спасительной вѣры.

— Мы согласились тогда, что эта религія можетъ только въ немногихъ, въ очень немногихъ возбуждать страсть дѣятельности.

— Никогда не надо формулировать, возразилъ Розель,—такой аксіомы, которая имѣетъ основаніемъ наше непониманіе настоящаго порядка вещей. Уже въ тотъ вечеръ я сознавалъ—и это сознание сдѣлалось во мнѣ очень скоро весьма сильнымъ—что я долженъ самъ служить живымъ примѣромъ и сразу отрѣшился отъ тѣхъ условій жизни, которыя были для меня дороги. Я уѣхалъ, не сказавъ ни кому „прости“; кому кромѣ васъ могъ я сказать, что меня гнало скитаться по бѣлу свѣту!—а что я васъ снова увижу, это говорило мнѣ мое сердце. Съ того времени я побывалъ вездѣ, — въ Швейцаріи, въ Италіи, въ Испаніи, въ Англіи, наконецъ опять на своей родинѣ. Предчувствіе мое не обмануло меня. Я могу доказать теперь цифрами, что по всему свѣту пустило корни громадное республиканское общество, считающее своихъ членовъ сотнями тысячъ,—общество, соединившееся около однихъ принциповъ, согласившееся въ средствахъ и путяхъ, которые должны привести его къ его цѣли.

— Это было видно по женевскому конгрессу, замѣтилъ Германъ.

— Разумѣется, было видно, подхватилъ Розель,—т. е. это было видно для того, кто умѣетъ смотрѣть, кто понимаетъ какъ отличить *ecclesia militans* среди той огромной массы, которая не понимаетъ, да никогда и не пойметъ, что *ultima ratio* королей противъ ихъ народовъ есть также и *ultima ratio* народовъ противъ ихъ королей. Увѣнчаніе зданія должно обойтись безъ королевскаго вѣнца.

— Вы пробовали это во Франціи въ 1848 году, замѣтилъ Германъ,—и прѣблагополучно пришли къ имперьялизму. Мы тоже пробовали въ томъ-же году разрѣшить этотъ вопросъ и теоретически, и практически. Отвѣтомъ на него былъ для насъ 1866 годъ. Онъ

стоилъ нѣкоторымъ государямъ короны; но вѣдь эти отнятыя короны послужили только для того, чтобы укрѣпить ее на головѣ другого.

— Кто-же говоритъ о всеобщемъ мирѣ! вскричалъ Розель; — только не я, а я убѣжденъ въ томъ, что мы достигнемъ нашей цѣли только путемъ войны, что самое вѣрное, даже единственное средство для того, чтобы и Франція, и Германія могли превратиться въ республику, — это война между Германіей и Франціей.

— Такъ думать—это преступленіе, вскричалъ Германъ.

— Въ глазахъ того, кто привязывается къ словамъ, возразилъ французъ,—но не въ вашихъ, потому что вы знаете, что Франція и Германія—я говорю о нынѣшней Франціи и нынѣшней Германіи—не могутъ пдти войной одна на другую, что оба народа хотятъ мира, но что когда настанетъ война—а что она наступитъ это такъ-же вѣрно, какъ то, что я республиканецъ—она будетъ начата государями, а не народами, и всею тяжестью своихъ послѣдствій падетъ на государей, а не на народы. Народы вѣчны, государи-же смертны; для народа война не болѣе какъ кровопусканіе, а для государей это вопросъ о томъ, быть или не быть. Государь, который выйдетъ изъ сраженія побѣжденнымъ, потеряетъ вмѣстѣ съ битвой и корону. Въ борьбѣ Франціи съ Пруссіей можетъ быть только одно изъ двухъ: или побѣдитъ Пруссія, или Франція. Въ первомъ случаѣ—повѣрьте человѣку, понимающему положеніе дѣлъ—послѣ перваго проиграннаго большого сраженія Франція будетъ республикой.

— А во второмъ? спросилъ Германъ.

— Позвольте мнѣ нѣсколько остановиться на первомъ случаѣ, отвѣтилъ французъ.—Значитъ у насъ будетъ республика, а вы... вы, про васъ давно уже ходитъ молва, что вы рядитесь въ прошлогоднія парижскія моды. Вы переживете то, что обреченъ пережить всякій народъ, въ особенности вы, нѣмцы, народъ нѣсколько тяжелый на подъемъ въ дѣлѣ политики. Я говорю: у васъ будетъ то, что мы сбросимъ съ себя: военная диктатура и имперьялизмъ, а такъ-какъ вы очень основательный философскій народъ, то и то и другое будетъ у васъ по всей вѣроятности въ самой рѣзкой формѣ. И такъ, какъ-же это возможно, чтобы такой основательный философскій народъ, проштудировавши обѣ формы правленія, изъ которыхъ вытекаютъ въ наше время, какъ вытекали въ древности, всѣ политическіе виды правленія, — проштудировавши республику и абсолютизмъ: абсолютизмъ — у себя, республику — у своего сосѣда; какъ-же возможно, говорю я, чтобы такой народъ

не пришелъ къ полному разумѣнію, въ одинъ прекрасный день не позаимствовалъ у насъ республиканской моды, какъ заимствовалъ имперьялистскую.

— Раньше, чѣмъ вы ее сбросите?

— Раньше, чѣмъ мы ее сбросимъ. Право первородства можно продать за блюдо чечевичы одинъ разъ, можетъ быть даже два раза, но разумѣется никакъ уже не три раза.

— Предположимъ, что такъ, сказалъ Германъ,—хоть я и не согласенъ съ этимъ; но предположимъ, что таковъ будетъ ходъ событій, если сбудется ваша первая гипотеза,—но вы все-таки еще состоите у меня въ долгу второй гипотезой. Такъ какъ-же, что будетъ съ Германіей, если побѣдитъ Франція?

— Въ этомъ случаѣ, намъ, конечно, будетъ гораздо хуже, хотя и ясно, что для насъ отдалятся только на время тотъ порядокъ вещей, который рано или поздно долженъ осуществиться у насъ по самому свойству нашей натуры. А для васъ тутъ profit tout clair. Побѣжденная Пруссія — уже болѣе не Пруссія. Германія можетъ снова оправиться и оправится она... но вы меня осмѣете и по праву: я хотѣлъ вамъ серьезно доказать, что будетъ, что должно быть съ Германіей, когда она придетъ въ себя.

— И потеряете нѣсколько провинцій? Или вы не потребуете никакой уплаты за такую высокую услугу?

— Никогда! воскликнулъ французъ, прижимая руку къ сердцу. — Или, если предположить, что въ великодушнѣйшей изъ всѣхъ націй найдутся эгоисты, которые захотятъ платы за услугу, оказанную братомъ брату, то и въ такомъ случаѣ это только покажетъ, что то, что, во времена варварства, слава Богу нами уже пережитыя, было несчастіемъ и зломъ, теперь, при солидарности всѣхъ націй, не будетъ ни тѣмъ, ни другимъ. Развѣ братья могутъ грабить другъ друга? Развѣ-же не остается награбленное въ семьѣ? Развѣ долго ждать того времени, когда Германія и Франція, и не однѣ онѣ, а всѣ народы будутъ одной семьей, великой семьей соединенныхъ штатовъ Европы?

Германъ смотрѣлъ прямо въ выразительные глаза его, какъ-то страшно блестяшіе изъ подъ его прямыхъ бровей. Лицо этого чловека, на которомъ оставили рѣзкіе слѣды когда-то бушевавшія въ немъ страсти, было чистѣйшимъ типомъ фізіономіи тѣхъ игроковъ, которыхъ Германъ встрѣчалъ кое-гдѣ на водахъ.

Онъ только-что передернулъ карту и передернулъ крайне неловко.

— По истинѣ это можно было-бы назвать: corriger la fortune, сказалъ Германъ.

— А почему-же и цѣтъ? вскричалъ французъ;—le malheur est

une bêtise, говаривалъ великій кардиналъ Ришелье. Для чего-же у человѣка во лбу глаза, какъ не для того, чтобы умѣть пользоваться капризами слѣпотаго, глухого случая и прихотями людей, которые, къ счастью, осуждены на вѣчную слѣпоту и тупоуміе.

— Дѣйствительно надо быть слѣпымъ, чтобы довѣряться такому.... ловкому руководителю, отвѣчалъ Германъ съ нѣкоторой насмѣшкой, которую онъ даже не далъ себѣ труда скрыть.

— А между тѣмъ письма, которыя я имѣлъ честь передать вамъ, показываютъ, что такіе слѣпцы существуютъ.

— Не знаю, о комъ жалѣть болѣе,—о слѣпомъ или о зрячемъ, замѣтилъ Германъ.

— Я становлюсь на сторону зрячаго, отвѣчалъ французъ, не теряя своей самоувѣренности.—Конечно, въ этомъ случаѣ не все видѣть значитъ ничего не видѣть.

— Что вы называете все видѣть?

Французъ взглянулъ черезъ окно на дворъ замка, съ котораго уже нѣсколько времени доносился шумъ экипажей, потомъ взглянулъ на часы.

— Я поѣду вмѣстѣ со всѣми, сказалъ онъ,—значитъ въ моемъ распоряженіи остается только нѣсколько минутъ. Но впрочемъ и въ нѣсколько минутъ можно, если хочешь, много сказать и много услышать. И такъ слушайте. Видѣть все, значитъ видѣть неизбежность войны. Дѣло заключалось только въ томъ, чтобы найти casus belli; теперь онъ найденъ. Теперь уже выдаютъ кости, можетъ быть онѣ даже уже и брошены. Черезъ недѣлю, много двѣ загорится война; въ этомъ уже нѣтъ вопроса, это уже un fait. Вопросъ теперь только въ томъ: будетъ-ли это война между Франціей и Германіей, которая любятъ другъ друга, илимежду Франціей и Пруссіей, которые другъ друга ненавидятъ. Рѣшать этотъ вопросъ не намъ, а вамъ, т. е. германскимъ республиканцамъ, на мудрость которыхъ мы, французскіе республиканцы, желающіе войны, за ранѣе разсчитывали и разсчитываемъ. Неужто мы ошибаемся въ разсчетѣ? Это невозможно. (Согласны-ли вы теперь подарить меня довѣріемъ, въ которомъ отказывали мнѣ до сихъ-поръ? Оттолкнувъ разъ мою руку, согласитесь-ли вы признать меня теперь опытнымъ руководителемъ?)

— Экипажи поданы, доложилъ лакей, входя поспѣшно въ комнату.

— Сейчасъ, отвѣчалъ Розель, и затѣмъ, обращаясь къ Герману, продолжалъ:

— Вы колеблетесь? Эхъ вы, основательные нѣмцы. Но, слава богу, я знаю васъ нѣмцевъ, не со вчерашняго дня, а съ вами,

дорогой другъ, я знакомъ уже много лѣтъ. Мы еще увидимся, поговоримъ, и я разсѣю послѣднее облако сомнѣнія, которое еще виднѣется на вашемъ лицѣ. Au revoir!

Розель схватилъ шляпу и выбѣжалъ вонъ, оставивъ Германа въ неопisanномъ волненіи.

Что онъ слышалъ? Что это значить? Что это такое? Фантазія горячечной головы или обдуманнй политическій планъ. Эти письма, которыя онъ показываетъ; этотъ самоувѣренный тонъ; таинственные намеки на какое-то событіе, очевидно то самое, о которомъ писали сегодня графу изъ Берлина; странная настойчивость, съ которою принцъ всякій разъ, когда рѣчь заходила о предстоящемъ посѣщеніи маркиза, утверждалъ, что онъ его старый знакомый и путешествуетъ по Германіи какъ частный человѣкъ, прибытіе незнакомца именно въ эту минуту въ сопровожденіи этого человѣка....

— Великій Боже, вскричалъ Германъ, возможно-ли это! Слѣпые короли и ослѣпленные принцы! Неужели онъ дѣйствительно такъ ослѣпленъ и мнѣ выпадеть на долю сдѣлать его окончательно слѣпымъ?

Германъ подошелъ къ окну.

На противоположной сторонѣ двора у подъѣзда стояли экипажи.

Общество уже вышло на крыльцо. Онъ увидѣлъ Гедвигу, какъ видѣлъ ее въ своихъ мечтахъ, рука объ руку съ какой-то молодой дамой.

Принцъ разговаривалъ очень живо съ какимъ-то изящно одѣтымъ молодымъ человѣкомъ, котораго Германъ не зналъ; по всей вѣроятности это былъ маркизъ де-Флорвилъ. Розель подошелъ къ нему и маркизъ, повидимому, представилъ его принцу, который привѣтливо протянулъ ему руку.

Германа передернуло.

Онъ оттолкнулъ руку, которую принцъ держалъ теперь въ своей рукѣ!

Маркизъ подошелъ къ Гедвигѣ и пошелъ рядомъ съ ней; у нихъ казалось, завязался веселый разговоръ; маркизъ смѣялся, Гедвига также смѣялась, смѣялась весело, беззаботно!

Германъ отошелъ отъ окна, онъ не въ состояніи былъ смотрѣть долѣе.

Онъ снова бросился на диванъ. Экипажи выѣхали изъ подъ мрачныхъ воротъ на широкую дорогу, облитую яркими лучами лѣтняго солнца, а у него въ ушахъ отдавались слова поэта объ одинокомъ, котораго близкіе оставляютъ страдать въ одиночествѣ, когда сами наслаждаются весельемъ и любовью.

ГЛАВА XIII.

— Вы слишкомъ добры, графиня, говорилъ маркизь де-Флорвиль, подсаживая Стефанію въ коляску, въ которой уже сидѣли принцъ и госпожа фонъ-Фишбахъ.

Остальное общество размѣстилось по двумъ другимъ экипажамъ; графъ и баронъ Нейгофъ просили позволенія ѣхать верхомъ и обѣщали присоединиться къ обществу попозже.

— Право, вы слишкомъ добры, повторялъ маркизь,—не я принесъ съ собою хорошую погоду, а хорошая погода принесла меня съ собою.

— Мы должны быть ей за это благодарны, отвѣчала Стефанія.

— По крайней мѣрѣ я ей благодаренъ и не за пустяки, сказалъ маркизь.—Богъ мой, первый солнечный лучъ послѣ цѣлой недѣли, какъ я уже путешествую по Германіи! Знаете ли вы, *mesdames*, что значить для француза, въ особенности для француза южнаго, цѣлую недѣлю не видѣть солнечнаго свѣта? Вы не можете знать этого, но вы получите объ этомъ нѣкоторое понятіе, если подумаете, что было-бы съ нѣмцемъ, если-бы онъ въ продолженіи цѣлой недѣли не читалъ никакой философской книги.

— Въ такомъ случаѣ я не нѣмка, я никогда не читала ни одной философской книги, сказала Стефанія.

— Дамы, дамы, воскликнулъ маркизь,—вѣдь я не говорю о дамахъ, онѣ повсюду составляютъ исключеніе изъ правила, онѣ—всемирный медиумъ, связующій разсѣянные по всему міру элементы, и остающійся повсюду вѣрнымъ себѣ, въ Лондонѣ, Парижѣ, Римѣ или...

— Ротенбюль, досказалъ принцъ.

— Какъ вы сказали, *monseigneur*?

— Въ Ротенбюль, моей резиденціи, въ которую мы теперь вѣзжаемъ, отвѣчалъ принцъ улыбаясь.

— А, а, заговорилъ маркизь, вставляя въ глазъ монокль и проклиная внутренно толчки, которыми угощала его отвратительная мостовая,—это Ротенбюль! Какъ здѣсь прекрасно, эти мрачныя средневѣковые ворота съ высокой четырехугольной башней, эти узкія улицы съ поросшей травой мостовою, эти маленькіе бѣлые домики съ зелеными ставнями, — это истинная поэзія, что-то истинно нѣмецкое.

Всѣ засмѣялись. Проѣзжая по улицамъ Ротенбюля, общество не

могло продолжать разговора: грохотъ экипажей по мостовой мѣшалъ этому. Принцъ былъ въ такомъ настроеніи, котораго и самъ не могъ ожидать послѣ страшной вчерашней ночи. Онъ встрѣтилъ день, разсѣявшій его видѣнія, какъ благодѣяніе, и охотно отдался иллюзіи, что если ему казалось все въ черномъ свѣтѣ, то это происходило отъ черезчуръ мрачнаго расположенія его духа. Поцѣлуй вчерашняго вечера, — первый поцѣлуй, который онъ получилъ съ ея губъ—можетъ быть, онъ былъ болѣе, чѣмъ милостыня, быть можетъ, онъ былъ залогомъ того счастья, въ которомъ онъ уже отчаявался, и которое будущность ему, быть можетъ, уже подготавливала. Если кроткое, нѣжное выраженіе, которое онъ замѣтилъ сегодня на лицѣ любимой женщины, укрѣпляло его надежды, то пускай маркизъ молчитъ о тѣхъ страшныхъ проектахъ, которые онъ привезъ съ собою, какъ молчалъ до сихъ поръ; пускай также и уѣзжаетъ, какъ пріѣхалъ.

Стефанія была въ такомъ настроеніи, какъ бываетъ ребенокъ когда онъ увидѣлъ, что онъ напрасно перепугался. Вчера вечеромъ она была страшно перепугана. Рассказывать эту исторію про записку при принцѣ, при Гедвигѣ, — это было крайне скверно со стороны Генриха, — это было вызывающей местию за маленькую сцену, которую она ему сдѣлала, — это было открытой угрозой, онъ какъ будто говорилъ ей: напрасно ты надѣнешься запугать меня, — я все, таки пойду своей дорогой. Наконецъ, когда онъ провожалъ ее въ ея компану, онъ въ жесткихъ выраженіяхъ приказалъ ей поручить тамап, привезти съ собою немедленно тайнаго совѣтника, «который знаетъ тебя, дитя мое, и не потеряетъ присутствія духа вслѣдствіе твоего неумѣнія владѣть собою, что, я боюсь, можетъ случиться въ рѣшительный моментъ съ господиномъ докторомъ».

Все это было слишкомъ ясно, и когда онъ ушелъ, она все такъ и исполнила, какъ онъ приказывалъ: она написала тамап, заклиная ее всѣми святыми, чтобы она не относилась легко къ приказанію Генриха и не пріѣзжала безъ тайнаго совѣтника, и чтобы—самое лучшее—пріѣзжала немедленно, а не откладывала поѣздки, какъ было прежде договорено, до дня рожденія принца, т. е. до 16 числа; до тѣхъ поръ пройдетъ цѣлыхъ десять дней, а если ея милая мамочка еще такъ долго не пріѣдетъ, то ея Стефанія погибнетъ жертвой страха и волненій.

А теперь Стефанія невольно улыбалась, вспоминая эти патетическія строки, потому что едва только она успѣла ихъ утромъ отправить, какъ получила письмо отъ своей матери, въ которомъ та извѣщала ее, что пріѣдетъ послѣ завтра.

Значитъ, теперь дѣло было только за тайнымъ совѣтникомъ, о

которомъ мать ничего не писала. Но это уже уладится, а теперь ей было такъ весело и она съ удовольствіемъ переводила глаза съ заманчивыхъ картинъ сельской природы на своего блестящаго *vis-à-vis*, молодого маркиза съ смуглымъ лицомъ и карими глазами, такъ элегантно одѣтаго, какъ ей рѣдко случалось встрѣчать даже въ самомъ Берлинѣ.

Наконецъ, они выѣхали изъ этого ужаснаго Ротебуля снова на шоссе и прерванный разговоръ могъ возобновиться.

— Теперь только я чувствую себя въ Германіи, заговорилъ маркизъ, играя своимъ моноклемъ.— Эта узкая долина, эта темная рѣка, которая тутъ журчитъ около насъ въ своемъ каменномъ ложѣ, эти отвѣсныя скалы, а главное эти безконечныя ели: я не могу себѣ представить Германіи безъ елей; изъ насъ никто не можетъ представить этого; наши поэты никогда иначе намъ не изображали ее, когда они переносили мѣсто дѣйствія въ Германію, что впрочемъ случалось очень рѣдко, даже слишкомъ рѣдко. Кто-бы это ни-былъ— Жоржъ Зандъ или Дюма сынъ— постоянно они рисуютъ намъ го, ризонтъ, окоймленный еловымъ лѣсомъ, который, вотъ какъ здѣсь—возвышается на вершинахъ тѣхъ скалъ, или обрамляетъ вдали широкую стену, на которую заходящее солнце бросаетъ свои послѣдніе меланхолическіе лучи. Да, или здѣсь—Германія, или нигдѣ.

— А наши люди, они также соотвѣтствуютъ вашимъ представленіямъ о нихъ, какъ и наши виды? спросилъ принцъ.

— Люди? удивился маркизъ, оглядываясь по сторонамъ.— Простите, *monseigneur*, но гдѣ же люди? Во всю дорогу, не исключая и хорошенкаго, мыленькаго, соннаго городка,—я забылъ какъ онъ называется,—я не видалъ людей; это также характеристично. Мы никогда не представляемъ себѣ нѣмецкаго вида, гдѣ-бы было много людей, какъ во французскомъ или итальянскомъ; самое большое, что мы представляемъ себѣ на нѣмецкомъ пейзажѣ—это бѣлокураго пастушка, пасущаго на лугу свое стадо, и нангрывающаго на флейтѣ грустную мелодію, или охотника съ косматою бородой и всклокоченными волосами, бредущаго по лѣсу съ подозрительно длинной винтовкой въ загорѣлыхъ рукахъ, слегка напоминающаго Каипа послѣ убійства брата.

— Восхитительная картина, замѣтила Стефанія;—но и въ ней мы, женщины, кажется, не фигурируемъ.

— Ахъ, графиня, отвѣчалъ маркизъ,—женщины, нѣмецкія женщины,—это нѣчто совершенно иное! Для насъ онѣ ангелы Карло Дольче съ кроткими глазами и золотистыми кудрями, высоко парящими по небу на облакахъ Гвидо Рени надъ презрѣнной землей.

— Что онъ сказалъ? спросила госпожа фонъ-Фишбахъ, увидѣвъ что Стефанія и принцъ засмѣялись.

Стефанія перевела слова маркиза.

Госпожѣ фонъ-Фишбахъ, сановитой матронѣ съ сѣдѣющими уже волосами, шутка эта пришлась не совсѣмъ по вкусу и она нехотя засмѣялась.

Маркизь не удивился этому; переводъ Стефаніи былъ сдѣланъ не особенно правильно.

— Тысячу разъ благодаренъ вамъ, графиня, сказалъ онъ,—что вы были такъ снисходительны ко мнѣ и передали мои ничтожныя слова; вы, нѣмецкія женщины, вы такія ученицы! Конечно, это для васъ необходимо, чтобы на всегда привязать къ себѣ вашихъ мужей!

— Какъ, маркизь, вскричала Стефанія,—значить, въ насъ нѣтъ никакихъ другихъ достоинствъ?

— Простите, графиня,—тысячи, не одно; но все-таки вы не вправѣ недосчитываться хотя-бы и одного изъ нихъ: вамъ они всѣ необходимы.

— Значить, наши мужья—чудовища неблагодарности и ненасытности.

— Какъ и всегда юность, графиня; въ Германіи женятся всегда слишкомъ рано, т. е. мужчины..... женщины, это другое дѣло.

— Что это значить, я васъ не понимаю, сказала Стефанія.

— Неужели мои слова нуждаются въ объясненіи, графиня? отвѣчалъ маркизь.—Женщинѣ не надо учиться любви, она, такъ сказать, является на свѣтъ любящей; она любитъ всю свою жизнь и умирая она все еще любитъ, она—сама любовь. Поэтому она можетъ вступать въ бракъ, какъ только захочетъ рано; она при всякихъ обстоятельствахъ будетъ на высотѣ своего положенія. Мы же, мужчины, напротивъ... Ахъ, графиня, мы рождены эгоистами; эгоизмъ—это наша сила, наша гордость, наше ученіе: малодушная сила,—я долженъ согласиться съ этимъ,—позорная гордость, ничтожное ученіе; но прежде чѣмъ мы придемъ къ этому сознанию — а кто можетъ любить прежде, чѣмъ придетъ къ этому сознанию, да и что такое любовь, какъ не это сознание — пока онъ придетъ къ нему, придетъ половина жизни; а если вступаютъ въ бракъ въ ранней молодости, половина супружеской жизни проходитъ въ надрывающей сердце домашней борьбѣ, въ тысячахъ кризисовъ,—такихъ кризисовъ, которые всякій разъ ставятъ вопросъ о быть или не быть. А каковы же послѣдствія? Въ Германіи до женитьбы любятъ самымъ нѣжнымъ образомъ, а года черезъ два послѣ свадьбы уже расходятся; во Франціи же до свадьбы любви не знаютъ, потому-что и другъ друга-то не знаютъ, и узнаютъ другъ

друга только послѣ свадьбы, и научаются любить только послѣ свадьбы. „Monsieur и madame только пять лѣтъ какъ женаты, а уже такъ любятъ другъ друга“,—какъ часто приходилось мнѣ слышать такія слова во Франціи! А скажите-ка, графиня, часто-ли вамъ приходится слышать ихъ въ Германіи? Мы, французы, настолько благоразумны, что не женимся прежде, чѣмъ не наберемъ ума. Быть же благоразумнымъ и быть молодымъ—это для мужчины, какъ мнѣ, кажется, уже удалось доказать, невозможно. Поэтому мы женимся....

— Уже стариками, досказала Стефанія.

— Кто любитъ, графиня, тотъ не старъ, отвѣчалъ маркизь.

Стефанія покраснѣла; она сгоряча и не сообразила, что въ присутствіи принца совершенно не слѣдовало-бы задѣвать этой темы, или уже слѣдовало безусловно согласиться съ маркизомъ.

Къ счастью для нея, они проѣзжали въ это время черезъ деревню, бросавшуюся въ глаза своей чистотой, солидностью своихъ построекъ и довольствомъ, въ которомъ очевидно жили ея обитатели. Она, также, какъ и всѣ другія деревни въ окрестностяхъ замка, принадлежала къ владѣніямъ принца.

— Ну, сказалъ принцъ, когда они выѣхали изъ деревни,—теперь вы видѣли и людей, которыхъ вы прежде не находили въ нашихъ пейзажахъ; конечно это уже не были ни бѣлокурныя пастушки ни полудніе потомки Немврода, а простые нѣмецкіе поселяне. Какое же они произвели впечатлѣніе на вашъ взглядъ, конечно нѣсколько избалованный счастливыми обитателями богатой прекрасной Франціи?

— Ахъ, monseigneur, отвѣчалъ французъ,—но развѣ богатство прекрасной Франціи достается тѣмъ, кто воздѣлываетъ ея почву! Я знаю Францію, я знаю французскаго поселянина; я никогда не видалъ на лицахъ ихъ того, что вижу здѣсь на всѣхъ лицахъ, на лицахъ дѣтей, мужчинъ, и — это самое главное — даже на лицахъ женщинъ.

— Чего же? спросилъ принцъ.

— Довольства, отвѣчалъ французъ, склоняя голову передъ принцемъ,—довольства своей судьбой, равносильнаго у поселянъ довольству своимъ господиномъ. Французскій поселянинъ недоволенъ своимъ господиномъ, да онъ и не можетъ быть имъ доволенъ. Онъ не знаетъ своего господина, который живетъ въ Парижѣ, чтобы растрчивать тамъ силы своей почвы и свои собственныя средства позорной праздности и недостойныхъ удовольствій. Замокъ его предковъ стоитъ пустымъ, а вмѣсто его въ какомъ нибудь надворномъ флигелѣ засѣлъ арендаторъ, котораго поселянинъ ненавидитъ и

ненавидить вполне правильно. У этих людей нет других интересов, нет других мыслей, кроме желанія разбогатѣть какъ можно скорѣе. Это удастся имъ рѣдко, потому-что и самито они всегда крайне плохо поставлены, но, такъ или иначе, удастся имъ или не удастся, во всякомъ случаѣ, поселянинъ становится жертвой двойной алчности,—алчности господина и алчности арендатора. Нетъ никого несчастнѣе французскаго поселянина, пока онъ прикованъ къ той скорлупѣ, въ которой онъ родился; нетъ ничего страшнѣе французскаго поселянина, когда онъ отрывается отъ этой скорлупы и кидается въ одинъ изъ двухъ лагерей, которые оба для него одинаково открыты,—я разумѣю пролетариатъ большихъ городовъ или армію. И тамъ, и здѣсь онъ хочетъ, онъ требуетъ войны; тамъ онъ требуетъ ея противъ всѣхъ, кто что нибудь имѣетъ, здѣсь противу всего что не есть Франція.

— Совершенно справедливо, даже черезъ-чуръ справедливо! сказалъ принцъ. — Но только не воображайте, чтобы и мы-то жили здѣсь въ раю. Я не считаю себя дурнымъ государемъ и думаю, что исполняю возложенныя на меня судьбою обязанности честно. Но я даже не въ состояніи достигнуть того, чтобы, какъ говорилъ вашъ Генрихъ IV, по воскресеньямъ имѣлъ свою курицу въ горшкѣ каждый поселянинъ даже въ этихъ богатыхъ деревняхъ долины, не говоря уже о поселянахъ моихъ бѣдныхъ лѣсныхъ деревень, промышляющихъ гвоздильнымъ ремесломъ.

— Язва централизаціи, *monseigneur*, отвѣчалъ маркизъ,—у васъ конечно достигла далеко не такой силы, какъ у насъ, но также уже достаточно чувствительна эта язва централизаціи, жертвующая плотью и кровью цѣлой націи кое-какимъ интересамъ, которые въ сущности никогда не совпадаютъ съ интересами всей націи.

— А какъ намъ освободиться отъ этой язвы? спросилъ принцъ.

Въ отвѣтъ на это маркизъ пожалъ плечами и взглянулъ на дамъ, какъ-бы желая этимъ выразить, что молъ, объ этомъ и еще кое-о чемъ другомъ мы поговоримъ тогда, когда останемся съ глазу на глазъ.

Принцъ отлично понялъ этотъ знакъ, но не чувствовалъ себя въ состояніи тотчасъ-же найти какую нибудь другую тему для разговора. Послѣднія слова маркиза были для него какъ-бы ударомъ молота въ запертую дверь, передъ которой онъ стоялъ и за которой было рѣшеніе вопроса, подготовлявшееся—письма маркиза говорили это—во Франціи, а вмѣстѣ съ Франціей и въ Германіи;—рѣшеніе, содѣйствовать которому онъ самъ долженъ былъ, содѣйствовать которому онъ вчера вечеромъ твердо рѣшился.

Вчера вечеромъ! Принцъ мрачно поглядѣлъ вокругъ себя.

Справа отъ него на пестрые луга, на которыхъ еще играли послѣдніе лучи солнца, заходила голубая тѣнь надвигавшагося облака. То, что было теперь у него на душѣ, было-ли это также тѣню облака, или это было нѣчто большее?

Съ своей стороны маркизъ все еще молчалъ; для принца молчаніе это было слишкомъ краснорѣчиво.

Но маркизъ просто не зналъ въ эту минуту, что ему говорить и далъ этимъ Стефаніи случай замѣтить, что молодой французъ въ итогъ далеко не такъ интересенъ, какъ она сочла его за обѣдомъ, когда онъ такъ оживленно разговаривалъ съ Гедвигой. Ей также очень не нравилось и то, что онъ, очевидно минуя ее, нѣсколько разъ наводилъ лорнетъ на другую коляску, гдѣ сидѣла Гедвига; поэтому она молчала. Что-же касается до почтенной Фишбахъ, то и она воздавала благодареніе Богу за то, что не обязана болѣе улыбаться, можетъ быть не естати, почти непонятному для нея разговору, и что скоро она избавится отъ своего тягостнаго положенія.

Экипажи выѣхали изъ узкой долины; скалы съ обѣихъ сторонъ разступались все шире и шире, уступая мѣсто плодородной равнинѣ, по которой змѣйкой извивалась Рода. Дорога шла мимо деревень, привѣтливо выглядывавшихъ, своими бѣлыми домиками и стройными колокольнями своихъ скромныхъ церквей сквозь зелень деревьевъ, на проѣзжихъ.

Свернувъ направо отъ большой дороги, экипажи черезъ нѣсколько минутъ достигли Эрихсталя, цѣли прогулки. Главноуправляющій почтительно встрѣтилъ общество.

Принцъ отдалъ приказаніе не останавливать работъ. Ему хотѣлось показать гостямъ свое хозяйство въ полномъ ходу.

— Я не хотѣлъ разыгрывать передъ вами воскресный фарсъ, который такъ легко устроить, говорилъ онъ;—вы увидите будничную жизнь, но я надѣюсь, что вы отнесетесь благосклонно къ неукрашенной истинѣ.

Общество надѣялось, что графъ и баронъ Нейгофъ на своихъ быстрыхъ лошадяхъ поспѣютъ въ Эрихсталъ въ одно время съ экипажами, но они не показывались. Ихъ прождали напрасно четверть часа, наконецъ принцъ, раздосадованный повидимому ихъ неисправностью, предложилъ начать осмотръ фермы.

Онъ пригласилъ общество слѣдовать за нимъ, и предложилъ маркизу идти съ нимъ рядомъ.

Маркизъ предчувствовалъ уже заранѣе, какъ невыносимо скучна будетъ эта прогулка по хозяйственнымъ угольямъ рядомъ съ прин-

цемъ. Онъ пустилъ въ ходъ всю свою ловкость, чтобы подсунуть принцу вмѣсто себя Фишбаха.

Фишбахъ былъ сельскій хозяинъ старой школы. Онъ, какъ и всѣ сосѣди, слышалъ много объ образцовой фермѣ принца, самъ много о ней говорилъ, хотя самъ тамъ никогда не былъ. Онъ постоянно утверждалъ, что это чистѣйшее шарлатанство и не можетъ не быть шарлатанствомъ. И вотъ онъ увидѣлъ передъ собой хозяйство, совершенство котораго не могло ускользнуть отъ его опытныхъ глазъ, видѣлъ вещи знакомыя, которыхъ онъ почти не узнавалъ въ этой формѣ, видѣлъ вещи новыя, съ которыми ему было очень любопытно познакомиться.

Восхищеніе его возрастало съ минуты на минуту, онъ выражалъ его такъ наивно, что принцъ, принимавшій очень близко къ сердцу свое образцовое хозяйство и распространеніе своихъ принциповъ, разговаривалъ почти исключительно съ нимъ, предоставляя, противъ обыкновенія, остальное общество самому себѣ.

— Посидимъ здѣсь немножко, предложила Стефанія своей подругѣ Нейгофъ, на руку которой опиралась.

Дамы зашли на задній дворикъ, отведенный подъ молочное хозяйство.

— Куда это запропастились наши муженьки, продолжала Стефанія, — имъ-бы ужъ давно слѣдовало быть здѣсь.

— А ты уже стосковалась по своему, замѣтила баронесса смѣясь. — Я ничего не имѣю противъ того, чтобы Куртъ обошелся часокъ безъ меня, — эти мужья такъ требовательны.

— Вы повѣнчались такими молодыми, сказала Стефанія.

— Не моложе васъ.

— Да, но за то вы живете въ деревнѣ; тамъ вполне принадлежишь другъ другу, иногда даже болѣе, чѣмъ-бы это было желательно. Въ городѣ совсѣмъ другое дѣло: тамъ служба, прогулки, холостыя обѣды, ужины, развлечения всякаго рода; иногда я по цѣлымъ днямъ не вижу Генриха.

— Ну, развлеченій, кажется, у твоего мужа не мало и здѣсь, замѣтила баронесса.

— Да и тебѣ, кажется, не на что пожаловаться, отвѣчала Стефанія. — Онъ сегодня серьезно пріударилъ за тобой — разговаривалъ почти исключительно съ тобой.

— Въ самомъ дѣлѣ? замѣтила баронесса, — но увѣрю тебя, моя милая, что ни сердце, ни глаза его не участвовали въ этомъ разговорѣ.

— Глаза его, конечно, были заняты мною, сказала Стефанія съ нѣсколько принужденнымъ смѣхомъ.

— Вѣроятно, отвѣчала Нейгофъ и нагнувшись принялась что-то чертить зонтикомъ по мелкому песку двора.

— Это ужасно! провзнесла Стефанія, едва сдерживая слезы.

— Бѣдная Стефанія! пожалѣла ее Нейгофъ.

Стефанія залилась слезами.

— И въ такое время, продолжала она рыдая,—когда я каждую минуту...

— Ну, я думаю, это случится не ранѣе конца будущаго мѣсяца; во всякомъ случаѣ ты не должна принимать этого такъ близко къ сердцу. Отъ этого не умираютъ; и также... т. е. я хочу сказать, что въ такихъ случаяхъ нужно предоставлять полную свободу мужу. Своими слезами мы можемъ только повредить себѣ, а такія женщины, какъ ты и я...

— Онъ не обращаетъ на меня ни малѣйшаго вниманія, онъ совершенно поглощенъ ею, рыдала Стефанія.

— Если ты сама это признаешь, то я не стану противорѣчить тебѣ. Эти мужчины такой странный народъ.

— И какъ это подло съ ея стороны, она намъ такъ многимъ обязана.

— Ну развѣ такія личности понимаютъ, что такое благодарность. Онѣ съ малолѣтства привыкаютъ брать все, что имъ даютъ, и считаютъ какъ-бы своею обязанностью дѣлаться любовницами мужей своихъ барынь. Кончаютъ онѣ обыкновенно тѣмъ, что выходятъ замужъ за какого-нибудь камердинера.

Стефанія засмѣялась, но потомъ покачала головой и сказала:

— Гедвига...

— Жена принца съ лѣвой стороны, перебила ее Нейгофъ,—я знаю; но между нами, что-же это такое какъ не любовница и къ тому еще любовница старика, что еще гнуснѣе. Знаемъ мы этихъ женъ съ лѣвой стороны.

— Мама и я, мы боимся, чтобы онъ не вздумалъ жениться на ней формальнымъ образомъ.

— Милая моя, такихъ вещей можно бояться, но онѣ никогда не случаются; а всего менѣе можно ожидать этого отъ принца. Не смотря на либерализмъ, которымъ онъ щеголяетъ, онѣ въ душѣ, можетъ быть, болѣе аристократъ, чѣмъ даже твой мужъ; всякій разъ, какъ онъ разсердится на васъ за что-нибудь, у него будетъ являться желаніе побѣсить васъ этой свадьбой, но на этомъ желаніи онъ и умретъ; она, конечно, пообдѣлаетъ свои дѣла...

— И выйдетъ замужъ за камердинера, подхватила Стефанія смѣясь.

— Нѣтъ, отвѣчала Нейгофъ,—за доктора.

— За Горста? вскричала Стефанія съ испугомъ.

— Кажется, такъ его фамилія.

— Какъ тебѣ пришла такая мысль въ голову? спросила Стефанія съ недовѣрчивою улыбкой.

— Миѣ-то что до этого за дѣло, отвѣчала баронесса. — Но вокругъ говорятъ, и должно тебѣ признаться, и о твоёмъ мужѣ и о ней много говорятъ также, въ особенности одинъ какой-то конюхъ усердствуетъ въ распространеніи этихъ сплетенъ. Зовутъ его, кажется, Дитрихъ; братъ его служить у моего мужа и передалъ мужу, а онъ сообщалъ миѣ. Надняхъ этотъ человѣкъ разсказалъ своему брату, что о графѣ это все неправда и выдуманно имъ, чтобы позлить свою невѣсту, если не ошибаюсь, камеръ-юнгфёру Гедвиги. А что настоящій ея любовникъ докторъ и что въ случаѣ нужды онъ это можетъ доказать. Не знаю, на сколько тебя интересуютъ подобныя сплетни, но я сочла долгомъ сообщить тебѣ объ этомъ: такія вещи могутъ иногда пригодиться. Пора намъ однако вернуться въ общество.

Баронесса встала.

— Это было-бы слишкомъ глупо! провознесла Стефанія, слѣдуя ея примѣру.

— Отчего? спросила баронесса.

Стефанія не отвѣчала.

Между тѣмъ маркизъ, помощью ловкихъ маневровъ, устроилъ дѣло такъ, что отсталъ съ Гедвигою отъ прочихъ; всѣ остальные ревностно шагали за принцемъ, они-же остались наединѣ. Къ одной сторонѣ двора примыкалъ огородъ; маркизъ отворилъ калитку и сказалъ:

— Ради Бога, сударыня, зайдемте сюда на минуту и отрезвимся. Эти альгаускія коровы, эти овцы-мериносы, эти іоркширскія свиньи—*c'est plus fort que moi*.

— Они придутъ сюда, какъ только осматрять машинное отдѣленіе, сказала Гедвига.

— Такъ подождемте ихъ здѣсь.

— Ну, вы, кажется, не особенно интересуетесь нѣмецкимъ сельскимъ хозяйствомъ, ради котораго предприняли такое далекое путешествіе.

— Нѣмецкое сельское хозяйство? Неужели, вы повѣрили этой баснѣ?

— Что-же иначе привело васъ сюда?

Маркизъ хотѣлъ отвѣчать взглядомъ, но темные его глаза напрасно искали встрѣчи съ глазами Гедвиги: ея глаза разсѣянно блуждали по саду.

— Что можетъ вести несчастнаго, сказалъ онъ наконецъ,—какъ

не сознание его несчастья? И куда оно можетъ привести его, какъ не на новое несчастье?

Гедвига взглянула на своего спутника.

— Совершенно вѣрно, отвѣчала она,—но, конечно, вы не относите этого замѣчанія къ самому себѣ?

— Потому-что я ношу маску человѣка, рѣшившагося смотрѣть только на веселую сторону жизни? Но кто-же изъ насъ ходитъ безъ маски? Ужъ конечно не вы.

— Такъ значитъ вы видѣли мое настоящее лицо, спросила Гедвига, которую противъ воли начиналъ интересовать разговоръ, вертѣвшійся до тѣхъ поръ на самыхъ обыденныхъ предметахъ.

— Видѣлъ, отвѣчалъ французъ;— правда, четыре года тому назадъ, но такого лица не забудешь въ четыре года, не забудешь во всю жизнь. Это было лицо шестнадцатилѣтней дѣвочки, большіе глаза которой въ первый разъ созерцали блескъ волшебнаго міра и отражали его,—міра уже погибшаго,—міра, который, быть можетъ, никогда не существовалъ, а если существовалъ, не былъ такъ обаятеленъ, какъ поэзія сердца молодой дѣвушки, какъ сладкія иллюзіи, какъ высокія стремленія чистой, дѣвственной души. Да, сударыня, такой я васъ видѣлъ передъ созданіями Рафаэля, Микель Анджело, предъ великими развалинами Колизея, среди романтическаго уединенія Кампаніи. Это было ваше настоящее лицо, лицо Коринны,—вы мнѣ его постоянно напоминали,—только вы были гораздо моложе, гораздо милѣе, гораздо невиннѣе этого созданія моей гениальной соотечественницы. А теперь...

— Теперь?

— Теперь, увидавъ васъ черезъ четыре года, я невольно вспоминаю заглавіе другой книги, книги Бальзака.

— Подъ заглавіемъ?

— *Illusions perdues*.

— Въ такомъ случаѣ маска моя очень плоха, или вѣрнѣе я хожу совсѣмъ безъ маски, если потерянные иллюзіи отражаются на моемъ лицѣ и каждый можетъ прочесть выраженіе этого лица.

— Извините, сударыня, отвѣчалъ маркизъ,—я не сказалъ: важный. Всякій другой можетъ удовольствоваться маской гордости, исполнѣ себѣ удовлетворяющей, чуждой печали о прошломъ, надеждъ на будущее. Но для того, кто имѣлъ счастье васъ видѣть, какъ я васъ видѣлъ, для того...

Маркизъ подвинулъ руки и снова граціозно, съ нѣкоторой грустью опустилъ ихъ.

Гедвига взволновалась тѣмъ болѣе, что маркизъ говорилъ чистую правду, а отъ него она менѣе, чѣмъ отъ кого либо, ожидала

услышать эту правду. Глаза ея съ какимъ-то грустно-ласковымъ выраженіемъ покоились на лицѣ молодого человѣка, который казался ей въ эту минуту старымъ дорогимъ другомъ.

Маркизь, истолковавшій взглядъ этихъ прекрасныхъ глазъ совершенно иначе, заговорилъ тихимъ страстнымъ голосомъ:

— Долженъ-ли я говорить то, что вы уже знаете, что это счастье было моимъ несчастіемъ, тѣмъ несчастіемъ, которое исходило изъ вашихъ небесныхъ глазъ, и которое сдѣлалось съ тѣхъ поръ моимъ путеводителемъ въ этой безсодержательной жизни,—путеводителемъ, за которымъ я не въ силахъ былъ не слѣдовать и который привелъ меня туда, откуда исходилъ самъ,—къ убійственному свѣту вашихъ небесныхъ глазъ.

— Ахъ, такъ, сказала Гедвига,—а я было право и забыла объ этомъ въ эту минуту.

Маркизь не зналъ, какъ истолковать эти слова, онъ совершенно не понималъ, что они значили. Но насмѣшливая улыбка, игравшая на губахъ Гедвиги, не предвѣщала ничего добраго.

— Сударыня, заговорилъ онъ,—вы видите меня въ такомъ смущеніи, которое лучше, чѣмъ что-либо, говорить въ пользу глубины моего чувства.

— Къ чему эти извиненія, маркизь, отвѣчала Гедвига,—они совершенно излишни; напротивъ, я не чувствую къ вамъ ничего кромѣ благодарности, самой чистосердечной благодарности.

Маркизь еще менѣе могъ понять, какъ ему принять эти загадочныя слова. Къ счастью для него, въ эту минуту подошелъ принцъ со всѣмъ обществомъ. Онъ съ живостью обратился къ принцу. Онъ не могъ устоять противъ искушенія осмотрѣть садъ, и садомъ была такъ добра, что была его путеводителемъ.

— Вы не могли себѣ найти лучшаго путеводителя, замѣтилъ принцъ,—моя жена знаетъ названія всѣхъ растений и всѣ ихъ свойства.

Принцъ, казалось, былъ въ отличномъ расположеніи духа. И въ самомъ дѣлѣ, онъ съ такимъ жаромъ исполнялъ обязанности путеводителя, что это разсѣяло на нѣсколько времени тяжелыя думы, омрачавшія его душу. Чистосердечное восхищеніе стараго Финшбаха въ высшей степени было для него приятно и лестно. Фонъ-Финшбахъ считался во всей странѣ высшимъ авторитетомъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, и постоянно клалъ этотъ авторитетъ на вѣсы противъ нововведеній принца. Разъ удалось склонить его въ пользу этихъ нововведеній, можно было рассчитывать, что всѣ послѣдуютъ его примѣру; принцъ видѣлъ уже въ близкомъ будущемъ осуществленіе тѣхъ надеждъ, въ которыхъ уже почти отчаялся: это доставляло ему такое удовольствіе, котораго онъ давно

уже не испытывалъ. Небольшая побѣда, только-что имъ одержанная, почти помирила этого недовольнаго человѣка съ жизнью, которая не была совершенно бесполезна; онъ чувствовалъ, что не промѣняетъ эту жизнь ни на какую другую, если на губахъ Гедвиги всегда будетъ играть та улыбка, съ которой она встрѣтила его, когда онъ вошелъ въ садъ, если та ласковость, съ которой она положила свою руку въ его руку, была искренна. И Гедвига дѣйствительно была искренна въ эту минуту, ея улыбка какъ-бы говорила: ты въ сущности гораздо лучше всѣхъ ихъ, я могу твердо на тебя положиться, тверже, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ.

— Но я не вижу ни графиня, ни баронессы, сказалъ принцъ, обращаясь къ фонъ-Цейзелю.

— Нѣсколько минутъ тому назадъ я видѣлъ, какъ онѣ шли по направленію къ дому управляющаго, отвѣчалъ кавалеръ.

— Мы также пойдемъ туда, сказалъ принцъ.—Дамамъ надо овѣжиться. Мы не придемъ слишкомъ рано, любезный Цейзель?

— О, ни въ какомъ случаѣ, ваша свѣтлость.

На обсаженной деревьями площадкѣ передъ домомъ управляющаго, фонъ-Цейзель заблаговременно приготовилъ палатку, гдѣ на роскошно-убранныхъ столахъ были приготовлены разныя прохладительныя.

Дамы усѣлись на садовыхъ стульяхъ; кавалеры стали около слуги усердно разливали шампанское по бокаламъ.

Въ густой листьѣ высокихъ деревьевъ, на которыхъ играли золотистые солнечные лучи, чиркали воробьи; ласточки рѣяли въ яркомъ вечернемъ вѣздѣ; съ крыши дома спускались, высоко поднявъ свои крылья, голуби, сядили на землю, клюнувъ пару крошекъ и поворковавъ немножко, они снова взлетали на свое старое мѣсто; со скотнаго двора доносилось мычаніе коровъ; по двору проѣзжала телѣга со свѣжей, только-что скошенной, травой,—это была мирная сельская картина, очарованіе которой сообщалось впечатлительной натурѣ принца. Онъ былъ сама предупредительность къ дамамъ, сама любезность относительно кавалеровъ.

— Какъ жаль, что графъ и баронъ до сихъ поръ еще не пріѣхали, но ихъ не слѣдуетъ подвергать никакому наказанію: они уже и безъ того достаточно наказаны самымъ своимъ отсутствіемъ.

Онъ поднялъ стаканъ и обращаясь ко-всему обществу, хотя взоръ его невольно остановился на Гедвигѣ, голосомъ, дрожавшимъ отъ какого-то радостнаго умиленія, сказалъ, что вѣроятно общество не будетъ противорѣчить, если онъ предложитъ тостъ за здоровье своихъ гостей, и не сочтетъ эгоизмомъ его желаніе провести хотя еще нѣсколько такихъ дней, какъ сегодняшній.

Дамы поклонились, кавалеры зачокались стаканами; маркизъ, которому Розель наскоро перевелъ слова принца, сдѣлалъ шагъ впередъ и сказалъ, граціозно поклонившись, что такъ-какъ онъ не имѣетъ никакого права говорить отъ имени общества, то говорить только отъ своего имени и отъ имени своего друга; впрочемъ онъ увѣренъ, что онъ выразитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и чувства всего общества, если осушитъ свой стаканъ за то, чтобы государи всего міра были похожи на того, у котораго они въ гостяхъ, и чтобы вездѣ царствовалъ такой миръ, какъ здѣсь, въ этой сельской картинѣ, которую не омрачаетъ ни одно облачко.

Стаканы снова зазвенѣли, но на этотъ разъ звонъ стакановъ былъ заглушенъ топотомъ лошадей, такъ внезапно и такъ близко раздавшимся, что нѣкоторыя изъ дамъ не могли удержаться отъ того, чтобы не вскрикнуть. Топотъ лошадиныхъ копытъ до этой минуты не былъ слышенъ изъ за строеній, такъ-что графъ и баронъ Нейгофъ явились передъ обществомъ совершенно неожиданно. Они соскочили съ лошадей, бросили поводья конюхамъ и раскланялись съ обществомъ.

— Я прошу извиненія, началъ графъ,—но когда мы собирались уже сѣсть на лошадей, принесли газеты, которыхъ я съ нетерпѣніемъ ожидалъ съ самаго утра. Въ нихъ было одно извѣстіе, которое крайне взволновало и меня, и барона, и заставило меня немедленно-же написать нѣсколько писемъ въ Берлинъ.

— Что случилось? спросилъ принцъ, лицо котораго, за минуту еще улыбавшееся, вдругъ сдѣлалось совершенно мрачнымъ, хотя онъ видимо и употреблялъ всѣ усилія, чтобы скрыть свое волненіе.

— Осмѣлюсь-ли обратить ваше вниманіе на эти строки? отвѣчалъ графъ, подавая принцу газету.

Принцъ сталъ читать.

Всѣ со страхомъ переглядывались.

Одинъ маркизъ оставался совершенно спокойнымъ. Графъ говорилъ по нѣмецки и потому онъ не понималъ, въ чемъ дѣло; онъ взглянулъ на Розеля, тотъ прошепталъ беззвучно губами слова съ два и затѣмъ, казалось, обратилъ все свое вниманіе на голубей, кружившихся надъ площадкой.

— Ну, сказалъ принцъ, складывая газету и возвращая ее графу,—въ сущности въ этомъ нѣтъ ничего серьезнаго.

— Но въ чемъ-же дѣло? спросили нѣкоторыя изъ дамъ.

— Во Франціи повидному не совсѣмъ благоприятно смотрятъ на кандидатуру гогенцоллернскаго принца, отвѣчалъ принцъ, обращаясь къ дамамъ по французски, какъ кажется, ради мареза;—по крайней мѣрѣ эта газета, вообще пользующаяся хорошими

источниками, передаетъ, что третьяго дня французскій повѣренный въ дѣлахъ явился въ министерство иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ, чтобы выразить то тяжелое впечатлѣніе, которое произвело это извѣстіе въ Парижѣ; но, право, любезный графъ, я не понимаю, почему это извѣстіе васъ такъ встревожило.

• — Я также не понимаю, заявилъ маркизъ.

— Въ такомъ случаѣ вы смотрите на дѣло совершенно иначе, чѣмъ ваши соотечественники, сказалъ графъ, вдругъ поворачиваясь къ маркизу, котораго онъ, казалось, не замѣчалъ до сихъ поръ, — этому я очень радъ. Мнѣ было-бы очень неприятно, если-бы гость его свѣтлости раздѣлялъ воззрѣнія, которыя мы находимъ въ этой газетѣ, не говори уже о тѣхъ выраженіяхъ, въ которыхъ тутъ отзываются о Пруссіи.

Съ этими словами онъ передалъ маркизу французскую газету, которая была получена вмѣстѣ съ нѣмецкими.

Маркизъ заглянулъ въ нее и пожалъ плечами.

— Одна газета, сказалъ онъ, — еще не представляетъ собою всей парижской печати, парижская печать не представляетъ собою всего Парижа, а Парижъ — всей Франціи.

— Мнѣ очень пріятно слышать это; замѣтилъ графъ, — въ противномъ случаѣ намъ не долго придется наслаждаться миромъ.

— Боже мой! вскричала Стефанія.

— Тебѣ опять придется идти на войну, Куртъ, сказала баронесса.

— Я бы попросилъ мужчинъ, сказалъ принцъ, — оставить тему, которая и вообще для всѣхъ неприятна, а для меня сегодня въ особенности.

— Если ваша свѣтлость этого желаетъ, отвѣчалъ графъ. — Но я боюсь, что не отъ насъ будетъ зависѣть не возвратиться къ ней.

— По крайней мѣрѣ я просилъ-бы оставить ее на сегодня, произнесъ принцъ, видимо раздосадованный упорствомъ графа.

Общество старалось послѣдовать примѣру принца и держать себя такъ, какъ будто ничего не произошло. Но мирное, безмятежное настроеніе, въ которомъ оно провело послѣдніе полъ-часа, было разрушено и уже не возвращалось. Къ тому-же самъ принцъ мѣнѣе всѣхъ владѣлъ собою. Лучъ солнца, который на минуту освѣтилъ для него міръ, исчезъ. Туча, которую онъ самъ вызвалъ, надвигалась мрачнѣе и грознѣе, чѣмъ когда-либо. Но дѣйствительно-ли онъ самъ ее вызвалъ? Не подслужились-ли ему злые духи? Блуждающій взглядъ его остановился на графѣ. Да, вотъ его злой духъ; ему всегда казалось, что онъ его не любилъ, — теперь онъ созналъ, какъ глубоко онъ его ненавидитъ. А маркизъ... почему онъ не предупредилъ его, какъ допустилъ онъ его стать

неподготовленнымъ въ такое положеніе, отчего онъ не сказалъ ему, что развязка такъ близка? Онъ-бы имѣлъ еще время подумать, а теперь уже было слишкомъ поздно. Что было слишкомъ поздно? Вѣдь все еще зависѣло отъ него.... нѣтъ, не отъ него, отъ нея; она держала все въ своихъ рукахъ: его сердце, его счастье, его жизнь, его судьбу.

Мучимый такими мыслями, онъ любезно улыбался обществу и шутилъ, между-тѣмъ глаза его искали встрѣчи съ глазами Гедвига. Почему она именно въ эту минуту разговаривала съ графомъ, и разговаривала съ такимъ жаромъ, что не хотѣла даже взглянуть на него ни разу.

Но вотъ графъ поклонился Гедвигѣ и отошелъ; она обернулась къ принцу; онъ быстро пошелъ къ ней навстрѣчу, подалъ ей руку и отвелъ ее нѣсколько въ сторону отъ общества.

— Ну, Гедвига, сказалъ онъ,—надѣюсь, что наши господа политики не испортили, по крайней-мѣрѣ, тебѣ этотъ вечеръ. И изъ за такой бездѣлицы! Это просто непростительно!

— Я только-что говорила объ этомъ съ графомъ, отвѣчала Гедвига,—онъ не находить этого бездѣлицей, и, судя по тому, что онъ мнѣ сообщилъ, я вижу, что онъ правъ.

— А могу я узнать, что онъ тебѣ сообщилъ? спросилъ принцъ дрожащимъ голосомъ.

— Онъ съ этою цѣлью и сообщилъ мнѣ.

— Почему же онъ не обратился прямо ко мнѣ?

— Ты-же самъ запретилъ ему говорить объ этомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну что-же предрекаетъ нашъ политическій оракулъ?

Горечь, таившаяся въ глубинѣ души его, невольно выразилась въ его тонѣ. Онъ подходилъ къ Гедвигѣ, чтобъ облегчить свою душу, онъ ждалъ отъ нея добраго, ласковаго слова,—а она заговорила о политикѣ.

Гедвига поняла, что въ немъ происходило, она не обидѣлась, напротивъ, она почувствовала къ нему состраданіе; но она должна была сказать ему всю правду, и потому она начала мягкимъ голосомъ:

— Ему пишутъ изъ Берлина, что во вліятельныхъ кружкахъ господствуетъ сильное возбужденіе, что положеніе дѣлъ очень серьезно.

— Потому-что хотятъ, чтобы оно было серьезно, отвѣчалъ принцъ;—знаемъ мы это.

— Я этого что-то не понимаю, сказала Гедвига;—во всякомъ

случаѣ мнѣ кажется, что въ сущности-то это рѣшительно все равно и потому....

— Потому?

— И потому я-бы убѣдительноше просила тебя обратить все твое вниманіе исключительно на это дѣло, и не позволять личнымъ впечатлѣніямъ затемнять твоего яснаго взгляда на вещи.

— А ты можешь поручиться за саму себя, что не находишься подъ вліяніемъ личныхъ впечатлѣній?

— Но вѣдь дѣло идетъ не обо мнѣ.

— Правда, я и забылъ совершенно объ этомъ.

— Я тебя не понимаю, сказала Гедвига.

— Или не хочешь понять меня, добавилъ принцъ, оставляя ея руку. Затѣмъ, вернувшись къ обществу, онъ сказалъ:

— А что, господа, не пора-ли намъ и домой? Солнце уже заходить; я боюсь, чтобы свѣжій вечерній воздухъ не былъ вреденъ для дамъ. Не угодно-ли вамъ будетъ распорядиться, дорогой Цейзель?

Экипажи были поданы. Господинъ фонъ-Фишбахъ и баронъ Нейгофъ уѣхали съ своими женами; они приказали своимъ экипажамъ пріѣхать сюда, потому-что дорога въ ихъ помѣстья лежала черезъ Эрихсталь. Гедвига и Стефанія уже сидѣли въ экипажахъ и ожидали только, чтобы принцъ сѣлъ къ нимъ, какъ вдругъ онъ подошелъ къ себѣ фонъ-Цейзеля.

— Мнѣ бы хотѣлось поразспросить маркиза, какъ онъ нашелъ мое хозяйство, сказалъ онъ. — Не будете-ли вы такъ добры, не проводите-ли дамъ?

Въ замокъ всѣ возвратились нѣсколько поздно и, какъ казалось, утомленные; по крайней-мѣрѣ въ чайной комнатѣ общество оставалось очень не долго и скоро разошлось.

Фонъ-Цейзель отвелъ маркизу комнаты въ красной башнѣ; по своему положенію надъ садовыми террасами и по роскошному убранству эти комнаты принадлежали къ числу самыхъ лучшихъ въ замкѣ, и теперь, по желанію Гедвиги, онѣ были предназначены для гостей.

Розель вошелъ вслѣдъ за маркизомъ; камердинеръ, *monsieur* Батистъ, зажегъ свѣчи и удалился. Маркизь бросился въ кресло и сказалъ раздосадованнымъ тономъ:

— Ахъ, какъ это несносно, *mon cher*, и при этомъ еще быть въ пріятной увѣренности, что въ концѣ концовъ мы работаемъ pour le roi de Prusse.

— Развѣ старикъ, противъ всякаго ожиданія, въ послѣднюю минуту отказался? спросилъ съ удивленіемъ Розель.

— О, нѣтъ, отвѣчалъ маркизъ, закуривая папиросу.— Напротивъ, онъ въ сущности соглашался съ моими доводами и нашелъ весьма уважительными причины, по которымъ я не могъ сообщить ему письменно о томъ, какъ далеко зашло дѣло. Но что толку, если мы и дѣйствительно склонимъ на свою сторону этого ничтожнаго государя, который сегодня самъ мнѣ сказалъ, что его территория не вrostирается и на десять квадратныхъ миль, и власть котораго надъ нѣсколькими тысячами поселянъ весьма и весьма сомнительна. Отчего вы не сообщили мнѣ объ этомъ со всей подробностью прежде? Я полагалъ, что его герцогство по крайней-мѣрѣ впятеро больше.

— Извините, отвѣчалъ Розель,— я не говорилъ объ этомъ, во-первыхъ, потому, что полагалъ, что вамъ, маркизъ, это досконально извѣстно, во-вторыхъ, потому, что въ сущности вѣдь это рѣшительно все равно. Вы предполагали, что владѣнія принца впятеро обширнѣе; меня нисколько не удивить, если Оливье считаетъ ихъ вдесятеро обширнѣе, во всякомъ случаѣ въ глазахъ публики ихъ можно увеличить въ пятьдесятъ разъ и произвести принца въ самаго могущественнаго изъ европейскихъ государей. А вѣдь въ этомъ вся суть.

— Почему вы такъ полагаете? спросилъ маркизъ.

— Вы-бы первый осмѣяли меня, маркизъ, если-бы я посмотрѣлъ на это дѣло серьезно.

— Ну хорошо, я согласенъ, что мы произведемъ прекрасное впечатлѣніе на Парижъ, если, улучивъ благоприятную минуту, заявимъ, что Несторъ европейскихъ государей, глава нѣмецкихъ легитимистовъ, владѣтельный великій герцогъ Роды... Какъ называется то гнѣздо, черезъ которое мы проѣзжали сегодня?

— Герольштейнъ, отвѣчалъ Розель, не моргнувъ глазами.

Маркизъ громко расхохотался.

— Вы можете уморить меня со смѣху вашей серьезностью; ну, хорошо, я согласенъ, что наша миссія окажется столь-же успѣшной, сколько она серьезна, и что мнѣ не всякій день придется такъ смучать, какъ сегодня.

— Судя по моимъ наблюденіямъ, отвѣчалъ Розель,— будущее сулить вамъ, маркизъ, все то веселье, все то счастье, на которое вы ризсчитывали, принимая на себя миссію, столь мало соотвѣтствующую вашимъ высокимъ дарованіямъ.

— Вы полагаете? спросилъ маркизъ съ жаромъ.— Дѣйствительно, я не отказываюсь отъ надежды, хотя присутствіе этого прусскаго графа и грозитъ неожиданнымъ препятствіемъ. У него кажется очень острое зрѣніе, у этого графа.

— Какое-же-бы значеніе имѣла побѣда въ области дипломатіи или любви, если-бы не приходилось бороться съ препятствіями, и какое препятствіе можетъ быть непреоборимымъ для васъ, маркизъ?

Съ этими словами Розель взялъ шляпу и, отвѣсивъ низкій поклонъ маркизу, удалился.

— Подлый льстець, подумалъ маркизъ, провожая его глазами.— Но въ этотъ разъ онъ правъ.

Маркизъ позвонилъ.

— Надѣюсь, что вы не потеряли даромъ времени? спросилъ онъ своего камердинера, быстро вошедшаго на звонокъ.

— Боже сохрани, отвѣчалъ monsieur Баптистъ!—Я все развѣдалъ, что желатсльно было знать г. маркизу: мѣстность, привычки здѣшнихъ жителей, отношенія принца къ г-жѣ Гелвигѣ, у меня цѣлый коробъ новостей.

— Вы передадите мнѣ ихъ, когда я лягу въ постель; я совершенно разбитъ.

Результаты развѣдываній monsieur Баптиста оказались столь удовлетворительны и порою столь забавны, что маркизъ не разъ громко хохоталъ при разсказѣ; когда камердинеръ удалился черезъ полчаса, въ головѣ маркиза созрѣлъ уже цѣлый романъ, въ которомъ онъ игралъ ту блестящую, обаятельную и благодарную роль, которая, по его мнѣнію, всегда и вездѣ подобала маркизу Анатолю-Виктору де-Флорвиль.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОСНОВЫ РАЦИОНАЛЬНАГО ВОСПИТАНІЯ.

Эмилъ XIX вѣка, соч. Альфонса Эскироса. Переводъ съ французскаго подъ редакціей М. Цебриковой. С.-Петербургъ, 1871 г.

I.

Теперь, больше чѣмъ когда-либо стали говорить о воспитаніи, какъ объ основномъ вопросѣ общественнаго благополучія. Эркманъ-Шатрианъ даже написалъ романъ, чтобы убѣдить Францію, что она погибла отъ народнаго невѣжества. Пусть это правда. Но прежде, чѣмъ говорить о невѣжествѣ народа, образованнымъ нужно сознать свое собственное невѣжество. Народъ глупъ, потому что онъ не учился. Правда. Образованные же глупы, потому-что учились. И это еще большая правда. Какъ-будто невѣжество французскаго народа свалилось съ неба! какъ-будто его не воспитывали клерикалы, бонапартисты, легитимисты, орлеанисты! Что же питало народное невѣжество, какъ не невѣжество его воспитателей? А когда несчастье обрушилось на страну, когда ее разорили, когда поля ея превратили въ кладбища,—тѣ-же самые воспитатели обвинили всѣхъ кромѣ себя и свалили все на невѣжество народа. Воспитатели всегда правы.

Но если въ народѣ нѣтъ патриотизма, нѣтъ мужества, если онъ самъ не знаетъ чего ему хотѣтъ,—если, слушая своихъ учителей, онъ не знаетъ, кому вѣрить, за кѣмъ идти,—если страна не въ состояніи выставить ни одного вождя,—если мѣщанскіе

«Дѣло», № 7.

интересы загубили всё благородные порывы, убили единодушіе, если честный человекъ не смѣетъ подать голоса, если страна потеряла ниточку, за которую прежде держалась—кто отвѣтчикъ? Кто оберегаетъ народные интересы? Самъ народъ? Но развѣ Франціи это позволялось?

Больше двухъ тысячъ лѣтъ назадъ, когда Афины гибли въ развратѣ и въ роскоши, когда утонченная цивилизованная ложь и сладкая изящная рѣчь вытѣснили здоровую простоту и неприкрашенную правду, когда самообожаніе помрачило знаніе, Сократъ, единственный человекъ, сохранившійся среди всеобщаго разврата, говорилъ: „Ничто изъ насъ—ни софисты, ни поэты, ни ораторы, ни художники, ни я—не знаемъ, что истинное, что доброе, что прекрасное. Но между нами та разница, что люди эти ничего не знаютъ и воображаютъ, что они что-то знаютъ, тогда-какъ я знаю только то, что я ничего не знаю. Въ этомъ лишь моя мудрость, которую призналъ за мною оракулъ“.

Другой мыслитель двѣ тысячи лѣтъ спустя высказалъ почти то же. И его поражалъ упадокъ нравовъ, легкомысліе и пустота общественной жизни. „Счастливые рабы“! восклицаетъ онъ, обращаясь къ своимъ соотечественникамъ. „Вы обязаны своей цивилизаціи тѣмъ тонкимъ вкусомъ, которымъ вы гордитесь, той легкостью характера и утонченностію нравовъ, которыя дѣлаютъ васъ такъ легко общительными, которыя, однимъ словомъ, даютъ вамъ наружный видъ всѣхъ добродѣтелей, а на дѣлѣ ни одной изъ нихъ“. „Природа человека совершенно исказилась, говоритъ онъ дальше; естественное влеченіе подавлено и внѣшняя благоприличная форма скрываетъ внутреннее содержаніе. Тѣмъ, что мы есть,—мы не смѣемъ быть и должны казаться не тѣмъ, что мы есть. Никогда не знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло, и, чтобы узнать друга друга, нужно дожидаться необыкновеннаго случая, когда этотъ другъ уже больше не нуженъ, потому-что для этого-то именно случая и было важно знать его. Гдѣ искреннія чувства? Ихъ нѣтъ. Подозрѣніе, недовѣріе, опасенія, холодность, сдержанность, предательство замаскированы ложнымъ покровомъ вѣжливости, мягкими формами цивилизаціи, которыми мы такъ гордимся“. „Своихъ достоинствъ восхвалять не стануть, но будутъ унижать достоинства другихъ. Врага своего не захотятъ грубо оскорбить, но на него ловко взведутъ клевету. Національныя ненависти угас-

нутъ, но вмѣстѣ съ ними угаснетъ и любовь къ отечеству. Мѣсто презираемаго невѣжества займетъ опасный пирронизмъ“. Что-же дѣлать? Гдѣ искать спасенія? Какъ обновиться человѣчеству? Въ обращеніи къ первобытной природѣ спасеніе твое человѣкъ, отвѣчаетъ Руссо. Римъ основалъ пастухъ и прославили его землепашцы. „Но послѣ Овидіевъ, Катулловъ, Марціаловъ и той массы неблагопріистойныхъ писателей, одни имена которыхъ оскорбляютъ все чистое, Римъ, бывший когда-то храмомъ добродѣтели, дѣлается театромъ преступленія, позоромъ всѣхъ націй и игрушкой варваровъ. Эта столица міра подпадаетъ наконецъ подъ иго, которое налагала на столько народовъ и день ея паденія былъ кануномъ дня, въ который одному изъ ея гражданахъ дали титулъ царя изящнаго вкуса“.

Да, въ обновленіи природой спасеніе человѣка. Руссо не поняли, когда говорили, что онъ проповѣдуетъ обращеніе къ первобытному состоянію, и дикаря острова Мадагаскара даетъ въ образецъ цивилизованной Европѣ. Ничего подобнаго никогда не говорилъ Руссо. Его природа есть обновляющая сила, она—средство для отрѣшенія отъ ошибокъ, средство отличить истину отъ лжи. А что истинное, что доброе, что прекрасное? никто — ни софисты, ни философы, ни поэты, ни художники не знаютъ этого, говорилъ Сократъ. Въ томъ-же винить Руссо и современныхъ ему софистовъ, ученыхъ и философовъ. Чутье правды исчезло, интересы запутались, естественная солидарность переродилась въ самый грубый индивидуализмъ, только носящій личину доброжелательства, и человѣкъ, ставъ рабомъ формы, утратилъ всю свою нравственную свободу и самостоятельность. „Счастливые рабы“... и правъ Руссо, ибо цивилизація, противъ которой онъ говоритъ, не есть свобода. Она затираетъ лицо; она навязываетъ ему миллионы формъ, она заставляетъ его подчиняться, наперекоръ его стремленіямъ и личнымъ потребностямъ, условному порядку; она гнетъ и ломаетъ лицо, лѣпнитъ его въ общую форму, пока не сдѣлаетъ его такимъ, какъ всѣ и, забивъ природу, гордится своимъ успѣхомъ. Цивилизація ли то, что мы видимъ во Франціи, цивилизація ли то, что сдѣлало Германію побѣдительницей? И это даже теперь—сто лѣтъ спустя послѣ Руссо.

Во время Руссо было еще хуже. Индивидуализмъ, эгоизмъ, своекорыстіе были не слѣдствіемъ сознанія своей личности, а на-

противъ признакомъ ея подавленности; они были единственной возможной формой протеста противъ обезличивающаго порядка общественныхъ отношеній. Подавленное лицо замыкалось въ себя, надѣясь хотя въ своекорыстіи спасти остатки личной свободы и личного интереса. А замыкаясь въ себя, оно становилось еще меньше, еще безпомощнѣе, еще бѣднѣе. Это былъ волшебный кругъ, освободить изъ котораго была бессильна гражданственность того времени, и чтобы человекъ могъ почувствовать въ себѣ самого себя, его нужно было выпустить въ лѣсъ, въ поле, высадить на необитаемый островъ.

Намъ говорятъ, что человекъ созданъ для борьбы. Г-жа Цебрикова говорить въ предисловіи къ „Эмилю XIX вѣка“, что въ обществѣ сложился теперь другой идеалъ человека, — не чувствительнаго, любящаго, добродѣтельнаго человека природы Руссо, но энергическаго борца, честнаго работника для блага человечества, гражданина общества. Тутъ кто-нибудь да не понимаетъ другъ друга. Борець не можетъ быть идеаломъ, ибо борьба не идеалъ и не цѣль жизни. Борьба — крайность, неизбѣжность; она можетъ быть временнымъ средствомъ, но она не можетъ быть задачей и идеаломъ. Вы хотите войну уничтожить войной, а между-тѣмъ война только питаетъ войну. Конкуренцію вы не уничтожите конкуренціею и бѣдность не уничтожите бѣдностію. Если вы не вѣрите въ гомеопатію въ медицинѣ, какъ-же вы хотите лечить гомеопатіею социальныя болѣзни? Вамъ нужны борцы; человекъ въ доспѣхахъ и съ револьверомъ въ рукѣ для васъ идеалъ человека. Подумайте, что вы говорите!..

Эскиросъ и Руссо посылаютъ своихъ Эмилей въ деревню на лоно природы, считая воспитаніе на лонѣ природы основой гражданскаго и общечеловѣческаго воспитанія. Въ этомъ есть глубокой смыслъ.

Переберите имена великихъ историческихъ дѣятелей, социальныхъ новаторовъ, людей сильнаго чувства и сильнаго характера, — только въ видѣ исключеній они являлись продуктами утонченной цивилизаціи: всегда это были люди, выросшіе на лонѣ природы и нерѣдко даже не получившіе школьнаго воспитанія. Вы скажете, что это исключеніе. Пусть такъ. Но гдѣ бывало больше исключеній — между людьми учившимися или между людьми неучившимися? Исторія говорить намъ о цѣлыхъ народахъ изъ простаго

быта, народахъ, у которыхъ каждый человѣкъ былъ герой—таковы спартацы. Римляне прославились, когда были бѣдны. Почти на нашихъ глазахъ цѣлая сельская нація прославилась своимъ мужествомъ. А что сказать о горныхъ жителяхъ, о горсти черногорцевъ, смѣявшихся надъ Наполеономъ,—о жителяхъ Кавказа, боровшихся полвѣка съ могущественнѣйшей имперіей Европы! Отчего всѣ великіе мыслители, всѣ великіе поэты, писатели, всѣ энтузіасты обращались всегда къ природѣ, искали въ ней всегда вдохновляющей и оживляющей силы для себя и въ естественномъ реализмѣ видѣли обновленіе народовъ, развращенныхъ цивилизаціей! Гейне позавидовалъ даже бѣднымъ рыбакамъ Нордернея. Вы думаете, что Гейне завидовалъ бѣдности и невѣжеству? Нѣтъ—онъ не согласился-бы прожить и дня въ шалашѣ нордернейскаго рыбака. Въ этихъ простыхъ и бѣдныхъ людяхъ онъ чувствовалъ болѣе свободныхъ людей, чѣмъ какихъ онъ встрѣчалъ въ родномъ Франкфуртѣ и въ блестящемъ Парижѣ. Въ непосредственномъ чувствѣ простыхъ людей онъ чувствовалъ обновляющую его природу, чувствовалъ то, что чувствовалъ Гете, этотъ объективный Гете, отворачивавшійся отъ мужиковъ,—чувствовалъ то, что чувствовалъ Руссо, учившій воспитывать на лонѣ природы,—источникъ естественнаго реализма, житейской простоты отношеній.

Если говорить о демократизмѣ, о народѣ — этимъ никто не хочетъ восхвалять грубость и невѣжество какого-нибудь Николы Знаменскаго и поставить его образцомъ и цѣлью прогресса. Демократизмъ, къ которому обращаются лучшіе люди, демократизмъ и природа, которые воспѣваютъ поэты, которыми мыслители и ученые провѣряютъ успѣхи цивилизаціи и социальнаго преуспѣянія,—есть въ сущности еще неизвѣстная величина. Поставить грубость и невѣжество во главѣ общественнаго движенія и сдѣлать Сысойку или Пилу руководителями человѣческихъ судебъ никогда не приходило въ голову Руссо; но въ то-же время тотъ-же Руссо, наблюдая факты и явленія социальной жизни, чувствовалъ и понималъ, что цивилизація Европы идетъ невѣрнымъ путемъ, что гордясь своими успѣхами, изобрѣтеніями, открытіями, формами общежитія, Европа, вмѣсто мирнаго развитія, ведетъ отчаянную борьбу. Неужели это такъ и должно быть? Новая наука—статистика подтвердила законность этого сомнѣнія и обнаружила,

что чѣмъ чловѣкъ ближе къ центрамъ цивилизаціи и чѣмъ центры эти населеннѣе, тѣмъ, рядомъ съ развитіемъ, является и большее зло,—чѣмъ сложнѣе и утонченнѣе формы общежитія, тѣмъ безпомощнѣе и слабѣе чловѣкъ, тѣмъ нравственность его ниже, тѣмъ невѣрнѣе и случайнѣе его положеніе, тѣмъ слабѣе его здоровье, тѣмъ труднѣе его борьба за существованіе, тѣмъ больше у него враговъ, тѣмъ онъ безпомощнѣе. Статистика напр. обнаруживаетъ, что чѣмъ ближе къ городамъ, тѣмъ больше число незаконныхъ дѣтей: по большимъ дорогамъ, ведущимъ къ городамъ, незаконныхъ дѣтей рождается больше, чѣмъ вдали отъ этихъ дорогъ; чѣмъ населеніе городовъ тѣснѣе, тѣмъ напряженнѣе весь механизмъ социальныхъ отношеній и тѣмъ сильнѣе смертность; есть города, въ которыхъ число умирающихъ постоянно превышаетъ число рождающихся; чѣмъ населеніе скученнѣе, чѣмъ больше болѣзней; легочныя болѣзни живутъ преимущественно въ городахъ; чахотка—болѣзнь скученнаго населенія и дурныхъ социальныхъ условий. Америка и Австралія не знали чахотки, когда населеніе ихъ вело кочующую жизнь; но когда, съ наплывомъ европейцевъ, первоначальнымъ жителямъ пришлось занять относительно-тѣсныя мѣстожителства и познакомиться съ обычаями и безнравственностію цивилизованныхъ европейцевъ—явилась чахотка. Нигдѣ не свирѣпствуетъ такъ сильно чахотка, какъ въ монастыряхъ, казармахъ, тюрьмахъ, и на фабрикахъ—и особенно на фабрикахъ. Ковлюшъ можно назвать болѣзнью большихъ городовъ, ибо продолжительность его зависитъ отъ числа жителей, и чѣмъ больше жителей, тѣмъ продолжительнѣе эпидемія. Тифъ, холера—также болѣзни большихъ городовъ и также тѣмъ сильнѣе, чѣмъ многочисленнѣе и скученнѣе населеніе. Дифтеритъ дѣйствуетъ такъ-же. Статистика показала, что жизнь и здоровье, заболѣваніе и смерть зависятъ не отъ случая, а подчиняются неизмѣннымъ законамъ; факты нравственного и физическаго порядка всегда результатъ извѣстныхъ опредѣленныхъ причинъ. Если такимъ образомъ чловѣкъ является продуктомъ внѣшнихъ вліяній и если въ условіяхъ болѣе развитой цивилизаціи мы сталкиваемся преимущественно съ фактами, вредно дѣйствующими на общественный организмъ, которыхъ не находимъ внѣ этой цивилизаціи, то ясно, что цивилизація дѣлаетъ какія-то ошибки. Но та-же статистика показала, что „доброе старое время“ не

больше какъ мечта; реальная наука не нашла нигдѣ слѣдовъ золотого вѣка. Сказанія о временахъ, когда люди были счастливы, не знали ни нужды, ни болѣзней, были кротки и умѣренны, оказываются лишь утопическими мечтаніями недовольныхъ. Не видя хорошаго въ настоящемъ и не предвидя его въ будущемъ, люди изукрасили былое. По жилищамъ, утвари, орудіямъ каменнаго періода мы знаемъ, каково жилось тогда человѣку, а по ископаемымъ черепахъ знаемъ, каковъ былъ и человѣкъ. А дальше было конечно еще хуже. Гдѣ же золотой вѣкъ? Изъ исторіи Греціи и Рима знаемъ мы также хорошо, какъ жилось тогда людямъ и каковъ былъ золотой вѣкъ того времени. Средній періодъ европейской исторіи считать золотымъ вѣкомъ еще менѣе поводовъ. Для характеристики этого золотого вѣка, о которомъ мечтаютъ русскіе и нѣмецкіе піетисты, достаточно привести факты сравнительной продолжительности жизни. Въ средніе вѣка продолжительность жизни составляла 18 л., въ XVIII ст.—20 л., нынче въ образованной Европѣ 38—45 л. Въ XVI столѣтіи изъ тысячи людей достигали—10 лѣтъ 480, 40 лѣтъ 206, 70 лѣтъ 41 и 90 лѣтъ 2,3; а нынче—10 лѣтъ—744, 40 лѣтъ 329, 70 лѣтъ 238, 90 лѣтъ 8,1; слѣдовательно, люди вымирали вдвое сильнѣе, чѣмъ нынче; ясно, что и жизнь была вдвое труднѣе.

Если золотого вѣка не оказывается въ прошломъ, если его нѣтъ въ настоящемъ, то гдѣ-же его искать? Конечно, въ будущемъ,—конечно, въ той самой цивилизаціи, которою мы владѣемъ, въ той самой цивилизаціи, которая такъ улучшила и подняла современную среднюю жизнь сравнительно со всѣмъ прошлымъ, но только въ цивилизаціи исправленной, въ цивилизаціи, освобожденной отъ ея ошибокъ и дурныхъ сторонъ.

Обращаясь къ исторіи и статистикѣ, мы находимъ руководящую нить, помогающую исправленію сужденія; обращаясь къ естествознанію, находимъ законы природы, подтверждающіе вѣрность статистическихъ и историческихъ заключеній. Исторія показываетъ, что по мѣрѣ развитія богатства и сосредоточенія матеріальныхъ благъ въ рукахъ немногихъ, народы терали свою силу, гибли цѣлыя государства со всѣми своими учрежденіями, со всѣми плодами цивилизаціи. Изобиліе вело къ извращенію нравовъ, уничтожило первобытную простоту и свѣжесть чувствъ,

и человекъ вырождався въ слабое, изнѣженное существо, неспособное даже отстоять свое существованіе. Гдѣ гордый, всемогущій Римъ? Гдѣ утонченная Греція, богатый и пышный Вавилонъ? Сколько погибло безъ слѣда могучихъ сильныхъ народовъ въ колыбели человечества Азіи? Только развалины городовъ указываютъ на нѣкогда процвѣтавшую жизнь. И вся эта цвѣтущая цивилизація разсыпалась прахомъ при первомъ столкновеніи съ какими-нибудь первобытными персами, скифами, германцами. Вездѣ, гдѣ являлся изнутри лѣсовъ, прямо съ лона природы свѣжій человекъ, цивилизація склонялась передъ нимъ и цивилизованный становился рабомъ нецивилизованнаго. А развѣ въ утонченно-цивилизованной Европѣ мы видимъ не то-же самое? Развѣ Франція прошедшаго столѣтія не повторила исторіи Рима и Греціи? Развѣ новые германцы, на нашихъ глазахъ, не повторили исторію легионовъ Вара, не доказали изнѣженность и нравственную слабость извращенныхъ и умственно безсильныхъ продуктовъ ошибочной цивилизаціи? Первобытныхъ лѣсовъ теперь, правда, нѣтъ, и европейской цивилизаціи грозитъ не Атилла, не Аларикъ, не Одоакръ, не Арминій, явившійся откуда-то извнѣ, а Аларики и Одоакры, выступающіе изъ собственныхъ нѣдръ цивилизаціи. Арминій былыхъ временъ, покоривши Галлію, сдѣлалъ-бы ее Германіей и заставилъ-бы ее принять формы германской жизни, считая ихъ болѣе совершенными; Арминій же новыхъ временъ этого не дѣлаетъ: онъ отступаетъ и заставляетъ побѣжденный народъ сознать ошибки своей цивилизаціи и своихъ социальныхъ отношеній. Франція прошедшаго столѣтія, чтобы спастись отъ гибели, должна была едутъ съ себя весь доскъ цивилизаціи и открыть выходъ свѣжимъ народнымъ силамъ. Только благодаря этому обновленію, она выказала такую силу въ борьбѣ со всею Европой. Но вслѣдъ затѣмъ она повторяетъ старую ошибку, отъ которой погибли и всѣ цивилизаціи древняго міра. Ея цивилизованный слой утрачиваетъ, какъ и прежній, всю свою нравственную силу, всю энергію мысли, всю энергію хорошихъ чувствъ. Нѣкогда всемогущее третье сословіе, выставившее энергическихъ вождей, спасшихъ народъ и создавшее Наполеона, не нашло въ своихъ рядахъ ни одного человека, способнаго защитить страну. Можетъ-ли быть прочна такая цивилизація, если она сама въ себѣ носитъ начало разру-

шенія, если для нравственной гибели, для нравственнаго вырожденія какого-нибудь общественнаго слоя достаточно стать ему въ условія, создающія утонченное развитіе? И отчего-же спасающая сила идетъ не отсюда, а изъ нѣдръ природы, изъ первобытной простоты нравовъ? Этого факта изъ исторіи человѣчества не вычеркнешь! онъ на каждомъ шагу и въ древнія, и въ среднія, и въ новыя времена говорить о себѣ. Правъ-ли былъ Руссо, когда онъ видѣлъ въ природѣ источникъ обновляющей силы? Правы-ли были поэты и мыслители, когда они обращались къ чтенію книги природы, чтобы вычитать въ ней истины, укрѣпляющія мысль и чувство? Что природа для всякаго человѣка служитъ обновляющей силой, заставляетъ его отдыхать отъ борьбы за существованіе, искать успокоенія отъ цивилизаціи, показываютъ между прочимъ идиллики и сантиментальные мечтатели. Идиллія — сантиментальный, бессильный протестъ, но все-таки протестъ; идиллія — утопія, но потому-что она утопія, она и служитъ доказательствомъ, что именно природа есть критерій и что новѣйшая европейская цивилизація полна ошибокъ. Кому хорошо, тѣ не мечтаютъ. Но неразумные люди ограничиваются мечтами, разумные-же ищутъ практически полезныхъ и примѣнимыхъ указаній. Въ этомъ и вся разница. Всѣмъ же ясно, что человѣкъ есть часть природы, подчиненная ея законамъ и что отступленіе отъ этихъ законовъ ведетъ его къ собственной гибели. Слѣдовательно прочность цивилизаціи и сущность прогресса заключаются въ согласованіи законовъ общежитія съ законами природы, въ постоянной провѣркѣ однихъ другими. Общественныя катастрофы, которыми такъ богата исторія Франціи, — только факты, указывающіе на разногласіе и заставляющіе обращаться къ первобытному источнику силы и нравственнаго, и физическаго здоровья. Вотъ начало естественнаго реализма, вытѣсняющаго теперь всѣ остальные общественныя ученія и служащаго противовѣсомъ бессильному аристократическому идеализму, столько разъ доказавшему свою соціальную несостоятельность.

Когда Руссо задумался надъ ошибками современной цивилизаціи, не существовало ни теперешнихъ соціальныхъ знаній и общественныхъ теорій, ни статистики. О постепенномъ вырожденіи аристократическихъ фамилій, о печальныхъ послѣдствіяхъ скученности населенія, о бѣдности и богатствѣ, о капиталѣ и трудѣ

и о всѣхъ социальныхъ послѣдствіяхъ экономической смутности понятій люди ничего не знали. Передъ глазами Руссо было только высшее французское общество, съ его утонченными обычаями, съ его великосвѣтской пустотой, суетными стремленіями, извращенными понятіями—и въ видѣ критерія—факты минувшей исторіи, герои первобытныхъ временъ Рима и Греціи, доблести республиканцевъ древняго міра съ ихъ простотой нравовъ, силой естественныхъ характеровъ и естественнаго здравого смысла. Руссо былъ пораженъ противоположностями стараго и новаго, пораженъ нравственнымъ упадкомъ утонченной французской монархіи сравнительно съ нравственной крѣпостію первыхъ республиканцевъ—и выборъ между противоположностями не представлялъ затрудненій.

Не имѣя подъ руками научныхъ средствъ, Руссо въ своей теоріи воспитанія долженъ былъ прибѣгать къ догадкамъ, основаннымъ на вѣроятностяхъ, и, насколько было сильно здравомысліе этого человѣка, видно изъ того, что мысли Руссо стали воспитательной аксіомой. Онъ говоритъ, что воспитаніе должно быть основано на строгомъ изученіи природы человѣка, какъ интеллектуальной, такъ и физической и на разумномъ естественномъ взглядѣ на жизнь. Воспитаніе формируетъ изъ человѣка полезнаго члена общества; а для этого всѣ способности человѣка должны быть доведены до наибольшей, достижимой силы. Физическое воспитаніе, т. е. крѣпость тѣла составляетъ основу воспитанія, ибо несчастные, искалеченные продукты утонченной цивилизаціи человѣчеству совершенно не нужны. Чѣмъ больше на свѣтѣ здравомыслящихъ и физически крѣпкихъ людей, тѣмъ жизнь разумнѣе и выше; чѣмъ меньше въ человѣкѣ фальшивыхъ желаній, тѣмъ человѣкъ счастливѣе и свободнѣе. Рабство есть зависимость отъ своихъ ложныхъ потребностей. Воспитаніе должно вести въ томъ же порядкѣ, какъ шло развитіе человѣчества, т. е. отъ внѣшняго къ внутреннему, отъ познанія видимыхъ предметовъ къ отвлеченнымъ понятіямъ. Только то воспитаніе хорошо и только тѣ уроки воспринимаются прочно, которые человѣкъ получаетъ практически и перерабатываетъ въ себѣ своими собственными внутренними средствами; поэтому наставленія и указанія, стояція внѣ личнаго опыта и опытомъ не воспріятыя,—пустыя слова. Человѣкъ долженъ быть человѣкомъ дѣла, а не химическимъ продуктомъ одно-

сторонняго интеллектуальнаго развитія. Изъ этого ясно, что обвиненіе Руссо—будто-бы онъ хотѣлъ создать чувствительнаго, любящаго, добродѣтельнаго челоѣка природы — несправедливо. Сказать это—значитъ сказать, что Руссо хотѣлъ создать сентименталистовъ и добродѣтельныхъ либераловъ, а это меньше всего имѣлъ въ виду Руссо. Ему слишкомъ надоѣлъ безплодный сентиментализмъ высшихъ французскихъ сословій и ихъ добродѣтели на словахъ, ихъ противорѣчія въ поступкахъ и разговорахъ, чтобъ онъ, челоѣкъ, задумавшій указать средства для исправленія общественныхъ нравовъ, — сталъ учить людей болтовнѣ. Не для того онъ наблюдалъ недостатки современнаго ему общества и восхищался доблестями героевъ древняго міра, чтобы предложить новое средство, какъ превращать героевъ въ французскихъ петиметровъ. Для этого не стоило думать и не стоило писать. Руссо хотѣлъ именно создавать желѣзныхъ людей, людей природнаго здраваго смысла, т. е. такихъ людей, которые умѣютъ понимать правильно факты жизни, думать быстро и вѣрно, людей, въ которыхъ головной теоретическій элементъ находится въ согласіи съ элементомъ практическимъ. Онъ хотѣлъ создать такъ-называемыя природы органическія, природы, руководствующіяся въ своихъ дѣйствіяхъ не измышленными и напускными головными побужденіями, а дѣйствующія стихійно подъ вліяніемъ естественныхъ побужденій, какъ гармоническимъ результатомъ интеллектуальной и физической природы челоѣка. Такой челоѣкъ или не сдвинется съ мѣста, чтобы дѣйствовать, а если сдвинулся, то дѣйствуетъ по тому-же неотвратимому закону, по которому летитъ ядро, выброшенное орудіемъ, или камень, падающій съ высоты. Руссо постоянно возстаеъ противъ перевѣса интеллектуальныхъ силъ надъ физическими и противъ односторонняго головнаго труда. Руссо плачется даже, что онъ литераторъ, и предостерегаетъ читателя отъ своей ошибки. Руссо правъ и въ этомъ. Исключительно головная дѣятельность, можетъ быть, самая несчастная изъ всѣхъ родовъ дѣятельности. Она убиваетъ тѣло и расслабляетъ духъ; она приучаетъ къ словамъ и плодитъ тѣхъ несчастныхъ людей, которыхъ называютъ нынче умственными пролетаріями. Руссо точно предвидѣлъ возможность этого новаго соціальнаго зла, этого распложенія болѣзненныхъ, нервныхъ, жалкихъ людей, которыхъ природа точно лишила рукъ и

ногъ и для которыхъ дѣйствовать и жить значитъ производить не полезныя матеріальные предметы, а расплосать, сидя на мѣстѣ, активныя клѣточки въ своемъ собственномъ мозгу. Система Руссо направлена именно противъ этого зла, противъ отрѣшенія жизни отъ практическихъ отношеній, противъ утонченнаго развитія въ одну сторону, создающаго или непригодную для дѣла, практически-безполезную интеллигенцію, живущую головными процессами и считающую себя умственной аристократіей, или аристократію утонченныхъ чувствъ и искусственныхъ потребностей. Та и другая—одинаковое зло и источникъ безсилія. Недаромъ у французовъ такое недовѣріе къ адвокатамъ, когда приходится дѣлать дѣло.

Идеальный человекъ Руссо, воспитанный на лонѣ природы, свѣжъ, здоровъ, силенъ и ловокъ, какъ спартаецъ; онъ храбръ и смѣлъ, какъ тотъ-же спартаецъ; онъ не боится быть ни одинъ въ лѣсу, ни одинъ на кладбищѣ—днемъ и ночью, когда хотите; онъ имѣетъ совершенно точное представленіе о своихъ собственныхъ силахъ и о своихъ собственныхъ потребностяхъ, потому-что онъ привыкъ обходиться безъ чужой помощи. Отъ этого онъ смотритъ на себя вѣрными глазами и чуждъ суетности и мелочнаго самолюбія, происходящихъ отъ слишкомъ высокаго мнѣнія о своихъ силахъ. Но за-то онъ гордъ, т. е. знаетъ истинную цѣну себѣ и не позволяетъ себѣ поступить ниже своего достоинства или унижить это достоинство кому-бы-то ни было. Выросши въ простыхъ умѣренныхъ привычкахъ, въ умѣнны удовольствія свои нужды своими собственными силами, онъ не чувствуетъ зависимости отъ другихъ и потребность свободы—т. е. мыслить и чувствовать, подчиняясь только своимъ собственнымъ побужденіямъ—есть така-же его органическая принадлежность, какъ потребность жизни всѣми остальными физическими чувствами. Поэтому своей нравственной свободой онъ дорожитъ такъ-же, какъ своимъ слухомъ, зрѣніемъ. Зная цѣну своихъ силъ и цѣну своего достоинства, онъ уважаетъ ихъ и въ другихъ и слѣдовательно владеетъ общежительными качествами, дѣлающими изъ него хорошаго человека, хорошаго мужа, хорошаго отца и хорошаго гражданина. Я не знаю, чѣмъ такой органической продуктъ можетъ напоминать собою чувствительную добродѣтель и почему г-жа Цебрикова думаетъ, что идеаль

Эскироса выше. Впервыхъ у Эскироса и нѣтъ своего собственного идеала, потому-что онъ держится образца Руссо, и вторыхъ, если Руссо и не говоритъ ни слова о воспитаніи энергическаго борца, честнаго работника для блага человечества и гражданина общества, то только потому, что ничѣмъ другимъ Руссо и не хочетъ дѣлать своего Эмиля. Навязываніе предвзятыхъ цѣлей и прицѣпливаніе мальчишкамъ сабель и пистолетовъ ради того, чтобы создавать въ будущемъ борцовъ, чаще всего оканчивается либеральнымъ шутовствомъ и хвастовствомъ; а противъ этого шутовства и хвастовства именно и старается охранить Руссо Эмиля. Общественные успѣхи только тогда прочны, когда они вызываются истинными потребностями и отвѣчаютъ правильно развитымъ чувствамъ и мыслямъ. Если же этихъ чувствъ нѣтъ въ людяхъ—красивыя стремленія не больше, какъ слова.

Руссо своей системой воспитанія хочетъ исправить ошибки цивилизации. Заставляя своего Эмиля развиваться тѣмъ-же путемъ, какъ Робинзонъ Крузе, но помогая ему лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда новый Робинзонъ не въ состояніи преодолѣть препятствій своимъ умомъ, Руссо думаетъ достигнуть того, что Эмиль усвоитъ однѣ хорошія стороны цивилизации и останется внѣ вліянія дурныхъ. Руссо умалчиваетъ, что у прогресса могутъ быть и другія средства, болѣе всеобщія, чѣмъ исправленіе людей воспитаніемъ. Чтобы спасти дѣтей отъ дурного, нужно просвѣтить сначала взрослыхъ. Если-бы всѣ успѣхи человечества были основаны на дѣтскомъ воспитаніи, то едвали бы Европа была теперь дальше среднихъ вѣковъ. Ничто не бывало всегда такъ северно и ниже требованій дѣйствительности, какъ воспитаніе дѣтей. Прогрессъ свершался взрослыми, свершался тѣми, кого научала понимать и думать не школа, а жизнь. Чтобы была хороша школа, нужно, чтобы стала хороша жизнь; нужно, чтобы взрослые стали умнѣе. Не школьники виноваты въ теперешнихъ бѣдахъ Франціи, а та система, по которой взрослые не могли исправлять своихъ сужденій и учиться въ самой жизни тому, чему только одна жизнь и можетъ научить. Слѣдовательно не школа приготовляетъ людей, а взрослые школу. Дѣти ваши будутъ тѣмъ, чѣмъ вы дадите имъ возможность сдѣлаться, и когда говорить объ исправленіи воспитанія, то при этомъ предполагается

прежде всего исправленіе не дѣтей, а исправленіе отцовъ. Если-бы школой можно было исправить цивилизацію, то десяти лѣтъ было-бы достаточно, чтобы обновить всю Европу и Францію миновала-бы теперешняя катастрофа. Но въ десять лѣтъ нельзя перевоспитать всѣхъ дѣтей, потому-что нельзя перевоспитать ихъ отцовъ. Сто двадцать пять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ явился Эмиль Руссо; воспитаніе стало особою отраслью знанія, явились воспитательныя системы, Европа покрылась десятками тысячъ школъ съ сотнями тысячъ учителей, — конечно, стало много лучше: знающихъ и здравомыслящихъ людей прибавилось, — но по какой отрасли человѣческаго вѣденія является больше книгъ? По педагогикѣ, по воспитанію. Чтоже это доказываетъ, какъ не то, что воспитаніе — попрежнему большое мѣсто цивилизованнаго міра. А что доказываютъ споры о классицизмѣ и реализмѣ какъ не то, что вопросъ о воспитаніи для большинства не ясенъ. И зачѣмъ уходить въ такую отвлеченную сферу? Въ „Архивѣ Судебной Медицины“ рассказывается, что одна образованная дама родила мальчика; кормить его грудью она не могла, а коровинымъ молокомъ *не хотѣла*. Образованная дама рѣшила кормить *руднаго* ребенка булкой на водѣ и черезъ четыре мѣсяца ребенокъ умеръ. Это было въ Петербургѣ. Архивъ замѣчаетъ, что никто даже и не возмутился невѣжествомъ образованной дамы. Нужно удивляться, конечно, не этому, а тому, что подобныя образованные мужчины и дамы возмущаются невѣжествомъ простонародья и хотятъ учить его.

За фактами такого крупнаго невѣжества скрывается невѣжество мелкое и повседневное, опасное тѣмъ болѣе, что имъ руководитъ родительское доброжелательство. Нѣтъ такихъ родителей, которые не желали-бы всякаго счастья своимъ дѣтямъ и которые, воспитывая ихъ, не были-бы убѣждены, что приносятъ имъ пользу. И чего не выдѣлывается съ этими бѣдняками, для ихъ счастья! А между-тѣмъ одни изъ родителей искренно убѣждены въ томъ, что они непогрѣшимы; другіе же, смущаясь иногда неразрѣшимыми вопросами, ищутъ совѣтовъ, наставленій, указаній. Но съ одной стороны ихъ нѣтъ, и взоры упованія кидаются вокругъ тщетно. При такомъ безвыходномъ положеніи родителей книга, изданная г-жею Цебриковой, казалось-бы, должна отвѣчать потребности. Но увы! Книга эта писана для французовъ, а не для

насъ, темныхъ русскихъ. Г-жа Цебрикова и сама понимала неполную удовлетворительность воспитательнаго романа Эскироса, ибо въ предисловіи говоритъ: „Теперь, быть можетъ, инымъ придетъ въ голову вопросъ: къ чему-же переводится книга, которая требуетъ въ предисловіи столькихъ оговорокъ. Но дѣло въ томъ, что если-бы выбирать для перевода только тѣ книги, съ которыми переводчики безусловно во всемъ согласны, — то пришлось-бы не выбрать ни одной. Полнаго безусловнаго согласія во всемъ не можетъ существовать между людьми, какъ-бы ни были близки ихъ взгляды и убѣжденія. Лишать публику книги, которая заключаетъ въ себѣ много истинно полезнаго, потому только, что въ этой книгѣ попадаются мысли, съ которыми нельзя безусловно согласиться, было-бы въ высшей степени нелѣпо“. Мысль справедливая, но незнающимъ родителямъ отъ этого все-таки не легче. Для писателя важнѣе всего знать свою публику. Тѣ, кто вращается въ интеллигенціи, совѣмъ иначе представляютъ родную слѣпоту чающихъ движенія воды. Мы воображаемъ, что наша литература перестала быть аристократической и услаждающей досугъ; но нѣтъ, она только и услаждаетъ досуги и служитъ однимъ образованнымъ. Наша интеллигенція пишетъ точно для самой себя, не подозрѣвая существованія сотенъ тысячъ людей, которые ее понимать и читать не въ состояніи и, для услажденія досуга и ради процесса чтенія, пробавляются повѣстями и романами, затрудняясь даже популярнымъ изложеніемъ, если оно недостаточно заманчиво и просто. И между-тѣмъ эти сотни тысячъ — общественное мнѣніе; они могутъ значить кое-что, и въ интеллектуальныхъ судьбахъ Россіи значать гораздо больше, чѣмъ обыкновенно объ этомъ думаютъ. Съ кѣмъ-же вы боретесь, когда ополчаетесь противъ русскаго невѣжества, когда возмущаетесь фактами грубости, отсталости, азіатства, когда ратуете противъ дурнаго воспитанія? Не съ простымъ деревенскимъ людомъ: нѣтъ; а именно съ толпой такъ-называемыхъ образованныхъ, составляющей связующее звено между вами — люди интеллигенціи — и народомъ. Пока свѣтъ разума и знаній не просвѣтитъ это звено и пока не исчезнутъ его предрасудки, бесполезно жаловаться на мракъ и невѣжество. Но что-же вы дѣлаете въ пользу просвѣщенія понятій этого звена, — вы, пишущіе умно, учено и скучно до зѣвоты? Вы тѣшите обобщеніями, постановкой принциповъ,

переливаніями теоретическихъ фразъ и съ аристократическимъ презрѣніемъ смотрите на практическіе рецепты, на простую рѣчь, на повседневныя мысли. Если вы пишете для себя — вы правы; но если вы пишете для другихъ — вы не знаете этихъ другихъ. Вы хотите быть профессорами университетовъ, когда вамъ нужно быть учителями.

Интеллигенція, сформировавшаяся изъ молодого поколѣнія, выросла до курьезности, до неизлечимости, до полного непониманія того, что дѣлается кругомъ; она перенесла центръ тяжести на себя и живетъ въ себѣ и для себя. Маленькій кружочекъ сжился тѣсно и внѣ себя не видитъ ни Россіи, ни свѣта. Противъ этой всезнающей интеллигенціи говорить нельзя, потому-что она — все: она знаетъ все, она понимаетъ все, она ораторъ и мудрецъ, она руководитель русскихъ судебъ, она оракулъ, читающій будущее, она цензоръ общественныхъ нравовъ, она исправитель общественнаго сужденія, раздающій награды и дѣлающій выговоры. Желаете доказательствъ? Обозрѣватель журналистики „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ сдѣлалъ „Отечественнымъ Запискамъ“ замѣчаніе за ихъ равнодушіе къ такому живому общественному вопросу, какъ послѣдній шумный споръ о классическомъ и реальномъ образованіи. „Отечественныя Записки“ отвѣтили на замѣчаніе небольшой статьёй „Прогрессивная рутина“, — статьёй, возмущившей господина Александра Кевскаго. Г. Александръ Кевскій немедленно пишетъ очень длинный выговоръ „Отечественнымъ Запискамъ“, и „Петербургскія Вѣдомости“, умиленные такимъ съ собою единомысліемъ, спѣшатъ его напечатать. Казалось бы, послѣ того, что въ той-же 5-й книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ напечатана статья г. Лесевича „Эмилъ XIX вѣка“, оставалось бы только сопоставить мысли, изложенныя въ критической статьѣ г. Лесевича, съ мыслями „Прогрессивной рутины“ и успокоить свое негодованіе. Но г. Кевскій не хочетъ дѣлать никакихъ сопоставленій: онъ читаетъ каждую статью отдѣльно и затѣмъ пишетъ возраженіе для того, чтобы каждый могъ убѣдиться, что онъ сопоставленія никакого не сдѣлалъ и думаетъ противорѣчіями. Г. Кевскій говоритъ: „въ настоящемъ году въ правительственной сферѣ еще разъ возникъ вопросъ о классическомъ и реальномъ образованіи. Общество, глубоко заинтересованное исходомъ этого дѣла, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣ-

дѣло за всѣмъ, что прямо или косвенно вліяло на его разрѣшеніе. Не имѣя возможности непосредственно высказать своего желанія, оно естественно возлагало всѣ свои надежды на печать. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ нашей жизни печать всегда играла у насъ роль посредницы между обществомъ и правительствомъ. Журналы боролись и отстаивали мнѣніе своихъ партій, подъ вліяніемъ ихъ полемики выяснялись потребности большинства грамотнаго населенія, развязывались запутанные вопросы и вырабатывались начала, которыя впоследствии могутъ войти въ жизнь путемъ законодательной реформы. Скажите, чѣмъ-же „Отечественныя Записки“ отступили отъ этой программы? Вы говорите, что прежде было такъ, такъ и такъ, а нынче развѣ не то-же самое? Вы говорите, что прежде журналы выясняли потребности страны полемикой, ставили вопросы правильнымъ образомъ, чтобы *впоследствии* они могли войти въ жизнь путемъ законодательной реформы. А нынче развѣ не то-же? Неужели вы не знаете, что вопросъ о реальномъ и классическомъ образованіи, путемъ серьезной журнальной разработки, былъ рѣшенъ еще лѣтъ шесть тому назадъ и то, что дѣлается теперь и есть именно то *впоследствии*, о которомъ вы говорите. „Отечественныя Записки“ вамъ говорятъ: „Конечно, нельзя не пожалѣть, что у насъ проекты, которыми занята вся публика и о которыхъ ежедневно ведутъ горячіе споры журналистика, не обнародованы, держатся почему-то въ секретѣ; но намъ все-таки не остается ничего, какъ молчать и ждать, пока они будутъ обнародованы“, и вы обвиняете „Отечественныя Записки“ въ томъ, что онѣ не присоединяются къ шумливому хору ежедневныхъ газетъ и не говорятъ о томъ, чего онѣ не видѣли, не читали и обсужденія чего имъ никто и не предлагалъ. „Отечественныя Записки“ вамъ объясняютъ, почему онѣ стоятъ внѣ шумящаго и спорящаго кружка „Петербургскихъ“, „Московскихъ“, „Виржевыхъ Вѣдомостей“ и „Ж. М. Народнаго Просвѣщенія“, въ которыхъ восемь писателей поднимали усиленный шумъ на всю Россію — шумъ безцѣльный и безсильный. Вы сами требуете, чтобы журналы выясняли то, что впоследствии должно войти въ жизнь, т. е. чтобы они шли во главѣ прогрессирующей мысли и вырабатывали ее заранѣе, и негодуете, зачѣмъ они это дѣлаютъ и не совмѣщаютъ въ себѣ ежедневной газеты съ ежемѣсячнымъ журналомъ.

Фу, какой сумбуръ противорѣчій! И въ то-же время сколько кажущагося собственнаго достоинства, сколько смѣлости въ словахъ, за которыя не приходится отвѣчать, сколько самоувѣренной заносчивости, какой подавляющей авторитетъ, какое отважное обвиненіе другихъ въ глупости! О, русская интеллигенція, извратившая свои чувства и свои мысли, и въ то-же время съ самоувѣренною непогрѣшимостію желающая перевоспитать всю Россію! И перевоспитаетъ, но только путемъ прогрессивной реакціи; перевоспитаетъ тѣмъ, что заставитъ въ воспитаніи избѣгать всего того, что создаетъ мелочность чувствъ, болѣзненное самолюбіе и мелочность мысли, перевоспитаетъ тѣмъ-же, что заставило Руссо отвернуться отъ французской цивилизаціи и искать противовѣса ей въ естественной простотѣ. Въ этомъ смыслѣ намъ и нужна книга, написанная не для французовъ, а для русскихъ.

У каждаго народа есть своеобразныя особенности въ характерѣ, свои достоинства и недостатки, созданныя предыдущей исторіей, общественными учрежденіями и складомъ общественной жизни. Эскиросъ писалъ свою книгу для французовъ наполеоновскаго времени и противъ недостатковъ второй имперіи. Для насъ это вопросы вторые и къ намъ ближе тѣ недостатки, противъ которыхъ ратовалъ Руссо. Эскиросъ хочетъ выработать политическаго дѣятеля, Руссо — здравогомыслящаго, честнаго, самостоятельнаго и нравственно-независимаго человѣка. Какой человѣкъ намъ нужнѣе? Едва освободившись отъ крѣпостнаго права, не могли же мы сразу стряхнуть съ себя того, что наслонилось на насъ вѣками, и потому, читая Эскироса, видишь романъ изъ чужой жизни, романъ изъ жизни народа, много насъ опередившаго; читая же Руссо — какъ-бы читаешь недостатки теперешнихъ русскихъ людей. Я знаю, что Руссо ставятъ въ упрекъ его метафизическій принципъ и недостатокъ послѣдовательности и все-таки утверждаю, что Эмиль Руссо къ намъ ближе, чѣмъ Эмиль Эскироса, ближе по частностямъ, по богатству наблюдательности, по большимъ подробностямъ, по болѣе всесторонней критикѣ людскихъ недостатковъ, наконецъ, по большей простотѣ и убѣдительности изложенія.

Съ тѣхъ поръ, какъ молодое поколѣніе стало во главѣ литературы, популяризація преслѣдуется съ какимъ-то озлобленіемъ. Дѣтѣ стали отцами и думаютъ, что дѣтей уже больше нѣтъ на

свѣтъ. Но я бы попросилъ „отцовъ“ объяснить мнѣ слѣдующій фактъ. Петербургъ читаетъ преимущественно „Вѣстникъ Европы“ и „Отечественныя Записки“, что, конечно, доказываетъ зрѣлость Петербурга; провинція же читаетъ больше всего журналы шестидесятихъ годовъ. Отчего? Только отъ того, что вопросы шестидесятихъ годовъ ближе, проще, непосредственнѣе, такъ сказать, понятнѣе, нервнѣе, и писали въ то время люди проще, чѣмъ измышляемыя нынче абстракціи и обобщенія. Поэтому я и думаю, что книга Эскироса, при всѣхъ ея достоинствахъ, не найдетъ себѣ въ провинціи многочисленныхъ читателей. Для отцовъ и матерей нашей глухой провинціи, а особенно для матерей, нужны книги, меньше всего наполненныя теоретическими обобщеніями. Къ воспитанію нашихъ родителей нужно примѣнить тотъ-же наглядный методъ, какой употребляетъ мать у Эмиля Эскироса. Вы, какъ писатель и мыслитель, держите принципъ крѣпко въ своей головѣ и будьте послѣдовательны, но имѣйте благоразуміе не надоедать своими теоретическими разсужденіями читателю и особенно читательницѣ. Читателю давайте рядъ фактовъ, во-первыхъ, изъ русской жизни, такъ, чтобы книга являлась наглядной картиной окружающей дѣйствительности и получила жизненное содержаніе, а не переносила-бы читателя въ Англію, Перу, во Францію, а во вторыхъ, придайте своей книгѣ практической характеръ, т. е. снабдите ее руководящими примѣрами и чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше. Такой рецептурный характеръ не уронитъ ни принципа, ни теоріи, и не выставитъ въ обидномъ свѣтѣ вашей авторской основательности. Самое дурное, что можетъ случиться, что книгу прочтутъ очень многіе, а это все, что требуется отъ книги.

II.

Относительно воспитанія въ публикѣ успѣлъ укорениться предразсудокъ, что оно есть нѣчто вовсе недоступное для обыкновенныхъ людей. Распространяется этотъ предразсудокъ давно и именно съ тѣхъ поръ, когда воспитаніе стало наукой. Сколько вы встрѣтите матерей, искренно говорящихъ: „нѣтъ, я не умѣю воспитывать, а нанять гувернантку у меня нѣтъ средствъ“. Какъ-будто кака-бы то ни было гувернантка можетъ замѣнить мать!

И дѣйствительно, если приглядѣться къ требованіямъ теоретическихъ педагоговъ да почитать ихъ книжки, то иснугаешься и опустишь руки. То, чѣмъ обязываетъ теоретическая педагогія, доступно царямъ, а не обыкновеннымъ людямъ. Заговорить-ли педагогъ о необходимости свѣжаго воздуха въ дѣтской, онъ предлагаетъ окрасить стѣны масляной краской и мыть ихъ каждый день съ мыломъ. Педагогъ совѣтуетъ имѣть двѣ комнаты—пока въ одной моютъ и освѣжаютъ воздухъ, дѣти должны играть въ другой. Заговорить-ли педагогъ о чистотѣ дѣтскаго тѣла—окажется необходима цѣлая система ваннъ съ термометрами, душами и нагрѣтыми суконками, а для мытья дѣтскаго бѣлья—цѣлое прачечное заведеніе, такъ всего много и такъ все разнообразно. Заговорить-ли педагогъ о нравственномъ образованіи—оказывается, что за ребенкомъ нужно ходить какъ за цилиндромъ, слѣдить за каждымъ его побужденіемъ, не пропустить ни одного его крика; каждому порыву, желанію найти мѣсто и причину и дать рациональное удовлетвореніе. У всякаго, кто прочитаетъ книжку, написанную теоретикомъ воспитателемъ, рисуется въ воображеніи богатый домъ, съ многочисленной прислугой, съ гувернерами и гувернантками; дѣти разряженные въ панталончики и кружева, гуляющія съ мамками, няньками и приставниками. Воспитаніе представляется какимъ-то тепличнымъ уходомъ, совершенно недоступнымъ и бѣдные родители съ глубокимъ вздохомъ сожалеютъ, что не могутъ дать своимъ дѣтямъ воспитанія. Конечно, парижскій пантографъ, въ 30 руб. вещь хоршая, но пантографъ можно сдѣлать и изъ деревянныхъ пластинокъ; онъ будетъ такъ-же вѣренъ и обойдется всего въ гривенникъ. Этой простоты, этого умѣнья изворачиваться домашними средствами нужно добиться и въ воспитаніи.

Эскиросъ повторяетъ ту-же ошибку; онъ даетъ родителямъ Эмиля хорошее состояніе и приставляетъ къ своему воспитаннику негра и негрятянку. А знаете-ли для чего? Въ Америкѣ дѣти бѣлыхъ въ первые годы поручаются неграмъ, потому что негры умѣютъ развивать тонкость зрѣнія и слуха, а негрятянки отличныя кормилицы. „Въ человѣкѣ таятся физическія способности, существованія которыхъ мы нерѣдко не подозреваемъ и которыя остаются въ секретномъ состояніи потому, что воспитаніе не развивало ихъ упражненіемъ“, замѣчаетъ Эскиросъ. Мысль справед-

ливая и ее можно дополнить тѣмъ, что дурное развитіе слуха и зрѣнія и непривычка сосредоточивать ихъ на одномъ предметѣ создаютъ невнимательность, послѣшность и легкомысліе. Но неужели безъ негра и негритянки нельзя ужь воспитать умнаго человѣка? Если Руссо дѣлаетъ своего Эмиля богатымъ, то не поэтому. „Естественное воспитаніе, говоритъ онъ, должно дѣлать человѣка способнымъ ко всякаго рода состояніямъ; а воспитывать бѣдняка для богатой жизни менѣе разумно, нежели воспитывать богача для бѣдной, потому что численное отношеніе этихъ двухъ состояній показываетъ, что раззорившихся больше, чѣмъ обогатившихся. Изберемъ слѣдовательно богатаго; мы будемъ во всякомъ случаѣ увѣрены, что образуемъ лишняго человѣка, между тѣмъ какъ бѣднякъ можетъ сдѣлаться человекомъ самъ собою. По этой-же причинѣ я не прочь, чтобы Эмиль былъ хорошаго рода: все-таки лишняя жертва будетъ вырвана изъ рукъ предрасудковъ“. Такимъ образомъ богатство нужно Руссо для того, чтобы спасти лишнюю жертву отъ предрасудковъ не бѣдности, а богатства. Тутъ есть мысль и тенденція. „Одно изъ несчастій богатыхъ людей, говоритъ Руссо въ другомъ мѣстѣ, заключается въ томъ, что ихъ всюду обманываютъ. Можно-ли удивляться, что они дурного мнѣнія о людяхъ? Ихъ портитъ ихъ собственное богатство; все у нихъ исполняется дурно вромѣ того, что они дѣлаютъ сами, а сами они почти ничего не дѣлаютъ“. Казалось-бы, что тѣмъ, у кого нѣтъ средствъ нанимать нянекъ, мамокъ, приставниковъ, гувернеровъ и гувернантокъ слѣдуетъ благодарить за это судьбу, а они рошцуютъ и завидуютъ богатымъ!

Основная ошибка, на которую мы указываемъ, влечетъ за собою и другую ошибку. Теоретики-воспитатели, рисуя картины идеальнаго воспитанія въ богатой средѣ, выдѣляютъ ребенка изъ всѣхъ вредныхъ вліяній. Теоретики говорятъ лишь о томъ, что помогаетъ и молчатъ о томъ, что портитъ и мѣшаетъ; они всегда ухитряются помѣстить ребенка въ какую-нибудь особенную мѣстность и окружать его особенными людьми. Такъ поступаетъ Руссо, такъ поступаетъ и Эскиросъ. Конечно, у Эскироса есть задняя мысль; онъ хочетъ сказать французамъ—учитесь воспитывать дѣтей у англичанъ. Но задняя мысль Эскироса для обыкновеннаго русскаго читателя непонятна; русскій читатель видитъ

только изолированное воспитание. Но изолированно воспитать ребенка нельзя. Воспитывая ребенка в деревнѣ, трудно отстранить его от вліяній деревни. Ребенку вы не завяжете глазъ и ушей; на каждомъ шагѣ онъ видитъ и слышитъ не то, что хотите заставить его видѣть и слышать педагогъ. Прислуга—другой воспитательный элементъ, вліяющій обыкновенно дурно. А няня? Положимъ, что она женщина хорошая, добрая, искренно готовая исполнять всѣ ваши педагогическія предначертанія. Но вѣдь ее воспитывала другая жизнь и инныя впечатлѣнія. Вы не вычеркните изъ ея головы того, что у нея въ головѣ уже написано. Я не скажу, чтобы эти вліянія въ общемъ были вредны; напротивъ, они необходимы для того, чтобы ребенокъ воспитывался въ правильномъ пониманіи жизни. Жизнь—это Янусъ, одно лицо котораго смотритъ впередъ, другое назадъ. Вы можете только показать одно лицо, а это не значитъ научить жизни. Она помимо васъ научитъ многому и вашъ идеальный человекъ не удался. Но если-бы идеальный человекъ и удался, не значитъ-ли это создать несчастное существо, которому нѣтъ на землѣ никакого дѣла. Поэтому популярныя сочиненія о воспитаніи приносили-бы большую пользу, если-бы говорили чего не слѣдуетъ дѣлать и какъ противодѣйствовать дурному, чѣмъ рисовать сантиментально нѣжныхъ родителей, дѣйствующихъ точно миссіонеры въ пустынѣ. Гдѣ-же обыкновеннымъ людямъ угоднѣе за такими родителями, особенно если въ ихъ распоряженіи еще многочисленная прислуга, негры, а денежное богатство даетъ имъ возможность свершать съ своими дѣтьми кругосвѣтное воспитательное плаваніе. Поучайте обыкновенныхъ людей, живущихъ въ обыкновенной жизненной обстановкѣ на обыкновенныя жизненныя средства, и учите, какъ пользоваться тѣмъ, что подъ руками, а не тѣмъ, чего нельзя достать. Обыкновенные люди лучше знаютъ жизнь, точнѣе знакомы съ людскими недостатками и стоятъ ближе къ правдѣ, которая отъ нихъ не прячется, какъ она прячется отъ богатыхъ. Слѣдовательно, вполне безошибочное и практическое воспитаніе можно дать не въ той средѣ, которая маскируетъ житейскія отношенія, а въ той, которая ихъ разоблачаетъ. Вѣрное воспитаніе для жизни даешь не тогда, когда увезешь ребенка за море, а когда научишь его тому, что дѣлается дома.

Удивляются вѣрному практическому смыслу деревенскихъ дѣтей: еще-бы имъ не быть здравомыслящими, когда ихъ никто не выдѣляетъ изъ жизни, не запираетъ въ теплицы. Восемилѣтній деревенскій мальчикъ выгонитъ стадо въ поле и приведетъ изъ табуна лошадь. Поплите его за 10 верстъ въ городъ и онъ исполнитъ ваше порученіе не хуже большого; онъ вамъ поймаетъ и галку и ворону, потому что знаетъ, гдѣ и какъ онъ живуть и умѣетъ взлѣсть на дерево, не боясь разорвать панталоны, онъ не заблудится въ лѣсу и не испугается рѣки безъ моста. А развѣ восьмилѣтній мальчикъ образованныхъ родителей знаетъ что-либо, кромѣ игрушекъ; развѣ ему можно что нибудь поручить, куда нибудь послать? Въ деревнѣ онъ всегда въ зависимости отъ деревенскихъ дѣтей. Съ самой колыбели мы окружаемъ дѣтей мамками и мелочной заботливостію и подготавливаемъ изъ дѣтей мечтателей или говоруновъ, развивая мозгъ въ ущербъ мускуламъ и вмѣсто органическихъ продуктовъ естественнаго воспитанія создаемъ будущихъ либераловъ. Въ деревняхъ либераловъ нѣтъ. Либерализмъ—продуетъ городского головного воспитанія.

Въ своей нѣжной заботливости о дѣтяхъ маменьки обыкновенно ссылаются на множество опасностей, которыя окружаютъ ихъ дѣтей. Боязнь воображаемыхъ опасностей простирается иногда такъ далеко, что готовы не учить ребенка ходить. Эти страхи воспитали въ маменькахъ идеалисты и педагоги-теоретики. Когда печать оглашаетъ факты уголовныхъ преступленій, всегда кажется, что жить очень страшно. Налечатайте въ газетахъ, что въ Петербургѣ трехлѣтняго ребенка задавила на улицѣ лошадь—и всѣ петербургскія матери трехлѣтнихъ дѣтей вообразятъ, что ихъ дѣтямъ грозитъ такая-же смерть. Это не чадолюбіе, а неразсудительность, искусственный страхъ вслѣдствіе незнанія. Конечно, опасностей въ жизни не мало, но ихъ всетаки гораздо меньше, чѣмъ рисуетъ воображеніе. Подъ вліяніемъ напускнаго страха и явилось тепличное воспитаніе. Боясь сквозного вѣтра, совсѣмъ перестаютъ пускать дѣтей на воздухъ; боясь несчастныхъ случаевъ, держатъ дѣтей подъ юбками.

Всѣ страхи и предрасудки явились именно потому, что воспитаніе представляли родителямъ какою-то исключительною мудростію, безукоривенной практической послѣдовательностію теоріи

воспитанія. Этому предрасудку былъ не чуждъ и Руссо. „Чѣмъ больше думаешь о роли воспитателя, тѣмъ больше видишь въ ней новыхъ трудностей. Ему слѣдовало-бы быть воспитаннымъ для своего ученика, прислугѣ ребенка слѣдовало-бы быть воспитанною для своего господина; всѣмъ кто приходитъ съ нимъ въ соприкосновеніе—быть исполненными именно тѣхъ впечатлѣній, которыя они должны сообщить ему. Нужно было-бы, восходя отъ воспитанія къ воспитанію, зайти богъ вѣсть куда. Какъ можетъ хорошо воспитать ребенка тотъ, кто самъ не былъ хорошо воспитанъ!“

Такая послѣдовательность именно и сбиваетъ съ толку; она-то именно и заставляетъ смотрѣть на воспитаніе, какъ на очень черную, очень трудную, очень скучную работу, не дающую ни минуты отдыха.

Трудность воспитанія не въ томъ, чтобы дрожать каждую минуту надъ ребенкомъ, не спуская съ него глазъ и въ то-же время не зная, гакое ему найти дѣло, а въ томъ, чтобы въ собственной семьѣ окружить его разумной практикой и самимъ родителями быть тѣмъ, чѣмъ они хотятъ сдѣлать своихъ дѣтей. Можно отлично воспитать ребенка, повидимому и не заботясь о его воспитаніи и освободивъ его отъ опеки. Многіе родители только потому смотрятъ такъ безнадежно на свои педагогическія способности, что имъ рисовали педагогию всегда въ видѣ неразрѣшимой тарбарщины, которую слѣдуетъ изучать въ особомъ заведеніи, и удостоиться диплома. Этотъ страхъ родителей напоминаетъ страхъ школьниговъ, боящихся грамоты. Изъ науки и знанія дѣлали пугало, потому что учили страхомъ. Еще-бы дѣтлмъ не бояться ученія, когда ученіе и наказаніе для нихъ одно и то-же! Взгляните на школьника въ школѣ—это отерпѣлый Япка, туло смотрящій на Осипа Харитоновича, потому что онъ не понимаетъ, чего отъ него требуютъ. Такъ-же цѣпенѣтъ мозгъ и у родителей предъ непостижимой мудростію педагоги, которая въ сущности очень проста и понятна.

Родители воображаютъ, что воспитывать дѣтей значить усвоить себѣ торжественный видъ, напустить важность, держать себя иначе, ходить иначе и олицетворять собою принципы безошибочности и неизмѣнной формальной сухой строгости. Многіе даже думаютъ, что при дѣтяхъ нельзя развалиться въ креслѣ или на диванѣ.

Нѣтъ, добрые люди, это вовсе не значитъ быть воспитателями, — это значитъ быть педантами. Держите себя просто, дѣлайте, что вы дѣлаете, не скучайте съ дѣтьми и на нихъ не наводите скуки, будьте для нихъ практическимъ примѣромъ хорошихъ добрыхъ чувствъ и хорошихъ добрыхъ мыслей, сѣужьте не разстроить имъ желудки и сберечь имъ здоровье и если вы всего этого достигнете, вы отличнѣйшій педагогъ.

Быть примѣромъ дѣтямъ, вовсе не значитъ дѣлать только то, что слѣдуетъ дѣлать дѣтямъ. Положимъ, вамъ 60 лѣтъ, у васъ десятилѣтній сынъ и спите вы съ нимъ въ одной комнатѣ. Валиваться дѣтямъ въ постелѣ нельзя — и вы не позволяете своему сыну валиваться. Вообразивъ, что вы, какъ воспитатель, должны служить своему сыну примѣромъ, вы торопитесь вставать, какъ только проснетесь. Но вы человѣкъ старій; кровь двигается въ васъ уже медленно; прежде чѣмъ вамъ встать, вамъ нужно полежать минутъ пять. Держась же своего принципа, вы встали, когда кровь не пришла въ нормальное движеніе, вы раздражены, не въ духѣ, проклинаете обязанности воспитателя, сердитесь на себя и на своего сына. Кто же велитъ вамъ вставать; лежите, потягивайтесь, приходите въ себя, а сыну прикажите одѣваться. Вскакивая съ постели вмѣстѣ съ сыномъ ради воспитательнаго примѣра, вы именно и дѣлаете ошибку противъ воспитанія, потому что, во-первыхъ, лишаете себя случая поразъяснить вашему сыну кое-что, чего онъ не знаетъ, а во-вторыхъ, поселаете въ немъ ложное понятіе о равенствѣ. Вамъ представляется случай объяснить своему сыну кровообращеніе, разницу въ кровообращеніи днемъ и ночью, разницу въ быстротѣ кровообращенія у молодыхъ и старыхъ, объяснить ему причину сна, почему вредно спать на спинѣ, отчего человѣкъ спящій на спинѣ видитъ страшные сны, отчего здоровѣе всего спать на правомъ боку, отчего валиніе въ теплой постелѣ расслабляетъ и отчего, чтобы вырасти сильнымъ и здоровымъ молодцомъ, нужно вставать сейчасъ же. Вы объясните своему десятилѣтнему сыну, почему то, что вы отъ него требуете, и то, что ему должно принести пользу, вамъ напротивъ приносить вредъ, почему вамъ для вашего здоровья нужно немножко отдохнуть въ постелѣ, ему же напротивъ нужно вставать скоро. Этими объясненіями вы познакомите своего сына и съ нѣкоторыми фізіологическими явленіями, научите исзать

объясненія многого изъ того, чего онъ не понимаетъ, въ физиологін и научите понимать его равенство лучше, чѣмъ его понимаютъ всѣ дѣти. Вотъ дѣло другое, если вы встаете двумя часами позже своего сына и, чтобы онъ васъ не будилъ, велите ему спать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые маменьки, укладывающія своихъ дѣтей въ девять часовъ, а сами ложащіяся въ два и три—ночью. Это уже не воспитаніе, это уже не значить служить примѣромъ и объ этомъ-то и говоритъ Руссо, когда онъ требуетъ, чтобы воспитатель былъ прежде всего самъ хорошо воспитанъ. Руссо, предлагая свой трактатъ о воспитаніи, хотѣлъ исправить нравы образованнаго сословія и измѣнить складъ жизни французскаго образованнаго общества. Жизнь этого общества совсѣмъ уклонилась отъ природной простоты и пошла наперекоръ физиологическимъ законамъ. Люди день превратили въ ночь, лампами замѣнили солнце, свѣжій воздухъ, насыщенный кислородомъ, изгнали изъ своихъ квартиръ и замѣнили его парфюмеріями; вмѣсто здоровой, укрѣпляющей пищи стали ѣсть утонченную, пряную, раздражающую; вмѣсто укрѣпленія тѣла—изнѣжили его пуховиками, тепломъ, праздностію. Отсюда—перевѣсъ воображенія надъ здравомысліемъ, разслабленныя нервы, искусственныя потребности, неумѣренныя желанія, рабство тѣла и души, слабость характера, нравственное и умственное безсиліе.

Но мы, слава богу, до этого еще не доросли. Мы еще слишкомъ примитивны и намъ легче исправиться. Мы, русскіе люди средняго слоя, еще слишкомъ бѣдны, чтобы имѣть утонченныя потребности и разслабленные нервы; у насъ еще мало денегъ, чтобы пользоваться плодами утонченной цивилизаціи. Поэтому, воспитывать людей въ простыхъ здоровыхъ привычкахъ и создавать физическихъ крѣпчачковъ намъ гораздо легче, если только мы станемъ смотрѣть менѣе вычурно на воспитаніе и поймемъ, что послѣдовательность, которая такъ пугаетъ насъ въ педагогическихъ книгахъ, есть послѣдовательность теоретическая, въ дѣйствительной жизни недостижимая. Она—идеаль и больше ничего. Но не думайте, что если у васъ нѣтъ средствъ нанять негра Купидона и взять его жену въ кормилицы, то это значить, что вы не воспитываете своего ребенка. Конечно, вамъ не сдѣлаться совершенной матерью, какъ мать Эмиля, но это не причина опустить руки и говорить себѣ и другимъ: „нѣтъ я не могу воспи-

тывать дѣтей“. Неправда. Вы можете и должны и, если вы убѣдите себя въ этомъ, васъ перестанутъ раздражать ваши дѣти, вы перестанете жаловаться на разстроенные нервы, на головную боль къ вечеру, потому что этого ничего у васъ не будетъ, а не будетъ оттого, что вы станете держать себя съ вашими дѣтьми какъ благоразумное правительство. Потому, что у васъ недостаетъ средствъ, вы находитесь въ положеніи болѣе удобномъ для воспитанія дѣтей, вы же, вмѣсто того, чтобы благословлять за это судьбу, вздыхаете по недостижимомъ для васъ богатствѣ и по гувернанткамъ, которыхъ вамъ никогда не имѣть. Вообразивъ, что вы не можете воспитывать сами, и опустивъ руки, вы сдѣлаете то, что вашихъ дѣтей будетъ воспитывать улица. Будто бы вы хотите этого? Вообразивъ, что вы не можете воспитывать, вы забудете о внутренней дисциплинѣ, распуститесь и дѣйствительно послужите своимъ дѣтямъ примѣромъ беспорядочности и неблагоразумія. Въ концѣ-концовъ окажется все-таки, что вы воспитываете дѣтей, но только въ нравственной и физической порчѣ и въ убыточныхъ и нездоровыхъ привычкахъ. И все это оттого, что вы вообразили, что безъ гувернантки вы пропали и что педагогія—наука для мудрецовъ, а не для всѣхъ отцовъ и матерей, не для васъ.

Прежде всего забудьте, что педагогія наука, требующая напускной важности, серьезнаго и неприступнаго вида. Напротивъ истинная педагогія этого и не требуетъ. Не берите въ примѣръ сухую деревянность гувернеровъ, гувернантокъ и школьныхъ учителей, ибо напускная неестественная солидность портитъ дѣтей, учить ихъ не быть, а казаться. Будьте тѣмъ, что вы есть, и вы научите своимъ примѣромъ естественности и простотѣ. Гордитесь тѣмъ преимуществомъ, котораго гувернерамъ, гувернанткамъ и учителямъ не купить горами золота: вы мать, вы отецъ. „Точно такъ, какъ настоящею кормилицею должна быть мать, настоящимъ воспитателемъ долженъ быть отецъ, оба они должны условиться въ порядкѣ занятій, также какъ и въ системѣ. Изъ рукъ матери ребенокъ долженъ перейти въ руки отца. Разсудительный, хотя и ограниченный отецъ воспитаетъ ребенка лучше, чѣмъ самый искусный наставникъ въ мірѣ: усердіе успѣшнѣе замѣнитъ талантъ, чѣмъ талантъ усердіе“. Говорить это Руссо, и слова его вамъ нужно замѣтить. Вы признаете семью основой гражданскаго общества, источникомъ чистоты нравовъ и, отказы-

Взясь отъ личнаго воспитанія, поручая дѣтей чужому надзору или отдавая ихъ въ пансіонъ, поселяете начало разрушенія семьи. „Производя и кормя дѣтей, отецъ исполняетъ только треть своего долга; онъ долженъ дать обществу надежныхъ членовъ, онъ долженъ дать государству гражданъ. Всякій человѣкъ, который можетъ уплатить этотъ тройной долгъ и не дѣлаетъ этого, виновенъ и бываетъ, можетъ быть, еще виновнѣе, если уплачиваетъ его вполонину. Тотъ, кто не можетъ выполнить обязанностей отца, не имѣетъ права быть имъ. Никакая бѣдность, никакія занятія, никакое человѣческое величіе не избавляютъ его отъ обязанности кормить и самому воспитать своихъ дѣтей... Но что дѣлаетъ этотъ богачъ, этотъ отецъ, озабоченный дѣлами и принужденный, по его словамъ, покинуть дѣтей? Онъ платитъ другому, чтобы тотъ взялъ на себя заботы, которыя самому ему въ тягость. Продажная душа, неужели ты думаешь за деньги найти другого отца твоему сыну? не обманывай себя, ты находишь даже и не учителя, а лакея, который скоро образуетъ другого лакея“.

Еще разъ, не пугайтесь воспитанія и не завидуйте богатымъ. Чего не достаетъ вамъ? Вы любите своихъ дѣтей, это—главное. Вы знаете кодексъ нравственности, вы знаете, что люди должны любить другъ друга и помогать другъ другу, что человѣчество—это семья, для которой нужно воспитывать человѣка; у васъ, можетъ быть, недостаетъ кое-какихъ практическихъ свѣденій, знакомства съ приемами и воспитательными примѣрами. Въ такомъ случаѣ прочитайте „Эмиля“ Руссо, „Эмиля“ Эсвироса, „Письма“ Беме—все это переведено. Но вамъ, можетъ быть, некогда,—вы или играете у купцовъ въ стуколку, или ѣздите на пикники и вечера; въ такомъ случаѣ вы напрасно женились, а вы напрасно вышли замужъ. „Когда читаешь у Плутарха, говорить Руссо, что цензоръ Катонъ, съ такою славою управлявшій Римомъ, самъ воспитывалъ своего сына съ колыбели и постоянно присутствовалъ, когда кормилица, т. е. мать обмывала ребенка,—когда читаешь у Светонія, что Августъ, властитель вселенной, самъ училъ своихъ внуковъ писать, плавать, сообщалъ имъ элементарныя научныя свѣденія и непрерывно былъ съ ними, то невольно смѣешься надъ этими наивными чудаками. Надо полагать, что они занимались этимъ вздоромъ только потому, что

были слишкомъ ограниченны для занятій великими дѣлами великихъ людей нашего времени“.

Воспитаніе ребенка сравниваютъ съ воспитаніемъ челоѳчества. Тотъ-же постепенный переходъ отъ воспитанія чувствъ къ воспитанію мысли, отъ наблюденія непосредственно видимыхъ предметовъ къ связи причинъ и послѣдствій и къ обобщеніямъ. Ребенокъ—это дикарь, родившійся отъ цивилизованныхъ родителей. Онъ знаетъ только свое я и отдается только своимъ непосредственнымъ ощущеніямъ. Только постепеннымъ и продолжительнымъ рядомъ практическихъ уроковъ, онъ вырабатываетъ свою жизнь и становится существомъ цивилизованнымъ и общественнымъ. Эту простую истину знаютъ немногіе родители, оттого-то они никакъ и не могутъ попасть въ тонъ и составить себѣ программу поведенія. Дикарь-ребенокъ не можетъ управлять собою и потому надъ нимъ должна стоять деспотическая власть. Какъ вы станете обращаться къ дѣтскому разуму или разсудку, когда ни того ни другого у него нѣтъ; какъ вы станете объяснять то, что онъ понять не въ состояніи? Ребенокъ беретъ въ ротъ бѣлену: какъ вы объясните ему, что это ядь? Одно средство—отнять ее отъ него, не говоря ни слова; это ему практической урокъ не брать ее въ другой разъ. Но вотъ ребенокъ тянется къ крапивѣ или къ горящей свѣчкѣ—оставьте, пусть обожжется. Когда въ ребенкѣ способность сравненія усиливается и онъ судить безошибочнѣе, обращайтесь къ этой способности чаще и больше и больше уважайте въ ребенкѣ его челоѳческую личность, давая всегда ребенку столько свободы, на сколько онъ въ состояніи ею пользоваться безошибочно. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда разсудокъ ребенка безсиленъ, прибѣгайте къ абсолютизму, ибо предъ вами непонимающій дикарь. По мѣрѣ развитія ребенка и перехода его къ зрѣлости мысли, руководящая власть должна ослабѣвать болѣе и болѣе, и съ концомъ воспитанія наступаетъ начало полной свободы.

Оттого что воспитательный принципъ постепеннаго перехода отъ абсолютизма къ самоуправленію не всѣмъ достаточно ясенъ, многія маменьки изъ женщинъ шестидесятыхъ годовъ напрасно потратились на воспитательные эксперименты, чтобы купить знаніе, которымъ онѣ не запаслись ранѣе и только испортили своихъ дѣтей. Молодые матери рѣшили, что дѣтей нужно воспитывать

въ свободѣ и не подавлять ихъ авторитетомъ, и на этомъ основаніи позволили имъ дѣлать, что они хотятъ. Маленькіе дикари, конечно, обрадовались и росли какъ настоящіе дикари. Если-бы все это дикарство ограничивалось тѣмъ, что дѣти били посуду, пачкали и рвали платье—бѣда еще не большая. Но вышло хуже:—явились дурныя привычки, а нѣтъ ничего труднѣе, какъ ихъ исправить. Исправленіе тѣмъ болѣе прискорбно, что на него тратится время, которое шло-бы съ большею пользою на дальнѣйшее развитіе. Напримѣръ, одна мать, придерживающаяся принципа свободы, по принципу, хоть и подъ надзоромъ няни, даетъ ребенку полную свободу ходить и бѣгать, какъ и гдѣ ему вздумается. Такъ-какъ у ребенка легкая походка, то ему шьются ботинки съ высокими каблуками, чтобы походка была еще легче. Ребенокъ бѣгаетъ, изображаетъ изъ себя пристяжныхъ, коренныхъ и скаковыхъ лошадей—все это прекрасно. Но печально то, что вмѣсто твердой правильной походки онъ приобрѣлъ походку не вѣрную, шаткую, цѣпляющуюся. Отъ постоянного изображенія очень горячихъ и красивыхъ пристяжныхъ онъ привыкъ гнуться, выставлять впередъ плечи, вдавливать грудь и не научился ходить по человѣчески. Такимъ образомъ, нѣкогда легкая походка превратилась въ волочащую, точно на ногахъ гири; грудная клѣтка не развила какъ слѣдуетъ; вмѣсто смѣлаго молодцоватаго вида ребенокъ получилъ слабый, хилый, а отъ постоянного дышанья ртомъ во время бѣганья отвыкъ дышать носомъ. Или способный мальчикъ выучивается самъ собою читать,—мать въ восторгѣ отъ его ума; ребенокъ хватается за всякую книгу, какую увидитъ, потому-что онъ этимъ способомъ учится читать и привыкъ къ этому. Но какъ не всякая книга по его силамъ, то онъ читаетъ и съ начала, и съ конца, и съ середины, отыскивая что ему понятнѣе; читаетъ и Рѣшетникова, и Шильгагена, и „Архивъ Судебной Медицины“ и „Петербургскія Вѣдомости“—и все это уже въ девять лѣтъ. Когда ребенокъ пришелъ, напримѣръ, съ прогулки къ обѣду, но нужно ждать еще десять минутъ, онъ беретъ первую подвернувшуюся ему книгу, раскрываетъ ее, гдѣ случится, и начинается чтеніе. Здѣсь чтеніе простой механической процессъ, приучающій къ словамъ, а не къ смыслу. И надо отдать справедливость ребенку—онъ знаетъ множество словъ неизвѣстныхъ другимъ дѣтямъ, заучилъ книж-

ныя выраженія и говоритъ, какъ литераторъ. Весь этотъ внѣшній лоскъ—дѣло одной памяти и легкомысліе ребенка рѣзко противорѣчитъ съ его недѣтской вычурной рѣчью, вводящей въ заблужденіе. Или живой впечатлительный ребенокъ, предоставленный себѣ, дѣлаетъ, что онъ хочетъ. Его вниманіе никто не пріучаетъ останавливаться на томъ или другомъ предметѣ; онъ быстро переходитъ отъ игры въ лошадки къ игрѣ въ мячъ, отъ бѣганья къ книгѣ, началъ онъ лѣпить изъ песку булки или строить домъ, но бѣжитъ мимо собака или щенокъ и онъ забываетъ свой домъ и кидается къ щенку. Служаетъ онъ рассказъ матери и, повидимому, весь имъ поглощенъ, но пролетаетъ мимо воробей — и ужъ онъ не слушаетъ матери, а слѣдитъ за воробьемъ. Не привыкнувъ сосредоточивать вниманія и кончать начатое, его мысль постоянно скользитъ и въ вѣчномъ разбродѣ; онъ всегда слушаетъ только однимъ ухомъ и видитъ только однимъ глазомъ. Теперь этотъ мальчикъ гимназистъ и вотъ что изъ него выходитъ. Читаетъ онъ „Рассказы про старое время на Руси“ Петрушевскаго и затѣмъ при случаѣ говоритъ отцу о Сергѣѣ Пустосвятѣ. „Какой Сергѣй Пустосвятъ“? спрашиваетъ отецъ. — Развѣ ты не знаешь, отвѣчалъ сынъ съ увѣренностію и усмѣшкой: Сергѣй Пустосвятъ! — „Сергѣя Пустосвята не слышалъ; гдѣ ты читалъ“? — Въ рассказахъ про старое время. — „Покажи“. Отыскивается страница и на ней оказывается такая фраза: „Это былъ монахъ Сергій и разстрига поппъ Никита, котораго православные прозвали Пустосвятомъ“. Мальчикъ, привыкнувъ читать кое-какъ безъ вниманія, замѣтилъ только начало и конецъ фразы, заучивъ слова болѣе рѣзко бросавшіяся ему въ глаза. Или его же спрашиваетъ отецъ: что учишь? — Географію. — „О чемъ“? — Водныя системы и ярмарки. — „Гдѣ самыя главныя ярмарки“? — На границахъ Сибири въ губерніяхъ Пензенской и Оренбургской. — „Какъ Пензенской“? — Пензенской. Въмѣсто Пензенской оказалась Пермская. Чтобы исправить это легкомысліе, придется, конечно, повозиться очень долго и весьма терпѣливо, но ужъ оно засѣло на всю жизнь и едва-ли изъ мальчика сложится основательный, серьезный умъ.

И все это произошло только отъ того, что мать не умѣла найти мѣрки и давала сыну свободу въ такихъ вещахъ, которыми онъ своимъ умомъ пользоваться не могъ. Чѣмъ ребенокъ

менѣе живъ и впечатлительнъ, тѣмъ слѣдуетъ держать его свободнѣе, не боясь ошибокъ живости, которой у него нѣтъ. Напротивъ, живыхъ и способныхъ дѣтей, слѣдовательно быстрыхъ, впечатлительныхъ, нужно выдерживать долѣе, потому что они гораздо легче дѣлаютъ ошибки мысли. Совершенно правъ Руссо, когда онъ говоритъ, что прежде всего не слѣдуетъ спѣшить. Все, что воспитатели теряютъ во времени, они выигрываютъ въ прочности успѣха. Но тотъ-же Руссо и такъ-же справедливо замѣчаетъ, что дитя-геній—исключеніе и что всякая мать воображаетъ, что это-то исключеніе именно и есть ея ребенокъ. Самообольщеніе лишаетъ мать всякой мѣры, и потому только та мать истинная воспитательница своихъ дѣтей, которая умѣетъ любить ихъ съ умомъ. Если этого драгоценнаго человѣческаго качества нѣтъ у матери,—ничего не подѣлаешь и никакая педагогія не поможетъ. Поэтому я бы сказалъ матерямъ — любите своихъ дѣтей менѣе, не считайте ихъ исключеніемъ изъ человѣчества и имѣйте терпѣніе не спѣшить воспитаніемъ.

Взрослые иногда удивляются, что курсъ географіи въ полми-зинца толщины ребенокъ учить годъ и не знаетъ: взрослые удивляются, что дѣтямъ нужно повторять одинъ и тотъ-же опытъ многое множество разъ, прежде чѣмъ они хорошо его запомнятъ и усвоятъ правильную привычку. Это-то именно и доказываетъ, что дѣти вовсе не такъ способны, какъ мы думаемъ, что имъ учиться гораздо труднѣе, чѣмъ намъ, потому что они не умѣютъ еще мыслить. Въ развитіи мыслительныхъ способностей поэтому и заключается сущность воспитанія. Но вести это развитіе нужно какъ можно медленнѣе. Вы спѣшите своего десятилѣтняго генія отдать во второй классъ гимназіи, тогда-какъ ему нужно укрѣплять свои мускулы; вы въ восторгѣ, что вашъ шестилѣтній геній ввучился читать самъ, тогда-какъ отъ генія нужно отнимать всякую книжку, чтобъ онъ ея и не видѣлъ; вы даете своему маленькому дикарю полную свободу, когда онъ не только еще не умѣетъ думать, но не умѣетъ даже и ходить толкомъ. И когда послѣ всякой безпорядочности, въ которой вы воспитываете его по принципу, изъ вашего ребенка вырастаетъ дрянной человѣкъ, вы удивляетесь, что геній оказался хуже, чѣмъ другіе люди. Но вопервыхъ, онъ и не былъ лучше другихъ, а во вторыхъ—не вы

ли еще его и портили. Поэтому не спѣшите и не обольщайтесь; смотрите на своихъ дѣтей, какъ на маленькихъ дикарей.

III.

Крѣпостное право исчезло, но крѣпостныя привычки остались. Можетъ быть, подѣ Петербургомъ уже сглаживается внѣшнее различіе и формы отношеній между деревенскими и городскими жителями, но въ области московскаго тяготѣнія иначе. Повѣжайте въ любую деревню—вы баринъ, а ваши дѣти барчата. Вы, положимъ, дарите деревенской дѣвочкѣ картинку или игрушку—„цѣлуй барину ручку“, учить дѣвочку бабушка. Вы говорите, что этого не слѣдуетъ,—вамъ отвѣчаютъ, что это всегда такъ водилось, что слѣдуетъ уважать баръ, что Иванъ Петровичъ и княгиня X, жившіе у нихъ въ домѣ, любили это и что у нихъ всегда цѣловали руки. И деревенскіе дѣти знаютъ твердо эту азбуку. Если вы преисполнены нравственными идеалами и либеральными порывами, то деревня будетъ возмущать васъ на всякомъ шагу. И большіе, и дѣти смотрятъ на васъ, какъ на богатаго заѣзжаго иностранца, съ котораго слѣдуетъ поживиться хотя чѣмънибудь. Если вы преисполнены либеральнаго демократизма и мечтаете объ общеніи съ народомъ,—вамъ скоро дадутъ такой спасительный урокъ, что вы забудете всѣ свои мечтанія.

Но не торопитесь возмущаться тѣмъ, что вы видите, и охладите себя размышленіемъ. Область московскаго тяготѣнія не стяхнула еще съ себя крѣпостныхъ привычекъ. Нравы, обычаи, міровоззрѣніе въ ней старыя, точно 19 февраля въ ней и не было. Забравшись (въ подмосковную даль, вы уходите за столѣтіе назадъ и если, ради воспитанія дѣтей въ общеніи съ народомъ, дадите дѣтямъ свободу, то прежде всего [воспитаєте] въ нихъ барскія чувства. Не думайте, что ваши дѣти будутъ для ихъ деревенскихъ товарищей Митя, Саша, Петя. Они будутъ Дмитрій Михайловичъ, Александръ Петровичъ, Петръ Ивановичъ или просто баринъ. Ихъ окружаютъ [угодливостію и почтеніемъ, имъ будутъ служить и прислуживать—и глупѣе Митя, Саша, Петя воображать, что они дѣйствительно изъ другой глины, что они

Дмитрій Михайловичъ, Александръ Петровичъ и Петръ Ивановичъ.

Порча эта воспитывается двумя путями; она готовится угодливостію прислуги, выросшей въ крѣпостныхъ привычкахъ и говорящей дѣтямъ на каждомъ шагѣ: „мы прислуга, а вы господа“. Нужно много времени, чтобы наша прислуга выросла до нѣмецкой, не говоря уже про французскую или про американскую, гдѣ разница между господами и прислугой уже замѣтно исчезаетъ. Одинъ дрезденскій кельнеръ рассказывалъ русскому путешественнику, что его, кельнера, нанялъ къ себѣ какой-то русскій графъ. Пока они ѣздили за границей, графъ былъ вѣжливъ и держалъ себя совершеннымъ джентльменомъ. Но когда перешли черезъ русскую границу, графъ превратился въ воеводу. „Я не могъ оставаться у него долѣе—я кельнеръ, но не лакей“. Вотъ этого-то пониманія и нѣтъ еще въ нашей прислугѣ. А кто виноватъ—мы или она? Конечно мы, потому что мы сами еще бары; мы сами, въ разговорѣ съ прислугой, заставляемъ дѣтей чувствовать бездну, раздѣляющую барчасть отъ тѣхъ людей, которые чистятъ имъ сапоги или подаютъ кушанье. Не вѣрьте либерализму тѣхъ, кто выдаетъ себя за молодое поколѣніе и гордится, что они люди шестидесятыхъ годовъ, особенно не вѣрьте тому, что такъ часто услышите изъ устъ женщинъ. Въ женщинахъ всегда бывало много аристократизма, ихъ всегда баловали, да балуютъ и до сихъ поръ галантерейнымъ ухаживаніемъ и угодливостію. Чадолубивая мать прежде всего барыня, придерживающаяся афоризма: „чѣмъ-бы дитя ни тѣшилось, лишь-бы не плакало“. Ну и тѣшится дитя, и не плачетъ. Попробуй няня оттолкнуть маленькаго дикаря, когда тотъ налетитъ и со всего размаху ударить ее въ грудь. Дикарь закричитъ, бѣжитъ къ мамѣ со слезами и жалуется, что его прибили. Много-ли разсудительныхъ женщинъ, способныхъ разобрать дѣло и сказать дикарю, что и подѣломъ ему, пусть учится не бить въ грудь, если не хочетъ, чтобы его отталкивали. Нѣтъ, пойдетъ исторія, выговоръ, а иногда откажутъ и отъ мѣста. Маленькій дикарь какъ ни глупъ, но отлично понимаетъ, что няня его раба, и пріучившись ставить себя выше, быть двухвершковымъ господиномъ, онъ прибѣгаетъ даже къ подлогамъ лишь-бы быть всегда правымъ и сохранить верхъ: „если его оттолкнуть, онъ жалуется,

что его прибили; ему сдѣлали замѣчаніе,—онъ говоритъ, что его обругали. И прислуга, по чувству самосохраненія, готова тоже на подлоги, лишь-бы не выходило никакихъ исторій и не потерять мѣста. Вотъ когда дѣти получаютъ уже первые уроки барства. Деревня не самостоятельный воспитатель, а продолженіе. Одна русская семья, пріѣхавъ изъ-за границы, гдѣ прожила нѣсколько лѣтъ, возмущалась рабскими отношеніями крестьянъ и крестьянскихъ дѣтей, а дѣти этой семьи ничѣмъ не напоминали русскихъ барчатъ и повидимому не подозрѣвали различія между людьми. Проживъ полгода въ деревнѣ, дѣти совершенно измѣнились, точно они всегда жили среди казачковъ, Ванекъ и Петрушекъ.

Взаимная солидарность, связывающая барчатъ, воспитываемыхъ на лонѣ природы, съ деревенскими мальчиками имѣетъ социальное-экономическое основаніе. Съ одной стороны безпомощность и бессиліе при относительномъ богатствѣ, съ другой относительная самостоятельность и практичность при бѣдности. У барчатъ есть игрушки и разныя плѣнительныя мелочи, деревенскими мальчиками невиданныя. У этихъ жителей Сандвичевыхъ острововъ разбѣгаются глаза при видѣ барскихъ ножичковъ, ножницъ, картинокъ, маленькихъ топоровъ, лопатъ, сапоговъ, куртокъ, рубашекъ, однимъ словомъ всего, всего. Но если маленькіе жители Сандвичевыхъ острововъ ходятъ нагишомъ, за то они умѣютъ собирать червей, ловить рыбу и раковъ, доставать птицъ изъ гнѣздъ, что для барчатъ такъ-же плѣнительно, какъ для дикарей ножницы и ножички. Потребность взаимнаго обмѣна услугъ чувствуется немедленно и конечно было-бы хорошо, если-бы онъ устраивался на условіи равноправности. Къ сожалѣнію, двухъ-вершковый баринъ уже знаетъ, что онъ баринъ, а маленькій житель Сандвичевыхъ острововъ—что онъ голый дикарь. Является заискиванье, почтительное величаніе по имени и отчеству, постоянное предложеніе услугъ. „Дмитрій Михайловичъ! не нужно-ли вамъ ученую сороку“, или „Дмитрій Михайловичъ! не нужно-ли вамъ ручного грача“. „Дмитрій Михайловичъ! посмотрите какой у меня щенокъ“, „Дмитрій Михайловичъ! не сдѣлайте-ли вамъ змѣя“. А Дмитрій Михайловичъ, вполне чувствуя, что онъ европеецъ, случайно заѣхавшій на Сандвичевы острова, спрашиваетъ съ достоинствомъ—„а что ты возьмешь?“—„Отдайте мнѣ вашу

ножичекъ“ или „дайте мнѣ пять копеекъ“ и такъ далѣе. У Дмитрія Михайловича есть на примѣръ мячъ большой, какъ глобусъ: жители Сандвичевыхъ острововъ, хотя также имѣютъ мячи, но сшитыя изъ какихъ-то тряпокъ, мягкіе и вовсе не круглые. Ясно, что поиграть мячемъ Дмитрія Михайловича—для нихъ особенно заманчивое удовольствіе. Устраивается лапта. Маленькіе жители Сандвичевыхъ острововъ бѣгаютъ какъ собаченки, и обливаются потомъ, чтобы достать мячъ, залетѣвшій въ оврагъ, или на чужой дворъ, или въ огородъ, лишь-бы хоть одну минуточку поддержать собственными руками этотъ невиданный для нихъ глобусъ. Дмитрій Михайловичъ ничего этого не понимаетъ, онъ понимаетъ только то, что ему служить, и командуетъ — „Ванька, носи скорѣе“, или „Митька, не смѣй брать“. Но и Ванька, и Митька, хотя и жители Сандвичевыхъ острововъ—себѣ на умѣ. Они знаютъ свое дѣло, знакомые уже съ практикой обмѣна, и превосходно эксплуатируютъ Дмитрія Михайловича. Они съумѣютъ раздражить его желаніе и взять съ Дмитрія Михайловича деньги и за галку, и за змѣй, выманить у него за естественные предметы и ножикъ, и ножницы и вообще обираютъ Дмитрія Михайловича такъ ловко, что не будь вмѣшательства маменьки, Дмитрій Михайловичъ оказался-бы голъ, но за то обильно снабженный галками, воронами, сороками, щенками, котятами, а всѣ его вещи и одежды перешли-бы къ жителямъ Сандвичевыхъ острововъ. Безъ организаціи правильныхъ отношеній и при условіи невмѣшательства, такая взаимная солидарность не больше, какъ взаимная порча. Съ одной стороны мы никогда не избавимся отъ баръ, съ другой отъ вѣрнопостныхъ и сословнаго антагонизма. Вмѣсто того, чтобы растить своихъ дѣтей для той свободной Россіи, которая началась послѣ 19 февраля и воспитывается земскою равноправностію, на гласномъ судѣ, на общей военной повинности и на пропорціональныхъ налогахъ, мы вырастимъ поколѣніе, которое станетъ тянуть въ старину.

А между-тѣмъ тѣ-же Сандвичевы острова могутъ служить источникомъ правильнаго воспитанія. Вѣдь Дмитрія Михайловича только потому и эксплуатируютъ, что онъ не умѣетъ ничего самъ сдѣлать—ни взлѣсть на дерево, ни поймать грача, ни приручить галку, ни скленть и запустить змѣя, ни переплечь рѣпки. Воспользуйтесь деревней, чтобы приучить Дмитрія Михайловича са-

тому дѣлать все то, что дѣлаютъ деревенскіе мальчики. Повѣрьте, что вы его ничѣмъ такъ не осчастливите, какъ позволивъ ему изъ комнатнаго избѣженнаго мальчика превратиться въ такого-же молодца, какъ дѣти Сандвичевыхъ острововъ. Конечно, тутъ встрѣтятся нѣкоторыя затрудненія, напр., городская одежда, лакированные сапоги, крестьянская рѣчь и обычаи деревенскихъ дѣтей называть всѣ вещи ихъ прямыми именами. Послѣднее обыкновенно считается чуть-ли не главнымъ препятствіемъ. Но противъ всѣхъ этихъ неудобствъ можно принять мѣры организациі правильныхъ отношеній. Во-первыхъ, не позволяйте своему Дмитрію Михайловичу ничего покупать и вымѣнивать; нужна ему галка, пусть выучится, какъ ее поймать, самъ поймаешь и приручить; нуженъ ему грачь, пусть самъ лѣзетъ на дерево; пусть самъ пріучается и ловить раковъ; чего не можетъ онъ самъ себѣ промыслить, того не долженъ онъ имѣть. Воспользуйтесь практическими знаніями деревенскихъ мальчиковъ для того, чтобы показать Дмитрію Михайловичу, на сколько онъ беспомощнѣе и беззащитнѣе тѣхъ, кто умѣетъ пользоваться своими силами и удовлетворяетъ своимъ потребностямъ своимъ собственнымъ трудомъ. Пусть деревня послужитъ для Дмитрія Михайловича школой знакомства съ практическимъ значеніемъ труда, школой первыхъ основаній экономической дѣятельности, школой знанія полной беспомощности человѣка, который не стоитъ на своихъ ногахъ. Объясненіе можетъ быть просто и вполне доступно. Спросите Дмитрія Михайловича, чѣмъ-бы онъ существовалъ, если-бы ему не подносилось все въ готовомъ видѣ. Онъ, бѣдняга, не можетъ быть даже подпаскомъ, онъ не можетъ собрать даже тарелки ягодъ или корзинки грибовъ, онъ не можетъ сдѣлать ничего, за что-бы ему дали фунтъ хлѣба. Мальчики приносятъ ему и галокъ, и воронъ, дѣлаютъ змѣевъ, ловятъ раковъ и получаютъ за это отъ Дмитрія Михайловича деньги и вещи. Но развѣ все это его, развѣ онъ своимъ трудомъ можетъ произвести что-нибудь. Правда, у него есть платье, ножикъ, ножницы, разныя игрушки, но развѣ все это его собственность. Развѣ онъ знаетъ, откуда они ему достались. Сказать, что все это ему дали, значитъ ничего не сказать, потому-что вы не уясните ему главнаго принципа собственности и роли личнаго труда. Деревня—самое удобное мѣсто для объясненій этого рода. Отведите ребенку гряду земли, пусть онъ

свѣтъ и сажаетъ, пусть она дѣйствительно трудится, а не играетъ, ну хотя посвѣтъ огурцы,—а когда огурцы поспѣютъ, восторгъ вашего сына покажетъ, что значеніе труда вполне ему ясно, особенно если эти огурцы удалось ему продать и на вырученные деньги купить себѣ хотя десятикопеечный ножикъ. Дрянной десятикопеечный ножикъ покажется ему, конечно, въ миллионъ разъ лучше вашего англійскаго. Та-же деревня и трудъ земледѣльца могутъ послужить темой и для объясненій въ повѣствовательной формѣ. Выборъ такихъ разсказовъ, конечно, не всегда легокъ и зависитъ отъ находчивости воспитателей. Вотъ, напримеръ, какой разсказъ мы находимъ у Эскироса, когда Эмиль спросилъ своего отца, отчего на свѣтѣ есть бѣдныя. „Въ старину, посреди одного моря, названіе котораго я и самъ хорошенько не упомяну, былъ островъ, на которомъ богатыя построили себѣ мраморныя дворцы, развели сады, полныя самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ и вырыли озера для своего удовольствія. Ничто не могло сравниться съ роскошью ихъ стола: имъ подавались на золотыхъ блюдахъ огромныя рыбы съ соусомъ изъ омаровъ. Туалеты мужчинъ и особенно дамъ отличались неслыханнымъ богатствомъ. Дѣти, играя въ кегли на площадяхъ, употребляли вмѣсто шаровъ, огромныя круглыя брилліанты.

„Бѣдныя же, напротивъ, ходили босикомъ, дѣвочки одѣтыя въ лохмотья рылись въ кучахъ нечистотъ у домовъ богатыхъ, подбирая выброшенные остатки отъ шировъ. На бѣдныхъ не только лежали самыя тягостныя и самыя непріятныя работы, но на нихъ еще всѣ смотрѣли съ презрѣніемъ. Дѣло дошло до того, что людямъ плохо одѣтымъ запрещалось показываться на мѣстахъ общественныхъ гуляній, изъ опасенія, конечно, чтобы они своими лохмотьями не загрязнили зеленые ковры газона, или, еще вѣроятнѣе, чтобы жалкій видъ ихъ не оскорблялъ зрѣніе богатыхъ.

„Однажды ночью бѣдняки удалились на гору и стали совѣтоваться между собою. Наибольше молодые между ними стояли за то, чтобы всѣмъ взяться за оружіе, напасть на богатыхъ во время сна и, отнявъ у нихъ имущество, раздѣлить его между бѣдными.“

„Но тутъ всталъ одинъ старый мудрецъ и, выждавъ, когда всѣ замолкли, заговорилъ такъ:— Не дѣлайте этого, во-первыхъ, потому, что ихъ замки оберегаются слугами, еще болѣе влюбными,

чѣмъ господа, и собаками, еще болѣе алчными, чѣмъ самыя слуги; а во-вторыхъ, потому, что подобная борьба была бы несправедлива. То, что вы сегодня похитите у вашихъ враговъ, только благодаря тому обстоятельству, что сила будетъ на вашей сторонѣ, можетъ быть завтра-же отнято у васъ другими, если вы окажетесь слабѣйшими. Прищемте-же вмѣстѣ другое средство. Вы, конечно, слыхали, что въ нашемъ морѣ есть и другіе острова, кромѣ того, на которомъ мы имѣли несчастіе родиться. Наши братья, бѣдные матросы, которые привозятъ сюда на кораблѣ припасы и предметы роскоши для богатыхъ, не разъ видали во время плаванія земли, поднимавшіяся посреди волнъ и увѣнчанныя зеленью и плодовыми деревьями. По ихъ рассказамъ, одинъ изъ этихъ острововъ необитаемъ, и отъ васъ зависитъ превратить его въ плодоноснѣйшій садъ. У насъ есть руки. Я первый, не смотря на свою старость, готовъ работать, насколько хватить моихъ силъ, а въ случаѣ надобности, помогу вамъ и совѣтомъ. Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать.

„Они отправились. Одинъ за другимъ садились они въ утлюя суда, которыя сами смастерили изъ досокъ, покрывавшихъ ихъ хижины. Богатые обитатели острова были въ восторгѣ, что эта сволочь удаляется, и радостно хлопали руками. Наконецъ-то избавились мы отъ напасти! восклицали они.

„Такъ какъ у эмигрантовъ не было никакого имущества, то и весь грузъ корабля состоялъ только изъ нихъ самихъ. Впрочемъ, нѣтъ, я ошибаюсь: они захватили съ собой свои орудія для работы.

„Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ о нихъ не было ни слуху, ни духу. Должно быть они всѣ потонули, говорили одни. Они всѣ перерѣзали другъ друга, утверждали другіе.

„Но вотъ однажды въ гавань вошелъ корабль, нагруженный хлѣбомъ и другими товарами. По языку матросовъ и по нѣкоторымъ чертамъ лицъ не трудно было узнать въ нихъ прежнихъ обитателей острова. Они рассказали, что пріѣхали съ того острова, на который переселились и гдѣ все родится какъ нельзя лучше. Земля, обработанная ихъ руками, покрывается жатвами, фермами и стадами. Богатые приняли эти рассказы за басню и хотали надъ ними до упаду.

„А между тѣмъ матросы ничего не преувеличивали въ своихъ

разсказахъ. Роскошно обработанныя поля, селенія, города, дороги, каналы точно волшебствомъ какимъ выросли изъ этой еще недавно невоздѣланной почвы. Граждане жили между собой въ мирѣ и согласіи, потому-что чувствовали себя счастливыми. Миръ и согласіе господствовали и въ семьяхъ, на дѣтей смотрѣли, какъ на залогъ еще большаго благосостоянія въ будущемъ, а потому съ раннихъ лѣтъ приучали ихъ къ труду.

„Совсѣмъ иначе шли дѣла на островѣ богатыхъ, благосостояніе котораго день ото дня приходило въ упадокъ. Такъ какъ жители этого острова считали слишкомъ унижительнымъ для себя или были слишкомъ лѣнны, чтобы самимъ взяться за соху, то пашни въ скоромъ времени поросли бурьяномъ. Всѣ производства прекратились за недостаткомъ рабочихъ рукъ, а съ ними вмѣстѣ исчезли и предметы роскоши. Земли стали разрушаться, а починять ихъ было некому.

„Вначалѣ богатые обратились къ ремесленникамъ сосѣднихъ острововъ; но эти послѣдніе знали, какъ поступлено было съ ихъ собратьями, и не захотѣли подвергаться тѣмъ-же притѣсненіямъ.

„Такъ какъ у жителей, оставшихся на островѣ, было много золота и серебра, то они вначалѣ закупили все, что имъ было нужно, у иностранныхъ купцовъ. Но нѣтъ такой казны, которая рано или поздно не истощилась бы, если проникать въ нее новымъ богатствамъ не откуда. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, у нихъ не стало больше ни золота, ни серебра и они пожалѣли, но уже слишкомъ поздно, что такъ жестоко и несправедливо поступили съ бѣдными.

„Положеніе ихъ было самое жалкое. Слуги, которыми они окружили себя въ былыя времена, не получая болѣе жалованья, отказались служить имъ. Лошади, за которыми некому было ходить въ конюшнѣ, равнымъ образомъ отказывались возить экипажи. На улицѣ попадались женщины въ стоптанныхъ атласныхъ башмакахъ и въ разорванныхъ парчевыхъ платьяхъ, такъ какъ эти бѣлоручки сочли бы для себя стыдомъ самимъ заняться починкою своей одежды. Глядя на эти лохмотья, въ которыхъ они такъ важно расхаживали, иному пришла бы охота посмѣяться, если-бы не было жестоко и гнусно смѣяться надъ несчастіемъ, хотя бы и заслуженнымъ.

„Однимъ словомъ, островъ богатыхъ сдѣлался островомъ бѣднѣе.“

„Нужда годъ отъ году увеличивалась. Необработанная земля ничего болѣе не производила. Прежніе богачи умирали съ голоду въ своихъ развалившихся замкахъ и погибли бы до послѣдняго человѣка, если бы жители другого острова, которыхъ они когда-то изгнали своимъ дурнымъ обращеніемъ, не явились къ нимъ на помощь и не привезли имъ тотъ излишекъ припасовъ, въ которомъ они не нуждались сами“.

— Такъ стало-быть трудъ обогащаетъ? спросилъ Эмиль, слушавшій отца съ большимъ вниманіемъ.

— Невсегда, отвѣчалъ отецъ; — но по крайней мѣрѣ онъ обогащаетъ тѣ народы, которые умѣютъ быть справедливыми.

Такъ какъ Дмитрій Михайловичъ уже знаетъ, что за вещи деревенскихъ мальчиковъ, приобретаемыя ими своимъ трудомъ, онъ можетъ платить деньгами и вещами не своими, такъ какъ онъ знаетъ, что онъ не можетъ быть даже подпаскомъ, наконецъ, такъ какъ онъ знаетъ, какъ пріятенъ ему былъ гривенникъ за огурцы и высоко цѣнить свой собственный ножикъ, купленный имъ за этотъ гривенникъ, то притча въ родѣ приведенной будетъ ему вполне понятна. Не нравится вамъ эта притча — сочините свою.

Но понятіе Дмитрія Михайловича о трудѣ будетъ неполное, если онъ не узнаетъ трудности труда, его общественной солидарности и цѣнности. Совсѣмъ не одно и то же — видѣть крестьянина въ полѣ и на сѣнокосѣ издали, какъ въ панорамѣ, или собственнымъ опытомъ узнать, что значить крестьянскій трудъ. Мы всѣ очень легкомысленно относимся къ тому, что видимъ, не испытавъ на себѣ, и дѣти на этотъ счетъ еще легкомысленнѣе насъ; они только свои подвиги считаютъ героическими и только свой трудъ великимъ. Заставьте Дмитрія Михайловича поднять соху, поставьте его рядомъ съ крестьянами въ полѣ, заставьте Дмитрія Михайловича подъ солнцемъ сдѣлать такую-же полосу, какъ крестьянинъ. Дмитрій Михайловичъ непременно смирится и благоговѣнно отнесется къ труду, ему непосильному. У меня въ саду дорожка поросла мѣстами травой; Дмитрій Михайловичъ проситъ у меня денегъ, чтобы купить картинки для склеиванія. Я говорю — „заработай“. — Да чѣмъ? — „Ну хоть раз-

чисти эту дорожку".—Сколько дашь?—„15 коп.“ — Нѣтъ, дешево, дай 30.—„Не хочешь, я найму хозяина“. Я приглашаю хозяина и онъ спрашиваетъ за работу 10 к. — Видишь, я тебѣ даю больше, чѣмъ стоитъ эта работа. Дмитрій Михайловичъ соглашается. И ужъ обливался-же онъ потомъ, отдыхалъ десятки разъ, а вычистилъ скверно. Все, это, повидимому, мелочи, но съ дѣтьми нѣтъ мелочей; для нихъ жизнь и вездѣ наука. Только учите ихъ практически и не показывайте имъ никогда панорамъ, а давайте дѣло, которое они узнали-бы своими руками. Съ дѣтьми слабосильными нужно обращаться при этомъ очень осторожно; нужно прежде всего, чтобы ребенокъ самъ захотѣлъ сдѣлать и чтобы дѣло было по его силамъ. Если вы введете принужденіе—трудъ станетъ каторжнымъ. Если вы заставите дѣлать не по силамъ, ребенокъ приучится за все хвататься не кончая и вы не воспитаете въ немъ никогда настойчивости.

Послѣ первыхъ уроковъ о трудѣ, перейдите къ объясненію солидарности труда. Видя крестьянина въ полѣ, Дмитрій Михайловичъ знакомится съ трудомъ изолированнымъ. Покажите Дмитрію Михайловичу и жатву, и молотьбу, сведите на мельницу и покажите ему хлѣбъ, который испечется изъ этой муки. Въ городѣ сведите его въ каретное заведеніе и объясните, черезъ сколько рукъ должны пройти составныя части экипажа, прежде чѣмъ изъ нихъ выйдутъ дрожки, коляска, карета. Крестьянинъ рубить въ лѣсу дерево, очищаетъ, раздѣляетъ его на отрубки, отрубки продаетъ колеснику. Колесникъ колетъ, гнетъ ободья, дѣлаетъ спицы, а токарь приготовляетъ ступицу. Собранное колесо продается экипажному мастеру. Мастеръ отдаетъ его кузнецу, отъ кузнеца колесо поступаетъ къ маляру. Покажите, какъ постепенно переходятъ изъ рукъ въ руки и другія части экипажа. Въдъ это цѣлая экономическая исторія труда. Когда Адамъ Смитъ указалъ на систему раздѣленія труда, вся Европа пришла въ недоумѣніе, потому что она никогда ничего подобнаго не подозрѣвала. Примѣръ Адама Смита о булавочномъ производствѣ и до сихъ поръ стоитъ во всѣхъ курсахъ политической экономіи. Повѣрьте, что такую-же поразительную новостью будетъ и для вашего сына каретное заведеніе. Сводите ребенка во всѣ мастерскія, какія только есть у васъ въ городѣ и, если можно, дайте ему повторить то, что дѣлаютъ своими руками мастера.

Онъ узнаеть во-первыхъ, что только легко смотрѣть, какъ работаютъ другіе, а дѣлать самому и хорошо—штука совсѣмъ другая. Всѣ эти уроки пойдутъ въ пользу вашего Дмитрія Михайловича, ибо охладятъ его самоувѣренность, заставятъ его смотрѣть скромнѣе на свои силы и спасутъ отъ самонадѣянности и хвастовства, которое такъ сильно во всѣхъ дѣтяхъ. Вѣдь дѣти только потому самонадѣянны самохвалы, что имъ всегда показываютъ жизнь въ панорамахъ и не только не позволяютъ имъ пробовать своихъ силъ, а напротивъ оберегаютъ отъ труда. Попробовавъ молотъ молотобоя, попробовавъ подуть мѣхомъ полчаса, присмотрѣвшись, съ какою ловкостію кузнецъ дѣлаеть гвозди, попиливъ продольной пилою столяра и постругавъ рубанкомъ, Дмитрій Михайловичъ, можетъ быть, съ огорченіемъ увидить, что все это не его ума дѣло. Тогда сведите его къ переплетчику и покажите, какъ клеятъ коробочки. Дмитрій Михайловичъ увидить, что есть дѣло и по его силамъ, но только дѣло очень маленькое и не эффектное. Дмитрію Михайловичу, конечно, понравится клеить коробки, онъ захочетъ учиться этому дѣлу, но и тутъ ему придется работать мѣсяцъ прежде, чѣмъ его коробочку купить въ аптеку. Восторгъ Дмитрія Михайловича безграниченъ: онъ покупаетъ на свои деньги книгу или вещь, — у него опять собственность. Такъ какъ дѣти великіе мечтатели и такъ какъ мечтательностію погрѣшаетъ все русское образованное общество, которое потому и мечтаетъ много, что мало дѣлаеть, то Дмитрій Михайловичъ на коробочкахъ получитъ и еще одинъ урокъ—урокъ скромности. У Дмитрія Михайловича сложился въ головѣ уже цѣлый планъ: онъ наклеитъ къ осени цѣлую сотню всякихъ коробокъ, продастъ ихъ въ аптеку и получить пять рублей. На пять рублей покупается, конечно, весь петербургскій гостинный дворъ. Но вотъ наступило лѣто, Дмитрій Михайловичъ давно уже забылъ о коробочкахъ и къ осени у него нѣтъ ни пяти рублей, ни гостиннаго двора. Это удобный случай объяснить Дмитрію Михайловичу, что циплять считаютъ осенью. Нѣсколько разъ, конечно, придется Дмитрію Михайловичу продѣлать подобный опытъ, прежде чѣмъ онъ его усвоитъ. Но не теряйте терпѣнія и не забывайте, что дѣти учатся очень медленно.

У насъ въ домѣ живетъ сапожникъ; онъ работаетъ крестьянскій товаръ и каждый торговый день ходитъ на базаръ прода-

вать сапоги. Мы идемъ вмѣстѣ съ нимъ, садимся на рынокъ и ждемъ покупателя. Сапоги проданы и мы идемъ съ хозяиномъ за покупками. Онъ покупаетъ для своей жены платокъ, дѣтямъ пряники, для хозяйства—соли, муки, говядины. Это для Дмитрія Михайловича уже урокъ мѣны. Онъ знакомится съ процессомъ перехода труда въ вещь, обращенія вещи въ деньги и денегъ въ предметы личной потребности трудящагося.

Теперь Дмитрій Михайловичъ уже понимаетъ кое-что въ экономическихъ отношеніяхъ: онъ понялъ экономическую связь людей и солидарность интересовъ. Примѣры приводимые мною кажутся вамъ мелочами, но вѣдь и самъ Дмитрій Михайловичъ еще не великій человекъ; онъ ничего не знаетъ, ничего не понимаетъ и, видя факты, не умѣетъ ихъ осмысливать и связывать. Воспитывая ребенка на пониманіи мелочныхъ фактовъ, вы научите его не проходить мимо ни одного изъ нихъ. Только этимъ способомъ вы научите его замѣчать то, что онъ видитъ, наблюдать и думать. Конечно, отъ Дмитрія Михайловича не скрывается, что онъ не крестьянинъ, что онъ никогда не будетъ ни кузнецомъ, ни столяромъ, ни каретникомъ. Но оттого-то онъ и долженъ знать міръ мускульнаго труда, долженъ знать, что люди этого міра изъ той-же глины, но только живутъ и дѣйствуютъ при иныхъ обстоятельствахъ.

Руссо первый обратилъ вниманіе на необходимость ознакомленія дѣтей съ ремеслами; онъ первый показалъ, что это лучшее средство показать ребенку взаимную зависимость людей и что зависимость эту нужно показывать не съ нравственной стороны, а обративъ его вниманіе на промышленность и на механическія искусства, которыя дѣлаютъ людей полезными другъ для друга. Но установивъ принципъ, Руссо погрѣшаетъ въ практическомъ его осуществленіи. Онъ говоритъ, что вода ребенка по мастерскимъ, никогда не слѣдуетъ допускать его смотрѣть ни на какую работу, не приложивъ къ ней своихъ рукъ или уйдти, не узнавъ вполнѣ причины всего, что тамъ дѣлается или всего, что ребенокъ замѣтилъ. „Съ этою цѣлью работайте сами, говоритъ Руссо, вездѣ показывайте ему примѣры; чтобы сдѣлать его мастеромъ, вездѣ будьте сами подмастерьемъ и будьте увѣрены, что часть работы научить его больше, чѣмъ цѣлый день, употребленный на объясненія“. Въ этой мысли есть правда, но есть и

ошибка. Если по обстоятельствамъ жизни вашему сыну дорога не въ ремесленничьи, то заставить его работать во всѣхъ мастерскихъ совершенно излишне. Во-первыхъ, онъ никогда не приобрететъ настоящаго навыка, ибо навыкъ дается годами постоянной практики, а во-вторыхъ для ребенка лѣтъ 12 доступно только вырѣзываніе изъ бумаги да клееніе коробочекъ. Обрѣзывать книги онъ не можетъ, слѣдовательно не можетъ быть переплетчикомъ, столярному дѣлу нельзя учиться раньше 14 лѣтъ, слесарному еще позже. Вообще нѣтъ ни одного ремесла, которому могъ-бы начинать учиться ребенокъ лѣтъ десяти-двѣнадцати и сдѣлаться мастеромъ отъ посѣщенія мастерскихъ. Вашъ сынъ никогда не будетъ ни столяромъ, ни портнымъ — онъ будущій адвокатъ или докторъ. Заставить его братья за все и никогда не доходить до конца—значитъ воспитывать изъ него диллетанта: это значитъ не воспитывать, а портить. Наша цѣль научить его не ремеслу, а показать ему экономическую солидарность и общественное значеніе труда. Этого мы достигаемъ вполне, а чтобы ребенокъ лучше понималъ свои силы, мы заставимъ его убѣдиться, что онъ можетъ только клеить коробочки.

Но экономическій кругозоръ ребенка нельзя ограничивать однимъ знакомствомъ съ ремесленностію. Покажите ему заводы и фабрики. Въ провинціи это конечно трудно, но въ Петербургѣ легко. Свезите его на стеклянные, фарфоровые, сахарные заводы, покажите ему механическое, машинное заведеніе, хлопчатобумажную мануфактуру, суконную фабрику. Предъ его глазами откроется теперь уже болѣе широкій міръ и болѣе широкая социальная жизнь. Обратите вниманіе ребенка на свойства фабричнаго и заводскаго труда, покажите ему и дѣтей, работающихъ на фабрикахъ. Покажите ему и вліяніе тѣснаго городского фабричнаго труда на здоровье работника. А если у васъ въ городѣ есть заведеніе химическихъ продуктовъ или спичечная фабрика, то показавъ ему явленія фосфоризма, вы научите его задумываться даже и надъ такими ничтожными вещами, какъ коробка копѣчныхъ спичекъ. Первые впечатлѣнія молодости важны и сильны; ими иногда опредѣляется вся послѣдующая жизнь. Въ кружкѣ вашихъ кабинетныхъ знакомыхъ онъ видѣлъ только адвокатовъ, литераторовъ да докторовъ; теперь онъ увидѣлъ почти весь міръ и самыя разнообразныя приложенія человѣческаго

труда. Предъ нимъ не три дороги, а пятьдесятъ, и если онъ изъ этихъ пятидесяти можетъ выбрать такую, которая не приведетъ его къ фосфоризму, научите понять его случайность своего рожденія и обстоятельства жизни тѣхъ людей, которыхъ судьба заставляетъ радоваться, если они достаютъ себѣ работу даже на спичечной фабрикѣ. Пусть вашъ ребенокъ пойметъ, что значить справедливость.

Но и здѣсь еще не кончаются первые экономическіе уроки. Соціально-экономическое воспитаніе самое трудное и самое безконечное. Нужно показать ребенку цѣнность труда. Руссо говорить, что въ обществѣ существуетъ уваженіе къ различнымъ искусствамъ, которое распредѣляется какъ разъ обратно ихъ настоящей полезности. Самые полезныя искусства и до сихъ поръ еще получаютъ наименьшее вознагражденіе, потому что число работниковъ соразмѣряется съ потребностями людей и трудъ необходимый для всѣхъ по неволѣ остается въ той цѣнѣ, которую можетъ заплатить бѣднякъ. Есть на свѣтѣ ремесленники, которыхъ зовутъ артистами; они работаютъ не то, что нужно всѣмъ, а только то, за что платятъ дорого. Есть на свѣтѣ такія вещи какъ брилліанты, которыя дороги только потому, что ихъ можетъ имѣть самое небольшое число лицъ. Спасите своего воспитанника отъ предрасудковъ суетности и научите его цѣнить вещи по ихъ дѣйствительной полезности и по запросу большинства. Почему вы входите въ магазинъ ювелира или въ магазинъ лондонскихъ матерій съ большимъ уваженіемъ, чѣмъ въ крестьянскую избу? Только потому, что золотыхъ дѣлъ мастера и его трудъ вы ставите выше, чѣмъ трудъ земледѣльца или столяра. Вотъ отъ какого предрасудка спасите своего воспитанника. Какъ только въ немъ заложилось понятіе, что мастеръ изготовляющій ювелирныя вещи и золотыя цѣпочки—мастеръ болѣе почетный, чѣмъ земледѣлецъ, вашъ воспитанникъ погибъ. Онъ, значить, научился сравнивать вещи не по ихъ дѣйствительнымъ достоинствамъ и не по ихъ дѣйствительной полезности, а мѣритъ совершенно внѣшнимъ признакомъ условнаго уваженія, которое принято имъ оказывать по ихъ доступности нѣкоторымъ и по ихъ недоступности большинству. Руссо говорить: „первое и самое почтенное изъ всѣхъ искусствъ—это земледѣліе; я ставлю кузнечное искусство вторымъ, плотничье третьимъ и т. д. Ребенокъ, не оболь-

щенный грубыми предрасудками, будетъ судить точно такъ-же". Подобная строгая классификація конечно неудобна, потому что невозможна и скорѣе собьетъ съ толку ребенка. А если онъ спроситъ своего воспитателя, почему плотничье производство третье, а не второе? Гораздо будетъ понятнѣе и безошибочнѣе идти въ объясненіи связи производствъ отъ простаго и первоначальнаго къ сложному и второму, отъ того, что необходимо всѣмъ, къ тому, что нужно нѣкоторымъ. Всякое производство тѣмъ полезнѣе, чѣмъ оно болѣе распространено и удовлетворяетъ большому числу людей, и тѣмъ бесполезнѣе, чѣмъ удовлетворяетъ меньшему числу нуждъ. Есть производства, обязанныя своимъ существованіемъ чувству тщеславія, напр. добываніе и обдѣлка брилліантовъ, жемчуга. Предметы эти цѣнятся только потому, что ихъ могутъ имѣть очень немногіе, а между тѣмъ сколько онѣ отвлекаютъ рукъ отъ производствъ, необходимыхъ всѣмъ. Предметовъ первой необходимости оттого и мало, что руки отвлекаются къ производствамъ менѣе нужнымъ. Если-бы на свѣтѣ изготовлялось столько сапоговъ, сколько людей, никто-бы не ходилъ босикомъ. Пока мастеръ отдѣлываетъ шелками одну пару щегольскихъ ботинокъ, онъ могъ-бы шить три пары простыхъ сапогъ. Одинъ маленькій пріятель Дмитрія Михайловича ходитъ въ такихъ щегольскихъ ботинкахъ, украшенныхъ всякими шелками, висточками, стальными застежками и шитыхъ изъ разныхъ кожъ, что выростковые сапоги Дмитрія Михайловича передъ этими щегольскими ботинками точно первая пара сапоговъ, считая первымъ сапожникомъ. Но сдумайте воспользоваться этими ботинками и вы объясните Дмитрію Михайловичу много очень хорошаго. Вы расскажете ему объ убыточномъ и выгодномъ потребленіи, вы расскажете ему, что у всѣхъ людей одинаковые желудки, одной длины руки и ноги, и конечно Дмитрій Михайловичъ увидитъ, что его пріятель въ своихъ щегольскихъ полусапожкахъ, въ которыхъ можно ходить лишь по зеркальному паркету, гораздо несчастнѣе Дмитрія Михайловича въ его выростковыхъ сапогахъ, позволяющихъ лазать и въ лужу, ходить по песку и булыжнику. „Приспособляйте воспитаніе чело-вѣка къ чело-вѣку, а не къ тому, чего нѣтъ въ чело-вѣкѣ, говоритъ Руссо. Развѣ вы не видите, что стараясь исключительно образовать его для одного сословія, вы дѣлаете его бесполезнымъ

для всякаго другого и что отъ судьбы зависить обратить всѣ ваши старанія на его погибель. Есть-ли что нибудь смѣшнѣе обѣднѣвшаго вельможи, который въ нищетѣ остается со всѣми предразсудками своего рожденія? Есть-ли что презрѣннѣе обѣднѣвшаго богача, который, помня о презрѣннн, съ какимъ отпосятся къ бѣдности, считаетъ себя послѣднимъ изъ людей? Одному остается только сдѣлаться общественнымъ плутомъ, другому—унижающимъ себя лакеемъ“.

Я говорилъ раньше, что неудобства сотоварищества деревенскихъ мальчиковъ могутъ быть устранены организаціей правильныхъ отношеній. И если вы не хотите дать своему сыну салоннаго воспитанія, а изъ своей дочери воспитать только барышню, подберите компанію своимъ дѣтямъ изъ деревенскихъ дѣтей. Ваши дѣти отъ деревенскихъ мальчиковъ выиграютъ гораздо больше, чѣмъ деревенскіе мальчики отъ вашихъ. Устраивайте общія игры, экскурсіи въ лѣсъ и въ поле, и мальчики научатъ вашихъ дѣтей тому, чего они не знаютъ, а вы научите мальчиковъ тому, чего они не знаютъ. Не бойтесь, что ваши дѣти услышатъ многое во второй разъ: чѣмъ больше повтореній, тѣмъ лучше. Предметы для разговора на каждомъ шагѣ—что такое земля, что такое солнце, что такое небо; отчего времена года, отчего дождь, градъ, громъ, отчего растеть дерево, что такое почва. Темы безконечныя. Не забывайте только одного,—чтобы вашъ сынъ не воображалъ себя первымъ человѣкомъ, а мальчики не считали-бы себя вторыми людьми. Если вашъ сынъ усвоить привычки равенства, въ немъ никогда не явятся сословныя предразсудки.

Н. Шелгуновъ

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ПРОГРАММЫ.

(Нижегородскій сборникъ, издаваемый нижегородскимъ губерн. статис. комитет.
подъ редакціею А. С. Гацисскаго. Т. IV. Нижній Новгородъ. 1871).

Какъ Катонъ напоминалъ римлянамъ при всякомъ случаѣ, что нужно уничтожить Карфагенъ, такъ и намъ, русскимъ, нужно напоминать каждую минуту, что безъ статистики мы жалкіе слѣпцы. „Дѣлу“ въ этомъ отношеніи нельзя сдѣлать упрека. Я не знаю другого періодическаго изданія, которое-бы чаще указывало на необходимость для насъ статистическихъ изслѣдованій. Правда, у насъ есть цѣлое статистическое учрежденіе, раскинувшее свою сѣть по всей Россіи; земство отпускаетъ на статистическіе комитеты деньги, но... статистики у насъ все-таки нѣтъ. Если послушать всѣхъ тѣхъ, кто больше или меньше прикосновенъ къ статистикѣ, то можно подумать, что Россія глубоко проникнута убѣжденіемъ въ необходимости изслѣдовать себя; а между тѣмъ—странная логика жизни! — не статистика управляетъ нашимъ общественнымъ сознаниемъ, а двигаетъ нами какая-то другая, точно виѣ насъ стоящая стихійная сила. Напримѣръ, правительство, коснувшись вопроса о налогѣ, предложило земству разсмотрѣть проектъ податной комиссіи. Что-же земство? Оно, вмѣсто разсмотрѣнія проекта, приходитъ къ мысли о необходимости коренной податной реформы. И вы думаете, въ этомъ виновата статистика; помогли статистическія изслѣдованія, изъ которыхъ оказывалось, что наши податныя сословія не въ состояніи вносить тягости податей, исключительно на нихъ лежащихъ?

Нѣтъ. Помогла французско-нѣмецкая война. Мы уже давно знаемъ, что мы бѣдны, что оброки и подати высоки и ложатся преимущественно на бѣдные классы населенія, и все-таки не это сознание заставило земство приступить къ коренному пересмотру существующей у насъ системы налоговъ, а война сосѣдей. Война указала на необходимость общей обязательной военной повинности, а общая военная повинность привела земство въ мысли объ уравниніи платежей.

Такой стихійный прогрессъ конечно имѣетъ свое объясненіе. Мы живемъ сознаніемъ не фактовъ внутренней жизни, а фактовъ жизни внѣшней; иначе—Россію двигаетъ Европа, и русскій прогрессъ безъ европейскаго былъ-бы невозможенъ. Историческое значеніе петровской реформы въ томъ, что Петръ двинулъ Россію въ европейскую жизнь. Безъ Петра Россія была-бы Китаемъ, съ своимъ Пекиномъ—Москвой. Къ фактамъ внутренней жизни, когда не идутъ тучи изъ Европы, наше общество и земство относятся съ самодовольнымъ благодушіемъ, и относятся такъ потому, что не знаютъ ихъ во всей ихъ глубинѣ и не понижаютъ ихъ историческаго и соціальнаго значенія. Эту-то кору благодушнаго невѣденія и нужно пробить, а пробить ее можетъ только статистика. „Когда-то и вѣмъ-то, говоритъ ред. „Ниж. Сборн.“ (предисловіе къ IV т.)—была сочинена басня о томъ, что нижегородская губернія принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ губерній, и пошла эта басня въ ходъ, пошла гулять по всевозможнымъ канцеляріямъ и департаментамъ; и держалась она долго, такъ долго, что мѣрняя нижегородскую губернію на аршинъ богатыхъ мѣстностей, отвели ей подобающее значеніе въ положеніи 19 февраля 1861 г., и только при примѣненіи его правительство нашлось вынужденнымъ назначить нѣсколько комиссій, для передѣлки сотни уставныхъ грамотъ, составленныхъ по положенію. О сотняхъ непередѣланныхъ уставныхъ грамотъ не упоминаемъ. Мы первые заговорили объ этой баснѣ, мы первые стали подрывать вѣру въ нее, подкрѣпляя слова свои фактами и гордимся этимъ, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время имѣемъ основаніе думать, что сослужили службу не одной любознательности, но и практическимъ цѣлямъ. Чѣмъ скорѣе исчезнетъ взглядъ на фантастическое богатство населенія нижегородской губерніи, тѣмъ лучше будетъ, конечно, для этого населенія. И такъ существеннѣйшимъ результатомъ нашего изученія является

выводъ, что нижегородская губернія, въ противность стародавнимъ увѣреніямъ, вовсе не богатая губернія“...

Это результатъ важный, если только статистическія изслѣдованія нижегородской губерніи привели дѣйствительно къ нему. Труднѣе всего разрушаются иллюзіи и мечты. Больше ста лѣтъ мы мечтаемъ о своей несокрушимой силѣ и неисчерпаемыхъ богатствахъ. Относительно несокрушимой силы мы уже пришли къ разочарованію; но относительно неисчерпаемыхъ богатствъ—еще нѣтъ. Пока мы не встанемъ на точку вѣрной оцѣнки своихъ внутреннихъ средствъ, пока не разберемъ ихъ критически, пока земство каждой губерніи не изслѣдуетъ условій своего земскаго хозяйства, качественного и количественнаго состоянія его производительныхъ матеріальныхъ и интеллектуальныхъ силъ—мы будемъ постоянно самообольщаться, и иллюзіями, а не фактами будетъ руководиться наше поведеніе. Наприжѣръ, *всѣ* говорятъ у насъ о необходимости сельскихъ банковъ, *всѣмъ* ясно, что отсутствіе мелкаго кредита мѣшаетъ развитію нашего земледѣлія и отдаетъ земледѣльцевъ въ руки кулаковъ. И несмотря на то, что *всѣ* мы такъ хорошо понимаемъ необходимость мелкаго краткосрочнаго сельскаго кредита, въ той-же самой нижегородской губерніи, по видимому уже знающей, что она бѣдна, встречаемся съ слѣдующими фактами. Въ уѣздахъ нижегородской губерніи не разъ заявлялось желаніе учредить мѣстные уѣздные банки, и дѣло останавливалось за недостаткомъ средствъ. Тогда губернское земское собраніе раздѣлило въ 1867 году между уѣздами 72,000 рублей, чтобы суммы эти составляли или уѣздные запасные капиталы, или были положены въ основной фондъ земскихъ банковъ. Что-же уѣздныя собранія? только одна лукояновская управа сохранила отпущенную ей сумму и до настоящаго времени, всѣ-же прочіе уѣзды обратили деньги въ запасные капиталы и истратили ихъ. Въ прошломъ году губернская управа, желая познакомить населеніе съ идеей сельскихъ ссудныхъ товариществъ, съ тѣмъ конечно, чтобы они устроились въ губерніи, разослала брошюру гг. Яковлева и Лугинина въ уѣздныя управы. Результатъ получился такой: „въ васильскомъ уѣздѣ брошюра была получена по закрытіи уѣзднаго собранія и потому не обсуждалась. Лукояновское уѣздное собраніе рѣшило, что въ виду предполагаемаго имъ учрежденія уѣзднаго банка,

оно не желаетъ открывать сельскихъ ссудныхъ товариществъ. Балахнинское нашло учрежденіе ссудныхъ товариществъ *неудобопри-
мьнимымъ для жителей балахнинскаго уѣзда, въ настоящее
время, на какихъ-бы то ни было основаніяхъ*. Собранія арда-
товское, арзамаское, нижегородское и княгининское положили
ознакомить съ этимъ учрежденіемъ населеніе. Семеновское пору-
чило управѣ представить къ будущему собранію свое заключеніе.
Маварьевское поручило уѣздной управѣ собрать къ будущей сессіи
необходимыя свѣденія. Сергачское этого вопроса вовсе не обсуждало
и только одно горбатовское, говоритъ г. Ермоловъ, внесло въ смѣту
1,000 р. на выдачу ссуды на 6 лѣтъ сельскому ссудному това-
риществу, которое будетъ открыто въ уѣздѣ“.

И такъ *есть* признаютъ пользу банковъ, всѣ говорятъ о нихъ
и никто не учреждаетъ ихъ даже и тогда, когда даютъ деньги.
Остроуміе-же балахнинскаго земскаго собранія простирается такъ
далеко, что оно признаетъ кредитъ ненужнымъ вздоромъ, а
можетъ быть даже и опаснымъ вольнодумствомъ. Что-же это
такое? А только то, что мы все еще стоимъ внѣ своего родного
факта и недостаточно подавлены его величіемъ.

Въ той-же нижегородской губерніи, въ которой не устраи-
ваются никакъ ни уѣздныя банки, ни ссудныя товарищества, сельское
хозяйство идетъ очень печально; милліоны естественнаго капитала
или улетучиваются въ воздухъ, или лежатъ непроизводительно.
Читателю извѣстно, что съ окончаніемъ навигаціи по Волгѣ
пароходы смѣняются извозчиками. Все удобреніе, скопляющееся
зимой на постоялыхъ дворахъ отъ Твери до Астрахани и по
теченію рѣкъ, впадающихъ въ Волгу, гдѣ проходятъ нескончае-
мыя вереницы обозовъ, весной цѣликомъ уносится водой, гово-
ритъ г. Корвинъ-Круковской („Нижегородскій Сборникъ“ т. IV).
Дѣлая расчетъ на одно село Кадницы, онъ выводитъ, что это
одно село могло-бы дать 420,000 пудовъ удобренія въ теченіи
зимы или удобрить до 200 десятинъ, увеличивъ производитель-
ность ея на три хлѣба по крайней мѣрѣ въ 7 разъ, или вмѣсто
производимыхъ 200 десятинами окрестной земли, по расчету
урожаа самъ 4—800 четвертей, дать 2,000 четвертей. Предпо-
лагая, что обозы зимою останавливаются чрезъ каждыя 20
версты, общая потеря на 200 дворовъ постоялыхъ и станцій
составитъ 84,000,000 пудовъ навоза, сваливаемаго въ рѣки,

а въ урожаѣ потеря на 240,000 четвертей или на деньги-же, принимая 1 четверть въ 4 руб.—960,000 руб. Другой фактъ: на всемъ протяженіи Волги, Оки и Суры въ предѣлахъ нижегородской губ. лежатъ по берегамъ превосходные поемные луга, въ сожалѣнію на половину заросшіе кустарникомъ. Г. Корвинъ-Бруковской разсчитываетъ, что эти заросшіе луга могли-бы дать дохода до 1,500,000 р. Еще факты: въ горбатовскомъ уѣздѣ земледѣліе хотя и составляетъ кажущуюся принадлежность занятія жителей, но хлѣба никогда не достаетъ на годовое продовольствіе. Поэтому населеніе съ давнихъ поръ существуетъ главнѣйшимъ образомъ стально-слесарнымъ производствомъ. Въ послѣднія 30 лѣтъ производство распространилось даже за предѣлы уѣзда. Въ Горбатовскомъ уѣздѣ живутъ этимъ производствомъ 80 селеній и работаетъ 40,000 человекъ. Стально-слесарная промышленность—промышленность кустарная; фабрикъ очень не много: Варыпаева и Калякина въ Павловѣ, Завьялова и Шмакова въ Ворсмы и еще двѣ-три фирмы. Остальные тысячи рабочихъ сами хозяева. Такой хозяинъ встаетъ въ полночь и работаетъ до 6 часовъ утра, потомъ завтракаетъ, отдыхаетъ съ часъ и снова принимается за дѣло до 2 часовъ по полудни, затѣмъ обѣдаетъ и снова работаетъ до 9 часовъ вечера; ужинаетъ, ложится спать и снова встаетъ въ полночь. Зимой и осенью работаютъ меньше, потому что вынести круглый годъ подобную работу невозможно. „Проработавъ недѣлю одинъ, или съ помощію братьевъ, жены, сыновей или дочерей, или съ помощію работниковъ, если они есть, говоритъ г. Гацисскій,—проработавъ въ удушливой и пыльной атмосферѣ, почти нагой (работаютъ безъ рубашекъ), несутъ рабочій свой товаръ на базаръ, получаетъ за него рубль или два, и только самый искусный, аккуратный и сильный достанетъ не болѣе 5 руб. Такихъ счастливыхъ немного“. На парижской всемирной выставкѣ 1867 года, пишетъ г. Лабрень, эксперты удивлялись дешевизнѣ нашихъ ножевыхъ издѣлій, но когда имъ было сказано, что наши рабочіе въ ножевомъ районѣ зарабатываютъ отъ 1½ до 2 руб. въ недѣлю, то международные эксперты нашли положеніе нашего рабочаго ненормальнымъ и замѣтили, что оно непременно должно измѣниться въ пользу рабочихъ. Средняя заработная плата подобнымъ-же рабочимъ во Франціи составляетъ

отъ 75 коп. до 1 руб. въ день, и въ Англии отъ 90 к. до 1 р. 20 к., т.-е. вдвое или вчетверо выше нашего. Или: въ той-же нижегородской губ. есть кочкуровская округа, въ которой нѣсколько селеній занимаются приготовленіемъ рогожъ и кулей. 6 человѣкъ хорошихъ рабочихъ могутъ въ недѣлю сработать только одну сотню рогожъ; двое хорошихъ рабочихъ сошьютъ изъ нихъ сотню кулей въ сутки. Всю ночь Кочкурово горитъ огнями, потому-что когда одна сибѣна ложится спать, другая встаетъ; работаютъ безъ отдыха и ѣдятъ между дѣломъ, второпяхъ. Проработавъ такъ недѣлю, 6 человѣкъ рабочихъ получаютъ, смотря по своему искусству и качеству рогожи, отъ 2-хъ до 5 руб., или каждый рабочій получаетъ въ недѣлю круглымъ числомъ около 50 коп. сер. Ужъ какъ, повидимому, северно павловскому мастеровому, а кочкуровскій крестьянинъ ему завидуетъ; между тѣмъ у послѣдняго есть земля. И оказывается, что въ Кочкуровѣ съ его земельнымъ надѣломъ живетъ хуже, чѣмъ въ безземельномъ Павловѣ. Пойдемъ еще далѣе, говоритъ г. Гацискій: въ лукояновскомъ уѣздѣ есть село Василевъ-Майданъ и крестьяне его, какъ я самъ отъ нихъ слышалъ, занимающіеся исключительно земледѣліемъ, не имѣющіе никакихъ постороннихъ заработковъ, завидуютъ кочкуровскимъ. „Посѣтивъ осенью прошлаго года почти всѣ болѣе или менѣе выдающіеся пункты нижегородской губ., пишетъ г. Гацискій далѣе, я, признаюсь, остался подъ самыми тяжелыми впечатлѣніями: вездѣ, на каждомъ шагу, встрѣчалась мнѣ нищета самая тягостная, соединенная съ убійственнымъ трудомъ, разстраивающимъ даже привычныя къ нему съ малолѣтства силы, нищета, которая не называется этимъ именемъ лишь потому, что не протягиваетъ руки за подаваніемъ ко всякому проходящему. Зачастую въ мѣстахъ исключительно занимающихся хлѣбопашествомъ положеніе дѣлъ еще хуже, чѣмъ въ откровенно-безземельныхъ“. Что экономическое положеніе нижегородской губ. весьма незавидное, убѣждаетъ постоянное уменьшеніе народонаселенія. Чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ цифра избытка населенія замѣтнѣе понижается: населеніе всего нижегородскаго Заволжья постоянно голодаетъ, сидя на своемъ холодномъ пескѣ и всегда покупаетъ хлѣбъ на сторонѣ. По показанію памятной книжки нижегородской губ. на 1865 годъ, 8 уѣздовъ изъ 11 принадлежатъ къ числу нуждающихся въ стороннемъ хлѣбѣ, и только

три—внятининскій, сергачскій и лукояновскій, *болше или менше* обеспечены своимъ собственнымъ хлѣбомъ“. Наконецъ, еще одинъ фактъ: въ Арзамасѣ выдѣлывалось нѣкогда до 250,000 штукъ красной юфти. Тогда на берлинскихъ кожевенныхъ заводахъ имя Арзамаса было извѣстно всякому рабочему; теперь арзамаская кожевенная промышленность упала. Конечно, жизнь переносить промышленную дѣятельность на новыя пункты, но за что-же давать ей упадать въ старыхъ? Крѣпостное право по своей грандіозности заслоняло всѣ другія аномаліи нашего экономическаго быта. Но неужели оно исчезло для того, чтобы смѣниться правомъ кулаковъ и эксплуататоровъ? Гдѣ-же средства противъ зла, и есть-ли эти средства? Они есть, но только не въ тѣхъ панацеяхъ, на которыя навидывается наша грамотная толпа. Г. Верещагинъ кажется всѣмъ Колумбомъ, и только въ приготовленіи швейцарскаго сыра и голштинскаго масла видятъ у насъ теперь экономическое спасеніе Россіи. Но вѣдь нельзя-же всей Россіи дѣлать только сыръ да масло. Нижегородское земство оказалось проникательнѣе другихъ: три года тому назадъ оно избрало Уломскій край, прославившійся жестокою нищетою, для опыта другого рода: для артельного изготовленія картофельнаго крахмала. Осенью прошлаго года въ томъ-же Уломѣ устроено товарищество гвоздичниковъ, при помощи ссуды губернскаго экономическаго капитала. Такіе нуждающіеся уломы у насъ на каждомъ шагу — одинъ уломъ гибнетъ съ голоду отъ сѣверной почвы, другой отъ недостатка земли, третій голодаетъ на сапожномъ промыслѣ, четвертый на слесарномъ, пятый на кузнечномъ, шестой на колесномъ... И всѣ эти бѣдствующіе уломы въ рукахъ у кулаковъ и скупщиковъ и купцовъ-эксплуататоровъ; каждый ждетъ, чтобы объ немъ поразсказали земству и чтобы земство дало улому возможность стать на свои ноги. То, что сдѣлало нижегородское земство для своего Улома и для Павлова не больше, какъ пробные шаги; нужно идти дальше и пробные шаги смѣнить стройной систематической программой и систематическимъ освобожденіемъ рабочаго изъ зависимости кулаковъ и скупщиковъ. Но, чтобы заставить земство каждой губерніи поступать такимъ образомъ, нужно, чтобы ему открыли глаза, нужно, чтобы оно узнало бытъ тѣхъ, хозяйствомъ которыхъ завѣдуетъ, — нужно подавить земство фактами

всеобщей, повсюдной нищеты. Это должна и может сдѣлать только статистика.

Поэтому нельзя не отнестись съ особеннымъ уваженіемъ къ дѣятельности А. С. Гадисскаго, издающаго уже IV томъ изслѣдованій экономическаго положенія нижегородской губ. Къ этимъ изслѣдованіямъ можно, конечно, относиться и строго, но это не будетъ справедливо. Можно, напр., спросить: отъ чего „Нижегородскій Сборникъ“ не далъ до сихъ поръ подробнаго изслѣдованія быта рабочихъ Павлова, Мурашкина, Кочурова и др.? Отъ чего тѣ изслѣдованія, которыя уже напечатаны, не всегда бьютъ въ жилу? Отъ чего въ нѣкоторыхъ, преимущественно составляемыхъ духовными лицами, видно какое-то смазываніе, чтобы не видѣть никого ни направо ни налево? Отъ чего въ порядкѣ изслѣдованій какъ-бы не достаетъ строгой программы, т. е., до-сихъ поръ опредѣлялось общее значеніе нижегородской губ. и особенно ея ярмарки? Неоспоримо, что телескопъ оказалъ человѣчеству услугу, но микроскопъ оказалъ услуги еще большія. Конечно, строгими приговорами у насъ слѣдуетъ воздерживаться, ибо издали не всегда замѣтишь независящія обстоятельства, на которыя г. Гадисскій, сколько намъ помнится, уже указывалъ. Но и въ теперешнемъ своемъ видѣ „Нижегородскій Сборникъ“ — явленіе исключительное и отрадное. Нужно желать, чтобы въ каждой губерніи завелись подобныя сборники.

Не думаемъ, чтобы то, что возможно для губ. нижегородской, не было-бы возможно и для всѣхъ остальныхъ губерній. Прежде всего нужно, чтобы кто-нибудь захотѣлъ. Правда, во многихъ мѣстахъ и есть желающіе, но не всегда эти желающіе знаютъ, какъ приняться за дѣло. На статистику у насъ и до-сихъ поръ смотрятъ съ предразсудкомъ и видятъ въ ней исключительно наборъ всякихъ цифръ. Дѣйствительно, собирать свѣденія о числѣ лошадей, коровъ, гусей и пр. трудно, да и толку отъ этихъ цифръ мало, но кромѣ этой статистики есть другая статистика, болѣе убѣдительная и легкая — статистическое изслѣдованіе. Эту статистику можетъ составлять всякій грамотный и не глупый человѣкъ, если онъ только знаетъ, что именно долженъ собирать. Это статистика не голыхъ, случайныхъ цифръ, ничего не говорящихъ, а статистика фактовъ общихъ, рѣзко бросающихся въ глаза и види-

мыхъ для всякаго, кто хочетъ ихъ видѣть. Но чтобы собирать такіе факты, нужна прежде всего программа.

По новому положенію, губ. статистическимъ комитетамъ поставлено въ обязанность, кромѣ составленія мѣстной административной статистики, составлять подробное описаніе губерній и ихъ частей въ отношеніи топографическомъ, историческомъ, промышленномъ, торговомъ, сельско-хозяйственномъ и пр. Основываясь на этомъ, дѣйствительный членъ нижегородскаго статистическаго комитета В. Г. Житухинъ составилъ проектъ программы для отдѣльнаго описанія каждаго уѣзда нижегородской губ. и представилъ его на разсмотрѣніе нижегородскаго статистическаго комитета. Къ сожалѣнію, извлеченіе, сдѣланное „Нижегородскимъ Сборникомъ“ изъ программы г. Житухина, такъ коротко, что о руководящемъ ея значеніи нельзя составить точнаго понятія. Программа для неопытныхъ собирателей—все, ибо она ставитъ ихъ на точку зрѣнія, указываетъ горизонтъ кругозора и направленіе, по которому смотрѣть и собирать. Если программа гола и коротка, статистическое описаніе будетъ также голо, коротко и безжизненно, или же произвольно. Предположимъ, что статистикъ-новичекъ читаетъ въ программѣ „положеніе мѣстности“. Ему это указаніе не говоритъ ничего: программа должна научить его; она должна объяснить смыслъ вопроса и выяснить все экономическое значеніе „положенія“ въ экономической судьбѣ народа. Положеніе при маленькой рѣкѣ, удовлетворяющей только домашнимъ потребностямъ населенія, или положеніе въ глухой мѣстности, отдаленной отъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ, конечно мѣшаетъ болѣе широкому развитію народныхъ производительныхъ силъ. Близость къ промышленнымъ центрамъ и къ большимъ судоходнымъ рѣкамъ дѣйствуетъ обратно: она не только даетъ направленіе дѣятельности, но вліяетъ даже на нравственное міровоззрѣніе и на понятія, создаетъ иной бытъ, инныя отношенія къ семьѣ, иной съладъ внутренней и вѣшной крестьянской жизни. Естественныя богатства данной мѣстности вліяютъ точно такъ-же. Есть мѣстности, которыя своимъ процвѣтаніемъ и своими промыслами обязаны исключительно своимъ естественнымъ богатствамъ. Такъ лѣсистый пенкурскій уѣздъ архангельской губерніи создалъ громадную промышленность добыванія сухой перегонки дерева—дегтя, смолы, скипидара; холмогорская порода скота

могла явиться только на богатыхъ заливныхъ лугахъ Сѣверной Двины. Во многихъ губерніяхъ подобнымъ естественнымъ богатствомъ является теперь каменный уголь. Успѣхи земледѣлія точно также зависятъ отъ положенія; не все равно гдѣ лежитъ пашня: въ низинѣ, страдающей отъ росы и инея, или на теплой возвышенности; положеніе на южномъ склонѣ холмовъ не все равно, что положеніе на сѣверномъ. Бываютъ мѣстности, въ которыхъ дуютъ извѣстные постоянные вѣтры, дѣйствующіе выгодно или вредно на сельско-хозяйственный промыселъ. Поэтому описаніе положенія есть указаніе всего того, что можетъ уяснить его экономическое значеніе, его выгоды и невыгоды, его вліяніе на родъ и на характеръ экономической дѣятельности.

Далѣе программа требуетъ „описанія хозяйственнаго быта жителей и распредѣленія земель“. Но одно простое перечисленіе площади крестьянской земли еще не даетъ понятія о ея сельско-хозяйственномъ и экономическомъ значеніи; поэтому необходимо указать на качество почвы, т. е. пространство чернозема, суглинка, песку и т. д. Составителю нужно объяснить, чтобы при разчисленіи показывать валовыя величины и минимумы количества, приходящагося на душу и на семью, ибо среднія величины не даютъ точныхъ понятій. Предположимъ, что въ данной мѣстности приходится на душу среднимъ числомъ 5 десят. и живетъ 3 домохозяина. Комбинаціи въ распредѣленіи площади могутъ быть различны; распредѣленіе можетъ быть такое, что одинъ домохозяинъ обрабатываетъ 3 десят., другой 4, третій 8; или одинъ 1 десят., другой тоже 1, а третій 13; или же у каждаго изъ трехъ домохозяевъ по 5 десят. Общая картина крестьянскаго быта во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ будетъ разная. Для ясности картины необходимо показать, какимъ количествомъ земли владѣли крестьяне до освобожденія и какимъ они владѣютъ теперь въ частности по родамъ, т. е. пашень, сѣнокосовъ, лѣсовъ, болотъ и по почвѣ:—чернозему, суглинку, песку и т. д.—Разнообразіе въ качествахъ почвы и неудобства положенія очень часто ведутъ къ крайней черезполосности, такъ-что на каждаго домохозяина приходится въ каждомъ полѣ иногда по 12 полосъ или загоновъ.—Существуетъ-ли обычай дѣлежа земли и на какіе сроки? Есть мѣстности, въ которыхъ пашня передѣляется только отъ ревизіи до ревизіи, а сѣнокосъ ежегодно, въ другихъ-же мѣстахъ

передѣляется ежегодно вся земля. Какъ смотрять крестьяне на обн-чай передѣла земли? Въ чемъ видать его выгоды и невыгоды крестьяне зажиточные и въ чемъ находятъ его выгоды и невыгоды—бѣдныя? Сохранился-ли обнчай передѣла въ чистотѣ, или въ немъ обнаруживается движеніе къ переимѣнѣ? Есть мѣстности, въ которыхъ крестьяне очень хорошо понимаютъ, что передѣлъ полей нѣсколько уравниваетъ слабосильныя семьи съ зажиточными и что только при передѣлѣ бѣдныя семьи могутъ платить подати безъ недоимокъ. Насколько замѣтна у крестьянъ склонность къ участковому или личному владѣнію и что именно вліяетъ на переимѣну возрѣнія крестьянъ? Есть-ли между крестьянами личные собственники и замѣтна-ли въ болѣе зажиточныхъ охота выдѣлаться изъ общины, покупать себѣ землю даже на сторонѣ? Достаточно-ли крестьянскій надѣлъ или крестьяне арендуютъ землю? Безъ разъясненія всего того, что уясняетъ взглядъ крестьянина на землю, какъ на орудіе производства, нельзя опредѣлить ни причинъ того или другого состоянія земледѣлія, ни вѣрныхъ способовъ поднять его. Количественное и качественное отношеніе угодій должны, разумѣется, прежде всего вліять на земледѣліе, ибо пашня зависитъ отъ скотоводства, а количество скота зависитъ отъ количества и качества луговъ. И здѣсь опять нужно знать минимумы и максимумы принадлежности скота отдѣльнымъ домохозяевамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и способы его содержанія и ухода за нимъ. Напр., въ уѣздахъ ближайшихъ къ Петербургу крестьяне поятъ коровъ зимой теплымъ пойломъ; въ холмогорскомъ уѣздѣ ухаживаютъ за скотомъ, какъ въ Голландіи; а въ Забайкальѣ скоть и въ сорока-градусный морозъ бродитъ въ открытыхъ загородкахъ, не зная даже хлѣвовъ. Замѣчается-ли у крестьянъ стремленіе къ улучшенію породъ рогатаго скота или коневодства? Въ воронежской губерніи, напримѣръ, коневодство составляетъ крестьянскій промыселъ. Насколько освобожденіе крестьянъ повліяло на сельскохозяйственную культуру — къ лучшему или къ худшему и почему? Размѣръ обыкновенныхъ урожаевъ. Не вліяютъ-ли на урожаи какія нибудь особенныя причины—почвенныя, атмосферическія. Насколько продукты земледѣлія удовлетворяютъ потребности крестьянъ и какаѧ разница замѣчается въ этомъ отношеніи между сильными и слабыми семьями, т. е. максимумы и минимумы получаемыхъ продуктовъ и число семействъ, тяготящихся къ максимумамъ и

минимумамъ. Не занимаются-ли крестьяне посѣвомъ какихъ-либо особенно выгодныхъ хлѣбовъ и травъ для продажи. Напр. село Удомъ новгородской губерніи засѣваетъ въ огромномъ количествѣ картофель, что и дало г. Верещагину мысль устроить тамъ артельное паточное производство. Въ другихъ мѣстахъ сѣютъ ленъ на сѣмена, продаваемые за границу. Вообще слѣдуетъ объяснить, составляетъ-ли земледѣліе для крестьянъ выгодную промышленность, или оно только служитъ для удовлетворенія домашнихъ нуждъ. Въ нижегородской и петербургской губерніяхъ есть такія мѣстности, гдѣ крестьяне занимаются хлѣбопашествомъ лишь-бы не отстать отъ сосѣдей, не рассчитывая на выгоду.

Параллельно съ земледѣіемъ идутъ во многихъ мѣстностяхъ сельскіе промыслы. Тамъ промыслъ не существуетъ, гдѣ крестьянинъ имѣетъ все отъ земли и гдѣ земледѣліе для него служитъ источникомъ дохода, какъ, напр., въ самарской и въ другихъ степныхъ приволжскихъ губерніяхъ. Иначе долженъ жить крестьянинъ, обрабатывающій дурную почву, имѣющій малый надѣлъ, недостаточные луга. Ярославскую и нижегородскую губерніи принудила сдѣлаться промышленными дурная почва. Исторія возникновенія сельскихъ промысловъ представляетъ иногда поучительный интересъ. Такъ Петръ Великій, обративъ вниманіе на болота ростовскаго уѣзда, велѣлъ крестьянамъ ихъ осушать и разводить огородныя овощи. Черезъ 50 лѣтъ ростовскій уѣздъ уже славился своимъ огородничествомъ, и первые огородники въ Россіи и до сихъ поръ ярославцы. Послѣ 12-го года плѣнные французы, оставшіеся въ калужской губерніи, занимались плетеніемъ деревянныхъ шляпъ и другихъ издѣлій; промыселъ этотъ водворился и существуетъ до сихъ поръ. Или, въ прошедшемъ столѣтіи въ шенкурскомъ уѣздѣ правительство заставляло крестьянъ настойчивыми мѣрами заниматься гонкой смолы, дегтя и скипидара. Промышленность эта развилась до того, что хѣсотехническіе продукты сдѣлались предметомъ зарраницаго торга и наконецъ совершенно разстроились хѣса шенкурскаго уѣзда. Здѣсь промышленность перешла уже въ хищническую эксплуатацію естественнаго богатства. Ту-же нерасчетливость обнаружили крестьяне и въ семеновскомъ уѣздѣ нижегородской губерніи, занимающіеся изготовленіемъ деревянной посуды. Если въ описываемой мѣстности существуетъ промыселъ, основанный на естественномъ богатствѣ, то

необходимо показать—хищнически или хозяйственно пользуются ими крестьяне и насколько нерасчетливое пользование грозит исчезновеніемъ самому промыслу. Кромѣ крупныхъ промысловъ заводскаго характера существуютъ по деревнямъ еще мелкіе, приближающіеся къ ремеслу. Такъ въ новгородской губерніи крестьяне занимаются гвоздильнымъ производствомъ, въ вятской—столлярнымъ, въ казанской—изготовленіемъ колесъ, тарантасовъ, санией; во владимірской—изготовленіемъ осиновыхъ досокъ для образцовъ.

Въ нѣкоторыхъ производствахъ введено крестьянами строгое раздѣленіе труда, напр. суздальцами въ иконной живописи, или въ казанской губерніи,—гдѣ изготовленіе въ сыромъ видѣ колесныхъ станковъ, полозьевъ, обдѣлка ихъ, приготовленіе колесъ, тарантасныхъ ходовъ, наконецъ собираніе и оковка экипажа составляютъ специальное занятіе отдѣльныхъ селеній. Когда промышленность встала на такой путь, въ ней заключаются уже всѣ данныя для перехода въ артельное производство. При описаніи крестьянскихъ промысловъ слѣдуетъ непремѣнно обратить вниманіе, насколько данная промышленность подготовилась уже къ артельности; есть-ли у крестьянъ готовность и расположеніе къ образованію промышленныхъ и ремесленныхъ артелей и какія причины задерживаютъ или могли-бы помочь устройству промышленности на артельномъ началѣ. Кромѣ мѣстныхъ промысловъ существуютъ еще промыслы отхожіе, ставящіе крестьянское хозяйство въ зависимость отъ центровъ болѣе или менѣе отдаленныхъ и вообще дѣйствующихъ вредно на крестьянскій бытъ. Указавъ на существующіе отхожіе промыслы—объяснить, не заключается-ли въ самихъ условіяхъ описываемой мѣстности извѣстныхъ данныхъ для замѣны отхожаго промысла мѣстнымъ домашнимъ. Дать числовыя величины, т. е. показать, сколько именно крестьянъ занимается извѣстнымъ промысломъ, съ какихъ и до какихъ лѣтъ, какое участіе въ промыслѣ принимаютъ женщины и дѣти. Какъ извѣстный промыселъ вліяетъ на здоровье; не порождаетъ-ли онъ какихъ-либо специальныхъ болѣзней, какъ, напр., фосфоризмъ на спичечныхъ фабрикахъ калужской и новгородской губерній. Показать—происходитъ-ли болѣзнь отъ причинъ неустранимыхъ, или-же она происходитъ отъ дурной организаціи производства, напр., отъ недостатка вентиляціи, отъ отравленія колодцевъ и ручьевъ небрежнымъ

выливаніемъ жидкихъ вредныхъ остатковъ куда попадется. Показать минимумы и максимумы заработковъ и отношеніе доходовъ отъ промысла къ доходамъ отъ земледѣлія. Въ какой зависимости находятся производители отъ скупщиковъ и барышниковъ, отъ нанимателей хозяевъ и вообще отъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которые, располагая капиталомъ, стремятся закабалить крестьянскій трудъ. Наконецъ, объяснить нравственное вліяніе промысла на бытъ крестьянъ, на увеличеніе или уменьшеніе рожденій и смертностей. Въ этомъ отношеніи наиболее разрушительно дѣйствуютъ на крестьянскую семью отхожіе промыслы: семейная связь слабѣетъ, является распущенность, легкомысліе и домовитость утрачивается. Кромѣ того, отхожіе промыслы служатъ главнымъ агентомъ распространенія сифилиса. Такимъ образомъ промышленность и заработки приводятъ непосредственно къ вопросу о здоровьи.

Физическое здоровье и крѣпость сложенія опредѣляются проще всего сравненіемъ пригодности (и процента) народа къ военной службѣ лѣтъ за 10 или за 20 и теперь, а также разницей сложенія стариковъ и молодыхъ. Вырожденіе расы можетъ происходить отъ матеріальныхъ лишеній, нездороваго помѣщенія, усиленнаго труда, особенно въ молодыхъ лѣтахъ, вредныхъ промысловъ и ремесленныхъ занятій и отсутствія гигиеническихъ предосторожностей. Всѣ эти вліянія должны быть разъяснены и особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на болѣзни, находящіяся въ ближайшей связи съ экономическими причинами, на болѣзни, причины которыхъ гнѣздятся, такъ сказать, въ самыхъ условіяхъ крестьянскаго быта. Слѣдуетъ привести цифры смертности и рожденій и если возможно, то за нѣсколько десятилѣтнихъ періодовъ, напр., 1830, 1840, 1850, 1860, 1870 гг., чтобы опредѣлить, въ какую сторону идетъ движеніе народонаселенія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что крестьяне вообще люди честные и хорошіе, но у народа есть свой кодексъ нравственности, который не всегда сходитя съ кодексомъ нравственности образованнаго слоя. Это разнорѣчіе имѣетъ свою вредную сторону, особенно въ экономическихъ сношеніяхъ: мѣшаетъ крестьянскому кредиту и рѣдко оправдывается юридически. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ народное міровоззрѣніе оправдываетъ даже воровство, напр., самовольныя порубки, потравы. Кодексъ народной нравственности,

переступая предѣлъ семейныхъ домашнихъ отношеній, превращается въ общественныхъ и мірскихъ крестьянскихъ дѣлахъ въ обычное народное право. Это обычное право составляетъ нѣчто особенное отъ общаго русскаго писаннаго закона. Крестьяне рождаются, живутъ и умираютъ, не зная X тома; у крестьянъ свои правила купли и продажи, отчужденія и наслѣдства, опеки, попечительства и усыновленія. Вотъ нѣкоторые примѣры. Въ случаѣ смерти жены, приданое ея остается мужу съ дѣтьми, а за неимѣніемъ дѣтей, мужу оставляется одна постель, а все остальное возвращается въ тотъ родъ, откуда умершая жена. Доходы съ хозяйственныхъ произведеній, напр., отъ продажи молока, яицъ, масла поступаютъ въ общее пользованіе семьи, а отъ пряжи — въ пользу жены, мужа и дѣтей. По смерти родителей, братья дѣлятъ все имущество поровну, а домъ поступаетъ въ собственность младшаго сына. Мѣстами дѣтямъ перваго брака оказывается преимущество какъ въ наслѣдствѣ, такъ и въ семейномъ значеніи, а мѣстами незаконнорожденныя дѣти считаются наравнѣ съ законнорожденными. Опека и попечительство являются больше дѣломъ милосердія и душевспасительнымъ подвигомъ, чѣмъ актомъ социальнымъ. Въ куплѣ и продажѣ есть также любопытныя своеобразности. Мѣстами никто не можетъ продать ни дома, ни лошади, ни коровы и т. д. въ чужое общество, не вызвавъ раньше охотника изъ своей деревни; если случится иначе, то выискавшійся свой покупатель отбираетъ отъ чужого купленную имъ вещь и возвращаетъ задатокъ или деньги, если они были выплачены.

Внѣшній образъ жизни служить, конечно, главнымъ признакомъ экономическаго благосостоянія крестьянской семьи. Каждая, самая ничтожная вещь крестьянскаго быта говоритъ о бѣдности или богатствѣ: жилище, одежда, пища, утварь, орудія и инструменты. Конечно, дешевизна и обиліе строительныхъ матеріаловъ вліяютъ на характеръ крестьянскихъ построекъ: такъ въ дѣсистыхъ мѣстностяхъ глухого сѣверовостока, напр. въ селахъ по сибирскому тракту въ пермской губерніи, крестьянскія постройки поражаютъ своимъ размѣромъ, но и въ безлѣсныхъ самарскомъ и ставропольскомъ уѣздахъ самарской губерніи строятъ дома хорошіе и избы красивыя; у крымскихъ-же молочанъ дома каменные. Не одни средства обнаруживаютъ свое вліяніе, иногда и обычаи. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ярославской губерніи

народъ поражаетъ своею щеголеватостью, но живетъ онъ впроголодь, хуже самаго бѣднаго крестьянина земледѣльческой полосы. Не слѣдуетъ забывать, что понятія о бѣдности и богатствѣ — понятія относительныя; есть селенія, въ которыхъ бѣдные круглый годъ не видятъ мяса, а богатые пьютъ чай только по праздникамъ; а крестьянинъ петербургской Новой Деревни, даже самый бѣдный, пьетъ каждый день кофе. Есть селенія, въ которыхъ ни у одного крестьянина нѣтъ окованной телѣги, нѣтъ во всей деревнѣ ни одной лопаты съ желѣзнымъ концомъ, ни одной мотыги, сбруя мочальная или пеньковая; ременная шлея — больше, чѣмъ рѣдкость. Разсчетъ крестьянскаго бюджета долженъ быть сдѣланъ возможно подробно и въ деньгахъ. Необходимо показать всѣ статьи крестьянскаго дохода: отъ хлѣбопашества, огородничества, садоводства, промысловъ и т. д. Затѣмъ расходы по отдѣльнымъ статьямъ: на одежду, пищу, соль, гулянья и праздники, ремонтъ орудій, дома и т. д. Наконецъ, подати и повинности. Въ этой статьѣ должны быть показаны также всѣ расходы, производятся-ли они натурой или деньгами (натуральныя переводить на деньги). Въ податяхъ и повинностяхъ показать отдѣльно: государственныя, земскія, мірскія, выкупныя платежи, уплату недоимокъ. Для наглядности была-бы полезна параллель платежей лѣтъ 15 тому назадъ и нынче, а также и производительныхъ средствъ крестьянъ за тѣ-же періоды, чтобы видѣть, въ какой прогрессіи росла или пала податная способность крестьянъ. Способъ раскладки на міру податей и роль, какую при этомъ играютъ міровцы, богатые и бѣдные. Механизмъ мірской раскладки долженъ быть объясненъ съ возможною подробностію. Къ какимъ искусственнымъ средствамъ прибѣгаютъ крестьяне, чтобы уменьшить тяжесть платежей? Не дѣлаютъ-ли они насильственныхъ раздѣловъ семей, выталкивая изъ семьи неплательщиковъ или непродводительныя податныя души? Какой вредъ отъ этого? Насколько насильственное выкидываніе изъ семьи способствуетъ увеличенію нищенства и бродяжничества? Мѣры крестьянскаго общественнаго призрѣнія и мірской благотворительности. Средства существованія вдовъ и сиротъ и одинокихъ стариковъ. Со времени освобожденія крестьянъ какая замѣтна пережѣна въ обезпеченіи бездомныхъ людей и призрѣніи деревенской безпомощности? Насколько достигаютъ своей цѣли мѣры общественнаго

продовольствія? Какъ распредѣляетъ міръ ссуды, какъ производится ихъ возвратъ и какое участіе и на какихъ условіяхъ принимаютъ на себя богатые въ платежахъ за бѣдныхъ. Въ описаніи экономическаго быта максимумы и минимумы должны играть особенно важную роль: только они дадутъ вполне ясное понятіе о жизни русской деревни; среднія-же цифры смазываютъ все одной сѣрой краской.

Это не программа, а рядъ недоумѣній и намековъ на вопросы. Вопросы можно продолжать безконечно. И чѣмъ больше вдумываешься, тѣмъ является больше недоумѣній и безотвѣтныхъ вопросовъ. Какой-же добросовѣстный, думающій человекъ рѣшится сказать, что онъ знаетъ крестьянскій міръ, его нужды, стремленія, кодексъ его обычнаго права и кодексъ деревенскаго экономическаго законодательства? Не оттого-ли мы ничего и не дѣлаемъ и живемъ иллюзіями, что ничего не знаемъ? Сочинять, конечно, легче. И вотъ мы до сихъ поръ только сочиняли. Лишь поэтому Россія намъ казалась Калифорніей. Но иллюзіи и мечты должны, наконецъ, разсѣяться; горькій опытъ является съ своими суровыми уроками, а статистика отрываятъ намъ глаза на факты. Благодаря изслѣдованіямъ болѣе проникательныхъ людей, мы уже знаемъ, какъ смотрѣть на бытъ нижегородской губерніи. А что-же мы знаемъ объ остальныхъ губерніяхъ? Чѣмъ отъ нижегородской отличается новгородская, отъ новгородской калужская, отъ калужской минская, отъ минской пермская и т. д.? Неужели у каждой изъ этихъ губерній нѣтъ своей собственной соціально-экономической фізіономіи? Неужели всѣ губерніи выкроились по одному шаблону? Губернская статистика молчитъ; нигдѣ мы не встрѣчаемъ даже намека на серьезное желаніе узнать свою мѣстность. „Тихо всюду, глухо всюду“. Но можетъ быть нужно жаловаться не на равнодушіе, на которое у насъ обыкновенно сваливаютъ всѣ вины? Да, есть причина другая, истинная причина всѣхъ русскихъ причинъ — невѣденіе, незнаніе, какъ принятыся за дѣло, какъ организовать его. Въ этомъ случаѣ тѣ, кто впереди, могли бы много помочь тѣмъ, кто назади. Отчего нижегородская губернія издаетъ уже IV томъ статистическихъ изслѣдованій, а другія не издали ни одного? Какими средствами нижегородская губернія нашла работниковъ; отчего духовныя лица

нижегородской губерніи составляютъ статистическія описанія, а въ другихъ губерніяхъ — нѣтъ? Русскіе люди, вѣроятно, вездѣ изъ одной глины. Въ чемъ-же причина, что въ одной мѣстности дѣлается то, чего не дѣлается въ другой? Какая причина, что возбуждается энергія? Мы знаемъ одно, что сами собой дѣла не дѣлаются; мы знаемъ еще и то, что во многихъ мѣстахъ есть у насъ желающіе разрабатывать мѣстную статистику и издавать сборники, но нѣтъ у нихъ программы и они не могутъ разрѣшить недоумѣнія — какъ и на какія средства организовать такое дѣло. Редакція „Нижегородскаго Сборника“ оказала бы всѣмъ подобнымъ желающимъ большую услугу, если-бы въ слѣдующемъ V томѣ напечатала исторію своихъ статистическихъ начинаній, удачъ и неудачъ, препятствій, съ которыми ей приходилось бороться, содѣйствій, какія она встрѣчала. Однимъ словомъ дать полную исторію организаціи въ нижегородской губерніи тѣхъ силъ и средствъ, которыми она владѣетъ и которыя она сгруппировала около себя.

И. Ш.

НОВАЯ КНИГА.

За и противъ женщинъ, четырнадцать писемъ Фанни Левальдъ.
Перев. съ нѣмецкаго М. П — усъ. Спб. 1871.

Насъ часто смущаютъ несообразности, бѣдствія, страданія современной общественной жизни и порою кажется, что всевозможные предрасудки, нелѣпыя идеи и дикія отношенія такъ-же долговѣчны, такъ-же безсмертны, какъ само время. Эти мрачныя мысли зарождаются въ насъ подъ вліяніемъ того гнета всякихъ несообразностей, который тяготитъ насъ самихъ, не даетъ намъ возможности свободно дышать, тормозитъ насъ на пути впередъ, связываетъ наши руки тяжелыми цѣпями. Но если въ спокойную минуту мы хладнокровно взглянемъ на ходъ общественныхъ событій, на развитіе человѣческой мысли, то мы ясно увидимъ, что въ общественномъ сознаніи живетъ цѣлый рядъ жгучихъ вопросовъ, которые, какъ бы ихъ ни осмѣивали, какъ бы противъ нихъ ни боролись, какъ бы ихъ ни давили темныя силы старыхъ традицій, — осуществляются, получаютъ право гражданства, войдутъ въ нашу практику и безповоротно вытѣснятъ изъ жизни старыя отношенія. Къ такимъ неумирающимъ вопросамъ принадлежалъ, напримѣръ, у насъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ; онъ то всплывалъ на поверхность, то таился въ головахъ только немногихъ лучшихъ людей, то навлекалъ гоненія ретроградовъ, то являлся игрушкою, которою играли либералы. Но не смотря ни на что, онъ, наконецъ, пробился въ жизнь и разрѣшился на нашихъ глазахъ, уничтоживъ навсегда крѣпостничество. Такихъ вопросовъ не мало, и бояться за ихъ будущность, сомнѣваться въ ихъ торжествѣ было бы нелѣпо: будущее принадлежитъ имъ и мы можемъ только пожалѣть

о себѣ, о томъ, что мы, быть можетъ, не насладимся тѣми плодами, которые выростутъ на вспаханной нами землѣ, изъ посѣянныхъ нами сѣмянъ. Къ числу такихъ вопросовъ въ западной Европѣ принадлежитъ рабочій вопросъ, женскій вопросъ, вопросъ о народномъ образованіи, вопросъ объ отношеніяхъ труда и капитала, вопросъ объ ассоціаціи рабочихъ силъ и т. д. У насъ кромѣ этихъ вопросовъ есть еще множество другихъ вопросовъ, которые уже рѣшены въ западной Европѣ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и потому мы еще не слишкомъ горячо принимаемся за рѣшеніе такихъ вопросовъ, какъ, наприкладъ, рабочій и женскій. Но нельзя сказать, чтобы наше общество относилось совершенно безучастно и къ этимъ вопросамъ; по крайней мѣрѣ нѣкоторые печальные факты заставляютъ общество посерьезнѣе взглянуть на рабочій вопросъ, а женщины не устаютъ работать въ пользу вопроса, важнаго прежде всего лично для нихъ самихъ. Насколько серьезно стремятся лучше люди въ обществѣ къ разрѣшенію женскаго вопроса, это видно уже изъ того, что въ лагерѣ разныхъ гг. Н. Страховыхъ, Стебницкихъ и тому подобныхъ обскурантовъ раздается шипѣніе противъ «эманципаторовъ». Сердитый лай показываетъ, что мы ѣдемъ впередъ, сказали Добролюбовъ. Шипѣніе обскурантовъ показываетъ, что прогрессисты не спятъ. Что говорятъ обскуранты противъ женскаго вопроса — это неинтересно и крайне скучно; ихъ пѣсня есть повтореніе той самой пѣсни, которую пѣли крѣпостники: неспособность освобождаемыхъ; развитіе безнравственности, какъ слѣдствіе освобожденія; восхваленіе современнаго положенія стремящихся къ освобожденію; рисовка патриархальной прелести старыхъ отношеній; карикатурное изображеніе того, какъ воспользуются новыми правами освобожденные; указаніе на подстрекателей и злоумышленниковъ; объявленіе, что сами освобождающіеся не желаютъ освобожденія, — все это давно извѣстно и, къ величайшему своему несчастію, ретроградная партія не можетъ выдумать ничего новаго и должна довольствоваться только старымъ, ржавымъ оружіемъ, отжившею аргументаціею. Въ глубинѣ своей души эта партія сама очень хорошо сознаетъ, что ея игра уже проиграна, что старые дни съ ихъ порядками не вернуться никогда, но она хочетъ до конца доиграть свою игру, такъ какъ эта игра идетъ на жизнь и смерть.

Но если и намъ, и самой ретроградной партіи хорошо извѣстно, что вопросы, выдвинутые впередъ самою жизнью, должны рѣшиться именно въ томъ смыслѣ, въ какомъ ждетъ ихъ рѣшенія прогрессивная партія, то это еще не даетъ намъ права сложить руки и питаться однѣми свѣтлыми мечтами о будущей побѣдѣ. Близость этой

побѣды зависить отъ нашей энергіи, отъ нашихъ стараній, отъ нашей настойчивости. Всѣ усилія работающихъ въ пользу какого-нибудь дѣла являются тѣми каплями воды, которыя продавливаютъ камень: чѣмъ больше этихъ капель, чѣмъ значительнѣе сила ихъ паденія, чѣмъ чаще онѣ падаютъ, тѣмъ скорѣе продолжится этотъ камень. Какъ бы ничтожны ни были результаты, добытые дѣятельностью каждой отдѣльной прогрессивной личности, мы не должны смущаться: камень предрасудковъ и старыхъ порядковъ не непобѣдимъ, но только твердъ и крѣпокъ. Какую упорную борьбу должны были вести люди другихъ странъ, чтобы добиться своей цѣли, чтобы разбить этотъ камень хотя отчасти, — это показываетъ намъ исторія западной Европы и Америки, гдѣ передовымъ людямъ удавалось завоевывать каждую пядь земли на пути къ прогрессу только трудною борьбою, только совокупными усиліями единомышленниковъ личностей, только неутомимою бдительностью. И что-же завоевано покуда въ западной Европѣ и Америкѣ по части женскаго вопроса? Равноправіе женщины и мужчины въ области воспитанія, образованія, труда, гражданскихъ и политическихъ правъ? Нѣтъ, покуда завоевана только увѣренность на полную побѣду и пріобрѣтены кое-какія льготы. Это, повидимому, почти ничто; это, въ сущности, уже начало всего. Положеніе женщинъ западной Европы и Америки еще далеко не удовлетворительно, но уже никто не сомнѣвается, что оно должно измѣниться, и многое, что было возможнымъ при старомъ настроеніи, при старыхъ взглядахъ общества на женщину, теперь сдѣлалось невыносимо. Въ Америкѣ и теперь женскій трудъ цѣнится ниже мужского труда, такъ въ казначействѣ женщины получаютъ 75 и 50 долларовъ за тотъ-же трудъ, за который мужчины получаютъ 100 и 75 долларовъ, хотя женщины исполняютъ акуратнѣе и лучше свои обязанности, чѣмъ мужчины. Эти отношенія общества къ женщинамъ еще далеки отъ справедливости. Но за то въ той-же Америкѣ теперь уже невыносимы тѣ грубыя выходки студентовъ, которыя еще не слишкомъ давно пришлось перенести Елизаветѣ Блекуэлль; теперь американское общество уже не смотритъ съ предубѣжденіемъ на женщину, изучающую медицину, и ни одинъ студентъ не рѣшится оскорбить ее насмѣшкою. Сперва американкѣ нужно было имѣть большой запасъ храбрости, чтобы идти на путь къ высшему образованію; теперь нужно имѣть большой запасъ храбрости тому, кто вздумалъ бы осмѣять или оскорбить подобную женщину. Этотъ фактъ ясно говоритъ, какъ далеко ушло развитіе женскаго вопроса.

Но это развитіе, какъ мы сказали, было плодомъ долгой и упор-

ной борьбы. Кто желаетъ познакомиться хотя отчасти съ тѣмъ, какъ велась эта борьба, или, лучше сказать, съ тѣмъ, какъ отстаивали свое дѣло лучшіе изъ защитниковъ женскаго вопроса на западѣ Европы, тому мы посовѣтуемъ прочесть письма Фанни Левальдъ, одной изъ довольно видныхъ и сильныхъ сторонницъ женскаго вопроса въ Германіи. Ея письма имѣютъ тѣмъ болѣе значенія, что она является не платоническою поклонницею женской самостоятельности и жескаго труда: она сама ушла отъ своего отца, работала и жила на своихъ трудовыхъ деньги. Въ первомъ-же своемъ литературномъ произведеніи она выразила мысль о томъ, что «необходимо давать женщинамъ такое воспитаніе и образованіе, которое дало бы имъ возможность содержать себя, предохраняя ихъ отъ унижительной необходимости выходить замужъ по расчету.» Эта мысль не только приводилась въ большинствѣ ея литературныхъ произведеній, но руководила ею въ ея стремленіяхъ помочь женщинамъ. Широкое образованіе женщинъ, ремесленные школы для женщинъ, доступъ женщинамъ въ различныя должности, въ купеческія конторы и тому подобныя мѣста, — вотъ чего требуетъ Фанни Левальдъ. Въ живыхъ, легко читающихся письмахъ она и проводитъ свои идеи, и набрасываетъ картины положенія женщины, и рисуетъ отношенія общества къ женщинѣ и, наконецъ, даетъ совѣты своимъ сестрамъ. Она, между прочимъ, упрекаетъ большинство женщинъ въ легкомысліи и говоритъ, что женскій вопросъ только тогда будетъ развиваться вполне успѣшно, когда большинство женщинъ, во имя своей будущей свободы, отрѣшится отъ той пустой жизни, которую оно ведетъ теперь.

«Вы обвязываете длинныя ленты вокругъ шеи, пишетъ она, — концы которыхъ развѣваются далеко за вами; эти ленты на языкѣ модистокъ называются «*suivez-moi*», и вы удивляетесь, что васъ преслѣдуютъ! Вы носите кокарды на юбкѣ, называемыя «*protégez-moi*», и удивляетесь, когда вамъ желаютъ оказать эту услугу! Весь вашъ нынѣшній нарядъ, начиная съ тиквообразной прически до китайскихъ башмаковъ, есть выдумка самыхъ низкихъ французскихъ женщинъ, а вы гордитесь тѣмъ, что подражаете имъ и даже опередили ихъ. Вы находите, что неприлично силѣтъ въ кругу работающихъ мужчинъ или учащихся молодыхъ людей, а сами возбуждаете своими вычурными, обрисовывающими фигуру нарядами страсть каждаго проходящаго по улицѣ, а потомъ пугаетесь и жалуетесь, какъ дѣти, на необходимое послѣдствіе вашихъ безумныхъ поступковъ! Вы боитесь, что послѣдовательная работа съ серьезными мужчинами могла бы повредить вашей женственности, а сами добровольно подвергаете себя оскорбленію.

« Мало того, что нынѣшніе туалеты часто непристойны, они вѣстѣ съ тѣмъ непрактичны (вспомните только такъ называемыя шляпы) и такъ дороги, что превосходятъ средства многихъ семействъ. Мы безпрестанно видимъ примѣры, гдѣ страсть къ нарядамъ и къ роскоши губить дочерей и раззоряетъ отцовъ. Когда банкиръ N N былъ посаженъ въ тюрьму за долги, причиною его несчастія была страсть къ роскоши его жены и дочерей.

« Очень интересно и поучительно просматривать модные журналы сороковыхъ годовъ и сличать ихъ съ нынѣшними. Мы тоже въ свое время любили наряжаться, старались нравиться въ обществѣ и поражать необыкновеннымъ туалетомъ, но всѣ женщины образованнаго общества, и старыя и молодыя, считали крайне неприличнымъ поражать туалетомъ на улицѣ. Если на улицахъ показывалась женщина въ вычурномъ нарядѣ, то всѣ знали, чего она стояла. Старинный нарядъ для улицъ былъ скромнѣе, теперешній-же просто наглѣе. Прежнія платья имѣли приличную длину; они не были слишкомъ коротки и не волочили дорогія матеріи по грязи, широкія юбки падали въ глубокихъ складкахъ, оборки были умеренны, шляпы сидѣли на головѣ и okayмляли лице; мы приняли-бы за сумасшедшую, совершенно сумасшедшую, ту женщину, которая показала-бы на улицѣ безъ шаля или мантильи, или съ цѣлой башней фальшивыхъ волосъ, какія носятъ теперь. И кого-же хотите вы обмануть вашими волосяными уборами? мы всѣ, и мужчины и женщины, видимъ ихъ совершенно готовыми съ шиньономъ, гребнемъ и локонами за столько талеровъ у каждаго парикмахера на окнѣ. Каждая барыня платитъ за свои прекрасные волосы такую-то сумму, и всякій благоразумный челоуѣкъ невольно станеть разсчитывать сколько дней, сколько мѣсяцевъ долженъ работать мужъ, сколько товару обратить, сколько статей написать, пока наживетъ средства одѣть подобнымъ образомъ жену!

« Къ несчастью по улицамъ идетъ то-же толпа бѣдныхъ людей, которые при тяжелой работѣ едва могутъ прокормить себя и дѣтей. Неужели вамъ не приходитъ въ голову, что эти бѣдные люди, при видѣ вашихъ нарядовъ, ежеминутно должны подумать: за деньги, которыя стоитъ такой кушакъ, такой шиньонъ, я могла-бы одѣть своихъ дѣтей и прокормить ихъ цѣлую недѣлю; за цѣну этого шлейфа и этихъ бѣлыхъ юбокъ, метущихъ соръ на улицѣ, я-бы прожила мѣсяцъ и могъ-бы полечить болную жену!

« Я конечно не утверждаю, чтобы нынѣ, какъ въ старину, можно было-бы противудѣйствовать всеобщей ростоичтельности правилами

противъ роскошныхъ туалетовъ, но я нахожу, что въ Англіи поступили очень основательно, наложивъ высокую пошлину на извѣстные предметы роскоши, потому что хвастовство на улицахъ бесмысленною расточительностью, и есть именно такъ называемое «раздраженіе сословія другъ противъ друга», преступленіе, которое наши законы строго наказываютъ, когда оно совершается печатаннымъ или изустнымъ словомъ. Какже рабочимъ не требовать прибавки жалованья, когда они видятъ, какъ безразсудно тратятъ деньги богатяя женщины? Право, пора благоразумнымъ, благонамѣреннымъ женщинамъ согласиться, своимъ хорошимъ примѣромъ противудѣйствовать нынѣшнему образу жизни, который все болѣе и болѣе унижаетъ нашъ полъ. Намъ не нужно стать квакершами, не нужно отказаться отъ удовольствія носить прекрасныя матеріи и одѣваться къ лицу; но мы скоро совершенно потеряемъ право на уваженіе, которое имѣютъ къ женщинамъ, если не исполнимъ добровольно того, что въ старину предписывалъ законъ, если мы не откажемся отъ подражанія чужеземному, безнравственному женскому обществу, въ которомъ все пусто, все безразсудно, гдѣ все можно купить за деньги, не исключая и самихъ женщинъ.

«Начните-же прежде всего съ эманципаціи самихъ себя, отрешитесь отъ вашего тщеславія и страсти къ нарядамъ, вы, всѣ дѣльныя женщины, которыя истинно желаете возвышенія вашего пола! Слава Богу, отечество наше еще богато благоразумными женщинами и дѣвушками, сохраняющими въ душѣ нравственный идеализмъ. Начните эту эманципацію, и вамъ вѣрно будутъ благодарны ваши отцы, братья и мужья. Посвятите хоть одну треть времени и денегъ, которыя вы теперь тратите на туалетъ,—на покупку книгъ и чтеніе, и вы усладите свою собственную жизнь и уменьшите заботы мужей и отцовъ. Тогда; чрезъ нѣсколько лѣтъ, вы навѣрное согласитесь съ тѣмъ, что я привожу въ этомъ письмѣ. Вы-бы могли сдѣлать еще болѣе добра, если-бы рѣшились основать общество, которое, въ видѣ новаго общества трезвости, старалось-бы уничтожить безумную роскошь въ нарядахъ. Часто великія дѣла происходили отъ малыхъ причинъ, и теперь, когда уже достойные, просвѣщенные мужчины работаютъ на пользу эманципаціи женщинъ, нашъ долгъ по возможности самовоспитаніемъ помогать этимъ мужчинамъ, и идти имъ на встрѣчу, чтобы быть въ состояніи какъ можно скорѣе ухватить руку помощи, которую простираетъ намъ проснувшееся въ нихъ чувство справедливости»...

Фанни Левальдъ писала въ Германіи для нѣмцевъ и нѣмокъ и,

конечно, не знала о существованіи г. г. Страховыхъ и Стебницкихъ, которые считаютъ чуть не уголовнымъ преступленіемъ отсутствіе шиньона, отсутствіе шлейфа, темный цвѣтъ лишеннаго отдѣлки платья, покушку книгъ вмѣсто нарядовъ, хожденіе на лекціи вмѣсто баловъ и тому подобныя нигилистическія поступки. Если бы она знала о существованіи этихъ господъ, если бы она знала средства, употребляемыя ими въ борьбѣ противъ идей тѣхъ женщинъ, которыя стремятся къ образованію, — она, пожалуй, побоялась бы написать вышеприведенныя строки, считая небезопаснымъ давать подобные со- вѣты женщинамъ.

Историческіе очерки и рассказы С. Н. Шубинскаго, 2 изданіе
Н. Н. Плотникова. Спб: 1871 г.

**Рассказы о русской старинѣ, съ примѣчаніями С. Н. Шубин-
скаго 1871 г.**

Если вы не обладаете никакими талантами, никакими знаніями, никакими особенными умственными и физическими способностями, но желаете зашибить копѣйку и составить себѣ положеніе въ свѣтѣ, то я совѣтую вамъ сдѣлаться литераторомъ и издавать книги. Это особенно легко сдѣлать послѣ того, какъ г. С. Н. Шубинскій открылъ особый способъ для производства литературныхъ статей и книгъ, способъ, требующій отъ производителя только умѣнья переписывать и подшивать бумаги. Изобрѣтеніе г. С. Н. Шубинскаго несомнѣнно должно принести пользу особенно у насъ въ настоящее безденежное время, когда остается такое множество людей за штатомъ и когда даже пріобрѣтеніе концессіи на новую желѣзную дорогу все-таки требуетъ извѣстной смѣтливости, извѣстной дозы ума и знанія. Въ способѣ пріобрѣтенія денегъ, изобрѣтенномъ г. С. Н. Шубинскимъ именно то и важно, что онъ не требуетъ отъ человѣка никакихъ способностей и предполагаетъ въ немъ одно желаніе наживы. Правда, концессіи даютъ болѣе выгодъ; но на концессіяхъ можно и промахнуться, можно даромъ затратить свои труды и съ болью въ сердцѣ увидать торжество нашихъ конкурентовъ. Здѣсь-же нѣтъ никакого риска: вы берете перо, обмакиваете его въ чернила, четко и красивымъ почеркомъ выписываете, что попало, изъ разныхъ историческихъ сочи-

нений, шиваете все выписанное вами вмѣстѣ, надписываете надъ тетрадью: «историческіе очерки и разсказы», или «разсказы о старинѣ», или «доброе старое время», относите тетрадь въ редакцію «Всемирнаго Труда» и спокойно ждете. Черезъ мѣсяць вы съ наслажденіемъ видите, что ваша тетрадь перепечатана въ журналѣ, идете въ редакцію, получаете деньги и даете обѣщаніе г. Хану представить ему еще подобную тетрадь. Съ спокойной совѣстью и сытымъ желудкомъ, вы снова принимаетесь выписывать, подшивать, опять относите тетрадь въ редакцію, опять видите ее напечатанною, получаете деньги и съ спокойной совѣстью и сытымъ желудкомъ принимаетесь за продолженіе своей работы. Мѣсяцевъ черезъ шесть, черезъ семь въ блаженномъ расположеніи духа и съ самодовольною улыбкою вознагражденнаго за трудъ работника вы созерцаете всѣ напечатанныя статьи вашего издѣлія, любуетесь своею подписью, красующеюся подъ ними, и мечтаете: «Вотъ вѣдь, подумаешь, какъ жизнь-то превратна. Былъ я тридцать лѣтъ помощникомъ столоначальника, погибалъ въ неизвѣстности, голодалъ и не думалъ, не смѣлъ помышлять, что стоитъ только захотѣть и я буду писателемъ, историкомъ, ученымъ, что мои статьи будутъ читать не только мой столоначальникъ, но и самъ директоръ департамента, министры, можетъ быть—что министры!—вся Россія. И вѣдь не останься я за штатомъ, не изобрѣти г. С. Н. Шубинскій новаго способа литературныхъ трудовъ,—погибалъ-бы я и теперь въ неизвѣстности... А вотъ вѣдь и напечатаны мои статьи, и имя мое стоитъ рядомъ съ именами литераторовъ и сытъ я, а все-таки хотѣлось-бы чего-то большаго... Въ книжечку, въ отдѣльную книжечку хотѣлось-бы мнѣ собрать свои статьи. Памятникъ нерукотворный, въ нѣкоторомъ родѣ, хотѣлось бы себѣ воздвигнуть... Оно какъ-то важнѣе, когда видишь свои произведенія въ отдѣльномъ изданіи. Какъ-то самолюбію пріятно, когда такъ въ каталогѣ историческихъ книгъ увидишь свое имя рядомъ съ именами Шлоссера, Гервинуса, Костомарова... Среди этихъ мечтаній вы слышите стукъ въ двери и къ вамъ является г. Плотниковъ. Онъ предлагаетъ увѣковѣчить ваше имя, увѣичать васъ окончательно или, иначе сказать, онъ предлагаетъ издать ваши «сочиненія». Конечно, вы такъ рады, такъ счастливы, такъ благодарны г. Плотникову, что соглашаетесь отдать ему за самую ничтожную сумму свои «сочиненія». Вы даже не торгуетесь, такъ-какъ, во-первыхъ, вы сами не знаете, за что вторично за одну и ту-же переписку вы получаете деньги, а во-вторыхъ, вамъ дороже денегъ то, что ваше имя будетъ увѣковѣчено, — и г. Плотниковъ дѣлаетъ вы-

годную для себя сдѣлку и въ то-же время даетъ человѣку право на безсмертіе. Съ этого дня вы уже дѣлаетесь не какимъ-нибудь чернорабочимъ, а заправскимъ писателемъ, историкомъ, ученымъ мужемъ, имя котораго стоитъ рядомъ съ великими именами, вы даже можете принять особый тонъ въ разговорахъ и говорить: «Мы, историки!» А давно-ли вы были помощникомъ столоначальника, заштатнымъ чиновникомъ, послѣдней ешпцей въ колесницѣ? Теперь-же вы общественный дѣятель, одинъ изъ числа русскихъ просвѣтителей, одинъ изъ той среды, члены которой должны вести впередъ, развивать и учить общество! Какая горькая насмѣшка судьбы надъ бѣднымъ русскимъ обществомъ, Гг. Ханы дѣлаютъ журналистовъ, гг. Плотниковы создаютъ писателей! Жалкая русская литература, несчастное русское общество! Эта литература процвѣтаетъ; гг. Ханы, Плотниковы, Манухины, Терсковы дѣйствуютъ все смѣлѣе и смѣлѣе; они создаютъ гг. С. Н. Шубинскихъ, Розенблюмовъ, В. Андреевыхъ, Щегловыхъ и т. п. просвѣтителей земли русской; книги этихъ господъ носятъ названія естественнонаучныхъ, политико-экономическихъ и историческихъ трудовъ; онѣ затопляютъ собою въ каталогахъ достойныя уваженія произведенія серьезныхъ писателей, и непросвѣщенное, идущее оцунью общество среди сорныхъ травъ не умѣетъ, иногда не можетъ отыскать тѣхъ немногихъ плодовъ, которые могли-бы служить настоящей умственной пищею...

Впрочемъ, мы еще ничего не сказали о книгѣ самого г. С. Н. Шубинскаго. Да что-же о ней говорить? Онъ списываетъ изъ разныхъ книжекъ анекдоты о старомъ времени, сшиваетъ все это вмѣстѣ, печатаетъ во «Всемирномъ Трудѣ», издаетъ отдѣльно при помощи г. Плотникова — вотъ и все. Есть-ли у г. С. Н. Шубинскаго талантъ, умевъ-ли г. С. Н. Шубинскій, владѣть-ли г. С. Н. Шубинскій какими-нибудь свѣденіями, есть-ли у г. С. Н. Шубинскаго какіе-нибудь убѣжденія, взгляды,—ничего этого мы не можемъ сказать, такъ-какъ для переписки анекдотовъ и для подшивки тетрадей ничего этого не нужно. Мы можемъ только посоветовать г. Плотникову при слѣдующихъ изданіяхъ сочиненій г. С. Н. Шубинскаго сдѣлать слѣдующую прибавку: «сочиненія г. С. Н. Шубинскаго, великаго изобрѣтателя новаго механическаго способа для производства историческихъ сочиненій и для добыванія денегъ».

Путешествіе по Америкѣ въ 1869 и 1870 г. — Эдуарда Циммермана. Изданіе „Русской Лѣтописи“. Москва 1871 г.

Вслѣдъ за облегченіемъ стѣснительныхъ правилъ получения заграничныхъ паспортовъ, массы русскихъ путешественниковъ нахлынули на Западную Европу. Они бороздили Европу вдоль и поперекъ, посѣщали всемірныя выставки, между-народные конгрессы, шныряли всюду, начиная съ кафе-шантановъ и кончая судами и парламентами; однимъ словомъ смотрѣли все, что стояло и не стояло смотрѣть. Наконецъ, сотни русскихъ семействъ поселились въ Парижѣ, Дрезденѣ и во многихъ другихъ столицахъ и городахъ Западной Европы. При такомъ обилии путешествующихъ и живущихъ за-границей русскихъ людей можно было-бы ожидать, что русская литература обогатится массой хорошихъ сочиненій по части путешествій, что въ ней появятся обстоятельныя изслѣдованія экономическаго быта, соціальной и политической жизни народовъ, сильно опередившихъ насъ въ умственномъ развитіи. Однакожъ русская литература подобными сочиненіями не обогатилась; было, правда, нѣсколько попытокъ со стороны путешественниковъ дѣлиться съ русской читающей публикой своими впечатлѣніями за-границей, но ихъ было не особенно много и почти всё онѣ весьма сомнительнаго качества. Газетныя корреспонденціи, въ родѣ «Писемъ изъ Испаніи», Вадима, нѣсколько статей, разбросанныхъ въ журналахъ, передающихъ рассказы болѣе о личныхъ впечатлѣніяхъ путешественниковъ, «Фрегатъ Паллада» г. Гончарова, путевыя замѣтки г. Вышеславцева—вотъ почти все, что преподнесли русскіе путешественники русской читающей публикѣ. Въ большинствѣ этихъ статей и книгъ, даже лучшихъ изъ нихъ, почти вовсе не затрогивается экономическій бытъ, соціальная и политическая жизнь описываемыхъ странъ. Наши путешественники несравненно больше поражаются красотами природы и искусства, и въ миллионный разъ описываютъ Венеру Милосскую или Аполлона Бельведерскаго; они цѣлые часы проводятъ въ нѣмомъ восхищеніи передъ картинами извѣстныхъ мастеровъ и эти свои восторги изображаютъ на нѣсколькихъ страницахъ, наполненныхъ лирическими изліяніями; они особенно любятъ останавливаться на красотѣ женщинъ, на описаніи разныхъ двусмысленныхъ подробностей и пр.

Въ виду такого неумѣлаго отношенія нашихъ путешественниковъ къ своему дѣлу, очень пріятно встрѣтить книгу, написанную умно,

толково, съ знаніемъ дѣла. «Путешествіе по Америкѣ» г. Циммермана принадлежитъ къ числу такихъ хорошихъ книгъ. Г. Циммерманъ путешествовалъ не отъ скуки, не для развлечения отъ ничего-недѣланья, онъ желалъ познакомить своихъ соотечественниковъ съ страной, гдѣ люди умѣютъ трудиться, гдѣ они живутъ совершенно свободно, нестѣсняемые никакими излишними регламентаціями, гдѣ правильно дышется свѣжему человѣку. Въ добросовѣстно-составленной книгѣ г. Циммермана не встрѣчается безпредметныхъ, восторженныхъ изліяній, хотя онъ видалъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки такія чудеса, о какихъ и не снилось нашимъ путешественникамъ, восторгавшимся изумительнымъ рѣзцомъ или чудодѣйственною кистью такого-то художника. Г. Циммерманъ, какъ человѣкъ разумный, хорошо знающій, для какой цѣли онъ поѣхалъ въ далекій край, не занимается пустой болтовней, а описываетъ только то, что достойно вниманія разумнаго человѣка, что приноситъ дѣйствительную пользу развитію, или что препятствуетъ ему. Г. Циммерманъ не только сообщаетъ фактъ, но онъ его анализируетъ, дѣлаетъ ему настоящую оцѣнку; при всякомъ удобномъ случаѣ онъ показываетъ намъ, русскимъ, что могли-бы сдѣлать и мы, если-бъ нашъ трудъ и наша жизнь были поставлены въ иные условія, если-бъ мы сумѣли воспользоваться блистательнымъ примѣромъ, какой даютъ намъ Соединенные Штаты.

Взглядъ автора на Соединенные Штаты лучше всего опредѣляется заключительными словами его книги. «Прощаясь съ Вашингтономъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ Новымъ Свѣтомъ, говоритъ г. Циммерманъ— пробѣгаемъ въ памяти тѣ явленія американской народной жизни, какія встрѣчались намъ на долгомъ пути по Соединеннымъ Штатамъ, и подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній въ насъ еще болѣе упрочивается вѣра въ лучшую будущность человѣчества, вѣра, давно и сильно пошатнувшаяся вслѣдствіе искаженныхъ проявленій, совершающихся на нашихъ глазахъ въ Западной Европѣ, съ ея отживающей цивилизаціей (?). Не всѣ еще старыя язвы народной жизни исцѣлены въ Америкѣ такъ рѣшительно, какъ рабство, искупленное ею недавно кровавыми потоками; но уже поднятые нынѣ вопросы о равноправности бывшихъ невольниковъ, о рабочихъ, о правахъ женщинъ—служатъ лучшимъ указаніемъ той задачи, къ разрѣшенію которой стремится американскій народъ. Задача эта ясно выражена въ знаменитой грамотѣ, въ силу которой было объявлено отпаденіе колоній отъ англійскаго владычества. И дѣйствительно, въ самомъ началѣ ея высказаны слѣдующія, давно извѣстныя, неоспоримыя истины, которымъ однако донныи не было суждено осуществиться въ Старомъ Свѣтѣ:

«Все люди равны отъ рожденія; они свыше одарены неотъемлемыми правами, и прежде всего правами на жизнь, свободу и счастье».

Эти сочувственныя слова ясно показываютъ, что г. Циммерманъ смотрѣлъ на американскую жизнь глазами человѣка, нераздѣляющаго традиціонныхъ предразсудковъ, съ которыми европейцы являются въ Соединенные Штаты. Въ Европѣ объ Америкѣ ходитъ такъ много нелѣпыхъ анекдотовъ, напечатано столько вздорныхъ книгъ и статей, въ которыхъ намѣренно или по недомыслию искажены американскіе нравы, обычаи и учрежденія, что рѣдкій европеецъ ѣдетъ туда безъ предвзятой мысли, безъ заранее составленнаго убѣжденія объ уродливости американской политической и социальной жизни. Потому—то европейскія литературы еще такъ бѣдны хорошими книгами о Соединенныхъ Штатахъ, и книга, подобная произведенію г. Циммермана, не только у насъ, но и тамъ составила-бы полезное приобрѣтеніе.

Г. Циммерманъ въ своей книгѣ даетъ довольно полную картину современной жизни въ Соединенныхъ Штатахъ. Онъ тамъ не новичекъ, онъ уже во второй разъ предпринимаетъ туда поѣздку. Первое свое путешествіе онъ совершилъ 11 лѣтъ тому назадъ, т. е. въ то время, когда въ южныхъ штатахъ въ полной своей силѣ процвѣтало рабство, когда южные плантаторы съ высокоуміемъ смотрѣли на своихъ сѣверныхъ соотечественниковъ и издавали грозные законы противъ аболиціонистовъ. Во вторую свою поѣздку г. Циммерманъ не нашелъ уже рабовъ ни въ одномъ уголкѣ Союза; негры получили политическія и гражданскія права, плантаторы присмирѣли, по большей части раззорились отъ своей неумѣлости и нежеланія примириться съ новымъ порядкомъ вещей. Г. Циммерманъ нашелъ, что тѣ южные штаты, гдѣ съ особенной силой свирѣпствовало рабство, за 11 лѣтъ почти нисколько не измѣнились къ лучшему, они даже замѣтно упали, постарѣли и только большой приливъ свѣжихъ энергическихъ силъ изъ сѣверныхъ штатовъ способенъ оживить этотъ прекрасный край. Но сѣверяне неохотно переселяются въ эти края, ихъ притягиваетъ къ себѣ привольный, свободный Западъ, гдѣ точно по волшебству возникаютъ новые города съ стотысячнымъ населеніемъ, куда сходятся многочисленные желѣзные пути и гдѣ природа такъ-же хорошо вознаграждаетъ трудъ человѣка, какъ и на роскошныхъ земляхъ Юга, еще такъ недавно орошавшихся потомъ и кровью невольниковъ.

И что за чудный край—этогъ Западъ! Какіе желѣзные энергичные люди трудятся тамъ! Читая описанія г. Циммермана, съ трудомъ вѣрится, что тамъ работаютъ тѣ самые европейцы, которые на своей

родимѣ, въ Старомъ Свѣтѣ, не умѣли не только хорошо, но даже сносно устроить свою жизнь! Г. Циммерманъ увѣряетъ насъ—и мы не имѣемъ причины не довѣрять ему—что онъ на Западѣ не могъ узнать почти ни одной мѣстности, по которой 14 лѣтъ тому назадъ проѣхалъ вдоль и поперекъ. Прежнія дикія пустыни обратились въ прекрасныя воздѣланныя поля; они перерѣзаны теперь желѣзными дорогами, проходящими черезъ большіе, богатые, густо-населенные города, гдѣ кипитъ промышленная дѣятельность, гдѣ существуютъ громаднѣйшія средства для образованія. И всѣ эти перемѣны совершились въ 10—11 лѣтъ. И всѣ эти чудеса понадѣлали двѣ великія силы: трудъ и свобода.

Американецъ глубоко уважаетъ трудъ и не понимаетъ возможности жить праздно, въ качествѣ рантье́ра, наслаждаясь вѣчнымъ кейфомъ. Таковую жизнь американецъ презираетъ, и какъ-бы онъ ни былъ богатъ, онъ непремѣнно трудится. Уваженіе къ труду естественнымъ образомъ привело къ уваженію трудящагося рабочаго человѣка, привело къ сознанію необходимости обезпечить трудъ, давать рабочему вознагражденіе, достаточное не для одного дневного пропитанія, но позволяющее дѣлать сбереженія, такъ-что каждый рабочій въ Соединенныхъ Штатахъ можетъ всегда черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлаться собственникомъ и, въ свою очередь, давать работу другимъ, въ ней нуждающимся. Такъ, напримѣръ, мастеровые—плотники, каменщики и др.—получаютъ отъ 3½ до 5 долларовъ (отъ 4 до 6 рублей) въ день. Даже въ самыхъ дорогихъ для жизни городахъ, работникъ деньгами, заработанными въ одинъ день, можетъ заплатить за квартиру и столъ за цѣлую недѣлю. При такихъ заработкахъ, конечно, не трудно года въ 3—4 скопить капиталъ, достаточный для покупки небольшой фермы или самостоятельнаго ремесленнаго заведенія.

Положеніе рабочихъ на фабрикахъ также весьма обезпеченное. Получая хорошую задѣльную плату, говоритъ г. Циммерманъ, — какъ работники, такъ и работницы въ Америкѣ смотрятъ на фабрику, большею частію, какъ на мѣсто временнаго своего пребыванія: заработавъ въ два-три года достаточный капиталецъ, они покидаютъ ее и отправляются на дальній западъ, гдѣ на дешевыхъ земляхъ приобрѣтаютъ себѣ осядлость, обезпечивающую ихъ съ семьями на всю жизнь. Сверхъ того нѣкоторыя фабрики составляютъ собственность компаній, основанныхъ на акціяхъ. Акціонерами же зачастую бываютъ сами работники, такъ что, кромѣ заработковъ, на ихъ-же долю выпадаетъ часть выгодъ производства. Понятно, что сами фабрики отъ того много выигрываютъ. Своими успѣхами онѣ одолжены еще болѣе тому

образованію, которое получают рабочіе обоого пола, какъ въ народныхъ, такъ и въ открытыхъ самими фабрикантами школахъ. Фабриканты, обладая практическимъ смысломъ, въ столь высокой степени присущимъ всякому американцу, сознаютъ вполне, что чѣмъ выше уровень образованія рабочихъ, тѣмъ надежнѣе успѣхъ фабричнаго дѣла... Въ этихъ школахъ преподаются не только арифметика, но и геометрія и естественныя науки... При каждой фабрикѣ непремѣнно есть читальня, получающая нѣсколько журналовъ и газетъ и обильно снабженная книгами, которыя выдаются желающимъ на домъ.

Жаль, что г. Циммерманъ, описывая нѣсколько отдѣльныхъ фабрикъ, вскользь упомянулъ о фабрикахъ, устроенныхъ на акціяхъ, гдѣ акціонерами сами рабочіе. Для русской публики было-бы весьма полезно ознакомиться съ устройствомъ такихъ фабрикъ, съ ихъ доходностью и отношеніемъ ихъ числа къ числу прочихъ фабрикъ. Известно, что въ томъ же Лоуэлѣ, фабричномъ городѣ, который описываетъ г. Циммерманъ, уже въ 1860 году на фабрикахъ работало 1500 рабочихъ, имѣвшихъ акціи, дѣлавшія ихъ собственниками тѣхъ фабрикъ, на которыхъ они работали, и ихъ общій капиталъ, помещенный въ акціяхъ, доходилъ до 400,000 долларовъ. Въ томъ-же самомъ году въ трехъ лоуэльскихъ сберегательныхъ кассахъ находилось 2,605,148 долларовъ, принадлежащихъ 12,192 работникамъ и работницамъ, вложившимъ въ кассы свои сбереженія. Если къ нимъ приложить 400,000 долларовъ, вложенныхъ въ акціи, то весь капиталъ, составленный изъ сбереженій лоуэльскихъ рабочихъ и работницъ, будетъ равняться слишкомъ 3 милліонамъ долларовъ. Въ 1860 году на лоуэльскихъ фабрикахъ работало 8,962 работника и 4,367 работницъ; на каждого изъ нихъ приходится сбереженій по 226 долларовъ. Это было въ 1860 году, надо думать, что выведенная средняя цифра сбереженій увеличилась въ 1870 году, когда тамъ былъ г. Циммерманъ. Онъ могъ бы дать намъ болѣе свѣжія и вѣрныя свѣденія и, къ сожалѣнію этого не сдѣлавъ. Вообще въ книгѣ г. Циммермана мало статистическихъ данныхъ, а онѣ крайне необходимы для читателей, мало знакомыхъ съ положеніемъ Америки: ничто такъ не убѣждаетъ, какъ цифры.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть убѣдительнѣе слѣдующаго примѣра, доказывающаго высокую степень разумной практичности американскихъ собственниковъ и легкость приобрѣтенія трудомъ средствъ для покупки собственности въ этой благословенной странѣ. Нѣкто мистеръ Ридъ, выходецъ изъ сѣверныхъ штатовъ, очень дешево купилъ въ штатѣ Миссисипи хлопковую плантацію, покинутую послѣ

войны однимъ изъ бывшихъ рабовладѣльцевъ. Добыть рабочихъ въ южныхъ штатахъ не легко: сѣверяне переселяются туда неохотно, а негры бѣгутъ далѣе на югъ, или приобрѣтаютъ себѣ небольшіе участки и, употребляя небольшое время на ихъ воздѣлываніе, все-таки отказываются отъ посторонней работы. Они побуждаются къ тому преимущественно горькими воспоминаніями о своей несчастной рабской участи, а вовсе не лѣнностью, какъ утверждаютъ плантаторы и ихъ почитатели, нѣкоторые американскіе и европейскіе журналисты. Вообще негры послѣ своего освобожденія шагнули впередъ: они много хлопочатъ о своемъ развитіи, охотно посѣщаютъ школы, даже заводятъ ихъ сами на собственный счетъ и стремятся сравниться съ своими новыми бѣлыми братьями... Но возвратимся къ мистеру Риду. Какъ привлечь рабочихъ съ сѣвера? Мистеръ Ридъ пустился на хитрость; онъ напечаталъ въ газетахъ вызовъ рабочимъ и предложилъ имъ такія условія: онъ дастъ каждому фермеру по 10 акровъ земли для воздѣлыванія хлопка, съ тѣмъ, чтобы фермеръ доставлялъ владѣльцу по 40 фунтовъ съ cadaго акра, съ котораго, по разсчету Рида, можно выручить до 400 фунтовъ высшаго сорта хлопка. Все, что будетъ получено свыше 40 фунтовъ, остается въ пользу фермера. Такимъ образомъ фермеръ можетъ собрать въ свою пользу болѣе 3,000 фунтовъ, что по существовавшимъ тогда цѣнамъ на хлопокъ давало ему около тысячи долларовъ дохода. Мало этого, Ридъ объявляетъ, что заключивъ съ работникомъ контрактъ на 10 лѣтъ, онъ обязуется по прошествіи этого срока уступить воздѣланные 10 акровъ въ полную собственность работника, снявшаго эту землю. Конечно, нашлись охотники принять такія заманчивыя условія, и мистеръ Ридъ обезпечилъ себя рабочими. Первоначально контрактъ заключался на одинъ годъ для того, чтобы владѣлецъ и фермеръ предварительно хорошенько узнали другъ друга, а также и для того, чтобы фермеры успѣли ознакомиться съ степенью доходности арендуемой ими земли.

Мудрено-ли, что при такихъ условіяхъ вознагражденія труда, американскому рабочему легко сдѣлаться собственникомъ и, если явится охота и имѣется образованіе, попасть въ конгрессъ, а тамъ открыта дорога въ министры и даже въ президенты. Ближайшіе примѣры: дровосѣкъ Ливкольтъ и портной Джонсонъ.

Очень интересно изложена у г. Циммермана глава о мормонахъ. Объ этой страшной сектѣ писалось и пишется очень много, и враги американцевъ, говоря о ней, не упускаютъ случая колоть ею глаза янки и глумиться надъ ихъ учрежденіями, при кото-

рыхъ оказалось возможнымъ появленіе такого безобразія. Но между писателями о мормонахъ есть и такіе, которые восторгаются складомъ мормонской жизни и преклоняются передъ необыкновеннымъ трудолюбіемъ мормоновъ, ихъ умѣренностью и добродѣтелями. Г. Циммерманъ нѣсколько дней прожилъ у мормоновъ и успѣлъ настолько ознакомиться съ этой сектой, что могъ составить себѣ о ней довольно са- мобытное мнѣніе. Онъ считаетъ мормонство величайшимъ зломъ, такъ- какъ оно составляетъ регрессивное явленіе, безобразно уродуетъ лю- дей, вселяя въ нихъ чувство рабской покорности и осуждая на пол- нѣйшее невѣжество. По словамъ г. Циммермана, первое впечатлѣніе при взглядѣ на мормонскую столицу и окружающія ее поля бываетъ вообще благопріятное, но при болѣе близкомъ знакомствѣ съ поряд- ками, водворившимися въ мормонскомъ обществѣ, это благопріятное впечатлѣніе замѣняется тяжелымъ грустнымъ чувствомъ. Во всемъ городѣ и вездѣ въ мормонскихъ поселеніяхъ господствуетъ глухая, робкая тишина; разговоръ мормоновъ тихъ, безжизненъ; мормонъ съ рабскимъ страхомъ постоянно оглядывается, какъ бы опасаясь, что за нимъ слѣдятъ, его подслушиваютъ. Многоженство сдѣлало изъ мор- монскихъ женщинъ безотвѣтныхъ рабынь; онѣ улыбаются, но эта улыбка такого рода, какъ-будто онѣ хотятъ заплакать.

На воскресномъ богослуженіи обязаны присутствовать всѣ безъ ис- ключенія мормоны. «Святые *) стали сходиться въ храмъ съ десяти часовъ утра, пишетъ г. Циммерманъ. — Я занялъ мѣсто у самаго входа и видѣлъ лица всѣхъ проходящихъ мимо меня прихожанъ. Сна- чала меня поразила уродливость фізіономій: это было какое-то сбо- рище изъ всѣхъ каррикатурныхъ листовъ, издаваемыхъ на потѣху публики. Но здѣсь было не до смѣху: чѣмъ болѣе всматривался я въ проходящихъ мимо меня, тѣмъ болѣе лица ихъ поражали своимъ тупымъ, какъ-будто чего-то испугавшимся видомъ, отпечаткомъ иди- отизма, отсутствіемъ всякой новой мысли, всякаго отраднаго чувства. И такимъ видомъ отличались не только старики и старухи, но и мо- лодые люди обоюго пола. Мало того, даже дѣти, у которыхъ уродли- вость лицевыхъ очерковъ всегда искупается дѣтскимъ свѣжимъ вы- раженіемъ во взглядѣ, — даже бѣдные дѣти были отмѣчены тѣмъ- же подавленнымъ идиотизмомъ... Всѣ размѣстились по скамьямъ и богослуженіе началось съ пѣнія хора... Но даже довольно стройный напѣвъ согласныхъ голосовъ не могъ воодушевить лица этихъ несчаст- ныхъ созданий...

*) Мормоны называютъ себя святыми, а прочихъ людей — язычниками.

«По всей территоріи Юты (населенной мормонами) развито искусное, неуловимое шпионство: каждый изъ запуганныхъ своими вождями мормоновъ можетъ считаться шпиономъ, готовымъ во всякое время донести властямъ на своего сосѣда... Злая язва такъ глубоко всочилась въ организмъ этого народа, что, повидимому, нѣтъ другого исхода къ радикальному исцѣленію, какъ совершенное истребленіе мормонизма огнемъ и мечомъ. Но къ такому крайнему средству конгрессъ едва-ли рѣшится прибѣгнуть...

«Къ счастью человѣчества, исцѣленіе, хотя и медленно, можетъ совершиться другимъ путемъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ всякое злое начало, такъ и мормонизмъ, уже въ самомъ себѣ, въ своихъ неестественныхъ учрежденіяхъ, противныхъ всѣмъ законамъ живого организма, заключаетъ сѣмена разрушенія. И точно: предоставленный самому себѣ, онъ не въ состояніи былъ-бы продержаться такъ долго, если-бъ не находилъ себѣ постояннаго подкрѣпленія въ бѣдственномъ классѣ европейскихъ пролетаріевъ. До сихъ поръ мормонизмъ и могъ развиваться, благодаря тому уединенію, въ которомъ находилась территорія Юта, отдѣленная отъ другихъ штатовъ хребтами Скалистыхъ горъ и Невады. Нынѣ-же, когда желѣзная дорога открыла для всѣхъ легко достигаемый доступъ въ область мормонизма, онъ не въ состояніи будетъ держаться долго передъ наплывомъ свѣжихъ, здоровыхъ силъ американскихъ. Какъ весеннія воды, сбѣгая съ горъ, уносятъ съ собою талый снѣгъ, притаившійся въ ущельяхъ, такъ животворная, могучая сила американской свободы смоетъ съ лица своей обширной земли эту мормонскую заразу, занесенную сюда изъ страдающей хроническимъ недугомъ Европы...»

Вообще книга г. Циммермана заключаетъ въ себѣ много интереснаго и стоитъ прочтенія. Цѣна ея весьма недорого—всего 1 рубль.

О ПОЛОЖЕНИИ СМОЛОКУРЕННОГО И ДЕГТЯРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ И ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІЯХЪ.

1.

Однимъ изъ главныхъ источниковъ пропитанія населенія сѣвернаго края Россіи является сухая перегонка дерева. Это вопервыхъ потому, что все почти (чуть-ли не $\frac{9}{10}$) пространство этихъ губерній покрыто непроходимыми лѣсами, которые и представляютъ богатый матеріалъ для сухой перегонки; вторыхъ потому, что это здѣсь — почти единственное занятіе, которое можетъ дать крестьянину возможность зарабатывать деньги для уплаты податей, оброка и другихъ повинностей и для закупки тѣхъ необходимыхъ ему вещей, которыхъ онъ дома приготовить не можетъ, въ особенности для закупки того хлѣба, котораго ему недостаетъ для прокормленія себя и своего семейства.

Къ несчастію, этотъ промыселъ находится здѣсь въ самомъ плачевномъ состояніи. Онъ не даетъ крестьянину возможности зарабатывать даже столько, сколько ему нужно для уплаты однихъ только податей и другихъ повинностей, и ему приходится для этой цѣли продавать часть своего хлѣба, котораго у него и безъ того мало, а самъ онъ питается разными суррогатами, примѣшивая коржи мохъ, кору и т. д. Но и такая жизнь возможна для него лишь въ урожайный годъ; при неурожаѣ-же ему и думать нечего о продажѣ хлѣба. Тогда онъ для прокормленія себя и своего семейства и для удовлетворенія другихъ насущныхъ потребностей входитъ въ долги и при всемъ этомъ страшно голодаетъ, питаясь такими веществами, которыя вконецъ разрушаютъ его и безъ того слабый организмъ. А между-тѣмъ неурожай, какъ писалъ г. Данилевскій, случаются тамъ періодически: въ 10 лѣтъ тамъ бываетъ три неурожайныхъ года. Но объ этомъ распространяться здѣсь нѣтъ надобности: много объ этомъ уже писали, во многихъ ученыхъ обществахъ обсужда-

лись мѣры для обезпеченія голодающаго населенія сѣвернаго края, судьба котораго не можетъ не вызыватьъ участія со стороны всякаго образованнаго человѣка.

Къ сожалѣнію, всѣ предложенныя до сихъ поръ мѣры не ведутъ къ главной цѣли—къ обезпеченію массы населенія. Вся суть здѣсь—въ томъ, чтобы доставить ему возможность зарабатывать деньги: безъ денегъ ему шагу ступить нельзя; будутъ у него деньги,—будетъ и хлѣбъ; не будетъ заработка,—онъ и послѣдній свой кусокъ хлѣба вынужденъ будетъ продать для уплаты податей и оброковъ въ казну. Но для того, чтобы зарабатывать деньги, надо имѣть какое-нибудь занятіе. Такимъ занятіемъ у архангельскихъ и вологодскихъ крестьянъ является смолокуреніе; но, при теперешнемъ положеніи, оно не можетъ дать крестьянину всего, что ему нужно. Въ общей сложности крестьяне отъ смолокуренія даже въ шенкурскомъ уѣздѣ выручаютъ меньше, чѣмъ отъ хлѣбопашества, а между тѣмъ лѣсу составляетъ главное богатство сѣвернаго края: лѣсу много вездѣ, по всему Сѣверу, и вездѣ можно заниматься смолокуреніемъ. Занятіе это, если оно теперь и невыгодно, можетъ, при иномъ направленіи его, давать порядочныя выгоды.

Посмотримъ теперь, въ какомъ положеніи находится смолокуреніе въ архангельской и вологодской губерніяхъ.

Начиная съ кадниковскаго и тотемскаго уѣздовъ вологодской губ. и кончая пинежскимъ, холмогорскимъ и другими сѣверными уѣздами архангельской губ., на всемъ этомъ пространствѣ только и слышно, что о смолѣ, дегтѣ и т. п., когда рѣчь зайдетъ о мѣстныхъ промыслахъ. Вездѣ этотъ промыселъ является подспорьемъ тамошнему населенію. Онъ распадается тамъ главнымъ образомъ на двѣ части—на дегтекуреніе и смолокуреніе, о которыхъ мы и скажемъ здѣсь подробно, о каждомъ отдѣльно.

II.

Дегтекуреніемъ занимаются преимущественно въ кадниковскомъ и тотемскомъ уѣздахъ вологодской губ. Положеніе этого дѣла и крестьянства въ этихъ уѣздахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ западной части кадниковскаго уѣзда, гдѣ господствуетъ помѣщичій элементъ, сравнительно еще довольно сносно. Вошервухъ, тамъ хлѣбъ родится лучше, да кромѣ дегтекуренія у нихъ есть еще и другія занятія: у нихъ хорошо растетъ ленъ. Благодаря тому, что тамъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ были хорошіе урожаи на ленъ, крестьяне

хоть нѣсколько поправили свое положеніе. Зимой они занимаются ческою льна, пряжею, тканьемъ и т. п. Повторыхъ, и положеніе дегтекуренія здѣсь лучше, потому-что деготь отсюда идетъ во внутреннія губерніи Россіи. Купцы—все русскіе; они имѣютъ дѣло прямо съ производителями, не прибѣгая къ посредству скупщиковъ. Цѣны на ростовской (ярославской губ.), ананьинской, троячнинской (вологодской губ.) и на другихъ ярмаркахъ назначаются правильно, смотря по требованію и предложенію дегтя. Кромѣ-того и дегтя выкуривается почти столько, сколько его требуется для всей Россіи. Въ этомъ году, впрочемъ, его было мало выкурено, вслѣдствіе чего цѣна на деготь на мѣстѣ производства доходила до 1 р. 10 коп. за пудъ, а на ростовской ярмаркѣ онъ продавался по 1 р. 55 коп. за пудъ. Благодаря всему этому, положеніе здѣшняго крестьянства—сравнительно еще довольно сносное; народъ здѣсь не такъ бѣдствуетъ, какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ занимаются смолокурениемъ, какъ мы это покажемъ далѣе.

Но что касается самаго дегтярнаго производства, то оно плохо ведется, даетъ крестьянамъ ничтожный заработокъ и не можетъ считаться главнымъ, обезпечивающимъ его промысломъ, хотя оно и могло-бы быть такимъ.

Почти вездѣ деготь курягъ въ такъ-называемыхъ кубахъ или корчагахъ и притомъ небрежно и безъ знакомства съ главными элементарными правилами этого производства, такъ-что жаль становится смотрѣть, какъ даромъ тратится столько драгоценнаго матеріала. Поэтому крестьяне получаютъ вдвое или втрое меньше противъ того, что могли-бы получать. Едва успѣетъ окончиться одна перегонка, какъ открываютъ крышки кубовъ, бросаютъ туда сѣвга, чтобы тушить уголья, которые идутъ на топку взамѣнъ дровъ, а между-тѣмъ подъ кубами сильнѣйшій жаръ, такъ-какъ въ печахъ огонь не тушится, а продолжаетъ горѣть. Отъ быстрого охлажденія глиняныя корчаги легко трескаются, отчего матеріалъ въ нихъ весьма часто сгораетъ. Затѣмъ сейчасъ-же наполняютъ кубъ новымъ матеріаломъ и замазываютъ крышку. Вслѣдствіе того, что кубъ не успѣлъ еще охладиться, матеріалъ частію сгораетъ, пары дегтя, не успѣвъ охладиться, уходятъ въ воздухъ. Холодильниками въ тотемскомъ уѣздѣ служатъ коротенькія, толстостѣнные, осиновыя трубки, т. е. какъ разъ наоборотъ: для лучшаго охлажденія паровъ необходимо, чтобы трубы были подлиннѣе, незначительной толщины и изъ матеріала, представляющаго хорошій проводникъ теплоты. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кадниковскаго уѣзда трубы сдѣланы изъ желѣза и

пропущены через чанъ съ водою, но онѣ такъ коротки, а вода въ чанѣ такъ тепла, что и эти холодильники оказываются мало дѣйствительными. Изъ $3\frac{1}{4}$ даже 4 пудъ скалы крестьяне получаютъ только—1 пудъ дегтя, тогда-какъ это количество продукта можно добыть изъ $1\frac{1}{2}$ пуд. матеріала. Въ юго-западной части вельскаго уѣзда существуетъ еще ямный способъ дегтекурениа, но при немъ 1 пудъ дегтя получается изъ 5—6 пуд. скалы.

И такъ крестьяне тратятъ даромъ слишкомъ много матеріалу, а вмѣстѣ съ этимъ у нихъ пропадаетъ бесполезно много труда, потому-что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходится ѣздить за скалою верстъ за 50 и болѣе; ее извозятъ въ громадныхъ количествахъ и изъ года въ годъ скалы все становится меньше и меньше, такъ-что даже и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ ней чувствуется недостатокъ. Происходитъ это еще отъ того, что скалу сдираютъ не съ стоящаго дерева, а съ срубленнаго; между-тѣмъ при правильной сдиркѣ, бересту съ одного и того-же дерева можно было-бы сдирать по нѣскольку разъ, такъ-какъ взаимѣнъ осторожно содранной вырастаетъ новая, свѣжая.

Выше я сказалъ, что въ настоящемъ году деготь на мѣстѣ производства стоилъ 1 р. 10 коп. за пудъ, а на ростовской ярмаркѣ 1 р. 55 коп. Это произошло по той причинѣ, что въ этомъ году крестьянами было заготовлено гораздо меньше матеріалу, чѣмъ въ прошломъ, вслѣдствіе чего и дегтю было выкурено меньше. Заготовили-же они меньше матеріалу вслѣдствіе того, что полиція, вмѣшавшись въ раздачу билетовъ, до того напугала крестьянъ, что они долго не рѣшались приняться за дѣло, и стали заготавливать матеріалъ довольно поздно, когда скала сдирается уже гораздо труднѣе съ дерева.

Недоразумѣніе вышло изъ-за свозныхъ билетовъ. Тотемскій лѣсничій назначилъ крестьянамъ сборнымъ пунктомъ для клеймовки бочекъ и выдачи провозныхъ билетовъ фоминскую станцію, но опоздалъ явиться. Въ это время къ нимъ пріѣхала полиція и произвела переполохъ. Вслѣдствіи дѣло выяснилось, но крестьяне все-таки заплатились и страхомъ, и матеріально. Вслѣдствіе длинной и весьма сложной процедуры взиманія пошлинъ и т. д. производство сильно тормозится на каждомъ шагу, хотя все-таки услѣдить за всѣми незаконными поступками крестьянъ нѣтъ никакой возможности. Процедура эта обременительна какъ для лѣсничихъ, такъ и, въ особенности, для крестьянъ.

Въ прошломъ году дегтю было заготовлено больше и онъ уже

вслѣдствіе этого продавался по 70 коп. за пудъ на мѣстѣ производ-ства и по 1 р. 10 коп. на ростовской ярмаркѣ. Изъ этого видно, что требованія на деготь незначительны и при нѣскольکو большей заготовкѣ цѣны на него падаютъ значительно. А между-тѣмъ въ го-темскомъ уѣздѣ крестьяне занимаются всего до масляной недѣли, т. е. до ростовской ярмарки,—такъ-какъ это единственное мѣсто для сбы-та дегтя. При незначительной на душу заготовкѣ дегтя крестьянинъ мало выручаетъ за свой трудъ еще вслѣдствіе низкихъ цѣвъ на этотъ продуктъ. Изъ слѣдующаго расчета можно видѣть, сколько приходится крестьянину за его трудъ. Для полученія 1 пуда дегтя у нихъ идетъ отъ $3\frac{1}{4}$ до 4 даже пудъ скалы (мы возьмемъ сред-нее— $3\frac{1}{2}$ пуда); 1 пудъ скалы стоитъ 15—18 коп. (мы примемъ его стоимость въ 16 коп.); $3\frac{1}{2}$ пуда скалы стоятъ слѣдовательно 56 коп.; пошлины по 6 коп. съ пуда—21 коп. Всего матеріалъ стоитъ крестьянину 77 коп. Къ этому надо прибавить еще стоимость бочки и пошлину съ нея, на что приходится по 4 коп. съ пуда; (за бочку дегтю берутъ пошлины 80 коп., въ томъ числѣ за самую бочку 30 коп.; въ ней дегтю 20—25 пуд.), такъ-какъ при про-дажѣ дегтя за бочку ничего не берется. Кромѣ того здѣсь не вошли въ расчетъ расходы по полученію билетовъ—2 раза по 20 коп. (прошеніе пишется на гербовой бумагѣ, да еще писарю приходится платитъ каждый разъ коп. по 20 за написаніе прошеній); точно также здѣсь не взято во вниманіе время, которое приходится тра-титъ для полученія билетовъ, для чего производителю нужно съѣз-дить къ лѣсническому и тамъ его дожидаться, если его, какъ это нерѣдко бываетъ, нѣтъ дома, — ни ремонтъ завода (корчаги между тѣмъ часто трескаются), и много другихъ расходовъ. Крестьянину такимъ образомъ 1 пудъ дегтя обходится отъ 85 до 90 коп. на мѣстѣ. Что-же онъ получаетъ, если на мѣстѣ ему даютъ только 70 коп. Тогда за пудъ собранной и выкуренной въ деготь скалы ему приходится около 10 коп., а между-тѣмъ онъ мо-жетъ продавать ее другимъ дегтекурамъ, если онъ находится въ неза-висимомъ отъ скупщиковъ положенія, по 15—18 коп. за пудъ, не выкуривая самъ дегтя. Но большею частью крестьяне находятся у скупщиковъ въ полной зависимости. Они имъ выдаютъ денегъ впе-редъ, берутъ съ нихъ большіе проценты и обязываютъ ихъ достав-лять скалу по предварительно назначенной цѣнѣ. Последнее обстоя-тельство зависитъ еще отъ того, что для полученія права на выкур-ку дегтя нужно взять билетъ на заготовку какого-нибудь количества скалы и внести пошлину впередъ. Бѣдные крестьяне не могутъ за-

настись такимъ билетомъ, такъ-какъ пошлины нужно заплатить по крайней мѣрѣ за 100 пуд. скалы по 6 коп. съ пуда, что составляетъ 6 рублей. *) Богатые крестьяне-скупщики пользуются этимъ: вносятъ пошлины за нѣсколько тысячъ пудовъ бересты и раздаютъ бѣднымъ билеты на заготовленіе матеріяла, выдавая имъ большею частію деньги впередъ. За это крестьянамъ приходится весь ими заготовленный матеріялъ продать скупщикамъ и притомъ по такой цѣнѣ, какую назначать сами скупщики. Они имъ даютъ по 7—9 коп. съ пуда.

Кромѣ чистаго выкуривается еще половинчатый деготь, но онъ идетъ больше для мѣстнаго потребленія — для смазки колесъ. Половинчатый деготь готовится изъ смѣси бересты (около $\frac{1}{5}$ части), пней и корней. Цѣна половинчатаго дегтя—около 50 коп. за пудъ.

Деготь еще выкуриваютъ въ никольскомъ и кадниковскомъ уѣздахъ вологодской губ., въ кириловскомъ уѣздѣ новгородской и каргопольскомъ уѣздѣ олонецкой губерніи. Часть дегтя каргопольскаго и кириловскаго уѣздовъ идетъ въ Ростовъ, на ярмарку; а другая часть вмѣстѣ съ дегтемъ западной части кадниковскаго уѣзда идетъ по р. Кубинѣ, кубинскимъ озеромъ и т. д. по Волгѣ на югъ Россіи—въ астраханскую губ., землю войска донскаго, въ степи и т. д. Деготь также идетъ въ московскую, тульскую, калужскую, частію—въ орловскую и воронежскую губерніи.

Изъ бересты выжигаютъ еще сажу. Но это, по моему мнѣнію, очень не рационально. Береста—дорогой матеріялъ, и его жаль расходовать на добываніе сажы. Если теперь и копятъ изъ него сажу, то только потому, что въ настоящее время, влѣдствіе ограниченнаго требованія на деготь, находятъ болѣе выгоднымъ копить изъ бересты сажу. Между-тѣмъ остатки, получающіеся на цековаренныхъ заводахъ при цековареніи и добываніи канифоли, бросаются вонъ. Эти остатки можно-бы съ выгодой употреблять вмѣсто бересты для полученія сажы. 1 пудъ сажы получается изъ $3\frac{1}{2}$ до 5 пуд. скалы, смотря потому, подмоченная или сухая сажа продается. Пудъ подмоченной сажы продается по 1 руб. 20 коп., а сухой по 1 руб. 75—1 руб. 90 коп. за пудъ. Сажа идетъ въ Петербургъ, Москву и и другіе города Россіи. Ее отправляютъ вмѣстѣ съ другими товарами—смолою, дегтемъ, скипидаромъ и т. д. на баркахъ и каюкахъ. На послѣднихъ товаръ идетъ въ Петербургъ, а на первыхъ — внизъ по

*) Къ этому слѣдуетъ прибавить расходы на гербовую бумагу, написаніе прошеній и время, нужное для поѣздки къ лѣсничему.

Волгѣ. Главною судоходною рѣкою тамъ является рѣка Кубина съ ея притоками — Ембою и Вотчею. Эти рѣки весьма драгоценны для вологодской губ.: онѣ служатъ для нея средствомъ сообщенія съ Петербургомъ и всею Россією; онѣ впадаютъ въ Кубинское озеро, изъ котораго беретъ свое начало Сухона—притокъ Сѣверной Двины. По Сухонѣ и Кубинскому озеру также отправляются барки и каюки въ Петербургъ и другія мѣста съ товарами казниковскаго, вологодскаго и тотемскаго уѣздовъ.

Къ сожалѣнію, плаванію по р. Кубинѣ и ея притокамъ, въ особенности въ верхнихъ частяхъ Кубины, сильно препятствуютъ устроенныя на нихъ мельницы. Эти мельницы суживаютъ путь до того, что каюки и барки часто или останавливаются на мели, или-же, что еще хуже, разбиваются. Въ последнемъ случаѣ приходится выгрузить весь товаръ, починить судно, если его можно еще починить, или-же достать другое судно и снова нагрузить товаръ, на что требуется много денегъ, труда и времени. Такъ-какъ Кубина судоходна, въ особенности въ верхнихъ ея частяхъ, только во время полноводья, а полноводье — непродолжительно, то главнѣйшее замедленіе судна въ какомъ-нибудь мѣстѣ ведетъ къ тому, что судну съ грузомъ нельзя будетъ идти и тогда приходится пустить товаръ малемъ, т. е. выпускать бочки поодиночкѣ въ воду, чтобы онѣплыли до устья. Но такой способъ доставки товара причиняетъ купцамъ значительныя потери: много дегтю и смолы вытекаетъ вслѣдствіе диффузіи изъ бочки, замѣщаясь водою, такъ-какъ деготь легче воды; потеря отъ этого бываетъ отъ 3-хъ и больше пуд. съ одной бочки. Сверхъ того бочки часто разбиваются на пути и весь деготь вытекаетъ вонъ; онѣ разбиваются также часто и съ судномъ. Далѣе много бочекъ пропадаетъ безъ вѣсти. Весьма часто приходится оставлять смолу и деготь по рѣкѣ Кубинѣ на плотамъ, въ особенности когда воды мало. Плотамъ мельницы еще болѣе опасны: ими нельзя управлять такъ, какъ судномъ, и потому они еще чаще налетаютъ на мельницы и разбиваются вмѣстѣ съ бочками.

Для устраненія этихъ потерь, необходимо принять мѣры къ уничтоженію всѣхъ этихъ мельницъ или, по-крайней-мѣрѣ, тѣхъ изъ нихъ, которыя наиболѣе препятствуютъ плаванію судовъ. Въ одномъ мѣстѣ рѣки находятся даже двѣ мельницы, по одной съ каждой стороны. Промышленники готовы платить известную сумму съ пуда или бочки товара, или по 20—50 рублей съ судна, лишь-бы не было мельницъ какъ на рѣкѣ Кубинѣ, такъ и на ея притокахъ.

Для изученія этого пути сообщенія, меня наиболѣе интересующаго,

такъ-какъ онъ ведетъ товаръ вовнутрь Россіи, я отправился на баркѣ съ Троицкины, откуда начинаютъ ходить суда, до самаго устья Кубины. Дѣйствительно, чрезвычайно опасно проходить мимо мельницы. Вся артель судна (человѣкъ 40 и больше), при проходѣ мимо какой-нибудь мельницы, находится въ сильной ажитациі. Они прежде и послѣ прохода молятся Богу за благополучное минованіе опасности. Послѣ всякаго благополучнаго прохода артель даже отъ хозяина получаетъ водку. При малѣйшей неосторожности баркѣ грозитъ опасность съѣсть на мель или разбиться. Каждая мельница снабжена какими-то крыльями, которыя еще болѣе способствуютъ крушенію судовъ. При мнѣ идущая сзади барка стала около мельницы на мель. Въ лодку сѣло 6 человѣкъ рабочихъ, чтобы выйти на берегъ и тянуть барку, но теченіемъ воды лодка подплыла къ поноснымъ судна (родъ весель) и опрокинулась. Четверо рабочихъ успѣли ухватиться за поносныя судна и были спасены, а двое, неуспѣвшіе ухватиться, — утонули; теченіемъ воды ихъ унесло весьма далеко, такъ-что ихъ труповъ не могли найти для погребенія. Другая барка потомъ, уже нѣсколько позже, также сѣла на мель, и бочки пришлое пустить малемъ.

III.

Выше было сказано, что въ тотемскомъ и никольскомъ уѣздахъ смолокурениемъ не занимаются, а только дегтекурениемъ; въ кадниковскомъ уѣздѣ занимаются смолокурениемъ весьма мало, а преимущественно дегтекурениемъ. Между-тѣмъ тутъ можно-бы было заниматься и смолокурениемъ, если-бы смола имѣла сбытъ. Вовнутрь Россіи ея требуется мало; она идетъ преимущественно въ Петербургъ. Вся эта смола готовится въ кадниковскомъ уѣздѣ. Везти смолу изъ тотемскаго уѣзда въ Архангельскъ — также нельзя, потому-что доставка обходится дорого. Кромѣ того въ Архангельскъ и безъ того доставляется смолы больше, чѣмъ требуется, а потому тотемская смола тамъ только понизила-бы и безъ того низкія цѣны на этотъ товаръ.

Смолокурениемъ занимаются преимущественно въ вельскомъ и сольвыгодскомъ уѣздахъ вологодской губ. и въ архангельской губерніи. Дегтекурениемъ тамъ уже не занимаются, а если и занимаются, то только для собственной надобности. Но и тутъ, конечно, можно было-бы заниматься сидкою дегтя, если-бы онъ имѣлъ сбытъ. Отсюда вся смола идетъ въ Архангельскъ. У крестьянъ вельскаго и шенкурскаго уѣздовъ всего два занятія — хлѣбопашество и смолокурение.

Первое изъ нихъ весьма мало вознаграждаетъ крестьянина за его трудъ, вслѣдствіе климатическихъ и другихъ условій, которыхъ я здѣсь не коснусь. Но второе, вслѣдствіе его нерациональности и другихъ причинъ, которыя дальше мною будутъ подробно изложены, еще меньше вознаграждаетъ бѣднаго труженика.

Смолу гонять теперь почти вездѣ въ печахъ, за исключеніемъ сольвычегодскаго и сѣверо-восточной части шенкурскаго уѣздовъ. При печномъ способѣ получается смолы больше, но она худшаго качества, чѣмъ при янномъ способѣ. Происходитъ это оттого, что крестьяне во все время перегонки ни разу не вынимаютъ гвоздя колоды, по которой течетъ изъ печи смола; его вынимаютъ только въ концѣ перегонки. Смола, оставаясь долго въ колодѣ, прѣтеть, какъ выражаются крестьяне, т. е. часть ея сгораетъ, а другая часть разлагается и улетучивается. Смола при этомъ способѣ выдѣлки получается чрезвычайно густою. Ее нельзя назвать ни смолою, ни пекомъ. Ямная-же смола—лучше, но ея получается при удачномъ веденіи дѣла почти вдвое меньше, чѣмъ при печномъ способѣ, тогда какъ 8-ми пудовая бочка съ ямною смолою всего на 25 коп. дороже печной. Но это при удачѣ,—большую-же частію бываетъ такъ, что весь матеріалъ въ ямѣ сгораетъ и тогда всѣ труды смолукура пропадаютъ даромъ, а трудовъ на добываніе 1 куб. саж. матеріала онъ потратилъ немало, да и матеріалу тратится весьма много даромъ.

Поэтому покровительствовать янному способу, какъ это предлагаетъ г. Данилевскій и комиссія, разсматривающая мѣры для улучшенія быта населенія сѣвернаго края—чрезвычайно нерационально.

Г, Данилевскій говоритъ, что за-границу требуется исключительно или большею частію ямная смола, такъ-какъ она лучше; но и при печномъ способѣ, даже въ тѣхъ печахъ, какія имѣются теперь у крестьянъ, можно получать смолу болѣе жидкую и высшаго качества, чѣмъ ямная. Наконецъ для полученія изъ теперешней печной смолы—болѣе жидкой, похожей на ямную, стоитъ только прибавить къ ней немного скипидару. Это такъ и дѣлается теперь, и такая смола уходитъ за-границу подъ именемъ ямной. Чтобы получить прямо изъ печи хорошую жидкую смолу, стоитъ только замѣнить гвоздь колоды трубкою, одинъ конецъ которой вставляется въ колоду, а другой опускается въ чанъ съ водою, такъ, чтобы конецъ трубки находился всегда подъ водою. Тогда воздухъ въ печь не проникнетъ и смолъ будетъ свободный стокъ, она не останется все время въ колодѣ, а потечетъ по мѣрѣ накопленія въ подставленный чанъ. Благодаря этому простому измѣненію, смолы получится больше

противъ теперешняго, и она будетъ лучшаго качества. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я совѣтовалъ крестьянамъ придѣлать такія трубки взамиъ гвоздей и на возвратномъ пути убѣдился, что мой совѣтъ былъ принятъ крестьянами.

Крестьяне сами поняли, что печной способъ выгоднѣе ямнаго, такъ-что ямы сами собою выводятся. При ямномъ способѣ не требуется затраты капитала—достаточно имѣть топоръ, заступъ и лопату; но за то крестьянамъ почти ничего не достается за ихъ трудъ. При печномъ-же способѣ крестьяне кое-что выручаютъ и въ теченіи первой-же зимы затрата на устройство печи, которая стоитъ 30—40 рублей,—окупится. Г. Данилевскій, предлагая покровительствовать ямному способу, имѣетъ въ виду качествомъ и дешевизною полученной этимъ способомъ смолы конкурировать съ за-граничною; но смолу хорошаго качества можно получать и при печномъ способѣ. Что-же касается дешевизны, то при ямномъ способѣ никакъ нельзя на нее рассчитывать.

Ямный способъ, при удачѣ даже, требуетъ вдвое больше матеріала и, слѣдовательно, вдвое болѣе труда, чѣмъ при печномъ способѣ: крестьянинъ за доставку, напр., 2 куб. саж. матеріала вырватъ требовать и вознагражденія вдвое больше, чѣмъ за 1 куб. саж. Кроме того при ямномъ способѣ придется истребить вдвое скорѣе и лѣсъ, имѣющійся вблизи селеній, а когда лѣсъ будетъ далеко, нельзя будетъ заниматься смолокурениемъ въ теперешнихъ мѣстахъ, переселяться-же далеко въ глушь никто не захочетъ. Всѣ селенія находятся или около рѣкъ, или на большой дорогѣ, гдѣ и теперь уже немного лѣсу. Слова нѣтъ—лѣсу много на сѣверѣ, но употреблять для смолокурения лѣсъ, отстоящій далеко отъ селеній, при теперешнихъ обстоятельствахъ положительно невозможно: трудъ не окупится.

Далѣе—нашу смолу нельзя продавать дешевле, чѣмъ она продается теперь. Дешевизна ея на мѣстѣ, какъ объяснено будетъ далѣе, происходитъ отъ монополіи архангельскихъ купцовъ, а также отъ того, что ея предлагается въ настоящее время больше, чѣмъ требуется. Что-же будетъ тогда, когда въ Архангельскѣ станутъ привозить еще болѣе смолы, чѣмъ теперь? Она, конечно, еще болѣе подешевѣетъ, но крестьяне станутъ зарабатывать еще меньше, чѣмъ теперь. Г. Данилевскій предлагаетъ имъ брать количествомъ, но у нихъ на это не хватитъ физическихъ силъ: крестьянинъ можетъ подсачивать и заготовить въ годъ всего 3 или 4 куб. саж., а не 6 или 8 куб. саж. Что касается отѣмны пошлвын съ матеріала, то, конечно, можно-бы было пожелать ея отѣмны, если-бы не существовало монополіи архан-

гельскихъ купцовъ. Отиѣните пошлину — и купцы станутъ давать крестьянамъ за смолу какъ-разъ столько, сколько они получали до сихъ поръ; вычитая пошлину. Выходить — отиѣна пошлины теперь будетъ не въ пользу нуждающихся крестьянъ, но въ пользу богатыхъ купцовъ, а казна все-таки останется ни при чемъ. Если даже крестьяне станутъ получать цѣликомъ все то, что взималось въ пользу казны или удѣла, то и тогда участь ихъ отъ этого мало или почти вовсе не улучшится. Впрочемъ, уничтоженіе пошлинъ все-таки желательно: оно избавитъ крестьянъ отъ разныхъ стѣсненій и хлопотъ и прекратитъ много злоупотребленій. Но казна и удѣлъ никогда не согласятся на уничтоженіе пошлинъ: они собственники, тратятъ деньги на надзоръ и сбереженіе лѣсовъ, и имъ нужно возвратить затраченное; поэтому слѣдуетъ найти такое средство, которое *примирило-бы* интересы казны и крестьянъ.

Нѣтъ, если ужъ имѣть въ виду дѣйствительно доставить крестьянамъ болѣе обезпеченный кусокъ хлѣба, то необходимо улучшить эту отрасль промышленности, открыть новыя мѣста для сбыта смолы, и если отправлять ее за границу, то никакъ не чрезъ посредство архангельскихъ купцовъ, а чрезъ комиссіонеровъ, напр. шведскихъ и норвежскихъ, — пусть наша смола пойдетъ подъ названіемъ шведской или норвежской, пусть она продается чрезъ другія руки въ Англію, Голландію и другія страны, хотя это и менѣе выгодно, чѣмъ при прямыхъ сношеніяхъ съ мѣстами потребленія нашей смолы. Но дѣлать нечего: эту промышленность эксплуатируютъ теперь еще хуже и, разумѣется, въ значительной степени отъ того, что у насъ нѣтъ своего торговаго флота, а главнымъ образомъ отъ нашего неумѣнья вести дѣло.

При теперешнемъ положеніи смолокуренія крестьянинъ зарабатываетъ много-много 6 — 8 к. въ сутки; но даже и сами скупщики не отвергаютъ, что крестьянину за его тяжкій трудъ достается иногда даже только 3 к. въ сутки. Крестьянинъ среднимъ числомъ выкуриваетъ отъ 15 до 20 бочекъ смолы въ годъ, т. е. онъ успѣваетъ приготовить и переработать 3 или 4 куб. саж. смольняка (по нормѣ, при печномъ способѣ полагается 5 бочекъ смолы изъ 1 куб. саж. матеріала). Втеченіе года крестьяне заняты работами по смолокуренію отъ 8 до 9 мѣсяцевъ: весною они мѣсяца 2 заняты подскокою лѣса, осенью рубятъ и складываютъ его, потомъ зимою подвозятъ смольнякъ къ печкѣ, а въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ занимаются выкуркою заготовленнаго матеріала. Вотъ довольно подробный расчетъ работъ и заработка. Для заготовленія 1 куб. саж. смольняка (въ 1

куб. саж. 200 деревь) требуется: для подсачиванія втеченіе 5 — 6 лѣтъ, по 3 дня въ годъ, а въ первый годъ 4—5 дней — 18 дней; для вырубкн и складывавья 3 дня; для доставки на заводъ 4 дня; для распиловкн и расколкн 2 дня; для выкуркн въ печкѣ (по $\frac{1}{3}$ куб. саж. въ день) 6 дней; лошадь для перевозкн матеріала и топлива 6 дней; рабочій при печкѣ 6 дней.

Обыкновенно лѣсъ подсачиваетъ смолокуръ съ женою и дѣтши, работа которыхъ не входитъ въ расчетъ. Не принято также во вниманіе время, нужное ему для выправкн билета, для сплава бочекъ до главной сплавой рѣкн, для приготовленія плота и многое другое. Едва ли мы сдѣлаемъ ошибку, если примемъ, что для выкуркн 1 куб. саж. рабочему нужно 50 рабочихъ дней. Что-же онъ получаетъ за этотъ трудъ? Изъ 1 куб. саж., по нормѣ, полагается 5 бочекъ, но обыкновенно крестьяне получаютъ всего 4 или даже $3\frac{1}{2}$ бочки. На евдокіевской ярмаркѣ при мнѣ установилась цѣны на смолу: за 8-пудовую бочку печной смолы давали 2 р. 75 к., а за ямную 3 р. съ уплатою пошлины, съ доставкою въ Архангельскъ и доливомъ. Изъ этой цѣны слѣдуетъ вычесть: пошлину — 80 к.; стоимость доставкн въ Архангельскъ—35 к.; скупщикамъ за комиссію—10 к.; доливъ до отправки въ Архангельскъ и по прибытіи туда $\frac{3}{4}$ — 1 ведро — около 12 к.; стоимость бочки—20 к. и пошлину за бочку и дрова для выкуркн бочки смолы—12 к.; всего 1 р. 69 к. Вычитая изъ 2 р. 75 к. 1 р. 69 к.—получаемъ въ остаткѣ 1 р. 6 к. Но если смолокуръ продаетъ свою смолу еще осенью, когда ему нужно уплатить подать и другія повинности, то скупщикъ беретъ себѣ за комиссію 30 к. съ бочки. Тогда смолокуру остается копѣекъ 80 за бочку; но допустимъ даже, что онъ получитъ за нее рубль и что онъ добудетъ изъ 1 куб. саж. не $3\frac{1}{2}$, а 4 бочки, то и въ этомъ самомъ счастливомъ случаѣ онъ выручитъ изъ 1 куб. саж. всего 4 р. за 50 рабочихъ дней или по 8 к. въ сутки. Но скупщики часто взимаютъ еще съ крестьянъ какіе-то проценты (за ссуду, что ли), а потому они, вѣроятно, не безъ основанія говорятъ, что крестьянинъ отъ смолокурения добываетъ лишь 3—5 к. въ сутки. Вотъ въ какомъ положеніи находится на сѣверѣ смолокуренная промышленность. Кромѣ смолы здѣсь ничего болѣе не получается. Только въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ Вельска, у крестьянскихъ печей имѣются трубы съ холодильниками для собиранія скипидара. Благодаря этому приспособленію, крестьяне получаютъ еще отъ 4 до 6 пудъ скипидара, который они продаютъ по 80 к. — 1 р. за пудъ, а это уже удваиваетъ ихъ доходъ. Но собирать скипидаръ можно только въ

мѣстахъ, близкихъ къ рѣкамъ Ембѣ и Кубинѣ, по которымъ онъ доставляется въ Петербургъ и Москву. Въ Архангельскѣ скипидаръ не идетъ, но онъ пошелъ-бы и туда, если-бъ его лучше очищали. И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ требованія на нашъ скипидаръ слишкомъ малы по той-же причинѣ; но его пойдетъ сюда несравненно больше, если скипидаръ станутъ хорошо очищать, и тогда онъ замѣнитъ привозимый въ значительномъ количествѣ изъ-за границы. Въ 1869 году въ Россію привезено изъ-за границы на 5,000,000 р. скипидару, гаршіусу и нефти. («Вѣстникъ Европы», апрѣльск. кн., 1871 г., стр. 676). А между тѣмъ все это количество могло-бы быть приготовлено въ самой Россіи и качествомъ не хуже привознаго изъ-за границы.

Скипидаръ собираютъ также пековары вельскаго и кожной части шенкурскаго уѣздовъ. Въ остальной части шенкурскаго уѣзда пековары выливаютъ вонь свой скипидаръ. Впрочемъ, скипидаръ смольный гораздо хуже печного, т. е. того, который получается прямо изъ печей, но, какъ я уже выше сказалъ, такой скипидаръ добывается только въ одномъ мѣстѣ, да и то съ недавняго времени. Къ сожалѣнію, это благое начинаніе на первыхъ-же порахъ встрѣтило большія препятствія. Мѣстные полицейскіе чиновники небрежно и не во время свидѣтельствуютъ заготовленный крестьянами изъ надѣла матеріалъ, а чиновники удѣльнаго вѣдомства пользуются этимъ отчасти по ревности къ службѣ, а больше по незнанію дѣла. Крестьяне этой мѣстности продали одной купчихѣ свой выкуренный изъ надѣльнаго матеріала скипидаръ по сравнительно сходной цѣнѣ. Покупщица подала прошеніе на полученіе провознаго билета, но ея скипидаръ засеквестровали, подозрѣвая, что онъ добытъ изъ матеріала, принадлежавшаго удѣльному вѣдомству, такъ-какъ полицейское засвидѣтельствованіе было неясно или его вовсе не было. Покупщица представила свидѣтельства, что купила у крестьянъ 153 пуда, кажется, сырого скипидару, изъ которыхъ получила 104 пуда чистаго, бѣлаго. Но тогда удѣльный окружной надзиратель, принимая зеленый скипидаръ за красный смольный, усумнился въ возможности полученія 104 пудовъ чистаго скипидара изъ 153 пуд. сырого. По нормѣ, дѣйствительно, изъ 1 пуда краснаго скипидара полагается получить лишь $\frac{1}{4}$ пуда, и то желтаго скипидара. Но печной скипидаръ нельзя считать краснымъ, — онъ даже лучше зеленаго: онъ даетъ угару всего 10%, и это максимумъ, между тѣмъ какъ красный скипидаръ 75%. Дѣло затянулось до другого года, купчиха не могла продать свой скипидаръ, а онъ между-тѣмъ утекалъ мало-по-малу изъ бочекъ (о

существованіи эмали для скипидарныхъ бочекъ у насъ на сѣверѣ даже и не подозреваютъ). Въ слѣдующемъ году дѣло опять возобновилось. Я отправился въ городъ изслѣдовать его и разъяснилъ ошибку; скипидаръ былъ освобожденъ, но не знаю, успѣла-ли купчиха свезти и продать свой скипидаръ. Конечно, отъ такихъ неблагопріятныхъ случайностей страдаетъ много и само производство. Въ прошломъ году крестьянамъ этой мѣстности давали по 1 р. за пудъ, а въ этомъ году, припоминая разсказанную исторію, имъ предлагали только 80 к. Полицейское начальство не свидѣтельствуетъ во-время матеріала, крестьяне бѣгаютъ, бѣгаютъ съ своими просьбами, пріѣзжаютъ не разъ въ городъ къ исправнику, котораго нелегко застать дома, тратятъ бесполезно время, а, слѣдовательно, теряютъ и деньги.

Подобныхъ препятствій на каждомъ шагу многое-множество, и крестьянамъ приходится постоянно жестоко платиться за свое невѣдѣніе. Въ этомъ году при мнѣ былъ еще такого рода случай. Полиція засеквестровала весь заготовленный крестьянами шенкурскаго уѣзда матеріалъ на томъ основаніи, что, по ея мнѣнію, онъ былъ трехъ и четырехъ-лѣтней подсосочки; на самомъ же дѣлѣ онъ былъ давнишней подсосочки, и я самъ убѣдился, что нѣкоторыя деревья изъ засеквестрованного матеріала подсосочены болѣе 30 лѣтъ тому назадъ, и не было ни одного дерева ранѣе 17-ти-лѣтней подсосочки. Приняли-же этотъ матеріалъ за деревья трехъ и четырехъ-лѣтней подсосочки потому, что съ этихъ деревьевъ кора была содрана только три или четыре раза, притомъ подсосочки были настоящей длины. Въ первый годъ содрали кору извѣстной длины и оставили дерево на нѣсколько лѣтъ, потомъ снова содрали кору и снова оставили на нѣсколько лѣтъ и т. д., 3 или 4 раза. По правиламъ необходимо это сдѣлать пять разъ сряду втеченіе 5 лѣтъ. Такой матеріалъ считается правильно заготовленнымъ, но онъ гораздо хуже того, который стоялъ подсосоченнымъ 20—30 лѣтъ. Для того, чтобы дерево подсохло и годилось для смолокуренія, достаточно 5 — 9 лѣтъ, смотря по большей или меньшей сухости почвы, и вовсе нѣтъ надобности подсачивать его втеченіи 5 лѣтъ, ежегодно сдирая кору. При мнѣ производились опыты въ устьпадинской волости шенкурскаго уѣзда, въ результатѣ которыхъ оказалось, что изъ такого давно подсосоченнаго, хотя четырехъ или даже трехъ-вздымочнаго матеріала получается не только количество, требуемое по нормѣ, но даже значительно большее. Между тѣмъ, по незнанію этого результата, были остановлены всѣ работы въ значительной части шенкурскаго уѣзда, тогда какъ

крестьяне должны были къ славу (времени по вскрытіи рѣкъ) представить известное количество смолы, за которую имъ давно уже были выданы деньги. Кромѣ того имъ угрожало неоплатиться за этотъ матеріалъ значительнымъ штрафомъ, котораго и безъ того съ нихъ много взыскивается. Въ одномъ только 5 округѣ удѣльной конторы (въ шенкурскомъ уѣздѣ 4 округа и 2 лѣсничества) за крестьянами имѣется около 30,000 руб. однихъ только штрафныхъ недоимокъ. Штрафы эти часто разоряютъ цѣлыя селенія, такъ-что жителямъ приходится выселяться въ другія мѣстности, гдѣ ихъ ждетъ еще болѣе горькая участь. Примѣромъ можетъ служить одно селеніе близь города Вельска.

Въ вельскомъ и шенкурскомъ уѣздахъ занимаются еще пековареніемъ. Пекъ идетъ большею частію въ Архангельскъ и только самое незначительное количество въ Петербургъ. Цѣна на него въ этомъ году на евдокіевской ярмаркѣ въ селѣ Благовѣщенскомъ шенкурскаго уѣзда состоялась всего по 50 коп. за пудъ съ доставкой въ Архангельскъ. Пековару въ шенкурскомъ уѣздѣ достается всегда 1 или 2 коп. чистаго дохода съ пуда пеку, т. е. онъ получаетъ всего лишь 2—4% съ рубля. Въ вельскомъ уѣздѣ доставка въ Архангельскъ обходится дороже и тогда пековаръ ничего не получаетъ отъ пека, но тамъ уже довольно выгодно собирать скипидаръ, что и окупаетъ производство, такъ-какъ при этомъ производствѣ получается 5% съ рубля. Представимъ подробный расчетъ затратъ на производство пековара шенкурскаго уѣзда, гдѣ скипидаръ не собирается.

1 пудъ пеку получается изъ 1½ пуд. смолы чистой. За такую смолу платятъ 18 коп. за пудъ, слѣдовательно: 1½ пуда смолы будутъ стоить 24 коп.; варка 1 пуда пеку обходится въ 4 коп.; пошлина 15 коп.; доставка въ Архангельскъ 2 коп.; расходъ на бочку 1 коп. на пудъ, также пошлины на бочку по расчету 1 пуда—1 коп.; а всего 47 коп.

Жители шенкурскаго уѣзда занимаются также приготовленіемъ канифоли изъ сосновой сѣры, но производство это незначительно и ведется вообще весьма небрежно. Изъ сѣры при полученіи канифоли получается еще такъ называемый сѣрный скипидаръ. Кромѣ того сырую сѣру процѣживаютъ и продаютъ въ этомъ видѣ. Всѣ эти продукты идутъ въ Петербургъ и Москву. На мѣстѣ производства канифоль стоитъ 60—70 коп. за пудъ, процѣженная сѣра 80—90 коп., сѣрный скипидаръ отъ 2 р. до 2 р. 15 коп. за пудъ. Доставка 1 пуда товара отъ Шенкурска до Ембы обходится въ 3—5 коп., отъ Вельска до Ембы 15 коп., отъ Верховожья до Ембы

7—10 коп., съ Ембы-же до Петербурга доставка на каюкѣ обходится только въ 10—12 к. съ пуда.

Кромѣ сосновой сѣры можно получать еще еловую сѣру, если подсачивать еловый лѣсъ. Какъ известно, еловый лѣсъ ни на что нейдетъ и получать съ него сѣру было-бы очень выгодно. Но для этого надобно найти ей примѣненіе, чтобы обезпечить ея сбытъ. Такихъ примѣненій очень много. Изъ нея можно готовить лаки, сургучъ, скипидаръ, американскую канифоль и пивной пекъ. Последние два продукта получаютъ изъ-за-границы въ значительномъ количествѣ. Пудъ пивного пека продается въ Петербургѣ по 4 рубли, въ вельскомъ-же уѣздѣ можно приготовить его копѣекъ по 60—70 за пудъ, а такъ-какъ доставка стоитъ 30 коп., то нашъ пивной пекъ обойдется въ 1 р., т. е. вчетверо дешевле. Всѣ названные продукты можно готовить дома. Кромѣ того изъ-за-границы привозится еще много уксусной кислоты, древеснаго спирта и уксуснокислыхъ солей, которые также можно-бы готовить въ самой Россіи.

Вообще надо замѣтить, что всѣ тѣ продукты, какіе получаютъ при сулой перегонкѣ дерева, всегда и вездѣ нужны и поэтому сбытъ ихъ всегда обезпеченъ, если только эти продукты будутъ предлагаться въ томъ видѣ, въ какомъ они требуются потребителями. Петербургскіе купцы (напр., Штоль и Шмидтъ) охотно покупаютъ русскій товаръ, если онъ хорошаго качества, а у насъ на Сѣверѣ не умѣютъ даже очищать скипидаръ, цѣны на который стоятъ весьма низкія. Между тѣмъ за границую цѣны на эти товары очень высоки. Въ Стокгольмѣ, напр., 8-пудовая бочка смолы стоитъ 6—7 руб. Въ юго-западной Швеціи цѣна даже на мѣстѣ производства еще выше. Въ Финляндіи крестьяне за 8-пудовую бочку получаютъ чистыми деньгами безъ пошлины и другихъ расходовъ 3 рубля и больше, и у насъ въ кадняковскомъ уѣздѣ на р. Кубинѣ, гдѣ нѣтъ архангельскихъ монополистовъ, смола, на мѣстѣ производства, продавалась въ этомъ году по 60 коп. за пудъ, что составитъ 4 р. 80 коп. за 8-пудовую бочку. Впрочемъ въ эту цѣну входятъ пошлина и другіе расходы. Вообще за границую дѣло это ведется гораздо лучше, да и правительство не оставляетъ его безъ вниманія: два года тому назадъ шведское правительство отправило одного технолога (г. Штрома) за-границу спеціально для изученія еловой подсочки и приготовления пивного пека. Въ этомъ году вермландское земство (западная провинція Швеціи на границѣ съ Норвегіею) собиралось отправить одного техника въ Германию и Англію для изученія производства

уксуснокислыхъ солей; въ Финляндіи полагается по два техника на каждый округъ, специальное занятіе которыхъ состоитъ въ томъ, что они разъѣзжаютъ по округу и учатъ крестьянъ правильному смолскуренію; конечно, ихъ дѣйствія не остаются безслѣдными.

Изъ всего вышеизложеннаго можно вывести слѣдующія заключенія:

Послѣдствіе низкихъ цѣнъ на продукты сухой перегонки дерева въ архангельской и вологодской губерніяхъ, крестьяне весьма неохотно занимаются этимъ производствомъ, а если и занимаются, то только потому, что другихъ занятій у нихъ нѣтъ, да кромѣ того, занявъ осенью у скупщиковъ денегъ для уплаты податей, крестьяне обязаны уплатить свои долги смолою отчасти по договору, а больше потому, что другого источника для уплаты долговъ у нихъ нѣтъ. Пропсходить это по той причинѣ, что почти вся смола идетъ въ Архангельскъ, такъ-какъ другого сбыта она почти не имѣетъ. Въ Архангельскѣ-же существуютъ всего три конторы, которыя захватили въ свои руки всю торговлю; онѣ между собою въ стачкѣ и даютъ за смолу и пекъ такія цѣны, какія имъ заблагоразсудится. При этихъ условіяхъ на долю рабочихъ за ихъ тяжелый трудъ достается всего 6 коп. въ сутки. Посредниками между крестьянами и купцами являются скупщики, которые, получая впередъ деньги отъ архангельскихъ купцовъ, находятся у нихъ въ полной зависимости. Но если-бы скупщики не были въ рукахъ архангельскихъ купцовъ, а оставались-бы свободными посредниками между ними и крестьянами, то и сами получали-бы большіе барыши, и крестьяне брали-бы лучшее вознагражденіе за свой тяжелый трудъ. Теперь-же скупщики являются какъ-бы агентами архангельскихъ конторъ и пляшутъ по ихъ дудкѣ, получая за то лишь извѣстное вознагражденіе, назначаемое произвольно монополистами. Понятно, что положеніе дѣла будетъ иное, если Архангельскъ не будетъ единственнымъ пунктомъ сбыта смолы. Поэтому необходимо найти для нея другой рынокъ; онъ долженъ и можетъ быть въ самой Россіи. Въ сыромъ видѣ смола внутри Россіи не можетъ имѣть большого сбыта, ея тамъ требуется не особенно много и потребность въ ней вполне удовлетворяется разбросанными въ разныхъ мѣстахъ внутри Россіи смолокуреными заводами; но смола и внутри Россіи можетъ имѣть громадный сбытъ, если ее переработать на болѣе цѣнные продукты, каковы, напр., колесная мазь для телѣгъ и вагоновъ желѣзныхъ дорогъ, смазочное масло и парафинная мазь, идущія въ большихъ количествахъ на фабрикахъ и заводахъ для машинъ.

Все сказанное о смолѣ можетъ быть почти вполне отнесено и

къ дегтю. Деготь идетъ и во внутреннія губерніи Россіи, но требованіе на сырой деготь, какъ мы видѣли выше, тамъ весьма ограничено, предложеніе его тамъ даже превышаетъ спросъ, вслѣдствіе чего и цѣны на него очень низки. Къ счастью еще, въ Ростовѣ, Троицкѣ и Ананьинѣ нѣтъ архангельскихъ монополистовъ. Но крестьяне все-таки и здѣсь очень мало выручаютъ за свой трудъ, такъ-какъ сбытъ на ихъ продуктъ весьма ограниченъ. Вполнѣ обезпеченный сбытъ деготь, подобно смолѣ, будетъ имѣть только въ переработанномъ видѣ и переработка дегтя будетъ даже болѣе прибыльна, чѣмъ переработка смолы.

Что касается скипидара, то его, какъ сказано было выше, собираютъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, такъ-какъ и его сбытъ также весьма ограниченъ; но онъ можетъ быть значительно увеличенъ, если его переработать на ламповое масло. Тогда цѣна на скипидаръ, вслѣдствіе новаго его примѣненія, увеличится и его также вездѣ станутъ собирать, а не выливать вонъ, какъ это дѣлается теперь. Кромѣ того значительная часть его можетъ идти на приготовленіе лаковъ изъ еловой сѣры, которая въ свою очередь можетъ получить большій сбытъ и дать новый заработокъ производителямъ. Изъ еловой сѣры можно будетъ готовить пивной пекъ, требованіе и цѣна на который довольно велики, и чистую американскую канифоль, идущую на писчебумажные, лаковые и сургучные заводы.

Дегтярная вода, которая могла-бы идти на приготовленіе уксусной кислоты, креозота и древеснаго спирта, у насъ вовсе не собирается. Точно также пренебрегаютъ остатками при обработкѣ канифоли изъ сѣры и на цекваренныхъ заводахъ. Остатки эти представляютъ богатый матеріалъ для приготовленія сажы. Теперь сажу коптятъ изъ бересты, которая могла-бы идти съ болшею пользою на приготовленіе дегтя, если-бы послѣдній имѣлъ достаточный сбытъ. Деготь можно-бы было получать изъ осинової коры и такимъ образомъ найти ей новое примѣненіе.

IV.

Въ видахъ развитія фабрикаціи сухой перегонки дерева, необходимо направить это дѣло такимъ образомъ, чтобы смола, деготь и другіе сырые продукты перерабатывались на болѣе цѣнные. Этимъ достигается двоякая цѣль: переработка ихъ дастъ прямыя значительныя выгоды и кромѣ того увеличить запросъ на нихъ, что косвеннымъ образомъ будетъ содѣйствовать развитію производства, увеличивая

цѣны на смолу и деготь. Слѣдовательно, необходимо прежде всего устроить заводы для переработки сырыхъ продуктовъ въ болѣе цѣнные. Инициативу этого дѣла можетъ принять на себя министерство государственныхъ имуществъ и удѣльное вѣдомство или еще лучше частная предпріимчивость. Это дѣло нужно начать съ устройства образцоваго завода для переработки сырыхъ продуктовъ, такъ-какъ частныя лица изъ теперешнихъ цековаровъ только тогда возьмутся за дѣло, когда увидятъ, что оно выгодно. Такихъ образцовыхъ заводовъ на первое время можно будетъ выстроить два: одинъ въ Вельскѣ, а другой въ Шенкурскѣ. Для постройки ихъ со стороны казны не потребуется пожертвованій, потому-что эти заводы не только окупятъ всѣ расходы на нихъ, но еще дадутъ значительный доходъ.

Далѣе такъ-какъ на этихъ заводахъ будутъ перерабатываться всѣ сырые продукты, какіе получаютъ при сухой перегонкѣ дерева, и чѣмъ больше будетъ такихъ продуктовъ, тѣмъ лучше, — и такъ-какъ всѣ сырые продукты могутъ быть получены только при усовершенствованномъ способѣ сухой перегонки дерева, то наряду съ вышеупомянутыми заводами необходимо также устроить заводы для крестьянъ, которые займутся добываніемъ сырыхъ продуктовъ. Такіе усовершенствованные заводы дадутъ имъ возможность получать всѣ сырые продукты, какіе только могутъ получаться при сухой перегонкѣ дерева; кромѣ того ихъ получится больше, чѣмъ теперь, и лучшаго качества, а крестьяне избавятся отъ необходимости прибѣгать къ фальсификаціи. Такіе заводы и на первое время будутъ очень удобны для крестьянъ, такъ-какъ на нихъ будутъ работать простые рабочіе, особаго знанія здѣсь не требуется. Въ послѣдствіи можно будетъ расширить кругъ дѣятельности этихъ крестьянскихъ заводовъ, научивъ крестьянъ заниматься сначала переработкою только части своихъ сырыхъ продуктовъ по крайней мѣрѣ на столько, чтобы облегчилась транспортировка ихъ на вельскій и шенкурскій заводы. Для постройки этихъ заводовъ потребуется субсидія со стороны удѣльнаго вѣдомства и земства, которая и составитъ фондъ для постройки артельныхъ крестьянскихъ заводовъ. Этотъ фондъ можетъ еще увеличиваться, такъ-какъ всякая артель обязана будетъ не только возратить ссуженный ей капиталъ на постройку завода, но еще станетъ уплачивать извѣстный процентъ на этотъ капиталъ. Постоянно увеличивающійся фондъ дастъ возможность ежегодно увеличивать число усовершенствованныхъ заводовъ. Постройкѣ крестьянскихъ заводовъ скорѣе всего должно содѣйствовать вологодское земство, интересы кото-

раго тѣсно связаны съ интересами крестьянства. Такіе заводы приносятъ крестьянамъ значительныя выгоды. Въ самомъ дѣлѣ: если теперь крестьяне, занимающіеся также полученіемъ скипидара (въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ имѣетъ еще сносный сбытъ) выручаютъ изъ 1 куб. саж. 5 рублями болѣе, чѣмъ при добываніи одной только смолы, а это уже удваиваетъ ихъ доходъ, то сколько заработаютъ они, если изъ одной куб. саж. они получаютъ и больше и лучшаго качества смолу, вдвое больше скипидара, да еще около 100 ведеръ дегтярной воды, за которую, если ее даже продать по 5 коп. за ведро, выручатся еще 5 рублей.

Не меньше выгодъ будетъ для удѣльнаго вѣдомства и министерства государственныхъ имуществъ. При правильномъ устройствѣ смолокуренныхъ заводовъ можно будетъ вести и правильное лѣсное хозяйство. Въ данномъ мѣстѣ устроится такихъ размѣровъ заводъ, который будетъ въ состояніи перерабатывать только то количество смольняка, какое возможно будетъ для этой мѣстности. Казенному управленію легче будетъ имѣть надзоръ за однимъ большимъ заводомъ, чѣмъ за 20 маленькими, вслѣдствіе чего можно будетъ установить для даннаго завода опредѣленный акцизъ, чрезъ что процедура взиманія пошлинъ и т. п. значительно облегчится, а вмѣстѣ съ этимъ уменьшится и расходъ на ее взиманіе, уменьшая число сторожей (или совѣтъ ихъ устраная), смотрителей и т. д. Вмѣстѣ съ этимъ будутъ значительно облегчены и производители, такъ-какъ эта мѣра освободитъ ихъ отъ весьма стѣснительныхъ для нихъ хлопотъ, на которыя они постоянно жалуются. При этомъ крестьянамъ не нужно будетъ прибѣгать къ преждевременному уничтоженію своего подсосоченнаго матеріала, потому-что увеличивать количество выкуриваемаго ими матеріала имъ не будетъ надобности, такъ-какъ они тогда станутъ зарабатывать втрое или вчетверо больше противъ теперешняго. Это въ свою очередь дастъ имъ возможность употреблять въ дѣло тотъ матеріалъ, который въ данное время будетъ наиболѣе годенъ. Крестьянамъ тогда нельзя будетъ продавать свою смолу подъ названіемъ казенной или удѣльной или надѣльной, такъ-какъ извѣстно будетъ, сколько какого матеріала перерабатывается на данномъ заводѣ, акцизъ будетъ взиматься не съ издѣлій, а съ количества перерабатываемаго на немъ матеріала. Далѣе, коль скоро заниматься смолокуреніемъ станетъ выгодно, то и число рукъ занятыхъ имъ увеличится. Тѣ, которые, вслѣдствіе невыгодности производства, оставили его, снова имъ займутся, тѣ-же, которые уходять въ другія мѣста на заработки, останутся дома, гдѣ они найдутъ выгодное занятіе. Для са-

мой казны будетъ выгодно, если смолокурениемъ станетъ заниматься большее число рукъ. Чѣмъ ихъ будетъ больше, тѣмъ больше будетъ перерабатываться лѣснаго матеріала. Теперь есть мѣста, гдѣ вырабатывается меньше матеріала, чѣмъ назначено его по смѣтѣ, напр., удѣльнаго вѣдомства, а въ иныхъ мѣстахъ и вовсе ничего не добывается. Впоследствии и эти лѣсныя пространства пойдутъ въ дѣло.

Въ настоящее время крестьяне занимаются смолокурениемъ чрезвычайно небрежно и большею частію по принужденію, отчасти за неимѣніемъ другого занятія, а больше потому, что они всегда въ долгу у скупщиковъ и обязаны имъ улачивать свои долги смолою. Вслѣдствіе незначительныхъ заработковъ отъ смолокурения, рабочіе принуждены брать количествомъ, т. е. они рубятъ больше чѣмъ имъ отпускается, рубятъ преждевременно подсоченный лѣсъ, производятъ самовольныя порубки, стараются избѣжать уплаты пошлины и т. д. За эти незаконныя дѣйствія крестьянамъ приходится платить значительныя штрафы, которые ихъ еще болѣе раззоряютъ. Случается даже, что бывають раззорены цѣлыя селенія (напр., одно селеніе близъ Вельска) и принуждены выселяться въ другія мѣстности Россіи. Понятно, что отъ этого уменьшается число рабочихъ рукъ, которыхъ на Сѣверѣ и безъ того слишкомъ мало. Интересы крестьянъ съ одной стороны, казеннаго и удѣльнаго вѣдомствъ и всякаго лѣснаго владѣльца съ другой, такъ тѣсно связаны между собою, что существованіе однихъ безъ другого невысказано.

Если оставить дѣло въ теперешнемъ его положеніи, то очень можетъ случиться, что количество отпускаемыхъ теперь, даже чрезъ архангельскій портъ, сырыхъ лѣсныхъ издѣлій уменьшится современемъ, или даже и совсѣмъ прекратится. Отъ земледѣлія здѣшній крестьянинъ выручаетъ такъ мало за свой трудъ, что этого нельзя почти и считать за заработокъ, отъ смолокурения-же—всего 6 коп. въ сутки! Въ его домашнемъ хозяйствѣ постоянный и довольно значительный дефицитъ и для наполненія его онъ прибѣгаетъ къ разнаго рода фальсификаціямъ. Такъ, напр., онъ примѣшиваетъ къ смолѣ значительное количество воды, а чтобы ея не было замѣтно, сыпетъ еще туда золы и древесныхъ опилокъ. Пековары прибавляютъ къ своему товару разныя гадости, стружки, песокъ, глину и т. п. Но эти надувательства ведутъ лишь къ тому, что эти издѣлія еще болѣе падаютъ въ цѣнѣ; крестьяне-же въ свою очередь увеличиваютъ пропорцію примѣсей, и теперь дошло до того, что если крестьянинъ привезетъ на рынокъ чистую смолу, ему все-таки не дадутъ за нее боль-

ше,—ему уже не вѣрять. Онъ поэтому и везетъ подболтанную, какъ онъ выразится, смолу, т. е. съ разными примѣсями. Пековары смотрятъ на это, какъ на неизбежное зло. Иностранцы неохотно покупаютъ нашу смолу, а скоро, пожалуй, и совѣтъ перестанутъ покупать въ Архангельскѣ наши лѣсные продукты, производство ихъ уменьшится или даже уничтожится, а вмѣстѣ съ этимъ уменьшится и требованіе на лѣсъ.

Итакъ необходимо спасти эту отрасль промышленности отъ окончательнаго упадка, если мы желаемъ дѣйствительно помочь населенію Сѣвера. Поддержка тамошняго промысла, какъ я уже выше сказалъ, должна состоять въ устройствѣ усовершенствованныхъ крестьянскихъ заводовъ для получения сырыхъ продуктовъ и, на ряду съ ними, устройствѣ заводовъ для переработки сырыхъ продуктовъ въ болѣе цѣнные, такъ-какъ только это откроетъ сырымъ лѣснымъ издѣліямъ Сѣвера новый рынокъ для сбыта. Такимъ рынкомъ будетъ сама Россія. Инициатива въ этомъ дѣлѣ должна принадлежать казнѣ, удѣльному вѣдомству и частнымъ образованнымъ владѣльцамъ, такъ-какъ они единственные крупные собственники тѣхъ лѣсовъ и мѣстъ, гдѣ теперь занимаются смолокурениемъ и слѣдовательно они наиболѣе заинтересованы въ успѣшномъ развитіи этого производства, которое представляетъ главный источникъ доходности владѣмыхъ ими земель и лѣсовъ. Между собственниками здѣшняго края есть и крестьяне, но съ ихъ стороны едва-ли можно ждать инициативы въ дѣлѣ, требующемъ извѣстной степени развитія и довольно значительнаго капитала.

Каждый заводъ для переработки сырыхъ продуктовъ потребуетъ оборотнаго капитала около 5,000 руб. Такой заводъ можетъ переработать въ годъ до 5,000 пуд. смолы, около 2,500 пуд. скипидара, 5,000 ведеръ дегтярной воды, также разные лаки, канифоль и т. п., при этомъ заводъ дастъ до 6,000 руб. чистаго барыша и даже больше, смотря по тому, какое количество сырыхъ продуктовъ заводъ переработаетъ.

Что касается оборотнаго капитала крестьянскихъ заводовъ, то для него достаточно будетъ и 1,000 рублей. Впрочемъ и этого на первое время не потребуется, потому-что покупателемъ сырыхъ продуктовъ первыхъ крестьянскихъ заводовъ можетъ явиться сама казна или удѣльное вѣдомство, которые и выдадутъ нѣсколько денегъ впередъ за товаръ, который они потомъ получаютъ для своихъ заводовъ. Понятно, что удѣлу или казнѣ не будетъ надобности брать съ крестьянъ за эти авансы большихъ процентовъ: въ видахъ развитія дѣла,

они могут даже и вовсе не брать съ крестьянъ процентовъ за эти, такъ-сказать, задатки на будущій товаръ. Такъ будетъ въ первое время существованія смолукуренныхъ заводовъ; когда-же заводы для переработки сырыхъ продуктовъ въ болѣе цѣнные перейдутъ также въ собственность крестьянскихъ артелей, вслѣдствіе того, что казна и удѣлъ не желаютъ и не могутъ быть сами заводчиками, вышеупомянутые авансы, если въ нихъ встрѣтится надобность, будутъ производиться изъ оборотнаго капитала этихъ перерабатывающихъ сырые продукты въ болѣе цѣнные заводовъ.

Выше было сказано, что крестьянамъ устроить заводы для получения сырыхъ продуктовъ на тѣ деньги, которыя дадутъ казна и удѣлъ. Каждый такой заводъ будетъ принадлежать одной артели, членами которой могутъ быть крестьяне одной какой-нибудь деревни. Въ первое время, пока крестьяне не познакомятся съ дѣломъ, они какъ-бы не составляютъ артели, но крайней мѣрѣ они объ этомъ могутъ сначала и не знать: каждый будетъ получать плату за доставленный имъ на заводъ смольнякъ, сѣру и т. п. по столько, напр., сколько онъ теперь при настоящемъ способѣ выручаетъ, уже выкуривъ изъ него смолу. Постоянные-же рабочіе, которые работаютъ всегда на самомъ заводѣ, получаютъ плату пропорціонально выходамъ продуктовъ изъ кубич. саж. Это обстоятельство заставитъ ихъ быть болѣе внимательными къ дѣлу. Въ концѣ года, по сведеніи счетовъ завода, полученная прибыль распределится между всѣми участвовавшими въ работахъ и доставкѣ матеріала для даннаго завода, пропорціонально тому, что каждый изъ нихъ успѣлъ заработать. Эта добавочная сумма можетъ равняться той, которую каждый уже получалъ или даже можетъ превысить ее. Это сразу привлечетъ крестьянъ къ артели, покажетъ выгоду ея. Впослѣдствіи, когда крестьяне достаточно познакомятся съ веденіемъ заводскаго дѣла, заводъ перейдетъ въ руки всей артели. Въ первое время заводомъ завѣдуетъ одинъ изъ артельщиковъ наиболѣе развитый, но подъ надзоромъ со стороны казны или удѣла, если та или другой дали деньги на устройство завода. Артель уплачиваетъ ежегодно по 10⁰/₀; изъ нихъ 3⁰/₀ идутъ на погашеніе затраченнаго на постройку завода капитала; остальные-же 5⁰/₀ составляютъ вознагражденіе за ссуду. Если артель захочетъ ежегодно больше уплачивать, чтобы скорѣе погасить свой долгъ, то, понятно, ей это должно быть дозволено. Проценты погашенія пойдутъ на постройку новыхъ заводовъ, какъ это выше было объяснено. Такимъ образомъ основной, данный казною и удѣломъ капиталъ никогда не истощится. Другіе проценты пойдутъ на образо-

ваніе капитала, который, по достиженіи имъ извѣстной величины, послужитъ фондомъ для образованія ссуднаго банка. Нѣсколько артелей соединятся вмѣстѣ и образуютъ такой ссудный банкъ. Въ число мѣръ, которыя должны быть приняты для развитія въ здѣшнемъ краѣ смолокуренія, должны войти и ссудо-сберегательные банки. Необходимость ихъ вездѣ признана; безъ нихъ крестьянину трудно или даже невозможно будетъ освободиться изъ подъ власти кулаковъ, которые держатъ его теперь въ совершенномъ рабствѣ; а при такомъ положеніи крестьянъ нельзя будетъ и рассчитывать на успѣхъ дѣла— на каждомъ шагу встрѣтятся тогда препятствія со стороны самихъ-же крестьянъ, которые принуждены прибѣгать къ кулакамъ за займами, въ особенности во время уплаты податей и оброка. Правда, если разовьется смолокуреніе на проектируемыхъ мною началахъ, у крестьянина будетъ меньше нужды, а слѣдовательно онъ будетъ рѣже представленъ въ необходимость вымаливать деньги у кулаковъ, въ этомъ помогутъ ему и авансы заводовъ, перерабатывающихъ сырые продукты, но обойтись безъ такого кредитнаго учрежденія, какъ ссудный банкъ, крестьянину Сѣвера рѣшительно невозможно.

Все сказанное о крестьянскихъ заводахъ для полученія сырья можетъ быть вполнѣ отнесено и къ заводамъ перерабатывающимъ это сырье и потому говорить объ организаціи труда на нихъ, о распределеніи прибылей, погашенія долговъ и проч., было-бы излишнимъ повтореніемъ. Мнѣ остается добавить только, что кѣмъ-бы ни были устроены эти заводы—казною, удѣломъ, земствомъ или частными лицами, они должны перейти современемъ въ собственность крестьянскихъ артелей, поставляющихъ сюда сырье, и чѣмъ скорѣе произойдетъ этотъ переходъ, тѣмъ лучше.

Что касается сбыта продуктовъ сухой перегонки дерева, то съ этою цѣлью можно будетъ войти въ соглашеніе съ петербургскими и московскими дрогистами, напр., съ гг. Штолемъ и Шмидтомъ, Сергѣевымъ и другими, или-же имѣть сношенія прямо съ потребителями, напр., съ управленіями желѣзныхъ дорогъ, пивоваренными и другими заводами; лучше-же всего устроить въ Петербургѣ и Москвѣ собственные склады артельныхъ смолокурень.

Въ заключеніе считаю нужнымъ представить здѣсь смѣты по устройству этихъ заводовъ.

Стоимость одного крестьянскаго завода для полученія сырыхъ продуктовъ будетъ приблизительно слѣдующая:

Положимъ, что на одномъ заводѣ перерабатается въ годъ 100 куб. саж. смольника. Для этого потребуется 1 цилиндръ въ 1 куб. саж.

вмѣстимости или 2 цилиндра по $\frac{1}{2}$ куб. саж. каждый. Если будетъ одинъ цилиндръ, то высота его должна быть 12 футъ, а діаметръ 6 футъ. Такой цилиндръ изъ котельнаго желѣза, при толщинѣ въ $\frac{1}{4}$ дюйма, вѣситъ $78\frac{1}{4}$ пуд.; считая по 5 рубл. за пудъ (1 пудъ котельнаго желѣза стоитъ 2 р. 50 к., 2 рубля за работу цилиндра и 30—50 коп.—доставка съ пуда) съ работою и доставкою получимъ 391 рубл. 25 коп. Если-же будетъ 2 цилиндра по $\frac{1}{2}$ куб. саж., то высота должна быть 9 футъ, а діаметръ 5 футъ; вѣсъ такого цилиндра при толщинѣ въ $\frac{1}{4}$ дюйма будетъ 50 пуд.; по 5 рублей—250 рубл., а 2 цилиндра будутъ стоить 500 рублей *).

Предположимъ, что на проектируемомъ заводѣ вмѣсто одного большаго цилиндра будутъ 2 маленькихъ по $\frac{1}{2}$ куб. саж. Они стоятъ оба 500 руб. Для холодильника и отводныхъ трубъ требуется 6 пуд. красной мѣди, по 16—17 р. за пудъ съ работою и доставкою — около 100 р. Для печей подъ цилиндрами около 10,000 кирпичей по 5 руб. — 50 р. За кладку печей, песокъ и т. д. 50 руб. Резервуары, бочки и т. д. 50 руб. Навѣсъ надъ заводомъ (5 с. ширины, 7 с. длины и 3 с. высоты) 150 р. Непредвидѣнные расходы 100 руб.; всего: около 1000 рубл. **)

Стоимость завода для переработки сырыхъ продуктовъ, получающихся на предыдущихъ заводахъ, будетъ приблизительно слѣдующая:

Для перегонки смолы потребуется 3 чугунныхъ перегонныхъ куба; высота ихъ будетъ 2 фута, а діаметръ 3 фута, толщина среднимъ числомъ $\frac{1}{2}$ дюйма. 1 кубъ со шлемомъ вѣситъ $50\frac{1}{2}$ пудъ; а три куба—около 150 пуд., считая по 2 р. 75 к. за пудъ (2 р. 25 к.—отливка и 30—50 к.—доставка) 412 р. 50 к. 1 мѣдный кубъ для переработки скипидара на ламповое масло, 5 фут. высоты, 4 фут. въ діаметрѣ, при толщинѣ въ $\frac{1}{16}$ дюйма съ крышкою вѣситъ около 7 пуд., по 16—17 р. за пудъ, около 120 р. Холодильники съ мѣдными трубами ко всѣмъ этимъ кубамъ, на что нужно около 10 п. красной мѣди по 16—17 р. за пудъ, стоятъ 170 р. Мѣдный кубъ небольшихъ размѣровъ со змѣвикомъ для перегонки древеснаго спирта вѣситъ 3 пуда и стоитъ 50 р. Мѣдный котелъ для

*) Въ одномъ большомъ цилиндрѣ можно будетъ переработать въ годъ около 100 куб. саж.; въ 2-хъ-же цилиндрахъ по $\frac{1}{2}$ куб. саж.—отъ 120 до 130 куб. саж. Кромѣ того маленькіе цилиндры удобнѣе для перевозки и вмѣютъ еще много другихъ удобствъ. Они только нѣсколько дороже обходятся.

**) Разсчетъ этотъ и слѣдующіе сдѣланы для заводовъ, которые предполагается устроить въ вельскомъ уѣздѣ вологодской губ., а потому приведенныя здѣсь цѣны—той мѣстности.

приготовленія лаковъ, 3 фута въ діаметръ и 2 фута высоты, при толщинѣ въ $\frac{1}{16}$ дюйма, вѣсиль—2 пуд. 3 фунта, стоитъ 30 рубл. Два котла чугунныхъ: 1, для выпариванія уксусно-кислаго натра, а другой—для уксуснокислаго желѣза и для другихъ цѣлей, по 10 пуд. каждый, всего 20 п. по 2 р. 75 к.—55 рубл. Чугунная сковорода вѣсомъ 25 пуд. для выпариванія уксуснокислой извести и другихъ солей стоитъ 68 р. 75 к. Приборъ для перемѣшиванія разныхъ маселъ съ реагентами, резервуаръ для воды, ручные насосы, вѣсы и разнаго рода посуда цѣною съ 250 руб. Паровой котель со всѣми принадлежностями — 150 руб. Кирича для всѣхъ печей и топковъ 15,000 шт. на 75 руб. Работа и кладка печей, песокъ и т. д. обойдутся въ 75 р. Заводское строеніе, помѣщеніе для рабочихъ, сарай и т. д. 250 р. Непредвидѣнные расходы 175 руб. А всего: 1,900 р.

Стоимость завода для переработки сырыхъ продуктовъ: одинъ та- кой заводъ показанныхъ выше размѣровъ можетъ переработать въ годъ 5,000 пуд. смолы, 2,500 пуд. скипидару и 5,000 ведеръ дегтярной воды, вѣскольکو сотъ пудъ сѣры и т. д. Изъ 5,000 пудовъ смолы 2,500 пуд. пойдутъ на приготовленіе смазочнаго масла, а другіе 2,500 пудъ на полученіе вагонной мази.

Изъ этихъ 5,000 пуд. смолы получатся слѣдующіе продукты:

Смазочнаго масла 33% изъ 5000 п.—850 пуд. Вагонной мази 50% 2500 п.—1250 пуд. Пековаго масла¹⁾ 15% 2500 п.—375 пуд. Скипидару чистаго 12% изъ 5000 п.—600 пуд. Уксусной кислоты 10% изъ 5000 п.—500 пуд. Крезотовой смолы 12 $\frac{1}{2}$ % изъ 5000—625 пуд. Кокса 4% 5000 п.—200 пуд. Всего 4400 пудовъ.

Изъ 2500 пуд. скипидара получится: Ламповаго масла 65% — 1625 пуд. Желтаго скипидару 10% — 250 пуд. Крезотоваго масла 20% — 500 пуд. Всего 2375 пудовъ.

Изъ 5000 ведръ дегтярной воды получится: Древеснаго спирта 25 пуд. Уксусной кислоты 125 пуд.

Изъ 500 пуд. сѣры получится 350 пуд. чистой процѣженной сѣры, а эти послѣдніе дадутъ около 700 пуд. лаку.

Для переработки этихъ продуктовъ потребуется: соды и сѣрной кислоты по 10% всего количества смолы (5000 п.) и скипидару (2500 пуд.), что составляетъ 750 пуд. Дровъ потребуется около 200 куб. саж., а извести около 3000 пудовъ.

¹⁾ Оно получается только при приготовленіи смазочнаго масла.

РАСХОДЫ ЗАВОДА.

№	Количество.		Названіе предметов.	Цѣна за пуд. Общ. сумма.			
	пуд.	фунт.		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1.	750	»	Соды съ доставкою . . .	2	»	1500	»
2.	750	»	Сѣрной кислоты . . .	1	60	1200	»
3.	200	к. с.	Дровъ	2	75	550	»
4.	3000	»	Извести	»	15	450	»
5.	5000	—	Смолы безъ пошлыны . . .	»	35	1750	»
6.	2500	—	Скипидару	1	—	2500	»
7.	5000	ведр.	Детярной воды	»	15	750	»
8.	500	—	Сѣры	»	40	200	»
9.	—	—	Пошл. за 5000 п. смолы . . .	»	10	500	»
10.	—	—	— — 2500 п. зеле- наго скипидару	»	30	750	»
11.	—	—	— — 5000 п. под- смольной воды	»	1	50	»
12.	—	—	— — 500 п. сѣры	»	20	100	»
13.	5 рабоч.	—	— — Жалованья въ въ годъ по	180	»	900	»
14.	1	—	Технику въ годъ	»	»	1200	»
15.	—	—	Содержаніе заводской кон- торы и т. п.	»	»	300	»
16.	—	—	Проценты и погашеніе 2000 р.—стоимости за- вода	»	10%	200	»
17.	—	—	Проценты на оборотный капиталъ	»	10%	500	»
18.	—	—	Ремонтъ, страховка за- вода и непредвидѣнные расходы	»	»	1500	»
				Всего 14,900 р. *)			

*) Тутъ всё расходы значительно увеличены. Также пошлына за сырые продукты, проценты и погашеніе капитала какъ основнаго такъ и оборотнаго, полагается, будетъ взысканы. Оборотный капиталъ для такого завода будуть въ 5,000 р., такъ-какъ можно быть увѣреннымъ, что онъ обернется въ годъ 3 раза.

ПРИХОДЫ ЗАВОДА.

№	Количество.		Названіе предметовъ	Цѣна за пудъ.		Общая сумма.	
	пуд.	фун.		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1	850	—	Смазочнаго масла . . .	5	—	4250	—
2	1250	—	Колесной мази . . .	6	—	7500	—
3	375	—	Пековаго масла . . .	1	20	450	—
4	600	—	Скипидару смольнаго чи- стаго	1	75	1050	—
5	500	—	Слабой уксусной кислоты.	—	25	125	—
6	625	—	Креозотовой смолы . . .	—	20	125	—
7	200	—	Кокса	—	20	40	—
8	1625	—	Ламповаго масла . . .	2	—	3250	—
9	250	—	Желтаго скипидара . . .	1	25	312	50
10	500	—	Креозотоваго масла . . .	—	76	375	—
11	25	—	Древеснаго спирта . . .	4	—	100	—
12	125	—	Уксусной кислоты чистой, крьпкой	6	—	750	—
13	700	—	Лаку	4	—	2800	—
Итого						21397	50 *)

Положимъ, что всѣхъ расходовъ будетъ 15,000 руб. и что до-ходовъ также ровно 21,000 р., то чистой прибыли отъ тако-го завода получится въ годъ 6000 руб., что составляетъ на 5000 оборотнаго капитала и 2000 основнаго (стоимость завода, хо-тя эта сумма и не должна быть причислена сюда,—она въѣдъ пога-шается) около 86%.

Разсчетъ завода для полученія сырья: Такой заводъ, переработы-вая 100 куб. саж. смолья, можетъ дать слѣдующіе продукты:

1 куб. саж. даетъ: Тяжелой смолы около 4 бочекъ; легкой 2 боч-ки; скипидару 10 пуд., и дегтярной воды 100 ведеръ.

Кромѣ того, если матеріаломъ будетъ служить подсоченный лѣсъ, то заводъ дастъ еще нѣсколько пудовъ расплавленной и процѣжен-ной сѣры, которая переходитъ въ началѣ перегонки. Положимъ, что ея получится только 3 пуда изъ 1 куб. саж. Изъ 100 куб. саж. слѣдовательно получится: Тяжелой смолы 400 бочекъ по 8 пуд.— 3,200 п. Легкой 200 боч. по 8 п. — 1,600 п. Скипидару 1000 пуд. Дегтярной воды 10,000 вед. Расплавленной сѣры 300 пуд. **).

*) При нѣсколько большей затратѣ на устройство завода можно будетъ пере-работать немъ вдвое больше продуктовъ.

Тутъ выставлены цѣны продуктовъ на мѣстѣ производства, большая часть изъ нихъ и теперь тамъ такова, для другихъ же продуктовъ, которые у насъ не приготавливаются, взяты самыя низкія цѣны.

**) Для нѣкоторыхъ продуктовъ здѣсь при расчетѣ взяты минимумы выходовъ.

Расходы завода: Положимъ, что на первое время, для привлеченія крестьянъ къ артели, за одно только смолье имъ будетъ платиться по столько, по сколько они теперь выручаютъ за 1 куб. саж. смолья, перерабатывая его уже въ смолу. Самое большое, что они теперь выручаютъ, это 5 руб., но допустимъ, что имъ будетъ платиться теперь даже по 6 р. (По нормѣ изъ 1 куб. саж. полагается выкурить 5 бочекъ смолы, но крестьяне никогда столько не выкуриваютъ, а обыкновенно—бочки 4 или даже и меньше. За бочку-же смолокуры выручаютъ всего около 1 р.): 100 куб. саж. по 6 р.—600 р.; Пошлины по 5 р. 25 к.—525 р.; 3 постояннымъ рабочимъ жалованья по 180 р. въ годъ,—540 р.—Итого 1,665 руб.

Кромѣ того: 1 рабочій съ лошадыю для развозки продуктовъ получить содержанія 300 р. Проценты и погашеніе основного капитала 10%—100 р. Ремонтъ завода 100 р. Дровъ и др. расходы 150 р.—Всего 2,315 руб. *).

Приходы завода: Тяжелой смолы 400 бочекъ, 3,200 пуд. по 35 коп.—1120 р. Легкой 200 бочекъ, 1600 пуд. по 50 коп. — 800 р. Скипидару по 1 р. 30 к. (съ пошлиной) — 1,300 р. Дегтярной воды 10,000 ведеръ по 10 коп.—1000 р. Расплавленной и процеженной сѣры 300 пуд. по 60 к.—180 р.—Всего 4,400 р. **).

Вычтя изъ 4,400 р. приходовъ, 2315 руб. расходовъ, получимъ 2085 руб. чистаго годового дохода, что составитъ на 1 куб. саж. 20 р. 85 к. Съ прежними 6 рублями, крестьянинъ артельщикъ получить 26 р. 85 к. за 1 куб. саж., т. е. почти въ 4½ раза больше противъ того, что онъ теперь получаетъ, и при томъ за одинъ только матеріалъ, не выкуривая изъ него смолы. Вслѣдствіе этого у него будетъ больше свободнаго времени, которое онъ и употребитъ на то, чтобы заготовить какъ можно болѣе матеріала. Если артель будетъ состоять изъ 20 человекъ, то каждый доставитъ на заводъ по 5 куб. саж. смолы, за которые и получитъ 135 р., а это для него — весьма почтенная цифра, такъ-какъ онъ даже за все лѣто (6 мѣсяцевъ) получаетъ при наймѣ 20—25 рублей.

С. Шандро.

*) Топливомъ здѣсь будутъ служить уголья, они получаютъ на заводъ какъ побочный продуктъ, но не имѣютъ сбыта.

***) Цѣны тутъ выставлены очень невысокія, онѣ будутъ гораздо выше. При расчетѣ завода для переработки сырыхъ продуктовъ я, напр., выставилъ, что ведро дегтярной воды будетъ стоить 15, а не 10 коп., равнымъ образомъ процеженная сѣра продается по 1 р. 10 коп., а не по 60 к. за пудъ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ОПОЧЕЦКАГО УЪЗДА.

Природа псковской губерніи, какъ извѣстно, не щедра и не роскошна; опочецкій уѣздъ не составляетъ счастливаго исключенія въ губерніи. Въ немъ, какъ и вообще въ губерніи, преобладаютъ почвы глинистая и песчаная, черноземной-же нѣтъ и слѣда. Треть уѣзда занимаютъ лѣса, но далеко не дѣвственные; большая часть изъ нихъ даже не строевые. Главное дѣло, конечно, не въ природѣ—бѣдна она или богата,—какъ извѣстно, и среди роскошной природы, какова тропическая, люди часто терпятъ матеріальную нужду, а среди бѣдной—благоденствуютъ,—важно то, какъ распредѣлена земля и въ какихъ условіяхъ находится земледѣлецъ.

Въ опочецкомъ уѣздѣ всей земли, удобной и неудобной, 419,068 десят., изъ этого количества крестьянамъ принадлежитъ 204,148 десят., а остальная земля 214,920 десят., включая 1,688 $\frac{1}{2}$ десят. церковной и монастырской земли и 3,912 дес., принадлежащей вѣдомству государственныхъ имуществъ,—землевлдѣльческая.

Собственно-сельское населеніе уѣзда состоитъ изъ 73,228 ревизскихъ душъ обоого пола, какъ значитса по ревизіи; по памятной книжкѣ псковской губ. за 1868 годъ считается въ уѣздѣ сельскаго населенія 78,360 человекъ. Если изъ этого числа вычестъ лицъ, не принадлежащихъ собственно къ сельскому населенію, то число крестьянскаго населенія обоого пола будетъ 76,000. Мы примемъ ее за дѣйствительную, и будемъ имѣть въ виду при нашихъ выводахъ.

Если прослѣдить распредѣленіе земли между крестьянскимъ

населеніемъ и землевладѣльцами по ея родамъ, получится слѣдующій результатъ: изъ всего количества пахатной земли, находящейся въ уѣздѣ, именно изъ 111,658 десят., на долю крестьянъ приходится 90,023 десят.; изъ всего количества 40,204 десят. сѣнокосной земли, крестьянамъ принадлежитъ 23,346 десят.; лѣсовъ крестьянамъ принадлежитъ 45,242 десят. изъ всего количества 151,007 десят. Неудобной земли у крестьянъ 21,465 дес., остальная земля, хотя и удобна, но не обрабатывается. Значить на одну душу крестьянскаго сословія приходится: пахатной 1 дес. 442 кв. саж., сѣнокосной 737 кв. саж., лѣсу 1439 кв. саж., усадебной 103 кв. саж., удобной, но необрабатываемой 649 кв. саж. и неудобной 677 кв. саж.; а всего 2 дес. 1646 саж.

Спрашивается, сколько продуктовъ даетъ такое количество земли? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы возьмемъ семью въ шесть человѣкъ при двухъ рабочихъ силахъ, и высчитаемъ, сколько земли будетъ имѣть такая семья и сколько получится продуктовъ, полагая изобильный урожай.

Семья на шесть человѣкъ будетъ имѣть земли: пахатной 7 дес. 252 кв. саж., сѣнокосной 1 дес. 2,022 кв. саж., лѣсу 3 саж. 1,434 кв. саж., усадебной 618 кв. саж., всего 12 дес. 1,926 кв. саж.

Чтобы опредѣлить, сколько такая семья засѣетъ земли озимымъ и яровымъ хлѣбомъ и льномъ, надо принять во вниманіе то, что главный земледѣльческій продуктъ опочецкаго уѣзда есть ленъ,—кормилецъ здѣшняго уѣзда. Можно навѣрно предположить, что изъ 7 дес. 252 кв. саж. пахатной земли подъ озимый хлѣбъ идетъ 2 дес., подъ яровой $1\frac{1}{2}$ и подъ ленъ $1\frac{1}{2}$ дес. На двѣ десятины засѣвается ржи 2 четверти, ярового на $1\frac{1}{2}$ дес.—2 $\frac{1}{2}$ чет. и льняного сѣмени на $1\frac{1}{2}$ дес.—6 четвериковъ. Предположимъ, что годъ урожайный, такъ-что рожь родилась самъ 4, яровой хлѣбъ—самъ 3 и изъ одного четверика льняного сѣмени получилось 4 пуда чистаго льна и 3 четверика сѣмени. Слѣдовательно послѣ уборки окажется слѣдующее количество продуктовъ: ржи 8 четвер., ярового хлѣба $7\frac{1}{2}$ четвер., чистаго льна 24 пуда и льняного сѣмени 2 четверти и 2 четверика. За вычетомъ сѣмянъ остается: 6 четвертой ржи, 5 четвертой ярового хлѣба, $1\frac{1}{2}$ четверти льняного сѣмени и 24 пуда льна; ржаной

соломы съ двухъ десятинь получится 240 пудовъ (по 120 пуд. съ дес.), яровой соломы 150 пудовъ (по 100 пуд. съ дес.) и сѣна съ 1 дес. 2,022 кв. саж. 180 пудовъ (по 100 пуд. съ дес.—что очень много). Семья должна непременно имѣть 1 лошадь и трехъ коровъ, иначе будетъ мало навоза и производительность почвы уменьшится. Лошади необходимо 150 пудовъ сѣна въ годъ, полагая, что лошадь стоитъ на сухомъ корму 300 дней, и что она ежедневно сѣдаетъ 20 фун. Рогатый скотъ требуетъ сухого корма впродолженіи 7 мѣсяцевъ; полагая, что кормъ состоитъ на половину изъ сѣна и яровой соломы и на половину изъ ржаной соломы, и полагая, что коровѣ нужно 20 фун. корму въ день, мы найдемъ, что тремъ коровамъ необходимо около 165 пуд. сѣна и яровой соломы и 165 пуд. ржаной соломы. Значитъ все сѣно и вся яровая солома пойдетъ на кормъ, ржаной-же соломы останется пудовъ 70, которую придется употребить на подстилку скоту. И такъ взятая нами семья можетъ прокормить только четыре штуки скота, причемъ кормъ не будетъ отличаться ни достаточностью, ни особой доброкачественностью.

Въ дровахъ нами взятая семья не будетъ имѣть недостатка.

За вычетомъ корма потребнаго скотинѣ самая семья для своего продовольствія, одежды и уплаты податей располагаетъ слѣдующими продуктами: 6 четвертями ржи, 5 четвертями ярового хлѣба, 1 $\frac{1}{2}$ четвертями льняного сѣмени и 24 пудами льна. Переведемъ это на деньги: 6 четверт. ржи—по 8 р. чет.—стоятъ 48 руб.; 5 четвер. яр. хл.—по 3 р. 50 к. чет.—17 р. 50 к.; 1 $\frac{1}{2}$ чет. льняного сѣмени—по 12 руб. чет.—18 р.; 24 пуда льна—по 4 р. 50 к. за пудъ — 108 р.; всего 192 р. 50 к.

Другихъ источниковъ дохода, кромѣ земледѣлія, не можетъ быть, потому-что въ опочецкомъ уѣздѣ не существуетъ никакой промышленности, такъ-что крестьянинъ впродолженіе всей зимы не можетъ заработать почти ни копейки.

Прямыхъ платежей, среднимъ числомъ, на душу крестьянскаго сословія безъ различія пола приходится, 3 р. 50 к., что съ 6 человекъ составитъ 21 рубль. Вычтя 21 руб. изъ 192 р. 50 к., получимъ 171 р. 50 к., составляющіе средній доходъ крестьянской семьи въ 6 человекъ, причемъ на каждого человека придется 28 р. 58 $\frac{1}{3}$ коп. въ годъ, или немного менѣе 8 коп. въ

сутки, между-тѣмъ-какъ одинъ фунтъ хлѣба стоитъ около 2 1/2 коп., фунтъ мяса 7 коп., и тутъ, въ этихъ 8 копейкахъ, тебѣ, и хлѣбъ, и одежда и всѣ удобства жизни! Семья, годовой доходъ которой равняется 171 р. 50 к., можетъ служить во всѣхъ отношеніяхъ среднюю нормою благосостоянія здѣшняго крестьянства при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ. Въ дѣйствительности, разумѣется, нѣтъ того однообразія въ матеріальномъ положеніи, какое выходитъ въ теоріи, но тѣмъ не менѣе теоретическій выводъ вѣренъ, и вѣренъ настолько, что если среднюю нормою благосостоянія крестьянина служить 171 р. 50 годового содержанія, то семейству, имѣвшему возможность израсходовать въ годъ 251 р. 25 к., должна въ дѣйствительности соответствовать семья, получившая доходу меньше противъ средняго на 79 р. 50 к. или всего 92 р. 25 к.

Желанія здѣшняго крестьянина не простираются дальше средней нормы, такъ-какъ крестьянинъ очень хорошо понимаетъ, что, при данныхъ обстоятельствахъ, высшій доходъ почти невозможенъ, бываетъ какъ очень рѣдкое исключеніе, за-то низшій — очень частое. При средней нормѣ дохода крестьянину обеспечивается только одинъ кусокъ хлѣба въ буквальный смыслъ этого слова, слѣдовательно желанія здѣшняго крестьянина весьма ограничены: они не простираются дальше куска хлѣба. „Эхъ, славное-бы житье намъ было“ — слышится со всѣхъ сторонъ — „если-бы хлѣбушко-то у насъ завсегда былъ“. Дѣйствительно, недостатокъ въ хлѣбѣ обыкновенное явленіе въ жизни здѣшняго крестьянина; нерѣдко можно видѣть, что крестьянинъ сидитъ буквально голодомъ день, два и три.

Выведенной нами средней нормы положенія крестьянской семьи въ опочецкомъ уѣздѣ семья можетъ достигнуть только при стеченіи благоприятныхъ условій, что, конечно, случается не часто, въ рѣдкій годъ. Въ прочіе года средняя норма дохода далеко ниже выведенной нами, а такъ-какъ годовъ неблагоприятныхъ здѣсь несравненно больше, чѣмъ благоприятныхъ, то среднее положеніе опочецкаго крестьянства далеко не обеспечиваетъ даже простого куска хлѣба. Возьмемъ официальные свѣденія объ урожаѣ 1870 г.; по нимъ мы можемъ вѣрно опредѣлить чистый доходъ, полученный крестьянами въ 1870 году.

Принималъ во вниманіе, что крестьяне всегда стремятся раздѣ-

лить пахатную землю на три равныя поля, такъ-какъ такое дѣленіе ежегодно обезпечиваетъ крестьянину одно и то-же количество продуктовъ,—можно навѣрно предположить, что изъ всей пахатной земли, 90,023 дес., засѣвается рожью 30,000 дес., яровымъ хлѣбомъ 15,000 и льномъ тоже около 15,000 дес. Если положить, что на одну десятину высѣвается $7\frac{1}{2}$ четвериковъ, то на 30,000 дес. высѣяно 28,125 четвертей; въ 1870 году урожай на рожь былъ самъ 2, что можно видѣть изъ отчета опочецкой земской управы и что подтверждаютъ сами крестьяне. Считаю не лишнимъ оговориться, что у землевладельцевъ урожай былъ далеко не такъ скуденъ, потому-что ихъ земля въ сравненіи съ крестьянской лучше достоинствомъ: иную, вѣдь, лѣтъ 300 удобряли тѣ-же крестьяне. Возвратимся къ урожаю 1870 года. Въ этотъ годъ на крестьянской землѣ собрано ржи 56,250 четвертей; за вычетомъ на посѣвъ останется на продовольствіе 28,125 четвертей, что составитъ по 3 четверика на человѣка. Ярового хлѣба на 15,000 дес. было высѣяно 22,000 четвертей, полагая по $1\frac{1}{2}$ четверти на десятину; урожай на яровые хлѣба былъ самъ три, слѣдовательно получилось 66,000 четвертей; за вычетомъ на посѣвъ, на продовольствіе останется 44,000 четверти, что составитъ по 4 четверика и 5 гарнцевъ на человѣка. Льняного сѣмени было засѣяно 7,500 четвертей (по 4 четверика на десят.), урожай сѣмени былъ самъ 2, а чистаго льна изъ четверика получилось 2 пуда. Что дѣйствительно прошлаго года урожай льна былъ плохъ, въ доказательство можно привести слѣдующее мѣсто изъ отчета земской управы за 1870 годъ; говоря о томъ, что урожай на яровые хлѣба былъ не завиденъ, а на рожь и совсѣмъ плохъ, такъ-что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не сняли и сѣмянъ, управа продолжаетъ: „Положеніе печальное, особенно если принять въ соображеніе, что ленъ, этотъ кормилецъ нашъ, уродился плохо“. Изъ приведеннаго расчисленія урожая видно, что чистаго льна получилось 110,000 пудовъ, а льняного сѣмени 15,000 четвертей; за вычетомъ на посѣвъ, останется 7,500 четвертей.—Крестьяне располагаютъ 23,346 дес. сѣнокосной земли; въ 1870 году съ одной десятины, по среднему расчету, снято 50 пудовъ сѣна (здѣсь кстати замѣчу, что въ опочецкомъ уѣздѣ сѣнокосы незавидны), слѣдовательно, всего сѣна было снято 1,167,300 пудовъ.

Если даже предположить, что штукъ скота необходимо 150 пуд. сѣна въ годъ, что очень мало, — то 1,167,300 пудами можно прокормиться только 7,782 штуки. Здѣсь также встаетъ вычислить, сколько скота могло прокормиться ржаной и яровой соломой. Полагая, что съ десятины получилось яровой соломой 90 пудовъ, съ 15,000 десят. получилось 1,350,000 пудовъ. Если штукъ скота необходимо въ годъ 150 пудовъ, то всей соломой можно хватить только на 9,000 штукъ. Ржаной соломой получилось съ $\frac{1}{2}$ десятины не болѣе 90 пудовъ (какъ мы сказали, урожаи на рожь былъ очень плохъ); съ 30,000 десят. составить 2,700,000 пуд. Положимъ, что 1,350,000 пуд. пошло на подстилку и 1,350,000 пудовъ на кормъ, въ такомъ случаѣ соломой могло прокормиться еще 9,000 штукъ. Слѣдовательно, крестьяне опочецкаго уѣзда едва могутъ прокормить имѣемя у нихъ 20,212 штукъ скота; значить, одна штука скота придется почти на $4\frac{1}{2}$ десятины пахатной земли. При такомъ ничтожномъ количествѣ скота, конечно, нечего и думать о лучшемъ удобреніи полей. Десятина лѣсу приноситъ доходу среднимъ числомъ копеекъ 50 (у здѣшнихъ крестьянъ совсѣмъ нѣтъ строеваго лѣсу), что съ 45,242 дес. составитъ 22,621 рубль.

Переведемъ на деньги количество полученныхъ продуктовъ.

Четвертей.		Рублей.
28,125 ржи . . .	по 8 р. — к. четв. стоятъ	225,000
44,000 яров. хлѣб. „	3 „ 50 „ „ „	140,000
Пудовъ.		
110,000 льна . . . „	4 „ 50 „ пудъ „	495,000
7,500 льн. сѣмен. „	12 „ — „ „ „	90,000
1,167,300 сѣна . . . „	— „ 20 „ „ „	233,460
2,700,000 рж. сол. . „	— „ 5 „ „ „	135,000
1,350,000 яр. сол. . „	— „ 10 „ „ „	135,000
Доходъ съ 45,242 десятинъ лѣсу . . .	„	22,621
Итого . . .		1,476,081

Раздѣляя 1,476,081 $\frac{1}{2}$ руб. на число душъ крестьянскаго населенія, т. е. на 76,000, найдемъ, что на одну душу придется 19 р. 41 к.

Если же мы изъ валового дохода вычтемъ стоимость сѣна и соломы, израсходованныхъ на кормъ скоту, то на удовлетвореніе

годовыхъ потребностей жителя опочецкаго уѣзда остается всего 12 руб. 79 коп.

Теперь мы опредѣлимъ сумму налоговъ, лежащихъ на крестьянскомъ сословіи опочецкаго уѣзда.

Сельское населеніе уѣзда состоитъ изъ государственныхъ крестьянъ и бывшихъ крѣпостныхъ. У первыхъ въ надѣлѣ находится 82,825 дес. земли, а у вторыхъ—79,295 дес. 1431 саж. Въ общественномъ владѣніи выкупленной земли находится 23,476 дес., за которую причитается въ годъ 30,050 р. 14 коп., выкупныхъ платежей. Невыкупленной-же земли, находящейся въ пользованіи временно-обязанныхъ крестьянъ, 55,819 дес., что составитъ около 11,164 полныхъ надѣла; за пользованіе этою землею причитается оброку около 89,312 р. по 8 руб. съ надѣла. Податей-же берется: съ государственныхъ крестьянъ 24,029 р. 46 к., съ бывшихъ крѣпостныхъ 23,286 р. Оброчная подать съ государственныхъ крестьянъ равна 47,272 р. 32 к. а общественный сборъ съ тѣхъ-же крестьянъ 4,772 руб. 7 коп. Земскій сборъ съ крестьянскихъ земель равенъ 17,466 р. 15 к. Обязательныхъ страховыхъ платежей причитается 7,320 р. 57 к. При 16 волостныхъ правленіяхъ находится 30 лошадей, содержаніе которыхъ обходится въ 7,824 р. Для исполненія порученій полицейскаго управленія и становыхъ приставовъ состоитъ 36 сотскихъ и 2 конныхъ разсыльныхъ. На наемъ сотскихъ и разсыльныхъ крестьяне платятъ по 12 коп. съ души,—что составитъ около 4,128 рублей 72 коп. Уѣздъ состоитъ изъ 16 волостей, полагая на содержаніе волостного правленія по меньшей мѣрѣ 500 руб. въ годъ, составитъ 8,000 руб. Подведя итогъ всѣмъ прямымъ платежамъ, найдемъ, что сумма ихъ доходитъ до 263,411 р. 37 коп. Въ число платежей нами не включена натуральная повинность, содержаніе духовенства, 12 сельскихъ школъ и т. п.

Валовый доходъ крестьянъ, какъ мы видѣли, равенъ 1,476,081 руб., слѣдовательно прямые обязательные платежи составятъ 19% валового дохода. На одну душу приходится платежей 3 р. 49 к. Итакъ изъ 19 р. 41 к., приходящихся одному человѣку, изъ валового дохода, приходится отдать въ видѣ платежей 3 р. 49 к., слѣдовательно останется 15 р. 92 к. Эти 15 р. 92 к. должны составить годовое содержаніе скота и человѣка; содержаніе-же скота

какъ мы видѣли, обходится человѣку въ 6 р. 62 к., слѣдовательно на годовое содержаніе человѣка остается всего 9 р. 30 к. Надо замѣтить при этомъ, что государственные крестьяне получаютъ нѣсколько больше этой цифры, а бывшіе крѣпостные нѣсколько меньше: послѣдніе платятъ больше налоговъ, чѣмъ первые.

Я боюсь, что цифра годоваго содержанія одного человѣка (9 р. 30 к.) по своей ничтожности возбудитъ сомнѣніе въ читателѣ; но если-бы читатель заглянулъ теперь въ опочецкій уѣздъ и посмотрѣлъ на житье-бытье здѣшняго крестьянина, онъ собственными глазами увидѣлъ-бы на дорогахъ десятки нищихъ и услышалъ-бы разсказъ многихъ изъ нихъ, что вотъ уже прошло два и даже три дня, что у нихъ не было во рту корки хлѣба.

До сихъ поръ я говорилъ о положеніи крестьянъ вообще всего опочецкаго уѣзда; теперь-же я познакомлю читателя съ экономическимъ положеніемъ отдѣльныхъ мѣстностей, и надѣюсь, что читатель не найдетъ никакого противорѣчія между общими и частными выводами. Познакомить-же съ нѣкоторыми отдѣльными мѣстностями я могу потому, что имѣю подъ руками необходимыя для того вѣрныя свѣденія. Дѣло въ томъ, что земская управа, имѣя въ виду раздачу хлѣба крестьянамъ въ суду, потребовала отъ волостныхъ правленій вѣдомости о крестьянахъ, неимѣющихъ средствъ прокормить свое семейство, не разоряя хозяйства. Вѣдомости составлялись на волостномъ сходѣ и каждый крестьянинъ объявлялъ о своемъ состояніи при всѣхъ своихъ сосѣдяхъ, слѣдовательно, скрыть его было не легко; кромѣ того степень состоятельности каждаго крестьянина была провѣрена мѣстными земскими гласными.

Возьмемъ, напр., печанскую волость, какъ болѣе другихъ волостей пострадавшую отъ неурожая. Я имѣю свѣденія о 595 дворахъ этой волости.—На каждый дворъ приходится 6 $\frac{1}{2}$ ѣдковъ. На 2 надѣла приходится одна лошадь; всего-же скота по одной штукѣ на 1 $\frac{1}{3}$ надѣла. Льна снято на каждый дворъ среднимъ числомъ 4 пуда 35 фунтовъ. Рожь плохо родилась, во многихъ мѣстахъ даже не собрали сѣмянъ.

Перейдемъ въ полянскую волость. Въ каждомъ домѣ, изъ 543, среднимъ числомъ 6 $\frac{1}{3}$ ѣдока. Снято льна 16 пудовъ на домъ, хлѣба, за вычетомъ сѣмянъ, 2 четверти 2 четверика, ржи 3 четверти и 2 четверика ярового. Лошадь приходится на

$1\frac{2}{3}$ надѣла, штука рогатаго скота на $\frac{3}{4}$ надѣла, слѣдовательно одна штука скота на $1\frac{1}{3}$ надѣла. На 15 домохозяевъ приходится одинъ безъ лошади.

Въ матюшкинской волости мы имѣемъ свѣденія о 463 дворахъ. На одинъ домъ приходится 6 ѣдковъ. Лошадь приходится на $2\frac{1}{2}$ надѣла, штука рогатаго скота на $1\frac{1}{4}$ надѣла, слѣдовательно штука скота на $1\frac{7}{8}$ надѣла. Снято льна по $6\frac{2}{3}$ пуда на домъ. Рожь родилась самъ 2, а яровой хлѣбъ самъ три.

Въ синеникольской волости на каждый домъ приходится 6 ѣдковъ, лошадь приходится на 2 надѣла, штука рогатаго скота на одинъ надѣлъ, слѣдовательно одна штука скота на $1\frac{1}{2}$ надѣла. Снято льна по $16\frac{1}{2}$ пудовъ на домъ. Рожь родилась самъ 2, а яровой хлѣбъ самъ 3.

Таковы неутѣшительныя цифры, показывающія, въ какомъ печальномъ положеніи находится опочецкій крестьянинъ. Не говорить-ли намъ ясно эти цифры, что если не измѣнятся неблагопріятныя условія, опочецкому крестьянину грозитъ совершенная безвыходная нищета.

Но если между нашими читателями находятся люди, которыхъ не убѣдятъ цифры, для нихъ я представлю слѣдующую картину, составляющую не плодъ моей фантазіи, а взятую мной съ дѣйствительности:

Изба, въ $1\frac{1}{2}$ сажени шириною и длиною, срублена изъ тонкаго лѣса; вышина избы до крыши не больше сажени; крыша соломенная, а нѣкоторыя избы и совсѣмъ безъ крышь, потому что крыши ушли въ желудки коровъ. Къ задней стѣнѣ избы пристроенъ хлѣвъ, состоящій изъ трехъ заборовъ, покрытыхъ сверху соломой. Въ избѣ два окна: одно окно, $\frac{1}{2}$ аршина длины и ширины, со стеклами, а другое окно, или лучше сказать, дыра задвигается доскою или затыкается зипуномъ. Полъ неровный и покрытъ толстымъ слоемъ грязи; по полу шныряютъ, хрюкая, поросята. Въ сильныя морозы въ избу переселяются всѣ слабыя животныя—и телята, и овцы. Въ углу намощены доски, замѣняющія кровать; на нихъ лежитъ груда тряпья. Печь черная; стѣны и потолокъ покрыты сажемъ.—На столѣ лежитъ, такъ-называемый, пушной хлѣбъ. А знаете-ли вы, что такое пушной хлѣбъ? Это смѣсь муки съ большимъ количествомъ мякины. Такой хлѣбъ очень обыкновененъ въ опочецкомъ уѣздѣ,

да и не въ одномъ опочецкомъ, а во всей псковской губерніи; вѣдь потому-то русскій народъ и окрестилъ своихъ братьевъ псковичей мякинниками: одно это слово говоритъ все. Большая часть крестьянъ ѣстъ мясо не больше 10 разъ въ теченіе года. Вскипяченная вода съ сѣрою капустою и горстью ржаной муки—такое обыкновенное кушанье опочецкаго крестьянина; въ скоромные дни въ такіа щи вливается полукислое молоко: не роскошное блюдо! Одежда опочецкаго крестьянина очень проста: нагольный тулупъ и армякъ, а на ногахъ лапти; сапоги составляютъ большую рѣдкость.

Что, дѣйствительно горе опочецкаго крестьянина велико, можно видѣть также и изъ того, что оно затронуло за душу даже купцовъ.

— Что, братъ, мнѣ посовѣтуешь дѣлать съ крестьянами? спрашиваетъ одинъ купецъ у другого:—просто отбою нѣтъ, цѣлыми толпами приходятъ, въ ногахъ валяются, просятъ въ займы денегъ въ счетъ будущаго льна. Они по цѣлымъ днямъ сидятъ голодомъ. А дать нельзя, и безъ того на нихъ много долга, надѣяться же на ихъ землю плохо: ничего она у нихъ не стоитъ. Просто бѣда.

— Надо земству сказать, чтобы оно выдало имъ больше хлѣба, сказалъ въ отвѣтъ другой купецъ. Разговоръ тѣмъ и кончился.

Въ мартѣ мѣсяцѣ управа просила у одного священника объясненія относительно положенія извѣстныхъ ему крестьянъ. Священникъ сообщил управѣ, что хлѣба у крестьянъ совсѣмъ нѣтъ и что надо ожидать буквально голодной смерти, „отъ чего (прибавилъ священникъ тутъ-же) *оборони Богъ!*“

Читатель можетъ возразить мнѣ, что представленное мною положеніе опочецкаго уѣзда во вторую половину 1870 года и первую 1871 года составляетъ положеніе исключительное, потому-что въ 1870 году былъ неурожай какъ на озимый хлѣбъ, такъ и на ленъ, а неурожай, какъ извѣстно, дѣло случайное. Вотъ въ томъ-то и дѣло, что въ опочецкомъ уѣздѣ не случайное: спросите любого крестьянина, каковъ у него былъ урожай за послѣдніе 10 лѣтъ, и онъ начнетъ перечислять вамъ, что вотъ въ такомъ-то и въ такомъ-то году былъ неурожай на розъ, а вотъ въ такомъ-то и такомъ-то на ленъ и т. д., и въ концѣ концовъ вы

убѣдитесь, что случайности постигаютъ крестьянина почти ежегодно.

Да иначе и быть не можетъ: развѣ возможно сколько-нибудь успѣшное хозяйство тамъ, гдѣ, какъ въ опочецкомъ уѣздѣ, на крестьянской сравнительно бѣдной и тощей землѣ лежитъ такъ много платежей, которые, при частыхъ неурожаяхъ, совсѣмъ не подѣ силу крестьянину, и онъ, испытавъ всѣ средства для улучшенія почвы, какія находятся въ его распоряженіи, часто совсѣмъ бросаетъ и самую землю. Вотъ подлинныя слова официального документа (отчетъ земской управы за 70 годъ), подтверждающія приводимый мною фактъ бросанія земли: *„такъ-какъ у насъ годъ отъ году все болѣе и болѣе пустуетъ земель и неурожаи будутъ угрожать годъ отъ году все болѣе и болѣе и притомъ становится все ибелнѣе и ибелнѣе, то намъ слѣдуетъ предпринять рядъ постоянныхъ мѣръ“* и т. д. Въ другомъ мѣстѣ того-же отчета мы находимъ слѣдующее мѣсто: *„Безспорно, что климатическія вліянія имѣютъ огромное вліяніе на степень урожая, но едва-ли не менѣе сильно вліяетъ при этомъ способъ веденія хозяйства, который стоитъ въ зависимости отъ многихъ причинъ,—и отъ условій быта, и отъ степени знакомства съ наукою сельскаго хозяйства, но болѣе всего зависитъ отъ средствъ, которыми располагаетъ хозяинъ. Земля пустуетъ, много испустовано ея; посѣвы льна увеличиваются вопреки всякому хозяйственному разсчету. Причина всего этого денежная несостоятельность крестьянъ. Вслѣдствіе безвыходнаго положенія душевные надѣлы сдаются подѣ лень совсѣмъ задешево и крестьяне ведутъ на рынокъ иногда послѣднюю корову.“* Послѣ такихъ словъ официального документа, читаннаго при представителяхъ всего уѣзда и подтвержденнаго ими, намъ ничего не остается болѣе говорить. Отчаяніе — вотъ что испытываютъ здѣсь всѣ здравомыслящіе и преданные народному дѣлу люди.

Кромѣ непосильныхъ платежей, причиною народной бѣдности служитъ недостаточность земли. Если читатель не позабылъ, что на каждую душу приходится 1 дес. 442 кв. саж. пахатной земли и если онъ приметъ во-вниманіе трехпольную систему, то недостаточность пахатной земли будетъ видна не только зрячему, но и слѣпому. Положимъ, что 649 кв. саж. удобной, но необработываемой земли, которая приходится на душу, будутъ обрабо-

тываемы, тогда, значить, пахатной земли получится 1 дес. 1091 саж., т. е. менѣе $1\frac{1}{2}$ дес. Положимъ, что $\frac{1}{2}$ дес. пойдетъ подъ посѣвъ ярового хлѣба и льна, немного менѣе поддесятины подъ посѣвъ ржи, и остальная подъ паръ. Предположимъ хорошій урожай, какой въ 10 лѣтъ бываетъ не больше одного раза: положимъ, что рожь родится самъ 5, яровой хлѣбъ самъ 4 и изъ четверика льняного сѣмени получится 65 пудовъ льна. Ржи засѣется немного менѣе 4 четвериковъ, ярового хлѣба три четверика и льняного сѣмени одинъ четверикъ. Льна сымется 5 пуд. и льняного сѣмени, за вычетомъ на посѣвъ, 3 четверика. За вычетомъ на посѣвъ ржи и ярового хлѣба получится: 2 четверти ржи и 9 четвериковъ ярового хлѣба. Переведемъ это на деньги: 5 пуд. льна по 4 р. 50 к. пудъ—22 р. 50 к.; 3 четв. льняного сѣмени по 1 р. 50 к. четв.—4 р. 50 к.; 2 четв. ржи по 8 р. четв.—16 р.; 9 четв. ярового по 45 к. четв.—4 р. 5 к.; соломы—5 р., всего—52 р. 5 к.

Но вѣдь мы предполагали баснословный урожай, который тогда только и можетъ быть въ дѣйствительности, когда крестьянинъ будетъ несравненно менѣе отягченъ разными сборами. Но пока этого не случится, до тѣхъ поръ доходъ крестьянина въ 52 р. 5 к. будетъ утопией. Значить незавидно положеніе человѣка, если для него считается утопией полученіе съ пахатной земли продуктовъ на сумму 52 р. 5 к. Достаточно-ли, спрашивается, пахатной земли, когда при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, даже можно сказать, почти невозможныхъ, нельзя получить продуктовъ больше, чѣмъ на 52 р. 5 к.?—Сѣнокосной земли на душу приходится 737 кв. саж., что составитъ меньше трети десятины. Положимъ, что 463 дес. лѣсу могутъ быть обращены въ сѣнокосную землю; тогда значить лѣсу останется 976 кв. саж. (всего было 1439 кв. саж.), а сѣнокосной земли будетъ поддесятины. Съ поддесятины-же можно снять не больше 50 пуд. сѣна. Располагая только 50 пуд. сѣна, 25 пуд. яровой соломы (съ 1 дес. 100 пуд., съ $\frac{1}{4}$ дес.—25) и 30 пуд. ржаной соломы (съ 1 дес. 60 пуд., 30 пуд., на поддесятинѣ), можно содержать никакъ не болѣе штуки скота. Однимъ-же сѣномъ, не включая сюда соломы, можно прокормить не болѣе $\frac{1}{2}$ штуки скота. Не доказываетъ-ли это, что сѣнокосной земли также мало?—Лѣсу придется 976 дес., что составитъ далеко меньше поддесятины. Имѣя столько лѣсу,

можно не имѣть нужды въ дровахъ, но о строевомъ лѣсѣ нечего и думать. Какъ видите, и лѣсу не лишка. Имѣя столько лѣсу, не будешь гнать деготь. Значить, если кто вздумаетъ завести въ опочецкомъ уѣздѣ сыроварни или дегтярныя заводы на артельныхъ началахъ, тотъ не долженъ разсчитывать на крестьянскія земли.—И такъ у того, кто роется въ землѣ, теперь мало земли.

Недостаточность земли и часто такое размежеваніе, что земля землевладѣльцевъ подходитъ къ самымъ деревнямъ, заставляють крестьянъ брать въ аренду землю у землевладѣльцевъ. Крестьяне такъ нуждаются въ землѣ,—особенно въ сѣнокосной,—что готовы на всякія стѣснительныя условія для себя. Крестьянинъ платитъ за пользованіе землею деньгами и кромѣ того, въ видѣ *гостинца*—долженъ являться на работу къ землевладѣльцу, когда послѣдній прикажетъ. Бѣдность и отсутствіе дешеваго кредита заставляютъ крестьянина прибѣгать къ кредиту у землевладѣльца; читателю, я думаю, хорошо извѣстно достоинство такого кредита. За четверикъ ржи, взятый займа у землевладѣльца, крестьянинъ долженъ работать дня два или три въ видѣ *гостинца*. Кромѣ того—если дожилъ крестьянинъ до того, что приходится съ голоду умирать, онъ идетъ къ землевладѣльцу *закабалить* себя хотя-бы за кусокъ хлѣба, потому-что голодная смерть не разсчитывается и конкуренціи не вѣдаетъ.

Что же касается до эксплуатаціи крестьянъ купцами, то можно одно сказать, что эта эксплуатація опутала весь уѣздъ и сосетъ немилосердно крестьянскіе соки. Крестьяне, побуждаемые съ одной стороны—извнѣ—начальствомъ, а съ другой—изнутри—голодомъ, идутъ къ купцу и просятъ въ займы или денегъ, или товару. Купецъ, разумѣется, радъ случаю: онъ даетъ крестьянину изъ своей лавки все, въ чемъ нуждается крестьянинъ, съ условіемъ, чтобы крестьянинъ представилъ ему осенью весь ленъ. Наступаетъ осень; крестьянинъ везетъ ленъ къ купцу. Купецъ привезенный ленъ взвѣшиваетъ (разумѣется, не съ математическою точностію, потому-что нѣтъ въ дѣйствительности математическихъ вѣсовъ) и ведетъ крестьянина въ лавку, гдѣ читаетъ ему счетъ забраннаго товара. Крестьянинъ, разумѣется, не можетъ провѣрить счетъ, а купецъ, разумѣется, не плошаеть, и въ концѣ концовъ выходитъ,—крестьянинъ не въ барышѣ. Подведя итогъ счету, купецъ объявляетъ о цѣнѣ льна. Крестьянинъ

почесываетъ въ затылкѣ, переминается съ ноги на ногу, но ничего не говоритъ, хотя отлично знаетъ, что по вольному торгу берковецъ стоитъ 50 рублей, а не 40, какъ назначилъ купецъ. И если мы такимъ образомъ высчитаемъ тотъ процентъ, который налагаетъ купецъ на товаръ, забираемый крестьяниномъ, если мы примемъ во вниманіе пониженіе цѣны съ 50 рублей на 40, да прибавимъ еще обвѣсъ и насчитываніе того, чего крестьянинъ вовсе не бралъ, то окажется, что крестьянинъ потерялъ около 40% стоимости льна, если не больше. Немудрено, что крестьяне годъ отъ году бѣднѣютъ все больше и больше и наконецъ становятся совѣтъми нищими. Кулаки сидятъ, какъ пауки, во всѣхъ концахъ уѣзда и употребляютъ всѣ усилія, чтобы крестьяне были въ ихъ рукахъ. Часто какой-нибудь купецъ, узнавъ, что за такой-то волостью много казенныхъ недоимокъ, является на волостной сходъ и платитъ почти за всю волость: понятно, что такая волость дѣлается собственностью кулака. Въ опочецкомъ уѣздѣ до того распространенъ подобнаго рода кредитъ, что цѣлыя волости буквально находятся въ долгу у кулаковъ. Вотъ, на примѣръ, что пишетъ волостной сходъ воронежской волости, самой богатой изъ всѣхъ волостей опочецкаго уѣзда, на запросъ управы, въ какой степени крестьяне нуждаются, и какое число крестьянъ не можетъ прокормить себя, не разоряя хозяйства: „Урожай хлѣбовъ съ 1862 года по нынѣшній очень худъ, такъ-что нѣкоторые изъ насъ, домохозяевъ, *положительно* не имѣютъ средствъ къ пропитанію своихъ семействъ. Имущества, какія есть у крестьянъ, находятся подъ *залогами* по займу хлѣба и другихъ необходимыхъ по хозяйству надобностей“. Кстати приведу и остальную часть рапорта: „Наличнаго хлѣба, хранящагося въ магазинахъ, изъ которыхъ можно было-бы произвести выдачу на продовольствіе, очень мало, такъ-что, если просить разрѣшеніе на выдачу такового хлѣба по малому количеству, не останется, въ случаѣ неурожая, на обсѣвъ полей осенью въ этомъ году, а въ нѣкоторыхъ магазинахъ сельскихъ обществъ и вовсе не имѣется хлѣба. Подати за сей 1871 годъ *взыскиваются неотложно*, тогда-какъ таковыхъ съ нѣкоторыхъ крестьянъ, по неимѣнію средствъ къ пропитанію, *взыскать невозможно*“.

Принимаются-ли, спросите вы, какія-нибудь мѣры для того,

чтобы облегчить положеніе здѣшняго крестьянина? и если принимаются, то какія?

Мѣры принимаются здѣшнимъ земствомъ.

Во-первыхъ, оно въ продолженіи цѣлаго года продаетъ хлѣбъ по дешевой цѣнѣ и тѣмъ самымъ не даетъ возвышаться цѣнѣ на хлѣбъ.

Во-вторыхъ, земство ссужаетъ крестьянъ хлѣбомъ.

Въ-третьихъ, земство начало борьбу съ кулаками посредствомъ учрежденія ссудныхъ товариществъ, ассигновавъ для этого дѣла 3,000 рублей. Одно товарищество уже составилось и ждетъ утвержденія.

Здѣшнее земство, впрочемъ, отлично сознаетъ, что подобными мѣрами невозможно уничтожить коренныхъ причинъ народной нищеты; принять-же болѣе раціональныхъ мѣръ оно не можетъ, опочецкому земству пришлось по крайней-мѣрѣ на первыхъ-же порахъ испытать неудачу.

Дѣло въ томъ, что опочецкое земство, по инициативѣ председателя управы г. Эссена, желая дѣйствовать на одну изъ коренныхъ причинъ народной нищеты — огромные платежи, — въ 1869 году постановило уменьшить земскій сборъ съ крестьянскихъ надѣловъ, находящихся на оброкѣ. Но это постановленіе не было утверждено, и такимъ образомъ этому дѣлу не суждено было осуществиться. Чтобы показать читателю, какими доводами руководствовалось земство при такого рода постановленіи, я приведу подлинныя слова изъ доклада управы, читаннаго въ земскомъ собраніи въ 1870 году. Вотъ эти слова:

„Собраніе наше въ прошлогоднюю очередную сессию въ октябрѣ мѣсяцѣ, принявъ за основаніе раскладки обложеніе имущества по нормальному чистому доходу, исчислило, согласно проекту управы, съ земель, состоящихъ въ пользованіи крестьянъ по надѣлу, этотъ нормальный доходъ въ уменьшенномъ размѣрѣ противъ дохода, опредѣленнаго съ земель, составляющихъ собственность разныхъ лицъ и обществъ, а также казны, доходность надѣловъ была уменьшена на сумму платимыхъ за нихъ оброчковъ. Псковскій губернаторъ, сообщая губернскому собранію, на основаніи ст. 94 полож. о земск. учрежд., свой отзывъ на уѣздныя смѣты и раскладки, одобрилъ стремленіе опочецкаго земства къ тому, чтобы достигнуть возможной уравнительности

въ распредѣленіи налоговъ, тѣмъ не менѣе выразилъ, что раскладку сборовъ на 1870 годъ на основаніяхъ предположенныхъ опочецкимъ уѣзднымъ собраніемъ, онъ находитъ несогласною со ст. 10, 11 и 12 времен. прав. о земск. учрежд. по дѣламъ о земск. повин.“ Губернаторъ пояснялъ при этомъ, что при распредѣленіи окладовъ земскаго сбора должны быть принимаемы къ зачету только натуральныя повинности. Большинство членовъ комиссіи, разсматривавшей по порученію губернскаго собранія эти замѣчанія губернатора, пришло къ заключенію, что основаніемъ системы, принятой опочецкимъ уѣзднымъ собраніемъ для раскладки земскаго сбора на 1870 годъ, служитъ цѣнность и доходность облагаемыхъ имуществъ и сборъ, назначенный съ земель, находящихся въ постоянномъ пользованіи крестьянъ, падаетъ на сихъ послѣднихъ, а потому общепринятая уѣзднымъ земскимъ собраніемъ система не противорѣчитъ требованіямъ 10, 11 и 12 ст. времен. правилъ. Далѣе комиссія выражала, что по ст. 11 времен. правилъ установленіе подробностей раскладки предоставляется усмотрѣнію земскихъ учреждений. Переходя за тѣмъ къ разбору мнѣнія губернатора, что въ случаѣ допущенія, предположеннаго опочецкимъ собраніемъ, раздѣленія земель, признаніе въ извѣстныхъ мѣстностяхъ оброка поглощающимъ весь доходъ съ земли равнялось-бы совершенному изытію отъ земскихъ платежей земель, обложенныхъ оброкомъ, — большинство комиссіи находило, что все то, что прямо поглощаетъ доходъ съ земель, не можетъ быть не принято въ расчетъ при обложеніи земель не по пространству, а по приносимому ими доходу. По этимъ соображеніямъ, комиссія положила: оставить раскладку, принятую опочецкимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ, въ своей силѣ. — Тѣмъ не менѣе губернскаго собраніе по большинству голосовъ выразило свое согласіе съ отзывомъ губернатора.

И такъ, опочецкому земству не удалось ослабить одну изъ главныхъ причинъ нищеты крестьянъ. Между тѣмъ язва, называемая народною нищетою, до того сильна, что только радикальныя мѣры въ состояніи излечить ее.

Будрявцевъ

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОДАТНАЯ РЕФОРМА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНСТИНКТЫ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Инстинкты общества и ученія теоретиковъ.—Почему инстинкты общества оказались несравненно болѣе глубокими?—Какъ вліяли на нихъ теоретики земскихъ собраній, какъ они сдѣлали ихъ болѣе поверхностными и почему рѣшенія земскихъ собраній не выразили собою общественнаго чувства.

Кажется, что мудренаго отличить дурное отъ хорошаго. Никто не предпочтетъ тухлаго мяса прекрасно-приготовленному бифстексу. Однакожь оказывается, что это простѣйшее на видъ дѣло въ иныхъ случаяхъ бываетъ весьма мудреное. Иногда общество дѣлается тѣмъ менѣе способно отличать достоинство отъ недостатка, чѣмъ совершеннѣе оно само. Это истина до такой степени велика и глубока, что мы въ исторіи постоянно видимъ, какъ общества, достигшія сравнительно съ своими современниками наиболѣе высокой степени цивилизаціи и развитія, вдругъ начинаютъ падать, а рядомъ съ ними и на ихъ счетъ развиваются народы, которыхъ уровень просвѣщенія гораздо ниже. Каждый разъ, когда совершается такое явленіе, можно положительно доказать, что новое общество взяло верхъ надъ старымъ именно потому, что оно обладало большею чуткостью нравственнаго чувства. Такое превосходство нравственныхъ инстинктовъ составляетъ для народовъ, позднѣе воспринявшихъ цивилизацію извѣстной эпохи, шансъ, и притомъ единственный шансъ, который даетъ имъ возможность со временемъ стать во

главъ передоваго движенія и увлекать за собою другихъ. Если народъ желаетъ создать для себя великое будущее, онъ долженъ дорожить всякимъ признакомъ, изъ котораго можетъ развиться у него превосходство нравственнаго чувства, всякимъ проявленіемъ, въ которомъ, среди всѣхъ его недостатковъ, у него открывается зародышъ будущаго совершенства. Наблюдая неизбѣжно логическое развитіе чувствъ и идей среди всѣхъ пережитыхъ міромъ цивилизацій, мы каждый разъ можемъ легко прослѣдить, какимъ образомъ каждая изъ этихъ цивилизацій необходимо должна была погубить сама себя. Мы очень опредѣленно видимъ, что каждая изъ этихъ цивилизацій могла возродиться только потому, что она укрѣпляла и развивала въ людяхъ извѣстнаго рода чувства и мировоззрѣнія, и тѣмъ давала имъ возможность побороть грубья страсти, являвшіяся неодолимымъ препятствіемъ для всякаго прогресса. Но эти чувства и мировоззрѣнія, укрѣпившись и окостенѣвъ, сами дѣлались наконецъ препятствіемъ въ дальнѣйшему прогрессу и превращали внутреннюю общественную борьбу въ бесплодное толченіе воды. Когда племена, раздѣленные на мелкія группы, душили другъ друга непрерывной междоусобной войной, когда воинственная удаля была единственнымъ свойствомъ, способнымъ возвышать человѣка въ общественномъ мнѣніи, тогда дѣятельность духовенства, проновѣдывавшаго миръ, смиреніе и трудолюбіе, была великимъ цивилизующимъ началомъ. Порождая знаменитыя цивилизаціи индѣйцевъ, египтянъ, этрусковъ, духовенство несомнѣнно принесло пользу человѣчеству. Давая отдыхъ низшимъ классамъ народа, страдавшимъ отъ воинственныхъ наклонностей высшихъ классовъ, духовенство открывало имъ возможность, посредствомъ труда, добиваться необходимаго благосостоянія. Но тотъ-же самый религіозный фанатизмъ, который поборолъ грубья, воинственныя страсти, далъ несокрушимую силу неподвижному духовенству и сдѣлалъ всякій дальнѣйшій прогрессъ этихъ народовъ невозможнымъ. Чтобы сдѣлать возможнымъ дальнѣйшее движеніе цивилизаціи, должны были явиться новыя народы—греки, не терпѣвшіе крайняго религіознаго фанатизма и уничтожавшіе вездѣ человѣческія жертвоприношенія, и римляне, превратившіе этрускаго кровожаднаго лара въ божество добродушное и снисходительное и поставившіе религію на второй планъ. такъ-что для отправленія религіозныхъ требъ они должны

были призывать къ себѣ этрусскихъ жрецовъ. Начало движенія эта цивилизація нашла въ идеяхъ и чувствахъ свободы. Эти начала сдѣлались источникомъ развитія какъ для античнаго, такъ и для современнаго міра. Чтобы дѣло развитія могло идти успѣшно, общества съ такимъ закаломъ должны были поощрять людей къ самостоятельности, они должны были выставять въ ихъ глазахъ высшей добродѣтелью упорную, геройскую защиту своей самостоятельности, отстаиванье старыхъ правъ и пріобрѣтеніе новыхъ. При такомъ настроеніи, однакожь, всѣ партіи, какъ тѣ, которыя вели общество впередъ и способствовали его прогрессу, такъ и тѣ, которыя отстаивали старыя начала и реакціонерныя принципы, должны были дѣлаться со дня на день упрямѣе въ борьбѣ; сопротивленіе должно было становиться все сильнѣе и сильнѣе, столкновеніе ожесточеннѣе, а взаимная ненависть между различными слоями общества должна была подъ конецъ возрасти до того, что обществу оставалось или дойти до разложенія, или остановиться въ своемъ прогрессивномъ движеніи и впасть въ бездну страданій и несчастій. Въ древнемъ мірѣ ненависть партій одна къ другой привела къ безотрадному исходу римской имперіи; въ нашъ вѣкъ мы видѣли неслыханное упорство, съ какимъ плантаторы южныхъ штатовъ отстаивали свои рабовладѣльческія права. Въ Испаніи, Португаліи и испано-португальской Америкѣ движеніе впередъ чрезъ сопротивленіе реакціонеровъ сдѣлалось почти невозможнымъ и наполнило жизнь населенія этихъ странъ безчисленными страданіями. Францію взаимное ожесточеніе партій довело до самаго печальнаго исхода. Даже въ Англіи, гдѣ реакціонерная партія отличалась несравненно большою уступчивостью, чѣмъ въ другихъ странахъ, она этимъ предупреждала до сихъ поръ только революціонные взрывы; реакціонеры, возбуждая другъ друга къ сопротивленію, до такой степени успѣвали замедлять справедливое разрѣшеніе многихъ политическихъ вопросовъ, что они скорѣе разрѣшались въ другихъ странахъ даже самымъ ненормальнымъ путемъ насилія.

Общества, которыя не принимали участія въ движеніи къ свободѣ, лежащемъ въ основаніи у античной и современной цивилизаціи, конечно, въ большей части случаевъ, должны были отличаться меньшимъ нравственнымъ чутьемъ. Ихъ безучастіе къ дѣлу цивилизаціи зависѣло отъ болѣе слабыхъ умственныхъ, а

вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственныхъ потребностей, потому что одна безъ другихъ немислимы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, подобныя общества могли имѣть важнѣе преимущество надъ тѣми, которыя давно уже развивались среди постоянно усиливающейся упорной борьбы партій. Если въ нихъ нравственное чутье не было возбуждено, то за-то оно не было и притуплено: такія общества не боролись политически, у нихъ не было руководителей реакціонерной партіи, которые глубоко укоренили въ своихъ сподвижникахъ мысль, что сопротивленіе всякому требованію справедливости, всякому неизбѣжному условію для народнаго развитія составляетъ великій подвигъ и добродѣтель; имъ не напѣвали тысячу разъ и на разные лады, что ихъ вполне несогласныя съ прогрессомъ и мирнымъ развитіемъ права священны и неприкосновенны, что это такія права, безъ которыхъ существованіе цивилизаціи невозможно и которыя поэтому нужно отстаивать до послѣдней крайности. Чувство справедливости — естественное, инстинктивное чувство въ каждомъ человѣкѣ; если ничто ему не помѣшаетъ, оно непремѣнно заговоритъ, хотя-бы наперекоръ кающимся интересамъ человѣка, и если этотъ голосъ не заставитъ его прямо дѣйствовать въ интересахъ справедливости, онъ, по крайней мѣрѣ, ослабитъ въ немъ сопротивленіе. Поэтому должно тщательно сохранять это благотворное для общества естественное настроеніе, должно всячески помѣшать ему обратиться въ то тупое и бессмысленное сопротивленіе прогрессу, которое превращаетъ неизбѣжный ходъ натурального развитія въ тяжкую, плодящую ненависть борьбу, а та, въ свою очередь, наконецъ вовсе останавливаетъ всякое развитіе. То настроеніе реакціонерной партіи, при которомъ она воспѣваетъ свое сопротивленіе, какъ великую добродѣтель, въ окончательномъ результатѣ окажется гибельнымъ для нея самой: въ народѣ водворится или безвыходная анархія, или то равнодушіе къ своему общественному союзу, то отсутствіе патріотизма, которыя будутъ внушать его сосѣдямъ мысль и стремленіе вмѣшиваться въ его дѣла, а, можетъ быть, даже сдѣлать изъ него свою добычу.

Это инстинктивное, незаглушенное еще нравственное чутье, это естественное чувство справедливости, которое для всякаго народа востоящаго во главѣ цивилизаціи можетъ сдѣлаться заго-

гомъ великаго будущаго, очень отчетливо проявилось у насъ въ дѣйствіяхъ земскихъ собраній по податному вопросу. Оно проявилось не только въ земскихъ собраніяхъ, гдѣ большинство состояло изъ лицъ привилегированныхъ классовъ, но и во всемъ образованномъ обществѣ. Это краснорѣчиво засвидѣтельствовано въ московскомъ земскомъ собраніи рѣчью противника подоходнаго налога г. Безобразова. „У насъ, говоритъ онъ, самые консервативные и благонадежные политическіе элементы выражаютъ свое сочувствіе къ подоходной подати“ (С.-П. Вѣд. № 168, 21 іюня). Если такой крайній консерваторъ, какъ г. Безобразовъ, долженъ былъ сдѣлать подобное сознаніе, то чего-же намъ больше? Общество проявило такое настроеніе, изъ котораго видно, что съ его стороны нѣтъ уже никакихъ препятствій къ податной реформѣ. Намъ остается теперь взлелѣять это настроеніе, показать его надлежащее значеніе, его будущность и развитіе его. То, что проявляется теперь инстинктивно, мы должны сдѣлать сознательнымъ. Ядовитые упреки г. Безобразова въ благодушіи ступевались мгновенно и не произвели никакого дѣйствія; совершенно ясно, что тутъ мы имѣемъ дѣло не съ какой-нибудь безхарактерностью, а съ здоровымъ и глубокимъ инстинктомъ сираведливости, котораго голосъ не успѣли заглушить господа, въ родѣ г. Безобразова. Это проявленіе того-же самаго здороваго инстинкта, благодаря которому въ губерніяхъ болѣе удаленныхъ отъ нашей западной границы было менѣе крѣпостного населенія: численность его увеличивалась по мѣрѣ приближенія къ этой границѣ. Стремленіе водворять надъ народомъ несправедливыя права и отстаивать ихъ прививалось къ нашимъ высшимъ сословіямъ отъ высшихъ сословій западной Европы, упрямство которыхъ въ этомъ отношеніи было закалено политической борьбою. Конечно, и теперь въ вопросѣ о податной реформѣ проявился нашъ старый недостатокъ: намъ постоянно кажется, что намъ неприлично брать хорошее съ Запада въ его истинной и нормальной формѣ, что мы можемъ удовольствоваться и частичкой этого хорошаго. Вѣроятно, руководясь такой скромностью, нѣкоторые земства выказали стремленіе къ разрядной и классной подати. Впрочемъ, эти стремленія проявились не сильно и устранить ихъ очень легко. Не нужно забывать, что мнѣніе земскихъ собраній есть по преимуществу мнѣніе при-

вилегированнаго меньшинства, которое, естественно, не выказываетъ особеннаго сочувствія къ реформамъ радикальнаго свойства. Слѣдовательно, если даже въ средѣ этого привилегированнаго меньшинства раздавались сильныя голоса въ пользу подоходнаго налога, то настоятельная и крайняя необходимость этого налога должна считаться вполне доказанною, и вмѣстѣ съ тѣмъ становится совершенно ясно, что ниже взять никакъ невозможно и непремѣнно слѣдуетъ брать выше.

Для всякаго русскаго должно быть крайне интересно замѣчать въ высшихъ сословіяхъ такіе инстинкты справедливости, которые должны послужить намъ залогомъ нормальнаго развитія въ будущемъ, развитія, гдѣ не будетъ разгораться взаимное ожесточеніе между различными классами общества, столько повредившее въ западной Европѣ. Никогда не нужно отказываться отъ прекрасной надежды, никогда не нужно заранѣе растравлять свою желчь и омрачать себѣ грядущее преждевременной мнительностью и подозрительностью, плодящими ненужныя страданія и ложныя положенія. Разсмотримъ лучше внимательно тѣ зачатки, которые скрываются въ современныхъ проявленіяхъ высшихъ классовъ по поводу податной реформы и постараемся показать, какимъ образомъ въ нихъ заключается уже очень многое изъ тѣхъ проявленій, безъ которыхъ не можетъ обойтись будущій прогрессъ; мы укажемъ также и на то, чего въ нихъ не заключается и что тѣмъ не менѣе необходимо. Почему-же не можетъ быть, чтобы у насъ все необходимое для прогресса развилось, не распложая взаимнаго ожесточенія? Конечно, въ исторіи не бывало подобныхъ примѣровъ, но если чего-нибудь не было, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что оно невозможно. Только тѣ люди дѣлали великое, которые были одушевлены прекрасной надеждой. Ясно и совершенно понятно, что потребности прогресса не могутъ быть удовлетворены вполне безъ борьбы. Душа человѣческая темный лѣсъ, ея потребности невозможно узнать до тѣхъ поръ, пока онѣ не проявятся; но даже и послѣ ихъ проявленія, ихъ можно вполне сознать только тогда, когда онѣ выразятся во всей своей энергіи, а энергія эта вполне проявляется только въ борьбѣ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что послѣ того, какъ энергія вполне проявится, она необходимо должна встрѣтить такое сопротивленіе, которое расплодитъ въ обществѣ взаимное ожесточеніе; что

по причинѣ этого сопротивленія она должна или вовсе остаться безъ удовлетворенія и постоянно охлаждать любовь населенія къ своей общественной жизни, или доставить себѣ удовлетвореніе такими средствами, которыя оставляютъ послѣ себя мрачное воспоминаніе о столбовеніи. Истинно-цивилизованный человѣкъ никогда не утратитъ надежды, что инстинкты справедливости во всѣхъ слояхъ общества будутъ наконецъ до того сильны, что всѣ потребности прогресса будутъ удовлетворены съ малымъ сопротивленіемъ со стороны реакціонерныхъ направленій, и послѣ нихъ не останется никакого слѣда взаимнаго ожесточенія. Какъ-бы ни была печальна окружающая его дѣйствительность, сколько-бы онъ въ этомъ отношеніи ни встрѣтилъ разочарованій, но утратить эту надежду для него точно такъ-же невозможно, какъ невозможно утратить вѣру въ людей и въ добро, не смотря ни на какія перенесенныя отъ нихъ страданія. Тотъ, кто позволить несчастьямъ и страданіямъ искоренить въ своей душѣ вѣру въ людей и въ добро, тотъ лишитъ себя всякаго стимула къ прогрессивной дѣятельности и обречетъ себя на идолоподобное состояніе. Тотъ, кто утратитъ вѣру въ возможность полного удовлетворенія потребностей прогресса безъ расплывающаго ожесточенія реакціонернаго сопротивленія, тотъ лишитъ себя возможности стремиться къ самому лучшему типу цивилизаціи,—къ цивилизаціи вѣковѣчной. Только прогрессъ, въ одно и то-же время и полный и не расплывающій ожесточенія, можетъ породить цивилизацію вѣковѣчную.

Чувство справедливости до того инстинктивно въ человѣкѣ, что оно проявляется въ немъ неволью безъ разсужденій, если онъ дѣйствуетъ непосредственно и никто не успѣлъ позаботиться о томъ, чтобы омрачить его умъ и зачерствить его душу. Онъ долженъ удержать и укрѣпить въ себѣ этотъ первый порывъ, потому-что онъ для него предвѣстникъ счастливаго будущаго, онъ оградитъ его отъ того узкаго эгоизма, который будетъ соблазнять его слабость, грызть его сердце, обѣщать ему счастье и величіе и который вмѣсто этого приготовитъ ему бездну горя, желчи и слезъ. Русскіе привилегированные классы, берегите, какъ свѣтъ вашихъ очей, тотъ инстинктивный порывъ справедливости, который говорилъ въ васъ въ то время, когда вы слѣдовали непосредственному своему чувству. Много найдется у васъ ко

варныхъ совѣтниковъ, которые будутъ указывать вамъ на дорогу узкаго эгоизма. Они будутъ рассчитывать вамъ по пальцамъ тѣ гроши, которые придутъ въ вашемъ карманѣ, если вы будете упрямо сопротивляться всякому улучшенію. Они будутъ постоянно-уступчивыхъ выставятъ благодушными дурачками, а свокоерыстно упрямыми придавать видъ великихъ и мощныхъ натуръ. Эти узкіе, недалъновидные люди заведутъ васъ въ грязное болото, гдѣ вы будете вязнуть и не находить подъ собою дна. Они сдѣлаютъ изъ васъ зачинщиковъ междоусобной ссоры и наполнятъ на десятки лѣтъ вашу жизнь желчью, злобой и мрачной подозрительностью. Вы будете чувствовать, какъ расплохая разладъ и разрывъ въ средѣ общества, вы ослабляете его горячность къ общественной жизни, силу его патриотизма; вы будете чувствовать, какъ вы съ каждымъ часомъ все болѣе лишаетесь поддержки народной массы, а между тѣмъ ваши сосѣди смотрятъ на васъ бдительнымъ окомъ, и высматриваютъ, гдѣ-бы найдти проруху, чтобы протянуть къ вамъ руку, разгромить васъ, какъ нѣмцы разгромили французовъ, или пойти еще далѣе, выбить васъ изъ вашихъ мѣстъ и замѣнить собою. Вы тысячу разъ проявите тѣхъ соблазнительей, которые посадили васъ въ грязное болото, гдѣ вамъ остается вязнуть, не имѣя почвы подъ своими ногами.

Инстинктивные порывы справедливости всегда постигаютъ дѣло съ самой глубокой его стороны; они прямо даютъ такой зачатокъ, что его стоитъ только далѣе развивать, исходя именно отъ того-же самаго начала, изъ котораго онъ исходитъ, чтобы приготовить обществу здоровую и нормальную жизнь. Эти мѣткія указанія инстинкта, исходя изъ самаго существа сердца человѣческаго, всегда заключаютъ въ себѣ болѣе глубины, чѣмъ самыя глубокомысленныя теоріи ученыхъ;—въ нихъ болѣе пониманія существа природы, болѣе серьезнаго философскаго смысла, болѣе глубокой рациональности, чѣмъ въ ученыхъ трактатахъ самыхъ замѣчательныхъ теоретиковъ и философовъ. Нужно умѣть только читать начала, выраженные этими порывами, и они научатъ несравненно большому, чѣмъ могутъ научить самыя записныя ученые. Какъ, напр., опредѣлить это чутье справедливости въ послѣднемъ движеніи между привилегированными сословіями по податной реформѣ, какой результатъ дать его анализъ, если его

сопоставить съ теоріями ученыхъ. Дѣло это обсуждалось множествомъ земскихъ собраній, заявленія ихъ представляютъ пеструю и разнообразную массу, къ которой присовокупляются еще болѣе разнообразныя и пестрыя проявленія общественнаго мнѣнія. Все это нужно выразить въ сжатой и краткой формулѣ. Я не хочу брать этого дѣла на себя, меня могутъ упрекнуть въ искаженіи и односторонности, я возьму эту формулу изъ того органа, который, какъ извѣстно, всего болѣе обнаруживаетъ сочувствія нашимъ земскимъ собраніямъ, гдѣ громадное большинство членовъ принадлежитъ къ лицамъ привилегированнымъ въ податномъ отношеніи,—я возьму ее изъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“. Сочувствіе ихъ такъ искренно и такъ глубоко, что не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ нихъ всего отчетливѣе и вѣрнѣе выразились инстинктивныя чувства земствъ. Мы увидимъ ниже, что они одинаково отразились въ нихъ и своей хорошей, и дурной стороной. Въ № 166, гдѣ названная газета подводитъ итогъ дѣятельности земскихъ собраній, она говоритъ: „Намъ придется разложить между собою, въ видѣ подоходнаго налога, при предстоящей реформѣ, 60 милліоновъ рублей подушной, 35 милліоновъ такъ называемой оброчной съ государственныхъ крестьянъ подати и болѣе 20 милліоновъ государственнаго земскаго сбора“. Стоитъ только вникнуть въ эти слова, чтобы увидѣть, что съ финансовой и съ юридической точки зрѣнія тутъ сопоставлены сборы, не имѣющіе между собою ничего общаго. Записной финансистъ и юристъ съ недоумѣніемъ остановился-бы передъ этой фразой: почему-же именно эти столь разнокалиберныя и неимѣющіе между собою ничего общаго, сборы должны быть разложены и почему-же именно всѣ они! Изъ того, какъ и въ какой обстановкѣ сказаны эти слова передовой статьи „Петербургскихъ Вѣдомостей“, ясно, какъ день, что они были плодомъ господствующаго во вліявшей на нихъ средѣ инстинктивнаго чувства, что авторъ ихъ менѣе всего обладалъ точнымъ сознаніемъ того, что онъ говоритъ; онъ высказалъ великую истину, но онъ высказалъ ее такъ, какъ истины высказывались у насъ въ „Русской Правдѣ“, въ „Судебникахъ“ или въ „Уложеніи царя Алексѣя Михайловича“, гдѣ собирали отдѣльные случаи безъ всякой способности возвести ихъ въ общее начало, перечисляли не вполне, но однакожъ настолько отчетливо, что сознательный че-

ловѣкъ можетъ прямо указать лежащую у нихъ въ основаніи инстинктивную мысль. Какой-нибудь брызгливый нѣмецъ, теоретикъ, менѣе всего склонный задавать себѣ трудъ разгадывать глубокія чувства и инстинкты, пробивающіеся въ печать изъ сердца разныхъ слоевъ русскаго общества, прочитавъ перечень „Петербургскихъ Вѣдомостей“, не задумался-бы сказать съ собственнымъ ему высокомѣріемъ, что въ Россіи поступаютъ съ понятіями, какъ съ мусоромъ, что ихъ складываютъ въ кучи, не разбирая, подходятъ-ли они другъ къ другу, или нѣтъ. Однакожь, какъ вы думаете, господинъ ученый, что важнѣе для народа,—обладать здравымъ, глубокимъ чутьемъ справедливости, или имѣть хорошихъ писателей для передовыхъ статей въ своихъ газетахъ?—Ну, а если окажется возможнымъ доказать, что въ этомъ проявленіи инстинкта справедливости,—который въ газетѣ XIX-го столѣтія выражаетъ мысль грубымъ перечисленіемъ, какъ она выражалась въ „Русской Правдѣ“ и въ „Судебникахъ“, гораздо болѣе глубокой истины и рациональности, чѣмъ въ вашихъ глубокомысленныхъ финансовыхъ теоріяхъ? Вы толкуете о правѣ государства облагать податями, говорите, что это право должно имѣть точное и неизблемое юридическое основаніе и затѣмъ выставляете начало пропорціональности? Однакожь позвольте васъ спросить, какое точное и неизблемое философское или юридическое основаніе у вашей пропорціональности? Вы мнѣ не только не покажете точнаго и неизблемаго, вы мнѣ не покажете ровно никакого основанія, въ которомъ была-бы хотя тѣнь здраваго смысла. Почему подать должна быть именно пропорціональная, а не равная и не прогрессивная? Вы мнѣ скажете, что инстинктъ справедливости не допускаетъ, чтобы человѣкъ, получающій сто тысячъ дохода, платилъ такую-же подать, какъ и человѣкъ, который зарабатываетъ всего тридцать рублей въ годъ. А развѣ этотъ инстинктъ справедливости не возмущается пропорціональной уплатой: развѣ справедливо требовать отъ человѣка, чтобы онъ платилъ пропорціонально столько-же изъ необходимаго, сколько другой платитъ изъ излишняго? Всякій чувствуетъ, что ни равная, ни пропорціональная подать не удовлетворяетъ инстинкта справедливости—но можетъ-быть, онъ удовлетворится прогрессивнымъ налогомъ? Стоитъ только ступить на почву прогрессивной подати, чтобы убѣдиться, что всякое

математическое основаніе для права взиманія податей есть ничто иное какъ мыльный пузырь,—чтобы увидать яснѣ дня, что ни начало равенства, ни пропорціональности, ни прогрессивности ни въ какомъ случаѣ и никакимъ образомъ не можетъ удовлетворить требованіямъ справедливости. Нужно быть нравственно тупымъ человѣкомъ, чтобы не понимать, что несправедливо требовать на общую пользу отъ одного изъ необходимаго безусловно или пропорціонально столько-же, сколько требуется отъ другого изъ излишняго; но позвольте попросить васъ указать мнѣ ту прогрессивность, которая можетъ устранить эту несправедливость. Если вы, для рѣшенія этого вопроса, погрузитесь въ созерцаніе на столько-же мильоновъ лѣтъ, сколько проводили въ созерцаніи индѣйскіе боги, вы мнѣ все-таки этого не скажете, и чѣмъ глубже вы проникнете въ предметъ, тѣмъ скорѣе вы сознаетесь, что математическимъ путемъ здѣсь истину отыскать невозможно, и что для ея отысканія необходимо пойти другой дорогой. Кромѣ того, что это начало съ философской и юридической точки зрѣнія составляетъ мыльный пузырь, оно въ высшей степени непрактическое и мечтательное, потому-что ни начало равенства, ни пропорціональности, ни прогрессивности никогда нигдѣ не осуществлялось и никогда нигдѣ не осуществится; требовать осуществленія какого-нибудь изъ этихъ началъ отъ правительства, значитъ ставить ему несправедливое, невозможное и бессмысленное требованіе. Для того, чтобы получать сборы, недостаточно предписать ихъ, нужно, чтобы предписанное можно было осуществить, а въ этихъ случаяхъ возможность уклониться отъ сбора играетъ такую рѣшительную роль, что всякое правительство, будетъ-ли оно демократическое или конституціонное или всякое другое, тотчасъ убѣдится въ громадномъ значеніи, которое имѣетъ случай въ опредѣленіи количества капитала и получаемаго дохода. Отсюда ясно, что никакое математическое начало сборовъ не можетъ служить огражденіемъ для народа. Даже прогрессивный налогъ обратится всегда въ невыгодѣ бѣднѣйшихъ классовъ, такъ-какъ заработную плату приводитъ въ извѣстность легко, между-тѣмъ, не только доходъ съ капитала, но и самый капиталъ можетъ быть легко укрытъ отъ всякаго контроля. Опытъ финансовой исторіи показываетъ, что съ бѣднѣйшей части населенія въ видѣ прямого налога

можно взнскивать до 50% дохода, между-тѣмъ, какъ съ капиталистовъ съ трудомъ взнскивается 6% съ номинальнаго и едва ли 3% съ дѣйствительнаго дохода.

Переходя отъ этихъ глубокомысленныхъ книжныхъ теорій къ тѣмъ указаніямъ, которыя даетъ непосредственное, несознанное чувство, чутье справедливости, нельзя не удивляться ихъ глубокому смыслу и удобопримѣнимости. Человѣку естественно угадывать истину; пока онъ не сбить съ пути, онъ своими чувствами прямо наталкивается на ту дорогу, гдѣ лежитъ примиреніе всѣхъ интересовъ, онъ увлекается въ сферу нормальнаго развитія, въ ту область, гдѣ среди мира и взаимнаго довѣрія всего легче можетъ зародиться наибольшее счастье и для него лично, и для всѣхъ вообще. Сопоставьте съ математическими теоріями плоскодонной финансовой науки ту инстинктивную мысль, которая въ въ грубой и необтесанной формѣ перечисленія выражена „Петербургскими Вѣдомостями“, — и невозможно, чтобы вы не сознали ея превосходства. И въ комъ-же зародилась эта мысль? — въ привилегированной въ податномъ отношеніи части общества. Вотъ какъ нормальны и хороши человѣческіе инстинкты! Счастливы тѣ люди, которые имѣютъ достаточно здраваго чувства и силы воли, чтобы имъ слѣдовать.

Этотъ таинственный языкъ несознаннаго чувства, языкъ намековъ говоритъ вамъ: „Государство существуетъ для пользы людей, въ немъ живущихъ. Только во имя этой пользы, во имя общаго счастья оно имѣетъ право собирать налоги. Мало этого, самые налоги должны взиматься такимъ образомъ, чтобы они не отягощали однихъ на счетъ другихъ, чтобы они не мѣшали такимъ образомъ развитію счастья. Каждый разъ, когда они съ этою цѣлью могутъ быть перенесены съ однихъ лицъ на другихъ, такое перенесеніе непременно должно быть сдѣлано“. Всякій порядокъ только потому, что онъ порядокъ, что онъ общее правило, долженъ имѣть свои, неизбѣжно-вытекающіе изъ него недостатки; какъ-бы ни былъ великъ кругъ случаевъ, въ которыхъ онъ будетъ дѣйствовать благотѣльно, всегда останется значительная область, гдѣ онъ будетъ стѣснять счастье и мѣшать развитію. Всякій общественный строй создаетъ столько-же сферъ произвола, сколько людей; каждому онъ отводитъ свою сферу, одному большую, другому меньшую. Чѣмъ

сильнѣе начало произвола проникаетъ въ глубину и въ ширь человеческой жизни, чѣмъ больше у него злоупотребленій, тѣмъ менѣе возможно дать ему такую форму, создать такую комбинацію, которая, давая ростъ въ одномъ мѣстѣ, не уродовала-бы въ другомъ. Это въ высшей степени примѣняется къ такимъ глубокимъ и могучимъ учрежденіямъ, какъ распредѣлители земныхъ благъ—собственность, наслѣдство, организація труда. Но именно въ этихъ учрежденіяхъ противопоставленные имъ общественные сборы и повинности могутъ въ значительной степени исправлять ихъ недостатки. Если собственность, наслѣдство, организація труда распредѣляютъ блага, то сборы и повинности распредѣляютъ тягости,—поэтому весьма легко недостатки въ однихъ исправлять разумнымъ распредѣленіемъ другихъ. Въ этомъ заключается прямое назначеніе общественныхъ сборовъ и повинностей и лучшее ихъ оправданіе. Почему общество принуждено нести военные издержки и имѣть право облагать ими своихъ членовъ? А потому, что оно должно предупредить иностранное завоеваніе, которое въ рукахъ несочувствующихъ народу иноплеменниковъ сдѣлаетъ изъ собственности, наслѣдства и организаціи труда могучее орудіе угнетенія, потому-что эти иноземцы не будутъ заботиться о томъ, чтобы распредѣленіе тягостей стирало недостатки собственности и т. д., а сдѣлаютъ изъ нихъ средство утоленія своей ненасытной жадности. Почему общество должно заботиться о путяхъ сообщенія, о гаваняхъ, о народномъ образованіи? Потому, что собственность распредѣлена между частными лицами, и если-бы общество не брало на себя инициативу дѣла, то гавани и дороги не строились-бы, или частныя лица, построивъ дорогу, обложили-бы всѣхъ проѣзжающихъ и проходящихъ по ней особыми сборами и создали-бы рядъ тяжелыхъ монополій. Также и въ народномъ образованіи: если общество не станетъ о немъ заботиться, то громадное большинство дѣтей погрязнетъ въ грубомъ невѣжествѣ. Чѣмъ глубже всматриваться въ дѣло, тѣмъ легче убѣдиться, что назначеніе общественныхъ сборовъ, и при ихъ взиманіи, и при ихъ расходованіи, заключается главнымъ образомъ въ томъ, чтобы сглаживать и предупреждать неизбѣжные недостатки собственности, наслѣдства и организаціи труда.

Всѣ эти мысли и понятія до такой степени естественны, что всякій человѣкъ носить ихъ въ себѣ въ видѣ инстинкта спра-

ведливости. Этотъ инстинктъ, проявляясь непосредственно, указываетъ человѣку, что нельзя выдѣлять началъ финансоваго права отъ прочихъ общественныхъ и соціальныхъ наукъ; что нельзя дѣлать изъ нихъ особой отрасли наукъ, которая имѣетъ свою отдѣльную цѣль и свое отдѣльное назначеніе. Соціальный, организующій общество, смыслъ финансовыхъ мѣръ долженъ всегда стоять на первомъ планѣ. Своимъ вѣрнымъ и глубокимъ чувствомъ инстинктъ справедливости всегда будетъ отбрасывать въ сторону, какъ ненужный хламъ, всякія юридическія тонкости теоретическихъ различій.

Предполагаемую реформу называютъ финансовой, податной реформой; для теоріи финансоваго права естественнѣе всего было-бы связать ее съ финансовыми реформами, начатыми въ 1861 г.; финансистъ долженъ былъ-бы считать ее первымъ виднымъ шагомъ послѣ положенія о питейномъ сборѣ 4 іюля 1861 года. Однакожъ общественное мнѣніе, высказавшееся по поводу этой реформы, не сдѣлало подобнаго сопоставленія. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что если-бы дѣло шло о такомъ преобразованіи, гдѣ финансовая точка зрѣнія стояла-бы на первомъ планѣ, общество придало-бы ему несравненно меньшее значеніе. Общество считаетъ эту реформу продолженіемъ не для указа отъ 4 іюля 1861 г. а для указовъ отъ 19 февраля, 8 марта 1861 г., 26 іюля 1863 г., 18 января, 24 ноября 1866 г., 31 марта 1867 г., однимъ словомъ, тѣхъ многочисленныхъ указовъ, которые изданы были для устройства быта крестьянъ помѣщичьихъ, горныхъ, удѣльныхъ, государственныхъ и т. д. При освобожденіи крестьянъ, даже ихъ надѣлы и оброки составляли второстепенное явленіе по сравненію съ освобожденіемъ отъ того унижительнаго положенія, отъ того состоянія безправія, въ которомъ они находились, отъ того произвола, которому они подчинялись; экономическое преобразование, точное опредѣленіе надѣловъ и оброковъ должно было только служить орудіемъ для достиженія этихъ цѣлей. То-же самое дѣло, которое начато было 19 февраля 1861 года, должно продолжаться и въ настоящей податной реформѣ. Нужно жить въ деревнѣ и среди крестьянъ, чтобы понять, какимъ образомъ волостные начальники, которые по закону не имѣютъ ни малѣйшаго права наказывать тѣлесно, только потому, что на нихъ фактически

сосредоточена отвѣтственность за полный взносъ сборовъ, приучаются при малѣйшемъ возраженіи кричать крестьянину: „ложись“, „выдеру“. Они обращаются съ крестьянами такъ-же заносчиво, какъ нѣкогда обращались съ ними сельскіе начальники, назначавшіеся помѣщиками; ихъ отношенія къ крестьянамъ трудно совмѣстить съ ихъ отвѣтственностью, трудно признать въ нихъ власть выборную. Между-тѣмъ напрасно думаютъ, что у нашего крестьянина не развито чувство чести. Онъ, правда, привыкъ къ извѣстнаго рода высокому обращенію со стороны высшаго сословія, въ которомъ очень мало деликатнаго, но вѣдь это указываетъ на недостаточную степень нравственнаго развитія въ томъ, кто такъ обращается, а не въ томъ, кто подвергается такому обращенію. У нашего крестьянина, правда, замѣчается значительный недостатокъ утонченности, но за предѣломъ этого круга онъ весьма чувствителенъ къ оскорбленіямъ. Тѣлесное наказаніе за недоимки не только жестоко унижаетъ крестьянъ, но еще приучаетъ сельское начальство къ превышенію власти; во многихъ мѣстахъ вошло въ обыкновеніе при употребленіи тѣлеснаго наказанія за недоимки считать два удара за одинъ и давать сорокъ ударовъ, вмѣсто двадцати, но вѣдь такимъ образомъ можно и десять ударовъ считать за одинъ и давать вмѣсто двадцати—двѣсти. Наказывать за недоимки можно, по закону, только въ такомъ случаѣ, если эти недоимки произошли отъ пьянства и дурнаго поведенія, между-тѣмъ сельскіе судьи, по большей части, не знаютъ этого ограниченія; имъ извѣстно только, что они могутъ наказывать за недоимки. Фактически не существуетъ никакой разницы между недоимщиками, точно такъ-же, какъ не существуетъ никакого раздѣленія властей судебной и полицейской, а старшина распоряжается всѣмъ по своему усмотрѣнію. До какой степени чрезъ это деморализированъ сельскій судъ, показываютъ примѣры въ родѣ слѣдующаго. Вотъ что говорится въ газетѣ „Современныя Извѣстія“ (№ 174, 27 іюня): крестьянка тверской губерніи, бѣжецкаго уѣзда, пожаловалась волостному суду на жестокое обращеніе мужа. „Узнавъ объ этомъ, мужъ просилъ волостныхъ судей проучить бабу, потому-де дурить, въ доказательство чего принесена была водка, подъ вліяніемъ которой и не смотря на заявленія сосѣдей о невыносимомъ положеніи жены въ семьѣ, судъ приговорилъ ее къ

наказанію 25 ударами розогъ и къ трехдневному аресту (на осн. 102 общ. пол. о кр. волост. судъ можетъ наказывать только двадцатью ударами, на осн. прим. къ ст. 30 ул. о нав. п. 2, женщины вовсе изъяты отъ тѣлеснаго наказанія, а назначать за одинъ и тотъ-же проступокъ два наказанія есть верхъ противузаконія). Приговоръ, по обычаю, немедленно былъ приведенъ въ исполненіе. За тѣмъ, такъ-какъ у обвиненной не было съ собою хлѣба, то ее водили по селу въ сопровожденіи разсыльнаго собирать милостыню на пропитаніе во время ареста“. Таку ю привычку къ произволу властей въ селеніяхъ невозможно искоренить безусловно до тѣхъ поръ, пока съ крестьянъ, подобно тому, какъ теперь, будутъ взыскиваться подушные сборы. Пока они не исчезнутъ, въ положеніи крестьянина будетъ все-таки оставаться что-то напоминающее крѣпостное право. Можно привести тысячи примѣровъ въ доказательство того, какой панической страхъ наводитъ на крестьянъ ихъ сельская полиція; вотъ одинъ изъ поразительныхъ и рѣзкихъ. Въ № 141 (1 іюля) „Московскихъ Вѣдомостей“ пишутъ: „17 мая крестьянинъ деревни Никитиной, семеновскаго уѣзда, Максимъ Обуховъ, нашелъ поутру жену свою Анну Осипову удавившеюся на поясѣ, привязанномъ къ приступу лѣстницы, стоящей у сѣнницы; онъ тотчасъ-же дая знать о томъ сосѣдямъ, и тѣ вынули повѣсившуюся изъ петли, тѣло ея было еще тепло... Крестьяне, полагая, что до прибытія полиціи трупъ долженъ оставаться въ такомъ положеніи, какъ былъ найденъ, опять повѣсили тѣло Осиповой“. — Можно-ли было-бы приискать, даже выдумать болѣе рѣзкое проявленіе паническаго страха? Всякій образованный русскій такъ часто встрѣчался съ подобными примѣрами; въ его сужденіи они такъ крѣпко срослись съ первоначальной ихъ причиной, — съ системой взиманія подушныхъ сборовъ съ крестьянъ; у него такъ глубоко укоренилось убѣжденіе и въ томъ, что такое настроеніе служить первостепеннымъ препятствіемъ для нашей цивилизаціи, что едва-ли въ дѣйствительно-образованной части русскаго населенія былъ хотя одинъ человекъ, который уже десять лѣтъ тому назадъ не былъ-бы проникнутъ убѣжденіемъ, что первымъ важнымъ шагомъ послѣ освобожденія крестьянъ будетъ податная реформа и что эта реформа должна освободить ихъ отъ подушныхъ сборовъ. Эта мысль, которая въ

сердцѣ каждого образованнаго русскаго постоянно питалась и укореялась ежедневнымъ опытомъ, убѣждала его въ необходимости отмѣны подушныхъ сборовъ самымъ убѣдительнымъ изъ всѣхъ родовъ краснорѣчія, — краснорѣчіемъ фактовъ, совершавшихся передъ его глазами. Разскажите человѣку самымъ эффектнымъ и энергическимъ слогомъ, какъ Тамерланъ избилъ 70,000 человѣкъ въ Испани, и ужасъ убійства все-таки не произведетъ на него такого сильнаго впечатлѣнія, какъ убійство у него на глазахъ только одного человѣка. Вотъ почему всѣ образованные люди у насъ совершенно жили съ мыслью, что податная реформа должна привести къ окончательному уничтоженію подушныхъ сборовъ съ крестьянъ; привычка сдѣлала у нихъ изъ этой мысли чувство. Наболѣе сочувствующіе крестьянину утверждали, что и этого еще мало, что нужно уменьшить и косвенные сборы, потому-что только послѣ значительнаго уменьшенія косвенныхъ сборовъ, народныя массы будутъ платить, пропорціонально своему доходу, столько-же, сколько и высшіе классы общества. Сочувствующіе преимущественно высшимъ сословіямъ доказывали, что совершенно достаточно отмѣнить одни прямыя сборы съ крестьянъ, что время для полнаго уравненія сословій еще не пришло и т. д. — Говоря такимъ образомъ, они считали себя крайними консерваторами и въ душѣ признавали свое мнѣніе несправедливостью по отношенію къ народу, но полагали, что нужно поддерживать его для того, чтобы не сочли ихъ слишкомъ податливыми. Когда-же дѣло реформы передано было на обсужденіе земскихъ собраній, которыхъ личный составъ, по большей части, принадлежалъ къ привилегированнымъ въ податномъ отношеніи классамъ, тогда тотчасъ-же появились теоретики, которые въ угоду имъ стали проповѣдывать крайнія консервативныя воззрѣнія, несравненно болѣе смѣлыя, чѣмъ тѣ консервативныя воззрѣнія, которыя уже давно высказывались въ извѣстной средѣ нашихъ привилегированныхъ въ податномъ отношеніи классовъ. Но прежнія, внушенная жизнью и опытомъ чувства остались неискоренимыми; — какъ ни ласкали слухъ пѣсни сладкогласныхъ, реакціонныхъ сиренъ, но долго прозябавшій въ душѣ здравый инстинктъ справедливости не могъ исчезнуть внезапно и безслѣдно; — такъ или иначе, онъ все пробивался наружу. Вотъ какимъ образомъ явилась въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ мысль, что „намъ слѣдуетъ распредѣлить

между собою всѣ подушныя, земскіе сборы и оброки государственныхъ крестьянъ“. Съ теоретической точки зрѣнія здѣсь собраны въ одну кучу вещи совершенно разнородныя. Сборы съ государственныхъ крестьянъ, о которыхъ здѣсь упоминается, и которые въ нашемъ бюджетѣ относятся къ доходамъ съ казенныхъ имуществъ, составляютъ въ сущности уплату капитала и процентовъ за пріобрѣтеніе въ собственность отведенныхъ крестьянамъ земель. Отношенія тутъ слагаются очень разнообразно: въ 9 губерніяхъ, напр., эти сборы должны исчисляться въ размѣрѣ, опредѣленномъ оцѣнками земель, въ 27, къ оброчнымъ платежамъ долженъ присоединиться особый добавочный сборъ, и т. д. Но какъ-бы ни были разнообразны эти сборы, они перестали быть податью и носить на себѣ характеръ подати, т. е. сбора всегда неопредѣленнаго, котораго размѣръ опредѣляется ежегодно сообразно съ государственными нуждами. Эти-же сборы сообразуются не съ нуждами государства, а съ цѣнностью земли, они сопоставляются не съ податями, а съ оброками временно-обязанныхъ крестьянъ, поэтому на осн. ст. 13 указа отъ 24 ноября 1866 г. они выкупныя, и по 5 ст. этого указа крестьяне, которые ими обложены, причисляются къ крестьянамъ-собственникамъ. Подати по самому своему существу никогда и нигдѣ не бывали и не могутъ быть выкупными, потому-что составляютъ не плату за собственность или пользованіе предметомъ, но сборъ для общественныхъ нуждъ. Разница тутъ слишкомъ рѣзкая и опредѣленная, но почему-же „Петербургскія Вѣдомости“ не останавливаются передъ этимъ различіемъ, почему оно даже не представляется ихъ воображенію.—Теоретики земскихъ собраній постоянно дѣлали это различіе; „Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ стоило только повторять ихъ слова, но онѣ не сдѣлали этого именно потому, что находились подъ вліяніемъ публики, онѣ увлекались инстинктами общественнаго мнѣнія, а въ общественномъ мнѣніи податная реформа была совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ она была для теоретиковъ. Податная реформа, по мнѣнію большинства нашихъ образованныхъ людей, должна возвысить нравственный уровень рабочаго населенія въ томъ-же самомъ направленіи, въ какомъ онъ былъ уже нѣсколько возвышенъ крестьянскою реформою. Эта цѣль можетъ быть достигнута только при освобожденіи крестьянскаго населенія отъ подушныхъ

сборовъ. Въ этомъ вопросѣ о податной реформѣ рѣзко обнаружилась та бездна, которая лежитъ между направлениемъ теоретиковъ и инстинктами справедливости въ общественномъ мнѣніи. Теоретики постоянно стараются сдѣлать изъ податной реформы чисто - финансовую реформу, — преобразование, основанное на началахъ математическихъ, на копеечныхъ счетахъ, лишенное всякаго соціального значенія. Они стараются превратить ее въ бездушную конторскую реформу, гдѣ на первомъ планѣ будетъ стоять формалистика и строгая послѣдовательность въ расчетахъ; они желаютъ превратить ее въ реформу, которая не въ состояніи будетъ произвести никакого нравственнаго впечатлѣнія на народъ, не въ состояніи будетъ одушевить его никакимъ теплымъ увлечениемъ, влить въ его сердце новыя патріотическія чувства, заставить его сильнѣе привязаться къ своей общественной жизни и одушевиться надеждою на прекрасное будущее въ сферахъ того государственнаго союза, въ которомъ онъ родился. Теоретики стараются сдѣлать изъ податной реформы преобразование, подобное тѣмъ, которыя, въ былыя времена, при крѣпостномъ правѣ, вмѣсто того, чтобы ударить прямо въ сердце и уничтожить помѣщичій произволъ, оставляли его неприкосновеннымъ и создавали правила о трехдневной барщинѣ, объ инвентаряхъ и такъ далѣе. Вся польза этихъ правилъ очень скоро уничтожалась, народъ едва ощущалъ ее и ни разу не сказалъ того, что онъ такъ громко повторялъ послѣ указа 19 февраля: „настаетъ великое время, передъ нами открывается свѣтлое будущее“. Смотря по партіи, къ которой они принадлежали, теоретики старались урѣзать и перемѣстить въ строгой соразмѣрности большее или меньшее число копѣекъ: радикалы говорили о прогрессивномъ налогѣ, умѣренные либералы толковали о подоходномъ налогѣ и строгой пропорціональности, реакціонеры придумывали прямо обратные прогрессивному, такъ сказать, регрессивные налоги и называли ихъ по-разрядными, по которымъ плательщикъ долженъ былъ платить относительно тѣмъ болѣе, чѣмъ онъ былъ бѣднѣе. Всѣ эти люди, и горячіе и черствые, не думали о томъ, что когда нравственное настроеніе, нравственныя отношенія останутся прежними, тогда копейки легко присовокупятся къ копейкамъ и образуютъ старыя рубли. Народное чутье очень хорошо опредѣлитъ характеръ подобной реформы и не назоветъ ее вели-

кою: оно справедливо отнесетъ ее въ разрядъ тѣхъ указовъ, которые устанавливали трехдневную барщину и вводили инвентари. Инстинктъ общества очень хорошо угадалъ, что если-бы дѣло шло о копеечныхъ расчетахъ, то гораздо разумнѣе было-бы разложить между имущими классами, въ видѣ прямой подати, какіе-нибудь акцизы съ предметовъ народнаго потребленія, при этомъ издержки взиманія значительно уменьшились-бы. Если чувствуется потребность преобразовать именно прямыя, а не косвенныя сборы, то ясно, что эта потребность вызвана не денежными расчетами, а необходимостью возвысить нравственный уровень массъ. Поэтому въ обществѣ радикалы, умѣренные и реакціонеры выражали мнѣніе, совершенно отличное отъ мнѣнія теоретиковъ, тутъ не было рѣчи ни о пропорціональномъ, ни о прогрессивномъ и регрессивномъ налогѣ, о нихъ говорилось только по вопросу о предполагаемыхъ новыхъ податяхъ съ имущихъ классовъ. Общество стремилось не къ плоскому и горизонтальному, а къ вертикальному, проникающему до самой глубины преобразованію. Радикалы, какъ и слѣдовало ожидать, желали полного освобожденія всего рабочаго населенія отъ всякихъ сборовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательнаго уничтоженія паспортной системы; точно также естественно, что реакціонеры представляли имъ въ этомъ случаѣ рѣшительную оппозицію. Умѣренные, какъ всегда и вездѣ, старались избрать средній путь, однакожь инстинктивное пониманіе, гдѣ лежитъ истина, было такъ сильно во всемъ образованномъ обществѣ, что они все-таки желали не плоскаго, а вертикальнаго преобразованія, они все-таки чувствовали, что только дѣйствительное освобожденіе отъ прямыхъ сборовъ должно вести рабочее населеніе къ нравственному возрожденію. Но имъ казалось, что освободить разомъ все населеніе составило-бы слишкомъ крутой переворотъ, а потому они полагали возможнымъ вполнѣ освободить часть населенія, а остальную лишь нѣсколько облегчить. При такомъ направленіи имъ естественнѣе всего было подумать о государственныхъ крестьянахъ: тутъ полное освобожденіе скорѣе всего не могло встрѣтить никакихъ существенныхъ затрудненій. Однакожь потребность полного освобожденія всего населенія такъ глубоко чувствовалась ими, что они такъ-же горячо, какъ и радикалы, желали уничтоженія паспортной системы. Логическая непослѣдовательность въ своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ—это вѣчная судь-

ба умѣренно-либеральной партіи; желать цѣли и не имѣть достаточно смѣлости, чтобы желать необходимыхъ для ея осуществленія средствъ—это вѣчная ея участь. Это инстинктивное стремленіе умѣренныхъ либераловъ соединилось въ передовой статьѣ „Петербургскихъ Вѣдомостей“ въ одно цѣлое съ воззрѣніями ученыхъ теоретиковъ этой партіи, и вышелъ не общій выводъ изъ мнѣній умѣренно-либеральной части общества, а спитый изъ разноцвѣтныхъ лоскутьевъ халатъ нищаго. Воззрѣнія ученыхъ и чувства общества были совершенно разнородны и независимы другъ отъ друга; по самой своей разнохарактерности они не поддавались общему для обоихъ заключенію. Но для людей несознательныхъ подобныхъ затрудненій не существуетъ, и общество и ученые теоретики были умѣренными либералами, слѣдовательно ихъ мнѣніе должно было заключать въ себѣ одно и то же, а такъ какъ они говорили совершенно другое, то къ нимъ и слѣдовало примѣнить тотъ пріемъ, который умѣреннымъ либерализмомъ употребляется вездѣ: у каждаго слѣдовало оторвать по кусочку, соединить вмѣстѣ и, такимъ образомъ, совершится великій актъ примиренія непримиримаго. И вотъ оказались въ одномъ мѣшкѣ и распределеніе между нами подушной подати и всѣхъ сборовъ съ государственныхъ крестьянъ, и какая-то подходящая подать, по типу своему прямо противорѣчащая первому стремленію,—подходящая подать, которой должно будетъ уплачивать проценты за предоставленіе государственнымъ крестьянамъ ихъ земель въ собственность, а отчасти погашать и капиталъ. Инстинктивное стремленіе умѣреннаго либерализма, не смотря на всю его непослѣдовательность, однакожь, все-таки глубже и лучше теоретическаго; оно несравненно глубже уже потому, что оно не искажаетъ истинную побудительную причину къ реформѣ, а прямо вытекаетъ изъ нея, чувствуя, что реформа порождена потребностью поднять нравственный уровень рабочаго населенія, и что именно поэтому она составляетъ продолженіе крестьянской реформы; оно не кидается послѣ этого, подобно теоретикамъ, въ другую сторону и не расплывается плоскодонно въ такое фанасовое учрежденіе, которое не можетъ имѣть для народа никакого нравственнаго значенія. Конечно, его стремленіе уничтожить паспортную систему не согласно съ его умѣреннымъ либерализмомъ, но все-таки освобожденіе государственныхъ крестьянъ отъ всѣхъ прямыхъ сборовъ дѣйствительно

способно приблизить къ окончательному результату стремлений. Нравственный уровень освобожденныхъ отъ всякихъ прямыхъ сборовъ государственныхъ крестьянъ долженъ будетъ непремѣнно возвыситься. Сообразно съ этимъ въ нихъ разовьются новыя чувства, обычаи и міровоззрѣнія. Такое настроеніе, явившееся у значительнаго числа разсыпаннаго и смѣшаннаго съ прочимъ, все-таки свободнымъ рабочимъ населеніемъ не можетъ не измѣнить къ лучшему отношеній между высшими классами и этимъ прочимъ населеніемъ. Подобная реформа сдѣлается дѣйствительно подготовительною ступеню къ нравственному возвышенію народа, по крайней-мѣрѣ, такою-же подготовительною ступеню, какъ и крестьянская реформа. Замѣчательно, что инстинктивная идея, которая невольно навязывалась въ этомъ случаѣ обществу, проникла въ душу не только умѣренныхъ, но и рѣзкихъ реакціонеровъ. Распредѣленіе, а не отиѣна прямыхъ сборовъ съ сельскаго населенія реакціонерамъ представлялась несправедливостью точно такъ же, какъ и всѣмъ прочимъ партіямъ. Сдѣлавъ распредѣленіе въ видѣ поразряднаго налога, конечно, такое распредѣленіе, какое только и можно ожидать отъ реакціонеровъ, т. е. регрессивное, комиссія московскаго земства, называетъ его несправедливымъ, она говоритъ, что его трудно оправдать даже и тѣмъ соображеніемъ, что крупное землевладѣніе менѣе прибыльно, чѣмъ мелкое (Бирж. Вѣд. №171). Она прямо выражаетъ мысль, которую реакціонерная партія выражаетъ всегда и при всякой реформѣ, т. е. что оно придумываетъ распредѣленіе для того, чтобы сдѣлать реформу вполнѣ недѣйствительною. Она повторяетъ стереотипныя фразы, которыя тысячу разъ при подобныхъ случаяхъ повторяли всякіе реакціонеры. Сказавъ, что ея распредѣленіе трудно было-бы оправдать вполнѣ, даже и нелишними справедливости соображеніями, она прибавляетъ, что реформа „не можетъ совершиться въ одинъ день“, что „время и опытъ дадутъ вполнѣ нужныя указанія“ и т. п. Инстинктивный выборъ, сдѣланный въ этомъ случаѣ умѣренными либералами, сдѣланъ ими потому, что онъ находился въ наибольшей гармоніи, какъ съ воззрѣніями и стремленіями правительства, такъ и съ стремленіями общества вообще. Правительство всегда смотрѣло на общественныя и государственныя земли, какъ на такое имущество, которое должно получать не спекулятивное употребленіе,

а употребленіе, способствующее общей пользѣ. Когда ему казалось, что польза общества требуетъ обращенія этихъ земель изъ государственнаго и общественнаго владѣнія въ частную собственность, тогда оно производило подобныя переходы, безъ всякаго вознагражденія со стороны новыхъ собственниковъ. То же самое впрочемъ дѣлало и великобританское правительство, превращавшее въ Индіи громаднѣйшія пространства государственныхъ земель въ частную собственность, не требуя отъ собственниковъ ни малѣйшаго вознагражденія. Такое превращеніе сдѣлано было потому, что эти земли не были пріобрѣтены покупкою или другимъ какимъ нибудь актомъ частнаго гражданскаго права, а были просто объявлены собственностью государства указомъ правительственной власти. Въ самой Англіи мильоны акровъ земли были розданы въ XIX столѣтіи въ частное владѣніе безъ всякаго вознагражденія. Въ Соединенныхъ Штатахъ Америки девять съ половиною мильоновъ акровъ земли передается изъ государственнаго въ частное владѣніе школъ точно также безъ всякаго вознагражденія. Въ настоящее время у насъ обращаются въ частную собственность безъ всякаго вознагражденія, громадныя пространства общественной земли, находившейся въ пользованіи чиновныхъ казаковъ. При такихъ воззрѣніяхъ обращеніе, безъ всякаго вознагражденія, въ собственность государственныхъ крестьянъ, государственныхъ земель, находившихся въ вѣковѣчномъ владѣніи этихъ крестьянъ, не можетъ возбудить противъ себя никакого возраженія и должно показаться всѣмъ вполне справедливымъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что правительство поступило-бы съ землями государственныхъ крестьянъ точно такъ же, какъ оно поступило съ землями чиновныхъ казаковъ, если-бы оно видѣло возможность это сдѣлать; но эти крестьяне платятъ такой значительный оброкъ, что онъ равняется суммѣ всѣхъ податей съ податныхъ сословій; отказаться отъ этого сбора государственное казначейство никакъ не могло. Взглядъ свой въ этомъ отношеніи оно показало очень ясно. На сколько только это было возможно, оно отдѣлило имущественное отношеніе къ землѣ отъ оброка и показало, что къ землѣ оно никакой претензіи не изъявляетъ, эту землю оно предоставляетъ крестьянамъ въ собственность безъ всякаго вознагражденія, оно имѣетъ претензію только къ оброку, и на этотъ оброкъ оно смотритъ не какъ на

доходъ съ земли, а какъ на особаго рода вѣковѣчную ренту; оно хотеть получить или эту ренту или капиталъ, въ сравненіи съ которымъ эта рента могла-бы представлять собою проценты. Подъ вліяніемъ такихъ воззрѣній въ 5 ст. указа отъ 24 ноября 1866 г. говорится: „Государственные крестьяне пользуются, по владѣнію землями своего надѣла, всѣми правами, предоставленными крестьянамъ собственникамъ, къ разряду коихъ они причисляются.“—Въ 4 ст. имъ прямо предоставляются права распоряженія, приличныя только собственнику: они могутъ раздѣлять общинныя земли на подворные участки, они могутъ выдѣлять участки отдѣльнымъ домохозяевамъ, они могутъ отчуждать земли какъ общинныя, такъ и подводныя и односельцамъ, и постороннимъ лицамъ, совершая на нихъ крѣпостные акты; въ §. 4 буквы д. ст. 4, говорится не только о продажѣ, но даже о дареніи. Взглядъ на оброчную подать очень ясно выражается въ ст. 13 и 14.—Въ ст. 13 говорится: „Сельскимъ обществамъ и владѣльцамъ подворныхъ участковъ, обложенныхъ государственною оброчною податью, предоставляется освобождаться отъ платежа всей или части всей подати, посредствомъ взноса въ губернское или уѣздное казначейство, государственными процентными бумагами такого капитала, проценты съ коего равнялись-бы той суммѣ оброчной подати, отъ коей общество или владѣлецъ участка желаютъ освободить свои земли“.—Опредѣленіе нельзя было выразиться: государственные крестьяне не покупаютъ свои земли взносомъ капитала, собственность на эти земли дана имъ безъ всякаго вознагражденія, они освобождаютъ себя только отъ оброка, отъ вѣчной ренты, которая на нихъ наложена.

Вотъ положеніе, вотъ воззрѣнія, но откуда-же они взялись? И общество, и правительство одинаково чувствуютъ самые коренные, самые существенные недостатки нашего современнаго быта. Всѣ знаютъ, до какой степени наша производительность незначительна и отстала, до какой степени мы бѣдны по сравненію съ нашими сосѣдями. Всѣ стараются выйти изъ этого положенія, и первымъ актомъ осуществленія этого желанія является передача орудій производства изъ тѣхъ рукъ, гдѣ они менѣе производительны, въ руки болѣе заинтересованныя дѣломъ: желѣзныя дороги передаются частнымъ компаніямъ и ихъ эксплуатація отъ этого дѣйствительно значительно усиливается, владѣльцевъ казац-

НИХЪ земель дѣлають собственниками. Всѣ единодушно чувствуютъ потребность создать классъ мелкихъ собственниковъ и обращаютъ свои взоры на государственныхъ крестьянъ. Но истинныя и чувства общества проникаютъ еще глубже. Оно стремится установить между производителями экономическое равенство, создать для нихъ равныя шансы конкуренціи, оно очень хорошо и глубоко чувствуетъ, что только тогда владѣніе орудіемъ труда будетъ заключать въ себѣ дѣйствительный стимулъ для наилучшаго его употребленія. Усовершенствованіе земледѣлія служить и всегда служило единственнымъ оправданіемъ для существованія крупной поземельной собственности, другого оправданія у ней нѣтъ и не можетъ быть. Если землевладѣлецъ, пользуясь умственнымъ развитіемъ, сумѣетъ такъ искусно прилагать къ землѣ трудъ, что онъ будетъ извлекать изъ своей земли больше продуктовъ, чѣмъ земледѣлецъ-собственникъ, если онъ станетъ производить такъ много, что, продавая свои продукты по той-же цѣнѣ, какъ земледѣлецъ-собственникъ, онъ будетъ содержать своихъ рабочихъ такъ-же хорошо, какъ содержитъ себя мелкій землевладѣлецъ, и все-таки у него будетъ оставаться чистый доходъ, то онъ человекъ полезный и такое крупное землевладѣніе должно быть удержано. Но если онъ можетъ производить съ выгодой для себя потому только, что земледѣльцы обложены оброками, и что чрезъ это искусственно возвышены цѣны на хлѣбъ, то онъ никогда не будетъ думать объ усовершенствованіи земледѣлія, у него для этого не будетъ никакого стимула; а такъ-какъ усовершенствованіе сельскаго хозяйства всего легче можетъ исходить отъ образованнаго сословія, то въ странѣ, гдѣ крупныя землевладѣльцы имѣютъ подобное положеніе, сельское хозяйство всегда будетъ стоять на низкой степени развитія и производительность земли будетъ самая ничтожная;—въ подобной странѣ всѣ бѣдны, всѣ, и высшіе, и низшіе питаются дрянными продуктами. Комиссія московскаго земскаго собранія въ § 23 своего проекта говоритъ, что поземельный налогъ долженъ быть взимаемъ съ удобныхъ земель, какъ приносящихъ, такъ и неприносящихъ владѣльцамъ доходъ. Ничто не можетъ быть полезнѣе, какъ подобный принципъ въ налогѣ съ крупныхъ землевладѣльцевъ. Крупное землевладѣніе оправдывается только тѣмъ, что производительность земли увеличивается въ рукахъ крупнаго собственника. Если это не такъ, или

если даже удобная земля дѣлается въ этихъ рукахъ вовсе бездоходною, то всякая мѣра, которая поставитъ владѣльца въ необходимость или извлекать изъ своей земли доходъ, или продать ее болѣе искусному, будетъ мѣрою въ высшей степени полезною; подать съ удобной земли, оставляемой безъ обработки, будетъ еще болѣе полезна, чѣмъ съ обработанной. Но именно поэтому комиссія жестоко ошибается, когда она говоритъ, что болѣе слабое обложеніе крупнаго землевладѣнія, въ виду меньшей доходности земель при этой формѣ собственности, не лишено справедливости. Это положеніе совершенно неправильно. Крупное землевладѣніе должно облагаться не по дѣйствительной доходности земель, но по той доходности, которую онѣ могли-бы имѣть при самой выгодной формѣ владѣнія; только тогда земли будутъ попадать въ тѣ руки, въ которыхъ онѣ наиболѣе производительны, только тогда уменьшится вредъ отъ крупнаго землевладѣнія и сельское хозяйство можетъ процвѣтать.

Вотъ другая сторона предмета, вотъ экономическія и юридическія основанія, которыя также могущественно и сильно дѣйствовали на инстинктъ справедливости въ обществѣ и убѣждали его въ необходимости вполне освободить государственныхъ крестьянъ отъ оброковъ и разложить ихъ въ видѣ подати между имущественнымъ классомъ. Никакія права собственности, никакіе шансы конкуренціи не могутъ быть поставлены на одну ногу съ великимъ двигателемъ человѣческаго развитія, съ великимъ стимуломъ дѣятельности и единственнымъ творцомъ благосостоянія — съ нравственной самостоятельностью. Достаточно, чтобы ея не было — и всѣ другія права бесплодны и почти бесполезны. Вотъ передъ вами жена: она имѣетъ самое твердое и несомнѣнное право собственности на богатое имущество, она имѣетъ личныя права; инстинктъ самосохраненія, горячая любовь къ дѣтямъ — служатъ для нея самыми сильными побудительными причинами для огражденія своего достоинства отъ расхищенія, но она воспитана и живетъ въ низкомъ по образованію кругу общества, и законъ, и общественное мнѣніе ея кружка лишаютъ ее всякой нравственной самостоятельности по отношенію къ мужу; она считаетъ его во всякое время вправѣ отомстить ей побоями за сопротивленіе и, какъ беззащитная, она со слезами отдаетъ ему все до послѣдней тряпки. Тотъ, кто поверхностно читалъ изложеніе экономическихъ

и юридическихъ причинъ для сложенія оброковъ съ государственныхъ крестьянъ, могъ-бы подумать, что эти основанія могли дѣйствовать на инстинктъ образованной части общества вообще, но не могли сдѣлаться инстинктивными двигателями для класса землевладѣльцевъ. Но стоитъ только глубже вникнуть въ дѣло, и мы увидимъ, что они оказали могучее вліяніе и на этотъ классъ нашего общества. При тѣхъ взглядахъ, въ которыхъ общественное мнѣніе воспитывается въ настоящее время, человѣку естественно придавать всякой имущественной убыли крайне-преувеличенное значеніе; эти воззрѣнія служатъ для него сильнымъ затупляющимъ началомъ. Но какъ бы ни было велико ихъ вліяніе, они все-таки не могутъ владѣть исключительно душой русскаго помѣщика; значеніе интеллектуальнаго и нравственнаго развитія слишкомъ ясно и часто напоминаетъ ему о себѣ. Онъ каждый день имѣетъ случай сравнить себя съ купцомъ, который, можетъ быть, гораздо богаче его, но стоитъ въ общественномъ мнѣніи гораздо ниже только потому, что онъ невѣжда. Помѣщикъ, сдѣлавшій правильную оцѣнку развивающимъ стимуламъ, которые заключаются въ нормальныхъ отношеніяхъ крупнаго землевладѣльца къ землѣ, тотчасъ-же становится на сторону общества. Это нормальное чувство дѣйствовало на него несознательно и инстинктивно, но дѣйствовало несомнѣнно; если его вліяніе не проявилось осязательно въ земскихъ собраніяхъ, то это произошло только отъ того, что привилегированные классы были предоставлены въ нихъ исключительно самимъ себѣ, и плоскодонные теоретики могли безпрепятственно обойти почву глубокаго, здраваго чувства и не коснуться тѣхъ струнъ, на которыхъ-бы прозвучалъ голосъ великихъ внутреннихъ инстинктовъ. Въмѣсто этого они могли занимать собраніе пустыми и жалкими разглагольствованіями съ точки зрѣнія своихъ мыльнопузырныхъ, математическихъ теорій. Если-бы въ земскихъ собраніяхъ было менѣе односторонняго сословнаго характера, то въ нихъ проявлялось бы гораздо болѣе здоровыхъ инстинктовъ. Наши землевладѣльцы слишкомъ привыкли сознать преимущества землевладѣнія, сосредоточеннаго въ рукахъ землевладѣльцевъ, въ общинномъ владѣніи или мелкой собственности;—каждый день, когда имъ приходятъ въ голову картины своего хозяйства и хозяйства своихъ сосѣдей, когда они видятъ, какъ часто они могутъ извлекать

изъ своихъ земель доходъ только чрезъ раздачу ихъ въ аренду тѣмъ-же земледѣльцамъ, они живѣе, чѣмъ кто-либо, чувствуютъ справедливость мнѣнія о преимуществахъ въ особенности общаго землевладѣнія. Въ своемъ страхѣ они стараются способствовать даже появленію мелкой собственности. При такомъ настроеніи естественно, если желаніе оправдать свои поземельныя права дѣйствуетъ въ нихъ живо, а оправдать ихъ въ общественномъ мнѣніи, установить ихъ въ этомъ мнѣніи на твердомъ основаніи возможно только посредствомъ глубоко-истиннаго и справедливаго, — и вотъ самый увѣій, эгоистическій интересъ дѣйствуетъ обратно на возбужденіе инстинкта справедливости. Помѣщику приходится въ голову полная аналогія, которая существуетъ между происхожденіемъ землевладѣнія у государственныхъ крестьянъ, у чиновниковъ войска донскаго и ихъ собственнымъ. Ихъ землевладѣніе дано было имъ за повинность служебную, точно также, какъ государственнымъ крестьянамъ за повинность оброчную. Когда настало къ тому время, съ нихъ, помѣщиковъ, повинность была снята безвозмездно, ихъ сдѣлали собственниками, не требуя отъ нихъ никакого вознагражденія; чинамъ казачьимъ даровали такую безвозмездную собственность только теперь. Повинность службы, которую они несли, была замѣнена жалованьемъ изъ государственныхъ доходовъ и, такимъ образомъ, разложена была на все общество. Теперь настало время разложить на все общество и подати: ясно, что теперь оброчная подать государственныхъ крестьянъ должна быть разложена точно такъ-же, и собственность должна достаться имъ также безвозмездно. Несмотря на всѣ поползновенія придать ей характеръ арендной платы, сознание, что она всегда была и есть повинность и подать, не утратилось и до настоящей минуты, даже и указъ 1866 года прямо называетъ ее оброчной податью, а въ качествѣ подати, она должна быть разложена въ то время, когда раскладываются всѣ подати. Стремленіе сдѣлать изъ нея аренду придало ей только смутный и неясный характеръ. Другой образъ дѣйствія могъ-бы придать безвозмездному предоставленію крупной собственности видъ пристрастія и несправедливости; нарушеніе рациональнаго и логическаго единообразія въ этомъ предоставленіи могло-бы поколебать въ общественномъ мнѣніи твердость собственности какъ правъ крупныхъ землевладѣльцевъ; стараясь неба-

виться отъ копѣчнаго увеличенія податей, они поколебали-бы великіе принципы и подточили-бы тѣ общественные взгляды, которые охранять для нихъ всего необходимѣе. Вотъ могучій стимулъ, который долженъ былъ дѣйствовать на инстинкты справедливости крупныхъ землевладѣльцевъ; онъ конечно дѣйствовалъ только неопредѣленно и бессознательно и могъ проявиться только мгновенно и необдуманно въ словахъ: „намъ придется разложить 35 миліоновъ оброчныхъ сборовъ“. Но за-то-же въ немъ было неизмѣримо болѣе глубины и здравости, чѣмъ во всѣхъ мелко-эгоистическихъ разглагольствованіяхъ, онъ глубоко и вѣрно показываетъ, что если-бы правительство разложило оброчную подать государственныхъ крестьянъ, то оно оказало-бы крупнымъ землевладѣльцамъ, можетъ быть, большую услугу, чѣмъ обществу и государственнымъ крестьянамъ. Всякій, кто сознаетъ великое значеніе нравственныхъ принциповъ справедливости, долженъ чувствовать это.

Вотъ и въ этомъ дѣлѣ, какъ вездѣ и всегда, рационалистамъ пришлось разъяснять умѣреннымъ смыслъ ихъ собственныхъ здравыхъ инстинговъ, сослѣбать съ нихъ тѣсто туманной безхарактерности и плоскодонности, въ которомъ они застряли и показать ихъ свѣтлую и великую сторону. Пусть всякій справится съ своими инстинктами, и онъ почувствуетъ въ нихъ аналогическую струну и по отношенію къ другому рода оброкамъ. Но я не буду разъяснять этого въ настоящемъ внутреннемъ обзорѣнн. Инстинкты, какъ и все живое, имѣютъ степени развитія; тутъ они еще не развились до возможности осуществленія, а говорить объ нихъ теоретически будетъ не кстати. Мы въ заключеніе скажемъ лучше нѣсколько словъ о болѣе практическомъ предметѣ.

Лишь только вы проникнетесь мыслью, что государство не есть компанія на акціяхъ, гдѣ дивиденды и обязательства распределяются между акціонерами сообразно принадлежащему имъ капиталу, что нравственное и социальное значеніе финансовыхъ мѣръ стоятъ гораздо выше дѣлежнаго — и математическіе принципы финансоваго права лишатся навсегда въ вашихъ глазахъ своей прежней обаятельной силы. Вашъ взглядъ расширится и вы невольно перенесете ваше болѣе совершенное пониманіе съ распределенія на способы взиманія податей. Какъ-бы ни-были распределены сборы: регрессивно, пропорціонально или прогрессивно,

но способъ ихъ взиманія съ различныхъ лицъ непремѣнно долженъ быть различный. Тамъ, гдѣ доходъ вытекаетъ изъ крупной поземельной собственности, изъ недвижимаго имущества, котораго обладатель можетъ вести образъ жизни обычный въ среднихъ и высшихъ слояхъ общества, тамъ прямая подать какъ нельзя болѣе встаетъ. Но уже у средняго класса прямая подать должна быть тотчасъ замѣняема косвенною, какъ скоро она падаетъ на такихъ лицъ, гдѣ взысканіе можетъ быть вынуждено только чрезвычайными мѣрами. Она будетъ еще болѣе вредною, если она падаетъ на домъ, весь занятый своимъ хозяиномъ, живущимъ въ немъ, какъ живетъ простой работникъ. Уничтоженіе общиннаго владѣнія, продажа общинныхъ земель расплодитъ батрачество, а продажа сѣмянъ и скота будетъ уничтожать сельское хозяйство; о вредномъ вліяніи взысканій посредствомъ тѣлеснаго наказанія нечего и говорить. Вотъ почему послѣ оцѣнки доходовъ высшихъ и низшихъ классовъ общества, доля высшихъ классовъ должна взыскиваться преимущественно прямыми, а съ крестьянъ и рабочаго населенія исключительно косвенными сборами. Регрессивное распредѣленіе сборовъ отвергнуто у насъ даже большинствомъ привилегированнаго класса, но если и будетъ принято пропорціональное, то справедливость требуетъ, конечно, распредѣлить такимъ образомъ всѣ, а не только часть сборовъ и взыскивать ихъ съ рабочихъ исключительно косвеннымъ путемъ.

Н. Навалихинъ.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРЕ ЖУРНАЛА

„ДЪЛО“

(въ С.-Петербургѣ, по Троицкому переулку, д. Гасее № 13).

ВЫШЕЛЪ И ПРОДАЕТСЯ ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ НОВАГО СОЧИНЕНІЯ ДАРВИНА:

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА

И

ПОЛОВОЙ ПОДБОРЪ.

Перев. съ англійскаго подъ редакціею Благосвѣтлова. Цѣна 1-му выпуску 1 р. 50 к. безъ перес.; съ перес. 1 р. 75 к.

Второй выпускъ выйдетъ къ будущему 1 сентября и съ первымъ выпускомъ составитъ полныя двѣ части англійскаго изданія или весь 1-й томъ.

Второй томъ весь войдетъ въ 3-й выпускъ нашего изданія, такъ что наше изданіе составитъ три выпуска, около 80 печ. листовъ, съ 250 рисунками, изъ которыхъ большая часть готовится въ Лондонѣ.

Желающіе подписаться на всѣ три выпуска платятъ вмѣсто 6 р. только 5 р.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Съ портретомъ автора и съ предисловіемъ: *Люди будущего*—Г. Е. Благосвѣтлова. Перев. исправленный подъ редакціею А. Н. Моригеровскаго. Въ двухъ томахъ. Болѣе 60-ти печ. лист. Цѣна безъ перес. 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Между молотомъ и наковальней. Романъ Фр. Шпильгагена. Въ трехъ частяхъ и въ одномъ компактномъ томѣ, заключающемъ около 50-ти печатн. листовъ. Цѣна безъ перес. 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Комедія всемірной исторіи. Юг. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣм. Вып. первый и второй. Цѣна обоимъ выпускамъ 3 р. безъ перес.; съ перес. 3 р. 50 к. Отдѣльно первый выпускъ продается за 2 р. безъ перес. Съ перес. 2 р. 25 к.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохранения здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. *Карла Реклама*. Изданіе второе. Съ приложеніемъ *Дѣтской гигиены* д-ра *М. С. Зеленскаго* и вступительной ст. *В. О. Португалова*: „Безпрѣдѣльность гигиены“. Съ рисунками. Ц. 2 руб.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологіи. *Томаса Гексли*. Изданіе второе. Перев. съ англійскаго подъ редакцію *И. А. Петрова*; съ предисловіемъ *Д. И. Писарева*. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ пересылки 1 р.; съ перес. 1 р. 20 к.

О подчиненіи женщины. Соч. *Дж. Ст. Милля*. Перев. съ англійскаго подъ редакцію *Г. Е. Благосвѣтлова*. Изд. 2-е. Ц. 1 р. безъ перес. Съ перес. 1 р. 20 к.

Исторія Крестьянской войны въ Германіи. Д-ра *В. Циммермана*, составл. по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Ц. тремъ выпускамъ безъ перес. 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Сочиненія *Ө. М. Толстаго*. Съ предисловіемъ *Д. И. Писарева*. Ц. двумъ томамъ 1 р. 50 к. безъ перес.; съ перес. 1 р. 80 к.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“ и книгопродавцамъ дѣляется уступка 20% съ вышеозначенныхъ цѣнъ.

1-го сентября нынѣшняго года

ОТКРОЕТСЯ

ПЕРВОРАЗРЯДНОЕ ЖЕНСКОЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

Н. И. ЗАХАРОВОЙ.

по ФОНТАНКѢ, БЛИЗЪ СИМЕОНОВСКАГО МОСТА, ВЪ ДОМѢ БЕЗОБРАЗОВА, № 24.

По объему преподаванія, это заведеніе будетъ соотвѣтствовать мужской реальной гимназій.

Классовъ въ немъ будетъ восемь: одинъ приготовительный и семь общихъ.

Предметы преподаванія слѣдующіе:

ЗАКОНЪ БОЖІЙ.—Исторія ветхаго и новаго завѣта.—Катехизисъ.—Исторія церкви.—Богослуженіе.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.—Русская и славянская грамматика.—Теорія и исторія словесности.

МАТЕМАТИКА.—Ариѳметика.—Геометрія.—Алгебра.—Тригонометрія.

ОПИСАТЕЛЬНЫЯ ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.—Ботаника.—Зоологія.—Минералогія.—Анатомія и физиологія растений и животныхъ.

ФРАНЦУЗСКІЙ, НѢМЕЦКІЙ И АНГЛІЙСКІЙ ЯЗЫКИ.—Практическое и теоретическое изученіе этихъ языковъ.—Знакомство съ лучшими образцами словесности въ оригиналахъ и съ исторіей литературы.

ГЕОГРАФІЯ.—Топографическое, физическое, этнографическое и политическое обзорѣніе пяти частей свѣта.—Подробное знакомство съ географіей Россіи и Европы.—Черченіе картъ на-память.

ФИЗИКА И ХИМИЯ — (Въ объемъ курса реальныхъ гимназій).

ФИЗИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ И КОСМОГРАФІЯ—(Въ объемъ курса реальныхъ гимназій).

ИСТОРИЯ.—Всеобщая и русская, съ древнѣйшихъ и до новѣйшихъ временъ.

СКОРОПИСЬ И СТЕНОГРАФІЯ.

ХОРОВОЕ ПѢНІЕ И ТЕОРІЯ МУЗЫКИ.

ГИМНАСТИКА — (Гигіенически-образовательная).

РУЧНЫЯ РАБОТЫ.—Лѣпка, картонажъ, шитье и кройка и проч.

Примѣчаніе. Музыка и латинскій языкъ, для желающихъ, за особую плату.

Въ первый годъ открываются два младшіе класса.

Годовая плата: 1) за проходящихъ:

а) въ приготовительномъ классѣ 100 руб.

б) въ прочихъ классахъ 150 руб.

2) за пансіонеровъ:

а) уѣзжающихъ на лѣто домой 400 руб.

б) остающихся лѣтомъ въ заведеніи 500 руб.

Желающіе могутъ посѣщать преподаваніе только нѣкоторыхъ отдѣльныхъ предметовъ курса.

Дѣти моложе 9-ти лѣтъ въ заведеніе не принимаются.

О времени пріемныхъ экзаменовъ будетъ объявлено въ газетахъ.

Содержательницу заведенія можно видѣть, до 1-го августа, по средамъ, въ городѣ, по Владимірской улицѣ, въ д. Вебера, № 8, кв. № 16, отъ 12 до 4 час. пополудни; въ другіе дни — на дачѣ: между Мартышкинымъ и Ораніенбаумомъ, на дачѣ, бывшей Яковлева, въ кв. Марышевыхъ; съ 1-го августа—въ помѣщеніи заведенія.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(въ С. Петербургѣ, по Троицкому переулку, д. Гасова, № 13)

ВЫШЕЛЪ И ПРОДАЕТСЯ ПЕРВЫЙ ВЫПУСКЪ НОВАГО СОЧИНЕНІЯ ДАРВИНА:

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА

И

половой подборъ.

Перев. съ англійскаго подъ редакцію Благосвѣтлова. Цѣна 1-му выпуску 1 р. 50 к. безъ перес.; съ перес. 1 р. 75 к.

Второй выпускъ выйдетъ къ будущему 1 сентября и съ первымъ составитъ полныя двѣ части англійскаго изданія или весь 1-й томъ.

Второй томъ весь войдетъ въ 3-й выпускъ нашего изданія, такъ что наше изданіе составитъ три выпуска, около 80 печ. листовъ, съ 250 рисунками, изъ которыхъ большая часть приготавливается въ Лондонѣ.

Желающіе подписаться на всѣ три выпуска платятъ вмѣсто 6 р. только 5 р.

ТАМЪ-ЖЕ ВЫШЛО И ПРОДАЕТСЯ ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ
РОМАНА

Фр. ШПИЛЬГАГЕНА

ОДИНЪ ВЪ ПОЛѢ — НЕ ВОИНЪ.

Съ портретомъ автора и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова.
Въ двухъ томахъ. Ц. безъ перес. 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

При этой книжкѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала «Дѣло» въ 1871 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала «Дѣло»; 3) объ открытіи перворазряднаго женскаго учебнаго заведенія Н. И. Захаровой.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Л О“

въ 1871 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной
конторѣ редакціи, въ Троицкомъ переулкѣ,
домъ Гассе, № 13, и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ для про-
городныхъ, на Певскомъ проспектѣ,
противъ Думы, № 36.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Со-
ловьева, бывш. Бабунова, на Смет-
номъ бульварѣ, въ д. Алексѣевѣ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

На годъ:

Безъ пересылки и доставки 14 р.
Съ пересылкою погородн. 15 » 50 к.
Съ доставкою въ Петербургѣ 15 »

На полгода:

Безъ пересылки и доставки 7 р. 50 к.
Съ пересылкою 8 » 50 »
Съ доставкой въ Петербургѣ 8 » 25 »

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія — 18 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества—
19 р.; Франція и Данія — 20 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція
и Греція — 21 р.; Швейцарія — 22 р.; Италія — 23 рубля.

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за
поручительствомъ и. казначеевъ.

Редакторъ Н. Шульгинъ.

**This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.**

**A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.**

Please return promptly.

Widener Library

3 2044 079 301 800

